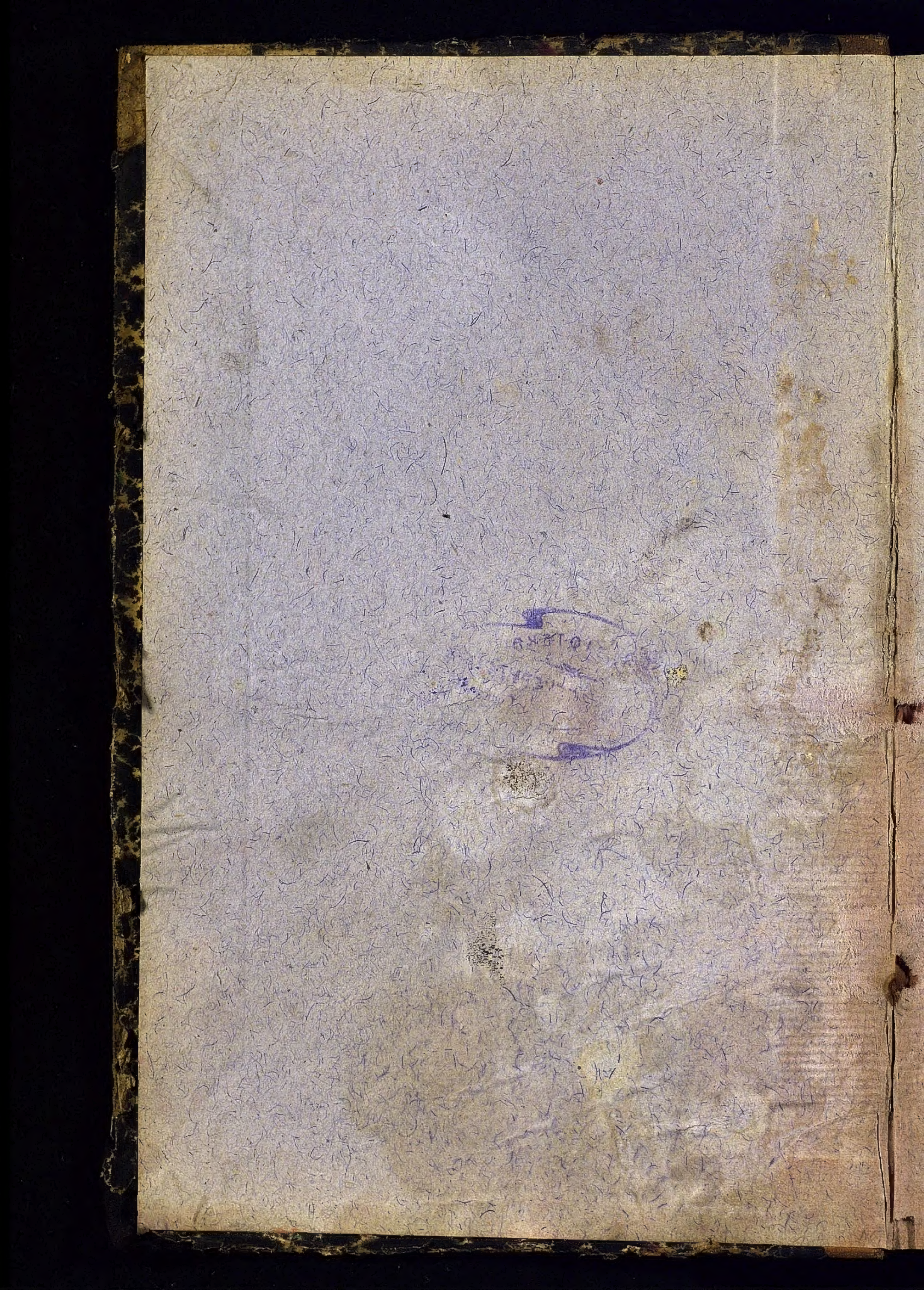
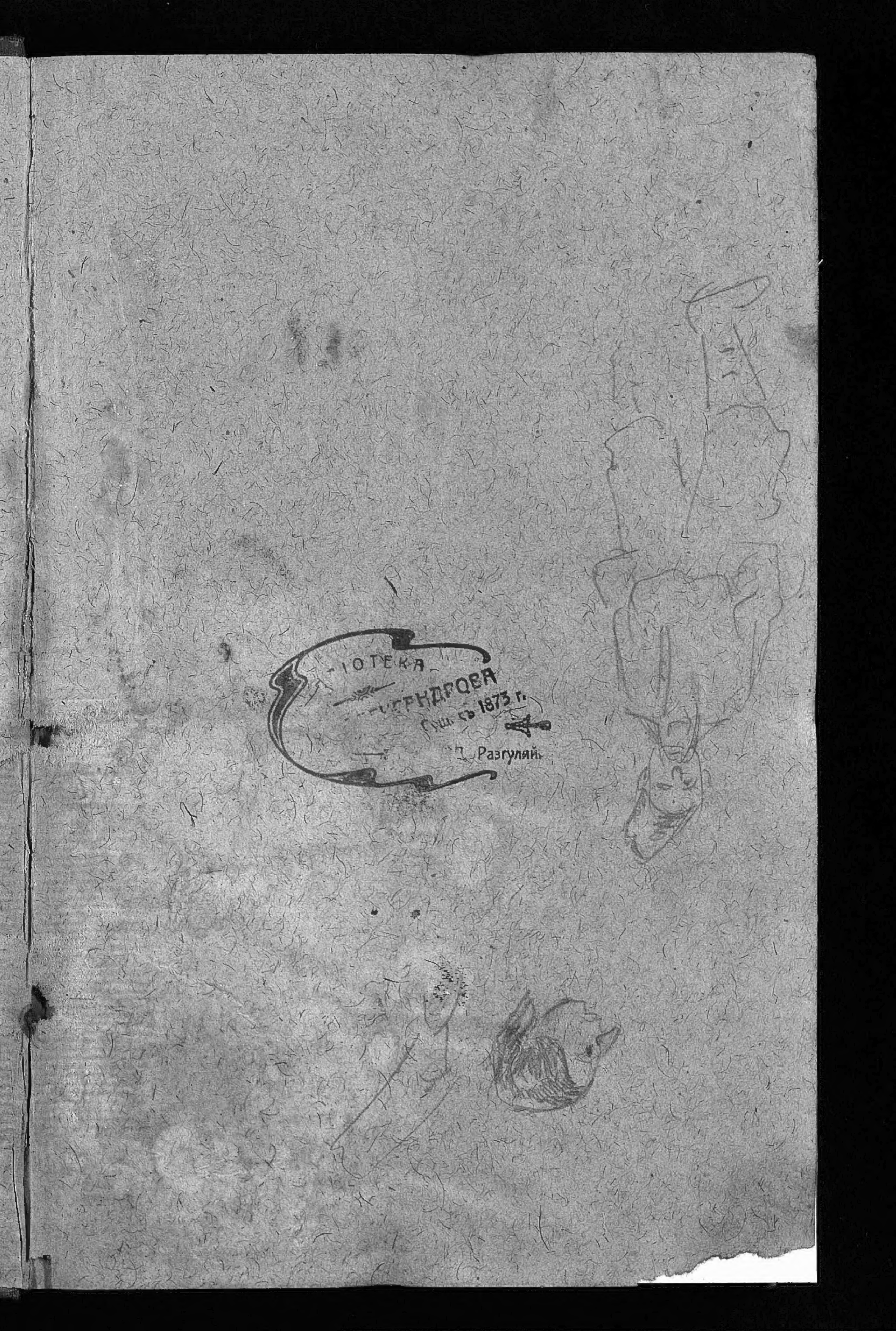

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. МАРТЪ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портретъ: Евгеній Богарне. Рисунки: Савинъ монастырь и 4 рис. къ статьѣ „Памяти Николая Михайловича Пржевальскаго". П. Козлова.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1914 года.

Библіографическій листокъ.

А. Стилле. Карлъ XII какъ стратегъ и тактикъ въ 1707—1709 г.г. Переводъ со шведскаго А. Полторацкаго. Съ предисловіемъ проф. С. Платонова.

Знакомство наше съ личностью Карла XII въ эпоху великой сѣверной войны крайне несовершенно и одностороннее. Оно основывалось главнымъ образомъ на пристрастныхъ запискахъ Юленкрука и Левенгаупта, главнаго виновника проигранной шведами войны. Конечно Левенгауптъ писалъ съ цѣлью оправдать себя, а Карлъ XII не написалъ ни одной строки въ свое оправданіе и лишь въ одномъ письмѣ къ своей сестрѣ Ульрикѣ Элеонорѣ онъ рѣзко отзывается о Левенгауптѣ, виновникѣ сдачи у Переволочны. Теперь же съ появленіемъ труда Артура Стиле, использовавшаго тщательно работы Карльсона, Галендорфа, дневникѣ Кохена, секретаря Карла XII, письма Сильтмана, военнаго агента при шведской главной квартирѣ (найденныя въ государ. архивѣ въ Дрезденѣ) и депеши бальи Джюстиніани въ Константинополѣ (госуд. арх. Венеціи) удалось возстановить настоящую оцѣнку личности Карла, какъ полководца, рѣзко осужденнаго Вольтеромъ и Лееромъ.

По словамъ профессора Платонова Стилле признаетъ „за Карломъ столь же крупный военный талантъ, какъ и за его соперникомъ царемъ Петромъ", и „причины неудачи Карла изслѣдователь ищетъ не въ недостаткахъ полководца, а въ реальной обстановкѣ похода".

Въ русскомъ изданіи А. Полторацкаго трудъ Стилле представляетъ не переводъ, а художественно исполненное извлеченіе, отъ котораго во время чтенія не хочешь оторваться.

Вирши праздничныя и обличительныя на аріанъ конца XVI—XVII вѣка. Сообщеніе С. А. Щегловой. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1913.

Г-жа Щеглова издала и подвергла разностороннему обслѣдованію одинъ изъ старѣйшихъ (быть можетъ даже самый старый) сборниковъ виршей, сохранившійся въ библіотекѣ Кіевскаго Михайловскаго монастыря. Онѣ исправлены главнымъ образомъ противъ антитринитаріанскаго ученія, и въ нихъ „выставляются истинныя положенія православной церкви; такъ, мы здѣсь встрѣчаемъ защиту троичности Бога, божественности и вѣчности Іисуса Христа, догмата искупленія, божественности Духа Святого; кромѣ догматовъ, авторъ защищаетъ и другія постановленія православной церкви, которыя отвергали антитринитары, какъ первородный грѣхъ, спасительность вѣры, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ, креста, таинства крещенія и причащенія". Время созданія виршей—конецъ XVI вѣка; авторъ былъ, вѣроятно, образованный духовный изъ школы князя Острожскаго.

„Исторія 104 пѣхотнаго Устюжскаго генерала князя Багратіона полка. Томъ I. 1785—1796 г.г. Составилъ по документамъ Архива Главнаго Штаба и Московскаго его отдѣленія полковникъ Н. П. Поликарповъ. Вильна. Типо-литографія штаба Виленскаго военнаго округа".

Книга состоитъ изъ 312 страницъ текста (нумерованныхъ), 35 листовъ приложеній (нумерованныхъ), въ томъ числѣ 1 листъ автографовъ, 11 листовъ формъ обмундированія, 3 листа портретовъ и 10 картъ. Книга напечатана пріятнымъ для глаза шрифтомъ, и вообще внѣшній видъ ея вполнѣ удовлетворяетъ. Исторія написана старымъ багратіоновцемъ и любителемъ военной исторіи, который поставленъ къ тому же въ наиболѣе удобныя для военнаго историографа условія, какъ управляющій драгоцѣннѣйшимъ хранилищемъ документовъ самой сѣдой русской военной старины,—Лефортовскимъ Архивомъ. Эта выгодная позиція вполнѣ использована полковникомъ Поликарповымъ: онъ ввелъ въ свой трудъ, въ качествѣ вступленія, исторію появленія на Руси предковъ полка „Лифляндскихъ егерей" и егерей вообще. Авторъ пишетъ, что еще у грековъ и римлянъ существовала легкая пѣхота, прототипъ егерей, и что идея примѣненія на Руси легкой пѣхоты зародилась впервые въ геніальномъ умѣ Великаго Преобразователя Петра I. Въ приложеніи 5 (къ

Вице-Король Италіанскій
Евгеній БОГАРНЕ.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „**Русская Старина**" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **С. Е. О.** — „Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взятіи Парижа". „Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны". **П. А. Зотова.**—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.". Записки **Н. В. Исакова.**—„Военныя дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія. **Е. С. Шумигорскаго.** — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I". „Смольный монастырь". „О запискахъ Екатерины II". **А. З. Попельницкаго.**—„Спеціальная цензура книгъ". **П. К. Козлова.**—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ". **А. М. Колонтай.**—„Записки генерала М. А. Домонтовича" **П. Л. Юдина.**—„Посольство Марины къ шаху Аббасу". „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ". **А. С. Панкратова.** — „Старообрядцы и Наполеонъ I". **В. А. Андерсона.** — „Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг." **Н. К. Полеваго.**—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г." (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). **Сообщ. Е. С. Шумигорскій.** — „Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года". „Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина". „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I". **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **С. Н. Брайловскаго.**—„Александръ Ѳеодоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ". **А. С. Лацинскаго.**—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году". **В. А. Арсеньева.**—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову". Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. **П. А. Висковатова.** „Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу". **И. В. Мѣщанинова.** — „Два письма Аракчеева". **И. П. Мордвинова.**—„Гибель крамольнаго рудомета". „Демократъ двадцатыхъ годовъ". „Непризнанный геній". **Ф. П. Уловича.**—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій". **Н. А. Мурзанова.**—„Къ біографіи декабристовъ: (кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина". **В. Дометти.**—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ". **Н. П. Хитрово.**—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году". **М. В. Безобразовой.**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **В. А. Степанова.**—„Таинственный преступникъ". **А. М. Самбурскаго.**—„Очерки изъ семейной жизни". **Владиславлева.** — „Подонки родины". **С. В. Танѣева.**—„Курьезы старой Москвы". **З. А. Слезкинской.**—„Неудачная опека". **С. С. Чеха.**—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты". **М. В. Станиславскаго.**— „Э. Ф. Направникъ". **С. Н. Введенскаго.**—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ". „Демонскіе лики въ Рязани". **Т. М. Оленникова.** — „Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи". **Е. С. М.**—„Депутатъ отъ Россіи". **Н. Ф. Мельницкаго.**—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну". **Д. М. Лаврова.** — „Углицкій ссыльный колоколъ". **Н. И. Морозова.**—„Люди и нравы за полвѣка". **Б. В. Каховскаго.**—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г." **Е. К. Андріяшевой.**—„Воспоминанія стараго педагога". Воспоминанія **Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др.

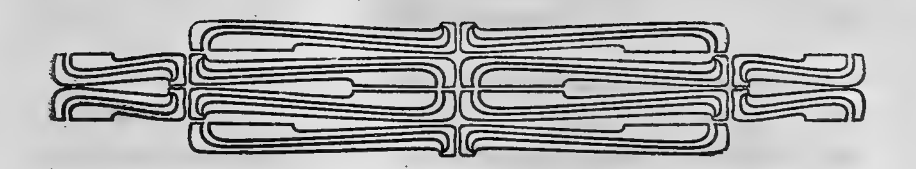
По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа **Н. П. Игнатьева** о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Семейное преданіе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ лѣта отъ Рождества Христова 1651 „Тишайшій" Царь Алексѣй Михайловичъ находился въ ежегодномъ „Звенигородскомъ походѣ", т.-е., по просту говоря, охотился со своими приближенными въ окрестностяхъ Звенигорода и возвышающагося на холмѣ надъ нимъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Въ одно прекрасное, весеннее, утро Царь отправился пѣшкомъ одинъ гулять въ лѣсъ; вдругъ видитъ—навстрѣчу ему идетъ громадный медвѣдь. Не робокъ былъ Царь и хватился за оружіе—анъ оружія нѣтъ. Обомлѣлъ тутъ „Тишайшій": тропинка узкая, кусты густые, сойти въ сторону некуда, а звѣрь идетъ прямо на него... оставалось благочестивому Царю лишь одно: сотворивъ молитву, предаться волѣ Божіей. Перекрестился онъ; вдругъ, глядь, рядомъ съ нимъ появился инокъ, всталъ передъ нимъ, а медвѣдь, увидя его, повернулъ обратно и скрылся въ густой чащѣ лѣса.

Снялъ Царь шапку, сотворилъ крестное знаменіе, мысленно возблагодаривъ Господа за спасеніе свое отъ опасности, и спросилъ потомъ инока, какъ его звать и откуда онъ пришелъ? „Зовутъ меня Саввой, отвѣчалъ инокъ, а монастырь тутъ рядомъ". Пошли тогда Царь съ инокомъ къ монастырю, только, по дорогѣ инокъ, незамѣтно для Государя, вдругъ исчезъ.

Придя въ монастырь, Алексѣй Михайловичъ сталъ спрашивать, гдѣ инокъ ихъ, по имени Савва? Но оказалось, что инока съ такимъ именемъ нѣтъ во всемъ монастырѣ. Приказалъ Государь позвать всю братію... но и среди нея не было царскаго спасителя. Задумался тогда Царь... и пошелъ въ храмъ Божій отслужить благодарственный молебенъ Господу за избавленіе свое отъ опасности. Входитъ въ церковь и видитъ среди иконъ

на иконостасѣ изображеніе спасшаго его инока: „Чей это образъ“? спросилъ Царь—„Св. Саввы, покровителя обители нашей“, отвѣчали иноки. Понялъ тогда Государь, *кто* былъ его чудесный спаситель, и съ тѣхъ поръ всегда—особенно благодѣтельствовалъ и покровительствовалъ Звенигородскому Саввину-Сторожевскому монастырю.

Такъ разсказываетъ старинное монастырское преданіе, поэтически разсказанное Меемъ въ звучныхъ стихахъ [1]).

Прошло съ тѣхъ поръ 160 лѣтъ. Настала тяжелая для Россіи година нашествія дванадесяти языковъ, началась „Отечественная война“. Прогремѣлъ Бородинскій бой, запылала Москва, потянулись во всѣ концы матушки Россіи обозы спасавшихся отъ француза жителей Бѣлокаменной.

31 августа 1812 года къ высокимъ, усиленнымъ башнями, зубчатымъ стѣнамъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, расположеннаго на высокомъ берегу Москвы-рѣки, послѣ небольшой перестрѣлки съ казаками, подошелъ отрядъ непріятельскихъ войскъ: то былъ авангардъ 4-го корпуса „великой арміи“, состоявшаго подъ начальствомъ вице-короля Итальянскаго, принца Евгенія Богарне, пасынка и пріемнаго сына Наполеона.

Послѣ Бородинскаго сраженія, 4-й корпусъ, простоявъ 28 и 29 августа въ Рузѣ, которую авангардъ его и мародеры, встрѣтивъ сопротивленіе жителей, жестоко разграбили, выступилъ оттуда 30-го, слѣдуя къ Звенигороду по большой дорогѣ вдоль лѣваго берега рѣки Москвы, продолжая, какъ и до Бородина, составлять лѣвую изъ трехъ колоннъ „великой арміи“.

Отъ Рузы до Звенигорода болѣе 40 верстъ разстоянія; слѣдовательно, штабъ корпуса съ принцемъ Евгеніемъ, двигаясь не спѣша, прошли этотъ путь, въ два перехода, и между Рузою и Звенигородомъ вице-король несомнѣнно долженъ былъ имѣть гдѣ-нибудь ночлегъ; гдѣ *точно*—къ сожалѣнію, намъ установить не удалось.

Мы знаемъ только, что 29 августа онъ еще былъ въ Рузѣ, гдѣ была дневка, и оттуда сохранились письма къ его женѣ, а 31-го онъ ночевалъ въ Саввиномъ монастырѣ; слѣдовательно, ночь съ 30 на 31-е августа онъ провелъ гдѣ-нибудь между этими двумя пунктами, и, вѣроятно, на бивакѣ. Преданіе, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ, что все послѣдующее случилось „въ палаткѣ“.

---

[1]) Баллада эта приведена въ роскошномъ трудѣ Кутепова „Царская охота на Руси“.

Занимаясь вечеромъ въ ней, гласитъ оно, принцъ вдругъ видитъ, какъ приподнимается пологъ палаточной двери и входитъ почтенный на видъ старецъ въ монашеской одеждѣ, съ длинной сѣдой, какъ лунь, бородой. На вопросъ удивленнаго принца, что ему нужно, старецъ отвѣтилъ: „Прими мѣры, чтобы охранять мой монастырь отъ разграбленія, и тогда ты будешь однимъ изъ немногихъ, которые возвратятся на родину свою здравыми и невредимыми, *а потомки твои будутъ служить въ Россіи*“. Сказавъ это, старецъ исчезъ.

Опомнившись отъ удивленія, принцъ сталъ протирать себѣ глаза, думая, что заснулъ, и все это было сномъ; потомъ вышелъ изъ палатки и строго спросилъ часового, стоявшаго у дверей его, почему онъ впускаетъ безъ доклада постороннихъ лицъ? Солдатъ безсмысленно глядѣлъ на своего начальника и отвѣтилъ, что онъ никого не пропускалъ, да никто и не подходилъ къ палаткѣ, и даже угроза посадить его подъ арестъ, если онъ не сознается и не скажетъ правды, не могла заставить его измѣнить свое показаніе. Задумался тогда принцъ, и рѣшивъ, что все это сонъ и никому не сказавъ о причинѣ своего гнѣва на часового, пошелъ въ свою палатку и крѣпко, мирно заснулъ.

На утро слѣдующаго дня авангардъ корпуса, съ адъютантомъ принца—Лабомомъ (Labaume) во главѣ, подступилъ къ Сторожевскому монастырю и, войдя въ него, засталъ тамъ, кромѣ инока, открывшаго ворота, еще только 4 старцевъ, молившихся въ церкви у раки святителя и почившихъ настоятелей монастыря. На требованіе незванныхъ гостей открыть свои тайники и дать продовольствіе, старцы отвѣчали, что сами они бѣдны, ѣдятъ такую пищу, которую и солдаты французскіе, вѣроятно, отказались бы получать, сокровищъ у нихъ никакихъ нѣтъ, кромѣ ихъ церкви и гробницы ихъ святыхъ, и молили оставить имъ эти святыни, что и было имъ обѣщано. Въ это время прибылъ и самъ принцъ Евгеній со своимъ штабомъ. (Labaume, Campagne de Russie. Livre V, page 156)[1]).

Войдя въ церковь (или по другому варіанту, идя къ ней по коридору), принцъ остановился, пораженный, передъ изображеніемъ старца съ длинной бѣлой бородой, въ которомъ узналъ своего ночного посѣтителя! На вопросъ его, черезъ

[1]) Преданіе, къ сожалѣнію, не говоритъ, на какомъ языкѣ объяснялись принцъ и старецъ, но извѣстно вѣдь, что и во снѣ мы никогда не отдаемъ себѣ отчета, какія были сказаны слова, хотя смыслъ ихъ намъ всегда остается вполнѣ памятнымъ и понятнымъ.

переводчика: „чей это портретъ", старцы отвѣтили, что это—образъ и изображеніе покровителя монастыря св. Саввы, бывшаго нѣкогда инокомъ ихъ обители.

Удивился тогда принцъ, и вспомнивъ вѣщія слова, тотчасъ же велѣлъ приставить къ воротамъ монастырскимъ часовыхъ и никого, кромѣ чиновъ штаба, туда не пускать, и принять строгія мѣры для наблюденія за тѣмъ, чтобъ не было никакого грабежа, обидъ и утѣсненій обители.

А на слѣдующее утро, привѣтливо простившись съ монахами и оставивъ караулъ для охраны ихъ монастыря, онъ двинулся въ дальнѣйшій путь къ Бѣлокаменной. И, пока, вѣроятно, эта мѣстность входила въ районъ его корпуса, караулъ оставался тамъ и охранялъ монастырь. Такимъ образомъ, пожеланіе ночного посѣтителя было исполнено. Такъ говоритъ преданіе.

А вотъ, что добавляетъ въ лицѣ Лабома исторія. Одинъ изъ схимниковъ, оказавшійся живущимъ въ убогой землянкѣ, ободренный любезнымъ обращеніемъ Лабома, сознался ему, что говоритъ по-французски и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. При этомъ, спрошенный посѣтителемъ схимникъ сказалъ слѣдующее:

„Французы въ громадныхъ силахъ пришли въ русскія владѣнія, пришли раззорять нашу родину и уже подошли къ святому нашему городу, сердцу государства и источнику нашего благосостоянія; но они не знаютъ нашего характера и думаютъ, что мы склонимъ шею подъ ярмо и что, поставленные въ необходимость выбирать между нашими домами и нашей свободой, мы, какъ уже другіе народы, предпочтемъ влачить оковы, отказавшись отъ нашей народной гордости, составляющей силу всякаго народа. Но нѣтъ, Наполеонъ ошибается: мы слишкомъ просвѣщенны, чтобы ненавидѣть его тиранство, и не достаточно развращены, чтобы предпочесть рабство свободѣ. Напрасно онъ надѣется понудить насъ силою своихъ несмѣтныхъ армій заключить миръ; и тутъ онъ ошибается: народъ нашъ кочевой, и сильные царства нашего, имѣя возможность переселять цѣлыя народности, прикажутъ своимъ крестьянамъ бѣжать въ пустыни и дебри, чтобы избѣжать нашествія и даже, если нужно, уничтожать города и села, скорѣе, чѣмъ отдать ихъ истинному варвару, власть котораго намъ ненавистнѣе самой смерти.

„Мы знаемъ также, продолжалъ онъ, что Наполеонъ очень сильно разсчитываетъ на прежнія препирательства между мо-

нархомъ и дворянствомъ; но любовь къ родинѣ заглушаетъ всѣ прежнія несогласія: онъ еще надѣется вооружить народъ противъ дворянъ: тщетныя старанія! Народъ, по вѣрѣ своей, долженъ подчиняться господамъ своимъ и не повѣритъ обманчивымъ обѣщаніямъ того, кто жжетъ его избы, убиваетъ дѣтей, опустошаетъ нивы и оскверняетъ храмы; впрочемъ, не вся ли Европа имѣетъ передъ глазами разительные примѣры его хитрости? Испанія повѣрила въ искренность его союза, и теперь она—одно громадное кладбище! Короновавшій его первосвященникъ, посадившій скромнаго гражданина на первый въ мірѣ тронъ, получилъ ли что въ благодарность за этотъ вѣнецъ? Суровый плѣнъ! А ваша родина, которая намъ, иностранцамъ, кажется забывшей породу Св. Людовика, какую награду получила она за свою покорность? Лишь постоянные новые налоги для оплачиванія царедворцевъ, или для удовлетворенія роскоши семейства, жаднаго на удовольствія. Сверхъ того, у Васъ безчисленныя изгнанія, тайныя казни, даже сама мысль ваша окована; цѣлыя поколѣнія людей поглощены войной, и матерямъ вашимъ, остается, наконецъ, только проклинать свою плодовитость. Вотъ сказалъ мнѣ этотъ почтенный старецъ, положеніе, въ которое поставилъ васъ тиранъ; тиранъ тѣмъ болѣе пустой и противный, что, родившись въ темной средѣ, имѣя едва-ли одного слугу, онъ нынѣ желаетъ покорить подъ свои ноги весь міръ, желаетъ даже королей заставлять ожидать въ своей передней. Ахъ! если бы я не боялся оскорбить величіе нашего монарха, котораго мы любимъ, какъ и онъ насъ, я бы провелъ параллель между вашимъ императоромъ и нашимъ... но такое сравненіе показало бы лишь разительную противоположность и значило бы противополагать преступленіе добродѣтели".

Затѣмъ схимникъ разсказалъ французу про пребываніе Императора Александра Павловича въ Москвѣ, про энтузіазмъ, проявленный дворянствомъ на его призывъ къ защитѣ родины, про письмо митрополита Платона и про священную хоругвь Св. Сергія Радонежскаго, подаренную имъ арміи (ополченію) и проч. Все это глубоко поразило Лабома, и онъ „проникся уваженіемъ къ націи, проявляющей въ несчастіи столько величія, и самъ себѣ говорилъ: непобѣдимъ тотъ народъ, который, оставаясь твердымъ въ своей нравственности, не падаетъ духомъ при видѣ опасности, и въ сохраненіи своей вѣры и обычаевъ видитъ собственное свое спасеніе".

„На слѣдующее утро, очень рано, мы покинули этотъ монастырь. Удаляясь, я оглянулся назадъ и увидѣлъ, какъ первые

лучи восходящаго солнца освѣтили верхушки этихъ высокихъ стѣнъ, долженствовавшихъ ограждать миръ и тишину, и которыя вмѣсто этого, послѣ отъѣзда нашего, подверглись ужасному грабежу [1]).

Такъ совпадаютъ въ этомъ случаѣ преданіе и исторія въ отношеніи наружныхъ фактовъ. Остальное извѣстно: принцъ Евгеній, дѣйствительно, одинъ изъ немногихъ благополучно возвратился во Францію изъ гибельнаго похода, перенеся всѣ ужасы отступленія, и первая часть предсказанія таинственнаго старца, такимъ образомъ, оправдалась.

Что касается второй части, то, казалось бы, по обстоятельствамъ того времени и при тогдашней политической обстановкѣ, она имѣла весьма мало шансовъ оправдаться. Но случилось иначе.

Послѣ отреченія Наполеона въ Фонтенбло въ мартѣ 1814 года, принцъ Евгеній, сдавъ, на основаніи мирнаго договора съ союзниками, Италію австрійцамъ, прибылъ, уже какъ частное лицо, въ Парижъ и Малмезонъ, и здѣсь, у изголовія смертельно заболѣвшей матери своей, впервые встрѣтился съ Императоромъ Александромъ I-мъ, которому очень понравился.

Ихъ притягивали другъ къ другу взаимныя симпатіи и онѣ еще болѣе усилились во время Вѣнскаго конгресса, на которомъ Александръ Павловичъ не только поддерживалъ интересы принца и его семейства передъ нерасположеннымъ къ нимъ конгрессомъ, но и тѣсно съ нимъ подружился: ежедневно можно было видѣть обоихъ друзей гуляющими пѣшкомъ въ статскомъ платьѣ по улицамъ Вѣны, или катающимися верхомъ въ Пратерѣ и проч. Благодаря дружбѣ Александра, судьба принца Евгенія на конгрессѣ устроилась, и онъ получилъ признаніе права на какое-нибудь княжество, въ возмѣщеніе потерянной для него Италіи. Тогда его тесть, король Баварскій, предложилъ ему во владѣніе, за предоставленную ему конгрессомъ сумму, княжество Эйхштедтское въ Баваріи, съ титуломъ „герцога Лейхтенбергскаго“ и прочими прерогативами.

Герцогъ Евгеній Лейхтенбергскій, поселившись въ Баваріи, не вмѣшивался болѣе въ политику, и только при проѣздахъ Императора Александра I-го черезъ Германію иногда видался съ нимъ. Въ 1823 году принцъ всѣми оплакиваемый скончался въ Мюнхенѣ, и его царственный другъ прислалъ вдовѣ

[1]) Labaume, page 170.

Саввинъ, сторожевскій, монастырь. (Рисунокъ Адама, сдѣланъ съ натуры въ день пребыванія въ монастырѣ вице-короля Итальянскаго, Принца Евгенія Богарне.

его прочувствованное письмо, весьма лестное для памяти покойнаго.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ, можетъ-быть, придется выяснить отношенія между Александромъ и Евгеніемъ, а теперь остается сказать слѣдующее:

Старшій сынъ послѣдняго, герцогъ Августъ Лейхтенбергскій, пробывъ 5 мѣсяцевъ въ супружествѣ съ королевой португальской донной Маріей да-Глорія, скоропостижно скончался отъ крупозной ангины, и единственнымъ представителемъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ оказался его братъ герцогъ Максимиліанъ [1]).

Этотъ-то герцогъ Максимиліанъ, вступивъ въ бракъ съ дочерью Императора Николая Павловича, великой княжной Маріей Николаевной, по желанію своего царственнаго тестя переселился въ Россію, будучи причисленъ къ Императорскому Россійскому дому. Послѣ кончины герцога Максимиліана княжество Эйхштедтское, по желанію Николая Павловича, было продано баварскому правительству и внуки принца Евгенія стали чисто русскими, будучи всѣ уже православными. Такъ исполнилось вѣщее пророчество Св. Саввы.

Я не знаю, не помню, отъ кого я впервые въ дѣтствѣ слыхалъ это преданіе, но знаю, что и у другихъ членовъ семьи нашей оно сохранилось, въ общихъ чертахъ, именно, въ приведенной выше формѣ. Говорятъ, оно до настоящаго времени сохранилось и въ преданіяхъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Страннымъ можетъ показаться лишь то, что ни самъ принцъ Евгеній въ своихъ письмахъ, ни лица его свиты въ своихъ воспоминаніяхъ не упоминаютъ объ этомъ эпизодѣ, о которомъ говоритъ, кажется, только одинъ французъ, баронъ де-Бай въ одномъ изъ своихъ современныхъ намъ сочиненій.

Не нашелъ я ни слова объ этомъ и въ большой перепискѣ жены принца Евгенія принцессы Августы-Амаліи, женщины въ высокой степени вѣрующей, и которая, какъ таковая, надо думать, не преминула бы записать такой странный случай, развѣ, что, будучи ревностной католичкой, находила неумѣстнымъ вспоминать о *православномъ* святомъ.

Самъ принцъ Евгеній, какъ большинство французовъ вре-

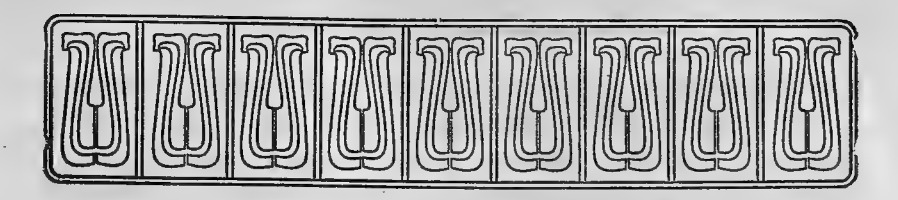
---

[1]) У нихъ было еще 4 сестры.

менъ революціи и первой Имперіи, едва-ли былъ глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ. Молчаніе его остается, слѣдовательно, объяснить тѣмъ, что повѣрить видѣнію ему было слишкомъ трудно, а съ другой стороны, реальность его была, вѣроятно, настолько велика и настолько подтвердилась видѣнной въ монастырѣ иконой, что и совершенно отрицать его онъ не былъ въ силахъ и, поэтому, ограничился тѣмъ, что разсказалъ, можетъ-быть, про этотъ случай только своимъ родственникамъ, дѣтямъ и, можетъ-быть, лицамъ свиты, не желая подавать виду, что придаетъ, или дѣйствительно не придавая ему особеннаго значенія. И только сыну его, и въ особенности внукамъ и правнукамъ, пришлось неоднократно вспоминать о необъяснимомъ видѣніи, столь странно оправдавшемся.

Герцогъ Г. Лейхтенбергскій.

Письмо Императора Александра I Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ взятія Парижа.

Помѣщаемое ниже письмо Императора Александра Павловича къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 3 апрѣля ст. стиля 1814 г. изъ Парижа впервые дѣлается достояніемъ печати. Оно написано спустя двѣ недѣли послѣ взятія Парижа русскими войсками (19 марта 1814 года) и живо напоминаетъ о чудныхъ успѣхахъ русскихъ войскъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, завершившейся его низверженіемъ. Велика была въ этотъ моментъ слава Александра и Россіи. Но униженіе Франціи и низверженіе геніальнаго корсиканца въ сущности были полезны только Англіи и нѣмецкимъ союзникамъ Россіи: ни русскимъ, ни французамъ нечего было дѣлить между собою, и послѣ пожара Москвы и взятія Парижа они продолжали относиться другъ къ другу съ чувствами симпатіи и уваженія. Самъ Александръ пишетъ матери: „надобно сознаться, что если что-нибудь и порадовало меня при вступленіи въ Парижъ, то это былъ тотъ способъ, какимъ Господь сподобилъ насъ совершить это, т. е. что мы явились сюда не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами: это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодаренъ Господу Богу". Это настроеніе Императора, благопріятное французамъ, сдерживало аппетиты его союзниковъ, желавшихъ какъ можно болѣе урѣзать Францію къ вящшей славѣ и выгодѣ германизма, и доставило ей болѣе выгодныя условія мира.

Низверженіе Наполеона привело къ возвращенію французскаго престола династіи Бурбоновъ. Людовикъ XVIII еще не успѣлъ пріѣхать въ Парижъ, когда Александръ писалъ свое письмо матери. Но Императоръ хорошо зналъ, что за время своего

изгнанія Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли, и потому потребовалъ отъ Людовика, чтобы онъ, прежде въѣзда своего въ Парижъ, призналъ новый порядокъ вещей, установленный во Франціи революціей: только этимъ, по его мнѣнію, могло быть обезпечено спокойствіе во Франціи и во всей Европѣ. „Надѣюсь, писалъ онъ Императрицѣ Маріи, что новое правительство сумѣетъ вести себя благоразумно; я желаю этого, по крайней мѣрѣ, отъ всей души. Его положеніе весьма затруднительно, такъ какъ оно должно прежде всего взять за правило полное забвеніе прошлаго, должно отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ счетовъ, отъ всѣхъ реакціонныхъ стремленій, должно сплотить партіи, интересы и склонности и тщательно избѣгать всего, что можетъ ихъ разъединить; вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что Франція не можетъ обойтись безъ либеральныхъ учрежденій, коими она обязана революціи, и что, захотѣвъ уничтожить ихъ, вызвали бы этимъ вторую революцію, въ тысячу разъ болѣе страшную, чѣмъ первая". Людовикъ XVIII вынужденъ былъ, къ крайнему своему неудовольствію, принять совѣты Императора Александра, но это послужило впослѣдствіи поводомъ къ охлажденію отношеній между обоими монархами.

Будучи повелителемъ судебъ Франціи, со страхомъ ожидавшей заключенія окончательнаго мира и новаго правленія Бурбоновъ, Александръ послѣ взятія Парижа сдѣлался предметомъ интригъ всѣхъ партій, раздиравшихъ несчастную страну, а также агентовъ союзныхъ правительствъ. Видимо это внушило ему мысль удалиться на время изъ Парижа и совершить поѣздку въ Англію, куда направлялась уже сестра его, вдовствующая принцесса Ольденбургская, великая княгиня Екатерина Павловна. Англичане съ восторгомъ ожидали посѣщенія русскаго императора, избавившаго Англію отъ смертельнаго ея врага. Но посѣтить Лондонъ Александру удалось лишь въ іюнѣ 1814 г. уже послѣ заключенія мира: ему выпала нелегкая задача быть посредникомъ и миротворцемъ между французами и новымъ ихъ государемъ, Людовикомъ XVIII, между Франціею и имъ же созданною коалиціею ея враговъ.

Любопытенъ отзывъ Александра о русской арміи въ письмѣ къ Императрицѣ: „французскіе маршалы и генералы не могутъ надивиться прекрасному виду нашихъ войскъ и состоянію нашей кавалеріи и нашей чудной артиллеріи". Между тѣмъ, русская армія о пребываніи своемъ въ Парижѣ сохранила невеселыя воспоминанія. „Во все пребываніе наше въ Парижѣ, пишетъ Н. Н. Муравьевъ-Карскій, часто дѣлались наряды, такъ что солдату въ

Парижѣ было болѣе трудно, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ до такой степени, что приказалъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда встрѣчали ихъ на улицѣ, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частію наши остались побѣдителями... Но такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи. Офицеры также имѣли своихъ притѣснителей... Цѣль Государя была вполнѣ достигнута: онъ пріобрѣлъ расположеніе французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ на себя ропотъ побѣдоноснаго своего войска". Иначе относился Александръ къ нѣмецкимъ и даже польскимъ войскамъ, что приводило русскихъ въ негодованіе.

Молодые великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи прибывшіе въ Парижъ къ концу похода, также были предметомъ переписки Александра съ матерью. Александръ предполагалъ воспользоваться пребываніемъ своихъ братьевъ въ столицѣ Франціи, чтобы расширить ихъ образованіе, но онъ зналъ мнѣніе императрицы о легкомысліи французовъ и „развращенности" новаго Вавилона. Поэтому, предлагая Лагарпа, находившагося въ то время въ Парижѣ, въ руководители молодымъ великимъ князьямъ, Александръ подчеркнулъ въ письмѣ къ матери, что Лагарпъ имѣетъ въ Парижѣ знакомство со всѣми наиболѣе *„достойными уваженія"* образованными людьми. Изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Николаю и Михаилу Павловичамъ, давно уже напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ", видно, что это подчеркиваніе Императора Александра не произвело на нее большого впечатлѣнія и нисколько не ослабило ея желанія, чтобы великіе князья какъ можно скорѣе оставили Парижъ. Зато она вполнѣ присоединилась къ другой мысли Александра, чтобы они совершили образовательное путешествіе по Европѣ, и Лагарпъ руководилъ впослѣдствіи путешествіемъ по Италіи великаго князя Михаила Павловича. Замѣчательно что въ вопросахъ воспитанія своихъ братьевъ Александръ во всемъ подчинялъ себя матери: „относительно всего этого, писалъ онъ, рѣшающимъ долженъ быть вашъ голосъ, ваша воля".

Письмо Императора Александра къ Императрицѣ Маріи изъ Парижа отъ 3 апрѣля стараго стиля 1814 г. одно изъ немногихъ писемъ Императора къ матери, дошедшихъ до насъ, хотя въ копіи, такъ какъ вся переписка его съ матерью была уни-

чтожена Императоромъ Николаемъ по кончинѣ Императрицы Маріи въ 1828 году. Тѣмъ дороже для исторіи и небольшіе отрывки изъ нея, рисующіе душевное настроеніе и затаенныя мысли одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государей.

Copie d'une lettre de l'Empereur à Sa Mère du 3 Avril 1814.

Paris, le 3 Avril (le 15 Avril).

Je suis toujours, chère et bonne Maman, dans l'attente de mes frères et de Vos chères lettres. Si la privation m'en est pénible, j'ai la consolation au moins de pouvoir me dire, qu'aucune n'est tombée au pouvoir de l'ennemi. La joie générale ici est à son comble. L'arrivée du C-te d'Artois n'a fait que l'augmenter encore. On sent le bonheur d'être débarrassé du joug cruel de Napoleon; en même tems de voir la guerre finie. Chacun respire et se croit régéneré; enfin on ose à peine croire à tout ce qui est survenu et cela paraît plutôt un beau rêve. Pour moi je jouis peu des plaisirs de Paris: mes occupations et mes gouts me retiennent beaucoup chez moi et à l'exception de trois spectacles et de la visite de quelques établissements publics, tels que l'hôtel des Invalides, je n'ai pas vu grand'chose encore. La C-te d'Artois à son arrivée ayant pris le titre de Lieutenant Général du Royaume, ma présence si rapprochée auprès du Gouvernement provisoire ne pouvant plus être nécessaire, j'ai quitté ma demeure dans l'hôtel du P-ce de Benevent et je suis allé me loger à l'Elisée-Bourbon, hôlel charmant qui appartenait à Napoleon et qui a l'avantage d'avoir un charmant petit jardin. Tout est déjà vert et de cette manière j'ai l'illusion d'être comme à la campagne et de ne pas entendre tout ce bruit de Paris.—J'espère que le nouveau Gouvernement saura se conduire sagement: du moins je le souhaite du fond de mon coeur. Sa position est très délicate, car un oubli complet du passé doit être son premier principe, toutes les passions, toutes les personnalités, les réactions doivent être soigneusement comprimées. Il faut lier les choses, les partis, les affections et éviter avec soin tout ce qui peut désunir: en même tems il faut se dire que la France ne peut se passer des institutions libérales qu'elle doit en partie à la revolution et que vauloir les détruire, ce serait provoquer une seconde revolution mille fois plus effrayante que la première. Il y aurait un volume à écrire sur tout cela.—L'Empereur François est arrivé aujourd'hui: nous l'avons regu avec toute la pompe militaire possible... Les maré-

chaux et généraux français ne reviennent pas de leur étonnement à la vue de la beauté de nos trouppes, de l'état de notre cavalerie et de notre belle artillerie. Ils me temoignent en toute occasion leur meilleurs sentiments possibles et même beaucoup d'affection et j'avoue que si quelque chose me fait plaisir de notre entrée à Paris, c'est la manière dont Dieu a permis que cela se fit, c'est à dire, non en conquerants ou ennemis, mais en véritables amis de ceux, qui avoient été si longtemps nos plus cruels ennemis. C'est là une véritable jouissance pour moi et dont je porte à Dieu une gratitude qu'aucun terme ne peut rendre. Pour tout le reste je voudrais déjà être loin de Paris et voir les grands objets politiques, qui se traitent dans ce moment et qui doivent fixer le sort futur de l'Europe, déjà reglès. Comme il ne dépend pas de moi cependant d'abréger les négociations sur des interêts trop majeurs, pour qu'ils puissent être achevés d'un trait de plume, et leur fin dépendant aussi beaucoup de l'arrivée du Roi Louis XVIII, après avoir reglé les principeaux objets, pour ne pas rester ici sur place, ce qui m'est assez désagréable, je compte, chère Maman, faire une course à Londres, dont je ne suis qu'à trois jours de voyage. C'est la seule et unique occasion pour moi de voir quelque chose de l'Angleterre et je me retrouverai ici pour le tems où tout se trouvera prêt pour la signature finale du Grand Traité de paix, qui en couronnant l'oeuvre, mettra fin, je l'espère avec l'aide du Tout-Puissant, aux malheurs du monde. En même tems cela me procurera le plaisir de revoir ma soeur à Londres, et de cette manière je ne perds pas un moment et je ne sacrifie que des pretendues délices du séjour de Paris qui n'en sont pas pour moi.— En même tems, chère Maman, veuillez me donner Vos ordres sur le compte de mes fréres, et qu'ont-ils à faire? Doivent ils profiter de cette occasion pour voyager un peu en Hollande, en Angleterre, en Suisse, ou bien ordonnez Vous qu'ils reviennent tout de suite? M. Lambsdorff étant avec eux et M. Laharpe étant ici, il serait possible de combiner un voyage très instructif pour eux et qui compenserait avec utilité ce que la cassation de la guerre leur a fait perdre. Surtout un voyage en Suisse et en Angleterre pourrait être bien salutaire pour eux. Mais sur tout cela c'est Votre volonté seule qui doit tout décider. En attendant nous arrangerons avec M. Lambsdorff les choses de manière à ce qu'ils ne perdent pas le tems ici où il y a moyen de continuer les leçons dans tous les genres d'instruction possibles. M. de Laharpe leur sera d'une grande utilité par la connaissance dans laquelle il se trouve avec tout ce qu'il y a *d'estimable* en fait d'hommes

instruits. M. de Lambsdorff décidera et surveillera le tout. Adieu, chère et bonne Maman. Avec quelle impatience j'attends le moment où ayant fini toute cette si importande besogne, je pourrai voler à Vos pieds! En attendant je Vous baise mille fois les mains et me recommande à Vos bénédictions.

Копія съ письма Императора къ его матери отъ 3 апрѣля 1814 г.

Парижъ, 3 апрѣля (15 апрѣля по новому стилю).

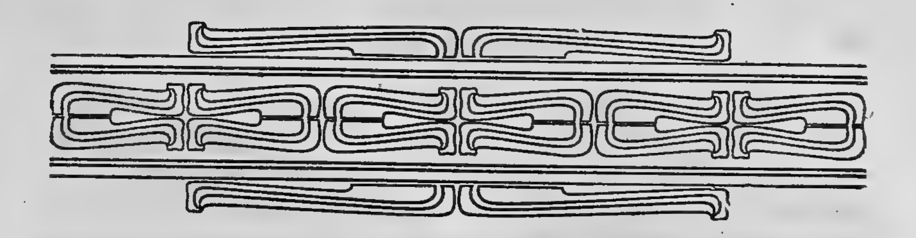
Я все еще нахожусь въ ожиданіи, дорогая и добрая матушка, моихъ братьевъ и вашихъ дорогихъ писемъ. Какъ мнѣ ни тягостно быть лишеннымъ ихъ, но утѣшеніемъ служитъ мнѣ по крайней мѣрѣ сознаніе, что ни одно изъ нихъ не попало въ руки непріятеля. Здѣсь всѣ преисполнены величайшей радостью, которая еще увеличилась съ пріѣздомъ графа д'Артуа. Всѣ счастливы, что освободились отъ жестокаго ига Наполеона, и въ то же время радуются окончанію войны. Всѣ вздохнули свободно и какъ бы возродились, словомъ, едва рѣшаются вѣрить всему случившемуся, и оно кажется скорѣе прекраснымъ сномъ. Что касается меня, я мало пользуюсь Парижскими удовольствіями: мои занятія и мои склонности причиною, что я часто сижу дома и, за исключеніемъ трехъ спектаклей и осмотра нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій, какъ напр., Дома Инвалидовъ, я до сихъ поръ мало что видѣлъ. Такъ какъ гр. д'Артуа, пріѣхавъ въ Парижъ, принялъ титулъ намѣстника королевства, то мнѣ уже не было необходимости находиться такъ близко къ временному правительству, и я выѣхалъ изъ дома князя Беневентскаго и поселился въ Elisée-Bourbon, прелестномъ домѣ, принадлежавшемъ Наполеону, съ восхитительнымъ садикомъ, что представляетъ большое преимущество. Все уже зазеленѣло, и мнѣ представляется, такимъ образомъ, будто я живу за городомъ, и я не слышу весь этотъ Парижскій шумъ. Надѣюсь, что новое правительство сумѣетъ вести себя благоразумно; я желаю этого, по крайней мѣрѣ, отъ всей души. Его положеніе весьма затруднительно, такъ какъ оно должно прежде всего взять за правило полное забвеніе прошлаго; должно отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ счетовъ, отъ всѣхъ реакціонныхъ стремленій, должно сплотить партіи, интересы и склонности и тщательно избѣгать всего, что могло бы ихъ разъеди-

нить; вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что Францiя не можетъ обойтись безъ либеральныхъ учрежденiй, коими она обязана отчасти революцiи, и что, захотѣвъ уничтожить ихъ, вызвали бы этимъ вторую революцiю, въ тысячу разъ болѣе страшную, чѣмъ первая. Объ этомъ можно было бы исписать цѣлый томъ.—Императоръ Францъ прибылъ сегодня: мы приняли его со всевозможной военной помпой... Французскiе маршалы и генералы не могутъ надивиться прекрасному виду нашихъ войскъ и состоянiю нашей кавалерiи и нашей прекрасной артиллерiи. Они выказываютъ мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ самыя отмѣнныя чувства, и надобно сознаться, что если что-нибудь порадовало меня при нашемъ вступленiи въ Парижъ, то это былъ именно тотъ способъ, какимъ Господь сподобилъ насъ совершить это, т. е. что мы явились сюда не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами, это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодаренъ Господу Богу. Что касается до всего прочаго, то я бы уже хотѣлъ быть далеко отъ Парижа и знать, что съ важными политическими вопросами, обсуждаемыми въ настоящiй моментъ и долженствующими опредѣлить дальнѣйшую судьбу Европы, покончено. Но такъ какъ не отъ меня зависитъ сократить переговоры, которые затрогиваютъ интересы слишкомъ важные, чтобы съ ними можно было покончить однимъ росчеркомъ пера, и такъ какъ ихъ окончанiе зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ прiѣзда короля Людовика XVIII, то, порѣшивъ съ главными дѣлами, чтобы не оставаться тутъ на мѣстѣ, что было бы мнѣ не особенно прiятно, я предполагаю, дорогая матушка, совершить поѣздку въ Лондонъ, куда всего три дня ѣзды. Это единственный для меня случай повидать Англiю, и я вернусь сюда къ тому времени, когда все будетъ готово къ окончательному подписанiю великаго мирнаго договора, который увѣнчаетъ дѣло и надѣюсь положитъ, съ помощью Всевышняго, конецъ всѣмъ бѣдствiямъ мiра. Вмѣстѣ съ тѣмъ я буду имѣть удовольствiе повидать въ Лондонѣ сестру; такимъ образомъ я не потеряю ни минуты времени и только пожертвую мнимыми прелестями пребыванiя въ Парижѣ, которыя я таковыми не считаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогая матушка, соблаговолите дать мнѣ ваши приказанiя относительно моихъ братьевъ, что имъ дѣлать? Должны ли они воспользоваться случаемъ, чтобы совершить путешествiе въ Голландiю, Англiю, Швейцарiю, или же вы прикажете имъ тотчасъ вернуться обратно? Такъ какъ г. Ламсдорфъ находится съ ними, а г. Лагарпъ тутъ, то можно было бы составить планъ

очень поучительнаго для нихъ путешествія, которое съ пользою вознаградило бы то, что они потеряли вслѣдствіе окончанія войны: особенно полезнымъ для нихъ могло бы быть путешествіе по Швейцаріи и по Англіи. Но относительно всего этого рѣшающимъ долженъ быть вашъ голосъ, ваша воля. Пока, мы позаботимся съ г. Ламсдорфомъ о томъ, чтобы они не теряли времени здѣсь, гдѣ есть возможность продолжать уроки по всевозможнымъ образовательнымъ предметамъ. Г. Лагарпъ будетъ имъ весьма полезенъ, такъ какъ онъ имѣетъ здѣсь знакомство со всѣми наиболѣе *достойными уваженія* (курсивъ въ подлинникѣ) среди образованныхъ людей. Г. Ламсдорфъ все рѣшитъ и будетъ за всѣмъ слѣдить. Прощайте, дорогая и добрая матушка. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю той минуты, когда, покончивъ со всѣми этими важными дѣлами, я смогу полетѣть къ вамъ и броситься къ вашимъ ногамъ! Пока цѣлую тысячу разъ ваши ручки и прошу вашего благословенія.

Сообщилъ **Е. Шумигорскій.**

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Біографическія данныя о графѣ Николаѣ Павловичѣ Игнатьевѣ, а равно и портретъ его, были помѣщены въ январьской книгѣ „Русской Старины“ за 1890 годъ, а ст. „Десятилѣтняя годовщина Санъ-Стефанскаго договора“ напечатана въ февральской книгѣ „Русской Старины“ за 1878 годъ. Въ этихъ статьяхъ вполнѣ выяснены его дивные дипломатическіе таланты, его проникновенный взглядъ на ходъ историческихъ событій, его отличное знаніе людей, его особая находчивость и его рѣшительный и энергичный характеръ.

Все это вмѣстѣ имѣло послѣдствіями блистательныя практическія послѣдствія для Россіи.

Заключеніе Айгунскаго договора и Санъ-Стефанскій договоръ вполнѣ достаточны для того, чтобы заслуги родинѣ этого, одного изъ самыхъ даровитыхъ дипломатовъ Россіи, были почтены сооруженіемъ памятника графу Николаю Павловичу Игнатьеву. И въ настоящее время, въ 36 лѣтнюю годовщину Санъ-Стефанскаго договора, турецкій народъ чтитъ память графа Игнатьева почетнымъ для иностранца названіемъ „беюкъ сефиръ“, т. е. „великій посолъ“.

Предполагаемая къ печати, часть записокъ Н. П. Игнатьева обнимаетъ собою время отъ 18 февраля по 20 марта 1877 г., которое онъ провелъ въ командировкѣ съ особымъ дипломатическимъ порученіемъ за границей, при чемъ посѣтилъ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и Вѣну.

Ред.

Съ самаго начала Восточнаго кризиса Россія была связана и стѣснена въ всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Тройственнымъ согласіемъ и обмѣномъ мыслей, происшедшимъ въ Рейхштадтѣ [1]); переговоры съ Англіей еще болѣе осложнили вно-

[1]) Рейхштадтское соглашеніе, заключенное между Австріей и Россіей при свиданіи императоровъ Александра II и Франца-Іосифа 26 іюня

слѣдствіи ея положеніе, но на Константинопольской конференціи [1]) тучи разсѣялись и въ единодушномъ приговорѣ, произнесенномъ Европою противъ Турціи, мы увидѣли прочный залогъ для будущаго. Съ той минуты какъ Турція сдѣлала ошибку, отклонивъ послѣднія предложенія конференціи, а западные кабинеты не рѣшились настаивать на рѣшеніи, которое было скрѣплено ихъ подписями, Россія, вырвавшись, благодаря конференціи, изъ объятій своихъ двухъ союзницъ, получила возможность зрѣло обсудить создавшееся положеніе и свободно намѣтить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Уяснивъ себѣ создавшееся положеніе, надобно было рѣшить прежде всего: 1) былъ ли это вопросъ европейскій или чисто русскій и 2) какая точка зрѣнія была, въ этомъ отношеніи, для насъ наиболѣе выгодна; затѣмъ надлежало сообразовать наше поведеніе съ тѣмъ или другимъ взглядомъ на вопросъ и не допускать впредь, чтобы насъ связывали по рукамъ и по ногамъ и тащили на буксирѣ союзники, которые не только не хотѣли ничего предпринять, чтобы помочь намъ разрѣшить предстоявшія затрудненія сообразно съ самыми существенными нашими интересами, но не хотѣли даже отрѣшиться отъ своихъ антиславянскихъ предразсудковъ и отъ своихъ вожделѣній относительно эксплоатаціи Востока; опутывая насъ обязательствами, не совмѣстимыми съ сколько-нибудь практическимъ рѣшеніемъ вопроса, они ставили насъ въ то же время въ безвыходное положеніе.

(8 іюля) 1876 года, устанавливало, что въ случаѣ торжества ислама обѣ державы обязуются принять мѣры къ прекращенію неистовствъ мусульманъ—противъ христіанскаго населенія и настоять на введеніи преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ случаѣ побѣды христіанъ, державы не допустятъ образованія крупнаго славянскаго государства; къ Сербіи и Черногоріи могутъ быть присоединены: къ первой нѣкоторые округи у рѣки Дринъ въ Босніи, а ко второй Герцеговина, но за то и Австрія должна была получить Турецкую Хорватію и нѣкоторые округи Босніи смежные съ границей. Россія будетъ имѣть право возвратить себѣ часть Бессарабіи, уступленную по Парижскому договору, и если бы пожелала, то ей предоставлялось присоединить Батумъ къ ея владѣніямъ. Въ случаѣ же распаденія всей Оттоманской имперіи въ Европѣ, изъ Болгаріи и Румеліи должны образоваться независимыя княжества, Эпиръ и Θессалія присоединятся къ Греціи, а Константинополь сдѣлается вольнымъ городомъ (С. М. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданелы. СПБ. 1907). *П. В.*

[1]) Константинопольская конференція великихъ державъ была созвана въ декабрѣ нов. стиля 1876 года для мирнаго разрѣшенія возникшихъ затрудненій по поводу возстанія въ Босніи и Герцоговинѣ, безпорядковъ и турец-

По окончаніи конференціи мы свободно могли заключить соглашеніе ab ovo, руководствуясь опытомъ 1876 г., доказавшимъ достаточно ясно безплодность соглашенія, заключеннаго съ Австро-Венгріей, которое не было обставлено никакими формальными обоюдными обязательствами. Вина канцлера состояла въ томъ, что онъ не понялъ этого важнаго историческаго момента, а взглянулъ на вопросъ, какъ это случалось съ нимъ, впрочемъ, нерѣдко, съ узкой личной точки зрѣнія: онъ старался уменьшить значеніе и результатъ Константинопольской конференціи и довольствовался тѣмъ, что руководилъ нашей политикой изо дня въ день, не углубляясь въ сущность дѣла и не принимая никакихъ энергичныхъ рѣшеній. Вмѣсто того чтобы дождаться моего пріѣзда въ Петербургъ и сговориться со мною, въ особенности въ виду того, что мнѣ приходилось быть проѣздомъ въ Вѣнѣ, или же объясниться съ обоими союзными кабинетами прежде, нежели остановиться на опредѣленной программѣ дѣйствій, онъ поспѣшилъ оказать заинтересованнымъ кабинетамъ услугу въ ущербъ намъ, выведя ихъ изъ создавшагося для нихъ труднаго положенія вслѣдствіе одновременнаго отъѣзда представителей всѣхъ державъ изъ Константинополя. Онъ заговорилъ первый, чего отнюдь не слѣдовало дѣлать въ виду того, что конференція была созвана Англіей; онъ разослалъ всѣмъ представителямъ Россіи, аккредитованнымъ при дворахъ, принявшихъ на себя обязанность гарантовъ, циркуляръ, коимъ державамъ предлагался вопросъ: что слѣдовало предпринять далѣе. Этотъ неумѣстный шагъ, который давалъ кабинетамъ возможность оставить вопросъ безъ отвѣта, поставивъ насъ такимъ образомъ въ положеніе просителя, выжидающаго рѣшенія

кихъ звѣрствъ въ Болгаріи и войны Турціи съ Сербіей и Черногоріей. На конференціи этой представителями были: Англіи маркизъ Салисбюри и сэръ Генри Эллiотъ, Франціи графъ Бургоэнъ и Шодорди, Австро-Венгріи графъ Зичи и баронъ Каличе, Германіи баронъ Вертеръ, Италіи графъ Корти, Россіи гр. Н. П. Игнатьевъ. Представителями державъ были выработаны требованія объ уступкѣ нѣкоторыхъ округовъ Черногоріи, предоставленія черногорцамъ свободнаго плаванія по р. Боянѣ; Сербіи возвращались земли, отнятыя турками въ 1876 г. и прилегающія къ Малому Зворнику. Въ Босніи, Герцоговинѣ, Болгаріи и Македоніи вводилась автономія. Всѣ эти требованія державъ были заявлены на общемъ засѣданіи 23 декабря 1876 года турецкимъ уполномоченнымъ, но послѣ 8 засѣданій конференціи эти требованія были отвергнуты турецкимъ правительствомъ, расчитывавшимъ на поддержку Англіи и Австріи. Такой исходъ константинопольской конференціи, неудачѣ которой способствовали англійскіе уполномоченные и лордъ Дерби, повлекъ за собой русско-турецкую войну. *П. В.*

своей судьбы посторонними лицами, лишилъ насъ свободы дѣйствій и въ то же время онъ обязывалъ насъ, если мы не хотѣли со всѣми пересориться и потерять всѣ выгоды европейскаго соглашенія, призраку котораго мы всѣмъ пожертвовали, стоя подъ ружьемъ, пока турки окончатъ свои приготовленія и заключатъ миръ съ сербами, пропустивъ такимъ образомъ безо всякаго толка послѣдній благопріятный моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Кабинеты, не потратившись на мобилизацію, не имѣли никакой надобности спѣшить высказаться и вывести насъ изъ выжидательнаго положенія, которое было для насъ разорительно.

Таковы были обстоятельства въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Докладывая канцлеру о томъ, что было сдѣлано мною на конференціи, я напиралъ на то, что я исполнилъ свой долгъ и сдѣлалъ даже болѣе того, что отъ меня требовалось данными мнѣ инструкціями; ибо, вмѣсто того, чтобы выйти изъ состава конференціи, порвавъ съ Европой, предоставивъ болѣе выгодную роль Турціи и принявъ всю вину на себя, какъ хотѣлъ канцлеръ, я не только сохранилъ, но и упрочилъ доброе согласіе со всѣми державами, нашелъ почву для соглашенія съ Англіей и совершенно изолировалъ Турцію, добившись разрыва державъ съ Портой и одновременнаго отъѣзда ихъ представителей изъ Константинополя. Помимо того, что нами былъ достигнутъ этотъ моральный успѣхъ, мы поставили въ затруднительное положеніе всѣхъ замышлявшихъ коалицію противъ Россіи, или предполагавшихъ въ случаѣ войны, поддержать Турцію матеріально, и извлекли изъ всего этого одно неоспоримое преимущество, а именно—намъ удалось выяснить наши истинныя отношенія къ европейскимъ державамъ (съ Австро-Венгріи была наконецъ сорвана маска), и мы имѣли случай произвести въ большомъ масштабѣ пробную мобилизацію,—весьма поучительную для нашей военной администраціи и несомнѣнно весьма полезную для организаціи нашего военнаго дѣла вообще. Мы могли, слѣдовательно, объявить войну или заключить миръ, смотря по тому, что намъ было болѣе подходяще, не поступаясь своимъ достоинствомъ, но въ первомъ случаѣ мы не должны были терять изъ вида, что психологическій моментъ для войны съ Турціей былъ упущенъ. Мы потеряли случай уничтожить ее однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Отнынѣ, чтобы произвести какое-нибудь впечатлѣніе, надобно было перейти Дунай и Балканы по крайней мѣрѣ съ 150 или 200 тысячнымъ войскомъ. Можно было ожидать трудной, продолжительной и дорого стою-

щей войны. Во всякомъ случаѣ, надобно было сдѣлать все возможное, чтобы выяснить положеніе до 25 февраля и принять какое-либо рѣшеніе не позже этого срока, ибо потеря времени была бы невознаградима и могла послужить только намъ во вредъ. По системѣ князя Горчакова ничего не было сдѣлано, чтобы выйти изъ этого труднаго положенія, въ смутной надеждѣ, что Провидѣніе ниспошлетъ какое-нибудь неожиданное обстоятельство, коимъ мы воспользуемся, не давая себѣ труда предпринять что-либо самостоятельно и не принимая за это на себя никакой отвѣтственности.

Наконецъ, въ покояхъ Императора, подъ предсѣдательствомъ Его Величества былъ созванъ Совѣтъ. Помимо обычныхъ членовъ, участвовавшихъ въ то время въ этихъ засѣданіяхъ, Наслѣдника Цесаревича, великихъ князей Константина Николаевича и Владиміра Александровича, князя Горчакова, графа Адлерберга, генерала Милютина и меня, были приглашены министры Тимашевъ, Валуевъ и Рейтернъ.

Различныя мнѣнія были высказаны послѣ того, какъ Императоръ самъ очертилъ съ большой ясностью и опредѣленностью создавшееся положеніе дѣлъ, а князь Горчаковъ прочелъ, въ дополненіе къ этому изложенію, нѣкоторые дипломатическія документы и записку, составленную подъ его руководствомъ барономъ Жомини [1]).

Въ ней доказывалось, что мѣры, предложенныя кабинетами, были недостаточны, что Россіи слѣдовало выйти какъ изъ соглашенія шести державъ, такъ и изъ соглашенія съ двумя союзными имперіями, распустить армію и объявить министерскимъ циркуляромъ Европѣ и императорскимъ манифестомъ Россіи, что послѣ безплодныхъ попытокъ достигнуть соглашенія съ нѣкоторыми державами для улучшенія участи христіанъ

---

[1]) *Жомини* (баронъ Александръ Генриховичъ, 1814—88)—дипломатъ, былъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и, въ качествѣ замѣчательнаго стилиста, просматривалъ предварительно всѣ дипломатическіе документы. По окончаніи крымской кампаніи Ж. ѣздилъ съ особыми порученіями въ Берлинъ, а въ 1861 г. — въ Парижъ; въ 1875 г. управлялъ, вмѣсто государственнаго канцлера, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; во время русско-турецкой войны 1877 — 78 гг. состоялъ въ Бухарестѣ при кн. Горчаковѣ; въ 1879 и 1880 г. исправлялъ должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣ Ж. осталось много интересныхъ записокъ, но напечатано изъ нихъ немногое. Еще въ 1863 г. Ж., на основаніи матеріаловъ, ему одному доступныхъ, составилъ правдивый очеркъ дипломатической исторіи Восточной войны, пролившій яркій свѣтъ на закулисную ея сторону. *П. В.*

Россія возвращаетъ себѣ свободу дѣйствій или скорѣе „свободу бездѣйствовать", какъ я замѣтилъ, ибо такова была система канцлера, воображавшаго, что онъ поступаетъ мудро, осторожно и патріотично, получивъ возможность бездѣйствовать и сидѣть сложа руки, глядя, какъ дѣйствуютъ другіе, даже въ томъ случаѣ, когда они занимали, безо всякой церемоніи, позиціи, искони принадлежавшія Россіи.

Я оспаривалъ это предложеніе, считая его противнымъ достоинству и чести страны и не согласнымъ съ логикой фактовъ; ибо оно сводилось къ тому, чтобы оставить христіанъ на произволъ судьбы, увести нашу армію съ границы, не достигнувъ той цѣли, которую мы себѣ поставили, мобилизуя ее и сосредоточивая ее на нашей границѣ и не давъ притомъ ни малѣйшаго удовлетворенія арміи, дорожащей своею честью, и національному самолюбію.

Князь Горчаковъ, по винѣ котораго мы запутались въ сѣтяхъ тройственнаго согласія и позднѣе въ переговорахъ съ шестью державами, предлагалъ вернуться къ положенію, которое мы занимали на Востокѣ два года передъ тѣмъ и которое я безуспѣшно пытался сохранять вопреки самому министру иностранныхъ дѣлъ, всегда считая это положеніе лучшей гарантіей для нашихъ интересовъ и для европейскаго мира. Напомнивъ, что я горько сожалѣлъ о томъ, что мы вступили въ 1875 году на иной путь, отказавшись ради прекрасныхъ глазъ нашихъ мнимыхъ союзниковъ отъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ, я указалъ, что занятое нами положеніе было особенно для насъ благопріятно въ то время, какъ на престолѣ возсѣдалъ султанъ Абдулъ-Азисъ, а министромъ его былъ Махмудъ-Недимъ [1]), такъ какъ оба они предлагали намъ заключить соглашеніе по всѣмъ пунктамъ и выражали даже готовность подчиниться безусловно волѣ императора. На Турцію можно было имѣть благотворное вліяніе въ то время, когда она была въ рукахъ твердаго, энергичнаго и внушавшаго страхъ правительства, но канцлеръ упускалъ изъ вида, что положеніе дѣлъ въ Стамбулѣ съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилось.

[1]) Махмудъ-Недимъ паша турецкій министръ, былъ великимъ визиремъ съ 1871 года, пріобрѣвъ милость султана Абдулъ-Азиса, поддерживая его стремленія измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ пользу его сына Юсуфа. Онъ подпалъ вліянію автора настоящихъ записокъ Въ 1875 году онъ пріостановилъ платежи процентовъ по турецкимъ государственнымъ долгамъ. Возстаніемъ софтовъ въ 1876 году былъ низвергнутъ. *П. В.*

Мидхатъ-паша[1]) и „мусульманская коммуна“, захватившіе дѣла въ свои руки, не представляли не малѣйшей гарантіи благоразумія, осторожности и умѣренности, и трудно было предсказать, какой оборотъ примутъ событія, ежели ихъ партія возьметъ верхъ. Россія, потерявъ 18 мѣсяцевъ въ безплодныхъ переговорахъ, оказавшись въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась въ то время, добившись на конференціи изолированія Турціи и ея осужденія, не могла помѣняться съ ней, безо всякаго повода, ролями и добровольно занять сама изолированное положеніе, предоставивъ свободу дѣйствій Англіи и заставивъ Турцію, своимъ непослѣдовательнымъ поведеніемъ, броситься безповоротно въ объятія этой державы. Мы дали бы этимъ нашимъ противникамъ возможность толкнуть турокъ въ войну съ нами, въ то время какъ ихъ фанатизмъ и возбужденіе дошли до крайнихъ предѣловъ; а это значило бы предоставить нашихъ единовѣрцевъ во власть нападающихъ и способствовать новой группировкѣ державъ, которая могла быть для насъ чрезвычайно вредна.

Я только ставилъ рядъ вопросовъ, умоляя Императора обсудить ихъ въ Совѣтѣ до измѣненія окончательнаго рѣшенія.

Его Величество, выслушавъ мнѣнія, высказанныя по поводу поднятыхъ вопросовъ, закрылъ засѣданіе, повелѣвъ членамъ Совѣта тщательно обдумать ихъ и собраться на другой день для окончательнаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество разрѣшилъ присутствовавшимъ на засѣданіи сановникамъ изложить свое мнѣніе, если они пожелаютъ, письменно, чтобы точнѣе выяснить свои мысли и прочитать изложенныя ими на совѣтѣ. *Одинъ* я отозвался на этотъ призывъ и принесъ на засѣданіе Совѣта 12 февраля свою записку. Замѣчательно, что

---

[1]) Мидхатъ-паша — представитель политической партіи, извѣстной подъ названіемъ „Молодой Турціи“, возникшей въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и стремившейся возродить Турцію къ новой жизни. Ревностный сторонникъ Англіи и врагъ Россіи и славянъ, М., принявъ въ началѣ 1876 г. руководительство партіей, сталъ стремиться къ ограниченію власти султана и введенію въ Турціи конституціи по европейскимъ образцамъ. Благодаря поддержкѣ Англіи, онъ былъ назначенъ, въ маѣ того же года, министромъ безъ портфеля. Въ сверженіи Абдулъ-Азиса съ престола и въ провозглашеніи султаномъ Мурада V М. игралъ одну изъ первыхъ ролей. Занявъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта, онъ представилъ проектъ конституціи, которая была торжественно объявлена 11 декабря уже новымъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ, а парламентъ былъ открытъ 7 марта 1877 г. Этотъ парламентъ имѣлъ всего только двѣ сессіи, послѣ чего онъ болѣе не созывался. *П. В.*

вопреки слухамъ, которые распускались въ обществѣ нѣкоторыми членами Совѣта, не сочувствовавшими войнѣ, съ цѣлью объяснить этимъ свое безмолвіе въ рѣшительный моментъ, я настаивалъ на томъ, что такъ какъ война есть „народное бѣдствіе", то надобно сдѣлать все возможное, чтобы выйти съ честью изъ занятаго нами выжидательнаго, дорого стоющаго и невыгоднаго положенія и избѣжать необходимости вести войну, тѣмъ болѣе, что по моему глубокому убѣжденію, *благопріятный моментъ* для этого былъ пропущенъ и мы, говоря попросту, „оплошали". „Если бы войско было мобилизовано лѣтомъ въ то время, когда звѣрства, чинимыя въ Болгаріи, взволновали общественное мнѣніе и вызвали негодованіе сильной партіи въ Англіи, вступленіе нашихъ войскъ въ Турцію было бы объяснено порывомъ великодушія и человѣколюбія и вызвало бы восторженное одобреніе не только въ Россіи, но и въ извѣстной части Европы. Назрѣвшіе на Востокѣ вопросы могли быть, такимъ образомъ, разрѣшены въ благопріятномъ смыслѣ и Императоръ имѣлъ бы въ данномъ случаѣ возможность дать блистательное доказательство нашего совершеннаго безкорыстія. Лѣтомъ, въ сентябрѣ, въ октябрѣ и даже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, война могла окончиться быстро и легко; въ Болгаріи и Анатоліи почти не было турецкихъ войскъ; наши кавказскія войска не встрѣтили бы сильнаго сопротивленія въ открытомъ полѣ. Въ Сербіи и Черногоріи боевые запасы были истощены и турецкой арміи только теперь удалось пополнить ихъ закупками и заказами, произведенными въ Америкѣ и въ Германіи. Въ настоящее время, писалъ я, война съ Турціей будетъ совсѣмъ не то, что лѣтомъ и осенью прошлаго года. Она потребуетъ съ нашей стороны *большого напряженія силъ* и можетъ затянуться на неопредѣленное время, если намъ не удастся съ самаго начала одержать блестящія и рѣшительныя побѣды. Двѣ, три побѣды, одержанныя за Балканами, подѣйствовали бы, конечно, угнетающе на турецкія войска и могли бы имѣть послѣдствіемъ неожиданныя перемѣны въ Стамбулѣ, которыя быть можетъ заставятъ султана немедленно просить о заключеніи мира. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что общественное настроеніе измѣнилось съ начала кризиса какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, и что нынѣ *турки несравненно лучше подготовлены къ войнѣ, нежели нѣсколько времени тому назадъ*. Война будетъ трудная, серьезная и будетъ преслѣдовать совершенно иныя цѣли, чѣмъ прежде.

„Если намъ придется начать войну, предъявивъ ультиматумъ, основанный на программѣ, выработанной конференціей, безъ всякихъ въ ней измѣненій (требованія, формулированныя на первомъ общемъ собраніи конференціи), то *война* поневолѣ *закончится полнымъ разгромомъ* оттоманской имперіи или по крайней мѣрѣ потерей ею значительной части ея владѣній. Было бы раціональнѣе съ финансовой и съ экономической точки зрѣнія покончить съ Восточнымъ вопросомъ сразу, нежели переживать періодически тяжелые и волнующіе кризисы подобные настоящему, или терпѣть, чтобы мусульманская анархія у нашихъ границъ никогда не прекращалась. Разстройство оттоманской администраціи такъ велико, что нельзя расчитывать на организацію прочнаго и сильнаго правительства, если только фактическая власть на берегахъ Босфора не попадетъ въ руки человѣка съ желѣзной волей и сильнымъ характеромъ, который рискнулъ бы вступить въ борьбу съ фанатизмомъ и обуздать дурные инстинкты. Первый пушечный выстрѣлъ, который раздастся на берегахъ Дуная съ нашей стороны, возбудитъ алчныя вожделѣнія на наслѣдіе Турціи, которое будетъ считаться открытымъ и разбудитъ дремлющія, невѣдомыя силы Востока, которыя не позволятъ намъ остановиться на полпути, строго придерживаясь опредѣленной, ясно формулированной программы“.

Эти правдивыя слова не понравились въ высшихъ сферахъ и главнымъ образомъ канцлеру. Забвеніе истины дошло до того, что стали утверждать, будто я „съ легкимъ сердцемъ“ совѣтывалъ начать войну и что мудрый канцлеръ сначала протестовалъ противъ этого, но затѣмъ покорился. Въ сущности же на этомъ второмъ засѣданіи (12 февраля) было постановлено слѣдующее:

1) Будучи связаны циркуляромъ канцлера и обязаны выждать, пока выяснится оборотъ, какой примутъ переговоры, которые велись непосредственно между Турціей и Черногоріей, мы должны, тѣмъ не менѣе, выйти изъ выжидательнаго положенія, чтобы дать понять кабинетамъ, что мы ожидаемъ отъ нихъ отвѣта, благопріятнаго для поддержанія столь благополучно установившагося европейскаго согласія; мы должны приложить стараніе, чтобы ускорить полученіе этихъ отвѣтовъ и дружески подсказать кабинетамъ тотъ образъ дѣйствій, который фактически былъ бы для насъ пріемлемъ. Такъ какъ возобновленіе переписки не могло привести къ удовлетворитель-

ному результату до тѣхъ поръ, пока мы были связаны министерскимъ циркуляромъ, оставшимся безъ отвѣта, то слѣдовало послать къ иностраннымъ дворамъ довѣренное лицо, которое въ короткое время объѣхало бы эти дворы, повидалось бы и переговорило съ государственными людьми, руководящими внѣшней политикой европейскихъ державъ, и склонило бы ихъ принять протоколъ, коимъ были бы закрѣплены постановленія конференціи. Это дало бы намъ возможность выйти безъ ущерба для Россіи изъ создавшагося непріятнаго положенія, покончивъ съ дипломатическими переговорами, затянувшимися безконечно.

2) Тѣмъ временемъ слѣдовало, пользуясь случаемъ, дать понять Портѣ, что для скорѣйшаго миролюбиваго окончанія дѣла ей слѣдовало послать въ Петербургъ чрезвычайнаго посла. Предположенное министерствомъ иностранныхъ дѣлъ заключеніе особой конвенціи для обсужденія вопросовъ объ окончательномъ раздѣлѣ Турціи, на началахъ, выработанныхъ во время свиданія въ Рейхштадтѣ, которая находилась въ полномъ противорѣчіи съ положеніемъ, занятымъ нами въ Константинополѣ передъ лицомъ Европы, должно было быть отложено, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, до тѣхъ поръ, пока положеніе дѣлъ не выяснится окончательно [1]).

3) Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта со стороны кабинетовъ, могъ бы быть подписанъ протоколъ, опредѣляющій формальныя обязательства Порты и ея отвѣтственность, а равно право контроля и надзора со стороны Европы; тогда наша армія могла бы быть отодвинута отъ границы и частью демобилизована; это слѣдовало объявить царскимъ манифестомъ съ упоминаніемъ, что Европа признала себя солидарной съ нами, и слѣдовательно вопросъ перестаетъ быть исключительно *русскимъ*.

Уходу арміи съ границы долженъ былъ во всякомъ случаѣ предшествовать роспускъ редифовъ и отозваніе части турецкихъ войскъ изъ пограничныхъ провинцій. Для вящшей осторожности и для того, чтобы удержать турецкія власти отъ излишествъ, императорское правительство должно будетъ оставить нѣкоторое время обсерваціонное войско въ Бессарабіи и въ Александрополѣ (на Кавказѣ).

---

[1]) Я никогда не одобрялъ мысли объ этой конвенціи, поэтому князь Горчаковъ тщательно скрывалъ отъ меня ея текстъ. Событія 1878 г. доказали, до какой степени она была ненужна, опасна, противна нашимъ интересамъ, плохо изложена и плохо редактирована. *Авт.*

4) Въ случаѣ, если переговоры съ кабинетами не увѣнчаются успѣхомъ и если державы откажутся поддержать постановленія конференціи совмѣстнымъ выступленіемъ въ Турціи, императорскій кабинетъ долженъ будетъ немедленно, категорически объясниться по этому поводу съ берлинскимъ правительствомъ и условиться какъ съ Германіей, такъ и съ Австро-Венгріей, съ цѣлью приступить къ энергичнымъ дѣйствіямъ въ Турціи.

5) Только въ случаѣ полной неудачи всѣхъ дипломатическихъ шаговъ, имѣющихъ цѣлью практическое разрѣшеніе кризиса до конца марта, въ первыхъ числахъ апрѣля Портѣ, съ согласія обѣихъ союзницъ, Германіи и Австро-Венгріи, могъ быть предъявленъ ультиматумъ, при чемъ предварительно должны быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы наши войска могли немедленно перейти границу въ случаѣ, если бы это послѣднее требованіе державъ было отвергнуто султаномъ. Если же этотъ шагъ увѣнчался бы въ Константинополѣ успѣхомъ, то наша армія въ концѣ апрѣля могла бы быть демобилизована. Въ распоряженіи нашей дипломатіи было бы, слѣдовательно, шесть недѣль для того, чтобы дѣятельно, усердно и искусно заняться мирнымъ разрѣшеніемъ кризиса, или подготовить политическую почву для благополучнаго исхода военныхъ дѣйствій, ежели бы они оказались неизбѣжны.

Программа была ясна и логична, но для обезпеченія ея успѣха нужно было, чтобы всѣ шли рука объ руку, работая совмѣстно viribus unitis надъ исполненіемъ повелѣній Императора; между тѣмъ князь Горчаковъ объ этомъ и не помышлялъ. Провозглашая во всеуслышаніе, что онъ намѣренъ прежде всего поддержать достоинство Россіи, но что онъ не желаетъ войны, онъ и пальцемъ не шевельнулъ и не сдѣлалъ никакихъ серьезныхъ шаговъ, чтобы воздѣйствовать на кабинеты, на ихъ представителей въ Петербургѣ и на общественное мнѣніе, и хотя бы помочь мнѣ, которому было поручено объѣхать дворы, принявшіе на себя обязанность гарантовъ, и предъявить имъ текстъ протокола, выработаннаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Мы увидимъ далѣе, что русскіе посланники, зная лично настроеніе князя Горчакова и будучи обижены пріѣздомъ спеціальнаго посла, не сдѣлали почти ничего, чтобы обезпечить подписаніе протокола, который они ошибочно считали моимъ личнымъ дѣломъ. Графъ Шуваловъ пошелъ далѣе: онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помѣшать моей поѣздкѣ въ Англію. Отнюдь

не скрывая своей досады и своего соперничества, онъ старался съ этого момента явиться въ глазахъ европейской публики ходатаемъ и глашатаемъ мира по преимуществу, объясняя этимъ свой антагонизмъ ко мнѣ и приписывая мнѣ роль „апостола войны и панславизма"; наконецъ онъ вошелъ въ виды англійскаго кабинета, пожелавшаго исказить протоколъ до того, что онъ сталъ неузнаваемъ и даже смѣшонъ, съ цѣлью взять этимъ путемъ обратно все то, на что маркизъ Салисбюри былъ вынужденъ согласиться въ Константинополѣ отъ имени Англіи.

Я пріѣхалъ въ Берлинъ 21 февраля (3 марта) и поспѣшилъ познакомить Убри [1]), нашего посла въ Германіи, съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и съ текстомъ протокола, который мнѣ дали въ Петербургѣ вмѣсто инструкціи, внеся въ него кое-какія поправки, чтобы сдѣлать обязательства Порты болѣе ясными.

Нетерпѣніе князя Бисмарка и его желаніе увидѣть меня какъ можно скорѣе были такъ велики, что онъ чуть не сейчасъ же явился къ Убри, чтобы освѣдомиться о цѣли моей миссіи, о которой онъ былъ коротко извѣщенъ изъ Петербурга. Въ тотъ же день онъ принялъ меня съ глазу на глазъ, а затѣмъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ въ отель и пригласилъ меня и мою жену, пріѣхавшую со мною, отобѣдать у него запросто.

Германскій канцлеръ утверждалъ, что Германія вовсе не заинтересована въ Восточномъ вопросѣ и никогда не стала бы сѣять въ Турціи смуту.

Я изобразилъ ему съ полной откровенностью положеніе дѣлъ и намѣренія императорскаго кабинета, подчеркнувъ, что тройственное согласіе, вполнѣ отвѣчающее взглядамъ Императора, создало Россіи трудное и не особенно выгодное положеніе на

---

[1]) Убри (Павелъ Петровичъ, графъ),—дипломатъ, род. 1820 г., въ 1848 г. былъ сдѣланъ секретаремъ посольства, затѣмъ первымъ совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ и былъ правой рукой князя Горчакова передъ началомъ крымской войны во время безплодныхъ переговоровъ вѣнской конференціи 1853 г. Переведенный въ 1856 г. первымъ совѣтникомъ посольства въ Парижъ, Убри сдружился здѣсь съ Бисмаркомъ и, какъ другъ Германіи, усердно поддерживалъ дружбу между дворами берлинскимъ и петербургскимъ, когда въ 1863 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ; въ томъ же званіи онъ былъ аккредитованъ съ 1868 г. при сѣверо-германскомъ союзѣ, а съ 30 декабря 1871 г. посломъ при Германской имперіи. Какъ довѣренное лицо Горчакова Убри сталъ неудобенъ для Бисмарка вслѣдствіе чего былъ отозванъ изъ Берлина въ 1879 г.

П. В.

Востокѣ, замѣтивъ, что нельзя отрицать того страннаго факта, что „полнѣйшее согласіе трехъ наиболѣе могущественныхъ державъ Европы дало на Востокѣ одни отрицательные результаты, ибо въ тотъ моментъ, когда мы стали хозяевами положенія въ Константинополѣ, обязательство дѣйствовать совмѣстно парализовало нашу дѣятельность въ Турціи и помѣшало намъ достигнуть тѣхъ удовлетворительныхъ результатовъ для блага нашихъ единовѣрцевъ, какихъ мы могли бы достигнуть при единоборствѣ съ Портой. Опытъ показалъ, что Турція не понимаетъ иного воздѣйствія, кромѣ матеріальной силы: поэтому преклонившись недавно передъ голосомъ одной Россіи (сербскій ультиматумъ), она противится теперь требованіямъ всей Европы, расчитывая, что разногласіе въ мнѣніяхъ помѣшаетъ державамъ прибѣгнуть къ силѣ и обезпечитъ ей безнаказанность. Соглашеніе шести державъ осталось такимъ же безплоднымъ, какъ и тройственное согласіе; конференція увѣнчается не большимъ успѣхомъ, какъ и нота Андраши, если ея рѣшенія не будутъ поддержаны силой — единственнымъ рѣшающимъ аргументомъ въ глазахъ турокъ. Конференція имѣла по крайней мѣрѣ одно преимущество: она привела къ соглашенію державъ на такой почвѣ, на которой его считали невозможнымъ; она выяснила правительствамъ и общественному мнѣнію истинное положеніе Оттоманской имперіи, положеніе невыносимое, которое кабинеты не могутъ долѣе игнорировать, каково бы ни было ихъ равнодушіе къ участи христіанъ. Но для того, чтобы придти къ логическому заключенію, державамъ слѣдовало *настоять* на томъ, что онѣ *совѣтовали*, ибо онѣ не могутъ отказаться отъ того, что было сказано ими на конференціи“.

Достойно вниманія, что я былъ вынужденъ въ то время пустить въ ходъ всю силу своихъ убѣжденій, чтобы склонить будущаго предсѣдателя Берлинскаго конгресса къ менѣе равнодушной оцѣнкѣ восточныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, канцлеръ присоединился по существу ко всему мною сказанному, заявивъ, что „онъ всегда былъ того мнѣнія, что для обезпеченія успѣха конференціи, уполномоченнымъ слѣдовало имѣть въ карманѣ настоящіе ультиматумы“. Онъ увѣрялъ меня, что „онъ считаетъ дипломатическое воздѣйствіе на Турцію совершенно недѣйствительнымъ и, что какъ императоръ Вильгельмъ, такъ и онъ самъ, услыхавъ, что турки, не взирая на снисходительность державъ и на уменьшенія ихъ требованій до минимума, осмѣлились противиться требованіямъ Европы, были возмущены до глубины души и невольно сдѣ-

лали угрожающій жестъ, схватившись за эфесъ шпаги". Князь Бисмаркъ ясно далъ мнѣ понять, что онъ не одобряетъ нашей умѣренности, и тѣхъ уступокъ, чисто формальнаго свойства, которыя были сдѣланы мною, чтобы обезпечить единодушіе уполномоченныхъ и изолировать турокъ. Такъ объясняется недоразумѣніе, происшедшее между канцлеромъ и барономъ Вертеромъ по поводу сокращеннаго перечня требованій конференціи, которое Салисбюри [1]) сообщилъ туркамъ, какъ нашу послѣднюю уступку, отголоски этого недоразумѣнія дошли до Константинополя и повліяли на нѣмецкаго уполномоченнаго, который казался крайне смущеннымъ. Князь Бисмаркъ успокоился на этотъ счетъ только тогда, когда мнѣ удалось доказать ему, на основаніи выдержекъ изъ обоихъ текстовъ протокола, что послѣдняя программа конференціи заключала по существу всѣ первоначальныя требованія и что измѣненія въ нихъ были сдѣланы исключительно изъ уваженія къ ограничительнымъ инструкціямъ уполномоченныхъ Англіи и Австро-Венгріи, которые хотѣли во что бы то ни стало исключить изъ нашего ультиматума всѣ спорные пункты. Наша первоначальная программа была бы осуществлена въ цѣломъ, если бы по принятіи турками *основныхъ положеній*, на которыхъ мы настаивали, намъ удалось окончательно редактировать постановленія конференціи. Канцлеръ согласился съ тѣмъ, что Европа была связана своей подписью и что нужно было найти приличный выходъ изъ положенія, которое такъ плохо вязалось съ ея достоинствомъ. Въ противномъ случаѣ, Европа осталась бы подъ впечатлѣніемъ, что Порта отвергла предложенія, сдѣланныя ей съ цѣлью обезпеченія мира и улучшенія судьбы христіанъ.

А положеніе ихъ, судя по нѣмецкимъ донесеніямъ, съ тѣхъ поръ все ухудшалось и заносчивость мусульманъ возростала, парализуя всѣ дипломатическіе шаги; канцлеръ познакомилъ меня съ содержаніемъ послѣднихъ донесеній, полученныхъ имъ изъ Константинополя, въ которыхъ положеніе на мѣстѣ рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

---

[1]) Салисбюри, Робертъ-Артуръ-Тальботъ-Гасконъ-Сесиль, съ 1868 г. третій маркизъ С., род. въ 1830 г., учился въ Итонѣ и Оксфордѣ, объѣздилъ американскія и австралійскія англійскія колоніи. Въ 1876 г. онъ былъ посланъ англійскимъ уполномоченнымъ на конференцію въ Константинополь и своимъ противодѣйствіемъ русскимъ требованіямъ помѣшалъ успѣху переговоровъ. Въ апрѣлѣ 1878 г. онъ занялъ постъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ, въ томъ же году онъ вмѣстѣ съ Биконсфильдомъ представлялъ Англію на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ искусно противодѣйствовалъ Россіи. *П. В.*

Ознакомившись съ редакціей протокола, князь Бисмаркъ нашелъ его умѣреннымъ, присовокупивъ, что коль скоро Россія находитъ возможнымъ подписать его, прочіе кабинеты, по всей вѣроятности, не будутъ имѣть никакихъ возраженій; онъ предполагалъ, что Германія, Австро-Венгрія, Франція и Италія примутъ протоколъ, но что со стороны Англіи можно ожидать затрудненій. Какъ человѣкъ выдающагося ума и большого опыта, онъ не захотѣлъ измѣнять редакцію нашего протокола и возразилъ только противъ выраженія: „дѣйствія державъ", считая, какъ онъ говорилъ, военное вмѣшательство несовмѣстимымъ съ интересами Германіи, которая не пожертвуетъ ради турецкихъ дѣлъ „ни одного пфеннига и ни одного померанскаго солдата".

Съ точки зрѣнія Россіи, замѣтилъ Бисмаркъ, соглашеніе съ Турціей „будетъ предпочтительнѣе совмѣстныхъ дѣйствій державъ, такъ какъ добиться отъ Порты желательныхъ уступокъ, хотя бы даже территоріальныхъ, при помощи угрозъ и денегъ, будетъ несравненно легче, нежели заставить Европу дѣйствовать согласно" [1]).

Князь Бисмаркъ, основываясь на своемъ долголѣтнемъ опытѣ, совѣтывалъ „имѣть въ Константинополѣ второстепеннаго тайнаго агента, которому, въ случаѣ надобности, могло бы быть выражено неодобреніе за его дѣйствія, и который, располагая достаточно крупной суммой денегъ, подготовилъ бы почву"; эта подготовительная работа должна была, по мнѣнію германскаго канцлера, предшествовать всѣмъ явнымъ дипломатическимъ выступленіямъ, которыя только закрѣпили бы обезпеченный заранѣе успѣхъ. Истраченныя такимъ образомъ, хотя бы и значительныя суммы, были бы все-таки „экономіей по сравненію съ тѣмъ, во что бы обошлась война".

Помимо этого князь не видѣлъ удовлетворительнаго выхода изъ создавшагося критическаго положенія и боялся, „что мы будемъ помимо воли вовлечены въ войну. Какъ истинный другъ Россіи, онъ не можетъ совѣтовать уклоняться отъ нея, такъ какъ, рѣшивъ не нарушать мира во что бы то ни стало, Россія этимъ не только погубила бы свой престижъ на Востокѣ, но и

---

[1]) Чтобы не компрометтировать русское правительство, я не рѣшился сознаться канцлеру, что я вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе на этотъ счетъ и что я всегда отстаивалъ эту точку зрѣнія передъ императорскимъ кабинетомъ, который все еще носился со своей излюбленной мыслію о соглашеніи европейскихъ державъ, за которое расплачиваться приходилось намъ. *Авт.*

поколебала бы его и въ остальной Европѣ, такъ какъ это подало бы поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ".

Было ясно, что князь Бисмаркъ склонялся на сторону войны, расчитывая использовать ея послѣдствія въ интересахъ нѣмецкой политики.

Вынужденный такимъ образомъ, силою вещей, обсуждать съ канцлеромъ вопросъ о возможности русско-турецкой войны, (см. мое письмо отъ 1 марта изъ Парижа), я сказалъ ему, что Императоръ надѣется, что Германія сдѣлаетъ въ такомъ случаѣ для Россіи не менѣе того, что послѣдняя сдѣлала при аналогичныхъ обстоятельствахъ (я намекалъ на войны, веденныя Германіей). Дружеское согласіе, существующее между двумя имперіями, основывается скорѣе на личной дружбѣ обоихъ монарховъ, нежели на воспоминаніи объ оказанныхъ ими другъ другу услугахъ и о братствѣ по оружію; но эти традиціи будутъ скоро забыты, молодое поколѣніе забудетъ ихъ; поэтому, въ интересахъ самой Германіи слѣдовало бы закрѣпить въ будущемъ отношенія, существующія между двумя сосѣдними государствами, подыскать новое основаніе для прочнаго союза, который не могъ бы быть нарушенъ со смѣной монарховъ и государственныхъ людей, стоящихъ у власти. „*Существенная* услуга, оказанная намъ Германіей въ Восточномъ вопросѣ, и ясное для всѣхъ, блистательное подтвержденіе солидарности нашихъ интересовъ упрочили бы союзъ, доказавъ всей Россіи его очевидныя выгоды для насъ; Германія снискала бы этимъ симпатіи молодого поколѣнія, воспитаннаго подъ вліяніемъ иныхъ идей, нежели то поколѣніе, на смѣну котораго оно идетъ".

На слѣдующій день я снова имѣлъ продолжительную бесѣду съ канцлеромъ, потомъ запросто обѣдалъ у него съ женою и долго говорилъ съ нимъ на политическія темы, какъ бы продолжая нашу вчерашнюю бесѣду.

Въ письмѣ къ князю Горчакову отъ 1 марта, изъ Парижа, я изложилъ слѣдующимъ образомъ, вкратцѣ, содержаніе нашихъ обѣихъ бесѣдъ:

1. „Германскій канцлеръ, которому извѣстны соглашенія, заключенныя нами съ Вѣнскимъ кабинетомъ, находитъ, что мы были великодушны и предупредительны и что въ этомъ отношеніи наша точка зрѣнія за послѣдніе годы замѣтно измѣнилась [1]).

---

[1]) Князь Бисмаркъ великолѣпно знаетъ Петербургскія настроенія и вѣянія, а также мысли, высказанныя княземъ Горчаковымъ при вступленіи его въ министерство; онъ намекалъ на то, что мы приносили Австріи въ жертву славянъ, коихъ мы всегда защищали. *Авт.*

„На мое замѣчаніе, что мы хотѣли бы оградить себя отъ неожиданностей, связанныхъ съ перемѣною министерства или съ вотумомъ австро-венгерскаго парламента, которыя могли бы имѣть послѣдствіемъ уклоненіе Австріи отъ исполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ, князь Бисмаркъ, а затѣмъ и самъ императоръ Вильгельмъ заявили категорически, что Германія будетъ слѣдить за точнымъ и честнымъ исполненіемъ этихъ обязательствъ и, если это окажется нужнымъ, не допуститъ того, чтобы Австро-Венгрія уклонилась отъ правильнаго пути [1]).

2. „Если къ началу непріязненныхъ дѣйствій съ Турціей не будетъ заключено окончательнаго соглашенія съ Вѣной, то Германія не только сохранитъ благожелательный къ намъ нейтралитетъ, но будетъ противиться всякой политической комбинаціи. которая могла бы быть намъ враждебной. Три императора, сказалъ князь Бисмаркъ, заключая союзъ, связали себя честнымъ словомъ, и въ Берлинѣ не потерпятъ ни малѣйшей „измѣны" со стороны Австро-Венгріи.

3. „Когда я замѣтилъ на это, что война съ Турціей будетъ продолжительна, что нѣтъ возможности предвидѣть всѣхъ ея случайностей, что намъ надобно обезпечить себя отъ политическихъ комбинацій, которыя могутъ возникнуть въ Европѣ, и что намъ придется прибѣгнуть быть можетъ къ кредиту, заключивъ заемъ, то канцлеръ заявилъ, что его правительство не допуститъ образованія противъ насъ коалиціи, всячески облегчитъ намъ продовольствіе войскъ и даже поддержитъ насъ въ вопросѣ о займѣ.

„При этомъ онъ сообщилъ мнѣ, что имъ только-что получены свѣдѣнія отъ банкира Блейхредера, согласно которымъ русскій заемъ въ 100 или 200 милліоновъ легко могъ быть реализованъ этимъ банкиромъ на выгодныхъ условіяхъ и что Англія изъ видовъ политики старается повидимому сбыть русскіе фонды во Францію и въ особенности въ Германію.

„Вполнѣ соглашаясь со мною, что услуга, оказанная Россіи Германіей, упрочила бы союзъ между этими сосѣдними держа-

---

[1]) Намъ слѣдовало, какъ я въ то время и совѣтовалъ, закрѣпить эти обѣщанія въ депешѣ, которая была бы послана по моемъ возвращеніи генералу Швейницу или Убри; объ нихъ слѣдовало напомнить и послѣ Санъ-Стефанскаго договора, представивъ на основаніи этихъ обѣщаній объясненія по существу въ то время, когда подготовлялся Берлинскій конгрессъ. Но князь Горчаковъ предпочелъ сохранить олимпійское спокойствіе, которое онъ находилъ удобнѣе для себя лично. *Авт.*

вами, князь Бисмаркъ заявилъ мнѣ, что онъ, какъ и всякій благомыслящій нѣмецъ, горячо желаетъ, чтобы между двумя сосѣдними державами, которыя могутъ причинить другъ другу безконечно много зла, безъ малѣйшей выгоды для той и другой стороны, существовала непоколебимая дружба; онъ вдался по этому поводу въ разсужденія, которыя будутъ мною лично переданы вашему сіятельству [1]).

„По словамъ канцлера, только поляки въ Россіи и ультрамонтане въ Германіи стараются подчеркивать разногласіе во мнѣніяхъ, которое можетъ возникнуть временно, воображая, что столкновеніе между нами могло бы послужить имъ на пользу.

„Я замѣтилъ на это князю Бисмарку, что въ случаѣ войны съ Турціей было бы желательно, чтобы онъ высказалъ намъ письменно тѣ объясненія и тѣ въ высшей степени успокоительныя обѣщанія, которыя я только-что отъ него выслушалъ. Онъ не колеблясь тотчасъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ охотно сдѣлаетъ это, ежели изъ Петербурга ему будетъ выражено желаніе получить эти объясненія въ видѣ депеши на имя генерала Швейница [2]), для сообщенія ея вашему сіятельству; но присовокупилъ, что Германія не можетъ связать себя дальнѣйшими обѣщаніями до тѣхъ поръ, пока мы оставляемъ за собою право принять сторону Германіи или Франціи, въ случаѣ столкновенія между этими державами...

---

[1]) Князь Бисмаркъ доказывалъ, что увеличеніе числа поляковъ и евреевъ не принесло бы никакой пользы Германіи, которая ихъ имѣетъ безъ того слишкомъ много, и слѣдовательно никто не помышляетъ о присоединеніи Польши, „хотя Висла, со стратегической точки зрѣнія, была бы не дурной границей на Востокѣ“; затѣмъ онъ высказался рѣшительно по вопросу о Прибалтійскихъ губерніяхъ и утверждалъ, что нѣмецкое меньшинство населенія этихъ губерній слишкомъ малочисленно и слишкомъ дорожитъ своими старинными привилегіями, а мѣстность сама по себѣ слишкомъ бѣдна, чтобы ея аннексія могла быть выгодна для Германіи и вознаградила бы за тѣ жертвы, которыя послѣдней пришлось бы принести, порвавъ дружбу съ Россіей и завоевавъ Прибалтійскія губерніи. „Германія не можетъ сдѣлать никакихъ завоеваній ни со стороны Франціи, ни съ противоположной стороны, т. е. со стороны Россіи, изъ-за которыхъ стоило бы вести войну“, сказалъ канцлеръ; такъ какъ ни въ одной изъ этихъ странъ нѣтъ на нашей границѣ такой провинціи, какъ Богемія, которая была бы такъ богата, такъ густо населена и имѣла бы такія неистощимыя естественныя богатства“. *Авт.*

[2]) Швейницъ -прусскій дипломатъ и генералъ, состоялъ съ 1876 по 1893 годъ посломъ въ Петербургѣ, игралъ большую роль на ряду съ Андраши и Горчаковымъ, въ событіяхъ 1876—1878 гг., былъ однимъ изъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ у императора Вильгельма. *П. В.*

Я задалъ по этому поводу германскому канцлеру вопросъ относительно его аггрессивныхъ намѣреній противъ Франціи, которая въ данный моментъ совершенно безвредна. Онъ отрицалъ со своей стороны всякое желаніе вызвать конфликтъ, не представлявшій, по его увѣренію, никакой *выгоды* для Германіи, такъ какъ у Франціи нѣтъ Богеміи, которую можно было бы у нея отнять; ея колоніи также не представляютъ особыхъ выгодъ, завладѣть же Голландіей было бы не безопасно; но онъ увѣрялъ, что Франція мечтаетъ о реваншѣ, чтобы взять обратно Эльзасъ и Лотарингію и что она готовится къ этому дѣятельнѣе и основательнѣе, нежели думаютъ и нежели *онъ самъ думалъ раньше*; онъ передалъ мнѣ вкратцѣ содержаніе донесеній его агентовъ по этому поводу и утверждалъ, что Франція, сосредоточивъ свою кавалерію въ пограничныхъ съ Германіей департаментахъ и усиливъ въ этой мѣстности составъ войска въ мирное время, можетъ въ случаѣ войны помѣшать мобилизаціи ближайшихъ пяти армейскихъ корпусовъ.

„Я позволилъ себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе относительно возможности аггрессивныхъ дѣйствій со стороны Франціи, которыя разумѣется еще менѣе могли бы увѣнчаться успѣхомъ, нежели въ 1870 г., когда ей принадлежали Мецъ и Страсбургъ.

„Подъ конецъ нашей продолжительной бесѣды, желая побудить князя Бисмарка оказать намъ при переговорахъ болѣе энергичную поддержку, я замѣтилъ, что только поддержавъ энергично протоколъ, выработанный Россіей, онъ зажметъ ротъ всѣмъ, кто обвиняетъ его въ томъ, что, толкая насъ въ войну съ Турціей, онъ хочетъ вызвать европейскій конфликтъ“.

Изъ дружескихъ сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ Бюловымъ,— человѣкомъ чрезвычайно осторожнымъ и сдержаннымъ, и изъ разговоровъ моихъ съ нѣмецкими посланниками, съ коими я видѣлся въ разныхъ столицахъ Европы, я заключилъ, что послѣдній аргументъ произвелъ впечатлѣніе на канцлера и что имъ были даны соотвѣтственно этому извѣстныя инструкціи.

Англіей была высказана въ это время мысль о необходимости дать Портѣ срокъ для осуществленія *собственными силами* реформъ, на коихъ настаивали державы, но я предостерегалъ германскаго канцлера противъ этой комбинаціи. Я напомнилъ ему недавнія событія, которыя подорвали всякую вѣру въ турецкія обѣщанія, „формулированныя въ настоящее время, подъ давленіемъ нашей арміи, сосредоточенной на границѣ Турціи. Эти обязательства, говорилъ я, не будучи подкрѣплены реальными гарантіями, будутъ немедленно взяты обратно, какъ только

Россія разоружится; мнѣ представляется невозможнымъ, съ какой бы то ни было точки зрѣнія и въ особенности съ точки зрѣнія *Россіи*, предоставить христіанъ на годъ или хотя бы на мѣсяцъ всецѣло во власть турокъ, для производства надъ ними эксперимента турецкихъ реформъ, всѣ ужасы которыхъ намъ хорошо извѣстны, хотя бы мы и потребовали впослѣдствіи у Порты отчета въ злоупотребленіяхъ, которыя мы предвидѣли ранѣе. Наконецъ для Россіи существуетъ еще одно весьма затруднительное обстоятельство: ея мобилизованная армія не можетъ долго остаться въ бездѣйствіи и не можетъ быть распущена, если нами не будетъ достигнуто никакого существеннаго результата.

Это положеніе, созданное нашимъ желаніемъ сохранить миръ и рѣшеніемъ дѣйствовать въ согласіи съ прочими державами, налагаетъ на нихъ обязанность поддержать насъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Канцлеръ замѣтилъ на это, что нельзя расчитывать на матеріальное содѣйствіе державъ, въ особенности невозможно получить согласіе Англіи на фактическое вмѣшательство державъ, на ихъ дѣйствіе вооруженной силой. Я возразилъ, что давленіе можетъ быть произведено нѣкоторыми державами отъ имени Европы, по данному ею полномочію, но присовокупилъ, что „мы не добиваемся монополіи на экзекуцію въ Турціи“; „предвидя матеріальныя трудности, связанныя съ немедленнымъ выступленіемъ, императорскій кабинетъ согласился бы ограничиться въ данный моментъ протоколомъ или инымъ аналогичнымъ актомъ, который, будучи подписанъ державами, явился бы доказательствомъ ихъ соглашенія, настаивалъ бы на выработанной ими программѣ реформъ и удостовѣрилъ бы неоднократныя обѣщанія, данныя оттоманскимъ правительствомъ, за исполненіемъ которыхъ Европа предоставила себѣ право наблюдать.

„Послѣ этого предисловія, я показалъ канцлеру, какъ бы для простого его освѣдомленія, данный мнѣ вами проектъ протокола (съ незначительными поправками, сдѣланными мною при чтеніи его въ вагонѣ), и по просьбѣ князя Бисмарка оставилъ ему копію съ него, обсудивъ его предварительно по пунктамъ и замѣтивъ канцлеру, что выраженіе: „дѣйствіе державъ“ (противъ котораго онъ возражалъ), въ послѣднемъ абзацѣ, отнюдь не означаетъ немедленнаго вмѣшательства, такъ какъ императорскій кабинетъ согласенъ ограничиться въ данное время подписаніемъ державами протокола“.

Текстъ протокола былъ переданъ мною кн. Бисмарку не въ

качествѣ предложенія со стороны императорскаго кабинета, а только для его освѣдомленія, дабы этимъ облегчить и упростить обмѣнъ мнѣній и добиться благопріятнаго отвѣта со стороны заинтересованныхъ кабинетовъ. Незначительныя поправки, чисто редакціоннаго характера, сдѣланныя въ текстѣ князя Горчакова, имѣли цѣлью лишь нѣсколько усилить его редакцію въ желательномъ для насъ смыслѣ.

Признавая точку зрѣнія, на которую мы стали, вполнѣ умѣренной, князь Бисмаркъ просилъ меня оставить ему этотъ документъ, который онъ хотѣлъ представить на благовоззрѣніе императору Вильгельму, предварительно обдумавъ его содержаніе. Я исполнилъ просьбу германскаго канцлера, обсудивъ предварительно вмѣстѣ съ нимъ проектъ протокола по пунктамъ и давъ ему всѣ желательныя разъясненія. Князь Бисмаркъ находилъ, что коль скоро Россія довольствуется этимъ исходомъ, протоколъ, по его мнѣнію, будетъ пріемлемъ для всѣхъ.

Мы неоднократно бесѣдовали на эту тему. Князь Бисмаркъ и его семья осыпали меня и графиню любезностями и три дня подъ рядъ приглашали насъ къ обѣду запросто.

Я видѣлся не разъ съ вторымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ Бюловымъ и съ моимъ старымъ знакомымъ, Радовицемъ, на котораго канцлеромъ спеціально было возложено веденіе дѣлъ Востока. Они оба присоединились къ высказаннымъ мною взглядамъ, открыто признали ихъ чрезвычайную умѣренность и сообщили мнѣ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на германскаго канцлера мною лично. Нѣсколько дней спустя, нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ, князь Гогенлоэ [1]), подтвердилъ мнѣ то же самое, увѣряя, что, судя по извѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ Берлина, канцлеръ „въ восторгѣ отъ меня, говоритъ, что я знаю, чего хочу, имѣю извѣстныя убѣжденія и ясно высказываю свои мысли“.

На аудіенціи, данной мнѣ императоромъ Вильгельмомъ послѣ совѣщанія съ канцлеромъ, я изложилъ вполнѣ ясно поло-

---

[1]) Гогенлоэ, Хлодвигъ Карлъ-Викторъ, князь Г.-Шиллингсфюрстъ, принцъ ратиборскій и корвейскій. Родился въ 1819 г.; изучивъ право, вступилъ въ прусскую государственную службу; въ 1846 г. занялъ мѣсто въ баварскомъ рейхстатѣ, въ которомъ постоянно ратовалъ за реформу союзной конституціи. Послѣ войны 1865 г. Г., назначенный баварск. министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ и королевскаго двора, поставилъ главной цѣлью своей политики объединеніе Германіи. По провозглашеніи имперіи Г. былъ первымъ вице-президентомъ рейхстага; въ 1874 г. онъ занялъ трудный постъ германскаго посла въ Парижѣ. *П. В.*

женіе, въ которое императорскій кабинетъ былъ поставленъ на Востокѣ тройственнымъ согласіемъ и соглашеніемъ шести державъ, и старался доказать настоятельную необходимость приличнымъ образомъ закончить эти переговоры, при чемъ я особенно настаивалъ на томъ, что затруднительное положеніе, въ которомъ находился въ данное время Императоръ Александръ, создалось единственно благодаря его всегдашнему желанію поддержать общій миръ, избѣгнуть войны, которую намъ видимо хотѣли навязать, и согласовать дѣйствія Россіи на Востокѣ съ дѣйствіями прочихъ державъ, несмотря на то, что ихъ интересы, въ особенности интересы Австро-Венгріи, совершенно расходились съ нашими, и что они были предубѣждены противъ насъ и противъ славянъ.

Логическимъ послѣдствіемъ закрытія конференціи должно было явиться немедленное выступленіе всѣхъ державъ съ цѣлью заставить Порту уважать ихъ общее, принятое ими совмѣстно рѣшеніе. „Мы бы предпочли совмѣстное выступленіе, но желанія наши настолько умѣренны, что мы согласились бы, на худой конецъ, удовольствоваться подписаніемъ протокола, въ духѣ того проекта, который находился въ рукахъ князя Бисмарка, *если бы кабинеты предложили это намъ* въ отвѣтъ на циркулярную ноту князя Горчакова“.

Указавъ на умѣренный тонъ проекта, который являлся только палліативомъ, я высказалъ надежду, что если *соглашеніе кабинетовъ* не можетъ привести къ болѣе цѣлесообразному и благопріятному результату для христіанъ, то Германія поможетъ намъ по крайней мѣрѣ склонить державы къ принятію этого проекта. Я предостерегалъ Его Величество противъ англійскаго плана дать туркамъ годъ для проведенія реформъ и говорилъ, что ни Европа, ни Императоръ, въ особенности, не могутъ оставить христіанъ на такой долгій срокъ, въ видѣ опыта во власть пашей.

Полагая два мѣсяца срокомъ вполнѣ достаточнымъ для проведенія мѣстныхъ реформъ, Россія согласилась бы скорѣе не назначать для этого никакого опредѣленнаго срока, такъ какъ это дало бы по крайней мѣрѣ каждому кабинету извѣстную свободу въ оцѣнкѣ реформъ, за осуществленіемъ которыхъ онъ долженъ наблюдать и держало бы оттоманскихъ властей на чеку.

Императоръ Вильгельмъ, несмотря на предубѣжденіе, которое видимо старались внушить ему со всѣхъ сторонъ противъ моей личности, обошелся со мной въ высшей степени благосклонно; выслушавъ меня, онъ сказалъ, что онъ вполнѣ даетъ

себѣ отчетъ въ трудномъ положенiи, въ которое Россiя поставлена настоящими событiями и ходомъ переговоровъ, что онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ возраженiй противъ протокола и желалъ бы склонить къ принятiю его Лондонскiй кабинетъ, который одинъ только и можетъ быть противъ этого коллективнаго акта.

Когда рѣчь зашла, во время этого разговора, о возможности войны между Россiей и Турцiей, я высказалъ нѣкоторое сомнѣнiе въ искренности намѣренiй Австро-Венгрiи и указалъ на то, что стремленiя мадьяръ могли, въ послѣднiй моментъ, заставить Вѣнскiй кабинетъ уклониться отъ истиннаго пути, на это императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ гарантируетъ намъ, во всякомъ случаѣ, благожелательный нейтралитетъ Германiи и не преминетъ „слѣдить за тѣмъ, какъ будетъ держать себя Австро-Венгрiя, чтобы она осталась вѣрна соглашенiю трехъ императоровъ, связанныхъ честнымъ словомъ".

Когда я посѣтилъ на слѣдующiй день канцлера, онъ прочиталъ мнѣ записку, написанную императоромъ Вильгельмомъ тотчасъ послѣ аудiенцiи, въ которой онъ выражалъ свое полнѣйшее одобренiе по поводу данныхъ мною объясненiй. Въ виду этого князь Бисмаркъ заявилъ мнѣ, что германское правительство принимаетъ нашъ проектъ, что оно подпишетъ его безъ малѣйшаго измѣненiя, обязуется энергично поддержать его передъ прочими кабинетами и передъ Портой и во всякомъ случаѣ окажетъ намъ свою поддержку, только „не батальонами, которыхъ у васъ болѣе чѣмъ достаточно", замѣтилъ канцлеръ, присовокупивъ, что имъ будутъ даны въ этомъ смыслѣ инструкцiи германскимъ посланникамъ при разныхъ дворахъ, дабы заставить Лондонскiй кабинетъ присоединиться къ нашему взгляду; онъ прибавилъ съ видимымъ удовольствiемъ, что между нашимъ и его образомъ мыслей относительно Турцiи и окончательнаго рѣшенiя восточнаго кризиса не существуетъ никакого разногласiя и что по его мнѣнiю дѣйствительно необходимо подписать протоколъ, чтобы завершить достойныхъ образомъ дипломатическую кампанiю, которая иначе могла закончиться довольно жалко.

Ссылаясь на послѣднiя донесенiя, полученныя имъ изъ Константинополя, рисовавшiя полнѣйшее разстройство турецкаго правительства, князь Бисмаркъ вернулся еще разъ къ высказанной имъ мысли о желательности послать въ Константинополь тайнаго агента, который при помощи денежныхъ суммъ, предоставленныхъ въ его распоряженiе, легко могъ бы, по его

мнѣнію, заставить турокъ сдѣлать намъ всѣ уступки, даже территоріальныя, гораздо легче, нежели мы могли добиться чего-либо путемъ европейскаго вмѣшательства. Это вполнѣ согласовалось съ моимъ мнѣніемъ, такъ какъ я былъ всегда того же взгляда и всегда совѣтовалъ князю Горчакову не жертвовать призраку европейскаго согласія и совмѣстныхъ дѣйствій выгодами непосредственнаго и практическаго соглашенія съ султаномъ и Портою.

На мое замѣчаніе, что Европа и въ особенности Австро-Венгрія и Англія сдва-ли признаютъ соглашеніе, заключенное помимо ихъ, въ особенности тотчасъ по закрытіи конференціи, германскій канцлеръ утверждалъ напротивъ того, что въ виду трудности настоящаго положенія и опасности европейскаго конфликта, всякій положительный результатъ, достигнутый непосредственнымъ соглашеніемъ Россіи съ Турціей, будетъ съ радостью принятъ всѣми кабинетами, не исключая Вѣнскаго и Лондонскаго. Онъ полагалъ, что, стремясь только къ достиженію общаго согласія, мы будемъ вынуждены силою обстоятельствъ, вопреки желанію Императора, начать войну съ Турціей. Желая со своей стороны упрочить вѣчную дружбу между Германіей и Россіей, канцлеръ обѣщалъ, что въ случаѣ войны Германія гарантируетъ намъ со стороны Австро-Венгріи выполненіе всѣхъ данныхъ ею обязательствъ и во всякомъ случаѣ обезпечитъ ея доброжелательный нейтралитетъ. Помимо того Германія не допуститъ образованія никакой коалиціи противъ насъ и предоставитъ намъ всѣ дипломатическія, военныя и финансовыя льготы, какія мы пожелаемъ. Въ концѣ концовъ князь Бисмаркъ сказалъ, что если намъ не удастся этотъ разъ склонить кабинеты подписать протоколъ, то за нами придется, по всей справедливости, признать право дѣйствовать впредь противъ Турціи однимъ и считать себя совершенно свободными отъ соглашенія съ кабинетами, которые не хотятъ и пальцемъ шевельнуть.

Большаго нельзя было и требовать, и князь Бисмаркъ могъ сказать себѣ, что онъ предоставлялъ намъ всѣ возможныя льготы для начала нашей войны съ Турціей. Слѣдовало только продолжить въ Петербургѣ разговоръ, такъ хорошо начатый въ Берлинѣ, и въ письменныхъ сообщеніяхъ, коими обмѣнивались кабинеты, называть вещи ихъ собственными именами, какъ я этого и хотѣлъ. Но осуществленію этой программы помѣшало одно обстоятельство, лично касавшееся князя Горчакова и которое усугубило холодность, чтобы не сказать соперничество,

существовавшее уже въ то время между обоими канцлерами, къ ущербу русскихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ, во время своихъ послѣобѣденныхъ бесѣдъ со мною, въ кругу своей семьи, давалъ мнѣ ясно почувствовать свое неудовольствіе всякій разъ, какъ разговоръ заходилъ о князѣ Горчаковѣ, и выражалъ свое озлобленіе противъ него при воспоминаніи о его циркулярной нотѣ, переданной по телеграфу въ 1875 году, послѣ свиданія въ Берлинѣ. „Онъ хотѣлъ изобразить меня тогда какимъ то чудовищемъ, хотѣвшимъ сожрать Францію и вызвать раздоръ въ Европѣ, а себя выставлялъ ангеломъ миротворцемъ, удержавшимъ мою руку и обезпечившимъ Европѣ миръ. Между тѣмъ онъ только благодаря своему чисто женскому тщеславію и самодовольству могъ вообразить, что таково было положеніе въ тотъ моментъ, когда Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Берлинъ. Онъ хотѣлъ убѣдить самого себя и всѣхъ другихъ въ томъ, что онъ игралъ главную роль и унизилъ меня; на самомъ дѣлѣ, не было ничего подобнаго, и я никогда не прощу ему того, что онъ хотѣлъ одурачить меня. Онъ заплатитъ мнѣ за это; придетъ день, когда мы сведемъ этотъ маленькій личный счетъ“.

Зная издавна слабость князя Горчакова, который хотѣлъ убѣдить окружающихъ, что Бисмаркъ былъ глубоко преданъ ему и что онъ можетъ во всякое время расчитывать на него, я былъ пораженъ словами князя Бисмарка, не предвѣщавшими ничего хорошаго для Россіи при данныхъ обстоятельствахъ. Не желая, чтобы интересы страны страдали изъ-за ошибочнаго расчета императорскаго кабинета въ моментъ столь важный для Россіи, я счелъ долгомъ осторожно предупредить князя Горчакова во время одного интимнаго разговора, что князь Бисмаркъ какъ будто еще злобствовалъ на него за телеграмму, посланную изъ Берлина въ 1875 г. и обошедшую всю Европу; я далъ понять ему, что слѣдовало бы загладить это впечатлѣніе и умаслить германскаго канцлера, который могъ еще понадобиться намъ въ моментъ кризиса, и такимъ образомъ обезпечить себѣ его доброжелательную и дружескую поддержку. Но тщеславіе и слѣпое самодовольство одержали въ умѣ князя Горчакова верхъ надъ благоразуміемъ, осторожностью и патріотизмомъ; онъ прервалъ меня, сказавъ довольно высокомѣрно, что я совершенно ошибаюсь на счетъ настроенія князя Бисмарка, который все еще старается угодить тому, кого „онъ во всеуслышаніе называетъ своимъ учителемъ“.

Чего не хочешь слышать, того не слышишь. Далекій отъ

всякихъ интригъ, я только хотѣлъ предостеречь канцлера, не говоря объ этомъ Императору; мнѣ было противно дѣйствовать по примѣру князя Горчакова, не пропускавшаго случая, чтобы повредить мнѣ, напрасно считая меня кандидатомъ на свой постъ въ умѣ Императора и даже во мнѣніи государственныхъ людей всѣхъ странъ.

Миссія, которую я долженъ былъ выполнить въ Берлинѣ, вполнѣ удалась; вопросъ о протоколѣ обсуждался и былъ близокъ къ благополучному разрѣшенію. Придирка Англіи помѣшала его успѣху и заставила меня сократить свою поѣздку по Европѣ и отказаться подписать протоколъ, совершенно обезображенный въ Лондонѣ [1]) и который, какъ я тотчасъ подумалъ, роковымъ образомъ долженъ былъ привести къ войнѣ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Двумя противорѣчивыми деклараціями, сдѣланными Россіей и Англіей. *Авт.*

Великій Князь Николай Николаевичъ

въ 1860-мъ году, въ Парижѣ.

Въ столь богатой событіями жизни великаго князя Николая Николаевича встрѣчается эпизодъ, оставшійся совершенно неизвѣстнымъ его біографамъ, г. Жерве и Д. А. Скалону, несмотря на то, что послѣдній былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ великому князю и пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ.

Эпизодъ этотъ особенно любопытенъ тѣмъ, что Его Высочество является въ немъ въ совершенно необычной для него роли дипломата, и, несмотря на свою неподготовленность къ этому новому для него поприщу, онъ исполнилъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, самымъ блестящимъ образомъ державную волю Августѣйшаго своего брата.

Это было въ 1860 году, когда Императрица Матушка, Государыня Александра Өеодоровна, съ находившимся у нея въ гостяхъ любимымъ сыномъ „Nisi", проживала въ Ниццѣ, только-что присоединенной къ французской имперіи.

Наполеонъ III всячески старался угодить Государынѣ и задобрить ее, такъ какъ зналъ, что она, какъ и великій князь, не слишкомъ доброжелательно относилась къ этой аннексіи. Оба они любили въ Ниццѣ прелестный обликъ чисто итальянскаго города и были очень дружны съ ея прежнимъ владѣтелемъ, Викторомъ Эммануиломъ, „il Re Galantuomo", часто посѣщавшимъ Императрицу въ Ниццѣ. Король только съ душевной скорбью, даже, говорятъ, со слезами, рѣшился разстаться, по требованію своего могущественнаго союзника,—тайно имъ ненавидимаго,—

съ этой жемчужиной Италіи и вмѣстѣ съ нею съ колыбелью своего дома, Савойею.

Великій князь не скрывалъ своего неудовольствія этой экспропріаціею, и, я помню, какъ я боялся за него, когда онъ, въ день плебисцита, долженствовавшаго рѣшить давно заранѣе дипломатами предрѣшенную участь Ниццы, разгуливалъ съ отрицательнымъ бюллетенемъ „Non", не только на своей шляпѣ, но и на ошейникѣ его любимаго пса „Разбойника", среди многотысячной толпы, въ которой было столько явныхъ и тайныхъ агентовъ французскаго правительства.

Но дѣлать было нечего; высшая политика, къ которой, по слухамъ очень неохотно, присоединился и нашъ Государь, рѣшила, что Франція должна получить вознагражденіе за кровь, пролитую на поляхъ Мадженты и Сольферино для освобожденія Ломбардіи отъ владычества австрійцевъ.

Наполеонъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы пріобрѣсти, если не благорасположеніе Императрицы Александры Ѳеодоровны, то, по крайней мѣрѣ, право на ея признательность. Независимо отъ назначенія состоять при Ея Особѣ, во все время пребыванія ея въ предѣлахъ Франціи, одного изъ своихъ самыхъ вліятельныхъ и любимыхъ адъютантовъ, генерала Фроссара, будущаго воспитателя императорскаго принца, впослѣдствіи командира корпуса, выдержавшаго первые натиски пруссаковъ подъ Вейсенбургомъ и Вертомъ, и убитаго въ одномъ изъ сраженій подъ Мецомъ,—онъ прислалъ цѣлую придворную конюшню и вагенбургъ для прогулокъ Императрицы по Ниццѣ и ея окрестностямъ. Узнавши отъ Фроссара о сожалѣніи Государыни, что она не видѣла, при проходѣ ихъ на возвратномъ пути черезъ Ниццу, столь отличившихся въ послѣднюю кампанію знаменитыхъ зуавовъ, Наполеонъ выслалъ немедленно изъ Парижа цѣлый батальонъ гвардейскихъ зуавовъ, чтобы держать караулы въ виллахъ Де-Орести и Авигдора, въ которыхъ жили Императрица и великій князь. Николай Николаевичъ съ его наметаннымъ военнымъ глазомъ не могъ довольно налюбоваться этими образцовыми представителями французской арміи, бывшей тогда послѣ крымской и итальянской войнъ въ апогеѣ своей славы. Трудно было представить такой подборъ молодцовъ и съ такой замѣчательной военной выправкой. Великій князь часто заходилъ въ ихъ помѣщеніе, присутствовалъ на ихъ ученьяхъ, разговаривалъ съ отдѣльными зуавами, какъ только умѣлъ говорить съ солдатами онъ, и

окончательно очаровалъ ихъ, какъ потомъ мнѣ передавали это ихъ офицеры.

Надобно было отблагодарить Наполеона, съ которымъ въ то время считались всѣ коронованныя лица,—а нѣкоторыя даже его побаивались; потому Государь рѣшилъ послать съ собственноручнымъ письмомъ къ Императору и,—какъ кажется, съ передачей на словахъ особаго порученія,—великаго князя, которому такая командировка очень и очень не улыбалась. Онъ съ нѣкоторою опасливой брезгливостью относился къ перспективѣ очутиться среди пышнаго двора второй имперіи съ его нѣсколько оффенбаховскимъ, но строго соблюдаемымъ этикетомъ, о которомъ столько вездѣ говорилось и печаталось, и который вызывалъ ироническія улыбки среди старыхъ, основанныхъ на вѣковыхъ традиціяхъ, дворахъ Европы.

Великому князю предстояло явиться первымъ оффиціальнымъ представителемъ нашего царскаго дома въ Парижѣ послѣ крымской войны. Великій князь Константинъ Николаевичъ посѣтилъ Парижъ еще раньше—въ 1857 году, но, кажется, только по своему почину и безъ оффиціальнаго характера, конечно съ соизволенія Государя, но не по Высочайшему Его Величества повелѣнію. Это было понятно, такъ какъ пріѣздъ его слишкомъ близко совпадалъ съ подписаніемъ парижскаго мира, съ его столь тягостными для самолюбія Россіи условіями. Конечно, Наполеонъ III ловко воспользовался пребываніемъ великаго князя Константина Николаевича,—перваго члена Россійскаго царскаго дома, въ столицѣ Франціи,—чтобы положить основанія будущаго сближенія съ Россіей, и поэтому оказывалъ всѣ возможные знаки вниманія къ его особѣ, какіе впослѣдствіи онъ оказывалъ только коронованнымъ лицамъ, столь часто съ 1869 г. посѣщавшимъ Парижъ.

Положеніе великаго князя Николая Николаевича было совсѣмъ иное: онъ являлся въ Парижъ по волѣ своего державнаго брата съ письмомъ и съ особымъ порученіемъ Его Величества къ Наполеону, и исполненіе такого рода порученія дипломатическаго характера было для великаго князя дѣломъ совершенно новымъ и непривычнымъ. — Поэтому понятно его нѣкоторое смущеніе и даже быть можетъ недовѣріе къ своимъ силамъ и подготовленности къ царской службѣ въ этой для него необычной сферѣ. — Онъ не скрывалъ всего этого отъ Государыни Матушки, и, полагаю, нерѣшимость Его Высочества дошла и до самаго Государя, такъ какъ вскорѣ состоялось Высочайшее повелѣніе генералъ-адъютанту графу Штакель-

бергу,—бывшему нашему посланнику въ Туринѣ,—состоять при великомъ князѣ во время его поѣздки во Францію.

Великій князь неохотно разставался съ Ниццею, которая благодаря чудной погодѣ, продолжавшейся всю весну 1860 г., была особенно привлекательна въ этомъ году. Русское общество было многочисленно, и настолько же первенствовало въ то время въ космополитной Ниццѣ, насколько послѣ оно затемнялось англійскимъ и американскимъ элементомъ. За-океанскіе миллiардеры тогда еще не наводняли Ривьеру, какъ они это дѣлаютъ теперь. Русская колонія имѣла много богатыхъ и родовитыхъ представителей и цѣлый цвѣтникъ молодыхъ, веселыхъ и миловидныхъ боярышень, во главѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ княжною Маріей Максимиліановной, бывшей тогда въ чарующемъ расцвѣтѣ ея восемнадцати лѣтъ [1]).

Матушка Императрица нѣжно любила красавицу-внучку, которая прибыла вмѣстѣ съ нею и помѣщалась съ своей воспитательницей Г-ей Барыковой въ виллѣ Де-Орести, занимаемой Ея Величествомъ въ Ниццѣ.

Въ угоду ей Императрица приглашала по очереди молодыхъ ея подругъ на свои ежедневные вечера и даже устроила для нихъ небольшой танцовальный вечеръ въ великолѣпномъ саду, окружавшемъ виллу Де-Орести.—Кромѣ того

---

[1]) Ея Высочество особенно дружила съ нѣкоторыми изъ этихъ боярышень, бывшихъ, по годамъ, ея сверстницами. Онѣ образовали особый кружокъ подъ названіемъ „*Шайка*“, атаманомъ которой себя объявила княжна Марія Максимиліановна. Изъ этого кружка и по сіе время благополучно здравствуютъ, кромѣ Августѣйшей его предводительницы: свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская, бывшая въ то время графиня Анна Александровна Мордвинова; графиня Игнатьева, бывшая княжна Екатерина Леонидовна Голицына; Татьяна Михайловна Лазарева; княжна Надежда Алексѣевна Трубецкая, обѣ фрейлины Государынь Императрицъ; и баронесса Мейендорфъ, бывшая въ 1860 году графиня Марія Васильевна Олсуфьева.

Графиня Орлова-Давыдова, бывшая въ то время графиня Марія Егоровна Толстая; княгиня Демидова Санъ-Донато, въ описываемое время княжна Мещерская; Наталія Николаевна Черкесова; свитская фрейлина баронесса Марія Петровна Фредериксъ; графиня Дарія Васильевна Олсуфьева, впослѣдствіи замужемъ за А. А. Моро; графиня Зубова, бывшая въ 1860 г. графиня Александра Васильевна Олсуфьева. Къ скорбному листу „Шайки“ слѣдуетъ, къ сожалѣнію, прибавить еще одно имя:—ея Августѣйшей предводительницы, скончавшейся въ Карлсруэ, 2-го февраля, когда статья эта уже была отослана въ типографію.

Принцесса до конца жизни сохранила дружескія отношенія съ своими ниццскими подругами, съ нѣкоторыми изъ которыхъ даже поддерживала переписку.

были большіе балы—съ оркестромъ—у Е. И. В. принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго на виллѣ Avigdor, у моряковъ на палубѣ парохода фрегата Рюрикъ, у великаго князя и dejeuner dansant, длившійся впрочемъ далеко за полночь, даваемый русской колоніей въ честь Государыни Императрицы,—въ Beaulieu. Танцами всегда распоряжался, съ обычнымъ ему искусствомъ, веселостью и ловкостью, великій князь, что дома онъ дѣлалъ только на придворныхъ балахъ.

Тогда еще не было ни велосипедовъ, ни автомобилей, и любимый спортъ для молодыхъ людей была верховая ѣзда; почти каждый день устраивались прогулки - пикники, верхомъ въ очаровательныя окрестности Ниццы. Среди нашихъ дамъ были замѣчательно ловкія и смѣлыя наѣздницы, начиная съ Ея Высочества Маріи Максиміліановны; великій князь былъ очень друженъ съ своей племянницей и они шли въ первой—чудно красивой парѣ [1]).

Послѣдніе дни пребыванія въ Ниццѣ были посвящены частымъ и долгимъ совѣщаніямъ Его Высочества съ графомъ Штакельбергомъ, которыя, полагаю, имѣли нѣсколько дидактическій характеръ. Кромѣ графа, великаго князя сопровождали: личный адъютантъ—пишущій эти строки,—докторъ А. Л. Обермиллеръ и только одинъ камердинеръ Бергманъ.

Въ самую минуту отъѣзда В. И. Мятлевъ, находившійся на рейдѣ Ниццы на своей яхтѣ—которую Государыня Императрица, бывшая особенно внимательной и милостивой къ Владиміру Ивановичу, разъ осчастливила Своимъ посѣщеніемъ — и пользовавшійся давнишнимъ расположеніемъ великаго князя, предложилъ свои услуги—въ качествѣ гофмаршала двора Его Высочества. Онъ имѣлъ вполнѣ то, что французы называютъ

---

[1]) Изъ другихъ кавалеровъ вспоминаю Е. В. принца Николая Петровича Ольденбургскаго; моего товарища лейбъ-гусара и по нынѣ здравствующаго шталмейстера Высочайшаго двора, графа Стенбокъ-Фермора, двухъ братьевъ князей Долгорукихъ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршала и генералъ-адъютанта; кирасира шт.-ротмистра Клюпфеля; адъютанта принца Ольденбургскаго князя Оболенскаго. В. И. Мятлевъ, бывшій во главѣ всякой увеселительной программы, отъ верхового спорта съ благоразумной осторожностью удерживался, предпочитая ему морской, который впрочемъ, также не всегда ему удавался. Помню, какъ онъ, въ день именинъ Императрицы, ѣхалъ на рулѣ своего вельбота, въ камергерскомъ мундирѣ подъ громомъ салютныхъ выстрѣловъ двухъ пушченокъ своей яхты, съ великолѣпнымъ букетомъ для Ея Величества и—за нѣсколько шаговъ отъ берега опрокинулъ лодку и ея пассажировъ: меня и курьера Императрицы Драгони.

le physique de l'emploi: великолѣпныя бакенбарды петербургскаго сановника, начинающуюся лысину, во всемъ англійскую складку,—какъ князь Григорій изъ „Горе отъ ума“, — всегда невозмутимо серьезное, несмотря на постоянное шутовство, выраженіе лица и великолѣпный расшитый золотомъ камергерскій мундиръ со множествомъ иностранныхъ, большею частью какихъ-то экзотическихъ, орденовъ.

Великій князь, смѣясь, согласился, но съ уговоромъ, чтобы Владиміръ Ивановичъ, извѣстный столько же своимъ неподражаемымъ юморомъ и неизсякаемымъ остроуміемъ, обличавшимъ въ немъ достойнаго сына автора безсмертной „Мадамъ де-Курдюковъ“, какъ и своею расточительностью, отнюдь не принималъ въ серьезъ своего положенія псевдо-гофмаршала и не вмѣшивался ни въ какіе расходы, „не то, знаю“, добавлялъ великій князь, „намъ не съ чѣмъ будетъ въ Петербургъ вернуться“.

Привожу одинъ примѣръ юмора, немного шутовского, Мятлева. Когда на представленіи въ Тюилерійскомъ дворцѣ, на которомъ, разумѣется, я уступилъ первое мѣсто Владиміру Ивановичу, какъ нашему гофмаршалу, Наполеонъ спросилъ у него: „Depuis combien de temps êtes-vous auprès de son Altesse?“ Мятлевъ, отвѣсивъ низкій придворный поклонъ, по принятому этикету, который онъ уже успѣлъ скопировать у придворныхъ французскихъ чиновъ, съ невозмутимымъ, серьезно-почтительнымъ лицомъ отвѣтилъ: „Depuis son enfance, Sire“. Великій князь разсказывалъ потомъ, какого труда ему стоило, чтобы не расхохотаться, припоминая, что этотъ столь долгій срокъ сводился къ тремъ днямъ.

Впрочемъ денегъ на этотъ вояжъ намъ было отпущено изъ Министерства двора столько, что, полагаю, и при расточительности Мятлева ихъ хватило бы. Желая придать особый блескъ пріѣзду своего брата къ Тюилерійскому двору, Государь приказалъ отпустить изъ кабинета большой ящикъ, до краевъ наполненный табакерками, перстенями, часами, портсигарами съ портретами и вензелями великаго князя, браслетами и брошками, осыпанными бриллiантами. Ихъ было, на мой глазъ, тысячъ на двадцать или тридцать, по крайней мѣрѣ [1]). Въ препроводительной бумагѣ графа Адлерберга было сказано: „Для

---

[1]) Двѣ табакерки, пожалованныя въ Парижѣ министру двора графу Бачіочи и оберъ-шталмейстеру генералу Флери съ портретомъ Его Высочества стоили вмѣстѣ 4.364 р.

раздачи придворнымъ чинамъ французскаго двора и другимъ лицамъ по приказаніямъ Его Императорскаго Высочества и указаніямъ посла, графа Киселева.—Въ частномъ письмѣ графъ Александръ Владиміровичъ писалъ: „L'Empereur désire qu'on ne se gêne pas avec ces cadeaux"; и когда, по возвращеніи въ Петербургъ, большая часть подарковъ была представлена непочатою, то благодушный графъ Адлербергъ чуть не сдѣлалъ выговора: „Вѣдь было сказано не экономничать"!

Для переѣзда великаго князя въ Марсель былъ назначенъ пароходъ-фрегатъ „Рюрикъ", на которомъ обыкновенно совершали морскіе переѣзды Государь и члены Императорской фамиліи.—Кромѣ упомянутыхъ лицъ свиты, добрый великій князь разрѣшилъ моей сестрѣ Ольгѣ Васильчиковой, ѣхать съ ея семействомъ и цѣлымъ штатомъ французскихъ Nou-nou кормилицъ и англійскихъ боннъ, съ нами до Марселя. Мы оставили Ниццу, не помню въ который изъ первыхъ дней мая и менѣе нежели черезъ сутки уже были въ Марселѣ, гдѣ великаго князя ожидалъ въ Expresse Lyon Méditerranée императорскій вагонъ.

Въ Парижѣ на вокзалѣ Южныхъ дорогъ Его Высочество былъ встрѣченъ всѣмъ составомъ нашего посольства, бывшаго въ то время особо избраннымъ и блестящимъ. Во главѣ его стоялъ маститый графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, украшенный генералъ-адъютантскими вензелями еще „благословеннаго" Царя Александра Павловича. Совѣтникомъ посольства былъ Альфредъ Карловичъ Гротъ, впослѣдствіи оберъ-шенкъ и завѣдующій Высочайшимъ дворомъ, секретарями числились: первымъ—Алексѣй Николаевичъ Толстой, „le Louchon", мой товарищъ по Пажескому корпусу, племянникъ столь вліятельнаго въ министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, Ивана Матвѣевича Толстого, вторымъ—Паскевичъ, племянникъ варшавскаго фельдмаршала. Военнымъ агентомъ былъ флигель-адъютантъ, графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, бывшій адъютантъ великаго князя Николая Николаевича, впослѣдствіи заслужившій Георгіевскій крестъ на шею славнымъ командованіемъ гвардіи за Балканами.—Было еще много attachés, имена которыхъ я не могу припомнить, за исключеніемъ князя Петра Никитича Трубецкаго, супруга знаменитой Lison Трубецкой, имѣвшей въ Парижѣ салонъ, который игралъ въ то время извѣстную роль въ большомъ свѣтѣ и у дипломатовъ, всегда встрѣчавшихся въ ея великолѣпныхъ гостиныхъ.

Великій князь не пожелалъ остановиться по приглашенію Императора Наполеона въ Тюилерійскомъ дворцѣ и имѣлъ пребываніе въ Grand Hôtel du Louvre, гдѣ ему нашимъ посольствомъ былъ приготовленъ цѣлый рядъ роскошно отдѣланныхъ комнатъ. Сколько мнѣ помнится, огромная наемная цѣна за этотъ великолѣпный апартаментъ, кажется превышавшая тысячу франковъ въ день, была уплачена посольствомъ.—Ливреи и выѣздные экипажи собственно для Его Высочества были отъ двора, но великій князь рѣдко пользовался ими и только для оффиціальныхъ выѣздовъ; обыкновенно же онъ ѣздилъ на фіакрахъ или экипажахъ графа П. А. Шувалова.

Мы пріѣхали въ Парижъ вечеромъ, и на другой же день, довольно рано, послѣдовалъ пріемъ великаго князя Императоромъ въ Тюилерійскомъ дворцѣ.—Выѣздъ во дворецъ былъ полу-официальный; не было ни военнаго эскорта, ни вершниковъ у дверей экипажа, а только впереди двумѣстной кареты, въ которой были великій князь и посолъ, ѣхалъ въ парадной ливреѣ piqueur. Запряжки и экипажи были безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ. Было видно, что императорскими конюшнями завѣдывалъ такой знатокъ лошадей и выдающійся кавалеристъ, какимъ былъ оберъ-шталмейстеръ, генералъ Флери, впослѣдствіи французскій посолъ въ Петербургѣ. Въ особенности была хороша пара 7 вершковыхъ полукровныхъ high-steppers въ экипажѣ великаго князя. Его Высочество, страстный любитель лошадей, по возвращеніи изъ дворца, не могъ удержаться, чтобы, въ присутствіи многочисленной публики на парадномъ дворѣ Hôtel du Louvre, не снимая еще генералъ-адъютантскаго мундира, столь красиваго въ то время съ блестящей каской и пышнымъ султаномъ изъ перьевъ, нѣсколько разъ не обойти кругомъ этихъ чудныхъ лошадей, стоявшихъ у подъѣзда, какъ вкопанныя на вытянутыхъ въ струнку заднихъ сухихъ ногахъ.

Его Высочество былъ принятъ во второй гостиной или кабинетѣ Наполеона, куда онъ вошелъ вмѣстѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ, имѣя въ рукахъ собственноручное письмо Государя. Мы, т.-е. Мятлевъ, докторъ Обермиллеръ и я съ французской свитой великаго князя, дожидались въ первой гостиной. У дверей, въ которыя они вошли во вторую гостиную, стояла неподвижно, какъ каріатиды, пара уборныхъ часовыхъ изъ отборнаго эскадрона Cent Gardes,—замѣчательные красавцы въ голубыхъ мундирахъ, съ серебромъ, въ стальныхъ кирасахъ и каскахъ.—Обмундированіе нижнихъ чиновъ,

всѣхъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, почти ничѣмъ не отличалось отъ офицерскаго: было точно такъ же богато, превосходно пригнано и украшено одинаковыми серебряными аксельбантами.

Интимная аудіенція продолжалась довольно долго, послѣ чего императоръ вышелъ, ведя подъ руку императрицу Евгенію, бывшую тогда во всемъ расцвѣтѣ ея легендарной красоты. Она вела за руку прелестнаго мальчугана пяти лѣтъ, le Prince Impérial. Наполеонъ каждому изъ насъ сказалъ нѣсколько словъ; мнѣ припомнилъ,—что, конечно, ему было подсказано,—мое представленіе ему на балѣ Тюилерійскаго дворца въ 1857 г. Императрица удостоила насъ дозволеніемъ поцѣловать ей ручку и каждому изъ насъ сказала нѣсколько любезныхъ словъ. Все это продѣлалось весьма скоро, затѣмъ общій поклонъ, и императорская чета скрылась за дверью, охраняемой часовыми Cent Gardes.

Наполеонъ въ тотъ же день, около 4-хъ часовъ, отдалъ визитъ великому князю, пріѣхавъ одинъ безъ всякой свиты въ парномъ кабріолетѣ, которымъ самъ правилъ. Онъ былъ въ синемъ рейтфракѣ, сѣрыхъ брюкахъ и высокомъ цилиндрѣ, который тогда носили всегда и вездѣ всѣ, считавшіеся принадлежащими къ обществу. Несмотря на докладъ швейцара, что великаго князя не было дома, Наполеонъ пожелалъ взглянуть на его помѣщеніе въ отелѣ. Я былъ одинъ дома и успѣлъ встрѣтить императора у первой площадки великолѣпной лѣстницы à deux rampes, ведшей въ апартаменты, занимаемые Его Высочествомъ.

Опираясь на палку и съ замѣтной одышкой, императоръ, нѣсколько грузный, на короткихъ ногахъ, тихо по ней поднялся и вошелъ въ бельэтажъ, гдѣ уже собрался весь персоналъ отеля. Небрежно отвѣтивъ кивкомъ на ихъ подобострастно низкіе поклоны, Наполеонъ сдѣлалъ едва уловимый знакъ, по которому всѣ быстро скрылись. Онъ прошелъ, сопровождаемый однимъ мною,—даже камердинера Бергмана не было налицо,—весь рядъ комнатъ, занимаемыхъ Его Высочествомъ.—„Voyant comme Vous êtes bien installés,—сказалъ онъ мнѣ,—j'éprouve moins de regrêts de ne pas avoir Monseigneur chez moi au palais“.

Въ спальной онъ съ любопытствомъ разсматривалъ образа и кресты вмѣстѣ съ акварельнымъ портретомъ Государя Николая Павловича, всюду сопровождавшимъ великаго князя, разложенные на столикѣ около походной желѣзной кровати Его

Высочества, и казался очень удивленнымъ, когда я ему пояснилъ, что великій князь, какъ и всѣ его братья, другихъ кроватей, какъ дома, такъ въ походахъ и вояжахъ, не имѣютъ, и что на точно такой же узкой кровати скончался въ 1855 году въ Зимнемъ Дворцѣ Государь Николай Павловичъ. „Tiens, c'est curieux, mais cela ne doit pas être très commode", съ нѣсколько недовѣрчивой улыбкой пропустилъ онъ изъ-подъ своихъ нафиксатуаренныхъ довольно длинныхъ усовъ.

Быть можетъ онъ припомнилъ громоздкія походныя постели съ массою тюфяковъ и подушекъ своего царственнаго дяди, одинъ экземпляръ которыхъ, отбитый казаками въ 12-мъ году, хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

Войдя въ кабинетъ великаго князя, онъ вынулъ карточку съ гравированной надписью: „L'Empereur des Français"—и, загнувъ уголъ, положилъ ее на письменный столъ. Съ изысканной учтивостью спросивъ, можно ли здѣсь курить, — онъ почему-то зналъ, что Его Высочество не куритъ,—закурилъ папироску и, предложивъ мнѣ такую же изъ своего портсигара, покойно расположился на креслѣ и довольно долго распрашивалъ меня о привычкахъ великаго князя, интересуясь знать, любитъ ли онъ ѣздить верхомъ. „Dans ce cas dites à Monseigneur, que je lui ai préparé pour les promenades le matin au Bois une très bonne bête, dressée spécialement par la Hotte" [1]).

Великій князь потомъ сожалѣлъ, что не воспользовался этой любезностью, такъ какъ узналъ отъ графа Киселева, что Наполеонъ намѣревался, послѣ того, какъ Его Высочество на ней ѣздилъ, подвести ему эту лошадь; а великій князь, страстный любитель и замѣчательный знатокъ конскаго дѣла, радовался всякому случаю увеличить составъ своей Петербургской конюшни, превышавшей иногда полсотни головъ, въ числѣ которыхъ послѣ войны была и лошадь Османъ-Паши, подведенная знаменитымъ защитникомъ Плевны его побѣдителю [2]).

Затѣмъ съ „Bien des compliments à son Altesse et des regrêts

---

[1]) Генералъ La Hotte считался первымъ ѣздокомъ французской кавалеріи; онъ командовалъ тогда кавалерійской школой въ Сомюрѣ.

[2]) Въ рѣдкихъ случаяхъ Его Высочество милостиво принималъ подобныя подведенія и отъ частныхъ ему приближенныхъ лицъ. Я самъ имѣлъ честь подвести Его Высочеству, когда въ 1874 году покинулъ строевую службу, моего послѣдняго фронтового коня, извѣстнаго всей Варшавѣ по своимъ замѣчательнымъ статьямъ—„Бурко", завода графа Дедушицкаго. Великій князь очень полюбилъ эту лошадь и много на ней ѣздилъ на войнѣ съ Турціей 1877—1878 годахъ.

de ne pas avoir trouvé Monseigneur", Наполеонъ простился со мной у подъѣзда, куда высыпала масса служащихъ и живущихъ въ отелѣ.

На другой или третій день былъ назначенъ парадный обѣдъ съ дамами, болѣе чѣмъ на двѣсти персонъ во Дворцѣ. Графу Киселеву и Павлу Андреевичу Шувалову стоило не малаго труда уговорить великаго князя быть на этомъ обѣдѣ въ установленномъ для подобныхъ случаевъ французскимъ дворомъ костюмѣ, состоявшемъ изъ обыкновеннаго фрака, бѣлаго галстука и рубашки съ какимъ-то вычурнымъ жабо. Потомъ шелковыя черныя брюки и такіе же чулки, оканчивающіеся башмаками съ большой стальной пряжкой, трехъугольная шляпа claque, назначеніе которой было носиться только подъ мышкой, а никакъ не на головѣ, и бѣлыя лайковыя перчатки довершали этотъ костюмъ, въ которомъ Его Высочество, несмотря на явное отвращеніе замѣнить имъ привычный для него мундиръ, былъ удивительно красивъ и ловокъ. Ему въ то время шелъ тридцатый годъ, и онъ былъ въ лучшей порѣ своей замѣчательной мужественной красоты, дѣлавшей его столь схожимъ съ покойнымъ Государемъ.

Контрастъ, представляемый имъ, когда онъ шелъ рядомъ съ французскимъ императоромъ, доходившимъ ему только до плеча, былъ великъ и, конечно, не въ пользу Наполеона. Его Высочество во время нескончаемо длиннаго обѣда занималъ мѣсто между императоромъ и императрицей. За императорскимъ столомъ были и мѣста немногихъ лицъ его свиты, каждый рядомъ съ одной изъ придворныхъ дамъ императрицы. Мятлевъ, разумѣется, былъ, какъ дома и, несмотря на строгій этикетъ вызывалъ своими остротами безпрестанно смѣхъ своихъ сосѣдокъ. Мнѣ досталась честь вести къ столу графиню Пурталесъ, одну изъ кружка самыхъ красивыхъ, прелестныхъ женщинъ, снятыхъ вокругъ императрицы Евгеніи на знаменитой картинѣ Винтергальтера, столь распространенной тогда и до сихъ поръ безчисленными гравюрами.

Для насъ русскихъ было по меньшей мѣрѣ странно видѣть на этомъ оффиціальномъ обѣдѣ въ честь русскаго великаго князя, въ числѣ приглашенныхъ, барона Дантесъ Геккерна, злополучно мѣткій выстрѣлъ котораго лишилъ Россію преждевременно величайшаго ея поэта. Какъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ французской имперіи, сенаторъ и кавалеръ первой степени Почетнаго Легіона, онъ сидѣлъ за императорскимъ столомъ недалеко отъ великаго князя, который не могъ не

обратить вниманія на его выдающійся ростъ и сановную осанку. Слѣдуетъ замѣтить, что Геккернъ послѣ обѣда, во время долго длившагося куртага, на которомъ Наполеонъ представилъ Его Высочеству всѣхъ высшихъ лицъ войска и администраціи, держалъ себя въ сторонѣ и ни къ кому изъ русскихъ, даже близкихъ ему по Jockey клубу, не подходилъ. За то видимо демонстративно съ нимъ дружески разговаривалъ Принцъ Наполеонъ—Plon-Plon. Досадно было видѣть на этомъ заявленномъ врагѣ Россіи нашу Андреевскую ленту.

Въ теченіе своего шестидневнаго пребыванія въ Парижѣ великій князь еще нѣсколько разъ видѣлся съ Наполеономъ въ Тюилери и, кажется, за обѣдомъ у принцессы Матильды, княгини Демидовой-Санъ-Донато, очень благоволившей—въ разрѣзъ своему брату, Plon-Plon,—къ русскимъ и всегда хранившей благодарную память къ Государю Николаю Павловичу, которому она была обязана значительной рентой, выплачиваемой ей А. Н. Демидовымъ, ея разведеннымъ мужемъ.

Великій князь, сколько помнится, ни одного раза не обѣдалъ у себя въ отелѣ, принимая приглашенія, кромѣ упомянутыхъ, къ обѣдамъ у посла и графа Шувалова; но за то всякій день къ завтраку въ 12 часовъ у него собиралось большое общество. Кромѣ лицъ свиты, къ которой вновь причислился графъ Павелъ А. Шуваловъ, бывали приглашаемы нѣкоторые члены посольства и постоянно генералъ-адъютанты, князья Левъ Радзивиллъ и А. Ѳ. Голицынъ, оба истые парижане, знавшіе всѣхъ и всѣмъ знакомые, которые очень оживляли эти завтраки, длившіеся иногда до 2 часовъ, своими нескончаемыми разсказами и веселыми анекдотами о парижской жизни, изученной ими обоими такъ подробно.

Послѣ завтрака я почти не видѣлъ великаго князя, котораго постоянно сопровождалъ графъ Шуваловъ, его бывшій любимый адъютантъ и другъ дѣтства. Я приходилъ къ великому князю вмѣстѣ съ докторомъ Обермиллеромъ въ 8 часовъ утра, когда онъ кушалъ чай—неизмѣнно зеленый, какой исключительно употреблялъ и его Августѣйшій родитель. Наскоро просматривалась полученная петербургская почта съ приказами и газетами, изъ которыхъ великій князь читалъ только „Русскій Инвалидъ“ и „Петербургскій Листокъ“, и разсѣянно выслушивалось то, что я ему читалъ изъ „Figaro“ и другихъ Парижскихъ бульварныхъ газетъ, относившееся до пребыванія великаго князя въ Парижѣ и до Россіи.

Въ 9 часовъ Его Высочество выходилъ со мною гулять по

бульварамъ и по Палероялю, останавливаясь передъ роскошно убранными витринами, и часто заходя въ магазины для покупокъ, которыя большею частью тутъ же размѣщались по карманамъ нашихъ пальто; только особо громоздкія, или по которымъ приходилось платить крупные счета, направлялись въ нашъ отель, такъ какъ великій князь желалъ сохранить при этихъ утреннихъ прогулкахъ самое строгое инкогнито, что, однако, не всегда удавалось. Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа этихъ покупокъ набралось столько, что онѣ не размѣщались въ нашихъ карманахъ, и я былъ принужденъ сложить ихъ въ каретку перваго попавшаго фіакра, приказавъ ему слѣдовать за нами. Вдругъ я замѣтилъ съ испугомъ, что фіакръ отсталъ отъ насъ въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, которыя тогда, до ломки и перемѣнъ, сдѣланныхъ Гаусманомъ, окружали Палерояль. Несмотря на наши поиски, мы его найти не могли, въ немъ находилось различныхъ покупокъ на нѣсколько тысячъ франковъ, а я не позаботился узнать его номеръ или указать ему нашъ адресъ. Масса экипажей и пѣшеходовъ, несмотря на ранній часъ, переполняли узкія улицы, и я серьезно начиналъ опасаться за могущія быть послѣдствія моей неосмотрительности, когда ко мнѣ подошелъ безукоризненно одѣтый джентльменъ, учтиво снялъ блестящій цилиндръ и вполголоса доложилъ: Mon Colonel, le fiacre N tel et tel n'est pas loin au coin de cette autre rue, un agent va l'amener tout de suite". Даже чинъ мой былъ извѣстенъ нашему невѣдомому охранителю, не говоря уже о высокомъ санѣ лица, шедшаго рядомъ и очень забавлявшагося моимъ смущеніемъ и всѣмъ этимъ эпизодомъ.

Вообще полиція Парижа тайная и явная, возведенная геніальнымъ ея начальникомъ, знаменитымъ Pietri, до совершенства, не только неусыпно охраняла великаго князя, но и зорко за нимъ повсюду и вездѣ слѣдила. Директоръ Grand Hôtel, счастливый и довольный пожалованнымъ ему перстнемъ съ бриллiантовымъ вензелемъ великаго князя, признался мнѣ въ день нашего отъѣзда, что въ числѣ ливрейной прислуги, служившей за завтракомъ, было два „mouchards", прекрасно говорившихъ по-русски, обязанность которыхъ была каждый день представлять à son Excellence Monsieur le Prefet письменный докладъ обо всемъ, что говорилось за столомъ.—„Неужели son Altesse этого не замѣтилъ и могъ полагать, что наша прислуга могла быть такъ неловка, какъ ce misérable, который чуть не облилъ великаго князя, уронивъ за нимъ блюдо съ соусомъ". Я успокоилъ директора, увѣряя, что никто изъ насъ

этой сплошности его персонала не замѣтилъ, и подумалъ, какъ мало интереснаго должны были представлять для Pietri доклады его тайныхъ агентовъ, такъ какъ за столомъ они слышали только парижскіе разсказы и анекдоты,—имъ, вѣроятно, давно извѣстные,—передаваемые съ неподражаемымъ юморомъ княземъ Радзивилломъ и его пріятелемъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ vulgus „Сашка", какъ его, разумѣется за глаза, называли даже корнеты. Серьезные разговоры, если таковые были, съ посломъ и съ графомъ Штакельбергомъ, происходили въ кабинетѣ великаго князя, куда они ежедневно пріѣзжали за полчаса до завтрака.

Я только разъ, кажется, сопровождалъ Его Высочество въ его экскурсіяхъ, предпринимаемыхъ тотчасъ послѣ завтрака: это было, когда онъ въ мундирѣ поѣхалъ въ инвалидный домъ—le palais des Invalides—директоромъ котораго,—по нашей терминологіи,—а по французской,—Gouverneur des Invalides,—былъ послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ Наполеона,—бывшій король Вестфальскій,—Жеромъ.

Совершенно дряхлый Наполеонидъ встрѣтилъ у подъѣзда великаго князя въ парадномъ мундирѣ съ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ, который впрочемъ былъ ему пожалованъ племянникомъ, а не братомъ, имѣвшимъ весьма нелестное понятіе о его военныхъ способностяхъ и даже освободившимъ его послѣ Бородина отъ командованія корпусомъ. Было трогательно видѣть слезы на глазахъ почтеннаго старика, когда онъ, съ трудомъ шагая, подвелъ великаго князя къ мраморному саркофагу своего великаго брата, предъ которымъ склонился на колѣни. Великій князь былъ видимо тронутъ, однако къ нашей, русскихъ, общей радости, примѣру Жерома не послѣдовалъ, хотя утренніе листки это на другой день утверждали. Выходя изъ мавзолея, великій князь пожелалъ посѣтить принца Жерома въ его великолѣпной квартирѣ въ самомъ домѣ, а затѣмъ, попросивъ принца не утруждать себя, въ сопровожденіи коменданта дома, бригаднаго генерала, прошелъ по всѣмъ обширнымъ помѣщеніямъ инвалидовъ, со многими изъ которыхъ онъ милостиво разговаривалъ, въ особенности съ ранеными во время Крымской войны [1]).

---

[1]) Не воображалъ я тогда, что черезъ тридцать шесть лѣтъ я буду такимъ же „Gouverneur des Invalides" въ Москвѣ и стану вспоминать въ скромныхъ казарменныхъ комнатахъ стариковъ измайловцевъ о роскошныхъ помѣщеніяхъ ихъ Парижскихъ товарищей.

Всѣ вечера Его Высочество проводилъ въ театрѣ. Во всѣхъ, получающихъ субсидіи отъ правительства или города, театрахъ были предоставлены въ его распоряженіе Императорскія ложи. Впрочемъ, онъ мало ими пользовался, предпочитая оперетку и циркъ. Великій князь даже не особенно охотно отнесся къ усиленнымъ просьбамъ министра двора, Bacciochi, посѣтить знаменитый „foyer de la danse“ за кулисами Grand Opera. Не помню, кто была тогда звѣздою балетнаго міра, которая была представлена министромъ великому князю, сказавшему ей, по поводу ея танцевъ, нѣсколько учтивыхъ словъ, видимо очень ей польстившихъ. На другой день она была еще болѣе осчастливлена, когда В. И. Мятлевъ доставилъ ей осыпанный бриллiантами довольно цѣнный браслетъ отъ имени великаго князя, котораго Владиміръ Ивановичъ убѣдилъ въ необходимости слѣдовать парижскимъ традиціямъ, экспертомъ которыхъ онъ являлся въ нашей свитѣ.

Табакерки, которыя я по указанію графа П. Д. Киселева, передалъ отъ Августѣйшаго имени министру двора Bacciochi, министру внутреннихъ дѣлъ — Rouher, оберъ-шталмейстеру Флери и, сколько помнится, префектамъ города и полиціи, были, разумѣется, гораздо цѣннѣе, особенно тѣ, на которыхъ находились портреты Его Высочества. Дамскихъ подарковъ, несмотря на большое ихъ число присланныхъ изъ кабинета Его Величества,—не было случая раздавать.

Великій князь остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, и, судя по слышанному мною тогда же отъ графа Киселева, произвелъ наилучшее впечатлѣніе на Тюилерійскій дворъ, въ особенности на императрицу.—„Peut être la traitait il un peu trop en jolies femmes dont on voudrait faire la conquête. Mais au reste elle n'avait nullement l'air d'en être fachée“, прибавлялъ онъ, быть можетъ не сознавая, что, (по слухамъ) и самъ онъ несмотря на старческіе годы, точно также съ нѣкоторой фамильярностью,—которую въ виду его утонченной любезности ему охотно извиняли, — относился къ красавицѣ Евгеніи.

А. Н. Толстой увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ письмо графа Павла Дмитріевича къ князю Горчакову, но предназначенное для прочтенія Государемъ, въ которомъ графъ съ величайшей похвалою отзывался о нашемъ великомъ князѣ, о тактѣ, съ которымъ онъ исполнилъ возложенное на него Высочайшее порученіе, и о выгодномъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ,

какъ на дворъ, такъ и на всѣхъ, имѣвшихъ случай къ нему приблизиться [1]).

Великій князь спѣшилъ домой, къ семьѣ, съ которой онъ былъ почти три мѣсяца въ разлукѣ; поэтому, проѣзжая черезъ Германію, не заѣзжалъ, какъ обыкновенно это дѣлалъ, къ родственнымъ дворамъ Штутгардта и Веймара, а остановился только на два дня въ Берлинѣ, чтобы посѣтить въ Потсдамѣ своего двоюроднаго брата, Фридриха Карла, съ которымъ онъ былъ очень друженъ и съ которымъ у него было много общаго, въ особенности во взглядахъ на кавалерію. Оба они были выдающіеся ѣздоки и знатоки коннаго дѣла. „Красный Принцъ", „der rote Prinz", какъ называли Фридриха Карла по цвѣту доломана и фуражки прусскаго гвардейскаго гусарскаго полка, которые онъ постоянно носилъ, не менѣе способствовалъ развитію превосходныхъ качествъ германской кавалеріи, какъ его двоюродный братъ, великій князь Николай Николаевичъ, сдѣлалъ это для русской конницы.

Его высочество посѣтилъ Берлинъ на другой годъ еще разъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, будучи представителемъ Государя Императора на похоронахъ короля Фридриха Вильгельма IV-го. Его свита состояла изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ В. И. Мятлева; графъ Штакельбергъ былъ снова прикомандированъ къ Его Высочеству.

Церемонія похоронъ была замѣчательна тѣмъ, что она соединила въ Берлинѣ въ послѣдній разъ всѣхъ владѣтельныхъ князей германскаго союза, числомъ болѣе тридцати, которыхъ пять лѣтъ спустя такъ разметала побѣда пруссаковъ подъ Кенигрецомъ.

Это былъ, кажется, единственный разъ, что Его Высочество, столь часто посѣщавшій Берлинъ, остановился не въ домѣ Посольства, а въ большомъ королевскомъ дворцѣ. Рождественскую обѣдню Его Высочество пожелалъ отслушать въ маленькой церкви Потсдамской колоніи русскихъ гвардейскихъ солдатъ, водворенныхъ тамъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III въ 1814 году.—Изъ нихъ осталось очень немного; прихожанами этой церкви. Они всѣ переженились на нѣмкахъ; дѣти были крещены лютеранами и совершенно онѣмечились, точно также какъ и немногіе изъ оставшихся въ живыхъ гвар-

---

[1]) Къ сожалѣнію, я этого письма не нашелъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, открытомъ мнѣ по особой любезности С. Д. Сазонова; вѣроятно оно, какъ не строго оффиціальное, перешло въ личный архивъ князя Горчакова, находящійся у его сына.

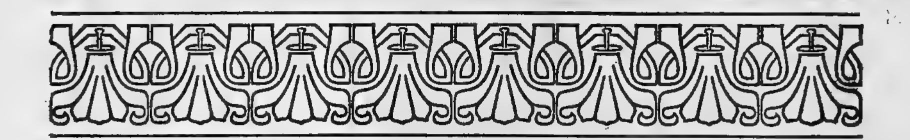
дейцевъ Александра Павловича, позабывшихъ даже русскій языкъ. Теперь полагаю село Ивановъ, „das Dorf der Iwan", ничѣмъ не отличается отъ многочисленныхъ селъ, въ видѣ городовъ, окружающихъ Потсдамъ,—вѣроятно и сама церковь упразднена за полнымъ отсутствіемъ прихожанъ.

На этотъ разъ отсутствіе великаго князя изъ Петербурга было очень непродолжительно: сколько мнѣ помнится, онъ уже командовалъ войсками на Крещенскомъ парадѣ 1862 года.

Графъ **Алексѣй Олсуфьевъ**.

Riviera. San Remo.
Февраль 1914 г.

Разговоръ Пушкина съ Келлеромъ о дневникѣ Гордона и исторіи Петра Великаго.

Въ статьѣ М. Бендера о дневникѣ Гордона, помѣщенной въ № 12 журнала Императорскаго Русскаго военно-историческаго общества за 1913 годъ, имѣется выдержка изъ дневника чиновника Келлера, занимавшагося переводомъ записокъ Гордона, о его разговорѣ съ Пушкинымъ, который, въ виду его особаго интереса, повторяемъ дословно:

„Былъ на балу у Мейендорфа. Онъ и жена его говорили съ Пушкинымъ о данномъ мнѣ порученіи перевести для Государя рукопись генерала Гордона. Я не танцовалъ и находился въ комнатѣ передъ залой. Вдругъ вошелъ оттуда Александръ Сергѣевичъ съ Мейендорфомъ.

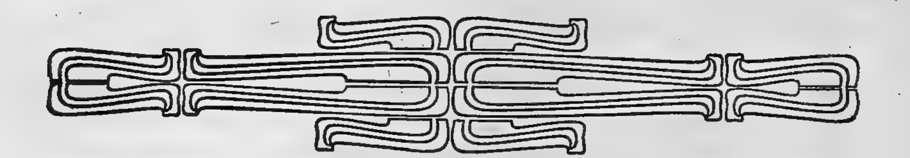
Егоръ Ѳедоровичъ насъ познакомилъ. Пошли разспросы объ объемѣ и содержаніи рукописи. Пушкинъ удивился, и, когда узналъ, что у меня шесть томовъ in 4, сказалъ: „Государь говорилъ мнѣ объ этомъ манускриптѣ, какъ о рѣдкости, но я не зналъ, что онъ столь пространенъ“. Онъ спросилъ, не имѣю ли по окончаніи перевода другихъ подобныхъ занятій на виду и упрашивалъ навѣщать его. Недѣли за три до смерти Пушкина былъ я по его приглашенію у него.

Онъ много говорилъ со мною объ исторіи Петра Великаго. „Объ этомъ Государѣ“—сказалъ онъ, между прочимъ—„можно написать болѣе, чѣмъ объ исторіи Россіи вообще. Одно изъ затрудненій составить исторію его состоитъ въ томъ, что многіе писатели, недоброжелательствуя ему, представляли событія въ искаженномъ видѣ; другіе съ пристрастіемъ осыпали похвалами всѣ его дѣйствія“. Александръ Сергѣевичъ на вопросъ

мой, скоро ли будемъ имѣть удовольствіе прочесть произведеніе его о Петрѣ, отвѣчалъ: „Я до сихъ поръ ничего не написалъ еще, занимался единственно собираніемъ матеріаловъ: хочу составить себѣ идею обо всемъ трудѣ, потомъ напишу исторію Петра въ годъ или въ теченіе полугода и стану исправлять по документамъ". Онъ говорилъ мнѣ также о мнимомъ вліяніи Императрицы Екатерины I на заключеніе Прутскаго мира. Пушкинъ отзывался съ похвалою о трудахъ исторіографа Миллера: весьма часто дѣлалъ онъ себѣ вопросы объ историческихъ фактахъ и находилъ имъ разрѣшеніе въ бумагахъ этого ученаго. Къ сожалѣнію, многія произведенія до сихъ поръ не вышли въ печати. На счетъ перевода рукописи Гордона Пушкинъ мнѣ сказалъ: „Продолжайте имъ заниматься, вы окажете большую услугу". Онъ изъявилъ готовность помогать мнѣ въ моихъ занятіяхъ книгами и манускриптами и обѣщалъ одолжить выдержку изъ Гордона на нѣмецкомъ языкѣ о стрѣлецкихъ дѣлахъ.—„Я самъ читаю теперь ее, но потомъ, если желаете, ее вамъ пришлю".

Пушкину не удалось помогать Келлеру: черезъ три недѣли его не стало.

Свѣтъ не гасимый...

Въ октябрьской книгѣ, за истекшій годъ журнала „Русская Старина“, я помѣстила небольшую статейку: „Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ“, относившуюся къ воспоминаніямъ о Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ, этой „общей бабушкѣ“ всѣхъ, имѣвшихъ счастіе ее узнать и неизмѣнно любить.

Въ началѣ своей статейки я упоминаю о томъ, что 25 іюля 1910 г. исполнилось столѣтіе со дня рожденія Татьяны Петровны, а 24 марта текущаго года минетъ 25 лѣтъ со дня ея кончины, съ того дня, какъ погасъ факелъ жизни, освѣщавшій своимъ свѣтомъ столько жизней, прошедшихъ подъ этимъ свѣтомъ! Кто изъ читателей „Русской Старины“ не зналъ ея записокъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ“, появившихся на страницахъ журнала въ 70-хъ годахъ, раньше, чѣмъ онѣ, — въ 1878 г. — вышли отдѣльнымъ изданіемъ, въ двухъ томахъ?—этихъ записокъ, полныхъ неизсякаемаго интереса, касаясь столькихъ интересныхъ личностей, составлявшихъ окружавшее ее общество?

Передъ вами, какъ живыя, проходили всѣ эти выдающіяся личности прошлаго столѣтія; эти борцы за идею, западники и славянофилы: Герценъ, Грановскій, Аксаковъ, Кирѣевскій,— боровшіеся обоюдоострымъ оружіемъ вымученной ими идеи. Среди этихъ людей вращалась Татьяна Петровна. Среди нихъ крѣпла ея душа и развивался умъ. Она много работаетъ и со своимъ мужемъ, Вадимомъ Васильевичемъ, изучавшимъ исторію вообще, отечественную по преимуществу. Энергія Т. П. не

ослабѣваетъ, а еще крѣпнетъ съ годами; особенно отъ сознанія твердаго исполненія долга, сначала,—рано овдовѣвъ,—поднять на ноги своихъ двухъ сыновей, а затѣмъ, — уже подъ старость, — поддержать семью своего послѣдняго сына.

Энергія эта помогаетъ ей,—уже семидесяти-лѣтней старухѣ,—семь лѣтъ продержать дѣтскій журналъ „Игрушечка", не переставая изливать свой свѣтъ и этой маленькой, зажженной ею „свѣчечкой". Но, и сдавъ журналъ, который при начавшейся хворости, вести не могла [1])—Т. П. не сложила оружіе, а продолжала работать.

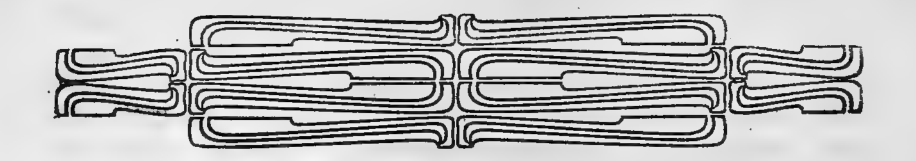
Написавъ III-ю часть своихъ записокъ „Изъ дальнихъ лѣтъ", она приступила къ разбору своихъ бумагъ, очень живо написанныхъ небольшихъ разсказовъ и законченныхъ и только набросанныхъ; остановилась, было, болѣе серьезно на давно задуманной статьѣ „О судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ",—нѣкоторыя страницы которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Задумала, было, писать для „Русской Старины" нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній, особенно касавшихся Герцена и Огарева. Душа ея была еще такъ молода и свѣжа, что, несмотря на слабость физическихъ силъ, старушка постоянно жила иллюзіями, мечтая даже объ изданіи того „Энциклопедическаго журнала для юношества", которое когда-то задумывалъ еще ея покойный мужъ. Она все еще неукоснительно держала „свою свѣчечку".—Всякій долженъ держать свою свѣчечку,—говаривала она,—какая по рукѣ придется; да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись,—горятъ и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ"...

И вотъ, вмѣстѣ съ погасшимъ свѣтомъ факела жизни, не погасъ свѣтъ духа, изливавшійся отъ маленькой „свѣчечки"—„общей бабушки"... И не мало зажглось огоньковъ отъ этой свѣчечки и все свѣтитъ „Свѣтъ негасимый!..".

С. Лаврентьева.

---

[1]) Изданіе этого журнала теперь прекратилось.

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку [1]).

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

№ 28.

2 Января. [1863 г.?].

Не дожидаясь Вашихъ дружескихъ строкъ, дорогой Александръ Васильевичъ, слѣдовало бы мнѣ давно притти къ Вамъ самому, сѣсть у Васъ—въ обычномъ моемъ тепломъ уголкѣ, между самоваромъ, жарко натопленною печкой—и распространиться въ дружескихъ пожеланіяхъ Вамъ и Вашимъ по случаю Новаго Года.

Я бы и сдѣлалъ это и дѣлалъ бы по старому обычаю всегда, еслибъ не попортился совсѣмъ. Не знаю, лихіе ли люди испортили меня „наговоромъ", „нашептаньемъ", „злымъ зельемъ" и т. п. средствами, или я самъ испортился (что вѣрнѣе), но только я сталъ дикъ, пугливъ и все прячусь въ свое „уединеніе", довольно впрочемъ гнусное, ибо оно не розбавляется ни любимымъ трудомъ, этимъ вѣрнымъ лекарствомъ противъ всякой ипохондріи, меланхоліи, нервъ и т. д., ни даже тепломъ и свѣтомъ, такъ какъ снизу дуетъ мнѣ холодъ въ ноги, а сверху солнце, отсутствующее вообще, для меня въ особенности, не достигаетъ въ мой подвальный „hérmitage".

Изъ этого Вы усмотрите, что этотъ hérmitage не изобилуетъ никакими приманками, могущими отвлекать меня отъ друзей.

Значитъ, такъ, испортился! И тяжестью на подъемъ, всяческою лѣнью и нехотью ко всему на свѣтѣ—далеко превзо-

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1914 г.

шелъ одного лѣниваго героя романа, только по другимъ причинамъ.

Впрочемъ такихъ отвратительныхъ, ни на что не нужныхъ стариковъ, одержимыхъ еще горшею обломовщиною—множество, но они только не имѣютъ мужества сознаться въ ней, притворяются все еще нужными, да еще „украдкою киваютъ на Петра“, т. е. на меня. Это все—*Климычи*! Имъ—ничего, спускаютъ, а меня бранятъ!

Но Вы попрежнему дружелюбны и снисходительны ко мнѣ и въ семъ лѣтѣ, какъ были и въ прошломъ—и прежде, и всегда: да будетъ же Вамъ благо и да почіетъ здравіе и обиліе надъ всѣмъ Вашимъ домомъ!

Здравіе и *обиліе* помянулъ я во главѣ моихъ желаній, потому, что все прочее—у Васъ преизбыточествуетъ! (*Обиліе*, я разумѣю, денегъ, т. е. всего того, что можно на нихъ пріобрѣсть покупкою не достающаго Вамъ).

И такъ—съ Новымъ Годомъ и Васъ и всѣхъ Вашихъ—Казиміру Казим.[іровну], Екат. и Соф. Алек.[сандровнъ], Алекс.[андра] Алекс.[андровича] и лэди—поздравляю.

Лишь только освѣжусь, т. е. если на меня хоть неожиданно пахнетъ струя свѣжаго воздуха, если явится благодѣтельная волшебница и сниметъ злыя чары, нервы окрѣпнутъ хоть немного и ноги перестанутъ ныть отъ ревматизма—я явлюсь опять въ Вашъ теплый дружескій пріютъ, взбѣжавъ на Вашу губительную лѣстницу quatre à quatre и рискуя задохнуться въ Вашихъ объятіяхъ.

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 29.

На субботніе блины меня усердно звалъ одинъ новорожденный и я отказать ему не могъ, потому впрочемъ, что Вы, при свиданіи не навѣрное рѣшили о своей субботѣ. Спѣшу предупредить Васъ объ этомъ, почтенный другъ—въ ожиданіи удовольствія свидѣться на первой недѣлѣ, а до тѣхъ поръ я ангажированъ на всѣ блины—вплоть до поста. Масляница—это такое пока серьезное дѣло на Руси, что отъ него пріостановится сама—Сѣверная почта, пріостановится въ тотъ моментъ, когда все прочее катается.

Въ Воскресенье можно бы свидѣться у П. А. Валуева [1]), да

---

[1]) Министръ внутреннихъ дѣлъ и литераторъ; былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ И. А. Въ 1906 г. К. Военскимъ напечатаны (въ отдѣльномъ изданіи) письма Гончарова къ Валуеву.

бриться лѣнь, одѣваться лѣнь, говорить лѣнь, ахъ, и жить лѣнь!

Имѣю честь приложить при семъ: 1, экз. *Обыкновенной исторіи,* III-го изданія: упоминать объ ней одной въ Сѣверной Почтѣ было-бы неудобно и я о томъ не прошу, а посылаю ее такъ, на память Вамъ, въ Вашу книжную трущобу, но зато посылаю 2-е, Объявленіе для припечатанія въ Сѣверной Почтѣ: деньги слѣдующія за то внесу исправно. Хорошо бы напечатать это *въ Среду или Четвергъ первой недѣли Поста.*

Если же это можетъ легко и удобно сдѣлаться и безъ Вашего посредства, то потрудитесь возвратить объявленіе подателю сего, моему племяннику и мы сами отнесемъ въ Контору. А Вы, пожалуй еще, къ Вашему *неумѣнью находить*— присоединяете, можетъ быть, *умѣнье терять необходимое*—и того гляди—потеряете объявленіе.

Вотъ и все!

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

16 февраля [1863 г.].

№ 30.

Я надѣялся видѣть Васъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, вчера въ клубѣ и за бокаломъ вина проститься съ Вами до осени. Но Вы не были.

Между тѣмъ третьяго дня произошла въ моей квартирѣ уродливость, въ слѣдствіе которой человѣкъ мой, вдругъ, по вдохновенію, сказалъ Вамъ, что меня нѣтъ дома, потому что въ то утро я на него разсердился, зачѣмъ онъ пустилъ ко мнѣ незнакомаго. Когда Вы позвонили, потомъ ушли, я спросилъ, кто былъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „генералъ изъ Малороссіи, а фамилію забылъ!“ Можно ли было догадаться, что это Вы? Наконецъ, когда онъ даже прибавилъ, что „Вы служили прежде въ *Сѣверной Почтѣ*“, я и тутъ еще не догадался, а когда наконецъ догадался и послалъ въ погоню, Васъ уже не было. Анекдотъ—лишившій меня удовольствія еще разъ видѣть Васъ, а Васъ—случая сказать мнѣ доброе напутственное слово и выкурить золоченую сигару.

Я ѣду въ Пятницу утромъ—и еслибы не лѣстница—забѣжалъ бы еще разъ. Въ надеждѣ застать Васъ осенью витающимъ ниже облаковъ и птицъ Владимірской колокольни, обнимаю Васъ отъ всего сердца и кланяюсь Вашимъ.

И. Гончаровъ.

13 мая 1864 г.

№ 31.

Вильдбадъ (Виртембергъ). Hôtel Klumpp, № 11. [1864 г.?].

Почтенный и любезный другъ Александръ Васильевичъ! Вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ я отсутствую, не говорю странствую, потому что я только и дѣлаю, что лечусь, а какое же это странствіе! Но отсутствіе отъ всего знакомаго и близкаго становится все ощутительнѣе и ощутительнѣе, такъ, что я едва ли опечалюсь, когда истекутъ и послѣдніе дни моего отпуска. Какъ ни сумрачно, ни холодно у насъ, а все же—привиллегія сидѣть на своемъ собственномъ креслѣ, пить свой собственный (а не здѣшній гнусный) чай, да въ тотъ или другой вечеръ увидѣть Вашъ любезный, или другой—третій, да и обчелся ликъ добрыхъ друзей—все это не замѣняетъ ни веселая бѣготня по желѣзнымъ дорогамъ, ни перемѣна городовъ, какъ декорацій, ни куча новыхъ и отчасти старыхъ встрѣчныхъ знакомыхъ и толпы незнакомыхъ лицъ, къ которымъ чувствуешь себя постоянно—не просто, а какъ-то непріязненно—равнодушнымъ.

Собственно путешествіе, къ стыду моему, или къ стыду моихъ лѣтъ, уже не шевелитъ меня: вотъ хоть бы теперь, дней черезъ двѣнадцать, я кончаю леченіе, Италія подъ бокомъ, я ее никогда не видалъ, дорожный кошелекъ мой далеко не истощенъ, а лѣнь, не хочется, не тянетъ. И вотъ, отсюда, заглянувъ дня на два въ Баденъ-Баденъ, я вернусь во Франкфуртъ, пробуду въ Соденѣ нѣсколько дней у больного Льховскаго [1]) и потомъ dahin, dahin—гдѣ миртъ цвѣтетъ и персикъ блещетъ—въ ресторанахъ Пале-рояля, гдѣ дѣвы розами цвѣтутъ, до которыхъ мнѣ, т. е. до дѣвъ тоже нѣтъ никакой надобности.

А вѣдь мнѣ легче стало послѣ Карлсбада, во-первыхъ. брюхо отчасти растаяло, изжога не мучаетъ; а теперь и боль въ ногахъ исчезла, вѣроятно—до осени, до Октябрьскихъ дождей и вѣтровъ: и то слава Богу. Доктора все не рѣшили еще, подагра или ревматизмъ у меня, хотя всѣ, отъ Петербурга, Дрездена и Карлсбада, съ удивительною проницательностію угадали, что у меня большое—брюхо! Какіе мудрецы! И вотъ отъ большого то брюха они все и лечили меня и чуть было совсѣмъ не вылечили, такъ что осталось только брюшко.

---

[1]) См. выше, письмо № 14.

Въ Карлсбадѣ была скука, томленіе, Вавилонское плѣненіе, съ холодомъ, голодомъ и вѣчной заботой непрерывнаго хожденія по крутымъ горамъ. Тамъ человѣкъ становится дикъ, свирѣпъ и неукротимъ, худѣетъ, блѣднѣетъ и исполняется ненависти къ человѣчеству вообще, къ нѣмцу австрійскому въ особенности.

Здѣсь же въ Вильдбадѣ, хотя по названію и *дикомъ*, но въ самомъ дѣлѣ прелестномъ мѣстѣ, онъ смягчается; здѣсь думы его питаетъ и кроткій мягкій воздухъ, и сумракъ елей и дубовъ, и нѣжная зелень очаровательнѣйшихъ долинъ, какія найдешь только у Кодъ-Лорреня; а тѣлесныя силы подкрѣпляются обильнымъ, изъ 11 блюдъ состоящимъ табль-д'отомъ, устроеваемымъ лучшимъ парижскимъ метръ-д'отелемъ; здѣсь обиліе природы споритъ съ роскошью жилищъ въ обитаемой, напримѣръ, мною отели; здѣсь тѣнистыя аллеи, цвѣты, прекрасные калѣки и калѣчки—словомъ чуешь близость Рейна, Франціи и Британіи, ихъ могущество, роскошь, комфортъ.

А въ какомъ обществѣ лечился я все лѣто: какъ не возгордиться? Въ одномъ корридорѣ со мной живетъ нашъ принцъ Ольденбургскій, да англійскій Ротшильдъ, да австрійская эрцъгерцогиня, и простые герцоги, графы и князья всѣхъ націй. Въ Карлсбадѣ былъ австрійскій императоръ, прусскій и бывшій греческій короли, наши двѣ великія княгини, герцогъ нассаускій etc. etc. etc. Тамъ и Бисмаркъ и Рехбергъ [1])—et tutti quanti!

Скажите же мнѣ о себѣ: такъ же ли Вы задумчиво-величаво прогуливаетесь и на какихъ берегахъ, въ сумракѣ какихъ деревъ, среди акацій Черной рѣчки и Аптекарскаго острова, или подъ липами и елями Павловска, близъ Славянки? Такъ же ли великолѣпно ничего не дѣлаете, благодаря лѣтнему закрытію университета, всякихъ академій, а можетъ быть и нашего Совѣта [2]), какъ и въ прошлое лѣто, такъ же ли неистово привередничаете, призывая на помощь весь медицинскій факультетъ по случаю невидимой, ночной затрещины по головѣ какого-нибудь стучащаго духа, или по случаю будто бы промоченія ногъ, а въ сущности самыхъ нетолько непромокаемыхъ, но и не истребляемыхъ, ни огнемъ, ни водой, калошъ? А что барыни? Казиміра Казиміровна? Что Екатерина и Софья

---

[1]) Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) И. А. былъ членомъ совѣта м-ра вн. д. по дѣламъ книгопечатанія съ 30 августа 1865 г. по 29 декабря 1867 г. См. у Мазона „Русская Старина", 1911 г. № 3.

Александровны? Здоровы ли онѣ? Убрали ли хоть на время удушливаго петербургскаго лѣта свои зубныя подушечки, склянки съ лекарствами и съ ними головную и всякую боль? Что дѣлаетъ непроходимѣйшій шалунъ?

Дайте мнѣ обо всемъ знать, но уже не сюда: не успѣете. Письмо ходитъ дней шесть туда, да шесть оттуда. А лучше напишите такъ:

Frankfurt a/M.

poste restante.

Herrn Iohann v. Gontscharoff каковымъ дружески и подписуюсь въ ожиданіи Вашего отвѣта.

Нѣтъ ли чего новаго? Что дѣлается у насъ въ Совѣтѣ? Говорятъ, Александръ Григ[орьевичъ Тройницкій] за границей: кто предсѣдатель? Не Вы ли, любезный другъ?

И. Гончаровъ.

№ 32.

Маріенбадъ 2 (14) іюля [1865 г.?].

Не изъ подъ оливъ и померанцевъ и кипарисовъ, а изъ глубины сосноваго лѣса взываю къ Вамъ, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ, и глаголю: что творите? скинули-ли байковый сюртукъ и колоши? наступила-ли весна или лѣто? обмолвились-ли журналы наши умною и занимательною статьею? не пустилъ-ли Осипъ Антонычъ? [1]) еще какой-нибудь ядовито-цензурной стрѣлы въ нашу бѣдную литтературу? Собирается-ли мудрый нашъ Совѣтъ [2]) въ полуденную жару у Чернышева моста, или лѣниво дремлетъ по разнымъ тѣнистымъ пріютамъ задумчивыхъ Дріадъ Павловска, Петергофа и Черной рѣчки? Есть-ли какіе-либо слухи о новомъ цензурномъ порядкѣ и будемъ ли мы и впредь изнемогать подъ бременемъ толстыхъ журналовъ, или же придумываются иные, болѣе острые способы служебныхъ истязаній и какіе суть тѣ способы т. е. какъ

---

[1]) Пржецлавскій, одновременно съ И. А. бывшій (1863—1865 г.г.) членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, а ранѣе состоявшій членомъ главнаго управленія цензуры, въ то время какъ И. А. былъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета. Объ усиленной цензорской дѣятельности Пржецлавскаго см. у Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 г.г. Спб. 1904 г., стр. 29 и далѣе.

предполагается вести новое дѣло: что достанется на долю Комитетамъ и что Совѣту? Я съ великимъ страхомъ жду грядущаго новаго порядка и не имѣю ясной идеи о томъ, какъ онъ разыграется. Но не хочу болѣе смущать ни себя, ни Васъ будущимъ, въ туманѣ кроющимся образомъ новыхъ заботъ и тяготы: пока мысли мои стремятся отсюда къ Рейну, къ Булони и къ Парижу, куда полагаю прибыть отъ нынѣшняго дня недѣли черезъ полторы, и пробывъ тамъ столько же, отправиться въ Булонь. Если вздумаете написать ко мнѣ, то поручите писаніе свое Софьѣ Александровнѣ, а я сообщилъ ей, куда и какъ ко мнѣ адресовать.

Изъ русскихъ знакомыхъ есть здѣсь теперь Андрей Парф. Заблоцкій—[Десятовскій] [1]), съ коимъ я и гуляю ежедневно по променадѣ, раскланиваюсь также и съ нѣкоторыми другими.

Мнѣ надоѣло питье воды и я съ нетерпѣніемъ жду будущей недѣли, чтобы благополучно удрать отсюда во Франкфуртъ, гдѣ между прочимъ нужно остановиться и затѣмъ, чтобъ запастись сигарами.

Если въ самомъ дѣлѣ есть какіе-нибудь слухи, новости, какъ о нашей будущей службѣ, такъ и вообще, что-нибудь интересное, то не оставьте меня увѣдомленіемъ.

Если Вы напишете и отдадите письмо на почту въ Парижъ не позже 20 іюля русск. стиля, то я скоро надѣюсь читать Ваши строки. Усердно и дружески Вамъ кланяюсь

И. Гончаровъ.

№ 33.

Четвергъ, 29 Августа. [1865 г.?].

На дняхъ я воротился домой—и по дорогѣ черезъ Бельгію и Пруссію захватилъ съ собой стараго своего товарища—*тикъ*, который и лишаетъ меня удовольствія про[из]вести завтра день, по обыкновенію, у Васъ, дорогой имянинникъ Александръ Васильевичъ!

Боюсь сквозного вѣтра въ вагонахъ, боюсь вечерней сырости—жалѣю, что осужденъ на домашній арестъ, едва смѣя показывать носъ на вѣтеръ—и поздравляю Васъ съ имянинами.

Завтра однако постараюсь пропѣть: „Святый, благовѣрный Княже Александре—моли Бога за Царя, за всѣхъ всероссій-

---

[1]) Извѣстный государственный дѣятель и писатель по экономическимъ вопросамъ, знатокъ крестьянскаго дѣла.

скихъ имяниниковъ вообще, и за Васъ, Александръ Васильевичъ, въ особенности, а потомъ уже и за насъ грѣшныхъ!

Надѣюсь въ непродолжительномъ времени свидѣться съ Вами у Владимірской и взываю къ Борею, который конечно не замедлитъ разогнать дачниковъ по своимъ городскимъ гнѣздамъ!

Да снесетъ онъ кстати и кровлю съ Вашего городского гнѣзда и да сброситъ сіе послѣднее съ пятаго въ первый снизу этажъ—чтобы моему благоутробію не тяжко было подниматься на многоэтажныя высоты!

Съ этимъ обѣтомъ простираю къ Вамъ обѣ дружескія длани и пью за Ваше здоровье—зельтерскую воду съ молокомъ.

Кланяюсь усердно Казимірѣ Казиміровнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Вашъ же И. Гончаровъ.

№ 34.

Воскресенье. [1865 г.].

Препровождаю къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, два экземпляра трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго.* Но вотъ въ чемъ дѣло: если, какъ Вы говорите, трое будутъ заниматься ею—то гдѣ же взять третій экземпляръ? Одинъ останется у Васъ, другой отдадутъ, положимъ, Г. Сухомлинову [М. И.] [1]); если поручатъ третьему Дудышкину [С. С.], тогда, конечно, экземпляра не нужно—у него есть. А если не ему, а кому-нибудь другому?—У меня есть третій экземпляръ, но онъ—мой, и если будетъ настоять крайняя надобность, то я его отдамъ съ большимъ сожалѣніемъ.

Повѣряя Вамъ эти мои сомнѣнія на мудрое Ваше разрѣшеніе, пребываю жестоко преданный

И. Гончаровъ.

№ 35.

11 (22) Іюня 1866 г.

Любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ!

Вотъ я и на мѣстѣ злачнѣ, но не на мѣстѣ покойнѣ. Кругомъ война [2]), пахнетъ порохомъ, дороги мало по малу снимаются и я не знаю, когда я выберусь отсюда.

---

[1]) Профессоръ русской словесности, впослѣдствіи извѣстный ученый, академикъ.

[2]) Австро-прусская.

Я пробылъ дня три въ Берлинѣ, и еслибъ промедлилъ еще день, то былъ бы теперь дома, потому что на другой день послѣ моего отъѣзда и послѣдній путь черезъ Лейпцигъ былъ запертъ. Въ Парижъ черезъ Ганноверъ сообщеніе тоже прекратилось.

Я пробрался не безъ приключеній и едва, едва спасся бѣгствомъ отъ непріятеля. Вамъ извѣстно конечно, что Пруссія мирно заняла всю Саксонію, войска которой стянуты вмѣстѣ съ Австрійскими, близь Ольмюца. День моего выѣзда изъ Берлина былъ послѣдній, пока еще можно было пробраться черезъ Лейпцигъ въ Австрію и я благополучно добрался до Эгера, послѣдней станціи до Маріенбада, даже записался въ дилижансъ, чтобъ добраться туда, какъ вдругъ услышалъ, что изъ Маріенбада и Карлсбада больные спѣшатъ выѣхать, что сообщенія мало по малу прекращаются, что снимаются рельсы и проволоки. Я тотчасъ же велѣлъ снять свой чемоданъ съ имперіала кареты и въ ту же ночь пустился обратно черезъ Лейпцигъ, надѣясь къ утру достичь Берлина и ждать тамъ, пока обрисуется яснѣе положеніе, или если неизвѣстность продлится, то воротиться въ Петербургъ. Въ дорогѣ я крѣпко ночью заснулъ, а на зарѣ вдругъ будитъ меня голосъ: „выходите вонъ: дальше ѣхать нельзя—Прусаки уже въ Лейпцигѣ!"

И насъ, и багажъ нашъ извлекли и послѣдній валялся въ безпорядкѣ на платформѣ. Тутъ я увидѣлъ и свой чемоданъ, а кругомъ толпу смущенныхъ пассажировъ. Мы были въ Саксонскомъ городкѣ Рейхенбахѣ — около станціи разстилались далеко поля съ зелеными хлѣбами. Куда хочешь—туда и иди. А Прусаки надвигались какъ туча, разрушая путь. Вотъ скверно-то было на душѣ при мысли засѣсть въ нѣмецкомъ городишкѣ и ждать конца войны и исправленія путей. Кондукторы однако рѣшили, посовѣтовавшись между собою, подвигаться впередъ сколько можно ближе къ Лейпцигу и мы сѣли опять въ вагоны и часа полтора подвигались къ Лейпцигу. Вдругъ часовъ въ семь утра на одной станціи, часа за два до Лейпцига, опять крикъ *„назадъ, назадъ — Прусаки за часъ отсюда!"*

И я опять съ Саксонцами пустился бѣжать отъ Прусаковъ, съ которыми наканунѣ за table d'hôte въ Берлинѣ чокался бокалами за ихъ первый успѣхъ надъ захваченнымъ курфирстомъ съ деньгами, предупредивъ ихъ впрочемъ, что завтра, можетъ быть, я точно такъ же буду чокаться съ австрій-

цами за успѣхъ надъ ними, прусаками. Они добродушно засмѣялись и чокнулись со мной опять.

Мы помчались назадъ, къ Австріи, захватывая съ собой пустые вагоны по дорогѣ, чтобы ими не воспользовались солдаты и часа черезъ два были внѣ всякой опасности. А во второмъ часу дня я былъ опять на томъ мѣстѣ, откуда уѣхалъ ночью, т: е: въ Эгерѣ, а оттуда къ 5 часамъ пріѣхалъ сюда, въ Маріенбадъ.

Что будетъ дальше—не знаю. Хотя я и ко многому равнодушенъ, но къ плѣненію Вавилонскому или Маріенбадскому равнодушенъ быть не могу.

Нужно мнѣ и леченье водами, а еще нужнѣе купанье въ морѣ—а между тѣмъ я не увѣренъ не только въ томъ, попаду ли я къ морю, но и въ томъ, попаду ли я куда-нибудь отсюда, если дороги будутъ несвободны. Теперь еще можно пробраться въ Вѣну, а изъ Вѣны черезъ Варшаву домой; потомъ можно ѣхать изъ Вѣны Дунаемъ до Чернаго моря—но я совсѣмъ не располагалъ дѣлать эти объѣзды и вовсе не любопытствую видѣть и Вѣну, и Одессу. А черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, и того будетъ нельзя!

Здѣсь есть нѣсколько русскихъ, но очень мало, между прочимъ сенаторъ Арцимовичъ [В. А.] [1]), съ которымъ я незнакомъ, да генералъ-адъютантъ баронъ Бюлеръ [К. Ѳ.] [2]), Новикова [О. А.] [3]), урожд. Кирѣева и еще человѣка три, четыре. Можно бы отсюда сейчасъ уѣхать черезъ Нюрнбергъ и Виртембергъ, на Стразбургъ и Парижъ, но не извѣстно здѣсь, открыли ли опять дорогу черезъ Кельнъ и Берлинъ въ Петербургъ, чтобъ не засѣсть надолго и въ Парижѣ. Словомъ, каша. Въ заключеніе скажу, что положеніе это небезъинтересно: есть ощущенія неожиданности, нѣкоторой опасности, разнообразія и приключеній: но чтобъ наслаждаться ими, нужно быть новичкомъ въ треволненіяхъ, а я старъ и усталъ, хочу покоя, а не приключеній—и потому мнѣ нетолько не занимательно все это, а просто нестерпимо скучно.

---

[1]) Извѣстный административный дѣятель эпохи „шестидесятыхъ" годовъ, сенаторъ.

[2]) Помощникъ командующаго войсками Петербургскаго военнаго округа.

[3]) Писательница и общественная дѣятельница, постоянно живетъ въ Лондонѣ; въ послѣдніе годы печатаются въ „Русской Старинѣ" ея записки „Депутатъ отъ Россіи".

Прощайте, кланяюсь Вамъ усердно и остаюсь искренно преданный

И. Гончаровъ.

Поклонитесь Павловскимъ Вашимъ сожителямъ и разскажите о моемъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

№ 36.

5 (17) Маріенбадъ. [1866 г.].

Получилъ я Ваше письмо, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ—и премного благодарю. Отвѣчаю коротко на этотъ разъ, потому что собираюсь завтра уѣхать и укладываюсь. Я пробылъ мѣсяцъ; надо бы пить воды еще недѣль шесть, но медлить нельзя, потому что неизвѣстно, удастся ли выбраться отсюда во время. Теперь пока, дорога открыта черезъ Баварію и я хочу проскочить въ Штутгартъ, а оттуда скорехонько черезъ Стразбургъ въ Парижъ, чтобы мнѣ былъ свободный путь къ морю.

Здѣсь все волнуется, все томится неизвѣстностью будущаго. Торговля, дѣла, всякое движеніе — въ застоѣ, и люди, которымъ дѣла нѣтъ до плановъ честолюбцевъ, проклинаютъ Бисмарка съ его затѣями и Пруссію. А Прусаки утверждаютъ, что Австрія—есть тормазъ, что она держитъ въ застоѣ всѣ свои племена и языки—не только въ политикѣ, но и въ наукѣ, и въ торговлѣ, и даже въ земледѣліи. Вотъ Прусаки и взяли якобы на себя роль цивилизаторовъ. Такъ вчера перорировалъ [1]) у источника одинъ прусскій графъ въ толпѣ австрійцевъ—и тѣ согласны бы были служить всякому господину, лишь бы торговля и промышленность двигались и чтобы съ нихъ брали поменьше податей.

Они уже привыкаютъ къ мысли, что Богемія будетъ потеряна для Австріи, и сегодня мой докторъ, прощаясь со мной, сказалъ безъ всякой патріотической грусти, что если я пріѣду на будущій годъ, то вѣроятно онъ—и Маріенбадъ будутъ уже прусскими подданными.

Я бы всѣмъ этимъ несказанно наслаждался, сочувствуя неуспѣху однихъ нѣмцевъ и не сочувствуя успѣху другихъ, еслибъ война не прекращала движенія по желѣзнымъ доро-

---

[1]) Т. е. выводилъ заключеніе.

гамъ, а то Прусаки имѣютъ скверную привычку, занявъ непріятельскую землю, снимать рельсы и телеграфич. проволоки, чтобы не дать врагу средства оправиться и направиться на нихъ.

Прощайте. Спѣшу укладываться. Я отчасти завидую Вамъ и Вашей безмятежной тишинѣ. А мнѣ предстоитъ тащиться по ужасной жарѣ черезъ всю Баварію, да еще дай Богъ дотащиться, а не сѣсть въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ бургѣ или бергѣ въ ожиданіи лучшихъ временъ и дорогъ.

Кланяюсь Казимірѣ Казиміровнѣ и всѣмъ Вашимъ дружески и жму Вашу руку

И. Гончаровъ.

Письмо это придетъ къ Вамъ вѣроятно дней черезъ десять. Надѣюсь тогда быть въ Парижѣ.

№ 37.

22 Авг. (3 Сентября) [1866 г. ?].

Получилъ я Ваше письмо, дражайшій Александръ Васильевичъ, и хотя близится время моего возвращенія т: е: остается мѣсяцъ съ небольшимъ (до 26 Сентября—мой срокъ), однако я все желаю подать Вамъ еще разъ голосъ о себѣ. Я все кисну—сказалъ бы я—въ Булони, но какъ море не даетъ ничему прокиснуть, то я проживаю мирно на его берегахъ вотъ уже четыре недѣли—и среди англичанъ съ одной, и французовъ съ другой стороны—рискую только забыть совсѣмъ русскую рѣчь. За table d'hôte у меня успѣли завестись пріятели и пріятельницы, особенно англичанки, которыхъ ласковостію и милымъ обхожденіемъ я не могу нахвалиться. И кокетничаютъ онѣ съ такимъ достоинствомъ, такъ благородно, что влекутъ къ себѣ какъ-то хорошо, такъ что, глядя на нихъ, понимаешь, отъ чего семейная жизнь въ Англіи лучше, нежели гдѣ-нибудь. Одна прекрасивая англичанка, моя сосѣдка за столомъ, очень довольна, что я былъ въ Китаѣ, Индіи, на Мысѣ доброй Надежды, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она провела восемь лѣтъ—и мы съ ней вспоминаемъ знакомыя мѣста. За то моя визави француженка, долго высматривавшая за кого бы ей приняться, наконецъ угадала въ одномъ собесѣдникѣ богача - англичанина и теперь обработываетъ его и его фунты стерлинги. Ей 20 лѣтъ, она—невѣдомо кто, но нельзя сказать

невѣдомо откуда: изъ Парижа, пріѣхала съ горничной и съ грузомъ платьевъ, такъ что мѣняетъ по три туалета въ день. Англичанину 65 лѣтъ, но онъ бодръ, свѣжъ, сейчасъ же взялъ ее подъ свою опеку—и теперь они неразлучны—и онъ моритъ насъ всѣхъ со смѣху, потому что самъ сознаетъ свое дурачество и шутитъ надъ собой. Притомъ онъ еще глухъ и француженка черезъ столъ передразниваетъ его французскій выговоръ и смѣется надъ нимъ, вызывая и меня къ тому же и успокоивая тѣмъ, что онъ не слышитъ.

А впрочемъ все тоже. И Паранти тутъ и Françoise, которая командуетъ подвижными будками. Пса Гектора нѣтъ, но за то развелось много другихъ псовъ, почти столько же какъ въ Петербургѣ. Была и ежегодная религіозная процессія съ 9-ью епископами, на которую изъ Англіи пріѣхало много экскурсіонистовъ т: е: зѣвакъ, съ нарочными, устроиваемыми для этого рейсами, которые т: е: зѣваки перепились къ вечеру пьяны и воротились къ себѣ. Есть и отличные фрукты, хотя ихъ ѣдятъ меньше, потому что—нѣтъ, нѣтъ, а холера и выхватитъ нѣсколько жертвъ.

Я отчаянно и буквально борюсь съ волнами, такъ что вчера насъ купалось только трое. Волна выше дома набѣжитъ и отброситъ насъ назадъ, а мы взберемся на слѣдующую и опять на свое мѣсто. Но на дняхъ волны какъ-то разыгрались около меня и понесли было меня не туда, куда я хотѣлъ, а къ другому, дальнему берегу, какъ я ни отбивался отъ нихъ. Но Батистъ, другой baigneur, вырвалъ меня за руку изъ ихъ омута и объяснилъ, что я попалъ въ сильное теченіе.

Я было пробовалъ заняться здѣсь, но дѣлаются приливы крови и я, взявши 25 или 26 ваннъ, въ четвергъ уѣзжаю въ Парижъ, гдѣ и пробуду до конца отпуска т: е: до 20-го Сентября, а потомъ—и къ Вамъ.

А до тѣхъ поръ, можетъ быть, не провалится ли у Васъ въ домѣ Фридриха потолокъ, или не отвалится ли уголъ дома, такъ чтобъ Вамъ пришлось переѣхать двумя этажами пониже: иначе нельзя отвѣчать ни за Ивана Карловича, ни за меня, что съ нами не случится ударъ.

Софья Семеновна, говорите Вы, гадаетъ мнѣ и выходитъ *интересъ*, *пріятное извѣстіе* и *дорога:* изъ всего этого вѣрно одно—*дорога*, или *дороги*, и даже неизбѣжно, если только не бросишься въ море. Туда и *дорога*: и все-таки будетъ дорога.

Здѣсь были жары, разразившіяся тропическими грозами и шкваломъ, а теперь дуетъ неистовый вѣтеръ прямо съ океана,

и притомъ не теплый, что однако не помѣшало мнѣ нынче въ 8 часовъ утра взять ванну.

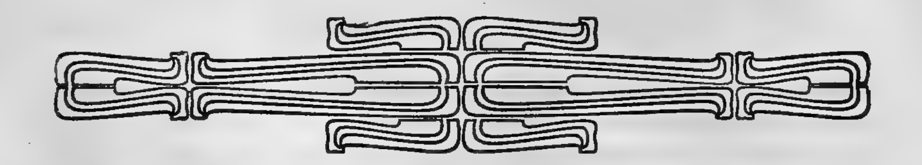
Скоро 30 Августа: можетъ быть около того времени будетъ это письмо въ Вашихъ рукахъ—примите мое поздравленіе съ тезоименитствомъ и сожалѣніе, что я не буду въ тѣсномъ кругу Вашихъ друзей, которые, подъ тѣнью Павловскихъ липъ или сосенъ, соберутся на пирогъ къ имянниннику. Считайте меня невидимо присутствующимъ тамъ и упросите скушать мою долю и выпить мой бокалъ—Софью Александровну. Пусть она покушаетъ хоть одинъ разъ въ жизни—какъ слѣдуетъ, или какъ не слѣдуетъ т: е: какъ я.

Прощайте, мой дружескій поклонъ Казимірѣ Казиміровнѣ и всему Вашему дому

Вашъ И. Гончаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры [1]).

Наскочили на мину.

Трое сутокъ густой туманъ висѣлъ надъ Владивостокомъ; сначала онъ былъ мокрый, холодный, потомъ понемногу теплѣлъ и когда, послѣ суточной борьбы съ солнцемъ, къ полдню разсѣялся, экипажамъ крейсеровъ неожиданно представилась чудная картина. Противоположный городу сѣроватый берегъ залива Золотой Рогъ, покрытый низкими деревцами, лишенными листвы, загрязненный угольными складами, сдѣлался неузнаваемымъ: живительный туманъ одѣлъ голые стволы и вѣтви деревъ яркой зеленью,—еще не густая, своей свѣжестью неудержимо влекла она взоръ отдохнуть на ней; угольныя пристани сдѣлались живописными, а грязноватые казенные дома, разбросанные въ глуби берега и незамѣтные раньше на тускломъ сѣромъ фонѣ, теперь, пестрѣя цвѣтными крышами и освѣщенные яркимъ солнцемъ, казались ослѣпительно бѣлыми. Не даромъ послѣ такихъ перемѣнъ этотъ берегъ стали называть Итальянскимъ.

Наступала весна 1905 года; за Итальянскимъ берегомъ зазеленѣли и сады города, и рѣдкая растительность прилегающихъ къ городу высотъ, и мрачный островъ Русскій. Природа оживала, радовалась, но въ сердцахъ, чуткихъ сердцахъ патріотовъ, таилась тревога: отъ послѣдняго матроса до жизнерадостнаго адмирала, каждый съ тоской присматривался къ общему настроенію и прислушивался къ разговорамъ, стараясь найти въ ихъ отзвукѣ предчувствіе чего-то скорбнаго, уже овладѣвшаго его существомъ.

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

Среди старой команды многострадальнаго крейсера, оставшейся на немъ послѣ боя, уже пережившей вмѣстѣ съ офицерами тяжелыя минуты посадки на камни и гнетущій строй жизни во время зимней стоянки въ докѣ, изъ устъ въ уста передавались загадочные сны; молчаливо смотрѣли старые матросы, девятый годъ уже служившіе на пользу отечества, на молодыхъ, вновь прибывшихъ, матросовъ изъ экипажа: тѣхъ не охватила еще любовь къ своему кораблю, къ родному флоту; далеки они были отъ старыхъ офицеровъ, не дрались они въ бою рядомъ съ погибшими товарищами; не знали еще сложнаго морского дѣла—гдѣ имъ было чувствовать приближеніе какого-то горя! Безъ знанія своего прямого дѣла, безъ заслуги честно несенной службы, безъ чувства удовлетворенія послѣ мужественной выдержки горькихъ и тяжелыхъ испытаній, пришли они на крейсеръ и внесли фальшь новаго вѣянія, какъ волна докатившагося изъ Европейскихъ окраинъ Россіи, или вѣроломно подкравшагося изъ нѣдръ вражеской страны.

„А намедни блаженный видѣлъ, будто бы прилетѣлъ на крейсеръ подстрѣленный орелъ, сѣлъ на фокъ-рей, а кровь изъ крыла такъ и падаетъ на палубы“,—тихо говорилъ старшій комендоръ, обтирая по утреннему расписанію восьмидюймовую пушку на ютѣ, своему второму номеру, недавно прибывшему изъ экипажа комендору.—„На то и блаженный, чтобы попусту болтать“—развязно отвѣчалъ тотъ: „а почему это вы его блаженнымъ называете“?—„Человѣкъ онъ особенный, къ примѣру скажемъ, кажинный день Богу молится, да не то что на молитвѣ, какъ мы грѣшные, а припадетъ къ иконѣ нашей и долго стоитъ у нея, особливо когда никого нѣтъ, и не за себя должно быть молится, а за насъ за всѣхъ. Деньги, что получаетъ, кочегаръ онъ будетъ, тратитъ на книжки, и книжки командѣ раздаетъ, а книжки все больше о хорошей жизни, о вредѣ пьянства; самъ тихій, тихій...“

„А начальству извѣстно“?—„Ротный командиръ знаетъ, дознался потому лишь, что при осмотрѣ чемодановъ у воришки одного такую книжку нашелъ... откуда взялъ?... такой-то далъ... ну, ротный къ нему, блаженный не охочъ много говорить, да ротный понимаетъ дѣло и не настаивалъ, а ужъ къ блаженному всегда съ тѣхъ поръ особое почтеніе, а ему и не надо вовсе, онъ все въ сторонечкѣ, и дѣло кочегарное знаетъ первый сортъ, а на унтеръ экзамента держать не хочетъ... Что братъ не по-новому“? уже иронически закончилъ свой раз-

сказъ старшій комендоръ, призываемый дудкой во фронтъ къ разводкѣ на работы.

Былъ май мѣсяцъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили офицеры и команды за движеніемъ эскадры Рожественскаго; отрядъ, хлопотами офицеровъ и усиліями команды вооруженный чуть не двойнымъ количествомъ пушекъ, былъ ежеминутно готовъ къ выходу въ море на соединеніе съ эскадрой: три крейсера, побывавшіе подъ огнемъ непріятеля, воодушевленные относительной удачей прежнихъ походовъ, стремились подраться рядкомъ съ своими братьями, такъ необычно пересѣкшими три океана.

Придетъ ли приказаніе!? И о непріятелѣ есть свѣдѣнія; видѣли какое-то подозрительное судно около Владивостока, а кромѣ того сѣвернѣе были японскіе миноносцы; зачѣмъ они были?... не конвоировали ли они заградитель!.. или не забросали ли сами минами подходы къ Владивостоку?

И вотъ, однажды въ 4 часа утра крейсеръ снялся съ якоря и направился къ бону, но одинъ... почему одинъ? Скоро уже всѣ знали, что неожиданная съемка съ якоря вызвана какимито опытами съ искровымъ телеграфомъ, только-что зарекомендовавшимъ себя съ лучшей стороны.

Развели бонъ, всегда на ночь и въ туманъ закрытый, дабы предохранить отрядъ крейсеровъ отъ нападенія предпріимчиваго врага. Крейсеръ, выйдя изъ залива Золотой Рогъ, сталъ поворачивать налѣво, а изъ бухты Уллисъ показался тралящій караванъ. „Идемъ въ Уссурійскій заливъ“ замѣтилъ баковый лейтенантъ. „Это странно, въ Амурскомъ заливѣ итти гораздо спокойнѣе, туда труднѣе пройти незамѣченнымъ и надѣлать тамъ пакостей, а здѣсь для врага полная свобода дѣйствій: ни одной банки, хорошія отличительныя глубины, пришелъ ночью, сдѣлалъ бульонъ изъ минъ, да и ушелъ тихохонько и спокойненько, до разсвѣта, а тамъ лови его въ морѣ“.

„Да, вотъ для опыта нужно будетъ разговаривать съ береговой станціей, а телеграфировать изъ Амурскаго залива черезъ островъ Русскій считаютъ неудобнымъ для той цѣли, которую преслѣдуютъ“—отвѣчалъ завѣдующій полубакомъ мичманъ. „А цѣль-то какая“? „Туманная. Чуть ли не выяснить, на какое меньшее разстояніе можно телеграфировать этой станціей... а впрочемъ не знаю“...

„На мины премъ“—мрачно бурчалъ комендоръ у 75 м/м. пушки на шканцахъ: „въ прошломъ году миноносцы только

вылѣзутъ сюда, такъ и кормы нѣтъ, и угольщики, что подвозятъ, то и дѣло въ этомъ Уссурійскомъ заливѣ о мины шлепаютъ". Тихо, поминутно останавливая ходъ, шелъ подъ эти сомнѣнія крейсеръ; тралящій караванъ, организованный во время войны, уже имѣвшій опытъ, выловивъ нѣсколько минъ, обезпечивалъ для крейсера достаточный безопасный секторъ. Нетерпѣливый, горячій адмиралъ, видимо неожидавшій такого медленнаго хода, спрашивалъ безпрестанно лотовыхъ, какая глубина; офицеры, за исключеніемъ стоявшихъ на вахтѣ и штурмана, спустились внизъ; началась обыкновенная ходовая жизнь крейсера, столь знакомая ему за четырехъ-лѣтнее непрерывное плаваніе... „25 саженъ, пронесло" донесся голосъ, однообразный выкрикъ лотового. Тралящему каравану дали приказаніе отойти и вернуться во Владивостокъ; медленно, какъ бы нехотя, поворачивался тралящій караванъ, очищая дорогу для крейсера, которому уже былъ данъ ходъ въ 10 узловъ; съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли впередъ сигнальщики, разставленные на всѣхъ выступающихъ мѣстахъ крейсера, на марсѣ, на вороньемъ гнѣздѣ, чтобы не прозѣвать какую-либо всплывшую мину.

„Мина по-носу"—донесся неестественно крикливый возгласъ съ мостика, точно человѣкъ, издавшій эти звуки, только-что получилъ болѣзненную рану. Зазвенѣлъ телеграфъ на полный задній ходъ, положенъ руль на-бортъ. „Мина подъ тараномъ"—встревоженнымъ голосомъ кричитъ матросъ съ полубака и инстинктивно, держась за лееръ, откидывается корпусомъ назадъ, ожидая ежесекунднаго взрыва... Высокій столбъ воды, поднявшійся одновременно не то съ гуломъ, не то съ ударомъ, чувствовавшимся въ подводной части, залилъ лѣвое крыло верхняго мостика, облилъ стоявшихъ на лѣвомъ шкафутѣ и мягко, точно лаская, борта корабля, покатился мелкими брызгами по нимъ внизъ; вторая, незамѣченная своевременно изъ-за большого углубленія подъ водой и изъ-за неудачнаго освѣщенія солнцемъ, мина взорвалась у первой кочегарки... Водяная тревога пробита: тысячная команда, почти вся находившаяся внизу, бросилась къ своимъ мѣстамъ по расписанію, и это движеніе на крейсерѣ какъ бы производило впечатлѣніе паническаго—во входныхъ люкахъ тѣснились люди, и, стремясь выйти наверхъ, еще болѣе давили другъ друга и задерживали привычное выполненіе расписанія; да и немудрено, что толкотня эта существовала: чуть не шестьсотъ человѣкъ находилось въ шлюпочной и пластырной партіи, и всѣ они должны

быть наверху! Офицеры, находившіеся въ каютъ-компаніи, бросились по своимъ мѣстамъ; лейтенантъ и инженеръ-механикъ, назначенные быть при исправленіи поврежденій, бросились въ первую кочегарку.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ на крейсерѣ наступило спокойствіе, и только возня около пластыря и приказанія офицеровъ и боцмана нарушали тишину; на ютъ безъ шляпы выбѣжалъ и батя, храбрый спокойный батя, такъ много принесшій пользы въ бою, такъ потрудившійся въ тотъ достопамятный день; легкій вѣтерокъ развѣялъ его роскошныя кудри, крупная фигура темнѣла на фонѣ голубого неба и рѣзко выдѣлялась среди бѣлыхъ форменокъ команды. „А гдѣ берегъ"?—обратился онъ къ стоявшему на ютѣ мичману, спокойному на видъ... „А вонъ тамъ..." отвѣтилъ тотъ, указывая на болѣе отдаленный берегъ Уссурійскаго залива. „Дрянно"—со вздохомъ произнесъ батюшка, видимо не желая мириться съ мыслью о возможной гибели не отъ руки врага непосредственно, а отъ какой-то мины, коварно, въ ночную тьму, заброшенной хитрымъ врагомъ и, какъ выяснилось потомъ, не для отряда крейсеровъ, а для всей эскадры адмирала Рожественскаго, буде онъ пришелъ во Владивостокъ и сталъ бы входить въ портъ Уссурійскимъ заливомъ.

Въ первой кочегаркѣ было тихо: до слуха спускавшагося стремглавъ по кочегарному выходу лейтенанта не долетѣло обычнаго шарканія желѣзныхъ лопатъ по углю и площадкѣ, не долетало и звуковъ разговора, только слышалось непривычное журчаніе воды и подозрительное шипѣніе. „Ужель никого нѣтъ"—молніей пронеслось въ мозгу лейтенанта, а уже глазамъ его представилась необыденная картина. Изъ стыка дна верхней угольной ямы и изъ нижней ямы лила каскадомъ вода, на площадкахъ кочегарки лежала сорванная донка и другіе мелкіе механизмы, нѣсколько брошенныхъ кое-какъ и не у мѣста лопатъ дополняли видъ разрушенія той кочегарки, солидностью которой и на большомъ ходу гордился старшій механикъ. Изъ второго и шестого котла жаръ уже былъ выгребенъ, изъ 4-го и 8-го два черныхъ, въ вымоченной одеждѣ, человѣка выгребали жаръ и поливали горящіе угли водой изъ каскада.

Въ одномъ изъ этихъ представителей честной службы лей-

тенантъ узналъ старшину кочегарки, квартирмейстера, въ другомъ—„блаженнаго“; а „гдѣ остальные“?—невольно сорвался у него вопросъ. „Трое старыхъ, да двое молодыхъ ранено, а остальные молодые убѣгли... испужались“—недовольнымъ, обиженнымъ за свою кочегарную честь голосомъ отвѣтилъ квартирмейстеръ, продолжая съ озлобленіемъ выгребать жаръ изъ слѣдующей топки... а блаженный продолжалъ также свое дѣло, смахивая грязными руками кровь, текущую съ лѣвой стороны щеки отъ ссадины на головѣ. „Надо послать людей сюда“—послѣ быстраго осмотра сказалъ лейтенантъ: „вы побудете здѣсь“?—обратился онъ къ механику. „Конечно“—отвѣтилъ тотъ, точно удивляясь такому вопросу. Черезъ минуту запачканный сажей лейтенантъ докладывалъ командиру, что опасности для крейсера никакой нѣтъ, и посылалъ людей въ кочегарку. „Отъ шлюпокъ и талей отойти“—бодро пронеслась по крейсеру подъ свистъ дудокъ команда, и началась кропотливая работа по заводкѣ пластыря. Медленно, чуть накренясь, точно отъ боли въ боку, возвращался крейсеръ въ портъ, и невеселыя мысли гнѣздились въ воображеніи офицеровъ и команды; не сегодня, завтра потребуетъ адмиралъ Рожественскій къ себѣ крейсера, и не можетъ пойти дорогой крейсеръ поддержать свое славное прошлое, свое доброе имя на страхъ врагамъ, на пользу родинѣ и въ свою честь, будетъ онъ одинокій стоять въ порту и смотрѣть, какъ уйдутъ два другихъ крейсера, и отъ этихъ думъ холодѣло сердце, умъ метался, стремился найти какой-нибудь способъ пойти вмѣстѣ съ ними... Уже стали изъ города доноситься слухи, распускаемые исподтишка злонамѣренными людьми, что нарочно крейсеръ вели на мины, чтобы избѣжать рѣшительнаго боя съ врагомъ. Но что эти жалкія попытки подорвать духъ въ патріотахъ въ сравненіи съ тѣмъ тяжелымъ гнетомъ, съ той безысходной тоской, которая овладѣла всѣмъ существомъ любящихъ родину, когда той же злополучной искровой станціей крейсера впервые стали получать телеграммы съ подлетающей къ Владивостоку раненой птицы—посыльнаго судна эскадры адмирала Рожественскаго?

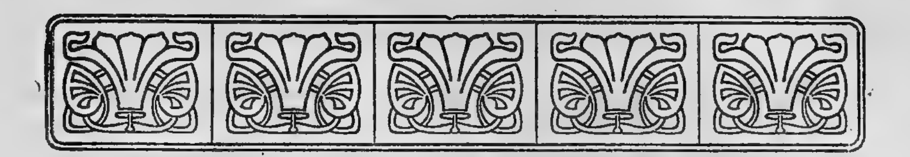
Какъ капли крови изъ крыла птицы, падая на палубу, образовываютъ пятна, которыя трудно стереть, которыя нужно выскабливать, медленно разбиравшіяся шифрованныя слова телеграммы проникали въ душу, оставляя въ ней неизгладимую печать.

Только неустанная работа отъ мала до велика въ пользу

роднаго флота, только единодушное стремленіе къ возмездію дадутъ возможность зарубцеваться этой ранѣ, и тогда въ ореолѣ честно исполненнаго передъ родиной долга, въ ореолѣ возродившейся побѣдной славы, не съ горькой досадой будетъ носиться этотъ рубецъ, а съ чувствомъ полнаго нравственнаго удовлетворенія и благодарностью за ниспосланное свыше испытаніе.

Славлевъ.

Изъ воспоминаній Прусскаго военнаго агента въ Вѣнѣ въ 1853—1854 г.

За послѣднюю четверть вѣка историческая литература на Западѣ обогатилась такимъ громаднымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ мемуаровъ, записокъ и дневниковъ лицъ, игравшихъ не только первенствующія роли въ политическихъ и военныхъ событіяхъ XIX столѣтія, но въ особенности второстепенныхъ, часто мало извѣстныхъ, ихъ участниковъ, что многое изъ этого крайне цѣннаго, но слишкомъ обширнаго, матеріала невольно ускользаетъ отъ вниманія. Между тѣмъ нерѣдко именно въ тѣхъ запискахъ и воспоминаніяхъ, которыя принадлежатъ перу лицъ, стоявшихъ на второмъ планѣ и дѣятельность которыхъ ограничивалась предѣлами опредѣленной служебной сферы, мы встрѣчаемъ страницы, совершенно неожиданно освѣщающія то или другое событіе исторической важности во многихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до того, и знакомящія съ обстоятельствами, дотолѣ неизвѣстными, которыя несомнѣнно могли бы имѣть въ свое время существенное вліяніе на разрѣшеніе весьма крупныхъ политическихъ вопросовъ. Къ числу такихъ произведеній слѣдуетъ отнести изданные въ 1897 году четыре тома записокъ принца Крафта Гогенлоэ-Ингельфингенъ [1]). Авторъ, принадлежа къ одной изъ четырехъ вѣтвей столь извѣстнаго въ Германіи рода князей Гогенлоэ, началъ службу въ прусской гвардейской артиллеріи, съ которой участвовалъ въ усмиреніи мартовскихъ безпорядковъ

[1]) Aus meinem Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohenlohe-Ingelfingen. Berlin. 1897. 4 B.

въ Берлинѣ въ 1848 г., окончилъ курсъ военной академіи, былъ временно командированъ въ Вѣну въ 1854 г. и засимъ много лѣтъ состоялъ въ качествѣ приближеннаго флигель-адъютанта при короляхъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и Вильгельмѣ I, впослѣдствіи императорѣ. Дальнѣйшая служба Г. была посвящена артиллеріи, съ которой онъ, сначала какъ командиръ гвардейскаго артиллерійскаго полка, засимъ бригады и наконецъ всей осадной артиллеріи подъ Парижемъ, былъ непосредственнымъ и дѣятельнымъ участникомъ кампаній 1866 и 1870 гг. Въ 1872—1879 г. онъ командовалъ дивизіей, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-адъютантомъ. Послѣднія двѣнадцать лѣтъ Г. прожилъ въ отставкѣ и скончался въ 1892 г.

Въ чрезвычайно живомъ и увлекательномъ изложеніи рисуетъ Г. яркія картины прусской военной жизни и обстановки берлинскаго двора за продолжительный періодъ съ 1845 по 1880 г. и не разъ раскрываетъ закулисныя подробности придворныхъ, политическихъ и военныхъ интригъ, остававшихся не безъ вліянія на крупныя событія внутренней жизни Пруссіи и Германіи, а также и на международныя отношенія.

Но изъ всего крайне любопытнаго разсказа пр. Гогенлоэ для насъ представляетъ особый интересъ одинъ, сравнительно весьма краткій, періодъ его служебной дѣятельности. А именно время, проведенное имъ въ качествѣ военнаго агента или военнаго аташе при прусской миссіи въ Вѣнѣ съ іюня 1854 — по октябрь 1855 г. [1]). Командировка эта явилась для него неожиданной въ то время, какъ онъ, по окончаніи курса военной академіи, несъ вновь фронтовую службу въ одной изъ конныхъ батарей гв. артиллерійскаго полка. Между тѣмъ моментъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ представлялся крайне сложнымъ. Разрывъ Россіи съ Турціей, Франціей и Англіей былъ уже совершившимся фактомъ, и наши войска занимали Дунайскія княжества, Австрія подготовлялась къ вмѣшательству и для Пруссіи предстояло въ ближайшемъ будущемъ опредѣлить свое отношеніе къ надвигавшимся грознымъ событіямъ. Первый шагъ, въ этомъ отношеніи уже былъ ею сдѣланъ заключеніемъ въ апрѣлѣ 1854 г. съ Австріей особой конвенціи. При этомъ съ 1850 г., когда только энергичное вмѣшательство Императора Николая Павловича предупредило казавшееся неминуемымъ столкновеніе Пруссіи и Австріи, Пруссія не имѣла своего военнаго представителя въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ не имѣли,

[1]) Aus meinem Leben, B. I. SS. 242—380.

какъ говоритъ Г., ни малѣйшаго понятія о положеніи австрійской арміи. Тѣ данныя, которыя ему дали въ военномъ министерствѣ, и вопросные пункты, касавшіеся мѣстъ расположенія различныхъ австрійскихъ полковъ и частей, рѣшительно никуда не годились, такъ какъ касались прежней организаціи и дислокаціи, давно въ корнѣ измѣненныхъ. Не лучше обстояло дѣло съ тѣми инструкціями, которыя онъ получилъ при своемъ отъѣздѣ. Король его милостиво отпустилъ, сказавъ только „до свиданья, веселитесь хорошенько въ Вѣнѣ". Въ генеральномъ штабѣ ему сказали, что онъ самъ увидитъ на мѣстѣ, что представляетъ наиболѣе интересный матеріалъ для его сообщеній, при чемъ военный министръ, на вопросъ, представляется ли возможнымъ пользоваться въ Вѣнѣ какими-либо оффиціальными свѣдѣніями по военной части, замѣтилъ, что для него безразлично, гдѣ лицо, пишущее свои донесенія, находитъ надлежащіе источники, и улыбаясь прибавилъ, что „въ Австріи можно все узнать, если умѣешь ухаживать за женщинами". Вмѣстѣ съ тѣмъ для Г. осталось неяснымъ, кому непосредственно онъ долженъ адресовать свои донесенія и черезъ кого ихъ представлять. По словамъ военнаго министра онъ только формально подчиненъ посланнику, который долженъ прочитывать его донесенія до ихъ отправленія, но въ остальномъ онъ, Г., совершенно самостоятеленъ. А кому донесенія должно адресовать, того военный министръ не зналъ и сказалъ, что Г. это узнаетъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ послѣдній, заявляя Г., что онъ состоитъ подъ начальствомъ посланника и слѣдовательно министерства иностранныхъ дѣлъ, сказалъ, что онъ въ Вѣнѣ узнаетъ, какъ это все нужно дѣлать.

Предоставленный такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ собственному усмотрѣнію, въ области, ему вполнѣ чуждой, Г. не безъ смущенія прибылъ въ Вѣну. Тамъ онъ былъ встрѣченъ замѣнявшимъ посланника секретаремъ гр. Флеммингомъ болѣе чѣмъ холодно, который на вопросъ, къ кому онъ долженъ отправлять свои донесенія, сказалъ ему: „намъ вообще до васъ нѣтъ никакого дѣла. Вы можете писать кому и что хотите. Намъ предписано не вмѣшиваться въ ваши дѣла. Въ Берлинѣ желаютъ знать кое-что по военной части—мы и будемъ вамъ сообщать, что имѣемъ, а вы этими свѣдѣніями распоряжайтесь по вашему усмотрѣнію".

Къ этимъ мало обѣщающимъ въ будущемъ словамъ гр. Флеммингъ прибавилъ, что въ сущности въ сферѣ военной ничего интереснаго нѣтъ и что императору можно будетъ представиться

лишь на ближайшемъ придворномъ балу въ февралѣ мѣсяцѣ, и засимъ передалъ Г. нѣсколько своихъ визитныхъ карточекъ, которыя Г. вмѣстѣ со своими долженъ былъ оставить у лицъ дипломатическаго корпуса. Что касается военныхъ властей, то гр. Флеммингъ никого не зналъ.

Открывшаяся перспектива съ іюня по февраль, т.-е. болѣе шести мѣсяцевъ оставаться внѣ всякаго общенія именно съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ онъ долженъ былъ работать, показалась Г. настолько ненормальной, что онъ, не долго думая, надѣлъ парадную форму и явился ко всѣмъ старшимъ военнымъ начальникамъ. Всѣми онъ былъ встрѣченъ чрезвычайно любезно, и они вызвались, каждый по своей части, сообщать ему все, что онъ признаетъ нужнымъ, такъ какъ, говорили они, между двумя арміями, которыя объединены союзнымъ договоромъ, заключеннымъ въ апрѣлѣ 1854 г., не можетъ быть тайнъ. Генералъ-адъютантъ императора гр. Грюнне приказалъ приготовить Г. лошадь изъ императорской конюшни и черезъ два дня на парадѣ представилъ его императору Францу Іосифу. Когда Г. съ парада заѣхалъ въ мундирѣ къ гр. Флеммингу и сталъ ему говорить о тѣхъ непосредственныхъ отношеніяхъ, которыя у него установились съ военнымъ міромъ, и о своемъ представленіи императору, то дипломатъ почти упалъ въ обморокъ.

Приступивъ къ работѣ и поставивъ себѣ ближайшею задачей выяснить составъ и наличную силу австрійской арміи, какъ союзной, Г, встрѣтился съ почти неодолимыми препятствіями. Все касающееся этой стороны дѣла держалось въ самой строгой тайнѣ. Издававшійся ежегодно списокъ военныхъ чиновъ (Schematismus) былъ такъ составленъ, что о составѣ корпусовъ, дивизій и бригадъ нельзя было получить надлежащаго представленія, такъ какъ въ спискѣ генераловъ не указывались части, которыми они командуютъ, равно какъ и мѣста расположенія войскъ. При этомъ, согласно принятому порядку, черезъ каждые два года эти мѣста для всѣхъ частей мѣнялись, и тѣмъ самымъ измѣнялся и составъ бригадъ, дивизій и корпусовъ. Наконецъ, самый списокъ издавался именно въ періодъ перемѣщенія войскъ, такъ что его свѣдѣнія относились всегда къ прошлому, а не настоящему. Независимо отъ сего оказывалось, какъ въ этомъ Г. наглядно убѣдился на первомъ парадѣ, что число батальоновъ и ротъ въ полкахъ было различно. Онъ видѣлъ полки съ 3, 4, 5 и 6 батальонами, батальоны въ 4 и 6 ротъ, а роты въ составѣ 110 и 45 рядовъ.

Тѣмъ не менѣе путемъ весьма кропотливаго разбора самаго разнообразнаго матеріала, Г. установилъ, что значительная часть полковъ были въ движеніи къ восточнымъ границамъ и, считая, что, въ виду апрѣльской конвенціи, для Пруссіи представлялось совершенно необходимымъ имѣть точныя свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія австрійской арміи вообще, Г. обратился съ прямымъ вопросомъ объ этомъ къ начальнику Генеральнаго штаба генералу Наги, объяснивъ ему причины, его къ сему побудившія. Такое прямое обращеніе привело генерала въ чрезвычайное смущеніе. Заявивъ, что лично онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе Г. о томъ, что между союзными арміями не должно быть ни малѣйшихъ тайнъ, начальникъ штаба рѣшительно отказался что-либо сообщить, за неимѣніемъ на то разрѣшенія и дружески посовѣтывалъ Г., если онъ желаетъ сохранить добрыя отношенія къ австрійскимъ военнымъ властямъ, болѣе съ такими вопросами никуда не обращаться. При этомъ, однако, генералъ Наги обѣщалъ прислать ему все то, съ чѣмъ по этой части оказалось бы возможнымъ его ознакомить. И дѣйствительно на другой день прислалъ экземпляръ новаго Положенія о санитарной части въ арміи. Такой неожиданный результатъ первой же попытки къ разрѣшенію возложенной на него задачи, которую Г. понималъ, какъ установленіе ближайшей связи между союзными прусской и австрійской арміями, заставилъ его усомниться въ искренности этого союза и заподозрить существованіе у австрійцевъ намѣреній, которыя они желали скрывать отъ своего союзника.

Продолжая, однако, и при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ свои розыски и разслѣдованія, Г. постепенно выяснилъ, что около шести армейскихъ корпусовъ направлены на востокъ. Случайными и невольными сотрудниками въ этой работѣ явились для него прежде всего нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ тѣхъ частей, которыя входили въ составъ мобилизованной арміи. Менѣе замкнутые, чѣмъ молодые офицеры вообще и Генеральнаго штаба въ особенности, они, наѣзжая въ Вѣну, нерѣдко, не стѣсняясь, говорили въ клубѣ о полученныхъ приказаніяхъ и о передвиженіяхъ ввѣренныхъ имъ частей. Такъ, славившійся въ то время, какъ выдающійся начальникъ кавалеріи, командиръ кавалерійскаго корпуса, кн. Алоизъ Лихтенштейнъ громко разсказывалъ о томъ, что онъ внезапно получилъ приказаніе быстро двинуться въ Гурани-Гура въ Галиціи и что его полки съ 12 іюля уже въ движеніи, а къ 25 авгу-

ста будутъ на мѣстѣ. Пользуясь такими разговорами, при которыхъ онъ всегда дѣлалъ видъ, что они его не касаются, Г. и дополнялъ и провѣрялъ свои данныя. Въ итогѣ онѣ давали возможность вполнѣ опредѣленно констатировать, что съ одной стороны шесть армейскихъ корпусовъ и одинъ спеціально кавалерійскій были собраны около Черновицъ въ Буковинѣ и должны были 25 августа быть вполнѣ готовы къ наступленію. Кромѣ того армія въ 60.000 подъ командой фельдмаршала-лейтенанта Коронини стояла на границѣ Семиградія. Расположеніе этихъ армій вполнѣ ясно указывало и характеръ предстоящихъ имъ дѣйствій—первая, очевидно, имѣла назначеніемъ ударить въ тылъ русскимъ, занятымъ въ Крыму, а вторая предназначалась для вступленія въ Валахію.

Когда Г., которому эта угрожающая картина была вполнѣ ясна, счелъ необходимымъ познакомить съ ней особо командированнаго въ Вѣну спеціально по восточнымъ дѣламъ, въ качествѣ экстраординатора посланника гр. Альвенслебена, замѣнявшаго отсутствовавшаго постояннаго представителя Пруссіи, графа Арнима, то Альвенслебенъ совершенно спокойно замѣтилъ: „Ну ужъ и наразсказали же вамъ молодые австрійскіе офицеры небылицъ“. Когда же Г. старался ему подробно выяснить дѣйствительное положеніе дѣла, на основаніи всѣхъ имѣвшихся у него свѣдѣній, Альвенслебенъ заявилъ, что всего этого не можетъ быть, такъ какъ наканунѣ еще австрійское правительство дало и Россіи и Пруссіи самыя положительныя завѣренія своего миролюбія. Наконецъ, на почтительное замѣчаніе Г. о томъ, что правительство страны, которой никто не угрожаетъ, которая старается увѣрить всѣхъ въ своемъ миролюбіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ строжайшей тайнѣ занята серьезными приготовленіями къ войнѣ, — вѣроятно готовитъ какой-нибудь внезапный и рѣшительный ударъ — посланникъ отвѣчалъ громкимъ смѣхомъ и тутъ же отказалъ Г. и въ секретномъ шифрѣ, который онъ просилъ для своего донесенія и посылкѣ въ Берлинъ особаго курьера. Тѣмъ не менѣе Г. спѣшно отправилъ своему начальству всѣ имѣвшіяся у него свѣдѣнія вмѣстѣ съ тѣми выводами, къ которымъ онъ пришелъ. Но потомъ онъ узналъ, что надъ этимъ его донесеніемъ отъ 1 августа въ Берлинѣ много смѣялись и автора считали за человѣка, всюду видящаго привидѣнія. Смѣхъ этотъ, однако жъ, скоро смѣнился другимъ чувствомъ, говоритъ Г., когда сталъ извѣстнымъ союзный договоръ, заключенный Австріей 10 августа съ Франціей и Англіей, въ которомъ опредѣлялись условія

наступательныхъ дѣйствій Австріи противъ Россіи, когда засимъ въ концѣ августа Австрія обратилась къ русскому правительству съ требованіемъ объ очищеніи Дунайскихъ княжествъ и когда 6 сентября фельдмаршалъ Гессъ вступилъ во главѣ австрійскихъ войскъ въ Бухарестъ.

Почти тотчасъ послѣ отправленія этого, раскрывавшаго тайные замыслы Австріи, донесенія, Г. сталъ замѣчать со стороны австрійскихъ офицеровъ еще значительно большую сдержанность, любезныя товарищескія отношенія замѣнились холодной вѣжливостью. Подозрѣвая, что тѣмъ или инымъ путемъ посылаемыя имъ въ Берлинъ свѣдѣнія стали извѣстны, Г., только много времени спустя узналъ, что одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ Прусскаго посольства былъ уличенъ, значительно позже, когда Г. уже давно оставилъ Вѣну, въ систематической передачѣ австрійскому правительству всей переписки своего начальства съ Берлиномъ. Одновременно съ такой перемѣной въ обращеніи, за Г. былъ установленъ тщательный надзоръ въ видѣ особаго агента, неуклонно слѣдовавшаго за нимъ въ извѣстномъ разстояніи и такъ какъ это было всегда одно и то же лицо, то такое любезное попеченіе о представителѣ союзной арміи очень скоро было имъ замѣчено.

Выполненіе возложенной на Г. задачи было весьма труднымъ при подобныхъ условіяхъ, но онъ, какъ человѣкъ несомнѣнно настойчивый и энергичный, пользовался всѣмъ ему доступнымъ, чтобы держать военное управленіе въ Пруссіи въ курсѣ происходившаго въ средѣ австрійской арміи и сообщалъ все, что ему удавалось видѣть и слышать. Такъ, присутствуя на смотрахъ и ученіяхъ войскъ вѣнскаго гарнизона, осматривая арсеналъ и разными путями проникая часто и въ то, что тщательно скрывалось, онъ обо всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ доносилъ въ Берлинъ. Рядомъ съ этимъ большой интересъ представляло для него личное знакомство съ тѣми лицами высшаго командованія австрійской арміи, покрытыми славой войнъ 1848 и 1849 г.г., на которыхъ мы, въ Пруссіи, говоритъ Г., привыкли смотрѣть съ особымъ уваженіемъ и даже завистью, но тутъ же восклицаетъ: „Кто вернетъ мнѣ мои иллюзіи“! Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ такого знакомства съ генералами Гессомъ, Кламъ-Галлассомъ, княземъ Лихтенштейномъ, княземъ Владишгрецомъ и другими, за исключеніемъ перваго, въ которомъ нельзя было отрицать нѣкоторыхъ серьезныхъ качествъ военнаго начальника, было печальное. Особенно поражало почти полное невѣжество иногда даже въ

самой элементарной теоріи военнаго дѣла. Всѣ эти лица и многія другія, принадлежащія къ высшей австрійской аристократіи, ставили иногда въ тупикъ своими замѣчаніями или вопросами. Послѣ очень долгаго и подробнаго объясненія, сдѣланнаго Г. по просьбѣ одного генерала, введенной въ Прусской арміи военной игры, генералъ этотъ спросилъ его: „такъ какъ же, значитъ вы играете“? Т. е. я хочу сказать, продолжалъ генералъ, „какъ вы назначаете ставку, по которой играете“? Совершенно удивленный Г. отвѣтилъ, что въ эту игру на деньги не играютъ. „Какъ, не на деньги? но вѣдь тогда это не имѣетъ никакого интереса“, замѣтилъ генералъ. Звѣзды первой величины, какими казались издалека фельдцейхмейстеръ Аугустинъ, знаменитый изобрѣтатель австрійскихъ ракетъ, пугавшихъ сначала венгерцевъ въ 1849 г., но засимъ какъ никуда и ни во что не попадавшихъ, скоро совершенно заброшенныхъ, былъ старый бюрократъ съ кругозоромъ бомбардира XVIII столѣтія, а фельдмаршалъ баронъ Рейшахъ, про подвиги котораго разсказывали чудеса, былъ несомнѣнно лично храбрый генералъ, но не имѣвшій никакихъ общихъ представленій о войнѣ и проводившій свое время въ клубѣ, поглощая коньякъ большими стаканами. Конечно, въ управленіи арміи долженъ былъ быть и другой элементъ, на которомъ и лежала вся дѣйствительная работа. Но онъ состоялъ, по словамъ Г., большей частью изъ людей сравнительно темнаго происхожденія и авантюристовъ. Все интендантство, начиная съ его главы, фельдмаршала-лейтенанта барона Эйнатена, впослѣдствіи застрѣлившагося, настолько было извѣстно своими злоупотребленіями, что фельдцейхмейстеръ графъ Вимфенъ однажды совершенно спокойно доказывалъ, что девять фунтовъ овса въ день на лошадь слишкомъ мало, такъ какъ, если установить эту норму, то лошадь изъ нихъ въ дѣйствительности получитъ максимумъ пять. При ближайшемъ знакомствѣ и со строевымъ составомъ австрійской арміи оказывалось, что тотъ блескъ, въ которомъ ее представляли историческія работы австрійскаго генеральнаго штаба, описывавшія войны 1848 и 1849 г.г., значительно померкъ. Съ конца 1849 г. ее пришлось почти заново формировать, такъ какъ цѣлые полки, главнымъ образомъ венгерскіе, совершенно исчезли. Создавшійся вслѣдствіе сего большой некомплектъ офицеровъ въ значительной степени сталъ пополняться иностранцами и большею частью элементомъ мало желательнымъ. Изъ германскихъ государствъ шли тѣ, кто по разнымъ обстоятельствамъ не могли продолжать служить у себя дома. Было и не

мало англичанъ. Такъ что, говоритъ Г., встрѣчались цѣлые полки, въ которыхъ корпусъ офицеровъ носилъ характеръ международный.

При постоянно расширявшемся кругѣ знакомыхъ въ дипломатическомъ корпусѣ и вѣнскомъ обществѣ и при болѣе близкомъ съ нимъ общеніи, мнѣ скоро стала вполнѣ ясна, говоритъ Г., установившаяся здѣсь точка зрѣнія на Пруссію. Несмотря на семилѣтнюю войну, въ которой Австрія почувствовала возникавшую силу и значеніе Пруссіи, несмотря на то, что престижа Германской Императорской короны уже не существовало, несмотря, наконецъ, на прусскія побѣды и военные успѣхи въ 1813 и 1814 г.г., создавшіе Пруссіи положеніе великой державы, на нее въ Вѣнѣ и правительство и общество смотрѣло, какъ на вассальное государство. И даже такъ называемая прусская партія (въ арміи къ ней принадлежали Радецкій и Виндишгрецъ), разсматривала могущія потребоваться совмѣстныя дѣйствія Пруссіи и Австріи исключительно въ интересахъ послѣдней, при чемъ считалось, что Пруссія обязана жертвовать послѣднимъ солдатомъ и послѣднимъ талеромъ. Отношеніе къ Пруссіи и ко всѣмъ другимъ германскимъ государствамъ со стороны Австріи имѣло патріархальный характеръ отеческаго. Такъ что, когда говорили о только-что заключенной съ Пруссіей конвенціи 20 апрѣля, то въ Вѣнѣ хвалили прусское правительство нѣсколько свысока, признавая его поведеніе корректнымъ, какъ родители хвалятъ дѣтей, когда они себя хорошо ведутъ. Впрочемъ, къ такому не особенно лестному для Пруссіи отношенію, она, съ 1815 г. слѣпо слѣдуя велѣніямъ Меттерниховской политики и своей податливостью при послѣднемъ столкновеніи въ 1850 г., — сама пріучила Австрію.

Съ грустнымъ чувствомъ отдавая себѣ во всемъ этомъ отчетъ, говоритъ Г., я совершенно откровенно высказалъ пріѣхавшему въ половинѣ іюля съ особымъ порученіемъ флигель-адъютанту короля Фридриха-Вильгельма Мантейфелю, впослѣдствіи фельдмаршалу, такъ же, какъ и я раньше мечтавшему о возможности тѣснаго Прусско-Австрійскаго союза, что я въ возможность таковаго пересталъ вѣрить и что мы только тогда пріобрѣтемъ въ глазахъ австрійскаго правительства и общества надлежащее уваженіе, какъ равные, когда мы ихъ сначала хорошенько побьемъ. Мантейфель тогда считалъ этотъ взглядъ результатомъ излишней страстности молодого офицера, но черезъ полтора года онъ призналъ его вполнѣ вѣрнымъ, приба-

вивъ: „Вы были правы. Здѣсь намъ нужно бить, иначе, мы ничего не значимъ“.

Разительное и наглядное доказательство именно такихъ отношеній къ Пруссіи, продолжаетъ Г., не заставило себя ждать. 11 августа 1854 г. Австрія заключила съ Франціей и Англіей договоръ, имѣвшій несомнѣнно враждебный по отношенію къ Россіи характеръ, безъ всякаго о томъ предварительнаго предупрежденія Пруссіи. Тѣмъ самымъ договоръ съ сей послѣдней отъ 20-го апрѣля, устанавливавшій нейтралитетъ этихъ обоихъ государствъ, былъ односторонне нарушенъ. И все это было сдѣлано въ самой полной тайнѣ, и прусскій чрезвычайный посланникъ въ Вѣнѣ объ этомъ ничего не зналъ. Между тѣмъ эта постоянная таинственность, въ которую австрійцы старались облекать свои политическія дѣйствія и военныя приготовленія, имѣла и свои комическія стороны. Приготовленія эти происходили почти на глазахъ у всѣхъ, и, проводя ежедневно по нѣсколько часовъ на сѣверномъ вокзалѣ, я могъ, говоритъ Г., видѣть весьма близко всѣ тѣ части и военные транспорты, которые ежедневно отправлялись. Личныя наблюденія Г. надъ отдѣльными, проходившими передъ его глазами при разныхъ условіяхъ частями, сводятся къ тому, что пѣхота стояла на очень низкой степени строевого и полевого образованія. Вооруженіе было старое; проектированное нарѣзное ружье Лоренца еще было въ періодѣ опытовъ. Столь знаменитую кавалерію Г., къ его большому удивленію, нашелъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, и онъ долго колебался прежде, чѣмъ рѣшился высказаться по этому вопросу въ своихъ донесеніяхъ. Главнѣйшіе недостатки—малая подвижность и выносливость, отсутствіе надлежащаго спокойствія въ движеніи и сплоченности объяснялись какъ сложнымъ и тяжеловѣснымъ уставомъ, сложными и утомительными пріемами обученія, такъ и въ значительной степени системой хозяйственнаго довольствія и безконечными въ немъ злоупотребленіями. Артиллерія, при стрѣльбѣ которой Г. не разъ присутствовалъ, руководилась офицерами, обремененными теоретическими познаніями, стоявшими еще на уровнѣ обученія XVIII вѣка и стрѣляла плохо. Только за два года передъ тѣмъ батареи получили свои запряжки, до того орудія вывозились въ походъ лошадьми изъ особыхъ конныхъ парковъ. Маневрированія отрядовъ, составленныхъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, имѣли характеръ совершенно дѣтскихъ упражненій. Все впередъ было точно указано и предписано, и совершенно опредѣленно установлены мо-

менты побѣдъ и пораженій въ отдѣльныхъ пунктахъ тѣхъ или другихъ частей.—Отсюда такія картины: сѣверный отрядъ защищаетъ такую-то позицію, усиливая особенно свой правый флангъ. По расписанію непріятель ведетъ сначала атаку на этотъ франгъ и будучи отбитъ наступаетъ засимъ на лѣвый, болѣе слабый флангъ, который въ свою очередь долженъ отступить. Такъ какъ эти движенія впередъ указаны, то атакующій позицію, зная, что его атака на правый флангъ позиціи должна быть отбита, въ дѣйствительности посылаетъ ничтожное число батальоновъ, такъ какъ зачѣмъ же имъ напрасно ходить взадъ и впередъ, а защищающій позицію, зная, что при движеніи непріятеля на его правый флангъ онъ непремѣнно долженъ отступить, тотчасъ же снималъ свою артиллерію, чтобы она потомъ не попала въ руки непріятеля, который въ данномъ мѣстѣ непремѣнно долженъ имѣть успѣхъ.

Въ концѣ августа мнѣ удалось, говоритъ Г., совершенно случайно достать общій списокъ всѣхъ полковъ австрійской арміи и, пользуясь этимъ, я засѣлъ за составленіе общаго расписанія австрійскихъ войскъ съ указаніемъ мѣстъ ихъ расположенія. Работа была чрезвычайно сложна, такъ какъ прямыхъ источниковъ почти не было и приходилось основываться на массѣ разнообразныхъ данныхъ, собранныхъ косвенными путями—газетъ, случайныхъ разговоровъ, личныхъ наблюденій. Къ этому за послѣднее время прибавился для Г. еще новый развѣдочный источникъ: нѣкій I., со времени венгерской кампаніи состоявшій на службѣ русскаго посольства по части шпіонажа и предложившій и Г. свои услуги. Но свѣдѣнія I. являлись недостаточными. Слишкомъ мало матеріала можно было находить и въ случайныхъ бесѣдахъ съ военными въ клубѣ. Та сдержанность, которую, какъ уже было раньше сказано, Г. замѣчалъ со стороны молодыхъ офицеровъ, со временемъ все усиливалась, какъ оказалось потомъ, вслѣдствіе особаго приказанія высшаго начальства, непріятно пораженнаго тѣми свѣдѣніями, которыя Г. все-таки подчасъ обнаруживалъ въ своихъ разговорахъ. Такимъ образомъ ближайшее общеніе съ кругомъ молодыхъ офицеровъ ничего интереснаго не давало и въ будущемъ мало обѣщало. Такое чувство предубѣжденія было довольно тягостно, и Г. постепенно отстранялся отъ этого рода общества, сохраняя однако самыя лучшія свѣтскія отношенія съ его членами. Въ концѣ концовъ однако онъ все-таки нашелъ то, что искалъ, благодаря непредвидѣнному случаю, которымъ онъ весьма умѣло воспользовался. Въ сентябрѣ

мѣсяцѣ пріѣхала изъ Берлина на гастроли извѣстная танцовщица Тальони, имѣвшая громадный успѣхъ въ Вѣнѣ. Очень скоро стала она и центромъ великосвѣтской военной молодежи при своеобразной обстановкѣ. Живя съ родителями и сестрой, она пользовалась самой безупречной репутаціей, но, будучи весьма привлекательной, была постоянно окружена сонмомъ поклонниковъ, не терявшихъ надежды на ея особое благорасположеніе и ежевечерно собиравшихся въ ея салонѣ, который, по установившемуся тамъ тону самаго изысканнаго приличія, ничѣмъ не отличался отъ великосвѣтскаго. Вотъ здѣсь, говоритъ Г., при непринужденныхъ разговорахъ, которые молодые адъютанты и ординарцы главныхъ военныхъ начальниковъ вели между собою, забывая о моемъ присутствіи, разговоровъ больше на тему военной злобы дня и продолжавшихся часто за полночь, такъ какъ собравшееся у Тальони общество обыкновенно заканчивало свою бесѣду въ ресторанѣ Захера, я узнавалъ все, что мнѣ было нужно, ничего не спрашивая и не показывая вида, что я что-нибудь слышу. Такъ, благодаря такому совершенно своеобразному информаціонному бюро, Г. узналъ вечеромъ одно секретное распоряженіе по арміи, когда еще черновикъ приказа не былъ составленъ. Объ этихъ вечерахъ у Тальони много говорили въ вѣнскомъ обществѣ, но разговоры эти были только полезны для Г., такъ какъ съ одной стороны о немъ составилось мнѣніе, что онъ гораздо болѣе занятъ ухаживаеніемъ за танцовщицей, чѣмъ желаніемъ проникнуть въ тайны австрійской политики, а съ другой, такое препровожденіе времени его тѣснѣе связывало съ тѣмъ именно кругомъ лицъ, которыя ему наиболѣе были нужны.

Занявъ княжества, австрійская армія расположилась широкимъ полукругомъ, имѣя правый флангъ у Кракова, а лѣвый у Краіовы и хотя политическій горизонтъ по отношенію къ выступленію Австріи былъ болѣе ясенъ, тѣмъ не менѣе, говоритъ Г., въ теченіе октября замѣчалось въ арміи много разнообразнаго движенія. Не совсѣмъ понятныя для него сначала многочисленныя отправки тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій скоро объяснились намѣреніемъ превратить Краковъ, Лембергъ и Пршемышль въ укрѣпленные пункты на случай наступленія русской арміи изъ Царства Польскаго. Стараясь подробнѣе ознакомиться съ этимъ новымъ предпріятіемъ австрійцевъ, Г. скоро узналъ, что означенныя крѣпостныя орудія были только-что и очень спѣшно изготовлены, при чемъ такой спо-

собъ изготовленія вселялъ не малыя опасенія относительно прочности самыхъ орудій. Снарядовъ для нихъ не было. Что же касается проектированныхъ укрѣпленій, то они были въ натурѣ только намѣчены и хотя ни одного вала еще не было насыпано, орудія уже разставлялись для того вѣроятно, чтобы русскіе шпіоны сообщили о новыхъ грозныхъ крѣпостяхъ. И армія была не въ лучшемъ положеніи. За недостаткомъ орудійныхъ ящиковъ, на орудіе было только по 20 снарядовъ въ передкѣ.

Пѣхота въ то же время была доведена до очень крупнаго военнаго состава, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ нѣкоторые полки были развернуты въ 6 батальоновъ, вмѣсто кадровыхъ трехъ. Но большая часть людей, призванныхъ подъ знамена, состояла изъ плохо обученныхъ рекрутъ, которые не могли бы выдержать серьезной кампаніи. Въ кавалеріи было много вновь созданныхъ полковъ, не имѣвшихъ надлежащей сплоченности и подготовки. Съ офицерскимъ корпусомъ дѣло обстояло весьма слабо. Ясно было, что при такихъ условіяхъ войны съ Россіей не начинаютъ.

Мнѣ было также ясно, говоритъ Г., что командующій арміей фельдцейхмейстеръ Гессъ не могъ не отдавать себѣ отчета въ такомъ, далеко неудовлетворительномъ состояніи своихъ войскъ и что имѣлось въ виду подѣйствовать угрозой, которая, разъ уже заставившая русскихъ очистить Дунайскія княжества, могла и дальше при удачѣ создать для Австріи рѣшающее положеніе, безъ выстрѣла съ ея стороны.

Дѣло было рискованное и въ 1859 и 1866 г.г. эта тактика не удалась.

По пріѣздѣ фельдцейхмейстера Гесса изъ Бухареста въ Вѣну въ концѣ октября, стали распространяться новые слухи о мобилизаціи всей арміи, о зимней кампаніи и въ военномъ министерствѣ замѣчалась оживленная дѣятельность. Я сталъ еще пристальнѣе наблюдать, говоритъ Г., но со всѣхъ сторонъ встрѣчалъ еще большую замкнутость. Случайный разговоръ съ секретаремъ французскаго посольства, который очень возбужденно доказывалъ, что наступаетъ моментъ, когда Франція, Англія и Австрія потребуютъ отъ Пруссіи категорическаго отвѣта о ея намѣреніяхъ, такъ какъ предпочтительнѣе имѣть яснаго врага, чѣмъ неопредѣленнаго союзника,—заставилъ меня быть насторожѣ. Но въ тотъ же вечеръ въ обычномъ собраніи у Захера, когда тамъ собрались посѣтители Тальони, одинъ адъютантъ, пришедшій очень поздно изъ военнаго министерства, послѣ нѣ-

сколькихъ стакановъ вина сталъ говорить объ имѣющихся предположеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ Г. его уговаривалъ не заниматься политическими вопросами и по мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, передъ Г. вся картина того, что австрійцы имѣютъ въ виду, становилась ясной. Они рѣшили запугать и Пруссію, чтобы тѣмъ самымъ окончательно завлечь ее въ союзъ противъ Россіи, которая тогда уже должна была бы подчиниться всѣмъ предъявленнымъ ей требованіямъ. Для сего, по словамъ нескромнаго офицера, въ Богеміи и Моравіи, т.-е. на границѣ Пруссіи, должна была быть образована новая армія въ 120.000 человѣкъ. Но такъ какъ армія подъ начальствомъ Гесса уже составила 280.000, Радецкій же изъ своей итальянской арміи не давалъ больше ни одного полка, а другихъ войскъ не было, то Богемская армія должна была числиться на бумагѣ въ составѣ 80 батальоновъ, доведенныхъ, по распространяемымъ нарочно слухамъ, до 120.000 человѣкъ. Въ дѣйствительности же тамъ могли бы быть собраны лишь запасные и пятые батальоны, общая сила которыхъ не могла превышать 30—40 человѣкъ. Вынужденный не отставать отъ тѣхъ, которые безсознательно раскрывали передъ нимъ столь важныя тайны, Г., хотя и выпившій болѣе обыкновеннаго, въ ту же ночь написалъ подробное донесеніе обо всемъ узнанномъ и на слѣдующее утро сообщилъ его посланнику, который, вначалѣ опять не повѣривъ, вечеромъ сказалъ, что и по его свѣдѣніямъ все это такъ. Такъ какъ однако моментъ былъ весьма серьезный и опасаясь, что сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ въ Берлинѣ повѣрятъ, когда уже будетъ поздно, а тѣмъ временемъ Пруссія можетъ быть поставлена въ положеніе, при которомъ ей, вовлеченной въ войну съ Россіей, въ концѣ концовъ прійдется расплачиваться за всѣхъ, Г., съ согласія посланника, тотчасъ же выѣхалъ въ Берлинъ для личнаго доклада.

Немедленно по прибытіи принятый королемъ, Г. подробно изложилъ положеніе дѣла и считалъ своимъ долгомъ указать, что если бы прусская армія была немедленно мобилизована, то при отсутствіи у Австріи свободныхъ силъ, которыя могли бы быть ей противупоставлены, и при большихъ разстояніяхъ, которыя южная армія Гесса должна была бы пройти, чтобы повернуть свой фронтъ противъ Пруссіи, прусскія войска черезъ мѣсяцъ могли бы быть въ Вѣнѣ. Наконецъ, что австрійцевъ нужно поколотить, чтобы заставить себя уважать.

Вполнѣ соглашаясь съ этой точкой зрѣнія, король, которому мысль о войнѣ съ Австріей вообще была тяжела, выражалъ

сомнѣніе въ возможности такого нападенія на своего союзника, съ которымъ онъ связанъ конвенціей 20 апрѣля. Но, сказалъ король, я на дняхъ сдѣлаю шагъ, который заставитъ Австрію или окончательно вмѣстѣ со мной сохранить полный нейтралитетъ, или же освободить меня отъ условій конвенціи, и просилъ Г. предупредить объ этомъ посланника гр. Арнима, который не долженъ будетъ удивляться такому новому обращенію къ Австріи. Ближайшія его послѣдствія тотчасъ же обнаружатъ и его дѣйствительный смыслъ.

Одновременно съ возвращеніемъ Г. въ Вѣну, посланникъ гр. Арнимъ получилъ изъ Берлина приказаніе предложить австрійскому правительству дополнительную статью къ конвенціи 20 апрѣля, согласно коей Пруссія, для большаго обезпеченія австро-прусскаго нейтралитета, принимаетъ на себя обязательство притти Австріи на помощь всѣми своими силами въ томъ случаѣ, если ея войска, находящіяся въ Дунайскихъ княжествахъ, подвергнутся нападенію.

Несмотря на всѣ возраженія гр. Арнима, не понимавшаго такого явно невыгоднаго для Пруссіи обязательства, эта статья, въ которой австрійское правительство благосклонно усматривало желаніе своего вассала еще болѣе ревностно ему служить, была подписана 26 ноября. А 2 декабря случилось то, что предусматривалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Австрія заключила формальный союзъ съ Франціей и Англіей, т.-е. черезъ 6 дней послѣ подписанія своего договора съ Пруссіей о совмѣстномъ нейтралитетѣ она, не предупреждая своего союзника, вступила съ двумя другими государствами въ договоръ противуположнаго характера. Этимъ чаша переполнилась, гр. Арнимъ прекратилъ сношенія съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и всѣмъ членамъ посольства воспретилъ показываться гдѣ бы то ни было въ австрійскомъ обществѣ. Такое отношеніе поразило австрійскіе оффиціальные круги, расчитывавшіе на возможность обращенія съ Пруссіей по своему усмотрѣнію. Министра иностранныхъ дѣлъ гр. Арнимъ, подъ предлогомъ болѣзни, не принялъ, а фельдмаршалу Гессу, посланному къ нему императоромъ съ частнымъ визитомъ, онъ высказалъ свое частное мнѣніе, что на такое отношеніе Австріи къ Пруссіи можетъ быть только одинъ отвѣтъ—немедленный отъѣздъ его, посланника и объявленіе войны.

Изъ Берлина пришло приказаніе ни въ какія объясненія пока не входить, а когда тамъ была получена австрійская нота, возбудившая общій смѣхъ, чтобы Пруссія, на основаніи кон-

венціи 20 апрѣля о нейтралитетѣ, выставила на границѣ Царства Польскаго 200.000 армію, долженствующую дѣйствовать, согласно съ арміей фельдмаршала Гесса, Пруссія отвѣтила, что она себя отъ всякихъ обязательствъ считаетъ свободною.

Въ то же время Г. замѣтилъ, что прежнее полицейское наблюденіе за нимъ было усилено, и тотъ же агентъ вновь слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, не упуская его изъ виду ни въ театрахъ, ни въ ресторанахъ. Предположеніе, что такой усиленный надзоръ вызванъ его поѣздкой въ Берлинъ, должно было позднѣе уступить мѣсто иному объясненію дѣйствій полиціи. Такъ какъ несомнѣнно купленный австрійскимъ правительствомъ канцелярскій чиновникъ прусской миссіи сообщилъ о донесеніи Г. относительно движенія австрійскихъ войскъ, то военное начальство старалось разузнать, отъ кого изъ офицеровъ Г. могъ получать свѣдѣнія, и съ этой цѣлью наблюдало также за военными, съ которыми Г. встрѣчался. Это обнаружилось при одномъ весьма комическомъ случаѣ. Какъ-то вечеромъ большая компанія поклонниковъ Тальони собралась въ ея квартирѣ и при участіи ея родителей и сестры занималась невинной игрой въ лото, при чемъ играли на конфекты. Послѣ двухъ, трехъ часовъ такой забавы, гости отправились ужинать въ ресторанъ Захера. На другой день всѣ изъ бывшихъ на этомъ вечерѣ офицеры были вызваны въ комендантское управленіе, гдѣ имъ сдѣланъ былъ выговоръ за то, что они наканунѣ, какъ донесла полиція, вечеромъ въ квартирѣ Тальони, предавались азартной игрѣ. Потребовалось не мало труда, чтобы выяснить это недоразумѣніе, но при этомъ всѣ участники такого эпизода наглядно убѣдились, что за ними повсюду слѣдятъ. Когда засимъ одинъ изъ нихъ сообщилъ объ этомъ Г., то тотъ, искренно расхохотавшись, удивился, что обратившійся къ нему ротмистръ Д. до того не замѣчалъ постоянно сопровождавшаго его спутника, и предложилъ ему въ этомъ убѣдиться. Цѣлый вечеръ былъ для сего посвященъ. Но куда бы оба офицеры ни заходили, какіе бы отдаленные кварталы Вѣны они ни посѣщали—таинственный спутникъ не отставалъ.

Кончилось тѣмъ, что взбѣшенный австріецъ схватилъ агента за горло и при содѣйствіи двухъ городовыхъ отправилъ въ полицейскій участокъ. Ни Г., ни ротмистра Д. никогда никто для объясненія этого поступка не вызывалъ, а черезъ нѣсколько дней таинственный незнакомецъ продолжалъ опять неутомимо слѣдовать за Г. Этому это наконецъ надоѣло, и онъ обратился

къ весьма смущенному начальнику Вѣнской полиціи съ просьбой принять мѣры къ тому, чтобы если подобнаго рода надзоръ не можетъ быть отмѣненъ, то по крайней мѣрѣ сдѣлать такъ, чтобы онъ, Г., его не замѣчалъ.

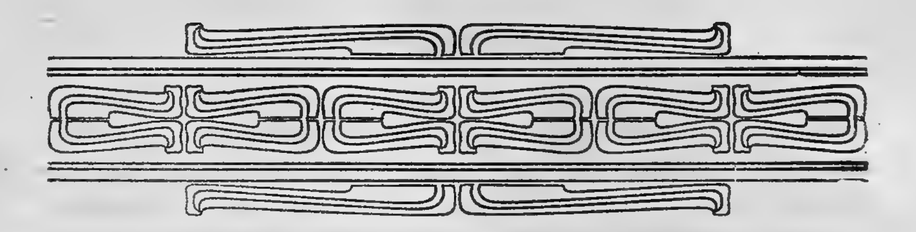
Послѣ категорическаго отказа Пруссіи отъ какихъ-либо совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріей, эта послѣдняя остановилась на полъ-пути, съ котораго потомъ и не сходила. Воинственный ея пылъ, который въ ней разжигали Франція и Англія, умѣрялся въ значительной степени очень не утѣшительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась армія. Тифъ и холера ее опустошали въ теченіе всей зимы, чему способствовали чрезвычайно дурныя условія расквартированія войскъ въ Галиціи. Командиръ одного изъ кирасирскихъ полковъ разсказывалъ Г., что у него къ концу зимы выбывшихъ изъ строя по болѣзни и за смертью оказалось на 10 человѣкъ больше того списочнаго состава, съ которымъ онъ вышелъ въ походъ, и несмотря на такую полную замѣну первоначальнаго состава, полкъ долженъ былъ быть отправленъ въ мѣсто своего постояннаго расположенія, при чемъ лошадей вели пѣхотные солдаты. Ко всему этому, говоритъ Г., присоединялся и громко выражавшійся среди генераловъ и офицеровъ протестъ противъ войны съ Россіей, которая являлась въ ихъ глазахъ актомъ возмутительной неблагодарности со стороны Австріи, только-что передъ тѣмъ спасенной Императоромъ Николаемъ. Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и авторитетныхъ ветерановъ австрійской арміи фельдцейхмейстеръ Шликъ нарочно прибылъ въ Вѣну, чтобы доложить императору объ этомъ настроеніи. Фельдмаршалъ Радецкій писалъ о томъ же изъ Вероны, а фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ, не стѣсняясь, энергично выражался въ томъ же смыслѣ въ вѣнскихъ военныхъ кругахъ и салонахъ.

Этимъ собственно ограничивается то, что въ запискахъ Пр. Г. имѣетъ непосредственное отношеніе къ Россіи изъ пережитаго имъ въ Вѣнѣ и вынесенныхъ имъ оттуда впечатлѣній. Но картина получается любопытная. Въ ней прежде всего представляютъ интересъ тѣ почти враждебныя отношенія Австріи къ Пруссіи, при которыхъ очевидно дѣйствительно опасный для насъ союзъ между ними былъ невозможенъ. Убѣжденіе Г., который вовсе не былъ, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ его записокъ, безусловнымъ руссофиломъ, что для того, чтобы Пруссіи добиться равноправія въ глазахъ Австріи, нужно ее сначала побить, — заставляетъ предчувствовать неизбѣжность

столкновенія въ 1866 г., и результатъ этого столкновенія для Австріи уже намѣчается въ 1854 г. всѣмъ тѣмъ, что Г. говоритъ объ австрійской арміи. Но тому, что онъ говорилъ, въ Берлинѣ плохо тогда вѣрили, а у насъ того, что онъ сообщалъ въ Берлинъ, очевидно не знали, своихъ же свѣдѣній не имѣли, и угрозы принимались за силу.

П. Н. Исаковъ.

Одинъ изъ многихъ.

(Разсказъ изъ воспоминаній портъ-артурца).

Въ тотъ моментъ, когда у насъ шелъ бой, далеко за этими шапками-горами и безконечнымъ моремъ съ несущимися надъ ними облаками, быть можетъ, на лицахъ моихъ знакомыхъ скользила нѣжная беззаботная улыбка, быть можетъ, они ловили грезы о счастьѣ, мечты о любви и ихъ душу сковывалъ трепетъ радости, а горе, горе словно ласточка, рѣя въ воздухѣ, черной точкой высоко проносилась надъ ними, скрываясь въ выси.

Здѣсь на маленькомъ клочкѣ земного шара, на Ляодунскомъ полуостровѣ, стрѣлою вдающемся въ море, не то было на нашихъ лицахъ. Злоба, ненависть, безсердечность, озвѣреніе обуяли каждаго изъ насъ, и все это было изображено грубыми мазками какимъ-то безсердечнымъ художникомъ на полотнѣ живыхъ лицъ. Но среди этихъ рѣзкихъ мазковъ ярко выдѣлялись свѣтлыя нѣжныя краски беззавѣтныхъ подвиговъ съ безстрашными жертвами.

Въ это утро блѣдно-лазуревое небо, съ нависшими дымчатыми облачками, казалось свинцовымъ, горы кратерами, долины кипучимъ котломъ расплавленнаго металла, люди же среди этой огненной лавы осколковъ и свинца — титанами, а ненасытная смерть—безстрашной гостьей каждаго, въ каждую секунду. Среди этихъ горокъ и долинъ смерти, всѣ давно обрекли себя ея мгновенному взору, свыклись мысленно съ ней. И кто былъ здѣсь страшнѣе, жесточе: она или вонъ тѣ, что сбрасываютъ подъ откосъ штыками врага?

Солнце, въ этотъ день жнивы смерти, съ самаго утра силилось

заглянуть въ окопы, какъ бы хотѣло дать радость живымъ, освѣтить ихъ мрачныя лица и кинуть послѣдній разъ свои яркіе лучи на мертвыхъ, но черные свинцовые клубы дыма заволокли окопы, горки и долины: скрыли мертвыхъ и живыхъ.

День только-что насталъ. Облака дыма то сгущались надъ нами, то легкій налетъ вѣтерка съ моря разгонялъ ихъ, давая возможность людямъ минуту другую вдохнуть свѣжій, неотравленный ѣдкимъ дымомъ, воздухъ, мимолетно взглянуть, что дѣлается кругомъ, видѣть кого не стало, кому давно жданная гостья наложила свою печать безмолвія.

Въ это утро японцы ворвались въ наши окопы, мой другъ и пріятель, поручикъ Трофимовъ, вырвалъ меня изъ объятія костлявой гостьи; еще одинъ моментъ, и я почувствовалъ бы въ своемъ тѣлѣ холодные тесаки японцевъ, но поручикъ Трофимовъ во-время подоспѣлъ, бросился въ штыки и спасъ мнѣ жизнь. Признаюсь, когда японцы повалились возлѣ насъ, мнѣ не хотѣлось бы быть на ихъ мѣстѣ: слишкомъ мучителенъ былъ ихъ конецъ, но чувства сострадания, жалости они въ этотъ моментъ во мнѣ не возбудили. Послѣ, когда солнце закатится, когда сумерки окутаютъ горы Волчьи, Дагушань и Сягушань, когда все стихнетъ и гулъ и стоны, и погаснетъ жизнь съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго, когда картина дневного боя, не подающаяся кисти художника, будетъ закончена, тогда...тогда, я буду не тѣмъ, если можно такъ сказать про себя, титаномъ борьбы за пядь земли, я духомъ паду, ослабнутъ нервы, моя жестокость рухнетъ словно стѣна, и я почувствую себя не убійцей людей, а другомъ ихъ, буду страдать, мучиться, смерть своего и врага болью отдадутся въ моемъ сердцѣ... а если завтра съ разсвѣтомъ снова штурмъ? Меня снова охватятъ чувства безсердечности, жестокости, и жажда крови явится моимъ желаннымъ наслажденіемъ, я буду упиваться мученіями врага... Такой страшный переворотъ души былъ всегда, когда начинался бой и угасалъ день.

Въ полдень мой участокъ окончательно заволокло дымомъ, казалось, что померкъ день и гибнетъ весь міръ. Нѣтъ, міръ тотъ же съ дивной красотой и чарующей прелестью.... Жизнь такъ же красива. Жить... жить... Изъ моихъ глазъ блеснулъ снопъ искръ, пошли круги, чувствую, земля проваливается, и я несусь куда-то въ бездну, въ безконечную пропасть и съ каждой минутой быстрѣе. Мнѣ такъ хорошо, пріятно, истома охватила все тѣло, безконечно ощущалъ бы эти блаженныя минуты...

Что было дальше, не помню, я очнулся на перевязочномъ пунктѣ. Черезъ три дня въ госпиталѣ узнаю, что мой другъ, Юрочка, такъ звали поручика Трофимова, когда японцы снова ворвались въ наши окопы,—бросился ко мнѣ на выручку и спасъ меня отъ разъяренныхъ японцевъ Затѣмъ съ небольшой горсточкою такихъ же смѣльчаковъ, какъ онъ, Юрочка кинулся въ мой полуразрушенный блиндажъ, гдѣ засѣли японцы. Въ дверяхъ они встрѣтили нашихъ смѣльчаковъ, градомъ пуль и бомбочекъ. Поручика Трофимова тяжело ранили въ животъ осколками бомбочки, троихъ неизвѣстныхъ смертельно. Но за эти четыре жертвы они поплатились тридцатью. Наша ворвавшаяся, остервенившаяся горсточка стрѣлковъ переколола всѣхъ, не дала пощады имъ и въ темныхъ углахъ блиндажа, гдѣ многіе изъ нихъ притворились мертвыми. Правда, и наши изъ темнаго блиндажа вышли не всѣ цѣлехоньки, но за то они отомстили за своего ротнаго и трехъ своихъ товарищей. Переколовъ японцевъ, стрѣлки бросились вдоль моего окопа, выбили изъ траверсовъ остальныхъ японцевъ, и окопъ былъ до вечера снова въ нашихъ рукахъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого штурма, послѣ моего раненія и подвига моего друга, Юрочка Трофимовъ въ страшныхъ мученіяхъ борьбы за жизнь скончался. Его смерть тяжелой болью отдалась въ моемъ сердцѣ. Не вѣрилось, что его въ этомъ мірѣ не стало.

Помню, день былъ ярко-солнечный. Внутренній рейдъ серебрился, водяная гладь красиво переливалась, блестя на солнцѣ. Вдали на фонѣ облаковъ, гора Ляотешань съ причудливыми холмами, кривыми изгибами, глубокими долинами, покрытыми кустарникомъ, далеко уходила, закрывая собою море и облака. Среди этихъ красотъ природы, безпрерывно гудѣли и вздрагивали наши броненосцы, посылая двѣнадцатидюймовые снаряды куда-то за горы, черезъ долину, возлѣ Перепелиной горы. Страшный трескъ колебалъ почву и сотрясалъ воздухъ, временами казалось, что разверзлись нѣдра земли и рушились стѣны. Когда эти гиганты посылали снаряды, то все живое вздрагивало и трепетало. Гудя, они неслись туда, далеко за горы, гдѣ разрывались, разнося эхо, которое замирало среди дивной красоты высотъ въ дикихъ скалахъ Ляотешаня, сливаясь со стонами умирающихъ въ окопахъ. При каждомъ такомъ выстрѣлѣ маленькая часовенька, куда мы вошли, казалось, не выдержитъ, отъ сотрясенія рухнетъ, а три офицерскихъ гроба развалятся. Жутко было здѣсь, въ этой маленькой часовенькѣ, гдѣ обезо-

браженные до неузнаваемости трупы офицеровъ въ желтыхъ гробахъ вздрагивали, а лежащіе на полу пять неизвѣстныхъ сѣрыхъ героевъ, зашитыхъ въ черный лоснящійся коленкоръ, вмѣсто гроба—казалось, шевелились...

Послѣ краткой литіи мы простились, кинули послѣдній взглядъ въ спокойное лицо своего друга и при общемъ гробовомъ молчаніи безъ слезъ, а это хуже, когда крышка скрыла его на всегда, мы вынесли Юрочку изъ часовни, поставили на дроги и тихо тронулись къ Перепелиной горѣ. Образъ его и свѣтлый подвигъ былъ моимъ спутникомъ. Его подвигъ ничто не можетъ до сего дня скрыть и сгладить изъ моей памяти. Я обязанъ ему за слишкомъ цѣнную его жертву красотой жизни.

Вотъ и Перепелиная гора, черезъ которую на внутренній рейдъ и въ докъ посылаютъ намъ японскіе мортиры отвѣтъ Чувства не обманываютъ, подсказываютъ остановиться, переждать, пока нѣсколько японскихъ снарядовъ не взбороздятъ, не взроютъ дорогу, возлѣ подошвы этой горы, гдѣ кладбище, чтобы скорѣе миновать обстрѣливаемое мѣсто, не попасть подъ снаряды, которые могутъ перевернуть гробъ съ прахомъ, и не потревожить въ послѣдній часъ передъ могилой покой моего товарища—дроги съ моимъ другомъ должны проѣхать второй поворотъ рысью. Дѣйствительно, когда мы остановились, впереди саженяхъ въ пятидесяти отъ насъ нѣсколько снарядовъ упало на дорогу и разбросало свои пудовые осколки, которые съ визгомъ пронеслись надъ нами. Мы, съ трепетомъ въ душѣ и страхомъ, двѣ—три минуты пережидаемъ. Сопровождавшій оркестръ повернулъ обратно: рисковать людьми, которые въ бою исполняли должности санитаровъ, а при погребеніи играли похоронные марши, звуки котораго подъ гулъ трехъ снарядовъ и муки умирающихъ еще больше растравляли сердца сопровождавшихъ, было не къ чему. Тронулись. Вотъ онъ ,второй поворотъ, проклятое мѣсто, самое опасное на всемъ пути. Здѣсь снаряды и мертвыхъ не щадили. въ этомъ мѣстѣ дороги, какъ нарочно въ выбоинахъ стали замедлять ходъ, лошаденка настораживаться. Моментъ... и она шарахнулась въ сторону: страшный трескъ огласилъ весь рейдъ... Но все обошлось благополучно.

— Скорѣе... Скорѣе... къ могилѣ, она здѣсь недалеко—копошилась мысль въ моей головѣ. Еще одинъ поворотъ, и опасное мѣсто мы миновали. Вотъ вправо передъ нами склонъ Перепелиной горы. Свѣжіе холмики съ бѣлыми крестами спускаются къ самой ея подошвѣ. Не успѣли мы отъѣхать нѣ-

сколько саженей, какъ сейчасъ же на дорогѣ сзади, за поворотомъ, разорвалось нѣсколько снарядовъ, но намъ теперь это не страшно: мы возлѣ могилы, куда спѣшимъ его спрятать. Какъ-то тихо пропѣли два солдатскихъ голоса „Со святыми упокой“. Мы опустились на колѣни. Эти дивныя слова, эта искренняя обжигающая сердце, молитва слилась съ гуломъ снарядовъ, съ разрывомъ за горой и далекимъ эхомъ въ морѣ. Еще тише прозвучали слова: „Вѣчная память, вѣчная пам“... И послѣднее слово отъ треска снаряда оборвалось.

Глухо застучала о крышку земля. Образовался новый холмикъ, поставили бѣлый крестъ съ надписью „Поручикъ Трофимовъ“ и только... Мы постояли, посмотрѣли на этотъ свѣжій холмикъ съ крестомъ и пошли... въ окопы. Хотѣлось вернуться еще разъ взглянуть, не вѣрилось, что сейчасъ опустили въ могилу друга, которому я и многіе обязаны жизнью, но почемъ знать, быть можетъ черезъ три дня и я буду здѣсь, возлѣ него.

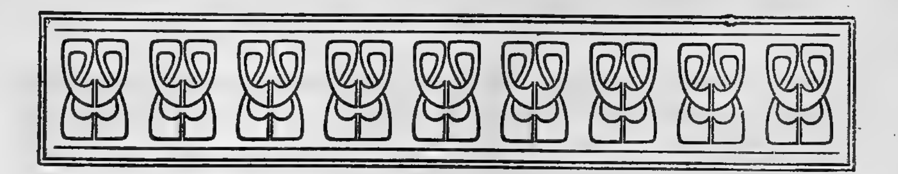
Когда мы спускались по узенькой крутой тропочкѣ, передъ нами развернулась дивная сказочная картина природы. Вдали горы, дальше море, надъ которыми нависли бѣлыя шапки облаковъ и не двигаются, какъ будто онѣ очарованы водяною гладью, верхушками горъ и замерли. Солнышко высоко надъ нами, теплые лучи его насъ пригрѣваютъ, но душу, грусть ея, въ этотъ моментъ ничто не можетъ согрѣть... А тамъ дальше, за этимъ моремъ, родина, туда, туда съ этого склона хотѣлось крикнуть своимъ знакомымъ: „Не забудьте, сейчасъ опустили въ могилу еще одного вамъ неизвѣстнаго. Не забудьте!“

Въ этотъ моментъ порыва на вершинѣ Перепелиной горы раздался трескъ: задрожали маленькіе, свѣженькіе холмики, покачнулись кресты, и быть можетъ тамъ въ гробу вздрогнули товарищи, но какое имъ дѣло до нарушенія ихъ покоя.

Они въ землѣ, они ничего не чувствуютъ. Ихъ имя вамъ чуждо, ихъ смерть, ихъ подвиги васъ не тронутъ, но близкимъ будетъ больно, когда о нихъ забудутъ. Такъ дайте же, хоть живымъ, оставшимся послѣ нихъ, покой, удѣлите имъ чувства состраданія, облегчите ихъ участь. Вы скажете: война жестока и страшна жертвами. Вамъ мой искренній изъ глубины изстрадавшагося сердца отвѣтъ:

— А вы еще жесточе и страшнѣе... безсердечіемъ.

Г. Артуровъ.

Изъ жизни инженера путей сообщенія [1]).

Служба на Николаевской дорогѣ—1905 годъ.—Нѣсколько словъ въ защиту инженеровъ Путей Сообщенія.—Заключеніе.

Въ бытность на службѣ Сибирской дороги—я одновременно читалъ три года лекціи по геодезіи во вновь открытомъ въ то время технологическомъ Томскомъ институтѣ.

Въ февралѣ 1903 г. я былъ приглашенъ Н. К. Шауфусомъ, бывшимъ въ то время уже начальникомъ Николаевской дороги—на должность помощника начальника службы пути къ бывшему также моему начальнику—начальнику пути А. И. Лебединскому. Къ сожалѣнію, глубокоуважаемый Александръ Ильичъ—прекрасный, всесторонне образованный, талантливый инженеръ-теоретикъ и практикъ, не могъ долго выдержать довольно суроваго режима служебныхъ отношеній, къ которымъ привыкъ Н. К. Шауфусъ, и оба эти въ сущности сердечные и добрые человѣка не могли ужиться другъ съ другомъ, такъ что А. И. Лебединскій вскорѣ перешелъ на почетную должность члена инженернаго совѣта.

При новомъ начальникѣ пути Н. К. Шауфусъ счелъ за болѣе цѣлесоотвѣтственнымъ взять меня къ себѣ въ управленіе и предложилъ мнѣ мѣсто инженера особыхъ порученій при начальникѣ дороги, съ назначеніемъ меня штатнымъ инженеромъ V класса и однимъ изъ своихъ замѣстителей. Зная, что названная должность представляетъ изъ себя почетный „тупикъ", изъ котораго потомъ трудно выбраться снова на прямой путь по своей спеціальности, и крайне мнѣ не по нутру, такъ какъ въ кругъ обязанностей инженера особыхъ порученій входитъ,

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1914 г.

главнымъ образомъ, разслѣдованіе разныхъ происшествій, кляузъ и доносовъ, къ чему я по природѣ всегда чувствовалъ особое отвращеніе—и помня—въ то же время, что Николай Константиновичъ терпѣть не можетъ противорѣчій, когда намѣтилъ себѣ какую-либо цѣль—я посовѣтовался съ женою. „До сихъ поръ, что бы ни дѣлалъ Николай Константиновичъ для насъ“, сказала эта послѣдняя,—„все было намъ къ добру, нужно надѣяться, что такъ будетъ и на этотъ разъ“.—Тогда скрѣпя сердце—я далъ согласіе, но обусловилъ таковое тѣмъ, что назначеніе это не повліяетъ на мою дальнѣйшую карьеру и что, когда придетъ время, Н. К. возвратитъ меня на прежній мой инженерный путь. „Ну вотъ и хорошо“, сказалъ Н. К. „Вы будете теперь моимъ „окомъ“ и, конечно, я Васъ не забуду и въ дальнѣйшемъ“.

Не буду описывать своей службы въ этой новой должности, такъ какъ она представляла вообще, какъ я и предвидѣлъ раньше—весьма мало привлекательнаго и только послѣ назначенія начальникомъ Николаевской дороги глубокоуважаемаго Осипа Антоновича Турцевича—ко мнѣ перешли фактически всѣ обязанности второго помощника начальника дороги, что позволило мнѣ хоть отчасти снова вернуться къ инженерной дѣятельности.

Самъ Н. К. Шауфусъ, какъ извѣстно, назначенъ былъ въ 1906 г. сначала начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ, а засимъ министромъ путей сообщенія. Такъ какъ моей женѣ строжайше было запрещено жить въ Петербургѣ изъ-за бронхіальной астмы и маляріи, которыми она страдаетъ—то я вынужденъ былъ жить на два дома, поселивъ семью въ Москвѣ. Нѣсколько разъ умолялъ я Н. К. Шауфуса перевести меня въ Москву на неоднократно открывавшіяся тамъ вакансіи начальниковъ службы пути, но каждый разъ получалъ отвѣтъ, что „на вакансіи предначертаны помимо него другіе кандидаты“, а когда я рѣшился напомнить ему его обѣщаніе: не держать меня въ тупикѣ инженера особыхъ порученій—то разъ былъ вызванъ къ телефону и услышалъ буквально нижеслѣдующее: „Я Шауфусъ, Вы упрекаете меня, что я забылъ Васъ—вотъ открылась вакансія начальника службы пути въ Асхабадѣ на Средне-Азіатской дорогѣ. Предлагаю ее Вамъ“. Я конечно отказался, говоря, что просилъ назначенія въ Москву, гдѣ устроилась моя семья, а не въ Азію, гдѣ мнѣ придется жить снова одному. Тѣмъ не менѣе намекъ я понялъ и не сталъ больше тревожить Николая Константиновича, хотя мое нравственное

и матеріальное положеніе вдали отъ своихъ и на два дома— было крайне тяжелое и только благодаря тому же глубокоуважаемому Осипу Антоновичу Турцевичу я въ 1908 году былъ назначенъ помощникомъ начальника дороги. Замѣчу, что и тутъ Н. К. Шауфусъ поступилъ безчеловѣчно по отношенію къ моей семьѣ: О. А. Турцевичъ сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня на вышеуказанную должность съ 1-го января 1908 — Н. К. Шауфусъ утвердилъ меня только съ 1-го іюля того же года, вслѣдствіе чего я потерялъ свыше 2000 р. с. Меня всегда удивляло такое, можно назвать, „жестокосердечіе“ со стороны Н. К. ко мнѣ: зная его за добрѣйшей души человѣка, зная, что онъ цѣнитъ меня, цѣнитъ и жалѣетъ мою бѣдную жену и испытавъ въ теченіе 14 лѣтъ одно только доброе отношеніе съ его стороны даже въ мелочахъ — я долгое время совершенно недоумѣвалъ, что за причина такого поворота? Въ позднѣйшемъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что Н. К. находился подъ недоброжелательнымъ ко мнѣ вліяніемъ нѣкоторыхъ лицъ.

Но вотъ наступилъ знаменитый историческій 1905 годъ. Время это по своему особому вліянію на весь желѣзнодорожный строй настолько знаменательно, что не считаю возможнымъ обойти тѣхъ обстоятельствъ, которыя пришлось мнѣ пережить за время съ 18-го октября 1905 г. по январь 1906 г.

Въ сентябрѣ началось уже, какъ извѣстно, сильное броженіе и среди желѣзнодорожныхъ служащихъ. Не избѣгла до нѣкоторой степени такого движенія и Николаевская дорога. Сначала посыпались къ начальству цѣлые сонмы петицій и депутацій. Начались митинги. Зашевелился Александровскій механическій заводъ, рабочіе котораго потребовали повышенія расцѣнокъ, по нѣкоторымъ работамъ чуть ли не на 200%. На заводѣ появились всякіе посторонніе ораторы вродѣ какого-то „Абрашки“ и даже ораторша,—по нѣкоторымъ даннымъ извѣстная Вѣра Засуличъ. Образовался комитетъ служащихъ Николаевской дороги во главѣ съ однимъ психопатомъ-техникомъ сл. пути и чертежникомъ той же службы. Вскорѣ наступило 18 октября, служащіе окончательно распустились. По счастію печальное явленіе это касалось почти исключительно только самого Петербурга и Петербургскаго пригороднаго раіона, тогда какъ вся прочая часть линіи, т.-е. 90%—не въ примѣръ прочимъ дорогамъ проявила необычайную стойкость и сопротивленіе забастовочному движенію.

Въ памятный день 18 октября, охваченный радужной надеждой на то, что страна наконецъ успокоится, жизнь войдетъ

въ мирную колею и всѣмъ будетъ наконецъ легче жить, я отправился пройтись по Невскому, посмотрѣть на ликующую толпу. Но вскорѣ настроеніе мое уже сильно понизилось: шалая толпа молодежи съ красными флагами, пѣньемъ „русской марсельезы“, группы не то рабочихъ, не то какихъ-то особыхъ „товарищей“, ѣдущіе на извозчикахъ съ натыканными по угламъ пролетки красными флагами и красными же флагами на длинныхъ древкахъ въ рукахъ, яро жестикулирующіе и надрывающіеся до сипоты на паперти подъ думскою каланчею, ораторы, кричащіе, что манифестъ даетъ слишкомъ мало свободы и т. п.,—все это было крайне далеко отъ тѣхъ лучезарныхъ картинъ, которыя я ожидалъ встрѣтить. У меня былъ взятъ билетъ въ Михайловскій театръ на французскій спектакль и когда вечеромъ я пробирался изъ театра по Невскому проспекту домой, то вездѣ валялись обломанные древки и изорванные въ клочья національные флаги, коими днемъ были украшены дома. Полное отсутствіе полиціи. На тротуарахъ группы хулигановъ „товарищей“, ревущихъ марсельезу. Окна и двери большинства домовъ задѣланы досками или ставнями. Когда я подошелъ къ углу Надеждинской улицы, то увидѣлъ сплошную толпу человѣкъ въ 300—400, шедшую мнѣ навстрѣчу, оравшую во все горло марсельезу, съ красными флагами на палкахъ въ рукахъ. Увидя меня въ формѣ, ближайшіе ко мнѣ „товарищи“ заорали „долой шапку, не видишь развѣ, что свобода идетъ“. Не обращая вниманія на пьяные возгласы, я осторожно пробирался вдоль самыхъ стѣнъ домовъ, ища, не найду ли случайно какую-либо дверь или ворота открытыми, чтобы скрыться туда. „Долой, тебѣ говорятъ, шапку“, заревѣла толпа. Я продолжалъ идти впередъ. „Ну-ка, товарищи, коли не скидаетъ, такъ нахлобучьте-ка ему шапку на голову, да накладите какъ слѣдуетъ въ шею“, крикнулъ кто-то изъ окружавшихъ меня. Въ эту самую минуту судьба сжалилась надо мною, я увидѣлъ слѣва слабый свѣтъ въ щели отъ слегка пріотворенной парадной двери, задвинутой ставней, изъ-за которой выглядывалъ швейцаръ. Я шепнулъ ему „ради Бога впустите меня“ и юркнулъ за дверь, которую сердобольный швейцаръ тотчасъ же заперъ на замокъ. Пришлось выждать минутъ 15-ть, пока толпа не схлынула дальше. Послѣ сего приснопамятнаго дня наступилъ рядъ другихъ мытарствъ. Я сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ Управленіи дороги, въ то время какъ въ сосѣдней комнатѣ шло засѣданіе Совѣта Управленія подъ предсѣдательствомъ замѣщавшаго въ то время началь-

ника дороги, И. В. Лесневскаго (Н. К. Шауфусъ былъ только-что назначенъ начальникомъ Управленія, а новый начальникъ Николаевской дороги О. А. Турцевичъ еще не вступилъ въ должность). Вдругъ я услыхалъ сильный шумъ въ корридорѣ и, пріотворивъ дверь, увидалъ толпу желѣзнодорожныхъ служащихъ въ перемежку съ какими-то „товарищами“ и женскимъ элементомъ. Вся эта орда, съ папиросами въ зубахъ, хлынула въ засѣданіе Совѣта и начала требовать отъ инженера Лесневскаго распоряженія о прекращеніи движенія по дорогѣ въ знакъ солидарности съ бастующими дорогами. Оказалось, что забастовщики уже „выставили“ вонъ изъ служебныхъ кабинетовъ начальниковъ тяги и движенія, а начальника матеріальной службы, непожелавшаго тронуться съ мѣста, толпа вынесла на креслѣ вонъ изъ помѣщенія матеріальной службы.

Затѣмъ орда направилась къ намъ уже выгонять высшее начальство. „Прикажите всѣмъ служащимъ Управленія уйти сейчасъ вонъ изъ канцеляріи“, кричали главари инженеру Лесневскому. „Если Вы гражданинъ, то ступайте сами въ переднюю и надѣвайте пальто и уходите домой“, продолжалъ вопить этотъ сбродъ.

Помню фигуру нашего непремѣннаго члена отъ министерства путей сообщенія, глубокоуважаемаго Ѳ. А. Дитмара, блѣднаго какъ полотно, растерянно идущаго по корридору и повторявшаго совершенно безотчетно одну и ту же фразу: „Власть, власть, гдѣ же ты“? Въ это время кто-то крикнулъ „жандармы“, и вся орда бросилась бѣжать во главѣ съ дѣвицей съ обтрепаннымъ шлейфомъ, которая за секунду до сего сочла нужнымъ возсѣсть почему-то на канцелярскій столъ.

Въ управленіи осталось насъ только трое: И. В. Лесневскій, правитель канцеляріи и я. Съ инженеромъ Лесневскимъ сдѣлалась истерика, и онъ, ухватившись обѣими руками за голову, громко рыдалъ, говоря, что никогда не ожидалъ натерпѣться такого сраму. Тѣмъ временемъ наступили сумерки. На улицахъ темень кромѣшная, такъ какъ забастовали на электрической станціи. Пришлось пробираться въ потемкахъ домой при стукѣ спѣшно заколачиваемыхъ обывателями и владѣльцами магазиновъ досками и ставнями оконъ и дверей. Черезъ нѣсколько дней новая депутація въ Совѣтскомъ залѣ во главѣ съ тѣмъ же психопатомъ-техникомъ службы путей, требовавшимъ пріостановки движенія и т. д.

Наконецъ наступили памятные декабрьскіе дни. 2 декабря появился „манифестъ“, подписанный Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, Главнымъ комитетомъ всероссійскаго крестьянскаго союза, центральнымъ комитетомъ и организаціонной россійской соціалъ-демократической рабочей партіей, центральнымъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и центральнымъ комитетомъ польской соціалистической партіи.

Этотъ самозванный манифестъ окончательно затуманилъ головы, и 5 и 6 декабря въ Москвѣ собрались делегаты отъ 29 желѣзныхъ дорогъ, рѣшившіе примкнуть къ всеобщей политической забастовкѣ, а 8 декабря разразилась московская революція. Работала на зло одна только Николаевская дорога, и революціонеры сосредоточили все вниманіе на томъ, чтобы взять приступомъ Николаевскій вокзалъ въ Москвѣ, осыпая градомъ пуль изъ-за забора Рязанскаго вокзала и изъ мастерскихъ Ярославской дороги самый вокзалъ и сосѣдніе съ таковымъ жилые дома служащихъ Николаевской дороги, многіе изъ которыхъ хранятъ въ своихъ стѣнахъ слѣды пуль и до сего времени.

Трижды произведенный революціонерами натискъ на вокзалъ былъ блестяще отбитъ, и сами революціонеры путемъ сожженія забора, потребительной лавки и одного дома между Рязанскимъ вокзаломъ и угломъ Красносельской улицы, лишены главнѣйшихъ опоръ своихъ дѣйствій. Съ Николаевскаго же вокзала внутрь города никто не рѣшался проникнуть ни за какія деньги: шла постоянная ружейная и револьверная трескотня, и въ концѣ концовъ послышался грохотъ пушекъ.

Личное положеніе мое было ужасно: семья моя не переносящая, къ сожалѣнію, какъ сказано было выше, петербургскаго климата, проживала постоянно въ Москвѣ, а я одинъ въ Петербургѣ, и вотъ въ теченіе цѣлыхъ 10 дней, т. е. съ 8 по 18 декабря, я не зналъ, въ живыхъ ли все то, что мнѣ дорого, или нѣтъ. Справляясь ежедневно по два раза на дню по служебному телеграфу, что дѣлается въ Москвѣ и нѣтъ ли надежды, что могу пробраться безопасно къ своимъ, получаю все одинъ и тотъ же однообразный отвѣтъ: „Идетъ пушечная пальба и стрекотаніе ружей тамъ и тамъ-то. Выйти за стѣны вокзала безусловно опасно“. Измученный нравственно и физически, я 18 декабря все-таки рискнулъ пробраться отъ Николаевскаго вокзала къ своимъ на Дѣвичье поле. Переодѣвшись

въ штатское платье и нанявъ за большія деньги извозчика, тулупъ и полость саней котораго были наканунѣ изрѣзаны въ клочья революціонерами „освободителями", я кое-какъ окольными путями добрался до своихъ, которыхъ нашелъ къ великой своей радости живыми, но страшно потрясенными. Тѣмъ временемъ стрекотаніе ружей, то пачками, то въ одиночку, гулкіе пушечные выстрѣлы продолжались безпрерывно. Никогда я не забуду этой ночи съ 18 на 19 декабря, проведенной въ Москвѣ. Багровое небо отъ горѣвшихъ фабрикъ Шмидта, Мамонтова и Прохоровской Мануфактуры. Пушечная пальба въ разстояніи около версты отъ насъ въ Кудринѣ и на Прѣснѣ, отдѣльные револьверные и ружейные выстрѣлы на непосредственной близости и даже въ нашемъ переулкѣ—не позволяли сомкнуть ни на минуту глазъ. Рано утромъ на подговоренныхъ заблаговременно трехъ знакомыхъ намъ надежныхъ извозчикахъ я благополучно довезъ семью до Николаевскаго вокзала и когда поѣздъ миновалъ станцію Тверь и Кулицкую, на которую незадолго передъ тѣмъ было нападеніе революціонеровъ, я вздохнулъ свободнѣе, но отъ долгаго 2-хъ дневнаго нравственнаго непосильнаго напряженія, вдругъ почувствовалъ себя настолько дурно, что, доѣхавъ до станціи Спирово, не могъ уже ѣхать дальше, и въ теченіе трехъ часовъ съ лишнимъ пришлось мѣстному участковому врачу повозиться со мной. Не дай Богъ никому вытерпѣть такихъ нравственныхъ мукъ, какъ мнѣ за эти проклятые дни.

Жена моя разсказала мнѣ, между прочимъ, такой эпизодъ изъ пережитаго ею въ періодъ возстанія: квартира наша помѣщалась въ нижнемъ этажѣ двухъэтажнаго дома, выходившаго однимъ угломъ въ Долій, а другимъ въ Неопалимовскій переулокъ на Дѣвичьемъ полѣ, и парадная дверь была вся стеклянная: по перемѣнкѣ приходили—то революціонеры, то войска и требовали, чтобы вечеромъ входная дверь и окна были занавѣшены, а форточки отнюдь не открывались бы. Такимъ образомъ несчастная семья моя сидѣла по вечерамъ съ занавѣшенными окнами и безъ возможности провѣтривать комнаты—большею частью въ передней, составлявшей самую центральную комнату, недоступную дѣйствію могущихъ послѣдовать съ улицъ выстрѣловъ.—Послѣдніе не прекращались ни днемъ, ни въ особенности ночью. Мимо оконъ провозили сани, нагруженныя плохо прикрытыми трупами убитыхъ.—Ночью же съ большой опаскою хоронили растерзаннаго толпою студента Лопатина, жившаго по сосѣдству съ нашимъ домомъ. Студентъ этотъ

былъ настигнутъ толпою, если не ошибаюсь, на Каменномъ мосту, сброшенъ отсюда въ р. Москву, а затѣмъ вытащенъ и въ буквальномъ смыслѣ растерзанъ разъяренною толпою хулигановъ.—И вотъ въ одинъ изъ вечеровъ, когда моя семья сидѣла притаившись во внутреннихъ комнатахъ квартиры, раздался звонокъ. Прислуга докладываетъ, что пріѣхалъ какой-то инженеръ и желаетъ видѣть жену. Жена, думая, что, быть можетъ, это кто-либо изъ инженеровъ Николаевской дороги съ вѣстью отъ меня, приказала впустить. Входитъ молодой человѣкъ въ формѣ инженера путей сообщенія *въ темныхъ* очкахъ и рекомендуется инженеромъ такимъ-то, говоря, что прекрасно знаетъ меня и что, очутившись по какимъ-то особымъ соображеніямъ безъ денегъ въ Москвѣ и помня, что семья моя живетъ здѣсь—проситъ жену, не можетъ ли она поскорѣе одолжить нѣсколько денегъ, такъ какъ ему спѣшно нужно ѣхать на поѣздъ Брестской дороги.—Жена, догадавшись, что передъ ней мошенникъ, имѣла присутствіе духа позвать поскорѣе дѣтей и находившагося у насъ знакомаго гимназиста и сказала непрошенному гостю, что сама живетъ „отъ 20-го до 20-го числа" тѣмъ, что мужъ посылаетъ изъ Петербурга, а въ настоящее тревожное время дать что-либо и подавно не можетъ.—Тогда проходимецъ этотъ, увидя, что жена далеко не одна, пробормоталъ нѣсколько словъ извиненія и удалился. Жена, немного оправившись, послала тотчасъ же записку къ жившему наискось отъ насъ женатому на ея сестрѣ инженеру путей сообщенія Н. А. Самгину съ предупрежденіемъ о томъ, что у насъ произошло. Къ сожалѣнію, оказалось, что она опоздала, такъ какъ авантюристъ въ путейской формѣ успѣлъ побывать и тамъ.—Впослѣдствіи оказалось, что у насъ былъ извѣстный разбойникъ К., нарядившійся въ форму путейца. На душѣ у К., какъ говорятъ, было не одно убійство, совершенное имъ подъ покровомъ „революціи".—Если не ошибаюсь, К. въ скоромъ послѣ сего времени постигла вполнѣ заслуженная имъ кара.—Далѣе жена повѣдала мнѣ, что въ виду общей забастовки и угрозы возможности прекращенія дѣйствія водопровода приходилось разсовывать по всѣмъ угламъ квартиры запасы муки, хлѣба, керосина и проч., наполнить водою всевозможную посуду и даже ванну.—Кромѣ того нашъ домохозяинъ съ женою, бросивъ все, уѣхали къ себѣ въ имѣнье, и забота о дворѣ нашего дома и сосѣдняго, принадлежавшаго тому же домохозяину лежала исключительно на женѣ, такъ какъ нашъ дворникъ, старикъ Петръ, совершенно

растерялся, не зная, кого слушаться — революціонеровъ или солдатъ.

Въ дальнѣйшемъ служба моя на Николаевской дорогѣ не отличалась никакими особо выдающимися обстоятельствами, упомяну лишь о довольно интересной работѣ, которую мнѣ пришлось выполнить въ предѣлахъ города Петербурга: при постройкѣ временной соединительной вѣтви Николаевкой дороги съ Финляндскими по набережной р. Невы съ крутымъ поворотомъ у Литейнаго моста на этотъ мостъ—возникъ споръ: возможно ли пропустить безъ опасенія схода паровозъ по такому крутому закругленію, какъ кривая радіуса въ 24 сажени (большаго радіуса не возможно было примѣнить изъ-за близости съ одной стороны—р. Невы, а съ другой углового дома военнаго вѣдомства на углу Литейнаго проспекта)—и не лучше ли будетъ устроить въ этомъ мѣстѣ поворотный кругъ. Я и мѣстный начальникъ участка пути инженеръ Прокофьевъ доказывали полную возможность обойтись безъ круга, — большинство же стояло *за* кругъ и когда по моему настоянію инженеромъ Прокофьевымъ былъ пропущенъ по закругленію паровозъ и таковой сошелъ при этомъ съ рельсовъ—то наши противники отъ души смѣялись. Но я этимъ не смутился и далъ идею переустройствъ кривой съ такимъ приспособленіемъ, которое позволило съ тѣхъ поръ въ теченіе четырехъ лѣтъ паровозамъ преблагополучно проходить злополучную кривую безъ опасенія схода, а приготовленный поворотный кругъ такъ и простоялъ безъ всякаго употребленія. До сихъ поръ помню эту бѣлую іюньскую петербургскую ночь, когда около 3 часовъ утра на первомъ паровозѣ, прошедшемъ благополучно кругъ — мы переѣзжали на диво собравшейся, несмотря на раннее утро, толпѣ зѣвакъ, изъ коихъ большинство возвращалось изъ „Аквaріума“ и „Виллы Роде“ — переѣхали впервые Литейный мостъ и, доѣхавъ до воротъ товарной Финляндской желѣзнодорожной станціи въ концѣ Нижегородской улицы, начали стучать въ ворота къ ужасу заспанныхъ и ничего не ожидавшихъ финскихъ сторожей.

Съ назначеніемъ О. А. Турцевича предсѣдателемъ инженернаго совѣта—я былъ назначенъ и. о. члена сего послѣдняго, при чемъ черезъ мои руки прошли проекты нѣкоторыхъ изъ новыхъ дорогъ послѣдняго времени, а именно: проекты линій: Западно-Уральской, Алтайской, Семирѣченской и Ферганской. Крайне интересныя чисто инженернаго характера занятія въ означенномъ совѣтѣ во многомъ способствовали скрашиванію

моей почти исключительно административной должности помощника начальника дороги.

Въ заключеніе настоящаго очерка не могу не удѣлить нѣсколько теплыхъ словъ личности человѣка, который за послѣдніе годы моей службы оказалъ и мнѣ лично широкую помощь — я говорю о нынѣ покойномъ Осипѣ Антоновичѣ Турцевичѣ.

О. А. Турцевичъ пользовался въ инженерной средѣ чрезвычайнымъ общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ большихъ техническихъ знаній и обширнаго практическаго опыта, пріобрѣтеннаго продолжительною, дѣятельною службою на видныхъ желѣзныхъ дорогахъ. До назначенія его на важный постъ предсѣдателя высшаго техническаго совѣщанія министерства, онъ былъ начальникомъ: сначала Петербурго-Варшавской, а потомъ Николаевской желѣзныхъ дорогъ, предварительно, въ теченіе многихъ лѣтъ, занимая послѣдовательно должности главнаго инженера службы ремонта пути и зданій и помощника начальника дороги на той же Николаевской дорогѣ. Съ 1907 г. онъ назначался неуклонно сначала членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ экзаменаціонной комиссіи, образуемой въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія для выпуска молодыхъ инженеровъ. Онъ же въ послѣдніе годы состоялъ представителемъ отъ желѣзныхъ дорогъ русской сѣти въ постоянной комиссіи международныхъ желѣзнодорожныхъ конгрессовъ. Оба эти назначенія наглядно свидѣтельствуютъ о томъ уваженіи и довѣріи, которыми покойный пользовался съ своей средѣ. Въ 1910 г. О. А. былъ назначенъ, какъ было сказано мною выше, на высокій постъ предсѣдателя инженернаго совѣта. Къ сожалѣнію, тяжелая болѣзнь свела его въ могилу менѣе, чѣмъ черезъ полтора года послѣ сего назначенія.

О. А. Турцевичъ умеръ далеко не глубокимъ старикомъ, онъ родился 15 февраля 1851 года, и ему минуло едва 60 лѣтъ, возрастъ, когда въ Европѣ люди *только начинаютъ свою общественную дѣятельность и выступаютъ на самостоятельную отвѣтственную арену*. Къ сожалѣнію, въ Россіи большинство инженеровъ къ 60-ти годамъ уже такъ изнурены тяжелымъ трудомъ и жизнью, что уходятъ преждевременно въ лучшій міръ.

Счастливымъ исключеніемъ не пришлось быть и Осипу Антоновичу. Окончивъ свое образованіе въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія въ 1872 г., онъ умираетъ въ 1911 г., такъ что на всю самостоятельную дѣятельность ему не было дано судьбою и полныхъ 40 лѣтъ. По справедливости, надле-

житъ признать, что покойный въ теченіе всего, отпущеннаго ему срока работалъ талантливо, усердно, трудолюбиво и съ выдающейся пользою для того дѣла, которому посвятилъ свою недолгую жизнь. Дѣятельность покойнаго, чуждая самомнѣнію, прошла съ несомнѣннымъ блескомъ и оставила свой слѣдъ всюду, гдѣ имѣла случай проявиться. На Николаевской же дорогѣ, на которой протекла большая часть этой дѣятельности, гдѣ покойный служилъ болѣе 35 лѣтъ, имя О. А. Турцевича навѣрное долго не забудется, какъ имя истиннаго труженика, отдавшаго дѣлу всего себя, весь свой талантъ и всю свою душу. Какъ человѣкъ Осипъ Антоновичъ всегда отличался мягкимъ, привѣтливымъ характеромъ и тѣмъ неизмѣннымъ доброжелательствомъ, которое столь цѣнно въ хорошемъ добромъ товарищѣ, и особенно цѣнно въ *начальникѣ.* Нѣкоторые склонны были при жизни покойнаго обвинять его въ излишней, порою, снисходительности, но это совершенно несправедливо: О. А. Турцевичъ въ серьезныхъ случаяхъ никогда не былъ слабымъ, но въ то же время онъ не былъ *сухимъ*, суровымъ чиновникомъ, для котораго руководящимъ началомъ служитъ не жизнь а бумага, и который, внѣ этой бумаги, не способенъ видѣть ни человѣка, ни жизни. Такое отношеніе къ дѣлу и мыслямъ дѣйствительно чуждо честной, прямой натурѣ покойнаго, и это сознавали и цѣнили въ немъ его сослуживцы, всѣ его подчиненные, зная, что судъ Турцевича всегда будетъ справедливъ, человѣченъ и доброжелателенъ.—Мнѣ лично неоднократно приходилось быть свидѣтелемъ, что, исполняя съ одной стороны во всей строгости законъ, онъ въ то же время старался быть и человѣкомъ. Помню, напримѣръ, какъ пришелъ къ нему на пріемъ какой-то дѣйствительно несчастный интеллигентный бѣднякъ, находившійся въ безвыходномъ положеніи, и просилъ: не найдетъ ли возможнымъ начальникъ дороги дать ему безплатный проѣздъ отъ С.-Петербурга до Москвы. Осипъ Антоновичъ отказалъ какъ начальникъ дороги, но въ то же время выслалъ черезъ правителя канцеляріи бѣднягѣ 10 рублей своихъ собственныхъ денегъ на проѣздъ. Свою исключительную доброту и благожелательность къ учащейся молодежи О. А. доказалъ тѣмъ, что завѣщалъ свыше 15.000 рублей—изъ своихъ трудомъ добытыхъ скромныхъ личныхъ средствъ на стипендіи въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, С.-Петербургскомъ и Бологовскомъ желѣзнодорожныхъ училищахъ и обществу вспоможенія служащихъ Николаевской дороги.

Опять скажу: крайне, крайне жаль, что такой человѣкъ такъ рано сошелъ въ могилу; онъ могъ бы еще съ громадною пользою послужить любимому желѣзнодорожному дѣлу.

Нѣсколько словъ въ защиту инженеровъ путей сообщенія. Заключеніе.

Противъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ путей сообщенія раздаются чаще всего упреки публики и прессы, главнымъ образомъ, въ 2-хъ случаяхъ: 1) при обходѣ городовъ при постройкѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и 2) при крушеніяхъ поѣздовъ. Постараюсь освѣтить оба обстоятельства возможно безпристрастнѣе.

При трасировкѣ той или другой желѣзнодорожной линіи инженерамъ-изыскателямъ приходится придерживаться техническихъ условій проектированія и сооруженія желѣзныхъ дорогъ, выработанныхъ Инженернымъ совѣтомъ Министерства Путей Сообщенія и утвержденныхъ Министромъ Путей Сообщенія. Отклоненія отъ сказанныхъ техническихъ условій, вызываемыя особенностями строящейся дороги, могутъ быть допущены не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Путей Сообщенія.

По тѣмъ же техническимъ условіямъ каждая желѣзная дорога должна быть проектирована между указанными правительствомъ, при разрѣшеніи сооруженія дороги, пунктами по *кратчайшему*, по возможности, направленію, при чемъ, если при разрѣшеніи были, сверхъ того указаны и какіе-либо промежуточные пункты, вблизи которыхъ должна пройти строящаяся желѣзная дорога, то требованіе это должно быть обязательно исполнено при проектированіи направленія означенной желѣзной дороги. Независимо сего направленіе желѣзной дороги должно быть проектировано такимъ образомъ, чтобы попутные города и главнѣйшіе попутные центры населенія и промышленности были по возможности захвачены желѣзною дорогою. Въ случаѣ отклоненія желѣзной дороги отъ направленія, бывшаго въ виду высшихъ государственныхъ установленій при разрѣшеніи постройки желѣзной дороги, равнымъ образомъ въ случаѣ оставленія попутныхъ городовъ и центровъ населенія и промышленности въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, должны быть выяснены причины подобнаго проектированія желѣзной дороги, съ представленіемъ въ обоихъ случаяхъ варіантовъ по направленію, а также захватывающихъ обойденные вышепоименован-

ные города и центры, или варіанты отдѣльныхъ къ нимъ вѣтвей (§ 2 техническихъ условій проектированія и сооруженія желѣзныхъ дорогъ). Относительно расположенія конечныхъ и промежуточныхъ станцій въ городахъ или при оныхъ, а равнымъ образомъ и относительно направленія линіи въ предѣлахъ городской черты, должны быть представлены планы городовъ, съ показаніемъ на нихъ направленія линіи и мѣста расположенія станцій, а также и отзывы подлежащихъ городскихъ управленій (§ 3 техническихъ условій проектированія и сооруженія желѣзныхъ дорогъ).

Вотъ тѣ законоположенія, которыми долженъ руководствоваться каждый изыскатель-инженеръ въ отношеніи городовъ. Изъ вышеизложеннаго нетрудно, полагаю, усмотрѣть, что личный произволъ безъ или съ корыстною цѣлью: 1) сведенъ сказанными правилами для изыскателя до минимума и 2) если обходъ того или другого города тѣмъ не менѣе осуществляется на дѣлѣ—то онъ долженъ быть обусловленъ настолько вѣскими обстоятельствами, противъ которыхъ ничего не могло бы возразить цѣлое коллегіальное учрежденіе, его санкціонирующее, всѣхъ членовъ котораго едва-ли есть возможность подозрѣвать въ подкупности. Не проще ли согласиться съ тѣмъ, что изыскатель въ предѣлахъ поставленныхъ ему техническихъ условій не могъ на самомъ дѣлѣ подойти къ „обойденному городу“. Если добраться до города можно лишь 0,05 подъемомъ, на который поѣзда дорогъ при всемъ желаніи не могутъ взобраться, или городъ стоитъ на берегу рѣки, которую линія сѣчетъ въ случаѣ непосредственнаго подхода къ городу подъ весьма острымъ угломъ, по нормальнымъ же техническимъ условіямъ, въ интересахъ безопаснаго существованія мостовъ, требуется устраивать таковые перпендикулярно къ пересѣкаемымъ рѣкамъ,—то волею неволею ему приходится отойти дальше отъ злополучнаго города, хотя бы подъ подозрѣніемъ, что „не дали ему взятки“. Далѣе, если городъ стоитъ на высокомъ берегу рѣки, а по другую сторону на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ простирается бездонное болото, проведеніе насыпи по которому обошлось бы въ баснословную цѣну,—то конечно приходится „обойти“ и такой городъ.

Приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы понять всю несостоятельность обвиненія каждаго инженера-изыскателя въ умышленномъ злонамѣренномъ обходѣ того или иного города.

Обращаясь къ разсмотрѣнію второго вопроса: по обвиненію

инженеровъ чуть ли не въ каждомъ крушеніи, при чемъ большею частью ехидно подчеркивается, какъ публикою, такъ и прессою стереотипное замѣчаніе „опять виноватъ конечно стрѣлочникъ"—позволю себѣ прежде всего отмѣтить то обстоятельство, что, какъ это и ни странно на первый взглядъ—но приходится установить, что въ весьма многихъ случаяхъ причиною крушеній и сходовъ поѣздовъ на станціяхъ непосредственнымъ виновникомъ таковыхъ является именно вышеуказанный злополучный агентъ. Въ подтвержденіе высказаннаго привожу нижеслѣдующія данныя: на Николаевской дорогѣ, напримѣръ, въ 1905 г. имѣли мѣсто 75 случаевъ сходовъ подвижного состава, изъ коихъ 54 случая=70%, произошли исключительно по винѣ стрѣлочниковъ. Иное дѣло, какія обстоятельства побуждаютъ стрѣлочниковъ относиться столь небрежно къ ихъ обязанностямъ: необходимо конечно считаться съ низкимъ уровнемъ ихъ воспитательнаго ценза, скудностью получаемаго жалованья. Но при чемъ же тутъ желѣзнодорожные инженеры? Всякому сколько-нибудь знакомому съ тою нравственною и физическою пыткою, которую приходится выдерживать каждому изъ высшихъ агентовъ дороги при проведеніи того или иного мѣропріятія въ порядкѣ смѣтнаго ассигнованія, когда каждая строка бюджета, каждая попытка улучшить ту или другую отрасль желѣзнодорожнаго хозяйства, въ томъ числѣ и улучшеніе быта низшихъ служащихъ, претерпѣваетъ систематическія урѣзки въ засѣданіяхъ сначала Совѣта дороги, со стороны т. н. „иностранцевъ", то есть представителей Министерства Финансовъ и Контроля, а засимъ укороченная такимъ путемъ смѣта еще разъ разсматривается въ смѣтныхъ засѣданіяхъ Управленія ж. дорогъ, гдѣ урѣзывается окончательно [1]). Спрашиваю—при чемъ же тутъ желѣзнодорожные инженеры?

Есть пожалуй одна сторона желѣзнодорожнаго хозяйства, которую можно было бы поставить въ упрекъ занимающимъ высшія должности: начальниковъ дорогъ, ихъ помощниковъ и начальниковъ службъ—это рѣдкое посѣщеніе линіи, т. е., другими словами, недостаточный личный надзоръ за правильными дѣйствіями подчиненной имъ арміи мѣстныхъ служащихъ и прочей части обширнаго желѣзнодорожнаго механизма—на самомъ мѣстѣ работъ, то-есть на самой линіи, такъ какъ, для вполнѣ нормальнаго и успѣшнаго дѣйствія всей сложной машины желѣзнодорожнаго хозяйства, слѣдовало бы, чтобы на-

---

[1]) Въ настоящее же время—еще и въ Государственной Думѣ.

чальникъ каждой дороги объѣзжалъ бы ввѣренную ему линію на полномъ протяженіи таковой не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, а начальники службъ не рѣже, чѣмъ каждыя двѣ недѣли. Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не сами они. Неудачная группировка желѣзнодорожныхъ линій, часто совсѣмъ неоднородныхъ ни по географическому, ни по коммерческому своему положенію—подъ однимъ Управленіемъ въ огромныя сѣти длиною до 4.000 верстъ, тогда какъ за нормальную длину дороги, которой можетъ по физическимъ и нравственнымъ силамъ успѣшно управлять одинъ человѣкъ—не можетъ превосходить 1.200—1.500 верстъ—есть одна изъ такихъ основныхъ причинъ.

Если такая задача была не подъ силу людямъ, умудреннымъ долголѣтнимъ всестороннимъ опытомъ — то для омоложеннаго состава управленій такой трудъ и подавно свыше силъ, такъ какъ во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда на помощь энергіи и знанію долженъ придти необходимый опытъ—таковой, за немногими исключеніями, отсутствуетъ, и отъ избытка молодой энергіи нерѣдко дѣлаются весьма *серьезныя* и трудно поправимыя ошибки въ ущербъ какъ безопасности движенія, такъ и казеннымъ интересамъ.

Другая не менѣе, если не болѣе важная причина—это существованіе членовъ Совѣта отъ Контроля и Министерства Финансовъ въ мѣстныхъ управленіяхъ ж. дорогъ. Это тотъ тормозъ, который на каждомъ шагу задерживаетъ дѣятельность каждаго начальника дороги, т. е. лица, занимающія одну изъ самыхъ важныхъ должностей по отношенію къ каждому гражданину Россійской Имперіи: не слѣдуетъ забывать, что отъ бдительности начальниковъ дорогъ, отъ ихъ распорядительности зависитъ жизнь каждаго изъ насъ и членовъ нашихъ семействъ, и не во время войны, а въ каждую данную минуту нахожденія нашего на желѣзнодорожной сѣти. Ему приходится отвѣчать за все, а руки у него связаны постороннею петлей,—члены которой, тормозя зачастую фактически его начинанія, сами не несутъ рѣшительно никакой отвѣтственности. Это порядокъ несомнѣнно ненормальный и неимѣющій рѣшительно никакого оправданія.

Это будетъ ясно изъ тѣхъ соображеній, что со времени учрежденія этихъ совѣтовъ начальники дорогъ и службъ вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, должны засѣдать по нѣсколько разъ въ недѣлю и все „совѣтоваться“. Число засѣданій по разсмотрѣнію однѣхъ только смѣтъ на нѣкоторыхъ

дорогахъ доходило до 60—70, при чемъ дѣломъ нерѣдко распоряжались фактически представители постороннихъ вѣдомствъ.

Ненормальное положеніе, занятое представителями Контроля и Министерства Финансовъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ управленій желѣзныхъ дорогъ было въ свое время охарактеризовано на съѣздѣ начальниковъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, бывшемъ въ 1909 году въ С.-Петербургѣ[1]), который, между прочимъ, постановилъ: *„признать участіе въ Совѣтахъ (Управленій) представителей Министерства Финансовъ и Государственнаго Контроля нежелательнымъ. Если бы тѣмъ не менѣе присутствіе представителей сихъ вѣдомствъ въ Совѣтахъ было признано необходимымъ, то означенные представители должны участвовать въ рѣшеніяхъ Совѣта съ правомъ голоса, съ тѣмъ, чтобы заявленныя ими особыя мнѣнія не могли пріостанавливать рѣшенія большинства . . . . . . Отсутствіе въ засѣданіяхъ Совѣта представителей Министерства Финансовъ и Государственнаго Контроля не пріостанавливаетъ рѣшеній Совѣта“.*

Такое постановленіе является совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ живомъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, гдѣ отъ своевременнаго и быстраго рѣшенія того или иного вопроса зависитъ безопасность движенія или хозяйственность той или иной заготовки—нельзя растягивать дѣла до ближняго засѣданія Совѣта (Совѣтъ собирается обычно разъ въ недѣлю), а иногда и до слѣдующаго черезъ недѣлю засѣданія, подчасъ подъ тѣмъ предлогомъ, что представитель вѣдомства „не успѣлъ“ ознакомиться къ очередному засѣданію Совѣта съ дѣломъ.— Если принять во вниманіе, что начальникъ матеріальной службы не имѣетъ права, напримѣръ, безъ верховной санкціи представителей Контроля и Финансовъ купить наличною покупкою матеріаловъ или предметовъ на сумму свыше 30 рублей—то можно себѣ представить, какой хаосъ въ многомилліонное хозяйство дороги вводитъ каждый разъ подобнаго рода отсрочка. Мало того, съ одной стороны Министерство требуетъ съ начальника дороги усиленія мѣропріятій по безопасности движенія—а съ другой сей послѣдній безъ санкціи тѣхъ же представителей Министерства Финансовъ и Контроля — не имѣетъ права нанять лишняго стрѣлочника, лишняго сигналиста, безъ боязни начета, и въ этомъ отношеніи названные представители нерѣдко выступаютъ съ особымъ мнѣніемъ, парализующимъ благое начина-

[1]) См. журналы засѣданій Съѣзда Начальниковъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 27-го и 28-го января 1909 г. стр. 22.

ніе администраціи дороги. Это между прочимъ одна изъ главныхъ причинъ, почему хозяйство частныхъ дорогъ большею частью доходнѣе казеннаго хозяйства, и подобное положеніе вещей едва-ли терпимо въ дальнѣйшемъ. Это относится въ особенности къ желѣзнодорожному контролю, затѣвающему иногда такого рода дѣла, которыя не только не обоснованы, но ведутъ даже къ матеріальнымъ убыткамъ казны и подрыву авторитета вѣдомствъ. Чтобы не показаться голословнымъ, приведу, недавно бывшій, примѣръ на одной изъ дорогъ привлеченія завѣдывавшаго таможеннымъ агентствомъ по настоянію Контроля къ суду „за растрату“, при чемъ въ соотвѣтствующемъ засѣданіи судебной палаты выяснилось, что почти за *шесть* лѣтъ, прошедшихъ со времени привлеченія вышеуказаннаго агента къ судебной отвѣтственности, и *до дня суда*, Контроль не могъ провѣрить соотвѣтствующихъ документовъ и тѣмъ доказать *фактъ* растраты, благодаря чему обвиняемый былъ оправданъ, а судебныя издержки по процессу возложены на казну [1]), а самъ оправданный предъявилъ къ управленію дороги претензію въ 17.000 р.

Я далекъ отъ мысли утверждать, что Государственный фактическій Контроль *излишенъ*. Наоборотъ онъ *долженъ* обязательно существовать, но совершенно не въ той формѣ, въ которой онъ царитъ въ настоящее время. Полезная для дѣла обязанность каждаго фактическаго контролера должна заключаться въ томъ, чтобы онъ убѣждался, что та или другая работа или поставка дѣйствительно *произведена*, при томъ въ томъ именно *количествѣ*, которое показано по счету, за нее *заплачено столько, сколько слѣдуетъ* по утвержденной расцѣночной вѣдомости, и уплата произведена именно тому лицу, которое показано по счету; что количество мастеровыхъ и рабочихъ, *показанныхъ* по табелямъ, дѣйствительно совпадаетъ съ тѣмъ, которое имѣется въ натурѣ; что сборы дороги поступаютъ въ казну въ томъ именно количествѣ, въ которомъ они въ дѣйствительности поступили отъ разныхъ лицъ и учрежденій и т. п.. Но присваивать себѣ функціи техническія распорядительнаго характера, т. е. посягать на права начальника дороги и его ближайшихъ сотрудниковъ начальниковъ службъ — такого вмѣшательства Контроля безъ прямого ущерба для дѣла *не должно быть* болѣе допущено. До какихъ Геркулесовыхъ столбовъ иногда дости-

---

[1]) Рѣшеніе Особаго Присутствія СПБургской Судебной Палаты отъ 30 ноября 1913 г.

гаютъ притязанія Контроля, позволю себѣ указать на бывшіе случаи требованія таковыми сокращеній участковъ службы пути, врачебной службы и т. п. въ ущербъ столь краеугольнымъ требованіямъ, какъ *безопасность* движенія и *санитарное* состояніе дорогъ!

Что касается до представителей отъ Министерства Финансовъ—то зачастую таковые забываютъ, что каждая желѣзнодорожная линія, за исключеніемъ дорогъ узко *стратегическаго* значенія—является *прежде* всего предпріятіемъ *коммерческимъ* и что въ коммерческомъ дѣлѣ зачастую приходится временно производить большія затраты, идти иногда на нѣкоторый рискъ—но за то расходы и рискъ этотъ — въ свое время принесутъ свою пользу, которая съ избыткомъ покроетъ всѣ казавшіяся, на первый взглядъ, непроизводительными издержки. До сихъ поръ представители Министерства Финансовъ въ Совѣтахъ дорогъ за весьма немногими исключеніями ограничивали свою дѣятельность неустаннымъ требованіемъ *сокращенія* расходовъ дорогъ и, какъ сказано выше, зачастую—къ прямому ущербу сихъ послѣднихъ. Между тѣмъ по своему положенію, т. е. близкому соприкосновенію съ нѣкоторыми изъ отраслей вѣдѣнія Министерства Финансовъ—представители эти могли бы, наоборотъ, приносить даже существенную пользу дорогамъ, если бы памятовали, что „каждый новый пассажиръ, каждый лишній пудъ груза самымъ фактомъ своего появленія удешевляетъ перевозку“ [1]). Они должны были бы помнить, что каждое коммерческое предпріятіе, не исключая и транспортныхъ, въ цѣляхъ развитія своего дѣла должно направлять наибольшія усилія, главнымъ образомъ, къ отысканію *рынковъ сбыта* или нуждающихся въ ихъ услугахъ кліентовъ въ томъ именно опредѣленномъ географическомъ раіонѣ, который тяготѣетъ къ той или другой желѣзной дорогѣ.

Въ первую очередь это, конечно, дѣло коммерческой службы каждой желѣзнодорожной линіи, но, какъ я уже упоминалъ выше, кому ли не какъ представителямъ Министерства Финансовъ можно наилегчайшимъ путемъ добыть такого рода свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, нижеслѣдующія:

1) Какіе находятся въ раіонѣ дороги: фабрики, заводы, копи, ихъ рынки сбыта и способы подвоза къ ближайшимъ станціямъ дороги.

---

[1]) Профессоръ А. И. Чупровъ „Желѣзнодорожное хозяйство“.

2) Какіе наиболѣе выдающіеся кустарные промыслы, размѣры производствъ, рынки сбыта и способы перевозки.

3) Данныя о наиболѣе крупныхъ имѣніяхъ и сельско-хозяйственныхъ организаціяхъ.

4) Свѣдѣнія о числѣ деревень въ раіонѣ, числѣ ихъ жителей, количествѣ надѣльной земли и собственной, количествѣ посѣвовъ по родамъ злаковъ и урожаѣ таковыхъ.

5) Данныя о свободныхъ земляхъ, цѣнахъ на нихъ, арендныхъ цѣнахъ и условіяхъ найма.

6) Свѣдѣнія о рабочихъ рукахъ и цѣнахъ на нихъ.

7) Данныя о лѣсномъ хозяйствѣ, топливѣ и рынкахъ сбыта.

8) Свѣдѣнія о водныхъ и грунтовыхъ путяхъ даннаго раіона, состояніи сихъ путей и способахъ передвиженія и т. д.

Вотъ та область, въ которыхъ содѣйствіемъ къ полученію тѣхъ или иныхъ изъ перечисленныхъ свѣдѣній могла бы быть оказана существенная поддержка хозяйству дороги!

Отмѣчу, что независимо отъ всего сказаннаго выше и *весь* укладъ службы въ центральныхъ учрежденіяхъ мѣстныхъ управленій желѣзныхъ дорогъ сложился, повидимому, недостаточно цѣлесоотвѣтственно въ отношеніи использованія труда высшихъ агентовъ: таковые завалены совершенно непроизводительнымъ чисто механическо-канцелярскимъ трудомъ въ ущербъ возможности болѣе частаго требованія на линіи и руководства среднимъ и низшимъ персоналомъ таковой. Для примѣра позволю себѣ привести фотографическую картинку того, что приходится дѣлать мнѣ, какъ помощнику начальника дороги—и беру мѣсячную работу [1]).

Такимъ образомъ трудъ, гдѣ помощникъ начальника дороги можетъ использовать свой опытъ и знаніе, составляетъ только около 30% всей подавляющей массы канцелярскаго чисто механическаго труда и, если необходимо и понятно, чтобы ассигновки и предписанія шли за подписью начальника дороги или одного изъ его замѣстителей—то совершенно, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, непроизводительно, чтобы требовалась подпись сихъ лицъ для прочихъ перечисленныхъ документовъ.

Въ самомъ дѣлѣ: неужели нельзя использовать болѣе цѣлесоотвѣтственнымъ образомъ инженерныхъ познаній и опыта?— Неужели „книгу объ отдыхѣ паровозныхъ бригадъ“ или „книгу осмотра вагонныхъ паровыхъ котловъ“, или „выписку изъ накладной“ не можетъ скрѣпить въ первомъ и во второмъ слу-

---

[1]) Съ 2 декабря 1913 г. по 7-ое января 1914 г. (см. стр. 601).
Таблица этого труда приведена на 601 страницѣ.

Отчетное время.	А. Механическій трудъ.									Б. Интеллигентный трудъ.					
	Прочтено копій съ депешъ адресованныхъ Начальнику Дороги.	Подписано:								Положено резолюцій по вход. бумаг.	Утверждено договоровъ съ подрядчиками и поставщиками.	Утверждено резолюцій по происшествіямъ.	Составлено докладовъ.	Предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ Управленія.	Поѣздки на линію.
		Билетовъ.	Ассигновокъ.	Отношеній и предписаній.	Довѣренностей.	Книгъ отдыха паровозн. бригадъ.	Пенсіонныхъ книжекъ.	Копій съ накладныхъ Сл. Сборовъ.	Удостов. на право нах. на паровозѣ.						
Съ 2-го декабря 1913 г. по 7-е января 1914 г.	1029	1032	665	842	5	11	71	120	102	913	20	172	3	4	—

Итого: Механическаго труда 3877 единицъ
Интеллигентнаго труда 1112 „

Отношеніе $\frac{Б}{А} = 0{,}29$

чаяхъ: мѣстный начальникъ участка тяги или депо, а въ послѣднемъ—удостовѣрить начальникъ службы сборовъ?—Вѣдь во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и во множествѣ другихъ подпись начальника дороги или его замѣстителя—является лишь пустымъ лишнимъ росчеркомъ пера, такъ какъ ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ, ни въ третьемъ начальникъ дороги *физически* не въ состояніи убѣдиться въ правильности удостовѣряемыхъ имъ данныхъ.—Зачѣмъ же вся эта комедія, отнимающая непроизводительно сравнительно дорого оплачиваемое время занятій высшаго агента дороги въ прямой ущербъ его технически-административной дѣятельности?!

Остановлюсь еще на одномъ существенномъ обстоятельствѣ, касающемся собственно уголовной отвѣтственности желѣзнодорожныхъ инженеровъ. Вопросъ этотъ въ свое время былъ весьма обстоятельно разсмотрѣнъ знатокомъ желѣзнодорожнаго дѣла инженеромъ Н. Л. Марковымъ въ его брошюркѣ „Положеніе желѣзнодорожнаго инженера передъ обществомъ и судомъ“ [1]), написанною имъ по поводу суда надъ инженерами Московско-Курской дороги за знаменитую Кукуевскую катастрофу. Прошло 30 лѣтъ со времени изданія названной брошюрки, а все, что въ ней сказано, къ сожалѣнію, можетъ быть отнесено и къ настоящему времени: „Суды, говоритъ г. Марковъ, не должны упускать того, что высшіе агенты дороги по отношенію къ низшимъ, кромѣ нѣкоторой *денежной зависимости* послѣднихъ, выражающейся правомъ наложенія штрафа [2]) или удаленія отъ службы, *никакихъ другихъ закономъ дарованныхъ правъ на дисциплинарное взысканіе, какъ, напримѣръ, права ареста, не имѣютъ;* такъ равно и того, что *за нарушеніе инструкцій или приказовъ старшихъ* младшіе агенты законной отвѣтственности по *суду не подвергаются, пока нарушеніе это не вызоветъ катастрофы.*

Такимъ образомъ, съ одной стороны является *безправіе старшихъ*, а съ другой *уголовная ихъ отвѣтственность* за неисполнительность младшихъ и тѣмъ создается для нихъ внѣ-законное положеніе какихъ-то *заложниковъ передъ судомъ, съ примѣненіемъ законовъ исключительныхъ.*

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ при всѣхъ обстоятельствахъ справедливо примѣнять къ начальникамъ дистанцій или управляющему дорогою, вѣдающимъ—первый до 70 верстъ дороги, а по-

[1]) Москва 1884 г.
[2]) Въ настоящее время отмѣнены и штрафы.

слѣдній—всею—суровую уголовную кару за обнаруженную судебнымъ слѣдствіемъ неисполнительность сторожа, хотя бы и послужившую причиною катастрофы.

Мы понимаемъ, что если сторожъ не исполнилъ своей обязанности, потому что *не былъ снабженъ всѣми предметами*, составляющими потребность его службы, или *что онъ былъ обремененъ другими занятіями настолько, что не могъ выполнить ближайшаго своего назначенія, то отвѣтственность* за это всецѣло должна пасть на всѣ тѣ лица, на коихъ лежитъ обязанность заботиться о предоставленіи всего нужнаго. Но разъ снабженный всѣми средствами сторожъ не выполнитъ своихъ обязанностей или по запамятству своему или въ силу опьяненія, или въ надеждѣ, что услуги его не потребуются на время сна, или произвольной отлучки его, то полагаю, что и рѣчи объ отвѣтственности не только управляющаго, но и начальника дистанціи, быть не должно, такъ какъ ни начальникъ дистанціи, ни управляющій физически не въ состояніи постоянно находиться *сзади* или *около* порученныхъ имъ агентовъ, число коихъ для перваго превосходитъ 400, а для второго 6.000 человѣкъ (прибавлю отъ себя, а теперь свыше 30.000). Слѣдовательно, въ подобномъ случаѣ, неисполнительность сторожа является самостоятельно совершеннымъ съ его стороны проступкомъ или преступленіемъ, за которое никакое начальство привлекать къ уголовному суду невозможно. И стремленіе поддерживать такую отвѣтственность со стороны судовъ *равносильно обязательству старшихъ лицъ исполнять лично обязанности своихъ подчиненныхъ*, что конечно невозможно и физически и противорѣчитъ существу веденія каждаго дѣла, основаннаго на распредѣленіи труда между многими лицами. Напротивъ, такое стремленіе, *обезличивающее низшаго агента до степени простого неодушевленнаго орудія, не возбуждая въ немъ понятія о долгѣ службы, притупляетъ и всякую его иниціативу, безъ которой въ такомъ дѣлѣ, какимъ являются желѣзныя дороги, обойтись невозможно,* такъ какъ ничто не зависитъ отъ столькаго рода случайностей, какъ желѣзнодорожное дѣло, предусмотрѣть которыя *не въ силахъ никакая самая подробная инструкція. Поэтому и уголовное преслѣдованіе сказанныхъ лицъ за преступленія, совершенныя другими, составляетъ прямое нарушеніе статьи 15 кореннаго уголовнаго закона*, по которому привлекаются только лица, *совершающія преступленіе*, а не начальствующіе, отвѣчающіе или по законамъ гражданскимъ или въ административномъ порядкѣ.

Желательно знать, какъ бы взглянули г.г. прокуроры на

появленіе такого закона, по которому за преступленіе по должности, совершенное г.г. судебными слѣдователями или товарищами прокуроровъ, стали бы привлекать къ уголовному суду самихъ прокуроровъ...

Но, если въ данномъ случаѣ оказывается невозможнымъ и юридически несправедливымъ возлагать уголовную отвѣтственность на прокуроровъ, какъ на лицъ, начальствующихъ, за преступленія, совершаемыя ихъ подчиненными, получившими и *высшее образованіе, и правильное умственное и духовное развитіе*, то во сколько же разъ несправедливѣе и *невозможнѣе возлагать уголовную же отвѣтственность на инженеровъ за проступки*, совершенные дорожною стражей, собранной изъ невѣжественной, недисциплинированной, неразвитой и неграмотной массы...

Почему же суды считаютъ *нравственно справедливымъ и возможнымъ требовать отъ старшихъ дорожныхъ агентовъ физически невыполнимаго?* Почему г.г. прокуроры съ особеннымъ стараніемъ къ обнаруженной самостоятельной неисполнительности сторожа, имѣвшаго всѣ средства къ исполненію своей обязанности, пристегиваютъ всегда и старшихъ агентовъ дороги, создавая для нихъ виновность изъ словъ: *„нерадѣніе“*, *„невниманіе“*, *„упущеніе“* и т. п...

Неужели они въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какимъ является управленіе дорогою, не допускаютъ *ни проявленія утомленія ума, ни ошибки соображенія и мысли* у лицъ, стоящихъ въ главѣ дѣла? Намъ кажется, чтобы имѣть право утверждать, является ли данная катастрофа результатомъ нерадѣнія или невниманія со стороны обвиняемыхъ *или нѣтъ—прежде всего слѣдуетъ разобрать весь характеръ общаго направленія дѣятельности* обвиняемаго лица. Иначе агенты нерадивые, но за то болѣе счастливые будутъ избѣгать уголовной кары, а лица, всецѣло преданныя своему дѣлу и старательныя, при *малѣйшей ошибкѣ ихъ ума* одни будутъ строго наказуемы“.

Послѣ всего вышеприведеннаго, думаю, что вполнѣ безпристрастный читатель согласится со мною, что нѣтъ никакого повода кидать грязью огульно въ каждаго инженера путей сообщенія.

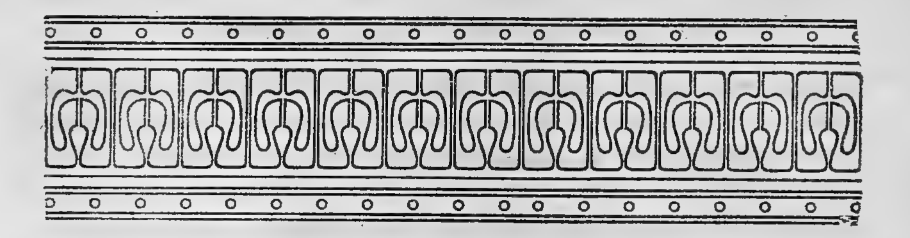
Заключеніе.

Я кончилъ. Жизнь инженера, какъ видно, надѣюсь, изъ моего повѣствованія, не всегда легка и завидна, но если бы кто-либо предложилъ мнѣ вопросъ: „не раскаиваетесь ли, что избрали карьеру инженера“,—я ни на минуту не поколебался

бы отвѣтить: „нѣтъ, никоимъ образомъ“. Я люблю свое дѣло всей душою и горжусь быть инженеромъ путей сообщенія. Съ однимъ лишь никогда не примирюсь—это, что не могъ примѣнить по независящимъ отъ меня причинамъ своего искренняго желанія послужить любимому дѣлу желѣзныхъ дорогъ на болѣе обширномъ поприщѣ—мало того даже не могъ до сихъ поръ добиться перевода на родину въ Москву, въ менѣе губительныя условія жизни для жены и семьи, нежели городъ Петербургъ.

Л. Любимовъ.

Къ біографіи декабриста М. С. Лунина.

Во второй половинѣ 1826 года дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Александровичъ Лунинъ обратился въ Московскій опекунскій совѣтъ съ просьбою о распечатаніи хранившагося въ совѣтѣ, запечатаннымъ, духовнаго завѣщанія, внесеннаго 9 іюня 1819 г. отъ двоюроднаго брата его, бывшаго гвардіи ротмистра, а затѣмъ Гродненскаго гусарскаго полка подполковника, Михаила Сергѣевича Лунина.

Принимая во вниманіе, что Михаилъ Лунинъ, бывъ преданъ, по Высочайшему повелѣнію, сужденію Верховнаго уголовнаго суда, приговоромъ онаго и Высочайшимъ указомъ 10 іюля 1826 года, по лишеніи чиновъ и дворянства, сосланъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе, Опекунскій Совѣтъ, 1 ноября 1826 г., поднесъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ всеподданнѣйшій докладъ, высказавъ мнѣніе, что, основываясь на общемъ узаконеніи, по коему такого рода ссыльные люди почитаются политически мертвыми, Совѣтъ полагаетъ означенное завѣщаніе распечатать въ присутствіи Совѣта и, по выслушаніи онаго, по установленному порядку, отослать въ Московское губернское правленіе для законнаго разсмотрѣнія и утвержденія.

На докладѣ совѣта Ея Императорское Величество, 11 ноября, соизволила собственноручно написать: „Справедливо. Марія“.

Распечатанное, вслѣдствіе сего, 18 ноября 1826 г., духовное завѣщаніе Лунина заключалось въ слѣдующемъ:

„Лѣта тысяча восемьсотъ девятнадцатаго, марта 27 дня. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, я, нижеподписавшійся, отставной гвардіи ротмистръ и кавалеръ Михаилъ Сергѣевъ сынъ.

Лунинъ, находясь въ совершенномъ здоровьѣ и полномъ разумѣ, но убѣжденный неизвѣстностію смертнаго часа, который постигнуть можетъ и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, по собственной волѣ дѣлаю сіе мое духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ: 1-е, на основаніи указа 1714 года марта 23 дня, все доставшееся мнѣ послѣ покойнаго родителя моего и послѣ покойной родительницы моей недвижимое и движимое имѣніе, въ разныхъ губерніяхъ состоящее, также и денежные капиталы всѣ предоставляю двоюродному брату моему, камеръ-юнкеру 5 класса Николаю Александровичу сыну Лунину, одного со мной рода и фамиліи, и дѣлаю его единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ. 2-е, имѣя въ виду благосостояніе крестьянъ моихъ и сохраненіе въ цѣлости наслѣдственнаго имѣнія въ нашемъ родѣ, завѣщеваю брату моему Николаю Александрову сыну Лунину пещись о благѣ всего достающагося ему имѣнія, не продавать его ни порознь, ни въ цѣлости, не закладывать, не дарить, и въ другой родъ ни подъ какимъ предлогомъ не выпускать, а въ теченіи пяти лѣтъ со дня моей смерти, войдя въ подробное разсмотрѣніе свойствъ того имѣнія и средствъ полученія доходовъ, непремѣнно уничтожить въ ономъ право крѣпостное надъ крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лѣсовъ, строеній, имуществъ вообще, и прочихъ угодій. 3-е, уничтоженіе крѣпостного права на крестьянъ и дворовыхъ людей должно послѣдовать во первыхъ по распоряженію наслѣдника моего, брата Николая Александрова сына Лунина, не далѣе пяти лѣтъ отъ дня моей смерти; условія съ крестьянами, образъ освобожденія ихъ отъ крѣпостного состоянія, предоставленіе имъ правъ и обязанность крестьянъ въ отношеніи доставленія доходовъ избираемому мною нынѣ наслѣднику зависитъ совершенно отъ воли его, брата моего Николая Александрова сына Лунина, который въ семъ случаѣ можетъ руководствоваться правилами, ему отъ меня внушенными; во-вторыхъ, съ утвержденія правительства. Но крестьяне и дворовые люди должны находиться въ непосредственномъ брата моего повиновеніи до того времени, пока не уничтожится законнымъ образомъ, по прошенію брата моего, крѣпостное надъ ними право, и въ семъ случаѣ главнѣйшее основаніе должно быть распоряженіе онаго брата моего. 4-е, по смерти брата моего Николая Александрова сына Лунина, буде у него останутся дѣти, сыновья, то сіе отдаваемое мною имѣніе должно принадлежать старшему его сыну, или тому изъ сыновей его, которому онъ самъ назначитъ, но все сіе завѣщаемое мною имѣніе вообще въ цѣлости, которое имѣ-

ніе никакимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ раздробляемо быть не должно. Если же у него сыновей не будетъ, а будутъ дочери, въ такомъ случаѣ сіе имѣніе, также въ цѣлости и не подвергаясь никакому раздробленію, должно итти въ приданое одной изъ дочерей,—но съ тѣмъ, чтобъ будущій зять его принялъ фамилію и гербъ нашего рода. Наслѣдники брата моего Николая Александрова сына Лунина обязываются сохранять въ точности силу всѣхъ значущихся въ семъ завѣщаніи пунктовъ, и сіе завѣщаемое мною имѣніе въ нашемъ родѣ и потомствѣ обращаться должно не инако, какъ на изложенныхъ въ семъ моемъ завѣщаніи условіяхъ, и безъ малѣйшаго раздробленія. 5-е, по смерти моей братъ Николай Александровъ сынъ Лунинъ немедленно вступаетъ во владѣніе моего имѣнія. 6-е, прошу брата моего выдать, единовременно, въ теченіе года отъ дня моей кончины, дѣвицѣ Прасковіи Михайловой двадцать тысячъ рублей государственными ассигнаціями. Коллежскому регистратору Евдокиму Θедорову сыну Суслину десять тысячъ рублей государственными ассигнаціями, буде онъ, Суслинъ, по день кончины моей останется управляющимъ всего моего имѣнія, или тотъ Суслинъ умретъ въ сей должности при моей жизни, тогда сіи десять тысячъ рублей выдать его дѣтямъ. Если же по какому случаю онъ, Евдокимъ Θедоровъ сынъ Суслинъ будетъ мною удаленъ отъ управленія сей должности, тогда ни ему, ни его дѣтямъ сего награжденія не выдавать. 7-е, тѣхъ дворовыхъ людей, кои, по старости или немощи, не будутъ въ состояніи пропитать себя, прошу тебя, брата моего, ихъ призрить. Вольноотпущенную дѣвку Анну Соколову, по смерть ея, оставить въ селѣ Сергіевскомъ, буде того пожелаетъ, на томъ же основаніи, какъ она теперь находится; буде же она пожелаетъ куда удалиться, то опредѣлить ей содержаніе приличное и сообразное ея потребностямъ, по твоему, брата моего, благоусмотрѣнію. 8-е, сестрѣ моей родной Екатеринѣ Сергѣевнѣ, женѣ каммергера, статскаго совѣтника Θедора Александрова сына Уварова, доставлять ежегодно, по смерть ея, по десяти тысячъ рублей государственными ассигнаціями, начавъ тотъ платежъ чрезъ годъ отъ дня моей смерти, то-есть за первый годъ послѣ моей смерти сестра не можетъ требовать той суммы. Десять тысячъ рублей государственными ассигнаціями употреблять ежегодно на поддержаніе вольнаго народнаго училища, которое имѣетъ быть учреждено въ селѣ Сергіевскомъ, и послѣ смерти моей должно зависѣть отъ непосредственнаго распоряженія брата моего Николая Александрова сына Лунина. 9-е, всѣ доходы съ

сего завѣщаемаго мною имѣнія должны принадлежать брату моему Николаю Александрову сыну Лунину, какъ единственному послѣ меня на основаніи сего завѣщанія наслѣднику. 10-е, поелику главнѣйшіе предметы сей моей духовной состоятъ въ томъ, чтобъ послѣ смерти моей устроить благосостояніе крестьянъ и оставить имѣніе нераздѣльнымъ въ нашемъ родѣ, то я надѣюсь, что братъ мой обратитъ все свое вниманіе на сіи два предмета, сохранивъ собственныя выгоды и тѣмъ, содѣйствуя къ поддержанію нашей фамиліи, составитъ счастье крестьянъ и дворовыхъ людей, освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостного состоянія, на томъ основаніи, которое онъ признаетъ за благо, и давъ тѣмъ опытъ своей благодарности за мою къ нему дружбу—успокоитъ прахъ мой и содѣлаетъ память мою для крестьянъ и потомства нашего священной. И потому, любезный братъ! прошу тебя, несмотря ни на какое лицо, сіе мое духовное завѣщаніе, какъ согласное съ законами, привесть въ непремѣнное исполненіе. А васъ, почтеннѣйшіе друзья! какъ свидѣтелей сего добровольнаго моего завѣщанія, прошу удостовѣрить предъ лицемъ правосудія, что изложенное здѣсь есть точно моя воля, коей цѣль есть освобожденіе отъ крѣпостного состоянія и вообще устройство благосостоянія крестьянъ и сохраненіе имѣнія нераздѣльнымъ въ родѣ предковъ нашихъ. — Къ сему духовному завѣщанію отставной гвардіи ротмистръ и кавалеръ Михаилъ Сергѣевъ сынъ Лунинъ руку приложилъ.

Что подлинно сіе духовное завѣщаніе есть добровольное, и подлинно подписано въ совершенномъ умѣ и чистой памяти собственною рукою отставнымъ гвардіи ротмистромъ и кавалеромъ Михаиломъ Сергѣевымъ сыномъ Лунинымъ, въ томъ свидѣтельствую по священству, подписуюсь Гребневскій священникъ Никита Петровъ.

Что сіе завѣщаніе точно писано по волѣ его, Михаила Сергѣевича Лунина, и подписано его рукою въ здравомъ его умѣ и памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь, по личному его прошенію, статскій совѣтникъ и кавалеръ Петръ Семеновъ сынъ Полуденскій.

Въ томъ же свидѣтельствуя, подписуюсь титулярный совѣтникъ Ѳедоръ Петровъ сынъ Ильинъ, и сіе духовное завѣщаніе съ воли завѣщателя переписывалъ.

Что сіе завѣщаніе точно писано по волѣ его, Михаила Сергѣевича Лунина, и подписано его рукою въ здравомъ его умѣ и памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь, по личному

его прошенію, гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ и кавалеръ Никита Михайловъ сынъ Муравьевъ.

А что въ семъ завѣщаніи по чищенному написано на первой страницѣ въ послѣдней строкѣ *правилами*, а на второй страницѣ въ первой строкѣ *ему отъ меня внушенными*, и то почитать вѣрнымъ. Михаилъ Лунинъ".

Ознакомившись съ духовнымъ завѣщаніемъ Михаила Сергѣевича, Московскій опекунскій совѣтъ отослалъ таковое въ губернское правленіе, для законнаго разсмотрѣнія и утвержденія.

Вслѣдъ затѣмъ, въ то же губернское правленіе 9 декабря 1826 г. жена дѣйств. стат. совѣтника Ѳедора Александровича Уварова, Екатерина Сергѣевна Уварова, рожденная Лунина, подала прошеніе о выдачѣ ей копіи съ означенной духовной и о пріостановленіи распоряженія по этому акту.

Приводимъ полный текстъ просьбы г-жи Уваровой. Она писала:

„Родной братъ мой, бывшій подполковникъ Михаилъ Сергѣевъ сынъ Лунинъ, по рѣшенію Верховнаго уголовнаго суда, Высочайше утвержденному, въ числѣ прочихъ государственныхъ преступниковъ осужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства, къ ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

Послѣ упомянутаго бездѣтнаго брата моего осталось родовое недвижимое имѣніе Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ селѣ Сергіевскомъ, Ржавино тожъ, и въ Никитскомъ; Саратовской губерніи, Вольскаго уѣзда, въ деревнѣ Анненой, Платьма тожъ. А какъ я состою въ имѣніи семъ единою законною наслѣдницею, то, вслѣдствіе бывшей отъ меня просьбы, присутственныя мѣста, по опредѣленію Кирсановскаго уѣзднаго суда вышеупомянутыхъ губерній и ввели меня на законномъ основаніи во владѣніе онымъ, безъ всякаго противъ того съ чьей-либо стороны спора до сего времени, о чемъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и слѣдующія публики произведены.

Нынѣ же сдѣлалось извѣстнымъ мнѣ, что въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ хранилось духовное завѣщаніе, въ 1819 году сдѣланное помянутымъ несчастнымъ братомъ моимъ, Михаиломъ Лунинымъ, которое изъ того Совѣта препровождено уже въ сіе правленіе къ надлежащему распоряженію по законамъ.

Доселѣ лишена будучи средствъ получить свѣдѣнія, въ которомъ году и отъ кого то завѣщаніе представлено къ хране-

нію въ опекунскій совѣтъ, а равно — кто были свидѣтели, въ одно ли, или въ разныя времена значущіеся свидѣтели учинили подъ оною узаконенную подпись, я не могу нынѣ дѣлать противъ того представленіе, а равно, не имѣя за скрѣпою надлежащей копіи съ того завѣщанія, я лишаюсь и способовъ со всею подробностію симъ опровергать тотъ актъ; почему и остается мнѣ единая законная обязанность представить вниманію и на уваженіе правительства опроверженіе на недостатокъ правъ завѣщателя къ существенному составленію того акта. Всякаго рода духовное завѣщаніе можетъ быть признано недѣйствительнымъ въ двухъ видахъ: 1-е, по причинамъ, существовавшимъ во времена совершенія онаго, или 2-е, по причинамъ, открывающимся послѣ того, — вслѣдствіе чего нынѣ и ограничиваюсь объясненіемъ незаконности того завѣта въ первомъ видѣ.

Несчастный братъ мой хотя рѣшеніемъ Верховнаго уголовнаго суда подверженъ осужденію въ 1826 году, но въ донесеніи Высочайше учрежденной коммисіи, поднесенномъ 30 мая, обнаружено, что Михайла Лунинъ находился уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1817 года въ числѣ составлявшихъ первое тайное общество, подъ названіемъ Союза Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ Отечества. Слѣдовательно, составъ духовнаго завѣщанія, къ распоряженію родовымъ имѣніемъ относящійся, произведенъ въ то время, когда онъ былъ уже членомъ тайнаго общества и сближался къ цѣли исполненія государственнаго преступленія. Осужденіе, постигшее его въ 1826 году, не есть время содѣланнаго имъ преступленія, а опредѣленіе единаго наказанія за открытое намѣреніе. Изъ сего довода проистекаетъ неоспоримое заключеніе, что онъ былъ однимъ и тѣмъ же преступникомъ въ 1817 году, только втайнѣ, и не былъ осужденъ къ политической смерти. Справедливость сего подтверждаетъ и самое рѣшеніе Верховнаго уголовнаго суда,— ибо если Михайла Лунинъ не былъ преступникомъ въ 1817 году, то не могъ быть и осужденъ къ политической смерти въ 1826 году; будучи же преступникомъ, онъ лишенъ былъ всякаго права распоряжать имѣніемъ своимъ. Основаніемъ истины сей служитъ указъ 1766 года августа 21-го о духовной самоубійцы князя Шаховскаго, въ коемъ изъяснено: „Ежели самоубійство учинено не въ безуміи и не въ безпамятствѣ, есть злодѣяніе и преступленіе закона, почему отъ таковаго никакой завѣтъ принятъ быть не можетъ“. Завѣщаніе уничтожено и имѣніе отдано наслѣдникамъ. Сей случай во всемъ согласуется

съ первымъ, тѣмъ паче, что всякое духовное завѣщаніе не есть крѣпость, запись, или другой актъ, на обязательства установленный, но принимаетъ только дѣйствіе послѣ смерти завѣщателя; коль же скоро актъ сего рода принимаетъ начало и дѣйствіе свое послѣ смерти его, слѣдовательно, политически мертвый, какъ объяснено въ указѣ 1803 и 1818 годовъ, не будучи ни въ какомъ сношеніи съ обществомъ людей, ни какихъ и актовъ дѣлать не можетъ; отъ таковыхъ же ничего не пріемлется на бумагѣ и по указу 1728 года декабря 20-го.

По изложеніи вышезначущихся законныхъ доводъ, заключеніемъ допущенъ быть не можетъ и самый вопросъ: если бы преступленіе несчастнаго брата моего Михаила Лунина открыто было при самомъ началѣ, въ 1817 году, и онъ тогда же осужденъ былъ къ политической смерти, то предстояла ли бы возможность для него составлять какой-либо завѣтъ къ распоряженію имѣніемъ въ 1819 году? Естественно, нѣтъ,—а причина сказаннаго дѣйствія его была единая свобода располагать собою, будучи уже преступникомъ. Начало всякаго рода преступленія исчисляется отъ періода возрожденія онаго, а не отъ времени раскрытія чрезъ разнообразныя послѣдствія. Неоспоримымъ основаніемъ вышеизъясненнаго заключенія служитъ Всемилостивѣйше жалованная въ 1785 году апрѣля 21 дня дворянству грамота, 23 статьею коей узаконено: „Благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія по важнѣйшему преступленію, да отдастся законному его наслѣднику“. Вслѣдствіе чего настоящее завѣщаніе брата моего не можетъ облечено быть формою законнаго акта, а должно подвергнуться уничтоженію, какъ духовная или завѣтъ, въ противность государственныхъ постановленій составленная. Но какъ актъ сей, по сущности своей, возрождаетъ дѣло примѣрное, то я и поставляюсь въ необходимости взять смѣлость пасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и чрезъ особое прошеніе всеподданнѣйше просить Высочайшаго разсмотрѣнія сего возникающаго процесса, столь примѣрнаго въ составѣ своемъ, — почему и прошу:

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Московскомъ губернскомъ правленіи принять и, доколѣ воспослѣдуетъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества на особое всеподданнѣйшее прошеніе мое рѣшеніе, пріостановиться всякаго рода распоряженіемъ по упомянутому духовному завѣщанію; тѣмъ паче, что достиженіе слуха до помянутыхъ крестьянъ брата

моего, нынѣ во владѣніи моемъ состоящихъ, о той свободѣ, которую будто бы содержаніемъ духовной желали предоставить имъ, неизбѣжно возродить между ними неповиновеніе, безначаліе и, можетъ быть, самое буйство къ истребленію на важную сумму находящихся въ томъ имѣніи, какъ хозяйственныхъ заведеній, такъ и разнаго рода хлѣба. Буде же въ послѣдствіи времени повелѣно будетъ возвратить то имѣніе и г. Лунину, то мѣры осторожности, испрашиваемыя мною нынѣ отъ правительства, послужатъ, равнымъ образомъ, и къ пользѣ его. А съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣть выдать мнѣ съ вышеупомянутаго завѣщанія, за надлежащею скрѣпою, точную копію, на основаніи Высочайше утвержденныхъ Смоленскихъ докладныхъ пунктовъ, значущагося въ толкованіи на 2-й пунктъ, для поднесенія Вашему Императорскому Величеству.

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Декабря дня 1826 года. Къ поданію надлежитъ въ Московское губернское правленіе. Прошеніе набѣло переписывалъ коллежскій секретарь Андрей Яковлевъ сынъ Чеботаревъ".

Московское губернское правленіе, разсмотрѣвъ поступившія бумаги по дѣлу Лунина, нашло, что оно обязано, по общему порядку, духовное завѣщаніе Михаила Сергѣевича „представить на законное утвержденіе подлежащаго присутственнаго мѣста; но при извѣстности, что завѣщатель открылся государственнымъ преступникомъ, по рѣшенію Верховнаго уголовнаго суда, Высочайше утвержденному, по лишеніи чиновъ и дворянства, сосланъ на опредѣленное время въ каторжную работу, а потомъ на поселеніе, слѣдовательно, содѣлался политически мертвымъ", и притомъ усматривая нѣкоторыя распоряженія завѣщанія клонящимися къ нарушенію существующаго порядка, Правленіе не осмѣлилось само собою дать дѣлу сему обыкновеннаго теченія и потому, не открывая содержанія этого завѣщанія, вошло съ представленіемъ къ военному генералъ-губернатору, генералу - отъ - кавалеріи князю Голицыну, а онъ, въ свою очередь, всѣ бумаги по дѣлу препроводилъ къ министру юстиціи, для испрошенія по означенному предмету Высочайшаго разрѣшенія.

Министръ юстиціи, князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, 28 декабря 1826 г. представилъ Государю Императору, чрезъ статсъ-секретаря Муравьева, всеподданнѣйшую докладную записку, высказавъ свое мнѣніе, что, по силѣ указовъ 22 марта 1714 г. и 23 февраля 1804 г., М. С. Лунинъ,

до осужденія своего, съ которымъ кончилось политическое его существованіе, бывъ бездѣтенъ, имѣлъ право отдать недвижимое одному фамиліи своей; но что касается до предположеній его относительно уничтоженія крѣпостного права на крестьянъ, по условію съ ними, безъ предоставленія впрочемъ имъ земли, и учрежденія въ завѣщаемомъ имѣніи маіората, то предположенія эти министръ находилъ совершенно противными общему порядку и постановленіямъ, по силѣ которыхъ хотя помѣщичьи крестьяне могли быть увольняемы въ свободные хлѣбопашцы, но не иначе какъ по актамъ, которые должны быть совершены при посредствѣ правительства и получить Высочайшее утвержденіе, съ предоставленіемъ при томъ въ пользу крестьянъ земель и съ прекращеніемъ на будущее время всякаго отношенія къ правамъ ихъ личнымъ и собственности со стороны бывшаго владѣльца, если крестьяне принятыя на себя обязанности вполнѣ исполнятъ. По завѣщаніямъ же—говорилось въ запискѣ—и переходъ въ свободные хбѣбопашцы по закону не допускается, тѣмъ менѣе можно дозволить уничтоженіе крѣпостного права, съ оставленіемъ крестьянъ на земляхъ помѣщичьихъ и со всегдашнею обязанностію доставлять оному доходы. Далѣе князь Лобановъ-Ростовскій представлялъ, что никто не имѣетъ власти для преемниковъ своихъ въ родовомъ имѣніи дѣлать ограниченія въ свободномъ онымъ пользованіи и распоряженіи на основаніи законовъ и учреждать, въ противность же законовъ, на правѣ первородства порядокъ наслѣдованія тѣмъ имѣніемъ. Основываясь на указѣ 7 сентября 1726 г., министръ юстиціи заключилъ, что помянутыя предположенія Михаила Лунина не могли быть приняты и допущены къ исполненію. Впрочемъ,—говорилъ онъ,—„не представляется никакого уваженія, по которому бы слѣдовало содержаніе завѣщанія оставить въ неизвѣстности, особливо при предъявленномъ уже на оное со стороны законной наслѣдницы спорѣ, который утвержденъ или отвергнутъ иначе быть не можетъ, какъ судебнымъ порядкомъ; почему я и полагалъ бы разрѣшить московскаго военнаго генералъ-губернатора на передачу помянутаго завѣщанія и поступившей отъ Уваровой просьбы въ надлежащее присутственное мѣсто, для поступленія по законамъ“.

30 декабря 1826 г. статсъ-секретарь Муравьевъ возвратилъ министру докладную записку съ карандашною резолюціею Императора Николая Павловича: „Согласенъ“.

Между тѣмъ, ранѣе воспослѣдованія этой резолюціи, а именно

21 декабря, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Александровичъ Лунинъ подалъ московскому военному генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

„Вашему сіятельству угодно было объявить мнѣ, что губернское правленіе затрудняется въ отсылкѣ онаго завѣщанія къ разсмотрѣнію по законамъ и что г. Уваровъ подалъ вашему сіятельству письмо по сему предмету. Не зная причинъ, могущихъ служить поводомъ къ изъятію сего дѣла изъ общаго узаконеннаго порядка, я осмѣливаюсь изложить вашему сіятельству существо завѣщанія и всепокорнѣйше просить принять въ уваженіе слѣдующія обстоятельства:

1) Завѣщатель избираетъ меня наслѣдникомъ всего вообще имѣнія, на основаніи указа 1814 г. марта 23 дня, предоставляя мнѣ въ принадлежность всѣ вообще доходы съ имѣнія, съ тѣмъ, чтобы по смерти его я вошелъ немедленно во владѣніе имѣніемъ. Симъ ясно доказывается безусловная воля завѣщателя, чтобы все его имѣніе и вообще всѣ доходы принадлежали мнѣ, какъ избираемому имъ единственному послѣ себя наслѣднику на основаніи законовъ.

2) Братъ мой завѣщаваетъ мнѣ, въ продолженіи пяти лѣтъ послѣ смерти его, освободить крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, не касаясь земель, лѣсовъ и прочаго,—исполненіе сего предоставляетъ онъ совершенно моей волѣ, руководствуясь правилами, имъ мнѣ внушенными, съ утвержденія правительства,—повиновеніе мнѣ крестьянъ и дворовыхъ людей ограждать до того времени, пока не уничтожится надъ ними крѣпостное право, по моему прошенію, законнымъ образомъ. Изъ сего видно, что братъ мой, обнаруживъ мысль свою освобожденія крестьянъ безъ земли, устройство благосостоянія ихъ неограниченно ввѣрилъ моей волѣ и совѣсти, съ утвержденія правительства, на основаніи законовъ. Въ 10-мъ пунктѣ завѣщанія говоритъ онъ, что освобожденіе крестьянъ должно послѣдовать на томъ основаніи, которое я признаю за благо; слѣдовательно, отъ меня зависитъ совершенно и безъ всякаго ограниченія привести оное въ дѣйствіе, какъ признаю выгоднѣйшимъ для себя и крестьянъ, на основаніи законовъ. Не взирая на объявленную мысль завѣщателя, чтобы не касаться въ семъ случаѣ земель, я въ полномъ правѣ удѣлить имъ часть, или вообще всю землю, и сдѣлать оныхъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами.

3) Пять лѣтъ времени, назначаемаго завѣщателемъ на приведеніе мною въ исполненіе желанія его по предмету освобожденія крестьянъ, были необходимы по случаю долговъ, съ коими

означенное имѣніе досталось завѣщателю и которые окончательно уплачены только сего 1826 года. Но и сей срокъ 3-мъ пунктомъ завѣщанія не ограничивается, ибо въ ономъ сказано, что крестьяне и дворовые люди должны находиться въ моемъ повиновеніи до того времени, пока не уничтожится крѣпостное ихъ состояніе, по моей просьбѣ, законнымъ образомъ,—новое доказательство, что завѣщатель каждое дѣйствіе при исполненіи его желанія мною, какъ наслѣдникомъ завѣщаваемаго имѣнія, подвергнулъ утвержденію правительства и силѣ закона.

4) Въ 8-мъ пунктѣ завѣщанія братъ мой завѣщаваетъ мнѣ доставлять сестрѣ его, г-жѣ Уваровой, ежегодно, по смерть ея, 10.000 руб.; на поддержаніе училища, которое имѣетъ быть учреждено въ селѣ Сергіевскомъ, но которое впрочемъ учреждено не было, 10.000 руб.; дѣвицѣ Прасковьѣ Михайловой единовременно 20.000 руб., и управляющему Суслику 10.000 руб. Таковыя назначенія брата моего доказываютъ совершенную его ко мнѣ и моей совѣсти довѣренность, ибо въ первомъ пунктѣ завѣщанія онъ назначаетъ меня единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ, въ 5-мъ предоставляетъ по смерти его войти немедленно во владѣніе, въ 9-мъ говоритъ, что всѣ вообще доходы должны принадлежать мнѣ. Слѣдовательно, предоставленіе имъ мнѣ имѣнія есть гласное, неограниченное и обнаруживающее единственно его довѣріе ко мнѣ въ томъ, что я исполню свято его волю.

Представивъ вашему сіятельству существо завѣщанія, основанное на законахъ, коего исполненіе, согласно воли самого завѣщателя, не можетъ послѣдовать иначе, какъ съ утвержденія правительства, законнымъ образомъ, я осмѣливаюсь просить быть моимъ защитникомъ, не зная причинъ, почему губернское правленіе сіе завѣщаніе изъяло изъ общаго законнаго порядка и остановилось отсылкою онаго на разсмотрѣніе и утвержденіе въ судебное мѣсто. Я приступилъ къ открытію завѣщанія тогда только, когда управляющій имѣніемъ брата донесъ мнѣ сего года августа 12 дня, что братъ мой въ послѣднемъ письмѣ къ нему предписываетъ по дѣламъ до имѣнія касающимся, относиться ко мнѣ и исполнять мои предписанія. Когда г-жа Уварова вступила во владѣніе имѣніемъ подъ видомъ попечительства, тогда уже видя, что братъ мой остается непреклоннымъ въ его намѣреніи по сему предмету, а г. Уваровъ приступилъ къ имѣнію незаконнымъ образомъ,—хотя я, съ своей стороны, и могу не желать собственныхъ выгодъ, но не въ моей волѣ отречься отъ исполненія тѣхъ предметовъ завѣщанія, кои ка-

саются не до меня лично, и именно освобожденіе крестьянъ, сопряженное съ ихъ благосостояніемъ, интересомъ казеннымъ и ввѣренное мнѣ, какъ наслѣднику, учрежденіе училища, каковыя учреждать съ дозволенія и въ распоряженіи правительства никогда не возбранялось,—отъ ежегодной выдачи г-жѣ Уваровой, отъ награжденія дѣвицѣ Прасковьѣ Михайловой и управляющему Суслику.

Всему свѣту извѣстно преступленіе брата моего, обративъ на него всю справедливую строгость законовъ, коихъ дѣйствіе и самое неограниченное милосердіе Государя Императора ослабить было не въ силахъ. Нужно ли еще изыскивать новыя средства для посрамленія памяти человѣка уже несчастнаго и отъ отечества пятномъ неизгладимымъ отлученнаго, стараясь толковать ко вреду его актъ, подвергаемый имъ самимъ утвержденію правительства и въ коемъ всѣ постановленія основаны на желаніи сдѣлать добро и утвердить, послѣ кончины его, благосостояніе всѣхъ его крѣпостныхъ людей.

Ваше сіятельство слишкомъ справедливы, чтобы не одобрить причинъ, побуждающихъ меня не отринуть просьбы несчастнаго моего брата. Достояніе его мнѣ не нужно, но довѣренность его ко мнѣ я обязанъ оправдать, доколѣ послѣдняя его воля, въ завѣщаніи изложенная, не противна существующимъ законамъ".

Изложенное прошеніе Н. А. Лунина князь Голицынъ, 26 декабря 1826 г. отослалъ, „для совокупнаго разсмотрѣнія", къ министру юстиціи, а послѣдній, отношеніемъ отъ 13 января 1827 г., увѣдомилъ, что, въ виду состоявшагося уже по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Высочайшаго повелѣнія, онъ, министръ, не считаетъ письмо дѣйств. стат. сов. Лунина принадлежащимъ до его разсмотрѣнія и что отъ князя самого зависитъ дать оному такое направленіе, какого обстоятельства дѣла требуютъ.

Одновременно, министръ юстиціи предписалъ московскому губернскому прокурору о наблюденіи за скорѣйшимъ ходомъ и окончаніемъ дѣла о духовной М. С. Лунина.

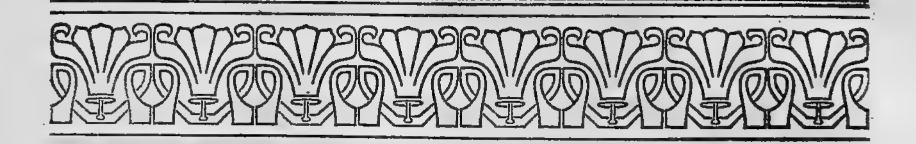
Московское губернское правленіе, видя изъ просьбы Уваровой, что имѣніе Лунина состоитъ въ Тамбовской губерніи и она введена уже онымъ во владѣніе Кирсановскимъ уѣзднымъ судомъ, постановило завѣщаніе Лунина, обще съ производствомъ, и присланныя послѣ отъ военнаго генералъ-губернатора, сообщенныя ему военнымъ министромъ, о имѣніи и долгахъ Лунина бумаги препроводить для зависящаго распоряженія и поступленія по законамъ, въ Тамбовское губернское правленіе.

Постановленіе Московскаго губернскаго правленія исполнено было 20 января 1827 года, а 3-го февраля дѣло о духовномъ завѣщаніи М. С. Лунина поступило въ Кирсановскій уѣздный судъ, для рѣшенія безъ очереди, а 18 того же февраля судъ сообщилъ въ Московскую управу благочинія объ отобраніи, подъ присягою, отъ подписавшихся подъ завѣщаніемъ свидѣтелей нужныхъ свѣдѣній.

Какое окончаніе получило означенное дѣло, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Н. А. Мурзановъ.

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ [1]).

1813-го и 14 года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

III.

Съ перенесеніемъ войны на французскую территорію началась новая кампанія, но уже не на одномъ полѣ брани и посредствомъ ружей, штыковъ, саблей и пушекъ, но и на шахматной доскѣ дипломатическаго вѣдомства, гдѣ имѣется такъ много простора для интригъ, переговоровъ, проектовъ, контрпроектовъ и прочихъ хитроумныхъ комбинацій. Оставшаяся въ тылу союзной арміи и служащая ей операціоннымъ базисомъ Германія, съ ея многочисленными самостоятельными государствами, походила, по пестротѣ своихъ независимыхъ географическихъ частей, на шахматное поле, на которомъ было гдѣ развернуться дипломатическому искусству и всѣмъ заправскимъ любителямъ спортивнаго интригантства въ области внѣшней политики. Германскія дѣла ждали своего рѣшенія по окончаніи войны; вопросъ о созданіи союзнаго или федеративнаго государства (Bundesstaat oder Staatenbund) волновалъ общественное мнѣніе не одной Германіи и Австріи, но и другихъ странъ Европы, за исключеніемъ Россіи. Попытка мелкихъ средне и южно-германскихъ дипломатовъ свить себѣ въ центральномъ управленіи оккупированныхъ союзными войсками областей бывшаго рейнскаго союза нѣчто въ родѣ *„осиноваго гнѣзда“*, какъ исходнаго пункта для всевозможныхъ каверзъ и

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

интригъ, не удалась благодаря бдительности, мудрости и тактичности барона *Штейна*, главнаго начальника этого учрежденія. Императоръ *Александръ I* входилъ лишь въ поверхностный разборъ чисто германскихъ вопросовъ. Онъ слѣдилъ только за тѣмъ, чтобы династическіе интересы его нѣмецкихъ родственниковъ не были принесены въ жертву велико-германскимъ идеямъ, пропагандируемымъ *Эрнстъ-Морицъ*, *Арндтомъ*, *Яномъ* и прочими патріотами. Но русскій царь отнюдь не питалъ тѣхъ враждебныхъ и непримиримыхъ чувствъ къ стремленіямъ нѣмецкихъ идеалистовъ относительно политическаго объединенія ихъ родины, какія проявляли въ столь сильной степени король *Фридрихъ-Вильгельмъ III*, императоръ *Францъ I*, князь *Меттернихъ*, *графъ-Мюнстеръ* и всѣ прочіе короли и владѣтельные князья упраздненнаго рейнскаго союза. На пропаганду такъ называемыхъ великогерманскихъ идей смотрѣли въ ту пору какъ на нѣчто преступное и опасное, въ смыслѣ подрыванія монархическаго престижа и державнаго авторитета. Что подобные взгляды не могли соотвѣтствовать русскимъ воззрѣніямъ на національные вопросы, весьма понятно. Нашимъ соотечественникамъ казалось донельзя смѣшнымъ и несуразнымъ, почему это житель изъ курфюршества гессенкассельскаго долженъ политически непремѣнно иначе чувствовать, сирѣчь вѣровать, нежели рядомъ бокъ о бокъ съ нимъ живущій подданный герцогства гессенъ-дармштадтскаго или ландграфства гессенъ-филипсталь-брахфельдскаго? Религіозную и ярко очерченную племенную рознь русскіе еще понимали и признавали, какъ, напримѣръ, между католикомъ альпійскихъ областей Баваріи и протестантскимъ обывателемъ сѣверо-германской равнины, но національное различіе, отмѣченное исключительно только цвѣтами и эмблемами изъ животнаго царства на государственныхъ гербахъ (соколъ, орелъ, олень, лошадь или быкъ), вызывало лишь недоумѣніе вмѣстѣ съ насмѣшками въ рядахъ нашихъ войскъ.

Хотя союзная армія и вступала уже въ предѣлы Франціи, но военныя дѣйствія въ самой Германіи все-таки не кончились. Гамбургъ и Данцигъ были еще во власти французовъ и осаждались отчасти русскими войсками. Саксонія, король которой такъ упорно держался союза съ *Наполеономъ*, находился военно-плѣннымъ въ Берлинѣ, его государствомъ управлялъ генералъ-губернаторъ *князь Рѣпнинъ*, о которомъ до сихъ поръ сохранилась въ Дрезденѣ память, какъ о *благодѣтель* этой страны. Рѣпнинъ управлялъ Саксоніей годъ и 2 мѣсяца

и за все это время расходы по высшей администраціи, т.-е. на содержаніе канцеляріи и прочихъ штатовъ генералъ-губернаторства, покрывались *русской казной*. Можно было бы предполагать, что Императоръ *Александръ I* хотѣлъ подобной снисходительностью проявить свое особое расположеніе къ саксонскому королю *Фридриху-Августу I*, человѣку несомнѣнно умному, образованному, воспитанному и уже пожилому; но ни чуть не бывало!—Во время въѣзда трехъ монарховъ послѣ Лейпцигскаго сраженія въ городъ, саксонскій король вышелъ изъ своего дворца навстрѣчу государямъ и стоя на улицѣ у дверей сталъ ихъ ожидать. Приблизившійся первымъ къ нему императоръ *Францъ I* поклонился холодно королю, не остановилъ своего коня. Король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* задержалъ на минуту лошадь и обмѣнялся, оставаясь въ сѣдлѣ нѣсколькими фразами съ своимъ коронованнымъ коллегой. Императоръ же *Александръ I* не только не отвѣтилъ на поклонъ саксонскаго монарха, но отвернулся даже въ другую сторону [1]). Изъ этого эпизода можно заключить, что русскій царь не питалъ никакихъ дружескихъ чувствъ къ *Фридриху-Августу I*.

Князь *Рѣпнинъ* простиралъ свою добродѣтель по отношенію къ Саксоніи и спеціально къ Дрездену до затраты большихъ суммъ, невѣдомо откуда взятыхъ, на улучшеніе и украшеніе столицы саксонскаго королевства, отдавая нерѣдко городу въ безвозмездный наемъ и рабочью силу русскаго гарнизона. Такъ между прочимъ утверждали, что знаменитая „*Брюльская терраса*“ въ Дрезденѣ сооружена стараніями князя *Рѣпнина* и на средства русскаго военнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, намъ не удалось провѣрить, насколько этотъ, ходившій еще въ 60-тыхъ годахъ слухъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Довольно странная и на первый взглядъ непонятная двойственность оцѣнки замѣчалась со стороны нѣмецкихъ гражданъ по отношенію къ русскимъ войскамъ во время ихъ пребыванія и оккупаціи Германіи въ 1813 и 14 годахъ. Что касается отзывовъ самихъ жителей, насколько они сохранились въ разнообразныхъ дѣлахъ, городскихъ архивахъ и другихъ казенныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ, то взаимныя отношенія между обѣими сторонами были наилучшія; нигдѣ, никогда, ни отъ кого не раздавались *серьезныя жалобы* на поведеніе русскаго

---

[1]) Очерки изъ исторіи освободительныхъ войнъ въ Германіи *Мюллеръ-Бома*, собранные и изданные *Павломъ Киттель*.

воинства. Даже во время штурма Лейпцига, наши отряды, ворвавшіеся въ городъ, не давали повода къ нареканіямъ. Иное отношеніе и нерѣдко противоположную оцѣнку мы находимъ въ повременныхъ и періодическихъ изданіяхъ того времени. Тамъ попадаются разсказы и объ ужасахъ и о звѣрствахъ, чинимыхъ казаками, башкирами, калмыками и прочими „азіатами". Во многихъ газетахъ, выходившихъ въ государствахъ рейнскаго союза, проводился взглядъ съ притянутыми за волосы доказательствами, *что подлиннаго русскаго народа, русскаго языка въ сущности не существуетъ*, а что подъ собирательной кличкой *„русскихъ"* слѣдуетъ подразумѣвать цѣлый *„конгломератъ"* разнообразнѣйшихъ полуварварскихъ и совершенно дикихъ племенъ азіатскаго происхожденія, какъ: татаръ, чувашъ, башкиръ, киргизъ, калмыковъ, самоѣдовъ, лапландцевъ, мордвы, черкесовъ, черемисъ и т. п. національностей. Не удивительно, если послѣ такой лестной аттестаціи во многихъ нѣмецкихъ городахъ, не видавшихъ еще русскихъ, трепетали при одной мысли о появленіи этихъ звѣроподобныхъ людоѣдовъ. Ходячимъ лозунгомъ стала фраза, появившаяся также впервые въ печати: *„Lieber die Franzosen als Feinde, denn die Russen als Freunde"* („лучше враги французы, нежели друзья русскіе"). Такія и подобныя имъ летучія поговорки сочинялись сначала въ правительственныхъ бюро печати Парижа и рейнскаго союза, а затѣмъ и въ канцеляріи князя *Меттерниха*, который не хуже *Наполеона* умѣлъ оцѣнивать значеніе и силу печати и дѣятельность хорошо организованной тайной политической полиціи. Къ сожалѣнію, ни хитроумный *Александръ I*, ни слишкомъ прямолинейно мыслящій прусскій король не видѣли и не признавали особенной выгоды отъ умѣлаго пользованія этими двумя оружіями, такъ что баронъ фонъ *Штейнъ* не имѣлъ возможности противодѣйствовать интригамъ Вѣнскаго кабинета въ должной мѣрѣ. Усилія же *Меттерниха* были направлены къ тому, чтобы, какъ повѣствовалъ онъ въ субсидированной имъ печати, Россія не замѣнила во всѣхъ отношеніяхъ Францію, т. е. чтобы Европа, освободившаяся отъ французской гегемоніи, не подпала подъ *болѣе тяжелую русскую*! Во избѣжаніе такого оборота дѣлъ, Австрія готова была идти на какія угодно уступки и политическія комбинаціи. Только геройски-отчаянное сопротивленіе, оказываемое наполеоновской арміей, вначалѣ 1814 года, вторгнувшимся во Францію союзнымъ войскамъ было причиной, что интриги, затѣваемыя со разныхъ сторонъ противъ мало-мальски справедливаго рѣшенія вопроса о будущемъ проведеніи политическихъ границъ, на

картѣ Европы, не приняли преждевременно характеръ открыто-враждебнаго выступленія одной части договаривавшихся между собой державъ противъ другой.

Провозглашенный всей политической Европой принципъ легитимизма затруднялъ донельзя установленіе естественныхъ и этнографическихъ границъ тамъ, гдѣ это требовалось во имя справедливости и экономическихъ интересовъ по отношенію къ тѣмъ областямъ и народностямъ, которыхъ диктаторскій произволъ *Наполеона*, царившій въ продолженіе десяти лѣтъ, ввергъ въ условія государственной жизни идущихъ въ разрѣзъ съ общимъ желаніемъ населенія. Баронъ *Штейнъ* прекрасно сознавалъ всю тщетность своихъ попытокъ убѣдить кого-либо изъ державшихъ въ своихъ рукахъ судьбу народовъ монарховъ, въ зловредности политическаго принципа, покоющагося на одномъ легитимизмѣ. Онъ писалъ и доказывалъ Императору Александру I и всѣмъ правительствамъ союзныхъ великихъ державъ, что добрая треть всѣхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей не достойна царствовать дольше или вновь занять упраздненные *Наполеономъ* престолы. *Штейнъ* высказывалъ между прочимъ открыто мысль, что никогда французскій властелинъ не достигъ бы такого могущества, славы и преобладанія въ Европѣ, если бъ не поразительно счастливая случайность способствовала ему въ этомъ. Во всемъ старомъ свѣтѣ не было въ началѣ карьеры Наполеона ни одного монарха, приближавшагося хоть немного по уму, характеру, энергіи и силѣ воли, къ геніальному корсиканцу. Его окружали со всѣхъ сторонъ главы государствъ или совсѣмъ невмѣняемые, какъ короли Англіи *Георгъ III* и Швеціи *Густавъ IV*, или стоявшіе на уровнѣ средняго интеллектуальнаго развитія и даже ниже этого, какъ напримѣръ король *Фридрихъ Вильгельмъ III*, императоръ *Францъ I*, оба короля Сардиніи *Викторъ-Амедей* и *Карлъ Эммануилъ IV*. Король неаполитанскій *Фердинандъ IV*, король испанскій *Карлъ IV* и португальскій *Іоаннъ VI* были самыми заурядными личностями, неспособными подняться въ своихъ воззрѣніяхъ до умственнаго уровня, необходимаго для успѣшнаго плодотворнаго управленія сложнымъ правительственнымъ механизмомъ страны. Наткнись *Наполеонъ* хоть на одного изъ такихъ противниковъ какими были: *Петръ Великій*, *Фридрихъ II* или *Іосифъ II* австрійскій, онъ едва-ли восторжествовалъ бы такъ легко надъ всей Европой Слѣпая фортуна дѣйствительно много содѣйствовала первоначальнымъ блестящимъ успѣхамъ необычайно смѣлаго, рѣшительнаго и хитраго генерала *Буонапарте*.

Завѣдуя дѣлами центральной комиссіи или временнаго административнаго департамента, какъ называлось учрежденіе, основанное правительствами союзныхъ государствъ: Россіей, Австріей и Пруссіей, для управленія германскими областями, оккупированными войсками коалиціи, баронъ Штейнъ имѣлъ возможность ознакомиться поближе съ былымъ образомъ правленія монарховъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, входившихъ въ составъ рейнскаго союза, при чемъ наткнулся на многія доказательства, подтверждавшія ходячую дурную славу про многихъ суверенов западно - и южно - германскихъ странъ. Такъ про короля вюртембергскаго, Фридриха I, онъ писалъ: *„Король вюртембергскій, отвратительный по своей наружности, своему чванству, обжорству, трусости и безпутной жизни. Невозможно, что такой человѣкъ не нашелъ бы соотвѣтствующій и достойный его характеру конецъ.* Этотъ правитель осмѣлился даже послѣ Лейпцигскаго сраженія и отступленія наполеоновской арміи, когда черезъ Вюртембергъ стали проходить союзныя войска, отдать приказъ, *чтобы въ госпитали, лазареты и больницы его королевства не принимали раненыхъ и больныхъ „иностранныхъ“ солдатъ. Штейнъ* требовалъ энергично смѣщенія этого короля съ престола, но конечно ничего не могъ добиться. Но больше всѣхъ остальныхъ князей, отличавшихся деспотическими наклонностями и развратными похожденіями, возмущалъ общественное мнѣніе изгнанный въ свое время *Наполеономъ*, послѣ Іенскаго сраженія, и возвратившійся къ концу 1813 года въ свои прежнія владѣнія Курфюрстъ гессенкасельскій *Вильгельмъ I.*

Состоявшій у *Штейна*, въ качествѣ главнаго сотрудника, кабинетный секретарь короля прусскаго, *Эйхгорнъ* писалъ въ своемъ докладѣ про дѣла и поведеніе курфюрста гессенкассельскаго слѣдующее: *Der Kurfürst von Hessen übt eine Gerechtigkeit des Uverstandes und der Roheit aus, die die Unterfhanen zur Verzweifelung bringt und in vielen Gemüthern die schlimmen zeiten der vorigen Regierung zurückwünscht.* (Курфюрстъ гессенскій проявляетъ справедливость, внушаемую одной ему глупостью, жесткостью и грубостью, чѣмъ доводитъ подданныхъ до отчаянія и пробуждаетъ въ душѣ ихъ желаніе къ возврату къ прежнимъ лихимъ временамъ правленія). Сего державнаго повелителя ненавидѣли всѣ его подданные, отъ малаго до великаго, за его необычайную скаредность, жестокость и нравственную нечистоплотность, которой, впрочемъ, соотвѣтствовалъ и внѣшній его видъ.

И подумать только, что изъ-за подобной отвратительной фигуры было не мало пролито и русской крови! Про баварцевъ

Эйхгорнъ доносилъ *Штейну* оффиціально, что наглымъ притязаніямъ начальниковъ баварскихъ гарнизоновъ нѣтъ предѣла. Чиновники и политическіе шпіоны баварскаго правительства проявляютъ всюду суетное безпокойствіе съ заносчивой дерзостью и низкими подвохами по отношенію къ властямъ центральнаго департамента. Суть дѣла заключалась въ томъ, что правительства трехъ союзныхъ континентальныхъ державъ оставили на мѣстѣ весь административный аппаратъ и служебный укладъ въ оккупированныхъ нѣмецкихъ областяхъ, предоставивъ центральному управленію только высшій надзоръ за правильнымъ теченіемъ государственно-общественной жизни въ означенныхъ областяхъ. Не будь во главѣ этого учрежденія барона *Штейна*, оно не имѣло бы никакого значенія. Австрійскимъ членомъ правленія значился въ немъ графъ *Шпигель*, послѣ того, какъ отказался отъ этой должности извѣстный политикъ и публицистъ *Гентцъ*. Прусскимъ уполномоченнымъ состоялъ тайный совѣтникъ *Фризе*. Со стороны Россіи принимали участіе упомянутый уже выше *швейцарецъ изъ Базеля, Андрей Меріанъ* и пріобрѣтшій впослѣдствіи извѣстность коллежскій ассесоръ *Николай Тургеневъ*, котораго баронъ Штейнъ очень полюбилъ и цѣнилъ за его прямоту, честность и преданность долгу, а также и за любознательность, выдающееся дарованіе и стремленіе къ наукамъ. На *Тургенева Штейнъ* произвелъ, въ свою очередь, неизгладимое впечатлѣніе. Въ вышедшей въ 1847 году въ Парижѣ книгѣ *Тургенева „La Russie et les Russe“* онъ характеризуетъ бывшаго своего начальника спустя уже 13 лѣтъ послѣ его смерти такъ: „Sa tête était trop vaste pour ne penser qu'aux intérêts d'une seule caste; son âme trop grande, trop fort pour ne s'occuper que des destinées d'une fraction alors quelle pouvait embrasser le tout.—On parle du Dôme de Cologne, ce monument à part, qui doit devenir le symbole mystique d'une unité non moins mystérieuse. Un monument erigé à Stein au nom de tout le peuple allemand ferrait, à mon avis, beaucoup mieux comprendre qu'il s'est opéré un nouveau progrès réel dans l'esprit public de ce peuple“.

(Его умъ былъ слишкомъ обширенъ, чтобы думать только объ интересахъ одного сословія; онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы принимать къ сердцу судьбу какой-либо одной фракціи, разъ она не могла обнять все остальное. Говорятъ о Кельнскомъ соборѣ, этомъ особенномъ памятникѣ, который, какъ таинственный символъ, долженъ олицетворять не менѣе таин-

ственное объединеніе. Воздвигнутый памятникъ *Штейну* отъ имени всѣхъ народовъ Германіи гораздо лучше уяснилъ бы все, что сдѣлано имъ новаго въ области реальнаго преуспѣянія общественнаго мнѣнія среди этого народа).

Вотъ какъ оцѣнилъ безпристрастный русскій человѣкъ чужестраннаго государственнаго дѣятеля, котораго монархъ той страны, гдѣ онъ служилъ, умѣлъ очертить лишь отборно бранными словами, съ прибавленіемъ угрозы отправить его въ заточеніе. Нѣтъ, правы были немногіе прозорливые политическіе умы той эпохи, утверждавшіе, что *Наполеонъ* потому такъ легко справился со всей Европой, что противники, равно какъ и приверженцы его *были черезчуръ уже ничтожны.* Они были прямо подавлены престижемъ французскаго императора, который, въ качествѣ протектора рейнскаго союза, держалъ ихъ въ полной матеріальной зависимости отъ себя и распоряжался въ этой донельзя нелѣпой въ политическомъ и географическомъ значеніи слова организаціи, какъ въ своей частной вотчинѣ. Обаяніе Наполеона въ Германіи носило буквально сказочный характеръ, о чемъ свидѣтельствовалъ слѣдующій фактъ.

Въ сраженіи при Вуршенѣ или Бауценѣ, небольшому отряду русскихъ регулярныхъ кавалеристовъ и казаковъ удалось напасть на заблудившійся французскій обозъ, въ которомъ случайно находились и четыре фургона съ вещами самаго императора *Наполеона.* Чтобы не дать возможность овладѣть непріятелю добычей, французскій конвой взорвалъ незначительный пороховой транспортъ, вслѣдствіе чего уничтожены были и придворные фургоны. Спустя нѣкоторое время прибываетъ въ Дрезденъ съ экстренной почтой, на взмыленныхъ отъ бѣшеной ѣзды лошадяхъ, таинственная личность и останавливается въ королевскомъ дворцѣ. Но здѣсь пріѣзжій незнакомецъ сразу сильно заболѣваетъ и къ нему спѣшатъ не только придворные лейбъ-медики, но и самъ саксонскій король *Фридрихъ Августъ I.* По городу стали носиться разнообразные тревожные слухи относительно личности внезапно прибывшаго съ почтой пассажира. Скоро граждане Дрездена передавали другъ другу шепотомъ на ухо имя больного гостя, произнося членораздѣльно слово: *На-по-ле-о-нъ.* И дѣйствительно, судя по поведенію придворныхъ и короля, можно было предполагать, что въ покояхъ дворца лежитъ самъ великій императоръ. По два и по три раза въ день отправлялся саксонскій монархъ къ больному освѣдомляться о состояніи его здоровья. Наконецъ, незнакомецъ поправился и сталъ выходить, при чемъ только и

выяснилось, что это былъ *старшій камердинеръ Наполеона, посланный въ Дрезденъ за покупкой необходимыхъ вещей, погибшихъ отъ взрыва* [1]).

Магическій страхъ и трепетъ, распространяемый всюду Наполеономъ при его появленіи, очень умѣло поддерживался, съ чисто комедіантской виртуозностью, его приближенными: маршалами, министрами, генералами, посланниками вплоть до послѣдняго писаря или сержанта. Императоръ *Александръ I* и чины его арміи, *прошедшіе побѣдоносно отъ Москвы до Парижа*, не проявили и десятой доли такого умѣнья, между тѣмъ для тѣхъ временъ это было не лишнимъ нравственнымъ подспорьемъ при веденіи дипломатическихъ переговоровъ. Вообще же то самоуниженіе, внушенное русскому войску, которымъ гордились у насъ въ нѣкоторыхъ военныхъ сферахъ, какъ признакомъ культурности и гуманности, не принесло намъ никакой пользы и не повысило ни на волосокъ нашъ нравственный цензъ въ глазахъ Европы. Во время кампаніи 1814 года во Франціи, русскія войска отличались опять наиболѣе строгой дисциплиной, въ сравненіи съ другими. Это обстоятельство отмѣчаютъ особенно наши офицеры изъ остзейскихъ уроженцевъ, какъ напримѣръ *Эдуардъ фонъ Левенштейнъ* въ своихъ печатанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ воспоминаніяхъ: „*Mit Graf Pahlens Reiterei gegen Napoleon.* (Съ конницей графа Палена противъ *Наполеона*), гдѣ авторъ возмущается варварскимъ поведеніемъ баварскихъ, виртембергскихъ и прочихъ южно-германскихъ войскъ, этихъ недавнихъ „вѣрныхъ“ союзниковъ французскаго императора. Поводъ къ замѣчаніямъ и критикѣ давали иногда русскіе субалтернъ-офицеры, не отличавшіеся въ ту пору особеннымъ образованіемъ и воспитанностью, но грѣшившіе главнымъ образомъ по части черезмѣрнаго поклоненіе Бахусу. Благодаря только такому слишкомъ ужъ ретивому проявленію религіозныхъ чувствъ къ языческому Божеству, можно было объяснить и странный поступокъ генерала *Дехтерева*, разбившаго въ замкѣ (La Chapelle) собственноручно объ полъ драгоцѣнный, художественной работы, бюстъ *Вольтера*, предполагая, что онъ изображалъ какого-то французскаго маршала. Но кончилась война. Парижъ былъ взятъ и *Наполеонъ* устраненъ съ французскаго престола. Наступило время сравнительнаго успокоенія и отдыха отъ тяжелыхъ перипетей войны. Русскія войска стали

---

[1]) „Königsbergsche Hartungsche priviligirte Zeitung“. отъ октября 1813 года и въ воспоминаніяхъ Варнгагена фонъ Энзе (Varnhagen von Ense).

постепенно возвращаться въ далекую родину, шествуя не торопясь обратно черезъ Германію, при чемъ однако имъ скоро пришлось убѣдиться, что отношеніе къ нимъ жителей существенно измѣнилось, по сравненію съ предыдущимъ годомъ. О восторженныхъ встрѣчахъ побѣдителей не было и помину. Всѣ старанія и помыслы были направлены къ тому, чтобы поскорѣе избавиться отъ неособенно щегольски обмундированныхъ пришлецовъ.

Странный, необычайно антидемократическій и сословный духъ царилъ тогда надъ Европой, несмотря на то, что еще наканунѣ всѣхъ разыгравшихся событій, народы воодушевлялись идеями *братства, равенства* и *свободы*. Суровая, безрасудная реакція распространялась даже на мелочи. Такъ передъ торжественнымъ вступленіемъ въ Парижъ всѣмъ союзнымъ войскамъ приказано было пообчиститься, дабы не *„шокировать“* своимъ неряшливымъ видомъ изящныхъ, образованныхъ, воспитанныхъ парижанъ и парижанокъ. Приказъ этотъ выполнялся *съ особенной строгостью въ русскихъ войскахъ*. Но и прусскій король хотѣлъ щегольнуть своей арміей и когда оказалось, что у 4-го корпуса генерала Іорка (самаго лучшаго, самаго храбраго) не оказалось приличной обмундировки, *Фридрихъ Вильгельмъ III* вычеркнулъ въ приказѣ его изъ числа корпусовъ, назначенныхъ участвовать въ шествіи съ примѣчаніемъ *„schmutzige Leute“* (грязные люди) [1]. Сильно обтрепанный видъ русскихъ отрядовъ, идущихъ черезъ нѣмецкія земли домой, былъ нерѣдко причиной недоразумѣній. Граждане Германіи вспоминали о блестящей внѣшности наполеоновской гвардіи, дѣлая банальныя сравненія, *совершенно забывая при этомъ, что грозный повелитель этого отборнаго войска одѣвалъ, снаряжалъ и кормилъ свои, поражающіе красотой легіоны, большею частью на счетъ покоренныхъ имъ нѣмецкихъ земель!* Недоразумѣнія съ русскими военными властями выходили и на почвѣ исторической оцѣнки недавняго прошлаго, превратившагося въ воспоминаніяхъ нѣмецкаго народа въ сказанія, далеко не соотвѣтствовавшія дѣйствительности.

Одно изъ наиболѣе крупныхъ недоразумѣній произошло 3-го августа 1814 года въ небольшомъ городкѣ Восточной Пруссіи, въ Гумбинненѣ. Въ означенный день праздновалось рожденіе короля *Фридриха Вильгельма III*. Въ виду радостнаго избавленія государства отъ тяготѣвшаго надъ нимъ въ продолженіе 6½ лѣтъ

---

[1]) Смотри *Дройзенъ* „Жизнь фельдмаршала Іорка“.

невыносимаго ига, общественныя и правительственныя власти не одного города, но и всего округа рѣшили отпраздновать этотъ день съ особенной помпой. Находившійся случайно проѣздомъ въ Гумбинненѣ нашъ, хорошо извѣстный всей Германіи, бывшій русскій главнокомандующій, *графъ Витгенштейнъ* съ нѣкоторыми другими высшими военными чинами русской арміи получили тоже приглашеніе. Но такъ какъ во всемъ городѣ не нашлось достаточно большого зала для помѣщенія всѣхъ желавшихъ принять участіе въ банкетѣ, то распорядились устроить его въ великолѣпномъ саду при зданіи правительственныхъ провинціальныхъ учрежденій, тѣмъ болѣе, что погода очень благопріятствовала такой затѣѣ. Единственный провозглашенный тостъ за короля былъ произнесенъ Regierungspresident-омъ (губернаторомъ), превозносившимъ при этомъ заслуги *Фридриха Вильгельма III* въ самыхъ превыспренныхъ выраженіяхъ, не скупясь на похвалу и по адресу прусской арміи. *Графъ Витгенштейнъ* былъ вполнѣ увѣренъ, что послѣ этой здравицы и прочихъ диѳирамбовъ, послѣдуетъ тостъ и за русскаго императора и его войско, но когда вмѣсто ожидаемаго провозглашенія участники трапезы затянули банальный и чисто буржуазный гимнъ: (Spiessbürger-Hymne) „Der König rief und alle, alle kamen", *графъ Витгенштейнъ* не вытерпѣлъ и, возмущенный безтактностью устроителей банкета, всталъ и произнесъ рѣчь, въ которой громко заявилъ, *что нужно пѣть: не Der König rief*, а *Der Kaiser rief, ибо только благодаря энергіи и настойчивости идеально безкорыстнаго императора всероссійскаго и беззавѣтному мужеству его арміи, Пруссію удалось освободить отъ иноземной тиранніи.* Не успѣлъ *графъ Витгенштейнъ* кончить, какъ поднялся неистовый крикъ и шумъ, переполненный возгласами негодованія. Со всѣхъ концовъ громадныхъ банкетныхъ столовъ раздавались требованія о немедленномъ и насильственномъ удаленіи русскихъ гостей; многіе, особенно негодовавшіе, патріоты и горячія головы обступили *Витгенштейна,* угрожая ему словами и жестами. Лишь энергичными стараніями наиболѣе благоразумной части присутствовавшихъ на банкетѣ лицъ удалось предотвратить столкновеніе, могшее имѣть очень серьезныя послѣдствія [1]). Этимъ некрасивымъ диссонансомъ закончилась эпопея пребыванія русскихъ войскъ въ Германіи. Исторія же

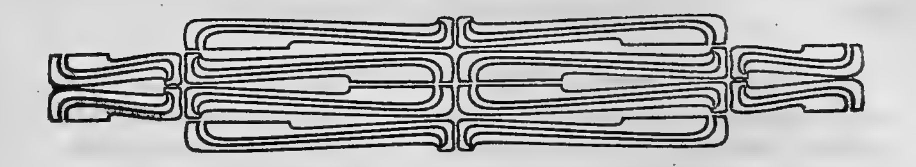
[1]) Донесеніе начальника Гумбиненскаго округа шефъ-президенту фонъ Ауэрвальду (Кенигсбергскій королевскій государственный архивъ) Königsbergsche priviligirte Hartungsche Zeitung von 7-ten August 1814.

занесла на своихъ крижаляхъ нѣсколько новыхъ страницъ съ отдѣльными главами, между которыми поучительный трактатъ о полнѣйшей непригодности, хотя бы только частичнаго примѣненія обычной семейно-гражданской или общественной нравственности къ вопросамъ внѣшней политики является самымъ важнымъ, обо онъ доказываетъ, что никакой настоящей, т.-е. не согласующейся съ жизненными интересами страны, благодарности между государствами не было, нѣтъ и *быть не можетъ*. Оказывать же безкорыстныя услуги, вплоть до благодѣянія чужому народу, не считаясь съ нуждами своего, родного, ради преслѣдованія однѣхъ общечеловѣческихъ, утопическихъ цѣлей ведетъ въ тупикъ мечтательныхъ умозрѣній, изъ котораго затѣмъ нѣтъ логическаго выхода. Въ правильности этого вывода убѣдился очень скоро Императоръ *Александръ I*, о дѣяніяхъ котораго намъ хотѣлось бы въ силу всего вышеизложеннаго поговорить только въ отдѣльной главѣ.

Сообщилъ **М. В. Станиславскій.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина [1]).

I.

Д'Аваре, Азара.

Въ продолженіе долгаго времени, а именно — во время своего пребыванія въ Веронѣ, король Людовикъ XVIII оказывалъ особенное довѣріе графу д'Аваре, гвардейскому капитану. Онъ умно разставилъ перекладныя, когда государь его спасался изъ Франціи, и король, довольный предлогомъ, оправдывавшимъ въ его глазахъ благосклонность, въ сущности, впрочемъ, неизвинительную, повторялъ съ аффектаціей, что онъ ему обязанъ жизнію. Вслѣдствіе этого, онъ позволилъ ему присвоить себѣ французскій гербъ, вмѣсто его собственнаго, герба рода Безіадъ, и прибавить къ нему, вмѣсто девиза, число того дня, когда они оба переѣхали границу королевства. Я осмѣлился спросить, что бы еще сдѣлалъ король Людовикъ XVIII въ пользу маркиза де Бульé, если бы путешествіе въ Варенъ удалось? но ослѣпленіе господина могло равняться только нахальству незначительнаго человѣка, который часто, обращеніемъ своимъ съ королемъ, приводилъ въ затрудненіе присутствовавшихъ, и, вмѣшиваясь во все съ чрезвычайной самоувѣренностію, приносилъ большой вредъ дѣламъ его величества.

Однажды, когда можно было того всего наименѣе ожидать,

[1]) Записки графа Ѳ. Г. Головкина, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, далеко не всѣ извѣстны по напечатаннымъ уже извлеченіямъ. Нѣкоторые отрывки изъ нихъ, ярко характеризующіе эпоху и самого автора, мы и предлагаемъ вниманію читателей въ русскомъ переводѣ.

прибылъ съ опасностію жизни, проѣхавъ черезъ всю Францію, адъютантъ г. де Шарета, въ качествѣ довѣреннаго лица главы Вандейскаго возстанія. Онъ привезъ извѣстія съ предложеніями самой высокой важности и проекты вполнѣ разсудительные, чего нельзя было сказать про проекты, составленные на собраніи въ Веронѣ. Какъ только этого героя ввели въ кабинетъ короля, какъ тотчасъ же въ него вошелъ г. д'Аваре, изъ внутреннихъ комнатъ и, безъ церемоній, бросился въ кресло.—„Ваше в-ство, кто это?" спросилъ пораженный вандеецъ.—„Это", отвѣчалъ король, сконфуженный дерзостью своего фаворита и гнѣвомъ военнаго, „это графъ д'Аваре, который спасъ мнѣ жизнь; онъ же и отвезетъ меня во Францію".—„Странно, ваше в-ство, что мы никогда не слыхали о немъ. Человѣкъ, вполнѣ заслужившій вашу благосклонность, долженъ бы быть отправленъ къ г. де Шаретъ". Разговоръ становился щекотливымъ и, къ довершенію неловкости, фаворитъ, желая, какъ говорится, прервать разговоръ, вынулъ часы,—и сказалъ, какъ если бы короля тамъ не было:—„шесть часовъ; я отвезу васъ сейчасъ въ оперу".—„Уже шесть лѣтъ, какъ добрые французы туда болѣе не ѣздятъ"; и вандеецъ, бросивъ презрительный взглядъ, вышелъ изъ кабинета, не ожидая приказаній короля. Шаретъ сказалъ намъ, т.-е. графу д'Е. и мнѣ:—„Предупредите короля, что если когда-нибудь онъ привезетъ намъ такихъ негодяевъ... въ Вандею, мы станемъ ихъ вѣшать". Въ виду того, что, согласно моимъ инструкціямъ [1]), я долженъ былъ находиться въ распоряженіи французскихъ принцевъ, насколько, по моимъ соображеніямъ, это могло входить въ ихъ интересы и соотвѣтствовать принципамъ моего двора, во все время пребыванія моего тамъ, я велъ дѣятельную переписку съ королемъ и его совѣтниками. Г. д'Аваре безпрестанно примѣшивалъ свою прозу, и, чтобы судить объ ея остроуміи, достаточно знать, что какъ-то онъ послалъ мнѣ пространную докладную записку съ приглашеніемъ неаполитанскому королю продать всѣ свои охотничьи экипажи, а вырученныя суммы обратить въ пользу своихъ французскихъ двоюродныхъ братьевъ. Это было все равно, какъ если бы предложить Фердинанду отказаться отъ жизни.

Здоровье г. д'Аваре, всегда очень плохое, ухудшилось еще со времени пребыванія его въ Миланѣ и заставило удаляться изъ одного климата въ другой, до Мадеры включительно, гдѣ

---

[1]) Въ бытность Головкина посланникомъ (министромъ) Россіи въ Неаполѣ (1794—1796).

онъ и умеръ. Король, въ подтвержденіе своего мнѣнія, которое всегда старался высказывать относительно его заслугъ, потому что не могъ уже болѣе его терпѣть, возвелъ отца его въ герцогское достоинство и званіе гардеробмейстера, назначивъ большіе оклады и, что еще хуже того,—съ утвержденіемъ герба. Безіады были не знатнаго рода, но отецъ графа д'Аваре, перваго герцога, женился на M-lle де Нель, сестрѣ княгини де Монбарей и извѣстной графини Куялисъ, и такимъ путемъ достигъ пріѣзда ко двору.

Король былъ слишкомъ уменъ, чтобы разсчитывать убѣдить меня въ истинѣ воображаемыхъ услугъ и заслугъ графа д'Аваре. Не зная, до какой степени мой взглядъ на все, касавшееся его, былъ точенъ и ясенъ, онъ вообразилъ, что повѣряетъ мнѣ настоящую причину своей привязанности, съ его точки зрѣнія безъ сомнѣнія, именно что этотъ почтенный и достойный другъ, видя, насколько, въ бытность свою въ Кобленцѣ, государь его увлекается графинею Бальби, открылъ ему глаза на эту опасную женщину, и такимъ образомъ оградилъ его репутацію со стороны нравовъ и безопасности. Я все это разсказалъ герцогу Вогижонъ и графу С.-При, и они согласились, что его в-ство злоупотребляетъ правомъ обращаться со мной, какъ съ иностранцемъ, слишкомъ разсчитывая на мое незнаніе дѣла и легковѣріе. Впослѣдствіи, когда дѣло шло о г-жѣ Заило, узнали, что его в-ству всегда было пріятно, чтобъ его подозрѣвали въ небольшой склонности къ прекрасному полу. Дѣло въ томъ, что онъ, отъ рожденія, былъ лишенъ самаго утонченнаго чувства, чувства красоты, и слѣдовательно ничто никогда не могло содѣйствовать къ его развитію.

Шевалье д'Азара, бывшій такъ долго испанскимъ министромъ въ Римѣ и умершій посланникомъ въ Парижѣ, былъ, по его словамъ, сициліанецъ незнатнаго происхожденія. Это былъ человѣкъ средняго роста, носившій отпечатокъ благородства, съ сильнымъ характеромъ, замѣчательнаго ума и обладавшій познаніями преимущественно по древней литературѣ и искусствамъ. Каждое утро, безъ исключенія, перечитывалъ онъ Горація. У него было слишкомъ много такта и вкуса, чтобы его цитировать, особенно по-латыни, но можно было замѣтить, что поэтическій духъ, которымъ отличалась его бесѣда, былъ воспитанъ въ этой высокой школѣ. Онъ былъ другъ и покровитель Менга. Артисты и писатели, если только были сколько-нибудь того достойны, находили въ немъ мецената.

Сначала онъ былъ извѣстенъ по своему управленію Римомъ,

которое раздѣлялъ съ нимъ кардиналъ Берни, французскій повѣренный въ дѣлахъ. Дружба ихъ, основанная на короткости ихъ ежедневныхъ сношеній, всегда была искренна. Кардиналъ обладалъ кротостью и мягкостью въ той же степени, какъ шевалье—силой и высокомѣріемъ; одинъ успѣвалъ тамъ, гдѣ другой терпѣлъ неудачу. Г. де Берни дополнялъ г. д'Азара въ ловкости, а послѣдній придавалъ энергію первому. Что ускользало отъ перваго, легко давалось второму. По смерти кардинала, Азара остался одинъ господиномъ Рима. Привычка, болѣе чѣмъ религія, составляла основу папскаго могущества, и, со времени французской революціи и послѣ превратностей судьбы, испытанныхъ австрійскимъ императорскимъ домомъ, Испанія одна, можно сказать, поддерживала величіе папскаго престола. Преждевременно утомленный человѣческими слабостями и политическими ошибками, испанскій министръ обратился къ филантропической системѣ, которая отнимала у него часть энергіи.

Онъ не вдругъ увидалъ, до какой степени уклонился отъ своихъ собственныхъ принциповъ и отъ законовъ своего положенія и, гордый воспоминаніями о власти, которой владѣлъ онъ въ продолженіе полувѣка, полагалъ, что достаточно было его „Quos ego“ для удаленія всякой опасности. Онъ полагалъ также, что, занявъ Толентинское ущелье, черезъ которое Бонапартъ готовился перейти, онъ своимъ краснорѣчіемъ и логикой заставитъ вернуться вспять человѣка, для котораго не было преградъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Азара вдался въ обманъ, наравнѣ съ Франціей и всѣмъ міромъ, и честь его пострадала также наравнѣ съ честью другихъ; по крайней мѣрѣ извиненіемъ ему служили его прошлые успѣхи и хорошія намѣренія. Въ разсчетъ человѣческаго самолюбія входитъ преувеличеніе значенія проступковъ тѣхъ, которые казались наименѣе способными ихъ сдѣлать, потому-то такъ много людей, стоявшихъ несравненно ниже Азара по своимъ талантамъ и характеру, старались наложить темныя пятна на поведеніе, а впослѣдствіи и на память шевалье Азара. Вслѣдствіе этого именно я вмѣнилъ себѣ въ обязанность воздать должное памяти Азара, хотя и не раздѣлялъ его мнѣній, отдать справедливость этому благородному и открытому характеру, который никогда не сбивался съ пути чести, и осмѣлился стать выше своего положенія и данныхъ ему инструкцій, когда ему грозила опасность удалилися отъ него. Сейчасъ увидятъ, что я говорю о немъ съ знаніемъ дѣла. Буду стараться оправдать испанскаго министра, основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ его долгой политической карьеры.

Этотъ мало интересный въ данное время предметъ прольетъ нѣсколько свѣта на другіе, которые въ томъ нуждаются, и всегда будутъ возбуждать интересъ.

Климентъ XIV такъ мало разсчитывалъ быть папой, что въ самый день возведенія его въ это достоинство, видя Азара у рѣшетки конклава, поцѣловалъ у него руку съ просьбой оказать ему покровительство у будущаго первосвятителя. Это былъ бѣдный монахъ, очень застѣнчивый, по привычкѣ искавшій себѣ покровителей. Ученые не могли понять, почему г. Карраччіоли и другіе писатели хотѣли его выставить въ исторіи за геніальнаго человѣка. Когда испанскій министръ пришелъ съ поздравленіемъ то сказалъ ему: „Обращаюсь съ первой просьбой къ вашему святѣйшеству". — „Могу ли отказать въ чемъ-нибудь своему благодѣтелю?"—„Просьба моя заключается въ томъ, чтобы вамъ хорошенько обмывали ноги, потому что этому не придаютъ особаго значенія". Я откровенно разспрашивалъ министра относительно смерти Климента XIV. Вотъ его отвѣтъ: „Что бы тамъ ни говорили писатели и романисты, знайте, что жизнь этого бѣднаго человѣка никогда ничѣмъ другимъ не была отравлена, какъ только страхомъ передъ ядомъ. Это положительно трусъ, умершій отъ страха". Предчувствія, безпрерывная боязнь его, были такъ сильны, что, вручая кардиналу Берни папскую грамоту объ уничтоженіи іезуитовъ, онъ сказалъ ему:—„Вы этого хотѣли: это мой смертный приговоръ", и съ этой минуты—впалъ въ агонію. Г. кардиналъ Берни разсказывалъ противное. (Я это слышалъ, между прочимъ, отъ герцоговъ де Ноайль и де Лаваль): онъ приписывалъ смерть отравѣ.

Никто при папскомъ дворѣ не возбуждалъ такъ досады г. Азара, какъ Пій VI. Во-первыхъ, вслѣдствіе возведенія его въ папское достоинство, изъ-за котораго Азара едва не лишился мѣста, потому что мадритскій дворъ не хотѣлъ одно время признавать новаго папу. Поведеніе Брочи считалось скандалезнымъ: онъ рано достигъ кардинальскаго пурпура, и вовсе не каноническими путями, но судьба явно покровительствовала счастливцу. Испанскій дворъ получилъ о томъ извѣстіе объ избраніи съ отвращеніемъ. Карлъ III горько плакалъ и думалъ отмѣнить баллотировку. Азара нуждался во всѣхъ своихъ умственныхъ способностяхъ и въ дѣйствительной бодрости духа, чтобы воспрепятствовать этому большому скандалу и, быть можетъ, церковной схизмѣ, тѣмъ болѣе опасной для религіи, что враги его, уже явно озлобленные, не пропустили бы такого благопріятнаго случая осмѣять

своего властителя. Но новый папа заставилъ его дорого поплатиться за такую большую услугу. Онъ былъ до того упрямъ и грубъ, что каждый день бывали новыя непріятности. Испанскій министръ назначилъ ему въ государственные секретари Буонкомпаньо, умнаго и знатнаго человѣка, младшаго брата князя Піомбино, съ которымъ у него ежедневно бывали непріятности болѣе, или менѣе важныя. Однажды у нихъ дѣло дошло до того, что св. отецъ ударилъ кардинала, который, въ свою очередь, взявъ его святѣйшество за воротъ, порядкомъ поколотилъ его. Г. Азара, тотчасъ же предувѣдомленный объ этой сценѣ, отправилъ слишкомъ горячаго кардинала въ Болонью, а самъ отправился потомъ въ Ватиканъ, гдѣ ожидалъ его папа съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Какъ только папа завидѣлъ его издали, такъ закричалъ: „Разскажу вамъ неслыханный случай".—„Все знаю, св. отецъ, и мнѣніе мое безповоротно".—„О! негодяй представилъ вамъ это дѣло по-своему".—„Я ему вѣрю: онъ слишкомъ знатнаго рода, чтобы снизойти до лжи".—„Я желаю, чтобъ вы меня выслушали".—„Хорошо". Разсказъ былъ очень длиненъ, а св. разсказчикъ—очень вспыльчивъ, по обыкновенію.—„Ну, что вы о томъ думаете теперь?"—„Думаю, что кардиналъ держалъ себя по-княжески, а папа—не лучше лакея".

Тонъ г. Азара съ св. коллегіей (соборомъ кардиналовъ) былъ тонъ визиря съ рабами. Азара самъ находилъ его смѣшнымъ, неприличнымъ, но считалъ необходимымъ, и оставлялъ его не иначе, какъ съ людьми дѣйствительно достойными, что производило тогда большой эффектъ, какъ вообще нѣчто рѣдкое, выдающееся. Онъ меня такъ сильно полюбилъ, что бывало, когда я замѣчалъ передъ обѣдомъ, что я находилъ общество слишкомъ многочисленнымъ, или недостаточно избраннымъ, то приказывалъ приносить два прибора въ гостиную, гдѣ мы обѣдали вдвоемъ, и посылалъ принцессу Сантакросъ въ столовую для пріема гостей. Помню фактъ, который особенно поразилъ меня, хотя самъ по себѣ былъ ничтоженъ. Доложили о кардиналѣ, приверженцѣ Австріи.—„Его надо принять. Вотъ уже десять разъ со вчерашняго дня, какъ онъ проситъ допустить его до меня". Кардиналъ входитъ, говоритъ нѣсколько словъ на ухо шевалье, котораго легкій пароксизмъ подагры удерживаетъ на кушеткѣ.—„Жалѣю, что подумалъ, будто ваше в-ство пріѣхали только поблагодарить меня за посланныя книги; но ничего не потеряно. Я пошлю за римскимъ губернаторомъ, намою ему порядкомъ голову, и дѣло уладится".

Кардиналъ удалился. Послали за губернаторомъ; съ нимъ обошлись, какъ съ послѣднимъ изъ людей, и, полтора часа спустя, кардиналъ вернулся благодарить за быстро оказанную справедливость. Дѣло шло объ убійствѣ его повара. Мнѣ необходимо было привести нѣсколько подобныхъ анекдотовъ, чтобы сдѣлать болѣе правдоподобнымъ тотъ, который сейчасъ разскажу; онъ послужитъ отвѣтомъ всѣмъ, хотѣвшимъ выдать г. Азара за якобинца и измѣнника дѣлу Бурбоновъ.

Это было въ 1794 г. Маленькій король Людовикъ XVII только-что умеръ въ рукахъ негодяевъ, которымъ поручили его особу. Азара, какъ и я, былъ въ личныхъ отношеніяхъ и велъ правильную переписку съ *Monsieur* (братомъ Люловика XVI, графомъ Прованскимъ, впослѣдствіи Людовикомъ XVIII), поселившимся въ Веронѣ и признаннымъ регентомъ меньшинствомъ дворовъ. Легко было предвидѣть, что принцъ приметъ титулъ короля, но державы и всѣ наши дозволятъ ли смуты? Могли ли бы мы взять на себя отвѣтственность за инпціативу! Могли ли мы, не считая личнаго чувства, дать примѣръ низости?—„Другъ мой, сказалъ мнѣ Азара, не знаю, что сдѣлаетъ мой дворъ, но знаю хорошо, что онъ долженъ сдѣлать, и я придамъ величія новому королю". Мнѣ, молодому русскому посланнику было не такъ легко, какъ старому министру, увѣренному въ своемъ кредитѣ, разрѣшить такое деликатное дѣло, но я всегда полагалъ, что главное нужно быть благороднымъ, и мы, первые во всей Европы, признали вдвоемъ Людовика XVIII. Когда я принесъ свою ноту шевалье, для отправленія вмѣстѣ съ его, онъ мнѣ сказалъ:—„Это не все: надо заставить папу сдѣлать то же, и какъ у васъ нѣтъ никакой оффиціальной роли, вы можете начать атаку. Если получится успѣхъ, то это будетъ важный шагъ, который можетъ увлечь за собой общественное мнѣніе. Если же намъ не удастся, то, по крайней мѣрѣ, мы поступимъ, какъ люди благонамѣренные. Послѣ полудня отправился я въ Ватиканъ. Кардиналъ Зелада, государственный секретарь, былъ предупрежденъ заранѣе и впустилъ меня къ папѣ. Его святѣйшество принялъ меня, по обыкновенію, очень хорошо; но я засталъ его такимъ боязливымъ, нерѣшительнымъ, и къ тому же столь естественно упорнымъ относительно всего, что не выходило изъ его святѣйшаго мозга, что мнѣ надо было отказаться отъ славы внушить ему идею, какъ бы ни была она прилична и серьезна по послѣдствіямъ, которыя могла повести за собою. Г. Азара не потерялъ бодрости духа, и на слѣдующее

же утро самъ принялся за атаку. Послѣдовали просьбы и отказы, возраженія и упорство, угрозы и упрямство. Наконецъ обоюдная вспышка. Министръ вышелъ изъ себя и, въ присутствіи служащихъ прелатовъ, наполнявшихъ пріемную, закричалъ папѣ:— „Ваше в—ство, вы были и будете всегда глупцомъ!“ Св. отецъ, привыкшій, въ продолженіе 30 лѣтъ, къ внутреннему раздору, затаилъ новую обиду, но затѣмъ еще болѣе упорствовалъ въ желаніи не признавать старшаго сына церкви. Впослѣдствіи, когда Испанія, перемѣнивъ систему, завела сношенія съ національнымъ конвентомъ, Азара написалъ королю Людовику XVIII: „Говорятъ, что дворъ мой ведетъ переговоры съ Франціей. Не знаю, будетъ ли продолжаться пенсія вашему в-ству (36 тысячъ піастровъ), но умоляю ничего не предпринимать по этому поводу. Всѣмъ, что я имѣю, я обязанъ покойному королю Карлу III, моему доброму государю. Я получилъ состояніе свое отъ Бурбоновъ, и оно должно перейти къ Бурбонамъ. Глава ихъ дома не долженъ стѣсняться принять доказательства признательности человѣка, который служитъ имъ уже 40 лѣтъ“. Въ то время какъ Азара это писалъ, онъ уже содержалъ на свой счетъ въ Римѣ французскихъ принцессъ и ихъ свиту.

Самая непріятная миссія, которую долженъ былъ выполнить г. Азара въ продолженіе своей долгой дипломатической карьеры, возложена была на него королемъ Карломъ III, который относился къ Азара съ особеннымъ уваженіемъ. Слѣдовало поѣхать въ Неаполь съ письмами, въ которыхъ заключались усиленныя просьбы къ королю Фердинанду заточить королеву въ монастырь или тотчасъ же отправить ее въ Вѣну. Но слабость сына разрушила справедливость отца. Оба двора помирились только со смертію послѣдняго, и гнѣвъ королевы не имѣлъ ни границъ, ни конца. Министръ, болѣе спокойный, забавлялся тѣмъ, что приводилъ въ отчаяніе принцессу, которую, къ тому же, публично обвинялъ, будто она хотѣла его отравить. Одна изъ самыхъ удачныхъ его мыслей лучше всего осуществилась, когда онъ велѣлъ поставить въ испанскомъ дворцѣ, въ Римѣ, большую картину, на которой изображенъ былъ король обѣихъ Сицилій, на колѣнахъ принимавшій свои владѣнія, какъ даръ отеческой любви.

Пріѣхавъ впослѣдствіи въ Римъ, королева, съ самой границы, даже форейторамъ, говорила объ Азара, называя его не иначе, какъ плутомъ, испанскимъ негодяемъ. Когда карета остановилась передъ дворцомъ Фарнезе, королева тогда

только вышла, когда римскій губернаторъ увѣрилъ ее честнымъ словомъ, что Азара выбылъ изъ города, чего онъ не могъ не сдѣлать, вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ папы. Тѣмъ не менѣе въ случаяхъ, повторявшихся ежедневно все чаще и чаще, когда слѣдовало отдѣлить частные интересы отъ общихъ, министръ придерживался образа дѣйствій, достойнаго общественнаго дѣятеля и честнаго человѣка. Приведу примѣръ достаточно сильный, который не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его лояльности и откровенности. Регентъ Швеціи, герцогъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи Карлъ XIII, поссорился съ неаполитанской королевой, вслѣдствіе оказанной ею протекціи барону Армфельдъ, шведскому министру въ Италіи, замѣшанному въ заговоръ противъ этого принца, который напрасно старался овладѣть имъ въ Неаполѣ. Послѣдовало объявленіе войны, довольно неосторожное со стороны Швеціи, въ виду ея сношеній съ востокомъ, но такъ какъ обѣ воюющія стороны не могли сразиться оружіемъ, то съ обѣихъ сторонъ прибѣгнули къ перу самыхъ адскихъ составителей пасквилей. Королева, боясь новаго памфлета, который выпуститъ на ея счетъ г. Актонъ, синьоръ Пиранети, шведскій агентъ въ Римѣ, повѣрила мнѣ свои новыя опасенія. Я хотѣлъ убѣдить ее отнестись къ памфлетамъ съ полнымъ презрѣніемъ, но, вмѣсто того, чтобы принять такой мудрый совѣтъ, она умоляла меня спасти ее отъ новаго оскорбленія, мысль о которомъ преслѣдовала ее даже во снѣ. Я обѣщалъ подумать о томъ. На слѣдующій день новыя настоятельныя просьбы. Тогда я высказалъ ей, что у меня только одно средство повиноваться ей, средство, которое однако не удобно ни предложить, ни принять. Королева пожелала знать какое. Средство заключалось въ томъ, чтобы обратиться къ шевалье Азара, который, будучи распорядителемъ въ Римѣ, одинъ могъ запретить, или перехватить пасквиль. Что касается меня, я такъ полагался на принципы этого министра, что вполнѣ былъ увѣренъ въ возможности получить отъ него начальническое распоряженіе, необходимое для успокоенія ея в-ства. Сперва она и слышать не хотѣла; не опасность казалась ей неминуемой, и она согласилась на все. Однако, въ виду того, что при этомъ дворѣ осторожность была далеко не лишняя, я поставилъ условіе ожидаемой отъ меня услуги. Я долженъ былъ написать письмо въ кабинетѣ королевы, предоставивъ ей заботу его отправить. Она прочитала его, секретарь ея запечаталъ письмо, и оно было отправлено. Нѣсколько дней спустя прибылъ изъ Рима на мое имя огром-

ный тюкъ. Это было все изданіе и манускриптъ пасквиля. Письмо, сопровождавшее его, было вскрыто только у королевы, которая не устояла противу желанія его прочесть. Азара увѣдомлялъ меня между прочимъ:—„Совѣтую вамъ обратить особенное вниманіе на доказательство уваженія, которое съ удовольствіемъ даю вамъ. Достаточно было одного вашего вмѣшательства, чтобы заставить уважать королевскую корону на той, которая столь недостойна носить ее. Клянусь вамъ всѣмъ для меня священнымъ, что нѣтъ болѣе ни одного листка памфлета ни въ манускриптѣ, ни въ печати; но въ то же время примите совѣтъ не такъ легкомысленно оказывать услугу людямъ, неспособнымъ ее оцѣнить". Дѣйствительно, когда королева захотѣла меня погубить, она поставила въ число причинъ недовольства мной, что, будучи аккредитованъ при ея особѣ, я поддерживалъ такія близкія сношенія съ ея смертельными врагами, что съ обѣихъ сторонъ принесены были большія жертвы. Я полагаю, что впослѣдствіи г. Азара снѣдало большое горе, но безъ угрызенія совѣсти, при воспоминаніи о неудачѣ его переговоровъ въ Толентино. Онъ жилъ, какъ и слѣдовало честному человѣку, привыкшему къ успѣху, но жилъ очень дурно, и слѣдовало простить его врагамъ, также, какъ и всѣмъ незнавшимъ его, за дурное сужденіе о немъ. Его манера держать себя во Франціи была въ зависимости отъ его привычекъ. Однажды, когда Бонапартъ сдѣлалъ видъ, будто не видитъ его и повернулся къ нему спиною, Азара сказалъ громко своимъ сосѣдямъ: „Императоръ думаетъ разсердить меня: онъ видно не знаетъ, что я нисколько не цѣню его вниманія".—Бонапартъ покраснѣлъ, и минуту спустя, обернувшись, притворился удивленнымъ.—„А! вы здѣсь, г. посланникъ, а я васъ искалъ..," и обошелся съ нимъ какъ нельзя любезнѣе. Возвратившись какъ-то изъ дворца Бонапарта, онъ сѣлъ на кушетку и испустилъ духъ. Ему было тогда за 70 лѣтъ.

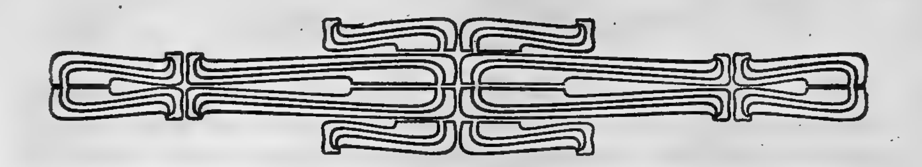
Разговоръ его былъ содержателенъ, остеръ, игривъ, откровененъ, и Іосифъ II, наслаждаясь имъ въ Римѣ, имѣлъ къ нему полное довѣріе, основанное на уваженіи къ его личнымъ достоинствамъ. Когда предметъ разговора увлекалъ Азара, у него являлось вдохновеніе, которое всегда удивляло и часто увлекало все собраніе. Когда рѣчь зашла за столомъ о памфлетахъ, осыпавшихъ насъ, кто-то нескромно замѣтилъ, что, по ихъ мнѣнію, 4/10 наслѣдниковъ престола были незаконнорожденные.—„Что за бѣда"? живо воскликнулъ Азара: „говорятъ, что Астурійскій принцъ сынъ г. Далокастро, но опять

скажу, какое кому до того дѣло! его воспитываютъ и готовятъ быть королемъ. Испанцы знаютъ, что у нихъ долженъ быть король. Тотъ ли, другой ли, только бы онъ зналъ дѣло и сдѣлалъ ихъ счастливыми. Вотъ главное. Одни измѣнники и дураки откажутся ему повиноваться. Я готовъ это прокричать на мадритскихъ улицахъ, совершенно такъ, какъ говорю здѣсь".

Сообщилъ **Е. С. Шумигорскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова [1]).

(Петербургской губерніи Лужскаго уѣзда).

Іюня 4-го. Съ утра отправивъ письмоводителя впередъ, поѣхалъ къ обѣднѣ за 24-е версты въ погостъ Чупрова Гора, предположивъ соединить двѣ волости, Чупровскую и Вычелобскую въ одну подъ названіемъ Зарѣчная волость.

Въ церкви слышалъ пѣніе пяти крестьянскихъ дѣвочекъ, на клиросѣ довольно стройно. Священникъ, у котораго послѣ обѣдни пилъ кофе, разсказалъ, что мысль о такихъ пѣвчихъ пришла ему оттого, что по дорогѣ домой они обыкновенно пѣли священныя пѣсни. Вотъ простой и естественный путь по пріученію и выбору желающихъ.

Пріѣхавъ въ д. Ивну, я нашелъ оба волостныхъ схода соединенными и велѣлъ имъ назначить содержаніе лицамъ, служащимъ по выбору, а самъ вошелъ въ избу старика Егора Иванова и за стаканомъ чаю велъ съ нимъ бесѣду во многомъ поучительную.

Часа два толковали и кричали сосѣди съ разныхъ сторонъ, соединенные въ одно цѣлое, наконецъ сговорились и положили по примѣру Передольской волости: старостѣ—550 р., писарю—150 р., судьямъ по 50 р., о чемъ немедленно составленъ приговоръ, грамотные подписались, а прочіе всѣ поименованы.

По окончаніи приговора я хотѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ и пришлось протолковать болѣе часа. Здѣсь выразились свободно нѣсколько крестьянскихъ толковъ, напр. о бобыляхъ, какъ не работникахъ помѣщику, понятія были у каждаго свои,

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1914 г.

но когда имъ сказано, что законъ признаетъ только два вида не работниковъ: до 18 и за 55 лѣтъ, это они поняли. О смѣшанной повинности всѣ толки были односторонни въ пользу крестьянъ, но когда имъ это объяснено по закону, то одни поняли, а другіе видимо не желали понимать, и представитель послѣднихъ крестьянинъ д. Румели Осипъ старался одинъ за всѣхъ утверждать свое. Приказать замолчать значило бы испортить дѣло, и я обратился къ нему такъ:

— Эвона! Осипъ, да ты, кажется, лучше меня знаешь новое положеніе, ну такъ ступай, стань на мое мѣсто, говори, а я буду слушать.

Вдругъ дерзкое и самоувѣренное выраженіе лица исчезло, мужикъ покраснѣлъ и началъ пятиться, скрываясь въ задніе ряды,—толпа молчала, слѣдила за его отступленіемъ, прошло минуты двѣ, и я обратился къ ближайшему:

— Нутка, повтори, о чемъ было говорено?

Мужикъ замялся, я помогъ, и онъ препорядочно повторилъ по-своему главный смыслъ сказаннаго. Объ Уставныхъ грамотахъ я говорилъ много, ясно и громко, останавливался, спрашивалъ по одиночкѣ и видѣлъ, что всѣ хорошо понимаютъ. Явилось много скрытыхъ идей, напр.:—„Стало, послѣ 20-ти лѣтъ земля будетъ наша, значитъ, мы за нее заплатимъ въ сроки. Такъ ли?

— Нѣтъ, ребята, чтобы была ваша, надо ее купить по согласію, а казна вамъ поможетъ, иначе ты, какъ постоялецъ въ домѣ, будешь платить за квартиру, а наймомъ дома не купишь.

— Понимаемъ.

Или еще:

— Старостамъ и выборнымъ ходить на сходы въ свои дни или въ барскіе?

— Да, вѣдь, вы видите, что сходы въ воскресенья или праздники, а это чьи дни?

— Такъ, батюшка, понимаемъ.

— А въ навозъ повозиться давать ли на барщину?

— Давайте, коли вамъ для сберега лошади такъ лучше, а что я сказалъ о работникахъ и бобыляхъ?

— Такъ, такъ, понимаемъ.

Всего не пересказать, а было многое, въ чемъ надо было выстоять умѣючи передъ хитростью нашего народа.

Въ 2-хъ едва образовавшихся волостяхъ явилось два примѣрныхъ случая сельскаго судопроизводства.

1. Въ д.д. Бору и Рѣчьи Торожковской волости оброчники, состоящіе на смѣшанной повинности, отказались отъ работы въ числѣ 9-ти дней въ лѣто и ослушались наряда сельскаго старосты, за что на первомъ волостномъ сходѣ приказано тому же старостѣ штрафовать. На другой же день каждый приговоренъ заплатить по 1 р. въ мірскую кассу, и всѣ 19-ть человѣкъ вышли на работу.

2. Въ Кологородской волости крестьянинъ Семенъ изъ дер. Чеюлы, проѣзжая изъ города пьяный, обругалъ волостного старшину. Сельское правленіе осудило его на два дня въ общественныя работы, но этотъ приговоръ не утвержденъ, и виновный преданъ волостному суду.—На волостномъ сходѣ три волостныхъ судьи рѣшили:

„Хотя и слѣдовало бы виновнаго подвергнуть тѣлесному наказанію 50-и ударовъ, но, какъ онъ былъ пьянъ, то на первый разъ, взыскавъ съ него 5 р., нарядить на 6 дней въ работу на большую дорогу рыть канаву, чтобы всякій ѣдущій и идущій его видѣлъ и зналъ, а прежде всего испросить ему покорное прощеніе у старшины“.

При утвержденіи въ этомъ приговорѣ денежное взысканіе посредникомъ отмѣнено въ уваженіе искренняго раскаянія виновнаго.

Старостѣ и сельскому сходу сдѣлано замѣчаніе за слабое понятіе о званіи волостного старшины.

Іюня 8-го. Отправлено письмо къ П. А. Валуеву съ приложеніемъ письма изъ Казани о слѣдствіи, въ Безднѣ производившемся.

Былъ исправникъ Манкошевъ и мировой посредникъ, А. Ф. Марковичъ. Первый сказалъ о неудачныхъ распоряженіяхъ двухъ посредниковъ. Со вторымъ переговорено многое объ общихъ дѣлахъ, при чемъ видно было, что молодой человѣкъ, полный усерднаго желанія на пользу общую и руководимый здравымъ соображеніемъ, призналъ за лучшее: записать свои недоумѣнія и обратиться за разрѣшеніемъ къ моему опыту въ дѣлахъ. Съ одной стороны это дѣлаетъ честь его скромности, а съ другой доставляетъ существенную пользу дѣлу.

Цѣлыхъ три часа мы не вставали съ мѣста, такъ много надо было объяснить и частнаго и общаго. Между прочимъ онъ принялъ къ сердцу просьбу крестьянъ, оставшихся безъ земли, отчужденной помѣщику.

Оказалось, что крестьяне государственные, и до нихъ намъ дѣла нѣтъ.

Но мы, какъ люди, а не посредники, можемъ имъ помочь,—

это дѣло другое, не по формѣ, а по совѣсти,—потому я принялъ ходатайство на себя, объяснивъ, что должны быть избраны довѣренные, получена копія съ рѣшенія суда и т. д.

Помѣщикъ В. Н. Трофимовъ изгналъ дороваго, записаннаго въ крестьянахъ, не желая подвергнуться отвѣтственности, тотъ пришелъ жаловаться на свою безпріютность. Я отправилъ его обратно къ помѣщику съ тѣмъ, чтобы жилъ два года, какъ прежде, кланялся отъ меня и сказалъ, что если нужна на это бумага, то я дамъ отъ себя.—Тѣмъ дѣло кончилось.

Дворовая женщина г-жи Стасюлевичъ пришла жаловаться, что ей за 50-тъ лѣтъ, и помѣщица ее выгнала, не желая кормить. Послалъ старшину вмѣстѣ съ нею къ помѣщицѣ, и оказалось, что баба разсердилась и сама ушла. Г-жа оставила ее у себя на прежнемъ основаніи.

Пришелъ больной крестьянинъ, жалуясь что его гонитъ на барщину управитель г-жи Энгельгардъ.—Данъ порошекъ отъ лихорадки и приказано сельскому старостѣ считать его больнымъ, покуда не пойдетъ на свою работу.

15-го іюня. Пришелъ слѣпой мужикъ изъ д. Турова, Максимъ, и жаловался, что его племянница, Дарья, 14-ти лѣтъ, живя во дворѣ г. Селавинова, не пожелала быть горничной злой госпожи и за то наказана ста розгами мировымъ посредникомъ А. Ф. Оболенскимъ.—Слѣпой стоялъ на колѣняхъ прося защиты отъ такого самоуправства.

— Да какъ же я буду судить другого посредника, подумай самъ, Максимъ.

— Да, батюшка, вѣдь я твоего участка, ты нашъ благотворитель, научи какъ знаешь: кого просить? куда писать? у меня есть знакомые въ Лугѣ, напишутъ хоть Царю, вѣдь теперь стало вольно, проси что хошь, тамъ что сдѣлаютъ, неизвѣстно, а за прошенія не такъ, какъ прежде, не наказываютъ.

— Ну, хорошо, Максимъ, дай показаніе, а я поговорю съ тѣмъ посредникомъ, можетъ, и такъ обойдется.

— Ну такъ, такъ—такъ, оно и лучше, но только, батюшка, не оставляй ты сироты у злой женщины; люди знаютъ, что она своихъ горничныхъ зубами кусаетъ.

— Да правда ли?

— Правда, ей-ей, правда, спроси у кого хошь, а то почему бы и Дарьѣ не служить, у добраго человѣка можно служить, а у ней, вишь, опасно, ну, сирота и не желаетъ, боится.

18-го. Мировой съѣздъ открылся въ 6 часовъ вечера избраніемъ предсѣдательствующаго за отсутствіемъ предводителя.

Единогласно просили меня. Чтеніе журналовъ прошлаго засѣданія длилось долго; во время подписи А. А. Назимовъ, предъявивъ бумаги, полученныя отъ военнаго губернатора, требующаго его заключенія о тяжести повинностей и качества его управляющаго имѣніемъ Тирана,—выразилъ, что принимать на себя рѣшенія такого рода онъ не желаетъ.—Еще прежде того, узнавъ отъ г. Марковича, что подобное затрудненіе можетъ лишить насъ такого почтеннаго товарища, при самомъ открытіи засѣданія, я успѣлъ убѣдить г. Назимова оставить эту мысль и намѣреніе,—онъ далъ мнѣ слово и руку.—Затѣмъ г.г. Унковскій и Миллеръ, имѣющіе также въ своихъ участкахъ деревни Тирана, согласились участвовать въ заключеніи; А. Ф. Марковичъ тоже присоединился, и потому рѣшено съѣхаться у меня въ субботу, чтобы поговорить и составить требуемое заключеніе сообща для представленія съѣзду.

Изъ дѣлъ, бывшихъ въ этотъ день, рѣшили многіе вопросы, внесенные посредниками, между прочими по 1-му участку соединены двѣ волости въ одну Торожковскую и утверждено единогласно возобновленіе строеній въ д. Горки, если г. Карамышевъ не согласится на данную подписку крестьянъ; дѣло примѣрное основано на ст. 77 мѣстнаго Положенія, которой помѣщику предоставляется 6-и-лѣтній срокъ на переселеніе.

Передъ засѣданіемъ я отвелъ въ сторону А. Ѳ. Оболенскаго и показалъ ему прошеніе слѣпца Максима, онъ огорчился и сказалъ, что поѣдетъ къ губернатору, но послѣ засѣданія просилъ моего совѣта, какъ бы это кончить; обѣщавъ свое содѣйствіе, я попросилъ его объ одномъ: чтобы наказанная дѣвочка не была горничною, а поступила въ прежнюю общую работницу по мызѣ, что онъ и обѣщалъ.

Вообще засѣданіе прошло мирно, все, что было на очереди, рѣшено окончательно, и мы разъѣхались почти въ полночь, назначивъ снова съѣздъ 30-го числа въ 5 часовъ вечера.

Нельзя не сказать, что подобные съѣзды дѣйствительно разъясняютъ многое и пренія бываютъ интересныя, хотя наше жалкое *я* и играетъ важную роль, но, вѣдь, это неизбѣжно: гдѣ человѣкъ, тамъ и зло, однако съ своей стороны надѣюсь, что наше общее дѣло, несмотря на великую важность и трудность, будетъ подвигаться впередъ. Что касается до крестьянъ, то я почти увѣренъ въ ихъ довѣріи, съ которымъ можно сдѣлать многое, но помѣщики и помѣщицы особенно съ управителями удивительно слабо понимаютъ духъ времени и средства къ успѣху. На съѣздѣ было высказано много подтвержде-

ній тому. Напр.: Тиранъ загородилъ воду отъ крестьянъ цѣлой деревни, другой видитъ доселѣ свое спасеніе въ побояхъ и наказаніяхъ, третій желаетъ невозможнаго и винитъ во всемъ посредника; большая часть не читали Положенія или хотятъ толковать статьи отдѣльно, какъ имъ выгоднѣе, и т. д., словомъ: добрая воля къ возможному преуспѣянію доселѣ еще въ меньшинствѣ. Безъ сомнѣнія, время многое измѣнитъ, но какъ главный органъ дѣйствій заключенъ въ посредникахъ, то едва ли возможно исполнить заданное въ два года. Уставныя грамоты доселѣ камень преткновенія, ихъ мало понимаютъ и мало желаютъ, а безъ нихъ нельзя перейти окончательно къ новому порядку въ хозяйствѣ.

Трудное, великое дѣло, одинъ Богъ можетъ благословить и устроить доброе начинаніе по святой истинѣ текста: „Невозможное человѣку возможно Богу"!

20 іюня. Въ исполненіе рѣшенія мирового съѣзда получили письмо отъ г. Карамышева, черезъ ту же вдову Ѳедосью, которая увольнялась,—оно начиналось такъ:

„М. Г. Если Вы считаете себя въ правѣ отпускать кого Вамъ угодно изъ людей, находящихся въ услуженіи у помѣщиковъ, то не угодно ли будетъ Вашему Превосходительству самимъ объявить имъ рѣшеніе и т. д.".

Прочитавъ это, я велѣлъ имъ выдать отъ волостного правленія билеты на полученіе паспортовъ изъ казначейства. Это начало тѣхъ безчисленныхъ претензій, которыми будутъ угощать посредниковъ. Пусть такъ, но я по всему вижу, что если бы меня въ числѣ посредниковъ не было, то многое пошло бы иначе,—слава Богу, за все!

Былъ и слѣпецъ, Максимъ, собравшійся идти къ Царю въ Красное Село съ жалобою на посредника Оболенскаго. Несмотря на его слѣпое, сильное негодованіе, кажется, мнѣ удалось его убѣдить оставить это намѣреніе. По его словамъ, добрые люди давали ему на это 10 рублей съ тѣмъ, что выиграешь, отдашь, а нѣтъ такъ пусть пропадутъ.

Явился плотникъ Павелъ съ жалобою на притѣсненія подрядчика:

— Да кто жъ тебя прислалъ?

— Да на дорогѣ женщина сказала: поди къ нему, онъ все справитъ.

Но какъ онъ былъ изъ Костромы, подрядчикъ то же, то и отправлены къ становому, на другой же день приславшему его

съ приказомъ къ сотскому, — не взявъ ни копейки. Вотъ это я называю прогрессомъ.

Въ письмѣ къ Валуеву я просилъ о бланкахъ для Уставныхъ грамотъ и сравнивъ ходъ народной администраціи съ пересаженнымъ деревомъ, которое, найдя почву благопріятную, начинаетъ пускать корни—хоть до листьевъ и плодовъ еще очень далеко.

Вчера, бывъ у одного изъ посредниковъ, А. А. Назимова, я нашелъ его прежде всѣхъ въ положеніи будущаго фермера. Изъ множества дворовыхъ онъ оставилъ только необходимыхъ, платитъ хорошее жалованье, напр., мужу съ женою по 12 р. въ мѣсяцъ и очень доволенъ. Но ему это было легче другихъ: ихъ двое, мужъ да жена; къ тому же послѣдняя, бывъ молода, успѣла сдѣлать 12.000 верстъ, такъ, конечно, можетъ обойтись меньшимъ, привынувъ къ быту дорожному.

24 іюня. Сегодня обѣщали у меня съѣхаться для предварительнаго совѣщанія четыре посредника, а пріѣхали двое и потомъ секретарь мирового съѣзда фонъ-Тильманъ де Вальдекъ. Пріѣхавшій Назимовъ и Марковичъ обѣдали, ходили по полямъ смотрѣть хозяйство, наконецъ за чаемъ на балконѣ прочитали бумагу, составленную Назимовымъ, и говорили очень многое объ общихъ дѣлахъ. Главнымъ предметомъ разговора были выходы предводителя, соединившагося съ Земскою полиціею противъ мирового съѣзда по неустройствамъ крестьянъ въ с. Уторищи. А. А. Назимовъ взялъ на себя переговорить о томъ съ Пантелѣевымъ, чтобъ кончить по возможности мирно. Марковичу я передалъ прошеніе крестьянъ его участка на помѣщика Мартьянова; прочитавъ, онъ огорчился и пожежалъ имъ это замѣтить, но я просилъ его точно также принимать и отъ моихъ на меня жалобы, чтобы претензіи крестьянъ имѣли истокъ, иначе мы потеряемъ ихъ довѣріе, съ чѣмъ онъ согласился. Пришли крестьяне изъ Нѣжговецъ тоже жаловаться на его дѣйствія по переселенію, но я отправилъ ихъ съ добрымъ совѣтомъ ожидать конца терпѣливо.

26-го іюня. Изъ небывшихъ г.г. посредниковъ Унковскій пріѣхалъ, но меня не засталъ, а Миллеръ прислалъ письмо. Отъ Лужской дворянской опеки получилъ жалобу г. Караваевой на крестьянъ имѣнія наслѣдниковъ Ренни и отвѣчалъ, что г. опекунша, продавъ лѣсъ и лугъ, находившіеся въ пользованіи крестьянъ, и торгуя мѣстами подъ усадьбы, не можетъ въ настоящее время оставаться опекуншею, о чемъ и будетъ представлено мировому съѣзду.

27-го іюня. Былъ В. И. Трофимовъ и резъяснилъ мнѣ, что онъ отказался отъ кандидатства по неумѣнію Пантелѣева и вообще отзывался о немъ не выгодно. Онъ былъ бы лучшій предводитель, если бы удалось сбыть съ рукъ, хотя и добраго, но пустѣйшаго Пантелѣева.

Какъ знать, можетъ быть оттого онъ и не посредникъ, что кромѣ его нѣтъ другого предводителя на случай необходимости. Раздѣливъ съ нимъ трудность настоящаго положенія, я былъ очень доволенъ, что онъ готовъ вступить на службу и пользу обществу, это было бы дѣйствительное пріобрѣтеніе для уѣзда во многихъ отношеніяхъ.

Сообщила **А. А. Половцова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Николая Михайловича Пржевальскаго.

(По случаю 25-лѣтія со дня смерти).

Н. М. Пржевальскій былъ первымъ отважнымъ путешественникомъ, которому удалось избороздить своими смѣлыми маршрутами всю внутреннюю часть Азіатскаго материка. По отношенію къ своей научной подготовкѣ онъ не уступалъ самымъ лучшимъ современнымъ африканскимъ путешественникамъ. Офицеръ генеральнаго штаба, бывшій преподаватель географіи и прекрасный натуралистъ, онъ совмѣщалъ въ себѣ познанія въ математической и физической географіи съ познаніями въ зоологіи и ботаникѣ и съ замѣчательной наблюдательностью и талантливостью. Рѣдкія же личныя его качества какъ путешественника— беззавѣтная отвага, предпріимчивость, выносливость и, наконецъ, энергическая сила воли, подчиняющая своему вліянію все его окружающее, давали орлиный полетъ всѣмъ его предпріятіямъ и внушали къ нему безграничное довѣріе насъ—его спутниковъ...

Въ теченіе болѣе нежели двадцатилѣтняго періода—съ 1867—1888 гг. Пржевальскій провелъ въ путешествіяхъ въ сложности около десяти лѣтъ. Маршруты имъ пройденные и снятые въ предѣлахъ застѣннаго Китая составляютъ свыше тридцати тысячъ верстъ, образуя цѣлую сѣть глазомѣрныхъ съемокъ, опирающихся на 63 имъ же опредѣленныхъ пунктахъ, не говоря уже о громадномъ числѣ гипсометрическихъ измѣреній. Понятно, какой драгоцѣнный матеріалъ для картографіи и орографіи Азіи дали экспедиціи Пржевальскаго. Если же принять въ соображеніе, что Н. М. Пржевальскій путешествовалъ и по непомѣрно высокимъ центрально-азіатскимъ нагорьямъ и по песчанымъ пустынямъ во всѣ времена года и вездѣ производилъ метеорологическія наблюденія и записи, то понятно также, какіе цѣнные матеріалы для метеорологіи дали его путешествія...

Но самыя крупныя заслуги Пржевальскаго относятся къ изученію органической жизни Центральной Азіи. По отношенію къ ея растительному покрову неутомимый изслѣдователь собралъ всѣ типическіе образцы его: и въ роскошныхъ и теплыхъ Ганьсуйскихъ долинахъ, и на сырыхъ подснѣжныхъ лугахъ тангутскихъ альповъ, и въ раскаленныхъ песчаныхъ пустыняхъ Алашаня и Лобъ-нора, и въ безводныхъ и безжизненныхъ холодныхъ пустыняхъ высокаго Тибетскаго нагорья... По отношенію къ подводному царству животныхъ Пржевальскій ознакомилъ насъ и съ разнообразными насѣкомыми, то гнѣздящимися въ дикихъ горныхъ ущельяхъ на верховьяхъ Голубой рѣки, то зарывающимися въ подводныхъ пескахъ раскаленной пустыни, то собирающимися массами около быстро испаряющихся водъ и по мѣрѣ ихъ высыханія перелетающими цѣлыми тучами на еще уцѣлѣвшія воды пустыни; и съ рыбами, живущими въ замкнутыхъ и неимѣющихъ стока озерныхъ бассейнахъ, и съ гадами, вообще довольно рѣдкими во внутренности Азіатскаго материка, и съ птицами, то гнѣздящимися подобно фазанамъ на берегахъ рѣкъ, то перелетающими черезъ весь Азіатскій материкъ отъ Индѣйскаго юга къ Сибирскому сѣверу, и съ крупными звѣрями, пасущимися въ своемъ первобытномъ полурайскомъ состояніи на роскошныхъ, но безлюдныхъ пастбищахъ Тибетскаго нагорья, при чемъ Пржевальскому удалось добыть впервые экземпляры описаннаго Маркомъ Поло горнаго барана (Ovis Polii) и первобытныхъ праотцовъ нынѣ самыхъ полезныхъ домашнихъ животныхъ, а именно дикаго верблюда и дикую лошадь, названную въ честь славнаго путешественника Equus Przewalskii. Словомъ весь этотъ растительный и животный міръ былъ, можно сказать, новооткрытымъ для науки, и справедливо оцѣнила Академія Наукъ заслуги Н. М. Пржевальскаго, когда она на оборотѣ золотой медали, выбитой ею въ честь знаменитаго путешественника, изобразила слова: „Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“...

Знаменитый геологъ и путешественникъ по Китаю, предсѣдатель Берлинскаго Географическаго Общества, баронъ Рихтгофенъ, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе Большой Гумбольтовской медали, первое по ея учрежденіи, свидѣтельствуетъ, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаетъ его геніальнымъ путеше-

ственникомъ, обладающимъ необыкновенной наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ этотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ... Въ частности говоря объ Алтынъ-тагѣ, Рихтгофенъ считаетъ научное открытіе Пржевальскимъ этого хребта поразительнымъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково важное значеніе, какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія среднеазіатскихъ народныхъ отношеній.

Президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи Общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временъ Марко-Поло, и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и какъ натуралиста; при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянныя и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самаго счастливаго и отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

Президентъ Шведскаго Географическаго Общества, которое въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ — Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки—Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представляетъ свою страну въ географической наукѣ.

„Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, говоритъ нашъ соотечественникъ академикъ-ботаникъ К. И. Максимовичъ, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ пріобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ

вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученыя экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его... Впечатлѣніе, въ особенности въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда описаній колоніальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаменитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималаи, до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его вышеупомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва-ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и неимовѣрнымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только сумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ.

Научныя заслуги Н. М. Пржевальскаго всегда находили лестную оцѣнку и съ высоты престола.

По волѣ монарха, двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго былъ законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько позднѣе былъ поставленъ величественный памятникъ и у могилы Пржевальскаго, на высокомъ берегу Иссыкъкуля. Иссыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ Тяньшанскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла карта Азіи, на бронзовомъ листѣ, съ нанесеніемъ маршрутовъ путешественника; въ клювѣ орла оливковая вѣтвь— эмблема мирныхъ завоеваній науки...

Городъ Караколъ былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

Памяти Пржевальскаго посвящено нѣсколько біографій, изъ которыхъ наиболѣе полная составлена академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ и такъ прекрасно издана другомъ Пржевальскаго— генераломъ Ф. А. Фельдманомъ.

Но рядомъ съ такими оцѣнками, которыми единодушно удостоивали заслуги Н. М. Пржевальскаго вся Россія, съ ея

вѣнценосными вождями во главѣ, и всѣ ученыя учрежденія Западной Европы, слышались иногда и нѣкоторыя критическія замѣчанія о его дѣятельности.

Упрекали Н. М. Пржевальскаго въ пренебреженіи не только къ китайской администраціи, но и къ китайской цивилизаціи и ко всей китайской исторической и географической литературѣ. Собственно пренебреженіе Пржевальскій выказывалъ, и выказывалъ совершенно основательно, только къ существовавшимъ тогда китайскимъ административнымъ порядкамъ и къ боевымъ силамъ Серединной Имперіи, особливо въ Застѣнномъ Китаѣ, гдѣ китайскіе администраторы съ одной стороны коварно создавали русскимъ путешественникамъ всякія препятствія и затрудненія, а съ другой—опасались ихъ главнымъ образомъ потому, что нравственная сила русскихъ заключалась въ ихъ обходительности и гуманности по отношенію къ туземцамъ и въ ненависти сихъ послѣднихъ къ китайцамъ. При такихъ условіяхъ Н. М. Пржевальскій указывалъ на совершенное безсиліе Китая въ застѣнныхъ его владѣніяхъ и на полнѣйшую безопасность всей нашей пограничной линіи съ Китаемъ, самой длинной изъ междугосударственныхъ границъ земного шара. Горячіе споры, которые возбуждались тогда противъ такого мнѣнія, категорически высказываемаго Пржевальскимъ, въ свое время разрѣшены событіями Японо-Китайской войны и такъ называемымъ боксерскимъ возстаніемъ въ Китаѣ безусловно въ пользу безошибочности взглядовъ Пржевальскаго; къ исторіи же Китая и его древней цивилизаціи пренебреженія Пржевальскій никогда не имѣлъ. Китайскія географическія сочиненія мало интересовали Пржевальскаго, потому что, будучи по преимуществу изслѣдователемъ природы, умѣющимъ смѣло и свободно читать во время своихъ отважныхъ странствованій открытыя только для естествоиспытателей страницы книги природы, мало интересовался чтеніемъ такихъ авторовъ, для которыхъ не только эта книга была закрыта, но и самая ея азбука непонятна. Послѣдствіемъ этого было, конечно то, что Пржевальскій, будучи мало знакомъ съ единственною до него географическою литературою о посѣщенныхъ имъ странахъ—китайскою—мало обращалъ вниманія на китайскія и вообще туземныя названія урочищъ и въ особенности горъ и озеръ и давалъ имъ собственныя названія. Но и въ этомъ отношеніи упрекъ, дѣлаемый Пржевальскому, едва-ли безусловно справедливъ. Вездѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай узнать туземныя названія, онъ ихъ исключительно и придерживался;

когда же онъ шелъ безъ проводниковъ въ безлюдныхъ пустыняхъ, то по праву перваго изслѣдователя онъ давалъ урочищамъ свои названія, которыя нерѣдко попадали и на предметы, уже издавна имѣвшіе свои опредѣленныя туземныя названія. Но развѣ не такъ же поступали и другіе путешественники и развѣ гора Эверестъ и озеро Викторія не имѣли туземныхъ наименованій?.. Подобная синонимія, мнѣ кажется, не приноситъ никакого вреда.

Двадцатаго октября 1913 года минуло двадцать пять лѣтъ со дня смерти незабвеннаго Пржевальскаго. Незадолго передъ тѣмъ Петербургъ командировалъ меня на могилу славнаго русскаго путешественника.

Императорское Русское Географическое Общество, Императорская Академія Наукъ, Императорскій Ботаническій Садъ Петра Великаго, Генеральный Штабъ и прочія просвѣтительныя учрежденія, гордившіяся славою Пржевальскаго, объединились мыслью воздать должное свѣтлой памяти покойнаго изслѣдователя Центральной Азіи. Каждое изъ этихъ ученыхъ учрежденій поручило мнѣ въ юбилейный день возложить на могилу Пржевальскаго свой серебряный вѣнокъ съ соотвѣтствующей надписью.

Восемнадцатаго сентября я оставилъ Петербургъ.

Оренбургская желѣзная дорога приблизила сердце русской Средней Азіи къ родной столицѣ. Вѣдь только четверо съ половиной сутокъ—и вы въ резиденціи туркестанскаго генералъ-губернатора. Подобно Закаспійской желѣзной дорогѣ, Оренбургская—созданіе смѣлое, съ огромнымъ значеніемъ не только въ будущемъ, но даже и въ настоящемъ, и въ своемъ цѣломъ заслуживаетъ больше похвалы и удивленія, чѣмъ порицанія и нападокъ.

Переѣздъ отъ Оренбурга, среди оренбургскихъ степей, живо напомнившихъ мнѣ таврическія степи, полонъ глубокаго интереса. Равнинныя оренбургскія степи и кочевое населеніе постепенно смѣняются пустыней сначала солончаковой, потомъ песчаной, съ характерными представителями растительнаго царства: саксауломъ, тамарискомъ, хармыкомъ и другими. На горизонтѣ играетъ миражъ. Тамъ и сямъ проносятся пустынные больдуруки (Syrrhaptes paradoxus). Сыръ-Дарья мало оживляетъ монотонность страны, въ особенности тамъ, гдѣ она протекаетъ въ высокихъ обрывистыхъ берегахъ... Зато въ ея

низинахъ, гдѣ на безконечное пространство потянулись заросли камыша, съ ярко-синими площадями озерокъ, все живетъ и движется. Безчисленныя стаи разнообразныхъ утокъ плаваютъ и перелетаютъ, нисколько не страшась поѣзда. Въ самыхъ укромныхъ уголкахъ одинокія сѣрыя цапли и выпи неподвижно стоятъ надъ болотинами и внимательно смотрятъ въ воду. Поѣздъ мчится мимо, и разнообразныя картины быстро смѣняютъ одна другую.

Туркестанъ—великолѣпный край: бирюзовое небо, яркое солнце и въ осеннее время средне-россійскій лѣтній воздухъ. Въ сердцѣ страны, Ташкентѣ, жизнь бьетъ ключемъ; городъ растетъ и развивается...

Въ мой пріѣздъ, въ Ташкентѣ состоялось соединенное засѣданіе туркестанскаго отдѣла Географическаго Общества и кружка любителей археологіи. Залъ городской думы былъ переполненъ. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель Географическаго Общества А. С. Галкинъ сказалъ привѣтственное слово и предложилъ мнѣ познакомить собраніе съ результатами моей Монголо-Сычуанской экспедиціи и съ цѣлью настоящей поѣздки на Иссыкъ-куль...

...Въ осеннее время переѣздъ на Иссыкъ-куль носилъ характеръ пріятной прогулки. Каждый день приближалъ къ завѣтной цѣли; особеннымъ образомъ сжалось сердце при видѣ грандіознѣйшей картины природы Центральной Азіи, при въѣздѣ въ дикое каменистое ущелье „Буамъ“, выведшее путника въ обширную, сказочно-красивую и привѣтливую долину Иссыкъ-куля.

Погасли сумерки... Спустилась на землю ночь, когда мы приблизились къ западной окраинѣ озера. Среди облаковъ проскальзывала луна, картинно разливавшая свой таинственный свѣтъ по поверхности водъ и по далекой снѣговой цѣпи Тянь-Шаня.

Въ воздухѣ стояла торжественная убаюкивающая тишина. Волны шептались съ берегомъ... До насъ долетали звуки многочисленныхъ утокъ, гусей и рѣдкіе крики священныхъ бѣлоснѣжныхъ лебедей... Отъ обаянія ласки природы, я невольно какъ-то вздрагивалъ, мнѣ живо чувствовалось, живо представлялось, какъ тѣ же волны на восточномъ берегу шепчутся съ подножьемъ дорогой для всѣхъ и святой для меня могилы Пржевальскаго.

Мы ѣхали быстро, но мысль еще быстрѣе насъ неслась къ изголовью усопшаго. Образъ Пржевальскаго воскресалъ все ярче и ярче.

Какъ при самой первой встрѣчѣ моей въ моемъ юномъ возрастѣ, такъ и теперь,—я сталъ видѣть живой образъ великаго учителя. Предо мной живо встала его величественная фигура, весь онъ; я увидѣлъ его красивую орлиную голову,

Каракольское ущелье.

увидѣлъ его оригинальныя движенія. Какъ прежде, такъ и теперь онъ не походилъ на остальныхъ людей и какъ прежде глубокимъ взглядомъ строгихъ и красивыхъ голубыхъ глазъ,—казалось, проникалъ въ самую душу...

Въ такихъ мечтахъ и грезахъ утромъ шестого октября мы

прибыли въ городъ Пржевальскъ и уютно расположились въ любезно приготовленной намъ представителями города квартирѣ...

Симпатичный городокъ Пржевальскъ расположенъ у подножья величественнаго Тянь-Шаня, съ одной стороны, и въ со-

Джетыогузское ущелье (вверхъ отъ ключей).

сѣдствѣ прекраснаго незамерзающаго бассейна Иссыкъ-куля—съ другой. Будучи поднятъ на 5.400 футовъ надъ моремъ, Пржевальскъ питается холодными прозрачными водами рѣчки „Караколъ" („Черная рука"), берущей начало въ каракольскихъ ледникахъ и впадающей въ двѣнадцати верстахъ ниже города, въ

восточный заливъ Иссыкъ-куля... Названіе рѣчки было присвоено и городу, насчитывающему до 14.000 жителей, изъ которыхъ большая половина русскихъ и меньшая—туземцевъ: сартовъ и дунганъ.

Къ числу выдающихся особенностей Пржевальска, его духовной жизни, слѣдуетъ отнести то отрадное обстоятельство, что этотъ городъ при годовомъ бюджетѣ въ шестьдесятъ тысячъ рублей тратитъ на народное образованіе половину. Я не могу назвать другого такого города на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества... И этому городу суждено носить имя одного изъ славныхъ, доблестныхъ сыновъ Россіи... Имя, которое довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ, и общеизвѣстномъ...

Если Оренбургская желѣзная дорога оживила Туркестанъ и приблизила его къ сердцу Россіи, то вновь строящійся рельсовый путь на Вѣрный и Джаркентъ оживитъ и приблизитъ къ столицамъ все Семирѣчье, и въ частности Пржевальскъ, съ его чудными, болѣе поэтическими, нежели Швейцарія, картинами природы... Чтобы убѣдиться въ дѣйствительности сказаннаго о красотахъ природы, стоитъ лишь взглянуть на фотографическіе снимки, хотя бы съ двухъ прилежащихъ къ городу Пржевальску ущелій Тянь-Шаня—Каракольскаго и Джетыогузскаго, расположенныхъ отъ востока къ западу.

Каждое изъ этихъ ущелій имѣетъ свою прелесть, каждое богато растительной и животной жизнью и каждое создаетъ своеобразную красоту и оживленіе вѣчнымъ шумомъ водъ, стремительно, иногда даже каскадами низвергающихся по камнямъ и разбрасывающихъ свои жемчужные брызги далеко по сторонамъ.

Джетыогузское ущелье кромѣ того славится своими горячими цѣлебными источниками.

Въ эти ущелья съ началомъ лѣта нѣкоторые обитатели Пржевальска переселяются словно номады и положительно благодушествуютъ до осени, хотя большинство зажиточныхъ пржевальцевъ по-прежнему устраивается на дачахъ, расположенныхъ по красивому восточному берегу Иссыкъ-куля, у подножья памятника Н. М. Пржевальскаго. Иссыкъ-куль очень соблазнителенъ своимъ превосходнымъ купаньемъ...

Въ заключеніе замѣтки о Пржевальскѣ скажемъ нѣсколько словъ о дунганахъ—китайскихъ мусульманахъ...

Дунгане переселились изъ Китая въ Россію, въ Семирѣчье и приняли русское подданство въ 1877-мъ году, послѣ бурной и отчаянной борьбы съ угнетавшимъ ихъ китайскимъ владычествомъ. Предводителемъ и вожакомъ дунганъ явился смѣлый, энергичный съ желѣзной волей человѣкъ, по имени Би-ян-хо, который до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни властно управлялъ всѣмъ новымъ, только что создавшимся селеніемъ Каракунузъ. Это послѣднее расположено въ восьми верстахъ къ сѣверу отъ Токмака, въ горахъ.

По одеждѣ своей дунгане напоминаютъ китайцевъ, и только за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ покрой ихъ платья началъ измѣняться и походить на одежду сартовъ. Женскій костюмъ, правда, пока еще не утратилъ своей самобытности...

Жилищемъ дунганъ служатъ китайскія фанзы, обыкновенно обсаженныя ветлами, тополями или карагачами; вблизи дома можно зачастую встрѣтить очень порядочный огородъ, гдѣ разводятся по преимуществу картофель и капуста, и фруктовый садъ изъ персиковыхъ деревьевъ. Главное занятіе дунганъ—хлѣбопашество (сѣютъ пшеницу), слабымъ подспорьемъ котораго служатъ мелкая торговля и извозъ. Необходимо отмѣтить, что дунгане, вообще говоря, очень трудолюбивый народъ, которому легко дается всякая работа; если къ этимъ качествамъ прибавить еще полное отсутствіе пьянства, то станетъ понятнымъ, почему среди нихъ почти совершенно нѣтъ нищихъ.

Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религію, но, несмотря на это, они имѣютъ, обыкновенно, одну жену, которая и является хозяйкой въ домѣ. Брачнымъ возрастомъ у дунганъ считается—для парней восемнадцать лѣтъ, а для дѣвушекъ, которыхъ уже съ четырнадцати лѣтъ держатъ взаперти, четырнадцать, пятнадцать. Сватовство и свадебный обрядъ совершается у нихъ слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день молодой человѣкъ отправляетъ къ родителямъ дѣвушки, которую онъ желаетъ посватать, отъ двухъ до четырехъ человѣкъ своихъ близкихъ друзей, среди которыхъ должна быть непремѣнно хоть одна женщина, могущая высмотрѣть невѣсту. Посланные направляются въ намѣченный домъ, и, послѣ обычнаго привѣтствія, заключающагося у дунганъ, какъ и у китайцевъ, въ вопросѣ: „принималъ ли пищу“?, и незначительныхъ разговоровъ, приступаютъ къ дѣлу. Если родители дѣвушки изъявляютъ согласіе, то сваты являются уже на слѣдующій день въ сопровожденіи муллы (священника) и, послѣ короткой молитвы, передаютъ невѣстѣ подарки—серьги и платокъ. Тутъ же назначается

день для уплаты калыма. Калымъ состоитъ изъ двухъ большихъ ямбъ (слитковъ) серебра—около 200 рублей на наши деньги, идущихъ въ пользу родителей дѣвушки, и различныхъ украшеній самой молодой. Обычно женихъ даритъ ей браслетъ, булавки, серебряные цвѣты для украшенія волосъ, маленькое зеркальце, съ шелковыми разноцвѣтными кистями на серебряной шейной цѣпочкѣ, шерстяныя и шелковыя матеріи, полный женскій костюмъ и, наконецъ, отъ восьми до двѣнадцати барановъ, съ окрашенными фуксиномъ спинами. Въ тотъ же день родители невѣсты передаютъ сватамъ отъ ея имени подарки жениху—кольцо, чалму, халатъ, рубаху, штаны, башмаки съ чулками, жареную курицу, прикрытую бумажнымъ колпакомъ въ формѣ пѣтуха и двадцать хлѣбовъ.

Въ день свадьбы женихъ, котораго всегда можно отличить по яркой цвѣтной перевязи, идущей крестъ на крестъ по груди, со сверстниками подъѣзжаетъ къ дому невѣсты и осторожно останавливается по-одаль, изъ страха, чтобы знакомые и родные дѣвушки не сдернули его съ лошади или, вообще, не посмѣялись надъ нимъ. Въ это время у невѣсты уже всѣ въ сборѣ—гостей иногда бываетъ до ста человѣкъ — гости сидятъ передъ накрытыми столами. Какъ только подадутъ первое кушанье, женихъ входитъ въ фанзу и, приближаясь по очереди къ каждому столу, дѣлаетъ глубокій поклонъ, послѣ чего уѣзжаетъ къ себѣ домой. Товарищи молодого парня остаются до окончанія обѣда, когда приглашаютъ всѣхъ гостей переночевать въ домъ жениха. Поѣздъ, по обычаю, должна открывать невѣста, которую везутъ въ сопровожденіи какой-нибудь родственницы-старушки, въ особой крытой повозкѣ, убранной красной матеріей. Невѣсту выходятъ встрѣчать двѣ женщины и одинъ мужчина — родственникъ молодого, который и вноситъ ее на рукахъ въ особую саклю, гдѣ ея дѣвичью косу причесываютъ уже по-женски. Послѣ длинной нравоучительной рѣчи муллы, которую онъ произноситъ громко, такъ чтобы ее могла слышать молодая, начинается обѣдъ, во время котораго невѣста, уже одѣтая по-женски, выходитъ къ гостямъ и молчаливымъ движеніемъ руки благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за вниманіе. Вечеромъ того же дня снова собираются друзья и знакомые, которые стараются различными шутками и прибаутками сблизить молодыхъ. Около девяти — десяти часовъ всѣ расходятся, и новобрачные остаются одни.

Послѣ мѣсячнаго сожительства жена возвращается къ своимъ родителямъ и живетъ у нихъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца;

то же повторяется и черезъ годъ, послѣ чего супруги уже никогда не разлучаются.

При рожденіи ребенка, по обыкновенію, присутствуетъ опытная женщина, которая и обмываетъ его теплой водой, а затѣмъ

Дунганская свадьба. Подарки во дворѣ жениха. Рѣчь муллы къ свадебнымъ гостямъ. Наставл. въ будущ. жизни и пожел. благополучія.

его не купаютъ больше до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не будетъ въ состояніи умыться.

Имя ребенку дается муллою въ самый день рожденія, такъ какъ, по обычаю, дитя, не имѣющее имени, не можетъ быть кормлено грудью.

На десятый день, въ домъ, гдѣ совершилось событіе, приходятъ гости съ поздравленіями и подарками. Послѣ сытнаго обѣда всѣ немедленно удаляются, такъ какъ этикетъ не позволяетъ въ этотъ день лишняго сидѣнія.

Мальчикамъ, въ возрастѣ отъ десяти—двѣнадцати лѣтъ, торжественно дѣлается обрѣзаніе, въ присутствіи многочисленныхъ приглашенныхъ.

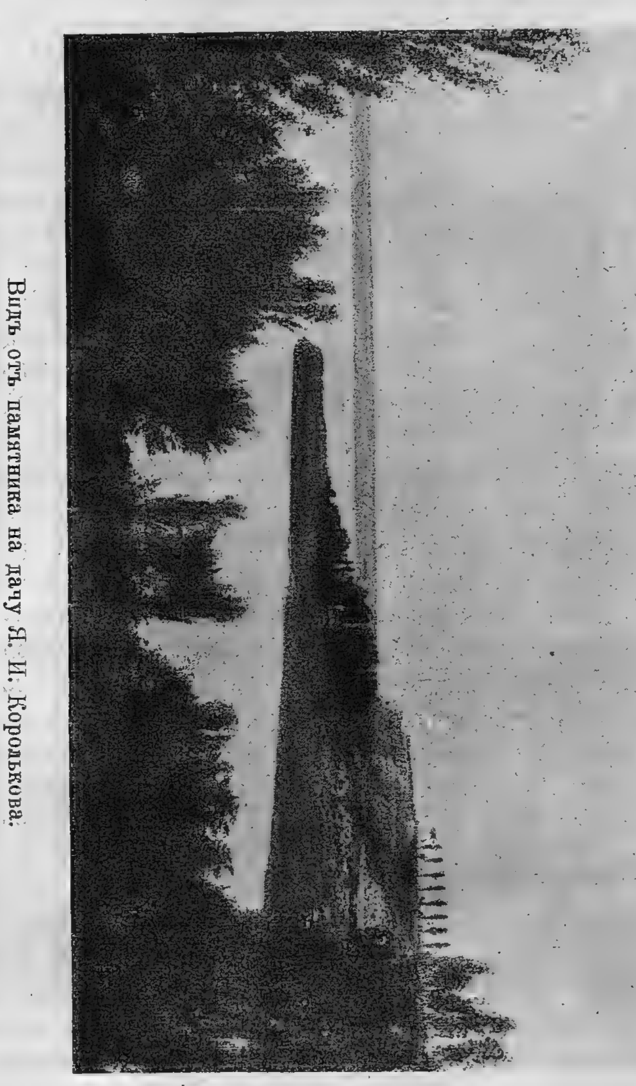
Женщина-дунганка играетъ въ семьѣ не послѣднюю роль; кромѣ шитья платья и обуви и заботъ по кухнѣ, на обязанности ея лежитъ еще попеченіе о дѣтяхъ, которыя относятся къ матери съ большимъ уваженіемъ и любовью. Мужъ всегда уважаетъ жену, и въ ихъ отношеніяхъ не замѣтно и тѣни того пренебреженія, которое мы видимъ среди киргизъ.

Разводы среди дунганъ — явленіе крайне рѣдкое. Женщина старается не показываться никому изъ постороннихъ мужчинъ и, если въ ея домъ собираются гости, она удаляется въ особую саклю, куда могутъ проникнуть только ея пріятельницы.

Дунгане, вообще говоря, люди очень нравственные, строгіе, трудолюбивые и порядочные во всѣхъ или почти во всѣхъ отношеніяхъ. Умственныя способности ихъ довольно высоки, что особенно замѣчается среди дѣтей, которыхъ родители непремѣнно отдаютъ въ школы. Не довольствуясь грамотою, которой ихъ учатъ муллы, дѣти продолжаютъ свое образованіе въ русскихъ школахъ, и при умѣломъ преподаваніи, каково было, напримѣръ, преподаваніе В. Ф. Ладыгина въ дунганскомъ селеніи Каракунузъ (до участія его въ экспедиціяхъ Императорскаго Географическаго Общества) выказываютъ недюжинныя способности.

По пріѣздѣ въ Пржевальскъ больше нежели прежде, всѣ наши мысли, всѣ наши желанія были направлены къ дорогой могилѣ Пржевальскаго. Черезъ часъ-другой мы подъѣзжали къ ней... Знакомыя мѣста, знакомая дорога, но новый для меня тополевый паркъ шумитъ своею не совсѣмъ опавшею листвою. Въ аллеѣ мелькнулъ красивый мавзолей. Сердце до боли сжалось. Еще нѣсколько минутъ, и я у могилы, у изголовья дорогого Николая Михайловича... Припавъ къ намогильной гранитной плитѣ, я чувствовалъ живое сильное общеніе съ духомъ великаго учителя... Опять образъ Пржевальскаго воскресалъ все ярче и ярче...

Съ первыхъ лѣтъ знакомства и дружбы съ Н. М. Пржевальскимъ, я уже проникся сознаніемъ, что человѣкъ въ тѣсномъ общеніи съ природой дѣлается лучшимъ. Своимъ обаяніемъ природа захватываетъ человѣка и дольше сохраняетъ въ

Видъ отъ памятника на дачу Я. И. Королькова.

немъ чистоту, цѣльность и чуткость души. Среди природы человѣкъ легче дышетъ, шире мыслитъ, глубже чувствуетъ, чище любитъ. Николай Михайловичъ особенно любилъ и особенно понималъ душу природы и ея волшебную красоту. Въ городахъ онъ былъ нервнымъ, раздражительнымъ и на города

смотрѣлъ, какъ на раззолоченныя клѣтки; среди же природы Пржевальскій всегда былъ нѣжный и обаятельный.

Среди той же природы азіатскихъ горъ особенно восторгалась чуткая душа Пржевальскаго. Онъ говорилъ, словно пѣлъ гимнъ природѣ. „Сколько разъ я былъ счастливъ, сидя одиноко на высокихъ горныхъ вершинахъ! Сколько разъ я завидовалъ пролетавшему мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя. Лучшимъ дѣлается человѣкъ въ такія минуты. Словно поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ картинъ природы“...

И природа или судьба подслушала этотъ признательный гимнъ Пржевальскаго, поняла его желаніе: онъ, горячо любившій природу, спитъ въ ея дѣвственныхъ объятіяхъ на высокомъ берегу Иссыкъ-Куля, въ предѣлахъ вѣчно манившей его Нагорной Азіи... Обѣ цѣпи Тянь-Шаня, покрытыя снѣгомъ, блестятъ и искрятся на солнцѣ какъ въ серебрѣ. Между цѣпями горъ широко разстилается изумрудная поверхность прелестнаго незамерзающаго бассейна...

Пріѣхавъ въ Пржевальскъ за двѣ недѣли до вѣчно памятнаго *двадцатаго октября*, мы имѣли возможность часто бывать у дорогой могилы, у тѣни усопшаго, и любоваться красотами природы не только днемъ, но даже и ночью... любоваться и невольно чувствовать могучій духъ незабвеннаго Пржевальскаго...

Знаменательный день 25-лѣтней годовщины смерти Николая Михайловича собралъ къ дорогой Россіи могилѣ почти весь Пржевальскъ, все русское и инородческое населеніе: у могилы и памятника стояло много народу, стоялъ и я—его ученикъ и послѣдователь. Какъ въ день похоронъ, такъ и въ день двадцатаго октября въ голубомъ прозрачномъ небѣ красиво скользило яркое солнце, Тянь-Шань отливалъ блескомъ снѣговъ, Иссыкъ-куль темной синевой, а надъ нами парилъ царственный грифъ-монахъ...

За торжественной панихидой у могилы усопшаго послѣдовалъ парадъ 2-го баталіона 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго полка [1])... Среди гробовой тишины и величія окружающей при-

[1]) Доблестный командиръ котораго, подполковникъ М. А. Болотовъ, былъ въ то же время и начальникомъ гарнизона города Пржевальска.

роды особенно трогательны для души были звуки „Коль славенъ“...

Могила и памятникъ горды величіемъ. Намогильная плита убралась вѣнками. Какъ бронзовый орелъ, вѣнчающій памятникъ и сторожащій безцѣнный прахъ героя-путешественника—Пржевальскій леталъ за грань русской земли, за хребты и пустыни и всякій разъ возвращался съ богатой добычей. Онъ зналъ, что надо изучать, онъ зналъ, что надо взять для обогащенія отечественныхъ музеевъ и какъ орелъ на своихъ могучихъ крыльяхъ, приносилъ родинѣ богатства и славу. Своими полетами въ Центральную Азію Пржевальскій увлекался и увлекалъ другихъ ему сопутствовавшихъ юныхъ птенцовъ, которыхъ онъ воспитывалъ, училъ и натаскивалъ на самостоятельный путь. Четыре великихъ полета совершилъ Н. М. Пржевальскій, на пятомъ — злокачественный недугъ остановилъ его.

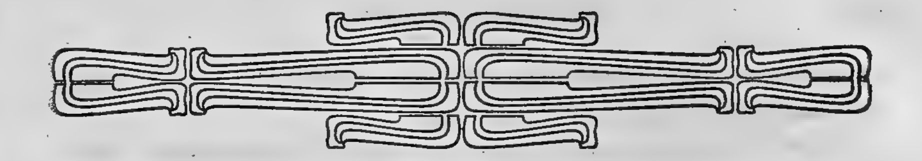
Какъ орелъ, Пржевальскій приспустилъ крылья и сказалъ:— „Теперь я лягу, но лягу здѣсь, на стражѣ русской земли у порога дорогой родины, у синяго простора озера, у подножья Небеснаго хребта. А вы, мои птенцы, доканчивайте начатое мною святое дѣло“! Тѣсной дружбой и горячей любовью къ своимъ ученикамъ-спутникамъ Н. М. Пржевальскій привилъ къ нимъ безсмертіе его идеи, и дѣйствительно мы можемъ сказать: „Умеръ Пржевальскій, но безсмертна его идея“!

Николай Михайловичъ скончался на порогѣ пятаго путешествія; какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣдней своей книгѣ, кромѣ инструкціи, какъ путешествовать въ Центральной Азіи, еще и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ,—скромно называя свои труды научными рекогносцировками...

Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его! Найдемъ въ нашей географической средѣ отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе Центральной Азіи.

П. Козловъ.

Какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ[1].

Въ 1885 году минуло ровно 25 лѣтъ со времени подписанія Айгунскаго трактата въ Пекинѣ, заключеннаго графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ съ китайскими уполномоченными въ 1858 году, по которому весь Амуръ, а также и Уссурійскій край вплоть до порта Посьета, на границѣ Кореи, отошли къ Россіи.

По этому случаю, с.-петербургское общество для содѣйствія русскому торговому мореходству назначило особое собраніе своихъ членовъ для того, чтобы ознаменовать этотъ день 25-лѣтія присоединенія къ Россіи Уссурійскаго края какимъ-либо административнымъ предпріятіемъ на предметъ русскаго мореходства въ восточныхъ водахъ Тихаго океана, такъ какъ Владивостокъ, въ то время еще незначительное наше поселеніе, замиралъ въ торговой бездѣятельности.

На это собраніе былъ приглашенъ графъ Игнатьевъ, какъ первый виновникъ того, что Айгунскій трактатъ былъ подписанъ въ Пекинѣ, и что всѣ требованія Россіи по этому трактату были удовлетворены китайскимъ правительствомъ.

Открывъ собраніе, предсѣдательствующій его Михаилъ Ильичъ Кази обратился къ графу Игнатьеву съ привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ онъ напомнилъ присутствующимъ всѣ великія заслуги Николая Павловича передъ нашимъ отечествомъ.

---

[1]) Въ виду особаго интереса къ заслугамъ Россіи графа Н. П. Игнатьева, воспроизводится одна изъ версій событія „какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ". Версіи этого событія были воспроизведены К. А. Губастовымъ въ его рѣчи, произнесенной 30 ноября 1908 г. въ с.-петербургскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ и журналѣ „Былое". *Ред.*

На это графъ Игнатьевъ отвѣтилъ такъ: „Я только былъ исполнителемъ воли моего Государя“...

И все это, сказанное тогда графомъ Игнатьевымъ, мною было записано вполнѣ точно и передается теперь почти что съ фотографической точностью.

Но время 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, какъ извѣстно, было очень строгое въ политическомъ отношеніи, и всякій дипломатическій шагъ Россіи, обыкновенно, составлялъ государственную тайну. Поэтому графъ Игнатьевъ, прежде, чѣмъ сказать что-нибудь о томъ, какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ въ Пекинѣ, взялъ со всѣхъ насъ, присутствовавшихъ на собраніи общества, слово, что мы будемъ молчать объ этомъ до конца его жизни. — „А тамъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ“, —добавилъ онъ,—„говорите, что хотите“.

Мы дали свое слово не разглашать дипломатической тайны, сообщенной намъ графомъ Игнатьевымъ.

Но теперь настало время повѣдать объ этомъ русскому міру, такъ какъ Николай Павловичъ уже скончался 20 іюня 1908 года.

— Къ сожалѣнію, началъ графъ Игнатьевъ свою рѣчь, — наше правительство ничего не сдѣлало для новаго края, присоединеннаго къ Россіи въ 1860 году...

Въ его рѣчи здѣсь звучала скорбная нотка, исполненная недовольства „петербургской политикою“...

— Владивостокъ остался порто-франко, продолжалъ онъ,— иностранцы въ немъ хозяйничаютъ, а мы только наблюдаемъ за этимъ изъ своего далека... Наши переселенцы вымираютъ, не зная, къ чему приложить рукъ своихъ... Морскія богатства эксплоатируются американцами при любезномъ содѣйствіи имъ въ этомъ случаѣ русскаго контрагента Филипеуса... Амурское пароходство едва влачитъ свое жалкое существованіе, праздно поглощая только государственную субсидію... А между тѣмъ Востокъ готовится къ борьбѣ съ ними...

Японцы уже прислали своихъ государственныхъ піонеровъ къ намъ, въ Россію въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обучающихся теперь въ Петербургскомъ университетѣ... Одинъ изъ нихъ уже вышелъ японскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ,—Токузиро Ниеси,—отозванный теперь на свою родину съ тѣмъ, чтобы тамъ составить о Россіи такую книгу — памфлетъ, отъ которой не поздоровилось бы даже и нашимъ мудрецамъ... Китайцы также подняли голову и, благодаря внушенію англичанъ, уже прислали къ намъ въ Россію свое постоянное

посольство въ 1878 году... Такъ что по всему этому азіатскому задору съ Россіею, можно думать, что намъ грозитъ въ близкомъ будущемъ на Тихомъ океанѣ не малая буря... А мы даже не позаботились до сихъ поръ сдѣлать изъ Владивостока оборонительнаго пункта... На Сахалинѣ же пока нѣтъ ничего кромѣ жалкой колоніи ссыльныхъ... Но и это возникло совершенно случайно... Благодаря лишь нѣкоему г. Г—ву (онъ еще живъ и теперь), предложившему генералу Мезенцову (бывшему въ то время шефу жандармовъ) — въ 1877 г. ссылать всѣхъ красно-соціалистовъ на островъ Сахалинъ, чтобы они не мѣшали мирнымъ гражданамъ страны жить въ порядкѣ и законности... Между тѣмъ этотъ необитаемый до сихъ поръ островъ преисполненъ всякихъ естественныхъ богатствъ, какъ говорятъ намъ объ этомъ побывавшіе тамъ недавно американцы и пообслѣдовавшіе его сокровища... Что касается Уссурійскаго края, то Петербургъ махнулъ на него рукой, говоря, что это такая часть свѣта, до которой недоскачешь во вѣки... О желѣзной же дорогѣ до Владивостока, конечно, нечего и думать... А между тѣмъ она могла бы быть проведена еще въ 1864 году, когда сибирскіе купцы, будучи въ то время въ Нижнемъ Новгородѣ на открытіи московско-нижегородской желѣзной дороги, предлагали Государю Императору Александру II проложить рельсовый путь отъ Нижняго-Новгорода до Иркутска на свой счетъ, ассигновавъ на это 60 милл. рублей. Но петербургскіе акціонеры волжскаго пароходства нашли этотъ параллельный рѣкѣ Волгѣ рельсовый путь очень опаснымъ для себя конкуррентомъ... И такъ Дальній Востокъ былъ обреченъ влачить свое жалкое существованіе... А между тѣмъ я, для того, чтобы закрѣпить его за Россіей, жертвовалъ своей жизнью... И случилось это вотъ какъ. Заключенный въ 1858 г. графомъ Муравьевымъ Айгунскій трактатъ былъ переданъ мнѣ для подписанія его въ Пекинѣ. Въ то время въ Китаѣ былъ регентомъ принцъ Кунгъ, человѣкъ умный, но нерѣшительный... На мое предложеніе подписать Айгунскій трактатъ, онъ, обыкновенно, по восточной привычкѣ, кормилъ меня легкими завтраками... И такъ тянулось время довольно долго. Наконецъ, наступилъ 1860 годъ. Тутъ была объявлена война Китаю англо-французами. Соединенная армія обоихъ государствъ обложила Пекинъ. По этому случаю всѣ иностранныя посольства должны были покинуть китайскую столицу. Вмѣстѣ съ другими посланниками, выѣхалъ и я изъ Пекина. Поселившись на своемъ стаціонерѣ (кораблѣ), я три мѣсяца крейсиро-

валъ по Печилійскому заливу. Но мнѣ скоро наскучило это изгнаніе мое изъ китайской столицы, и я вновь надумалъ возвратиться въ Пекинъ. Но въ это время все еще продолжалось обложеніе китайской столицы соединенными англо-французскими войсками. Поэтому на мое рѣшеніе возвратиться въ Пекинъ, всѣ мои сотрудники отозвались самымъ нерѣшительнымъ образомъ... Проще говоря, меня признали въ тайнѣ сумасшедшимъ человѣкомъ... Какъ это, думали они, — онъ можетъ проникнуть въ Пекинъ, когда городъ окруженъ непріятельской арміей и на улицахъ китайской столицы всюду воздвигнуты сотни всевозможныхъ неприступныхъ баррикадъ, взять которыя можно только большой вооруженной силой... Но я рѣшился идти одинъ... Взявъ съ собою нѣсколькихъ кавасовъ (казаковъ), я покинулъ свой стаціонеръ... Но прежде чѣмъ отправиться въ путь, я сказалъ своимъ людямъ, что насъ всѣхъ ожидаетъ въ осажденномъ Пекинѣ страшная безызвѣстность... Почемъ знать, добавилъ я,—быть можетъ мы тамъ сложимъ свои буйныя головы... Но за то мы исполнимъ сыновній долгъ передъ своей родиной, и за это насъ вспомнитъ добрымъ словомъ благодарное потомство... На этотъ мой голосъ отозвались всѣ нижніе чины своей готовностью слѣдовать за мной, куда угодно... Такова обыкновенно довѣрчивая русская простая душа... Но я взялъ съ собою только нѣсколькихъ избранныхъ изъ всѣхъ, наиболѣе крѣпкихъ и выносливыхъ, стойкихъ людей...

За нихъ мнѣ поклялась вся моя посольская команда... И вотъ я подъ Пекиномъ... Англо-французская цѣпь, оковавшая своимъ желѣзнымъ кольцомъ всю китайскую столицу кругомъ ея каменной ограды, преградила мнѣ дальнѣйшій мой путь... Я къ главнокомандующему соединенной англо-французской арміи за разрѣшеніемъ... чтобы онъ пропустилъ меня черезъ цѣпь... Но тотъ на дыбы... „Что вы, что вы, какъ это можно“! сказалъ онъ.—„Весь городъ на военномъ положеніи... Четыре милліона людей въ немъ бродятъ по улицамъ, оберегая тысячи баррикадъ!.. А вы въ городъ... Да развѣ это возможно?.. Что вамъ жизнь надоѣла что ли?.. Ну тогда, какъ знаете... Идите... Я въ томъ вамъ не препятствую“...

Я получилъ предписаніе умереть, или быть живымъ въ Пекинѣ, сказалъ я главнокомандующему. — „Ну теперь я понимаю“, сказалъ онъ.—„Дилемма эта поучительная... она чисто русская... совсѣмъ въ вашемъ духѣ... Ну, дай Богъ вамъ всякаго благополучія... Я съ сердечной радостію готовъ буду

васъ встрѣтить послѣ войны"... И такъ я, получилъ разрѣшеніе отъ главнокомандующаго соединенной англо-французской арміей прослѣдовать черезъ цѣпь, плотнымъ кольцомъ оковавшую китайскую столицу, и пошелъ въ Пекинъ... Но прежде, чѣмъ подойти къ городу, я переодѣлся въ китайское мандаринское платье, нанялъ для себя особый роскошный по-мѣстному паланкинъ и, помѣстившись въ немъ, вооружилъ себя двумя пистолетами.

Люди мои также всѣ были вооружены пистолетами, ружьями черезъ плечо и шашками наголо... Подойдя къ городской стѣнѣ, я увидѣлъ на ней массу китайцевъ, потрясающихъ въ мою сторону дрекольями... На это я имъ отвѣтилъ угрозою своихъ пистолетовъ, а людямъ моимъ приказалъ немедленно открыть мнѣ ворота...

„Смѣлость города беретъ", какъ говоритъ русская народная пословица;—а по китайскому убѣжденію выходитъ такъ, что „если онъ идетъ, то имѣетъ право, а имѣющему право—отказать нельзя"...

И такъ я, воспользовавшись этимъ китайскимъ „народнымъ правомъ", вошелъ безпрепятственно въ Пекинъ. Но здѣсь меня ожидала тысяча другихъ препятствій, преобороть которыя нужно было упорнымъ трудомъ, чтобы потомъ достигнуть дома русскаго посольства... То-есть, мнѣ нужно было пройти городомъ пятнадцать верстъ черезъ тысячи разныхъ баррикадъ, поставленныхъ на тѣхъ улицахъ Пекина, черезъ которыя я шелъ, ведя при этомъ непрестанную борьбу съ охранителями всѣхъ баррикадъ и разрушая при этомъ всѣ препятствія, мѣшавшія мнѣ на всемъ моемъ длинномъ пути...

Сотни разъ намъ грозила здѣсь мучительная смерть отъ десятковъ тысячъ озвѣрѣлыхъ азіатовъ, измученныхъ своимъ безъизвѣстнымъ положеніемъ отъ трехмѣсячной осады Пекина англо-французской соединенной арміею... И появленіе мое здѣсь, на улицахъ китайской столицы, среди тысячъ баррикадъ, защищаемыхъ несмѣтными толпами мѣстной голодной черни, вызвало страшный ревъ среди этой живой стихіи, и она, какъ видно было, каждую данную минуту готова была предать насъ мучительной смерти...

Но такъ какъ мы пошли на этотъ подвигъ съ тѣмъ, чтобы умереть, то смерть намъ не страшна была своей зіяющей пастью, и мы ее равнодушно искали для себя на каждомъ шагу нашего движенія, но не нашли ее, такъ какъ Богъ не назначилъ намъ ее въ удѣлъ на этомъ чудовищномъ мѣстѣ.

Только къ вечеру того дня, въ который я вошелъ въ Пекинъ, мы добрались до дома русскаго посольства... Но здѣсь насъ встрѣтили страшно изумленныя лица... Тѣмъ болѣе этого нужно было ожидать здѣсь уже потому, что люди мои, страшно измученные борьбою съ разрушеніемъ множества баррикадъ на нашемъ пути, настолько были не похожи на самихъ себя, что ихъ даже не узнали тутъ общіе старые знакомые... Да и я тоже едва былъ въ состояніи отвѣчать на привѣтствія, оказываемыя мнѣ...

Но, несмотря, однако, и на это мое утомленіе въ пути, мнѣ еще въ тотъ же вечеръ суждено было рѣшить судьбу бѣднаго Китая въ войнѣ его съ англо-французами... и добиться при томъ подписанія нашего Айгунскаго трактата...

А случилось это вотъ какъ. Не успѣлъ я придти въ домъ русскаго посольства, какъ ко мнѣ тотчасъ же явился регентъ Китая, принцъ Кунгъ, окруженный цѣлымъ сонмомъ своихъ приближенныхъ... На немъ, однако, не было лица... Такъ онъ былъ при этомъ взволнованъ, выражая мнѣ свое удивленіе... „Какъ это вы очутились здѣсь“? весь дрожа отъ волненія, спросилъ меня принцъ.—„Вѣдь городъ давно находится въ революціи, на его улицахъ тысячи баррикадъ и милліоны волнующихся при нихъ людей, а вы рѣшились идти сюда?!!“

На это я ему отвѣтилъ тѣми же словами, что и сказалъ главнокомандующему англо-французской арміею... Принцъ страшно былъ пораженъ моей рѣшимостью...—„Но что намъ дѣлать?!“ вдругъ, измѣнивъ тонъ, спросилъ онъ меня,—„Пекинъ обложенъ непріятельской арміею, народъ въ революціи, а мы ничего не можемъ придумать, какъ намъ рѣшить эту проблему: продолжать ли дальше нашу трагедію или покончить ее на этомъ актѣ?!!“—„Вы спрашиваете моего совѣта, принцъ?“ рѣшительно поставилъ я ему вопросъ. „Да“, отвѣтилъ онъ въ волненіи.—„Такъ я вамъ дамъ его... Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, вы подпишете Айгунскій трактатъ“.—„Ахъ!“ въ волненіи произнесъ принцъ и тутъ же подписалъ намъ договоръ...—„Ну... а теперь я вамъ скажу, что нужно будетъ дѣлать съ вашей трагедіею“, спокойно сказалъ я регенту... „Заключите миръ съ англо-французами и сдѣлайте имъ всѣ уступки, о которыхъ они васъ просятъ“... И на другой же день послѣ моего прихода въ Пекинъ, Китай заключилъ миръ съ англо-французами, и осада китайской столицы соединенной арміею была снята... И съ тѣхъ поръ Китай не зналъ, какъ и выразить Россіи свою глубокую признательность за ея посредничество въ этой не-

счастной войнѣ... Несчастной потому, что четыре милліона жителей Пекина три мѣсяца тряслись отъ своей страшной безъизвѣстности, а тридцать тысячъ англо-французскаго соединеннаго войска боялись войти въ городъ, переполненный милліонами народа... Но европейцы менѣе благодарны, чѣмъ азіаты... Они и послѣ этой услуги, оказанной имъ Россіею, продолжали интриговать противъ насъ въ Азіи... Но китайцы этого не дѣлали...

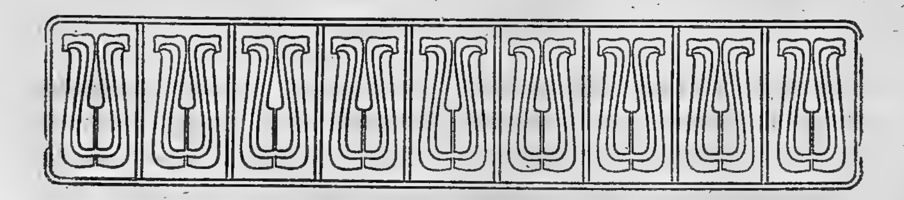
Когда графъ Игнатьевъ закончилъ этими словами свою простую рѣчь, то мы всѣ въ одинъ мигъ разразились дружными аплодисментами и громко прокричали ему „ура"!.. Но насъ при этомъ волновало совсѣмъ другое чувство... Намъ всѣмъ хотѣлось обнять его и осыпать горячими поцѣлуями... До того насъ тронулъ его безхитростный разсказъ, что мы каждую минуту ждали въ немъ трагической развязки на улицахъ Пекина, но Богъ спасъ нашего героя... Онъ сидѣлъ передъ нами живой и здоровый...

Таково было наше впечатлѣніе отъ разсказа графа Игнатьева... Вотъ при какихъ условіяхъ былъ подписанъ въ Пекинѣ нашъ Айгунскій трактатъ съ Китаемъ...

Думаемъ, что за такой подвигъ графа Николая Павловича Игнатьева наше благодарное потомство почтитъ его достойнымъ мавзолеемъ!..

С. Глѣбовъ.

Въ Редакцію „Русской Старины“.

Въ февральской книжкѣ 1912 г. „Русской Старины“, въ дневникѣ Д. Г. Анучина упомянуто, между прочими лицами, о М. А. Бутеневѣ, какъ о секретарѣ графа П. А. Шувалова, во время Берлинскаго конгресса. О немъ передается, что графъ П. А. Шуваловъ „не могъ его переносить: по его словамъ, онъ способенъ только вести реестръ входящимъ и исходящимъ бумагамъ и запечатывать конверты. Впослѣдствіи однако наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, продолжаетъ авторъ замѣтки, пользовалось этимъ самымъ Г. Бутеневымъ для веденія переговоровъ съ Папской Куріей. Трудно повѣрить, чтобы Министерство не знало ничего о Г. Бутеневѣ. Или можетъ быть вести переговоры съ Римомъ все равно, что умѣть запечатывать конверты?“

Какъ говорятъ французы „c'est ainsi que s'écrit l'histoire“. Вправду, она пишется легкомысленно, иногда даже самыми серьезными льдьми, не знаю, откуда генералъ Анучинъ почерпнулъ эти свѣдѣнія о М. А. Бутеневѣ, впослѣдствіи графѣ Бутеневѣ-Хрептовичѣ. Я зналъ хорошо Бутенева и могу увѣрить читателя, что Бутеневъ всегда считался, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности, весьма образованнымъ, умнымъ, даровитымъ и пріятнымъ человѣкомъ. Онъ отличался при этомъ чрезвычайной скромностью, строгостью къ себѣ и снисходительностью къ другимъ и рѣдкой добротой. Не помню, покойный ли посолъ въ Лондонѣ Е. Е. Стааль или великая княгиня Марія Александровна герцогиня Эдинбургская, прозвали его за эту доброту „Ангеломъ—l'ange“. Его любили рѣшительно всѣ, и великіе и малые міра сего, и его преждевременная кончина была огорченіемъ для всѣхъ, знавшихъ и почитавшихъ его. Такихъ дипломатовъ, какимъ былъ Бутеневъ, всегда было и будетъ

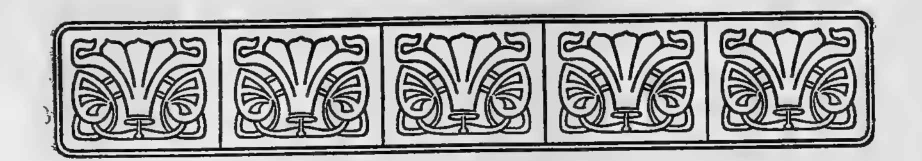
мало и если Министерство Иностранныхъ Дѣлъ послало его вести переговоры съ Папской Куріей, то это именно потому, что оно знало Бутенева и цѣнило его выдающееся дарованіе.

Обращаясь въ Редакцію „Русской Старины“ съ просьбой напечатать въ ближайшемъ номерѣ журнала эти строки, я отдаю только дань чистой памяти покойнаго Бутенева и возстановляю истину, помраченную вышеприведенной замѣткой въ интересномъ дневникѣ генерала Апучина.

А. Крупенскій.

Императорскій Россійскій посланникъ при Норвежскомъ Дворѣ.

Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году [1].

Г. Васси 19 Генваря.

Въ предположеніи подраться сегодня, спалъ и хорошо и дурно, утромъ велѣлъ сѣдлать лошадей, пошелъ къ графу и узналъ, что Иловайскій, 12-го атаковавъ ночью непріятеля врасплохъ, хватски гналъ его до Васси и наконецъ занялъ этотъ городъ съ одними своими казаками;—это остановило сегодняшнюю атаку и графъ рѣшившись перенесть сюда главную свою квартиру, обѣдалъ въ Жоанвиллѣ;—Іоркъ вчера порядкомъ пораздѣлался съ пріятелями, занялъ Сентъ-Дизіеръ, отнялъ одну пушку и много плѣнныхъ; а сегодня намѣренъ былъ занять Витри и выждать Макдональда, которой съ корпусомъ, состоящимъ изъ 20.000, проходить долженъ на соединеніе съ Наполеономъ, а нашъ Винценгероде идетъ по слѣдамъ его; должно ожидать, что выйдетъ порядочное дѣльцо; между тѣмъ должно замѣтить, какъ обрадовались хозяева наши при разсказѣ моемъ объ этихъ подвигахъ, господинъ Дессе и его супруга—наши хозяева, можно сказать, прыгали отъ радости;—сегодня хозяинъ обѣдалъ съ нами, поѣли и попили хорошо, графъ скоро послѣ обѣда уѣхалъ верхомъ и мы за нимъ,—бѣдная моя сѣрая кобыла, до сихъ поръ не выздоровѣла отъ укушенія, и нельзя было ѣхать, осѣдлалъ гнѣдую кобылу и на ней путешествовалъ, поблагодаривъ хозяевъ за ихъ доброе угощеніе; погода во весь день была пренесносная, вдругъ солнце, вдругъ дождь, вдругъ по-

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

томъ крупа и вѣтеръ пренесносной, верхомъ было ѣхать ужасно досадно 3-и лье досюда,—городъ этотъ растянутъ, но кажется, не очень великъ, моя квартира у старика капитана жандармовъ Блюменрее кажется изрядной, на каминѣ огонь и мы всѣ у камина.—Ходилъ къ графу, пили у него чай и читали прокламацію Виктора, здѣсь выданную, гдѣ онъ вызываетъ всѣхъ жителей къ ружью и которую сами жители принесли для показу.

Городъ Сентъ-Дизье 20-го генваря.

Спавъ хорошо, проснулся сегодня очень рано, развелъ огонь въ каминѣ и со свѣчою разбудилъ всѣхъ;—полагая, что по вчерашнему назначенію графа мы сегодня будемъ дневать, утромъ писалъ списокъ къ прусскимъ награжденіямъ и носилъ къ графу, но у него уже запрягали лошадей и онъ получилъ повелѣніе соединиться съ Іоркомъ, почему и перешли въ этотъ городъ; сегодня, говорилъ графъ, должна быть генеральная атака на всѣхъ пунктахъ, и Богъ знаетъ чѣмъ кончилось, нашъ гр. Паленъ спасъ всю армію Блюхера, взялъ 6 пушекъ, знамя и разрушилъ всѣ планы Наполеоновы—передъ самымъ обѣдомъ, благодаря милосердаго Бога получилъ письмо изъ дому отъ 29-го ноября, не знаю какой-то дуракъ вмѣстѣ съ моимъ петербургскимъ Григоріемъ увѣрилъ ихъ, что я произведенъ въ генералы, и они праздновали четыре дни, досадно это, но пусть Богъ наградитъ милую, безцѣнную мою матушку за неограниченную любовь ея, не могъ читать безъ слезъ и послѣ кусокъ не пошелъ въ ротъ; Боже, благоволи увидѣть мнѣ моихъ родителей и лично вкусить удовольствіе радости семейственной. Отъ этого сѣлъ верхомъ на „Мальчика“ и доѣхалъ сюда 4-е лье, Іоркъ недавно отсюда выступилъ къ Витри, которой укрѣпленъ и которой намъ должно будетъ брать; былъ у графа, онъ еще не знаетъ, что дѣлать будемъ завтра. Хотѣлъ писать домой сегодня же, но забалагурились да и не знаю, что еще выйдетъ. Хозяинъ здѣшній какой-то математикъ и долженъ быть большая шельма, накормилъ не завидно и даже подушекъ не хотѣлъ дать, бравши требованія отъ насъ даже на говядину. Графъ приказалъ сегодня объявлять приказъ за Дрезденъ о награжденіяхъ, которыя отъ него зависятъ, и тамъ цѣлый день въ Васси и здѣсь этимъ занимался, но типографія до сихъ не прибыла; радъ душевно, что Васси вышло 2 Анны;—Кривскому тоже, и мы за завтракомъ поздравили его бутылкою шампанскаго.

Сентъ-Дизье 21-го генваря.

Сегодня продневали, утромъ благодаря Бога получили увѣдомленіе, что Блюхеръ съ частію войскъ Вреде разбилъ вчера Наполеона, взялъ 41 пушку и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, дѣло продолжалось и сегодня весь день, непріятель ретируется и чѣмъ-то Богъ обрящетъ; въ Витри Макдональдъ съ 4-мя или пятью тысячами, вотъ его армія; Государь нашъ и король Прусскій были тоже въ дѣлѣ. Весь день пришедши отъ графа, съ которымъ ходили смотрѣть здѣшнюю церкву, старинную большую, но лишенную всѣхъ богатствъ революціею, сидѣлъ дома, хотѣлъ писать домой, но послѣ рѣшился обождать, авось что выйдетъ лучшее. Вечеромъ писалъ къ Гарранту и сейчасъ отправилъ съ фельдъегеремъ въ Раштатъ.

Монтьеранде 22-го генваря.

Ночь была прехолодная, получили увѣдомленіе, что третьяго дня взяли наши 97 пушекъ и до 3-хъ тысячъ плѣнныхъ; намъ велѣно оставить Іорка у Витри, а самимъ идти чрезъ этотъ городокъ и обходить непріятеля въ тылъ; позавтракавъ или пообѣдавъ въ 11-ть часовъ, пустился верхомъ въ походъ; поблагодаривъ г-на Бленъ-де-Ейли, великаго математика, у котораго домъ огромной, комнатъ много, а ѣсть очень плохо;—дороги сегодняшней отъ повороту съ шоссе нельзя и описать, грязь выше ступицы и во многихъ мѣстахъ даже верхомъ нельзя было проѣхать, самъ удивляюсь, какъ Богъ пронесъ мою коляску и ящикъ, погода же къ тому предурная и насилу добрались до квартиръ; городокъ этотъ небольшой, но квартира моя у старушки, мадамъ Перне изрядная—о холодѣ говорить нечего, двѣ изрядныя комнаты порознь, эти камины, я боюсь, такое посѣятъ въ насъ отвращеніе къ себѣ, что дома и заводить ихъ не захочешь. Графъ здѣсь получилъ курьера отъ Барклая съ увѣдомленіемъ, что взято 80 пушекъ и до 6-ти тысячъ въ плѣнъ, непріятель бѣжитъ и всѣ преслѣдуютъ, намъ велѣно соединиться съ резервомъ, то есть съ гвардіею и потому идемъ на трое, пишутъ, что Наполеонъ—злодѣй крѣпко разбитъ и что хотятъ уже обнародовать Бурбона королемъ Франціи; Боже благослови, народъ радъ этому до безконечности и ожидаетъ съ натерпѣніемъ, а мы ожидаемъ вступленія въ Парижъ, миру, и молимъ Бога о истребленіи этого бича роду человѣческаго.

Завтра намъ большой маршъ и 3 лье должно идти по такой же дурной дорогѣ, какъ сегодня сдѣлали пять, такъ выйдя у Бріена и увидимъ картину пораженія. Пріѣхалъ Брежинскій съ Яхонтовымъ. Я сушусь и скоро ужинъ.

Дер. Роне 23-го генваря.

Ну денекъ сегодня, утромъ сходивъ къ графу, которой ѣхалъ верхомъ, и выправившись Богъ знаетъ какъ проползли по грязи выше колѣна, скоро по выѣздѣ пагнали Гельфрейха и съ нимъ довольно долго ѣхали, въ первой деревнѣ выпили водки у Брежинскаго, и оттуда я ихъ уже потерялъ; ѣхали три лье дурной дороги, гораздо худшей вчерашней, и еще двѣ до Бріена по большой, но однакожъ испорченной Наполеоновой арміею;—подъѣзжая къ Бріену, обѣ стороны дороги и поля усѣяны трупами несчастныхъ жертвъ варварства Наполеонова; городъ сожженъ и разграбленъ и замокъ, стоящій на прекраснѣйшей высотѣ, командующей всѣми окрестностями, также ограбленъ, въ этомъ замкѣ Буонапарте былъ воспитанъ въ здѣшней военной школѣ по привозѣ его изъ Корсики и здѣсь то онъ потерялъ, можетъ быть, послѣднія баталіи въ жизни; здѣсь уже никого не нашли, въ замкѣ стоялъ генералъ гр. Вреде, которой вчера получилъ за послѣднее дѣло 2-го Георгія; графъ у него обѣдалъ, но мнѣ не захотѣлось толкаться и поѣхалъ прямо сюда въ новоназначенную квартиру вмѣсто Лемона, которой сожженъ; замокъ разграбленъ баварцами и всѣ прекрасные кабинеты натуральной исторіи, минеральной и протчіе; жаль, что мнѣ и посмотрѣть не удалось; Козловъ и Паттонъ подарили мнѣ однакожъ по раковинкѣ. Здѣсь стояли баварцы и все-таки ограбили какъ французы грабили насъ, квартиръ некому было занимать, и баварскія войска при насъ выступили и славныя, жаль, что они такъ дурно ведутъ себя. Получили увѣдомленіе, что Наполеонъ собираетъ разбитыя свои войска у Троа, Блюхеръ пошелъ прямо на Парижъ и даже говорятъ, что уже есть депутація у Государя отъ Парижа, мы идемъ на Аренсъ и будемъ обходить французскую армію, которая, кажется, уже оставляетъ свою столицу. Боже, помоги и избавь насъ отъ такой дороги, какъ сегодня, а завтра опять проселкомъ.

Пине 24-го генваря.

Эти проклятые камины и негодная Франція, ей! ей! истинные бивакп,—сегодня я такъ прозябъ ночью, хотя вовсе и не

раздѣвался и огонь не переставалъ горѣть въ каминѣ, утромъ проснувшись рано, не могъ согрѣться, думали, что пойдемъ въ Рамерсь, но дирекцію перемѣнили и Шварценбергъ предписалъ идти сюда; позавтракавъ немножко пустились верхомъ и пѣшкомъ, опять прошли Бріенъ, закусили еще немножко въ деревнѣ съ Акличеевымъ и другими нашей свиты; отъ самаго Бріена своротили съ большой дороги и уже не дорогою, но полями и болотами добирались сюда и 6-ть лье насилу сдѣлали до 6-го часу вечера; не знаю, какъ Богъ милуетъ мою коляску и лошадей, а такой одинъ переходъ стоитъ 3-хъ добрыхъ;—Пине миленькій городокъ и разграбленъ нашими союзниками, однакожъ мнѣ по счастью досталась квартира съ хозяевами, и вотъ вечеромъ накормили по силамъ, а мы поподчивали ихъ пуншикомъ. Теперь до Тросе 4-е лье, сегодня слышна была весь день канонада, и говорятъ, непріятель прогнанъ, куда же намъ завтра—еще неизвѣстно. Здѣшнія деревни совершенно бѣдныя и безъ войны, домики маленькіе и какъ клѣтки, о, какъ равнять Францію съ Германіею. Все не удается написать домой; ахъ, когда бы вмѣстѣ увѣдомить ихъ и о мирѣ.

Дер. Шармонъ 25-го генваря.

Вчера было досадно отъ холоду въ Пине: но тамъ хоть комната была изрядненькая да и хозяева, не взирая на то, что уже разграблены, люди очень добрые, покормили, послѣ дали кой-какую постель и сегодня честно разстались, даже желали, чтобы мы простояли до самаго миру; здѣсь же пренегодная крестьянская избенка, двери прямо съ двора, у хозяевъ ничего нѣтъ, и мы всѣ обсѣли кругомъ камина. Да чуть-ли и ночь всю не просидѣть отъ холода. Утромъ былъ рано у графа, просилъ объ увольненіи Яхонтова въ Россію, и слава Богу успѣлъ; пообѣдавъ въ Пине, пустились въ путь по-вчерашнему, только погода холодная, помилуй Богъ, морозу нѣтъ, но вѣтеръ ужасной и почти нельзя было сидѣть на лошади, три лье показались за десять и на дорогѣ только была одна деревенька, негдѣ пообогрѣться, сюда же пріѣхавъ по несчастью и квартиры не нашелъ, другъ у друга отнимали и мою отняли Акличееву, дали было вмѣстѣ съ Теслевымъ, но помѣститься нельзя и такъ проходивъ часа три съ квартирмистромъ по деревнѣ, остановились въ первой незанятой изобкѣ Теперь выпили съ горя по стаканчику, побалагурили у бивакакамина—и вздохнувъ о милой родинѣ, о друзьяхъ и родныхъ

отдаленныхъ, взялись съ Густавомъ за свои журналы; право, въ этихъ квартирахъ во Франціи закоптясь во всегдашнемъ дыму и на огнѣ, что-то и въ умъ нейдетъ, что писать, нѣтъ, то ли дѣло въ Германіи,—тепло, хорошо, а здѣсь все биваки. Наши гдѣ-то забрали Наполеоновъ табакъ Рапе, которымъ онъ одинъ торговалъ и мнѣ вчера прислалъ нашъ генералъ.

15 картузовъ, далъ я 4 Густаву, два Брежинскому и одинъ началъ, изрядной, но не лучшій табакъ. У насъ наводятъ мостъ чрезъ Сену и, коли Богъ поможетъ, завтра будемъ на той сторонѣ,— увы! сколько рѣкъ надо переправиться, чтобы возвратиться намъ въ милую родину. Старуха хозяйка—суша у нашего камина деревянные свои башмаки, въ которыхъ здѣсь всѣ они ходятъ и Богъ знаетъ какъ могутъ ходить, смотритъ на эту бумагу и удивляется, что я пишу скоро и похоже на нихъ;—ей! не завидуйте французамъ, право, ничѣмъ не заслуживаютъ ни похвалъ, ни подражанія.

Д. Шармонъ 26-го генваря.

Ночью графъ получилъ диспозицію кн. Шварценберга, по которой слѣдовало въ 2-а часа пополудни атаковать Троа вмѣстѣ съ большею арміею. По утру узнавъ это, пошелъ къ графу и упросилъ его подписать аттестаты Яхонтову и его племяннику о подвигахъ и службѣ. Хотѣли ѣхать до обѣда, однакожъ зашли къ Брежинскому. Славно поѣли, между тѣмъ, графъ уѣхалъ, пришлось догонять, день сдѣлался ясный, но пренесноснѣйшій вѣтеръ, которой валилъ съ лошади; не доѣзжая за часъ до Троа, встрѣтили Бота и многихъ нашихъ возвращающихся назадъ съ извѣстіемъ, что Троа занята уже австрійцами, гдѣ будетъ и главная квартира Государя,—возвратясь вмѣстѣ заходили къ графу, завтра, если не перемѣнятъ диспозиціи, пойдемъ въ Арси. Пили чай и пуншъ у Брежинскаго и дотянули послѣднюю бутылку рому, теперь читалъ дома Ромео и Юлію, подчивалъ хозяина и вотъ къ Брежинскому же иду ужинать.

г. Арсисъ 27-го генваря.

Поужинавъ вчера славно у Брежинскаго и допивъ все, что было хмѣльное, легли спать не рано; сегодня отправилъ сюда квартиргеровъ, былъ у графа и закусивъ дома кое-чего, на прощаньѣ съ Брежинскомъ и Яхонтовымъ выпили послѣднія полъбутылочки водки и бутылки четыре вина, поѣхалъ верхомъ и отъ дурной погоды 4-е почтовыхъ лье показались долги, заѣзжалъ къ Пышницкому по дорогѣ и сюда доѣхавъ промокъ

такъ, что и рубашку даже долженъ былъ скинуть;—квартирка была изрядная, но дымна безъ милосердія; хозяйка преглупая, но проворная, а хозяинъ грубіянъ,—заставилъ,—скинуть съ него шляпу; городокъ небольшой и ничего достать нельзя, насилу у хозяина Шефлера нашелъ 3 бутылки коньяку и жалѣю, что не послалъ казака съ Брежинскимъ въ Троа, гдѣ все достать можно.—Послѣ обѣда былъ у Довре и оттуда пили пуншъ у Шефлера, послѣ дочиталъ Ромео и Юлію; ужинать не даютъ, объ австрійскомъ движеніи еще ничего неизвѣстно. Получилъ письмо отъ Григорія чрезъ Маялковскаго отъ 30-го ноября.—Отъ холоду у меня и писать не хочется, а читать нечего, теперь же еще только 9-ть часовъ вечера, Шефлеръ пошелъ уже домой и я лягу; Государя сегодня ожидаютъ въ Троа.

г. Мери 28-го генваря.

Спавъ дурно, утромъ вмѣсто ожиданной дневки получили повелѣніе идти сюда, закусивъ свою курицу изъ коляски пустились въ путь; но негодная хозяйка, недовольствуясь добротою нашею, что мы и отъ нее не требовали ничего поѣсть, вздумала потребовать отъ насъ еще платы за труды и двухъ жареныхъ голубей.—Верхомъ доѣхали сюда довольно скоро $4^1/2$ лье почтовыхъ и не думали подъѣхавъ сюда, что это Мери; онъ стоитъ на Сенѣ, городъ маленькой и негодной, въ пріѣздъ нашъ проходилъ аванградъ нашъ впередъ къ Ножану; квартира у меня преподлая по ужасной лѣстницѣ, у графа узналъ, что получено свѣдѣніе, будто бы Наполеонъ со всѣми своими силами поворотилъ на Блюхера, котораго авангардъ уже около Мо, не знаю куда насъ поворотятъ и должно бы скорѣе захватить Парижъ;—ходили на рѣку Сену, которая такъ мала и въ прибавокъ такъ мутна, что я не приберу и сравненія съ какою-нибудь маленькою рѣчкою въ Россіи, мостъ былъ испорченъ, но уже поправленъ.—Обѣдалъ у Мерлина и славно; вечеромъ просидѣлъ часа 4-е у графа и хотѣлъ посчитаться кое о чемъ съ Кикинымъ, но никакъ не могъ удѣлить возможности, завтра постараюсь;—графъ Гохбергъ привезъ мнѣ письмо отъ генерала Гарранта, въ которомъ онъ его рекомендуетъ, но моихъ писемъ вѣрно не получилъ. Здѣсь хозяинъ старикъ 70-ти лѣтъ всклепалъ на Шефлера, что онъ эмигрантъ, родомъ изъ Троа и что его фамилія Бодо; думая пользоваться этимъ, онъ согласился на эмигрантство; но ихъ очень дурно покормили, да и то при свѣчахъ; возвратясь теперь отъ графа послѣ чаю, нашелъ моихъ за пуншемъ и хозяина въ

треугольной его шляпѣ уже на третьемъ взводѣ, старикъ болталъ, пока языкъ ворочался и только-что сейчасъ ретировался внизъ.

г. Мери 29-го генваря.

Утромъ сегодня былъ у графа, писалъ къ Барклаю о перемѣнахъ по Лейпцигскому дѣлу и о Дрезденскомъ представленіи, послѣ писалъ приказъ объ утвержденіи Бауценскаго представленія и окончилъ къ обѣду, который былъ очень плохой, посѣтителей любопытныхъ о наградахъ было сегодня весь день безъ конца; послѣ обѣда написалъ преогромное письмо домой на двухъ полулистахъ кругомъ, сестрѣ тоже большое, Ивану Сергѣевичу Маслову, и отвѣчалъ на полученныя сегодня же письма отъ Григорія о полученіи денегъ, посланныхъ съ Гагинымъ и графомъ Толстымъ, и Добровольскому, который поздравлялъ съ утвержденіемъ пансіона, а вечеромъ чрезъ Кондрата, Алексѣя Николаевича, получилъ отъ Яхонтова письмо съ конвертомъ Барклая къ графу о утвержденіи этого же представленія, все хорошо, но бѣдной Акличеевъ опять вымаранъ, а другимъ перемѣны;—жаль, да какъ быть, царь милосердъ и справедливъ.—Въ письмѣ къ сестрѣ вложилъ 25 для раздачи людямъ по 5, но сегодня къ Д. Добровольскому отправить не успѣлъ, надо ожидать другого курьера, да спасибо у насъ каждый день курьеры.—Вечеромъ опять куча посѣтителей и какъ ни хотѣлось написать къ Ивану Матвѣевичу Бегичеву, но никакъ не могъ писать, разъ потому, что мѣшали мнѣ работать, а второе потому, что г-нъ мой Яша усталъ сильно записывать мои письма, получилъ также письмо отъ Тишина, отвѣчать некогда уже до первой дневки, слава Богу, что сегодня продневили и удалось написать домой; завтра мы идемъ къ Ножанъ и назначенъ переходъ до Понъ-сюръ-Сейнъ, однакожъ теперь еще непріятель былъ тамъ и сегодня перестрѣливались; я радъ очень, что обоимъ Денисьевскимъ дали чины.—Говорили также, слышна была сильная канонада вправо, это должно быть у Блюхера, на котораго Бонапарте бросился, дай Богъ, чтобы онъ съ нимъ посправился.—Хозяева и здѣсь негодные, да спасибо Шефлеръ такого задалъ имъ страху, что теперь не знаютъ, какъ вертятся, а ужинъ всетаки дрянь;—быть такъ, ложимся спать.

Замокъ Понъ на Сейнѣ. Генваря 30-го дня.

Вотъ мы теперь въ Марисѣ нашемъ достигли и до жилища матери Наполеоновой; но по порядку, утромъ написавъ приказъ

о наградахъ, былъ у графа и тутъ же получили увѣдомленіе Блюхера, что непріятель весь на него обратился и потѣснилъ авангаръ генерала Олсуфьева; но однакожъ онъ уже концентрировался съ Іоркомъ и Клейстомъ, и хотѣлъ сегодня самъ атаковать, между тѣмъ просилъ насъ форсировать Ножанъ и потому мы пустились въ маршъ; закусивъ немножко сельдей, яичницы и выпивъ во славу полученнаго пансіона бутылку стараго, раштатскаго шампанскаго, ѣхали верхомъ.—Весь сегодняшней день противу всѣхъ прежнихъ былъ удивительный, погода чрезвычайная, и солнце такъ грѣло, что должно было разстегнуть совсѣмъ мундиръ. Авангардъ съ Паленомъ весь день дрался у Ножана и уже на вечеръ только успѣли занять половину до мосту; но за то 25-й Егерскій полкъ сильно пострадалъ и командиръ онаго полковникъ Ветошкинъ, славной, храброй офицеръ убитъ; жаль, очень жаль: оставилъ семейство и жену. Замокъ этотъ, какъ видно, старинной дворянской—вовсе невеликъ; но однакожъ довольно изряденъ, но теперь совершенно брошенъ, не имѣя ни души жителей, даже и въ мѣстечкѣ, которое тутъ же за садомъ, тоже жителей нѣтъ; здѣсь всегда жила Марія Летиція—мать Наполеонова, но въ замкѣ великолѣпія вовсе не видно, да и не было, мы желали бы гораздо лучше стоять въ простой крестьянской избѣ у хозяевъ, гдѣ можно бы что-нибудь сыскать поѣсть; а здѣсь ни куска хлѣба и ничего; моя квартира въ нижнемъ этажѣ недалеко отъ домовой церкви № 1 и 2, двѣ маленькія комнатки, въ которыхъ ничего нѣтъ; обѣдалъ сегодня у графа и благодаря Бога кое-какъ хорошо, и выпили тоже шампанскаго бутылку, онъ хотѣлъ было сегодня же переѣхать въ Ножанъ, но еще былъ не занятъ и уже поздно; Довре нашъ 37-ть лѣтъ тому назадъ былъ здѣсь и теперь нашелъ все въ прежнемъ положеніи, надо было слушать старика, какъ это его утѣшаетъ, онъ обходилъ кругомъ и все осмотрѣлъ; въ замкѣ все перебито и переломано, осталось немного фарфоровыхъ тарелокъ очень обыкновенныхъ и больше ничего, видно, что госпожа матушка Бонапартова все поприбрала съ собою.—Теперь только мы пили чай у меня съ Тесловымъ, новымъ Георгіевскимъ кавалеромъ и другими и не думая объ ужинѣ, надо ложиться спать.

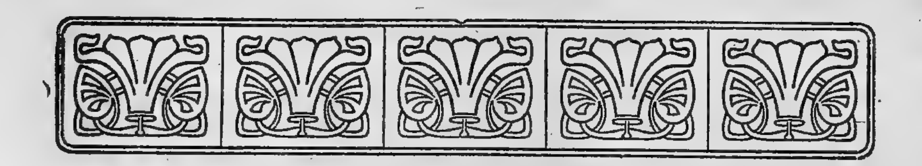
Замокъ Понъ на Сейнѣ. 31-го генваря.

Послѣ 11-го октября, до сегодняшняго дня мы не были въ сраженіи, по утру съ графомъ поѣхали къ Ножану, городъ былъ до половины занятъ, и въ то время какъ графъ говорилъ

съ Паленомъ въ форштатѣ, пуль десятка полтора пролетѣло чрезъ головы и одна даже сбила шапку у принца Виртемберскаго; но слава Богу милосердному, все мимо,—холка у бѣдной моей кобылки еще не совсѣмъ зажила, однакожъ для дѣла ѣздилъ на ней, оттуда объѣхали городъ почти кругомъ и нашли Вреде, которой долженъ переправиться слѣва,—долго съ нимъ постояли и у насъ пулями ранили двухъ ординарцевъ Клейна и Франсуа; между тѣмъ здѣсь въ городкѣ навели мостъ и два полка 3-й дивизіи переправились, а за ними и Ридигеръ съ своимъ и Ребрикова казачьимъ полкомъ; возвращаясь оттуда на дорогѣ заѣзжали въ домикъ, гдѣ лежалъ убитый вчера полковникъ Ветошкинъ и еще одинъ офицеръ его же полка; отдавъ послѣдній долгъ покойному, возвратились къ обѣду сюда, пріѣзжалъ генералъ Лисаневичъ, обѣдалъ у меня и послѣ былъ у графа, ему бѣдному дали благоволеніе за Лейпцигъ, когда онъ по правдѣ заслужилъ болѣе. За столомъ, который очень былъ солдатской и состоялъ изъ картофельнаго супу и жареной курицы; послѣ присланнаго отъ добрыхъ людей ординарнаго винца, выпили бутылочку шампанскаго, еще и послѣ гуляли съ графомъ по саду, а тамъ писалъ къ Мезенцову и Властову поздравленія и пришедши отъ графа, которой спорилъ съ принцемъ Виртемберскимъ о намѣреніяхъ Наполеона, пили чай и пуншъ дома съ генераломъ Лисаневичемъ, которой только что сейчасъ уѣхалъ, добрый старикъ.—Да чуть не забылъ было, что сегодня же утромъ получили прокламацію отъ имени Людовика XVIII къ французскому народу; графъ призвалъ къ себѣ всѣхъ жителей, которыхъ собрать могли здѣсь, и надо было видѣть, какъ тронула она ихъ,—читавшій раза четыре останавливался отъ слезъ, и всѣ рыдали, даже и мы не могли смотрѣть на нихъ равнодушно, и я признаюсь, слезы сверкали и у меня въ глазахъ;—Шефлеръ очень удачно сказалъ, что глаза останутся навсегда зеркаломъ души и чувствій, теперь г-нъ Наполеонъ уже въ чистой отставкѣ, и Франція имѣетъ короля, это должно возбудить весь народъ, отклонить отъ него войска и ему ничего не остается болѣе, какъ разбойничать, пока найдетъ конецъ всему;—праведенъ Богъ всемогущій и вотъ достойная месть злодѣю, не могшему довольствоваться невѣроятнымъ счастьемъ и хотѣвшему поработить весь свѣтъ.—Но скоро ли будетъ настоящій конецъ—Богъ вѣсть. Видѣлся съ генераломъ Каменевымъ и другими.

Сообщ. **Б. В. Каховскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Петербургѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

(Къ 30-лѣтію литературной дѣятельности М. М. Мариной).

30-ть лѣтъ тому назадъ 16 марта 1884-го года на страницахъ „Задушевнаго Слова" помѣщенъ былъ первый появившійся въ печати разсказъ Дези (М. М. Мариной), а затѣмъ печатались ея разсказы въ „Задушевномъ Словѣ", „Дѣтской газеткѣ", „Дѣтствѣ и Отрочествѣ".

Очерки, путевыя замѣтки, корреспонденціи, историческія статьи, біографіи, воспоминанія, маленькіе разсказы—подъ псевдонимомъ Марина помѣщались разновременно: въ „Южныхъ Запискахъ" (Одесса), „Журналѣ Начинающихъ" (Кишиневъ), „Вѣра и Жизнь" (Черниговъ), „Весь Міръ", „Русской Землѣ", „Русской Рѣчи", „Одесскомъ Листкѣ", „Отдыхѣ Христіанина", „Русскомъ Архивѣ", „Вѣстникѣ Иностранной Литературы" и „Русской Старинѣ".

Удѣляя время литературной работѣ, Марина принимала постоянно участіе въ общественной жизни—въ дѣлахъ благотворительности, служенія ближнимъ.

Такъ въ 1891 неурожайномъ году, на средства, полученныя изъ особаго комитета Наслѣдника Цесаревича, Марина, какъ предсѣдательница церк. прих. попечительства (Раненбургскаго у. Ряз. губ.) организовала общественныя работы—при чемъ помощь населенію, во избѣжаніе продажи скота, выдавалась кормами.—На пособіе отъ комитета в. кн. Ел. Ѳед. на пожертвованія рожью част. лица и кукурузной муки Сѣверо-Ам. штатами были устроены дѣтскія столовыя. На пособіе Кр. Креста и Еп.

Ком. производилась еженедѣльная выдача муки по количеству душъ каждой семьи.

Въ 1904—5 гг. Марина, какъ предсѣдательница Вол. Поп. Кр. Креста въ Кролев. у. Черн. губ., на частныя пожертвованія деньгами, холстомъ, пенькой—имѣла возможность черезъ Губер. Ком. Кр. Креста снабжать раненыхъ воиновъ бѣльемъ и перевязочными средствами.

При основаніи попечительствъ пар. трезвости, Мариной удалось основать первую народную чайную—въ безплатномъ помѣщеніи волост. правленія и завѣдывать нынѣ упраздненной народной библіотекой-читальней.

Проживая постоянно въ предѣлахъ Черн. губ., хорошо знакомая съ экономическимъ положеніемъ и нуждами населенія, Марина болѣе 25-ти лѣтъ состоитъ дѣятельнымъ корр. Департамента Земледѣлія и Землеустройства. *Ред.*

Петербургъ XX столѣтія съ его усовершенствованными автомобилями, яркимъ электрическимъ освѣщеніемъ улицъ, домовъ, магазиновъ, непрерывно быстро движущимся трамваемъ, многочисленными заманчивыми кинематографами, элегантнымъ фешенебельнымъ скэтингъ-рингомъ, автоматическими ресторанами, обиліемъ маленькихъ частныхъ театровъ, разнообразіемъ и новизной общедоступныхъ развлеченій—Петербургъ—модный, шумный, людный оживленіемъ уличнаго движенія, напоминающій Парижъ, до неузнаваемости измѣнившимся—представляется мнѣ не такимъ, какимъ, давно не бывавшая въ немъ—знавала я его въ 60-хъ годахъ XIX вѣка и кажется мнѣ, что не четыре десятка лѣтъ, а цѣлое столѣтіе протекло съ того времени, когда въ немъ въ 1862 г. праздновалось ознаменованное многими царскими милостями, увѣковѣченное художественно исполненными медалями—тысячелѣтіе Россіи.

Я не помню, какой именно день былъ посвященъ чествованію этого знаменательнаго—въ исторіи нашей родины—событія. Помнится мнѣ только, что происходило оно въ сентябрѣ мѣсяцѣ; что наканунѣ съ вечера во всѣхъ церквахъ правилось служеніе, которое было особенно торжественно въ соборахъ Исакіевскомъ и Казанскомъ; что въ самый день торжества послѣ обѣдни при звонѣ колоколовъ, сливавшихся въ одинъ величественно-густой гулъ — было совершаемо молебствіе во всѣхъ церквахъ столицы.

Я помню множество флаговъ, которыми были украшены дома; пестрые ковры, спускавшіеся съ балконовъ, транспаранты и вензеля надъ подъѣздами и въ окнахъ магазиновъ и громадную по окончаніи богослуженія, праздничную толпу на площади Владимірской церкви (противъ которой въ домѣ бар. Фредрихса свыше 30 лѣтъ прожили мои родители).

Днемъ въ думѣ, многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было устроено публичное чтеніе, касающееся великаго историческаго значенія этого юбилейнаго дня.

Во всѣхъ театрахъ днемъ давались представленія, при чемъ мѣста предоставлялись безплатно служащимъ въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ — учащимъ и учащимся. Дядѣ, служившему въ то время въ Морскомъ Вѣдомствѣ, была предложена ложа въ Александринскомъ театрѣ.

Ложа эта въ 1-мъ ярусѣ надъ бель-этажемъ приходилась съ лѣвой стороны и въ ней кромѣ меня, сестры и бонны находился какой-то молодой чиновникъ изъ числа подчиненныхъ дяди, котораго раньше мы никогда не видѣли. „Не въ свои сани не садись“ и „Бѣдность не порокъ“. Много разъ исполнялъ оркестръ гимнъ „Боже, Царя храни“, сопровождавшійся долго не смолкавшими криками „ура“, благодаря чему очень затянулся спектакль. Играли, какъ мнѣ помнится, П. А. Каратыгинъ [1]), старушка Липская, Самойловъ, Жулева, Левкѣева и др., имена которыхъ трудно припомнить; но впечатлѣніе этого народнаго спектакля свѣжо сохранилось въ моей памяти на всю послѣдующую жизнь.

Вечеромъ была роскошная, эффектная иллюминація. Особенно красиво были украшены зданія: Думы, Гостинаго двора, Главнаго Штаба, Публичной библіотеки и Кокорева [2]) (креза откупщика и мецената) на углу Невскаго и Литейнаго.

Передъ Думой, Гостинымъ дворомъ, Александринскимъ театромъ и въ др. мѣстахъ играли оркестры военной музыки. Шагомъ рядами тянулись одинъ за другимъ собственные экипажи и извозчичьи четырехъ-мѣстныя колымаги, такъ какъ не только тротуары, но и средина мостовой представляла сплошную медленно движущуюся массу людей.

При неоднократныхъ восторженныхъ кликахъ „ура“ музыка исполняла народный гимнъ, кажется, что кромѣ него ничего другого не играли военные оркестры въ этотъ вечеръ.

[1]) Котораго я впослѣдствіи встрѣчала въ домѣ своего дяди генералъ-Адъютанта Слѣпцова.

[2]) Противъ бывшаго ресторана Палкина.

Помнится мнѣ, что въ Петербургѣ особенно чествовались въ 60-хъ годахъ не только дни тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича и Императрицы Маріи Александровны, но даже такіе табельные дни, какъ годовщины коронаціи, восшествія на престолъ. Не было тогда еще электрическаго, какъ теперь, освѣщенія и необыкновенный въ то время эффектъ производили впервые появившіеся на Думской каланчѣ, надъ зданіемъ Публичной библіотеки (на углу Невскаго и Садовой) и среднихъ воротахъ Гостинаго двора вензеля, составленные изъ газовыхъ рожковъ, а также небольшія звѣздочки, замѣнявшія въ тѣ дни газовые фонари возлѣ сада Аничкова дворца.

По краю тротуаровъ не только главныхъ улицъ центра города, но и окраинъ Песковъ, Коломны, Петербургской стороны и т. д. дымились возлѣ тумбъ большія глиняныя плошки, красовалось по 2 свѣчи въ окнахъ зданій присутственныхъ мѣстъ и обывательскихъ домовъ. Въ разныхъ мѣстахъ выставлялись большіе транспаранты на подобіе щитовъ съ царской порфирой, красивыхъ экрановъ. Балконы унизывались рядами цвѣтныхъ (часто бумажныхъ) фонариковъ. Лучшіе магазины Невскаго проспекта и Большой Морской соперничали въ царскіе дни убранствомъ, бюстами и гирляндами зелени—своихъ большихъ витринъ зеркальнаго стекла.

Иллюминація привлекала на центральныя улицы столицы громадную толпу рабочаго, мастерового люда. Въ то время какъ пѣшеходная публика плотной стѣной двигалась по тротуарамъ по срединѣ мостовой (по которой не было еще тогда проложено рельсъ конно-желѣзной дороги), длинной вереницей тянулись два ряда экипажей—каретъ съ гербами и придворными лакеями въ красныхъ ливреяхъ и обшитыхъ золотымъ галуномъ—треуголкахъ на козлахъ, наемныхъ большихъ извощичьихъ 4-хъ мѣстныхъ колымагъ (одиночекъ почти не видно было въ то время, а извощичьи пролетки—не допускались въ кругъ); часто можно было видѣть проѣзжавшихъ по иллюминованнымъ улицамъ членовъ Императорской фамиліи — великихъ князей и княженъ.

30 августа день тезоименитства Государя Императора и великаго князя Александра Александровича [1]), храмовой праздникъ Александро-Невской лавры и самой столицы чествовался

[1]) Императора Александра III.

въ 60-хъ годахъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ и процессіи золотыхъ каретъ, въ которыхъ великія княгини и княжны, находившіяся въ Петербургѣ, слѣдовали изъ Зимняго Дворца на литургію въ Лаврскій соборъ.

29 вечеромъ спѣшно заканчивалась работа плотниковъ по прокладыванію посрединѣ мостовой Невскаго проспекта широкихъ деревянныхъ мостковъ для грандіознаго, торжественнаго, крестнаго хода изъ Исакіевскаго собора въ Невскую Лавру.

Съ ранняго утра было прекращаемо движеніе экипажей по Невскому проспекту и заставленъ рогатками проѣздъ прилегающихъ къ нему боковыхъ улицъ. Городъ принималъ въ этотъ день необычайно торжественный видъ. Дома, подъѣзды, ворота, фонарные столбы были разукрашены національными флагами, съ балконовъ и открытыхъ оконъ домовъ—свѣшивались пестрые, яркіе ковры. Спозаранка толпился народъ и намъ, смотрѣвшимъ ежегодно процессію изъ квартиры нашего годоваго доктора, ординатора Максимиліановской лѣчебницы К. Б. Кохендёрфера [1]), приходилось въ 9 ч. утра съ трудомъ пробираться вдоль домовыхъ стѣнъ, позади стоявшей шпалерами по тротуару—публики.

Подъ праздничный, ликующій перезвонъ колоколовъ медленно двигалась по морсткамъ длинная духовная процессія съ хоругвями, чудотворной иконой Казанской Божіей Матери, крестомъ, фонарями. Вслѣдъ за опиравшимися на жезлы архіереями, викарными, окруженными ассистентами съ подобающими ихъ сану аттрибутами выступало по-парно почетное столичное духовенство, священники, дьякона въ блестящихъ, ярко горящихъ на солнцѣ, тяжелыхъ парчевыхъ ризахъ, которымъ предшествовали пѣвчіе въ красивыхъ—обшитыхъ галунами—кафтанахъ, а позади громадная толпа народа.

Проводивъ глазами процессію, публика съ интересомъ и волненіемъ ожидала проѣзда высочайшихъ особъ — членовъ Императорской семьи.—Впереди дорогихъ золотыхъ каретъ съ большими зеркальными стеклами, въ открытой коляскѣ ѣхалъ гофмейстеръ императорскаго двора. Экипажи высочайшихъ особъ сопровождались чинами придворнаго вѣдомства—гофъфурьерами, конюшенными служащими и т. д. Въ открытой коляскѣ, окруженные блестящей свитой, проѣзжали великіе князья, привѣтствуемые восторженными кликами „ура". Непрерывно быстро безъ шума проѣзжали въ каретахъ по торцевой мостовой послы

[1]) Имѣвшаго собственный домъ на Невскомъ противъ Знаменской улицы.

иностранныхъ державъ, члены дипломатическаго корпуса, сенаторы и камергеры въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, генералы въ каскахъ съ развѣвающимся по вѣтру красивыми цвѣтными перьями, праздновавшіе 30 августа свой полковой праздникъ офицеры Павловскаго полка въ своихъ высокихъ—(въ видѣ усѣченнаго конуса) историческихъ гренадеркахъ.

Послѣ торжественной литургіи и молебствія съ многолѣтіемъ высокимъ гостямъ былъ сервированъ завтракъ въ покояхъ митрополита Исидора.

Помню я хорошо торжественный въѣздъ въ столицу. Невѣсты Августѣйшаго Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича Датской принцессы Дагмары (нынѣ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны).

День выдался необыкновенный для Петербургской осени, теплый, ясный, солнечный (совсѣмъ лѣтній). Окна домовъ на пути слѣдованія высочайшихъ особъ были открыты настежь и всюду на балконахъ, чердакахъ, крышахъ домовъ—виднѣлась масса народа.

Мы смотрѣли на высочайшій проѣздъ изъ оконъ кондитерской Арно, противъ Владимірской церкви въ домѣ барона Б. Авг. Фредерихсъ.—М-г Арно пожилой, но удивительно живой французъ, маленькій, плотный—любезно предоставилъ намъ, своимъ покупателямъ, среднее изъ 3-хъ оконъ своей помѣщавшейся въ rez de chaussée—кондитерской, славившейся не столько конфектами, тортами и др. сахарными издѣліями, сколько обаяніемъ кокетливой молодой продавщицы [1]), привлекавшей кліентовъ своей обворожительной привѣтливостью.

Съ ранняго утра улицы столицы по всему пути слѣдованія кортежа отъ вокзала до Зимняго дворца были переполнены народомъ. Я помню долгіе, дружные восторженные раскаты ура при появленіи той роскошной золотой кареты, въ которой чрезъ зеркальныя стекла можно было ясно видѣть въ русскомъ придворномъ костюмѣ съ кокошникомъ и фатой на головѣ юную невѣсту Наслѣдника Цесаревича, привѣтливой улыбкой, наклоненіемъ головы отвѣчавшей на поклоны и восторженныя привѣтствія народа.

Порядокъ на улицахъ въ то время былъ образцовый—публикѣ, стоявшей шпалерой на тротуарѣ, предоставлена была пол-

---

[1]) Она впослѣдствіи сдѣлала блестящую партію, выйдя замужъ за одного изъ постоянныхъ посѣтителей кондитерской Арно—въ которой съ ея уходомъ плохо пошли дѣла. Арно едва могъ расплатиться съ кредиторами.

ная возможность безпрепятственно видѣть вблизи въѣздъ въ столицу ея будущей царицы. Обывателямъ разрѣшено было безъ всякихъ формальностей даже за плату предоставлять желающимъ мѣста на балконахъ и у открытыхъ оконъ.

Жителямъ Петербурга того времени часто представлялась возможность видѣть любимаго Государя или ѣдущимъ въ коляскѣ или въ саняхъ по улицамъ столицы или же гуляющимъ пѣшкомъ отъ 2—до 3-хъ часовъ пополудни—въ Лѣтнемъ саду въ сопровожденіи своей большой любимой собаки, которую хорошо знали воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній—куда сопутствовала она своего Августѣйшаго хозяина.

Съ воспоминаніемъ о Петербургѣ 60-хъ годовъ тѣсно связано представленіе о тѣхъ маленькихъ съ низенькимъ крылечкомъ на столбахъ—окрашенныхъ темной охрой будкахъ, въ которыхъ помѣщались рослые, въ кожанныхъ каскахъ съ мѣдными шишаками будочники. Много ихъ было въ различныхъ частяхъ города, но почему-то особенно помнится мнѣ та, что прилегала къ магазину—типографіи Бенике и Арнгольда на Литейной близъ Невскаго—противъ 2-хъ-этажнаго дома оберъ-прокурора Св. Синода. Мнѣ также живо представляется высокая фигура, осанистаго съ бакенбардами Николаевской эпохи—будочника, какъ и того рослаго молодого парня, который продавалъ сбитень [1]) (желтаго цвѣта сладкій на патокѣ напитокъ) въ большомъ стеклянномъ съ оловянной крышкой—кувшинѣ, возлѣ зданія Публичной библіотеки на углу Невскаго и Садовой.

Много позднѣе его исчезли съ Невскаго проспекта—саечники, продававшіе свой свѣжій, вкусный товаръ на длинныхъ деревянныхъ, покрытыхъ чистымъ холстомъ—столахъ—при входѣ съ угла Садовой въ Гостиный дворъ.

Кто изъ петербуржцевъ добраго, стараго времени не помнитъ вкуса небольшихъ изъ крутого тѣста саекъ и соленыхъ витушекъ, испеченныхъ на соломѣ, придававшей имъ какой-то особенный пріятный привкусъ—легкаго дыма.

Въ pendant къ этимъ торговцамъ, бойко торговавшимъ на мѣстахъ въ самомъ оживленномъ центрѣ столицы, представляется цѣлая плеяда мелкихъ продавцовъ различнаго товара, ходившихъ по городу и оглашавшихъ обывательскіе дворы громкимъ

---

[1]) Чай въ то время замѣнялся сбитнемъ даже въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ, напримѣръ, въ пріютахъ, Человѣколюбивомъ обществѣ (на Лиговскомъ каналѣ).

выкрикиваніемъ предметовъ своей торговли. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, селедочницы съ корзинками въ видѣ ранца за спиной—съ ранняго утра предлагали покупателямъ „селедки голландскія—селедки". За ними слѣдовали обыкновенно продавцы рыбы, въ плоскихъ бадьяхъ которыхъ плавали еще живые лещи, окуни, лини и пр.

Бойкіе ярославскіе парни съ гвардейской выправкой задорно выкрикивали „молодки, куры битыя". Немного позднѣе являлись солидные старьевщики, бритые въ пестрыхъ чалмахъ татары съ узлами за плечами—подростки, тряпичники, съ объемистыми холщевыми мѣшками и длинными крючками для добыванія изъ мусорныхъ ямъ костей, тряпокъ и пр. хлама.

Съ наступленіемъ весны, когда въ окнахъ домовъ выставлялись двойныя рамы, число этихъ продавцовъ гастролеровъ значительно увеличивалось—появлялись тогда здоровые молодцы, умудрявшіеся удерживать на головѣ поверхъ круглой подушечки огромные лотки, нагруженные цвѣтущими растеніями: цинераріями, гортензіей и др., а также корзиночками съ различными сортами ягодъ, маленькими коробочками неаполитанскаго шоколада, небольшими круглыми жестянками монпасье и пр. сластями. На такихъ же лоткахъ, также прикрытыхъ полотнищемъ пестраго ситца съ большими узорами, предлагалась обитателямъ столичныхъ домовъ—всякая зелень: салатъ, огурцы, редисъ и проч.

Значительно позднѣе появлялись на дворахъ странствующіе музыканты, которымъ предшествовала въ видѣ авангарда цѣлая толпа задорныхъ, праздныхъ, уличныхъ мальчишекъ. Чаще всего приходили шарманщики-итальянцы, исполнявшіе излюбленныя мелодичныя аріи изъ „Трубадура", „Лючіи", „Травіаты", „Марты" и др. Нѣкоторые изъ нихъ приносили съ собой маленькихъ, чахлыхъ, жалкихъ обезьянокъ въ красныхъ фракахъ и крошечныхъ треуголкахъ или колпачкахъ. Изъ форточекъ выбрасывались на мостовую завернутыя въ газетную бумагу мѣдныя монеты—жалостливой прислугой, преимущественно кухарками, приносились кусочки сахара, бѣлаго хлѣба или сладкихъ сухарей для маленькаго жалкаго обитателя тропическихъ странъ. Живо представляется мнѣ худощавая блондинка, не то латышка или шведка (напоминавшая извѣстную примадонну Нильсонъ), устанавливающая свою арфу на обрывкѣ ковра и медленно, неувѣренно перебирающую длинными пальцами многочисленныя струны своего сложнаго инструмента—прислушиваясь въ игрѣ на скрипкѣ старика—вѣроятно отца.

Мнѣ всегда какъ-то особенно жаль было ее — она казалась мнѣ такой болѣзненной, слабой, а игра на такомъ сложномъ инструментѣ, какъ арфа, такой трудной, при плохо оплачиваемомъ исполненіи, хотя бы и не разнообразнаго репертуара. Часто она нѣсколько разъ бросивъ умоляющій взглядъ на окна—какъ-то особенно уныло принималась за повтореніе тѣхъ же пьесъ. Иногда маленькая, рѣзвая дѣвочка старательно била палочкой въ металлическій треугольникъ въ то время, какъ закутанная въ байковый платокъ женщина, подъ аккомпаниментъ своей небольшой скрипучей шарманки, жалостливымъ голосомъ распѣвала „Отгадай, моя родная, отчего я такъ грустна“ или „Хуторокъ“, „Что ты спишь, мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ“ [1]) и пр.

Вышеупомянутые музыканты не встрѣчали такого вниманья со стороны публики и не привлекали столько слушателей, какъ изрѣдка появлявшійся оркестръ изъ 5-ти какихъ-то развязныхъ буршей, въ круглыхъ шапочкахъ, которые на своихъ плохихъ струнныхъ инструментахъ, ускореннымъ темпомъ исполняли излюбленный въ то время „Персидскій маршъ“, Folichon польку и какой-то бравурный галопъ...

Нравились также представленія цѣлой семьи акробатовъ, состоявшей изъ шарманщика-отца и двухъ ловкихъ, одѣтыхъ въ поношенное трико мальчугановъ 7 и 11 лѣтъ. Спѣшно сдернувъ съ себя потертое, порыжѣвшее отъ времени пальто съ оборванными пуговицами, старшій, раскинувъ старый полинявшій коврикъ, принимался кувыркаться — онъ катился колесомъ, кружился волчкомъ, становился на руки внизъ головой. Когда онъ поднимался на ноги, почти тѣ же эволюціи продѣлывалъ младшій, вслѣдъ за тѣмъ взбиравшійся на плечи старшаго, который, боясь потерять равновѣсіе, медленно съ тяжелой ношей — переступалъ съ ноги на ногу. Проворно спрыгнувъ на землю и облегченно вздохнувъ, маленькій гимнастъ, высоко поднявъ надъ головой свой старенькій картузъ, пристально всматривался въ ряды оконъ, изъ открытыхъ форточекъ которыхъ выбрасывалась на камни мостовой—скудная подачка. Поднимая съ земли мѣдныя монеты, онъ привѣтливо кивалъ головой сострадательнымъ обывателямъ.

Но наибольшимъ интересомъ со стороны публики пользовались представленія Петрушки. Они привлекали всегда даже въ

---

[1]) Изъ романсовъ того времени самыми модными были „у камина“, „Только станетъ смеркаться немножко“, „говорятъ, что я кокетка“, „Ея ужъ нѣтъ“ романсы Алябьева, Варламова, Даргомыжскаго.

самую дождливую, плохую погоду массу зрителей, не только домовой прислуги, подмастерьевъ и учениковъ ремесленниковъ, которыхъ хозяева того времени ради дешевизны одѣвали въ тиковые полосатые, опоясанные ремешкомъ—халаты, но и проходившихъ мимо двора: гимназистовъ съ ранцами, лавочныхъ мальчишекъ съ корзинами, прилично одѣтыхъ дѣтей съ нянями. Всѣхъ, казалось, въ одинаковой степени интересовала энергичная палочная расправа, пронзительный крикъ самого Петрушки, реплики остальныхъ участвующихъ лицъ, послѣдовательно высовывавшихся изъ-за ширмы.

Петрушка дѣлалъ сборы, превосходившіе достававшіеся на долю всѣхъ остальныхъ странствующихъ, въ дождь, холодъ и непогоду—жалкихъ, уличныхъ—гастролёровъ.

Взамѣнъ старыхъ, съ гостепріимно настежь открытыми воротами, появились громадные на подобіе американскихъ „небоскребовъ“ многоэтажные дома подобно тому, что высится въ настоящее время возлѣ Екатерининскаго института, занимающій часть сада, прилегающаго къ выходящему своимъ фасадомъ на Фонтанку—домъ графа Шереметева...

Часть стѣны каменной, служившей нѣкогда пріютомъ отъ дождя для кучеровъ громадной извозчичьей биржи—за которой виднѣлись старыя, высокія липы—существуетъ и по сіе время.

Такая же большая извозчичья биржа, состоявшая изъ цѣлаго ряда массивныхъ, четырехъ-мѣстныхъ колымагъ, тянулась по Владимірской улицѣ—подъ окнами гастрономическаго магазина Набликова [1]), помѣщавшагося въ домѣ Палкина [2]).

Я помню хорошо настежь открытыя ворота, съ большой высокой, неугасимой лампадой и каменную стѣну Троицкаго подворья со стороны Троицкаго переулка [3]). Тротуаръ въ двѣ широкія плиты проложенъ былъ внутри двора до воротъ, выходящихъ на Фонтанку возлѣ дома Зиновьева. Мнѣ помнятся большія, старыя березы на этомъ дворѣ — и виднѣвшаяся вывѣска иконописца надъ одноэтажнымъ флигелькомъ, пріютившимся по лѣвую сторону воротъ. На мѣстѣ воротъ съ иконой, старыхъ березъ и каменной стѣны—высится въ настоящее время принадлежащій Троицкому подворью доходный, многоэтажный домъ, низъ котораго занятъ магазинами, а остальные этажи комфортабельными, дорогими квартирами. Противъ воротъ подворья

---

[1]) Нынѣ Соловьева.

[2]) Владѣльца лучшаго въ то время послѣ „Малаго Ярославца“, ресторана.

[3]) Нынѣ Троицкой улицы, застроенной большими высокими домами.

того времени, существовалъ нѣкогда—магазинъ, а при немъ мастерская и квартира—нашего поставщика обуви—Цапки.

На той же сторонѣ на углу Графскаго переулка, внизу помѣщалось питейное заведеніе съ вывѣской „распивочно—на выносъ", стяжавшее печальную извѣстность какимъ-то убійствомъ, съ цѣлью грабежа. На небольшомъ пространствѣ переулка до угла Владимірской ютилось еще нѣсколько подобныхъ заведеній, и потому здѣсь всегда можно было встрѣтить буйную пьяную компанію, заставлявшую прохожихъ уступать себѣ дорогу на узкомъ тротуарѣ.

Любимымъ мѣстомъ прогулки для насъ, дѣтей, до переѣзда на дачу былъ небольшой, тѣнистый садъ при Аничковомъ дворцѣ (ставшемъ съ 1881 любимой резиденціей Императора Александра III и его семьи).

Несмотря на свою сквозную въ то время рѣшетку [1]), онъ большими густыми кустарниками былъ отлично защищенъ отъ пыли и вѣтра, вліянію которыхъ подвергался сосѣдній съ нимъ довольно обширный скверъ на площади Александринскаго театра, гдѣ нынѣ окруженный красивыми клумбами возвышается величественный памятникъ Императрицы Екатерины II.

Публика въ этомъ саду состояла исключительно изъ дѣтей, приносившихъ съ собой веревочку—скакалку, большой обручъ, серсо, тачку и формочки для песка. Блюстителемъ порядка былъ заслуженный солдатъ изъ роты дворцовыхъ гренадеръ; въ длинной черной застегнутой на всѣ пуговицы шинели, со множествомъ медалей, знаковъ отличія на груди. Онъ имѣлъ высокія баки Николаевской эпохи, держался необыкновенно прямо, имѣлъ видъ суровый, строгій и зорко слѣдилъ за играми шаловливой, маленькой публики.

Застигнутыя случайно дождемъ, дѣти часто искали убѣжища подъ арками запаснаго зданія дворца у самаго Аничкова моста, съ интересомъ заглядывая въ окна, сквозь темныя стекла которыхъ, даже въ самые ясные дни, не видна была внутренность помѣщенія.

Такая же галлерея съ арками существовала нѣкогда и подъ зданіемъ Думы, со стороны Невскаго проспекта, и въ нее выходили окна магазиновъ серебряныхъ издѣлій Баймакова, Владимірова и др. Въ слѣдующемъ большомъ домѣ, Лѣсникова, доходившемъ до угла площади Казанскаго собора, помѣщались, такъ называемые, Милютинскія лавки—лучшіе въ Петербургѣ

[1]) Впослѣдствіи наглухо задѣланную со стороны сада.

гастрономическіе магазины Осетрова, Смурова, Кузнецова и пр.—а въ самомъ верху, въ 3-мъ этажѣ со значительно меньшими окнами находился нѣкогда самый фешенебельный послѣ пансіона г-жи Труба—пансіонъ Е. П. Заслевкиной, воспитавшей въ своихъ стѣнахъ, за долгое время своего существованія, не одну сотню молодыхъ дѣвушекъ — петербургскихъ и провинціальныхъ обывательницъ.

На широкомъ тротуарѣ параллельно главному фасаду Гостинаго двора со стороны Невскаго проспекта—съ четверга Вербной недѣли до субботы вечера — происходило оживленное гулянье.—Вдоль тротуара на мостовой выстраивался непрерывный, сплошной рядъ маленькихъ лавочекъ подъ тесовыми или парусинными навѣсами, въ которыхъ быстро раскупались—всякаго рода игрушки, искусственные цвѣты, изукрашенные восковыми херувимами пучки вербы, различныя лакомства—халва, рахатъ-лукумъ, разнообразные пряники. — Проворные мальчишки сновали въ толпѣ со связкой красивыхъ воздушныхъ, разноцвѣтныхъ шаровъ,—предлагали прохожимъ въ маленькихъ стеклянныхъ баночкахъ, наполненныхъ водой, то маленькихъ чертиковъ, то американскихъ звѣрей и т. п. Отъ нажиманія резины—миніатюрныя фигурки тонкаго стекла подпрыгивали, то поднимаясь вверхъ, то спускаясь на самое дно. — Подъ арками Гостинаго двора вербный торгъ начинался съ понедѣльника—мѣста противъ магазиновъ снимались торговками, разскладывавшими на небольшихъ столикахъ свой товаръ, состоящій главнымъ образомъ изъ предметовъ рукодѣлья—тутъ были и газоны съ искусственными цвѣтами, наполненные золой взамѣнъ земли, длинныя гирлянды бумажныхъ розъ, абажуры изъ цвѣтной бумаги, плетеныя кружева, вязанные чулки, шапочки, кофты, перчатки и пр.—Со стороны Невскаго на такихъ же столикахъ греки въ красныхъ фескахъ продавали различные сорта халвы и душистаго Константинопольскаго рахатъ-лукума.

Громадная Адмиралтейская площадь [1]) отъ Александровской колонны до памятника Петра I на Сенатской площади—застраивалась на масляницѣ и Святой недѣлѣ массой балагановъ, изъ которыхъ самыми значительными по величинѣ были принадлежавшіе Малафѣеву и Легату, въ которыхъ давались, пользовавшіеся особеннымъ успѣхомъ у гуляющей публики и привлекавшіе массу зрителей: „Взятіе Гуниба, плѣнъ Шамиля—битва Русскихъ съ Кабардинцами" и пр. Каждое изъ представленій

[1]) Занятая въ настоящее время Александровскимъ садомъ.

заканчивалось непрерывной пушечной пальбой и исполненіемъ излюбленнаго патріотическаго „Славься, славься, нашъ Русскій царь“ и т. д.

Въ другомъ балаганѣ, гдѣ публика кружилась въ лодкахъ вокругъ громаднаго вала — традиціонный балаганный дѣдъ съ пеньковой бородой занималъ толпу остроумными шутками, заключавшимися главнымъ образомъ въ перечисленіи заслугъ и достоинствъ его „старухи“, которая безъ зубовъ грызла орѣхи, безъ капусты варила щи, безъ иглы шила сорочки и т. д. Несмотря на всѣ эти особенныя свойства жены, дѣдъ, обращаясь къ публикѣ, заявлялъ, что согласенъ любому изъ присутствующихъ отдать ее—даже „безъ придачи“ или „обмѣнять на молодую да пригожую“. Его слова, вызывавшія дружные взрывы смѣха, комментировались; изъ толпы давались реплики: „оставайся-ка, старина, при своей — а намъ наши хороши“ и т. д. Дѣдъ всегда импровизировалъ свои остроты—такъ увидѣвъ въ публикѣ щеголеватаго мастерового, подзывалъ къ себѣ, говоря: „а ты, братъ, ближе пойди—франтъ сапоги въ рантъ — босый при шпорахъ“, или „погляжу на тебя, служивый —такъ у тебя видать—всего на грошъ—аммуниціи—а почитай на рубль и того больше—самой этой амбиціи“ и т. д.

Молодежь съ подсолнухами въ горсти и карманахъ парочками толпилась возлѣ перекидныхъ качель. Высоко взлетавшіе на воздухъ взвизгивали отъ страха и волненія. Такіе же возгласы испуга и смѣха слышались и возлѣ высокихъ круглыхъ горъ, по которымъ, быстро перегоняя другъ друга, скользили маленькія, узкія санки.

Тутъ же продавались различныя лакомства и подсолнухи, плитки мака въ меду, различные сорта орѣховъ, мелкіе и крупные пряники, длинные, обернутые въ цвѣтную бумагу съ бахромой, обвитые золотою нитью, на патокѣ леденцы-сосульки [1]).

Длинной вереницей шагомъ въ одну линію, описывая большой кругъ, тянулись экипажи, преимущественно кареты, изъ открытыхъ оконъ которыхъ выглядывали оживленныя дѣтскія лица. Почти непрерывная пушечная пальба въ большихъ балаганахъ, нестройные звуки музыки струнной и духовой, говоръ и смѣхъ наполняли общимъ гуломъ громадное пространство отъ Зимняго дворца до Исаакіевскаго собора.

Большимъ оживленіемъ въ 60-хъ годахъ отличалось и тра-

---

[1]) Окончательно вытѣсненные изъ употребленія дешевыми карамелями какихъ-то анонимныхъ, неизвѣстныхъ фирмъ.

диціонное 1-е мая гулянье въ Екатерингофѣ, несмотря на то, что обыкновенно въ это время въ Петербургѣ стояла погода холодная и вѣтреная, что не было еще зелени на кустахъ и деревьяхъ и только кое-гдѣ пробивалась мелкая, рѣдкая травка— рабочее населеніе столицы преимущественно мастеровые и рабочіе съ семьями, цѣлыми караванами тянулись послѣ полудня съ узелками провизіи и штофами водки — по направленію къ Калинкину мосту.

Болѣе зажиточные ѣхали на гулянье въ извозчичьихъ пролеткахъ (человѣка по четыре „по чемъ съ пуда"), тогда какъ менѣе состоятельные направлялись въ Екатерингофъ на шлюпкахъ, мѣста въ которыхъ брались приступомъ на маленькихъ пристаняхъ Фонтанки.

Гулянье было модное—оживленное. Были и шарманки, и петрушки, и акробаты, и фокусники, и нѣсколько оркестровъ музыки, и торговцы булокъ, бубликовъ, апельсинъ, лакомствъ и пр.

Въ 8 ч. можно ыло встрѣтить въ Екатерингофѣ того времени кавалькады изящныхъ амазонокъ, гвардейскихъ офицеровъ—изящныя ландо и кареты, маленькіе шарабаны и узенькія эгоистки, запряженныя кровными рысаками, которыми щеголяло именитое купечество. Модницы того времени непремѣнно на гуляньѣ въ Екатерингофѣ обновляли свои весенніе туалеты—большія шляпы съ цвѣтами и перьями, широкіе бурнусы, дорогія мантильи, обшитыя цвѣтнымъ кружевомъ.

Такимъ же народнымъ праздникомъ было традиціонное гулянье „смотрины невѣстъ купеческаго сословія" въ Духовъ день въ Лѣтнемъ саду — омраченное въ 1862 г. 28 мая небывало грандіознымъ пожаромъ Апраксина толкучаго, Щукина дворовъ — повлекшее за собой разореніе сотни мелкихъ торговцевъ.

Массу публики привлекалъ въ Павловскій вокзалъ „король вальсовъ Іоганнъ Штраусъ [1]), общій любимецъ дамъ 60-хъ годовъ.

Стоило ему появиться въ оркестрѣ, взмахнуть своей дирижерской палочкой, какъ цѣлая толпа восторженныхъ, пышныхъ, экспансивныхъ поклонницъ въ криполинахъ, широкихъ бурнусахъ, шляпахъ calèche устремлялась къ эстрадѣ, устраивая шумную овацію своему любимцу. Раздавались возгласы, апплодис-

---

[1]) Авторъ 500 музыкальныхъ пьесъ для танцевъ. Оперетокъ: „Цыганскій баронъ", „Каліостро", „Веселая война", „Римскій карнавалъ" и др.

менты, мѣшавшіе несравненному, вдохновенному дирижеру, отвѣчавшему поклонами на всѣ стороны, вступить сразу къ исполненію своей обязанности.

Мужчины въ длинныхъ по таліи „пальмерстонахъ“, накидкахъ „альмавивахъ“ — закидывавшихся однимъ концомъ на плечо, и въ узкихъ высокихъ цилиндрахъ — раздѣляли часто восторгъ и увлеченіе дамъ, исполнительницъ излюбленныхъ вальсовъ „Juristen ball-Tänze“, „Morgenblatten“, „Acceleration“ и пр.

Представляется мнѣ на музыкѣ въ Павловскомъ вокзалѣ видная фигура, благородная осанка Августѣйшаго хозяина Павловска, великаго князя Константина Николаевича въ формѣ Гродненскаго гусарскаго полка [1]), съ моноклемъ въ правомъ глазу, съ малиновымъ кепи на головѣ.

Кепи (сохранившіяся и по нынѣ въ войскахъ французской арміи), какъ головной уборъ, первенствовали надъ всѣми остальными того времени. Ихъ носили кадеты, юнкера, гимназисты-классики, офицеры и нижніе чины армейскихъ и гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ.

Въ 1862 г., когда въ битвѣ при Аспро-Монте былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ популярный итальянскій патріотъ Джузеппе Гарибальди—пользовавшійся большой симпатіей русской публики—въ большой модѣ были низенькія (на подобіе черногорскихъ) мягкія круглыя шапочки [2]), которыя особенно часто можно было видѣть на дѣтяхъ; платья-юбочки съ пришитыми къ нимъ блузками, съ напускомъ носили названіе „гарибальдокъ“.

Одновремено въ модѣ были зашитыя золотомъ по сукну безрукавки—такъ называемыя зуавки [3]), дамскіе бедуины изъ мягкаго, преимущественно бѣлаго кашемира, съ пышными кистями, ангорской шерсти—напоминавшіе одѣяла кочующихъ обитателей африканской пустыни.

Любимымъ украшеніемъ домашняго дамскаго наряда, того времени, были издѣлія изъ полированнаго каменнаго угля: брошки, серьги, медальоны, а въ особенности длинныя сѣти „à la Benoiton“ въ честь французской комедіи „la famille Benoiton“, особенно долго продержавшейся въ репертуарѣ Михайловскаго театра 1862—63 годовъ, благодаря талантливой игрѣ артистовъ M-me Naptal Arno, Ilella-Collas, M-s Worns и др.

---

[1]) Котораго онъ былъ шефомъ.

[2]) Въ какой изображенъ былъ Гарибальди плѣнникомъ на Капрерѣ.

[3]) Зуавы французскіе пѣхотинцы въ арабскомъ костюмѣ.

Изъ пьесъ русскаго репертуара помнятся мнѣ „Хижина дяди Тома“ съ талантливой (недавно скончавшейся) г-жей Читау, „Воробушки“, „Бѣдность не порокъ“, „Женихъ изъ Ножевой линіи“, „Не въ свои сани не садись“, „1-е Ноября или я именинникъ“, „Помолвка въ Галерной Гавани“ и пр.

Въ модѣ были веселые, остроумные водевили, въ которыхъ безподобны были: г-жа Линская въ роли комическихъ старухъ и г. Монаховъ[1] — кутилъ, отставныхъ маіоровъ и лихихъ кавалеристовъ. Его исполненіе многихъ злободневныхъ куплетовъ приводило въ неописуемый восторгъ всю публику отъ 1-хъ рядовъ партера и бельэтажа до галерки и райка—включительно. Его куплеты съ припѣвами „Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь“ или „Ваша рѣчь есть истина святая... „ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли, ужъ мы пили... или впрочемъ я молчу, молчу — это я шучу, шучу, чики-чики-чу не хочу“, вызывали цѣлую бурю аплодисментовъ и нескончаемыя требованія „бисъ“.

Большимъ успѣхомъ на сценѣ Александринскаго театра пользовались П. А. Каратыгинъ[2], Самойловъ, г-жи Жулева, Струйская, Левкѣева и др.

Въ балетѣ дѣлили лавры и имѣли симпатіи публики г-жи Муравьева, Гранцева, Петипа, Кошева, г.г. Стуколкинъ, Пишо, Кшесинскій въ балетахъ „Жизель“, „Конекъ Горбунокъ“, „Царь Кандавлъ“, „Дочь Фараона“ и др.

Въ Буффѣ того времени, помѣщавшемся въ маленькомъ небольшомъ деревянномъ помѣщеніи цирка, гдѣ давались представленія, въ видѣ героическихъ пантомимъ изъ боевой жизни Славянскихъ племенъ, „Смерть Марко Боцара“ и др. дебютировала дива той эпохи—г-жа Шнейдеръ, за ней Жюдикъ и др. Давались впервые оперетки: „Орфей въ аду“, „Синяя Борода“, „Прекрасная Елена“ и др.

Времена измѣнились...

Отошло въ область преданій старины — существованіе въ Невской столицѣ будочниковъ въ каскахъ съ шишаками, почтальоновъ, разносившихъ письма въ штемпельныхъ 10 к. конвертахъ, съ обязательной уплатой 3 к. за ихъ доставку въ обывательскія квартиры, снабженныя нынѣ ящиками „для писемъ и газетъ“. Исчезли безслѣдно сбитещики-саечники, на углу Невскаго и Садовой. Надъ воротами обывательскихъ домовъ

[1] Рано скончавшійся и не имѣвшій подобнаго себѣ замѣстителя.

[2] Котораго я часто встрѣчала въ домѣ дяди ген.-ад. Слѣпцова.

не только столицы—но и большихъ городовъ появились объявленія, запрещающія доступъ на дворы всякаго рода продавцевъ, старьевщиковъ и т. п. Запрещеніе это распространялось и на странствующихъ музыкантовъ, шарманщиковъ, пѣвцовъ, акробатовъ — непремѣнныхъ участниковъ народныхъ гуляній минувшаго прошлаго.

Позабыты люди той эпохи. Только на выцвѣтшихъ отъ времени дагеротипахъ [1]) на полинявшихъ за давностью—фотографическихъ снимкахъ сохранились изображенія модницъ 60 годовъ въ широкихъ кринолинахъ, пышныхъ бедуинахъ, турецкихъ шаляхъ, зуавкахъ и гарибальдкахъ; мужчинъ—въ типичныхъ пальмерстонахъ съ узкими высокими цилиндрами на головахъ; дѣтей—съ плоеными брезочками (оборками на шеѣ въ видѣ воротничковъ) и пр.

Освобожденіе крестьянъ въ 1861 г. отъ крѣпостной зависимости новая эра въ жизни народа, празднованіе тысячелѣтія Россіи въ 1862 году; грандіозный пожаръ въ Апраксиномъ и Щукиномъ дворѣ въ томъ же году — цѣлый рядъ реформъ и преобразованій въ государственномъ управленіи, многія событія исторической жизни др. европейскихъ народовъ, встрѣчавшіе отголоски въ Россіи, сохранились въ памяти не многихъ оставшихся въ живыхъ современниковъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то давно минувшемъ, и Петербургъ съ его до неузнаваемости измѣнившимся въ XX вѣкѣ наружнымъ видомъ не только самаго центра, но и окраинъ, представляется для давно [2]) не побывавшихъ въ немъ — совершенно инымъ, чуждымъ, далекимъ—шумнымъ, моднымъ, богатымъ.

М. Марина.

[1]) Фотографическое изображеніе на мѣдной пластинкѣ, покрытой іодистымъ серебромъ.

[2]) Лѣтъ 40 тому назадъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 1-го января по 12 февраля 1914 г.

Архангельскій, А. С., проф. Введеніе въ исторію русской литературы. Казань. 1913. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 224 стр. Вѣсъ 17 л. 1.200 экз.

Аѳанасьевъ, А. И. Русскія народныя сказки. Т. 2 и 3 подъ ред. Д. Е. Грузинскаго. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (18 × 26). 335 + 292 стр. Съ рис. Ц. по 1 р. 25 к. Вѣсъ 3 ф. по 500 экз.

Валишевскій, К. Сынъ Великой Екатерины Императоръ Павелъ I. Его жизнь, царствованіе и смерть. 1754—1801. По новымъ, большею частью неизданнымъ документамъ. Спб. 1914. Изд. и тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (17 × 25). XXIV + 691 стр. съ 68 иллюстр. и 61 рис. Ц. 6 р. Вѣсъ 4 ф. 10 л. 5.000 экз.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. 1758—1828. Съ предисловіемъ Б. А. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. Ѳ. Ольденбурга. Спб. 1914. Изд. К-ства Огни (Фонтанка, 38). Тип. В. М. Вольфа (Невскій, 127). 8° (16 × 24). XXIV + 163 стр. съ портр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 20 л. 2.000 экз.

Голубевъ, С. Т. Кіево-Выдубицкій монастырь (до монгольское время) Кіевъ. 1913. Тип. Акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16 × 24). 98 стр. Вѣсъ 10 л. 178 экз.

Гроссу, Н., прот. Къ исторіи византійскихъ богомоловъ 12 вѣка (Оттиски изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духовной Академіи“ 1913 г.). Кіевъ. 1913. Тип. Акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 24). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 68 экз.

Значко Яворская, О. Н. Родословіе дворянъ Бернацкихъ. Потомство Рѣчицкаго чашника Антона Бернацкаго. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (19 × 23). 41 стр. Вѣсъ 8 л. 120 экз.

Императрица Екатерина II Великая. Спб. 1914. Изд. Постоян. Комис. Народ. Чтеній. (Екатерининск. кан., 14), 6-е. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер. 4. 16° (12 × 18). 40 стр. Съ 3 рис. Ц. 7 к. Вѣ[illegible] л. 1.200 экз.

Исторія западной литературы (1800—1910). Подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова. Книга 5. М. 1913. Изд. Т-ва Міръ (Знаменская, 9). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (19 × 28). 105—232 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.100 экз.

Кассо, Л. А. Петръ Манега, забытый кодификаторъ Бессарабскаго права. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16 × 25). 22 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Лундъ, К. Разсказы и воспоминанія сроевого офицера изъ русско-японской войны. Спб. 1914. Тип. Григорьева. 8° (15 × 22) 89 стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 12 л.

Михайловъ, К. Н. Императоръ Александръ I Старецъ Θеодоръ Козьмичъ. Историческое изслѣдованіе. Спб. 1913. Изд. Книгоизд. Прометей (Поварской, 10). Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (15 × 21). 295 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 3.100 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Кіевъ. 1914. Тип. 2-й Артели (Владимірская, 43). 8° (17 × 25). VII + 496 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 2 ф. 1.000 экз.

Пособіе къ курсу русскихъ древностей, редактированное В. К. Кіевъ. 1913. Изд. студ. Унив. св. Влад. и слуш. В. Ж. К. Тип. 2-й Артели (Владимірская, 43). 8° (16 × 23). 180 стр. + VIII табл. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 20 л. 500 экз.

Такачевъ, Г. А. Станица Червленная. Историческій очеркъ. Вып. 1-й. Владикавказъ. 1912. Тип. Терскаго Областного Правленія. 8° (15 × 22). XVI + 223 стр. Вѣсъ 15 л.

Успенскій, А. И. Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка. Т. III. (Изъ XXXII тома Записокъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института). М. 1914. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савелов. пер., с. д.). 4° (27 × 36). 400 + II стр. Съ рис. Вѣсъ 6 ф. 8 л. 500 экз.

Абрамовичъ, Н. Я. Религія Толстого. М. 1914. Изд. К-ва I. А. Маевскаго (Скатертный пер., 27). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (14 × 20). 140 + 4 нен. стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова въ СПБ. Каталогъ № 551. Спб. 1913. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Архангельскій, А. С., проф. Русская литература XVIII вѣка. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Казань. 1913. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 96 стр. Вѣсъ 8 л. 250 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Выпускъ 10. Спб. 1913. Изд. Шиповникъ (Николаевская, 31). Тип Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (24 × 30) 343—502 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 7.300 экз.

Даниловъ, В. В. Христіанство и русская литература. Рѣчь. Спб 1913. Тип. Строитель (Фонтанка, 66). 8° (13 × 21). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Модзалевскій, Б. А. А. Голомбіевскій. Некрологическая замѣтка. Отдѣльный оттискъ изъ № 11 „Журнала Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества“ за 1913 г. Спб. 1913. Тип. Имп. Никол. Воен. Акад. (Суворовск., 32б). 8° (13 × 21). 13 стр. съ портр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Огіенко, И. И. Легендарно-апокрифическій элементъ „Въ небѣ новомъ“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка. Кіевъ. 1913. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17 × 26). 60 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Письма князя А. М. Курбскаго къ разнымъ лицамъ. Спб. 1913. Изд. Имп. Археографич. Коммиссіи. Тип. М. Л. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (21 × 29). IX + 114 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 15 л. 1 000 экз.

Стрѣльбицкій, I., прот. Лѣтопись Одесской Духовной Семинаріи (1838—1885). (Къ матеріаламъ для исторіи семинаріи). Часть первая. Одесса. 1913. Тип. Штаба Одесскаго Военнаго Округа. 8° (18 × 27). 362 + XXIV стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 620 экз.

Толстой, И. И. гр. Византійскія монеты. Вып. VI. Монеты Фоки и Ираклія. Спб. 1914. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (21 × 29). 593—720 стр. съ рис. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 400 экз.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. XXIX. Оренбургъ. 1913. Тип. Т-ва Каримова, Хусаинова и К°. 8° (17 × 24). 239 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 350 экз.

Акаемовъ, Н. Ѳ. Тѣни минувшаго (изъ варшавской старины). Варшава. 1914. Тип. Полицейская. 16° (12 × 16). 115 стр. съ рис. и планомъ. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 400 экз.

Антошевскій, И. К. Державный орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ въ Россіи. Спб. 1914. Тип. Екатеринг. Печ. Дѣло (Екатеринг., 7). 4° (23 × 32). 61 стр. съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 17 л. 500 экз.

Дризенъ, Н. В., баронъ. Матеріалы по исторіи русскаго театра. Любительскій театръ. Театральная цензура. Къ біографіямъ писателей и артистовъ. Мелочи театральной старины. Народный театръ. М. 1913. Изд. 2-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пер., с., д.). 8° (18 × 27). 30 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 1.500 экз.

Записки Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II, изд. подъ ред. А. И. Успенскаго. Т. XXIX. М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (18 × 28). VIII + 390 + + XXXI + 16 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 600 экз.

Императорская Публичная Библіотека за сто лѣтъ 1814—1914. Спб. 1913. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (Дворцовая пл., 8). 4° (26 × 35). 481 + XXVI стр. Съ рис. и порт. Вѣсъ 7 ф. 24 л. 1.200 экз.

Кони, А. Ѳ. На жизненномъ пути. Т. I. Изъ записокъ судебнаго дѣятеля. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.) 3-е 8° (16 × 23). 659 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 4.000 экз.

Котляревскій, Н. А. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1913 годъ. Спб. 1913. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17 × 25). 53 + 39 + + 36 + 40 стр. Вѣсъ 22 л. 838 экз.

Лушниковъ, А. Историко-литературная почва перваго славянофильства. Вступит. лекція по исторіи русской литературы въ Казан. Духов. Академіи 28-го сент. 1912 года. Казань. 1913. Тип. Центральная Домбровскаго 8° (16 × 23). 41 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Милица. Прежде и послѣ. Изъ жизни русской интеллигенціи. Спб. 1913. Тип. Разумъ (4-я Рождеств., 21) 8° (17 × 24). 345 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 3. л. 1.000 экз.

Чеховъ, А. П. Письма подъ ред. М. П. Чеховой. Т. 1 (1876—1887). М. 1913. Изд. Книгоизд. писателей, 2-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.) 8° (14 × 21). XXVIII + 462 стр. съ рис. и портр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 3.500 экз.

Чеховъ, А. П. Письма, подъ ред. М. П. Чеховой. Т. II (1892—1896). М. 1914. Изд. Книгоизд. писателей. Тип. П. П. Рябушинскаго (Путник. п., с. д.) 8° (15 × 23). XXIV + 538 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 7.000 экз.

Альбомъ снимковъ съ Царскихъ грамотъ принадлежащихъ Императорскому СПБ. Археологическому Институту. Приложеніе къ юбилейному сборнику 1613—1913. Спб. 1914. Тип. Синодальная f° (36 × 49). 2 стр. + 12 табл. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 300 экз.

Ананьинъ, В. Учебникъ русской исторіи. Для высшихъ начальныхъ училищъ и торговыхъ школъ. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., св. д.). 8° (17 × 24). 182 стр. Съ рис. Ц. 70 к. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Болсуновскій, К. В. Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края. Вып. III. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва Е. А. Синькевичъ (Владимірская, 16). 4° (26 × 34). 13 стр. Вѣсъ 6 л. 400 экз.

Боратынскій, Е. А. и Веневитиновъ, Д. В. Собраніе сочиненій со вступительными статьями. Спб. 1913. Изд. Жизнь для всѣхъ. Тип. Двигатель (Казначейск., 6). 8° (14 × 21). 410 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 27 л. 1.500 экз.

Заболотскій, П. А. Очерки о русскихъ писателяхъ XIX в. у славянъ. Содержаніе: 1) Сорочинская ярмарка Гоголя въ славянскихъ переводахъ. 2) Чехи и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ и статей о Лермонтовѣ у чеховъ къ 100-лѣтію рожденія поэта. 3) Словаки и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ изъ Лермонтова у словаковъ. Нѣжинъ. 1913. Тип. Наслѣдн. В. К. Меленевскаго. 8° (18 × 27). 9 + 15 + 3 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Прибавленіе къ выпуску 50-му. (Хроника и библіографія, вып. 24-й). Спб. 1913. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20 × 28). 179 стр. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 900 экз.

Ляскоронскій, В. Г. Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно,-вѣчевое время. Спб. 1913 г. Тип. Сенатская. 8° (17 × 26). XLIV + 363 стр. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 220 экз.

Розановъ, И. Н. Русская лирика отъ поэзіи безличной—къ исповѣди сердца. Историко-литературные очерки. М. 1914. Изд. Изд-ва Задруга. Тип. П. П. Рябушинскаго (Путинковскій пер., с. д.). 8° (16 × 24). 416 + нен. стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1.200 экз.

Юбилейный сборникъ Императорскаго С.-Петербургскаго археологическаго института. 1613—1913. СПБ. Тип. Синодальная. 4° (22 × 32) XLVI + 200 + XXVII + 118 стр. Вѣсъ 4 ф. 300 экз.

Бардовскій, А. Ф. Патріотическій Институтъ. Историческій очеркъ за 100 лѣтъ. 1813—1913 г. Спб. 1913 г. Тип. Т-ва Е. Вейерманъ и Ко. (Благовѣщенская пл., 3). 8° (18 × 26). 285 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 700 экз.

Дунаевъ, Б. Воскресенскій Лѣтописецъ и его продолженіе за 18 19 в.в. служилымъ человѣкомъ Ф. И. Нащокинымъ (Изъ Т. III Трудовъ Археологической Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (14 × 22). 20 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Жидовцева, К. Матеріалы къ исторіи Харьковскихъ Александро-Невскихъ церковно-приходскихъ школъ. Харьковъ. 1914. Изд. Попеч. Сов. Харьковск. Александро-Невскихъ школъ. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (17 × 25). 47 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Ивановъ, П. И. Пермская веревная книга 1751 г. (Къ вопросу о крестьянскомъ податномъ обложеніи въ XVIII в. по новымъ архивнымъ даннымъ. (Изъ Т. III. Трудовъ археологической коммиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества). М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (14 × 21). 136 стр. + 1 табл. Вѣсъ 14 л. 50 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 47. Спб. 1913. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20 × 29). 158 стр. Съ 137 рис. и 5 табл. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 900 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 49. Спб. 1913. Тип. Гл. Упр. удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20 × 29). 140 стр. Съ 54 рис. и 12 табл. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 900 экз.

Каталогъ изданій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16 × 24). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Котовичъ, Вл. Краткій обзоръ исторіи и современнаго политическаго положенія Монголіи. Приложеніе къ картѣ Монголіи, составленной по даннымъ бывш. Россійскаго уполномоченнаго въ Ургѣ И. Я. Коростовца. Спб. 1914. Изд. О-ва А. Ильина. Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 25). 44 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 1.500 экз.

Къ пятидесятилѣтію земскихъ учрежденій, къ исторіи организаціи и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губ. Саратовъ. 1914. Изд. Саратовск. Ученой Архивн. Коммис. Тип. Союза Печатнаго Дѣла. 8° (17 × × 26). 74 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 800 экз.

Масловъ, С. А. Земство и его экономическая дѣятельность за 50 лѣтъ существованія 1864—1914. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (14 × 21). 98 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Николай Михаиловичъ Великій Князь. Русскій провинціальный Некрополь. Томъ первый. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. (Пименовская, с. д.). 8° (19 × 28). IX+1.008 стр. Вѣсъ 6 ф. 2 л. 500 экз.

Пановъ, Николай А., прот. Лѣтопись гор. Острова и его уѣзда, Псковской губерніи (Матеріалы къ исторіи гор. Острова и его уѣзда). Островъ. 1913. Тип. А. І. Фуфаевой. 8° (16 × 24). II + 416 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 500 экз.

Приселковъ, М. Д. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в. Положенія. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16 × 24). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 250 экз.

Русская Правда. Подъ ред. А. И. Яковлева. Памятники русской исторіи. М. 1914. Изд. Т-ва В. Думнова (Мясницкая, 5). Тип. В. М. Саблина (Петровка. 26). 8° (18 × 28). 50 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

S. P. Украинская иконопись и скульптура въ Черниговскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ. Замѣтка. (Отд. оттиски изъ „Черниговской Зем. Недѣли"). Черниговъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (14 × 22). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 20 экз.

Соколовъ, Пл. Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка. Кіевъ. 1913. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомірская, 20). 8° (18 × 27). 577 стр. Ц. 4 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 400 экз.

Хрещатицкій, Б. Р. Исторія лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка 1775—1813—1875—1913. Часть первая. Спб. 1913. Тип. Голике и Вильборга. 4° (28 × 38). 405 стр. съ рис. и портр. Вѣсъ 10 ф. 4 л. 500 экз.

Эдингъ, Борисъ, фонъ. Ростовъ Великій Угличъ. Памятники художественной старины. Игорь Грабарь. Русскіе города разсадники искусства. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Вып. I. Спб. 1914. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Г. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24 × 31). 198 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 8.000 экз.

Юнге, Е. Ѳ. (урожд. графиня Толстая). Воспоминанія (1843—1860 г.). Историческая библіотека Сфинкса. Т. X. М. 1913. Изд. Кн-ва Сфинксъ Н. Ф. Прорубникова. Тип. Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ (Б. Никитская, 9). 8° (17 × 23). XV + 489 стр. + 52 листа рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 2.200 экз.

Бартенсонъ, В. Б. За 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15 × 23). IV + 283 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 27 л. 2.000 экз.

Бороздинъ, И. Н. В. О. Ключевскій. (Некрологъ). М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой, 16° (13 × 16). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Глухаревъ, Н. П. Матеріалы для исторіи города Бобровска и его уѣзда. Томъ I. Легенды, обряды, обычаи, повѣрья и т. п. Бобровскъ. 1913. Тип. А. В. Муратовой. 8° (18 × 26). 122 + III стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 400 экз.

Головинъ, К. Ѳ. (Орловскій). Русскій романъ и русское общество. Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва А. Ф. Марксъ (Измайловскій, пр., 29), 3-е. 8° (17 × 25). 520 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 3.250 экз.

Дарскій, Д. С. „Чудесные вымыслы“. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер. с. д.). 8° (16 × 24). 136 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 22 л. 1.000 экз.

Джонсъ, Э. Д., проф. Военная исторія и наука промышленной администраціи. Перев. и доп. И. И. Рихтеръ. (Извлечено изъ журнала „Инженеръ“ за 1913 годъ). Кіевъ. 1913. Тип. Т-ва И. И. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 4° (25 × 32). 30 стр. Вѣсъ 9 л. 110 экз.

Древности. Труды археографической комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Изд. подъ ред. И. Н. Бороздина. Т. III. М. 1913. Тип. А. Снегировой (Остоженка Савеловскій пер., с. д.). 4° (27 × 36). 318 стр. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 600 экз.

К. Р. Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16 × 24). 13 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Острогорскій, Викторъ и Семеновъ Д. Русскіе педагогическіе дѣятели. 1. Н. И. Пироговъ—В. Острогорскаго, 2. К. Д. Ушинскій—его-же, 3. Н. А. Корфъ—Д. Семенова. Спб. 1914. Изд. Н. В. Ельманова, 3-е. Тип. А. Э. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8° (15 × 22). 85 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Покровскій, В. Очерки по исторіи русской литературы въ изслѣдованіяхъ ученыхъ. Пособіе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній. Ч. IV. Достоевскій, Л. Толстой, Полонскій, Майковъ, Фетъ, А. Толстой, Некрасовъ. М. 1913. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (15 × 22). VII + 374 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 3.000 экз.

Саводникъ, В. Краткій курсъ исторіи русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. М. 1914. Изд. 2-е. исправл. и доп. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16×24). 484 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 15.025 экз.

Улановъ, В. Я. Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ. М. 1914. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16 × 23). 283 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 5.000 экз.

Афанасьевъ, А. Н. Народныя русскія легенды. Редакція и предисловіе С. К. Шамбинаго. М. 1914. Изд. К-ва Современныя проблемы. (Б. Никитская, 24). Тип И. Люндорфъ (Срѣтенскія ворота, 1) 8° (14×21). 316 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 27 л. 2.000 экз.

Богоявленскій, С. К. Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ. Матеріалы. М. 1914. Изд. Имп. о-ва исторіи и древностей россійскихъ Московскомъ университетѣ. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (19 × 28). XXI + 189 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 300 экз.

Варнеке, Б. В., проф. Исторія русскаго театра. Спб. 1914. Изд. Н. Н. Сергіевскаго, 2-ое знач. доп. Тип. Мин. Внут. Дѣлъ. 8° (16 × 24). X + 701 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 200 экз.

Васинъ, Н. Демидовы. Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи. М. 1913. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 16. (11 × 17). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 12.000 экз.

Иваскъ, У. Г. Жизнь и труды Василія Ивановича Собольщикова, старшаго библіотекаря и архитектора Императорской Публичной Библіотеки. М. 1914. Изд. Л. Э. Бухгеймъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская. с. д.). 8° (15 × 22). 59 стр. съ портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 12 л. 350 экз.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. VI. Ч. II. Славянство въ началѣ XIX в. и Россія въ царствованіе Императора Николая I. (Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.). М. 1914. Изд. Сотрудника школъ А. К. Залѣсской (Воздвиженка, д. Армандъ) и Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, д. Сытина). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17 × 24). 384 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 5.000 экз.

Козминъ, Киръ. Былое. (Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера). (Изъ № 24 „Извѣстій Архангельскаго Об-ва изуч. Русск. Сѣвера" за 1913 г.). Архангельскъ. 1913. Тип. Губернская. 8° (16 × 26). 13 стр. Вѣсъ 3 л. 60 экз.

Лосевъ, С. А. Ксенія Ивановна Романова (Великая Государыня инокиня Марѳа). Въ память трехсотлѣтія Дома Романовыхъ (От. изъ журн. „Народн. Образ. въ Вил. Уч. Окр." 1913 года № 12). Вильна. 1913. Изд. автора. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, с. д.). 8° (16 × 23). 27 стр. Съ портр. Ц. 65 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Московскій художественный театръ. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Томъ II (1905—1913 г.). М. 1914. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл.. Филипповскій пер., 11). 4° (23 × 30). 129 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 3.030 экз.

Норцовъ, А. Н. Воспоминанія о Павлоградскихъ Лейбъ-Гусарахъ Его Величества (1878—1880) (Отрывки изъ записокъ). Бывшаго Павло-

градскаго Лейбъ-гусара. Тамбовъ. 1913. Тип. Н. И. Бердоносовъ и С-нъ 8° (18 × 26). 166 × 2 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 31 л. 500 экз.

Памятная книжка Спб. губерніи на 1914—1915 г. Спб. 1914. Изд. Спб. Губ. Статист. Ком. Тип. Губернская (ул. Глинки, 8). 8° (14 × 20). XXVII + 82 + 547 стр. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 950 экз.

Покровскій, В. И. А. В. Кольцовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1914. Изд. 3-е, дополн. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (16 × 25). 171 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 17 л. 4.800 экз.

Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Львовская лѣтопись. Часть 2-я. Томъ XX. Спб. 1914. Изд. Имп. Археол. Комиссіи. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43) 4° (29 × 38). 419—618 стр. Вѣсъ 2 ф. 3 л. экз.

Селивановъ, А. В. Матеріалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибея. Ч. 2-я. Рязань. 1913. Тип. Губернская. 8° (17 × 26). 245 + VI стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 450 экз.

Срезневскій, В. И. Тукалевскій, В. Н. Толстовскій музей въ С.-Петербургѣ. Краткое описаніе музея. Спб. 1913. Тип. Сенатская. 16° (15 × 19). 64 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Троицкій, Николай. Тульскій Успенскій Женскій Монастырь. Историко-археологическій очеркъ по поводу совершавшагося 300-лѣтія Царствующаго Дома Романовыхъ. Тула. 1913. Тип. Н. К. Конышевой. 8° (18 × 25). 95 стр. + 14 л. ст. рис. Вѣсъ 16 л. 600 экз.

Церковно-археологическій отдѣлъ при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ 1900—1913 гг. (Краткій обзоръ его жизни и дѣятельности). М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16 × 24). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Шеленговскій, И. И. Исторія 69-го пѣхотнаго Рязанскаго полка. Томы 1-й, 2-й и 3-й. Люблинъ. 1909. Тип. А. Раздобы и Ю. Петржиковскаго 8° (18 × 27). 521 + XIX + 13 + 775 + XXIV + 733 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 ф. 13 л. 500 + 200.200 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка.

Въ статьѣ г. Артурова „Встрѣча“, въ февр. книгѣ на стр. 442 двадцатая строка снизу, напечатано: „Эти страшныя минуты, пережившія“—а слѣдуетъ читать—„Эти страшныя минуты переживанія“.

Редакторъ издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1914 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Приложенія.

Библіографическій листокъ.

1. Виленскій Временникъ. Книга V. Акты и документы архива Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генералъ-губернаторскаго управленія, относящіеся къ исторіи 1812—1813 г.г. Часть I. Переписка по военной части. Вильна 1912 —Часть II. Переписка по части гражданскаго управленія. Вильна. 1913 г. (на оберткѣ январьской книги).

2. Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ третій. Юрій Шамуринъ. Подмосковныя. Выпускъ пятый. Ю. и З. Шамурины—Москва въ ея старинѣ. Изд. т-ва Образованіе. Москва 1912 и 1913 г.г. (тамъ же).

3. Виленскій Временникъ. Книга VI. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возстанію 1863—1864 г.г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Часть I.

Переписка по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія съ 1 января 1862 г. по май 1863 г. Составилъ А. И. Миловидовъ. Вильна 1913 г. (тамъ же).

4. Труды Псковскаго Археологическаго Общества. 1912—1913 г.г. Выпускъ 9-й. Псковъ 1913 г. (тамъ же).

5. Полоцко-Витебская старина. Изд. Витебской архивной комиссіи. Вып. II. Витебскъ 1912 г. (тамъ же).

6. Б. Модзалевскій. Къ біографіи Новикова. Письма его къ Лабзину, Чеботареву и др. 1797—1815. Спб. 1913 г. (на обертк҃ѣ февральской книги).

7. Заграфскій Трифологій. Со статьями А. И. Соболевскаго, прот. М. Лисицына, прот. В. Металлова и А. В. Преображенскаго. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1913 г. (тамъ же).

8. Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томы VIII, X, XV, XVI, XX. Спб. 1911—1913 (тамъ же).

9. Алексѣй Некрасовъ. Очерки изъ исторіи славянскаго орнамента. Человѣческая фигура въ русскомъ тератологическомъ рукописномъ орнаментѣ XIV вѣка. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1913 г. (тамъ же).

10. Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ X. Полтава 1913 г. (тамъ же).

11. А. Стилле. Карлъ XII какъ стратегъ и тактикъ въ 1707—1709 г.г. Переводъ со шведскаго А. Полторацкаго. Съ предисловіемъ проф. С. Платонова (на обертк҃ѣ мартовской книги).

12. Вирши праздничныя и обличительныя на аріанъ конца XVI—XVII вѣка. Сообщеніе С. А. Щегловой. Изд. Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1913 г. (тамъ же).

13. „Исторія 104 пѣхотнаго Устюжскаго генерала князя Багратіона полка. Томъ I. 1785—1796 г. г. Составилъ по документамъ Архива Главнаго штаба и Московскаго его отдѣленія полковникъ Н. П. Поликарповъ. Вильна. Типо-литографія штаба Виленскаго военнаго округа“ (тамъ же).

14. Г. Артуровъ. На жнивѣ смерти. Портъ-Артурскіе разсказы. Москва 1913 года (тамъ же).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. АПРѢЛЬ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портреты: Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ) и 2 портрета къ статьѣ „Страничка семейной хроники“ Вячеслава Шахматова: 1) Прасковья Ивановна Шахматова и 2) Маргарита (Матрена) Ивановна Безобразова.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1914 года.

Библіографическій листокъ.

Н. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ Доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Историч. очеркъ. Оренб., 1913.

Весьма обстоятельный очеркъ жизни хорошаго человѣка и недюжиннаго общественнаго дѣятеля. Ксендзъ Зеленко (1797 — 1860) оставилъ въ оренбургскомъ краѣ неизгладимую добрую память какъ энергичный благотворитель и разносторонній культурный работникъ. Извѣстный оріенталистъ В. В. Григорьевъ писалъ о немъ: „Зеленко повсюду одинаково дѣлалъ возможное для него добро, услуживая всѣмъ и каждому, и результатомъ было то, что онъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ краю съ четырьмя милліонами народонаселенія и сохранилъ эту все возраставшую популярность до самой кончины... Зеленко знали повсюду въ краю и повсюду любили: знали и любили не одни сильные міра сего, но и меньшая братія, и меньшая братія еще болѣе, чѣмъ старшая... Его можно было встрѣтить вездѣ, гдѣ люди страдали и нуждались въ утѣшеніи или помощи... Столь памятный Оренбургу 1848 годъ, когда холера свирѣпствовала здѣсь съ ужасающей яростью, когда некому было не только лѣчить заболѣвающихъ, но и хоронить умершихъ, показалъ, что Зеленко былъ не только добрый въ высшей степени человѣкъ, но и герой самоотверженія“.

М. О. Ковалевскій. Древній Востокъ и первобытная Грецiя. 2-ое и исправл. изд. Казань 1914.

Нынѣшняя программа гимназическаго преподаванія исторія стремится, по выраженію объяснительной записки, прежде всего внушить учащимся „ощущеніе жизни“. Только тогда, когда на ученика повѣетъ ея подлиннымъ дыханіемъ, онъ станетъ охотно и плодотворно усваивать знанія и ему „остальное приложится“. Это основное требованіе вызвало къ жизни учебники новаго типа, съ значительнымъ уклономъ отъ прежней сухой прямолинейности въ сторону эстетизма и вообще картинности. Однимъ изъ лучшихъ подобныхъ руководствъ по курсу третьяго класса гимназіи является книжка г. Ковалевскаго. Она построена схематично, написана живо, иллюстрирована безъ лишней пестроты, но старательно и съ полнымъ соотвѣтствіемъ тексту.

П. Дульскій. Памятники казанской старины. Изд. С. В. Соломина. Казань 1914.

„Постараемся“—говоритъ авторъ—„воспроизвести былую Казань на основаніи уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины, раскопаемъ въ архивахъ рядъ старинныхъ, полуистлѣвшихъ гравюръ, хранящихъ тайны прежнихъ вѣковъ, и прислушаемся къ говору этихъ графическихъ сказаній, ревниво оберегающихъ сказочный міръ отлетѣвшаго времени. Подойдемъ поближе къ забытой и разрушаемой старинѣ, полюбимъ по типу ея кра-

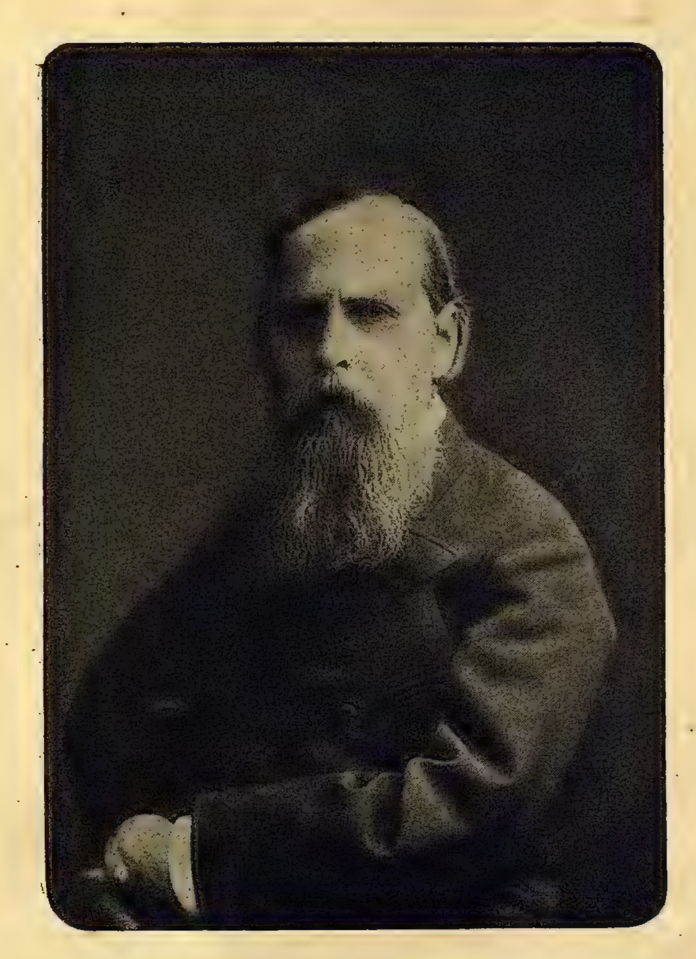
Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ, принимающихъ подписку.

Редакція журнала «Русская Старина» доводитъ до свѣдѣнія, что **съ 1-го января будущаго 1915 года, подписная цѣна на это изданіе будетъ увеличена на одинъ рубль.**

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи **вмѣсто 9-ти рублей—10 рублей; за границу, вмѣсто 11-ти рублей—12 рублей.**

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

Михаилъ Евграфовичъ
САЛТЫКОВЪ. (ЩЕДРИНЪ).

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „**Русская Старина**" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **С. Е. О.** — „Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взятіи Парижа". „Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны". **П. А. Зотова.**—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.". Записки **Н. В. Исакова.**—„Военныя дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія. **Е. С. Шумигорскаго.** — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I". „Смольный монастырь". „О запискахъ Екатерины II". **А. З. Попельницкаго.**—„Спеціальная цензура книгъ". **П. К. Козлова.**—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ". **А. М. Колонтай.**—„Записки генерала М. А. Домонтовича" **П. Л. Юдина.**—„Посольство Марины къ шаху Аббасу". „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ". **А. С. Панкратова.** — „Старообрядцы и Наполеонъ I". **В. А. Андерсона.** — „Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг." **Н. К. Полеваго.**—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г." (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). **Сообщ. Е. С. Шумигорскій.** — „Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года". „Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина". „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I". **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **С. Н. Брайловскаго.**—„Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ". **А. С. Лацинскаго.**—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году". **В. А. Арсеньева.**—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову". Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. **П. А. Висковатова.** „Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу". **И. В. Мѣщанинова.** — „Два письма Аракчеева". **И. П. Мордвинова.**—„Гибель крамольнаго рудомета". „Демократъ двадцатыхъ годовъ". „Непризнанный геній". **Ф. П. Уловича.**—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій". **Н. А. Мурзанова.**—„Къ біографіи декабристовъ: [кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина". **В. Дометти.**—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ". **Н. П. Хитрово.**—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году". **М. В. Безобразовой.**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **В. А. Степанова.**—„Таинственный преступникъ". **А. М. Самбурскаго.**—„Очерки изъ семейной жизни". **Владиславлева.** — „Подонки родины". **С. В. Танѣева.**—„Курьезы старой Москвы". **З. А. Слезкинской.**—„Неудачная опека". **С. С. Чеха.**—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты". **М. В. Станиславскаго.**— „Э. Ф. Направникъ". **С. Н. Введенскаго.**—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ". „Демонскіе лики въ Рязани". **Т. М. Оленникова.** — „Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи". **Е. С. М.**—„Депутатъ отъ Россіи". **Н. Ф. Мельницкаго.**—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну". **Д. М. Лаврова.** — „Углицкій ссыльный колоколъ". **Н. И. Морозова.**—„Люди и нравы за полвѣка". **Б. В. Каховскаго.**—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г." **Е. К. Андріяшевой.**—„Воспоминанія стараго педагога". Воспоминанія **Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа **Н. П. Игнатьева** о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

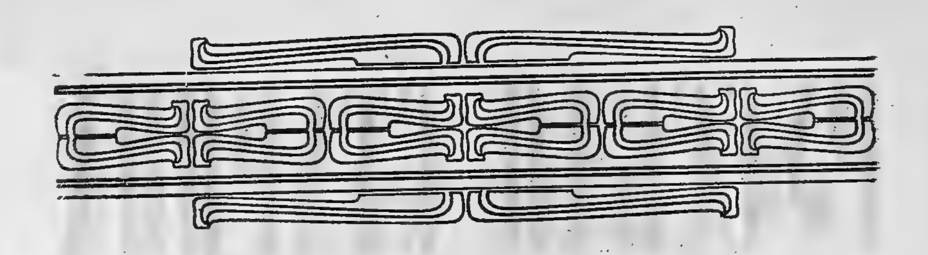
1914.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. [1]).

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова) [2]).

Нѣкоторые посланники, аккредитованные при дворахъ, которые мнѣ пришлось посѣтить, отнеслись къ моему пріѣзду съ самаго начала холодно и подозрительно, а графъ Шуваловъ не дождался даже моего отъѣзда изъ Петербурга, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ выразить свое отрицательное отношеніе къ моей поѣздкѣ въ Лондонъ. Въ отвѣтъ на телеграмму канцлера, извѣщавшую его о рѣшеніи русскаго Императора, русскій посланникъ въ Лондонѣ отвѣтилъ нижеслѣдующей телеграммой:

„Лондонъ, 17/28 февраля. Ваше сіятельство также какъ и мой коллега, надѣюсь, считаете меня неспособнымъ руководствоваться личными побужденіями, когда дѣло идетъ о существенныхъ нашихъ интересахъ. Я передалъ содержаніе вашей телеграммы Салисбюри, который умоляетъ, чтобы Игнатьевъ не пріѣзжалъ въ настоящую минуту. Это вызвало бы внезапный поворотъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, оживило бы тайныя симпатіи къ туркамъ и увеличило бы затруднительное положеніе министерства (?) и Салисбюри; первый министръ отнесся бы къ намъ враждебнѣе (!), его коллеги—недовѣрчивѣе, и послѣдствія этого сказались бы въ декабрѣ. Салисбюри хотѣлъ бы (?), чтобы я встрѣтился съ Игнатьевымъ на континентѣ и по возвращеніи передалъ бы ему объясненія Игнатьева“ [3]).

---

[1]) Въ мартовской книгѣ на стр. 491 четырнадцатая строка сверху вкралась опечатка, напечатано: „Айгунскаго“, а надлежитъ читать „Пекинскаго“. *Ред.*

[2]) См. „Русская Старина“ мартъ 1914 г.

[3]) Графъ Шуваловъ объявилъ маркизу Салисбюри о моемъ пріѣздѣ въ такихъ выраженіяхъ, что у него получилось впечатлѣніе, будто графъ

Эта телеграмма была получена въ Петербургѣ въ моментъ моего отъѣзда. Императорскій кабинетъ былъ до того озадаченъ ею, что въ Петербургѣ едва не отказались отъ мысли о моей дипломатической поѣздкѣ, о которой уже была оповѣщена вся Европа. Пожалуй, дѣйствительно было бы лучше отказаться отъ нея, нежели ставить русскаго посла въ двусмысленное положеніе, созданное тѣмъ воинственнымъ политическимъ теченіемъ, которое министерство иностранныхъ дѣлъ никогда не умѣло ни обуздать, ни направить какъ слѣдуетъ. Было ясно, что рѣшеніе вопроса зависѣло всецѣло отъ Лондона и что было совершенно безполезно заинтересовывать прочіе кабинеты въ проектѣ протокола, коль скоро онъ могъ быть отвергнутъ, и повторять такимъ образомъ исторію съ берлинскимъ протоколомъ.

Императоръ вызвалъ меня къ себѣ такъ, какъ я былъ, въ дорожномъ костюмѣ, сообщилъ мнѣ содержаніе телеграммы Шувалова, и въ отвѣтъ на мои слова, что, предоставляя себя всецѣло въ распоряженіе Его Величества, я отнюдь не имѣю особеннаго желанія подвергать себя непріятностямъ, которыя сулитъ мнѣ эта поѣздка, и что можетъ быть было бы лучше возложить это порученіе на кого-нибудь другого, напр. на Валуева или на самого Шувалова, императоръ приказалъ мнѣ ѣхать, разрѣшивъ однако испросить по телеграфу позволеніе отправиться въ Англію, если бы въ Парижѣ оказалось, что этого требуютъ обстоятельства. Я повиновался, но, ревностно исполняя возложенное на меня порученіе, я съ этой минуты уже не ожидалъ отъ него благопріятнаго результата, если не считать того, что императорскій кабинетъ могъ, такимъ образомъ, скорѣе отдѣлаться отъ циркуляра князя Горчакова.

Съ самаго моего пріѣзда въ Берлинъ для всѣхъ было ясно, что точка зрѣнія, которую отстаивалъ, въ своихъ личныхъ цѣляхъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ, была ошибочна. При первомъ же свиданіи со мною, Бисмаркъ заявилъ, что ему извѣстно, „что я не ѣду въ Лондонъ, вслѣдствіе возраженій, сдѣлан-

---

во что бы то ни стало хотѣлъ помѣшать пріѣзду своего коллеги въ Англію; это говорила мнѣ въ Парижѣ маркиза, его супруга. Маркиза Салисбюри провела въ Парижѣ два дня вмѣстѣ со мной и моей женой, приглашала насъ отъ имени своего мужа въ Лондонъ и была съ нами въ высшей степени любезна. Что касается поворота въ общественномъ мнѣніи Англіи, которымъ запугивалъ насъ гр. Шуваловъ, то это было бы для насъ все-же благопріятнѣе, нежели создавшееся тамъ настроеніе.

Прим. авт.

ныхъ Шуваловымъ; становясь на нашу точку зрѣнія, онъ очень сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ вся трудность вопроса заключалась въ положеніи, занятомъ англійскимъ кабинетомъ, а протоколъ не могъ бы быть подписанъ, если бы Биконсфильдъ и Салисбюри не изъявили на это своего согласія".

По свѣдѣніямъ, полученнымъ германскимъ канцлеромъ, Салисбюри вернулся изъ Константинополя какъ нельзя лучше настроенный по отношенію къ намъ и къ христіанамъ, но онъ скоро подмѣтилъ, что „теченіе, поддерживаемое Биконсфильдомъ", имѣло несравнено болѣе вліянія на торійскую партію, нежели онъ предполагалъ; это открытіе заставило его измѣнить свой взглядъ и согласовать, въ интересахъ партіи, свои поступки и слова съ тѣмъ, что говорилъ первый министръ во избѣжаніе разногласій въ кабинетѣ.

Бисмаркъ понималъ, что мое появленіе поставило бы Салисбюри въ неловкое положеніе, такъ какъ ему пришлось бы вступить въ пререканія со своими коллегами, чтобы оправдать свою подпись подъ актами, выработанными на конференціи, а также нравственныя обязательства, принятыя имъ по отношенію ко мнѣ. Было ясно, что въ интересахъ нашей политики слѣдовало заставить Салисбюри поступить именно такъ, а не облегчать ему перемѣны, которой добивался Биконсфильдъ [1]). Со времени закрытія конференціи наша задача все болѣе и болѣе осложнялась.

---

[1]) Биконсфильдъ (Бенджаминъ Дизраэли, лордъ Beaconsfield, виконтъ Гугенденъ)—знаменитый англійскій государственный дѣятель и писатель, род. въ Лондонѣ въ 1804 г. Въ началѣ русско-турецкой распри Биконсфильдъ—былъ совершенно готовъ выступить въ пользу Турціи съ оружіемъ въ рукахъ. Но въ этомъ ему помѣшала могущественная оппозиція, организованная предводителемъ либераловъ Гладстономъ противъ англо-турецкаго союза. Тѣмъ не менѣе, своимъ угрожающимъ положеніемъ относительно Россіи и поданной Турціи тайной надеждой на поддержку Англіи, онъ много содѣйствовалъ неуспѣху европейской конференціи въ Константинополѣ и начатію военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей. По закрытіи сессіи 1876 г., чувствуя себя по преклонности лѣтъ неспособнымъ къ дальнѣйшему предводительству въ нижней палатѣ, Б. сложилъ съ себя эту обязанность и былъ возведенъ въ званіе виконта Гугенденъ и графа Б. Во все время войны онъ сохранилъ нейтралитетъ, не скрывая однако своихъ симпатій къ туркамъ. Когда же война окончилась въ пользу Россіи и турки обратились къ посредничеству Англіи, онъ принялъ вызывающее положеніе, послалъ въ январѣ 1878 г. военный флотъ въ Дарданеллы и, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, многіе существенные пункты котораго ему хотѣлось измѣнить, призвалъ къ оружію резервы и вызвалъ въ Мальту 7.000 индійскихъ войскъ (апр. 1878).

П. В.

Обмѣнявшись со мною визитами и встрѣчаясь затѣмъ со мною въ обществѣ, англійскій посланникъ не разъ упрекалъ меня за то, что я не ѣхалъ въ Англію, и говорилъ съ сожалѣніемъ о впечатлѣніи, которое это „изъятіе“ произведетъ на общественное мнѣніе его страны. Онъ былъ увѣренъ, что мои личныя сношенія съ англійскими министрами не только не помѣшали бы успѣху соглашенія и заключенію мира, къ чему я видимо стремился, а, напротивъ, облегчили бы достиженіе желаемой цѣли и могли бы даже привести къ полному единодушію въ Восточномъ вопросѣ. На его незаслуженные упреки, что я пренебрегаю интересами дѣла, въ которыхъ я совершенно ясно даю себѣ отчетъ, я отвѣтилъ, какъ я и писалъ о томъ князю Горчакову въ письмѣ отъ 22 февраля (6 марта), что первоначально я намѣревался проѣхать изъ Берлина въ Лондонъ, чтобы посовѣтоваться съ окулистомъ Либрейхомъ [1]), котораго мнѣ рекомендовалъ Одо Руссель, но такъ какъ, судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи, и принявъ во вниманіе, что мой пріѣздъ совпалъ бы съ преніями въ парламентѣ по Восточному вопросу, я полагалъ, что мое присутствіе могло стѣснить министровъ и въ особенности Салисбюри, я счелъ долгомъ отказаться пока отъ этой поѣздки. Одо Руссель оспаривалъ это предположеніе, какъ ни на чемъ ни основанное, и приводилъ доводы, противъ которыхъ ничего нельзя было возразить. Онъ не соглашался съ тѣмъ, что конференція была неудачна. Дипломаты и общественное мнѣніе Европы не знаютъ Турцію такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ говорилъ онъ, и не вѣрятъ правдивости того, что утверждаетъ Россія, считая ея мнѣніе „пристрастнымъ“. Благодаря Константинопольской конференціи и многочисленнымъ документамъ, которые были предъявлены мною и переданы моимъ коллегамъ, истина выяснилась и отнынѣ кабинеты уже не могутъ игнорировать ее. Кромѣ того, благодаря личному знакомству великобританскихъ и русскихъ уполномоченныхъ, неожиданно создалась почва для взаимнаго пониманія. На мое замѣчаніе, что получалось впечатлѣніе, будто Порта „выставила Европу за двери“ и что если это пройдетъ безнаказанно, то

---

[1]) Чтобы не придавать моей поѣздкѣ особеннаго значенія, императорскимъ кабинетомъ было рѣшено, что я поѣду подъ предлогомъ посовѣтоваться съ извѣстными окулистами, а правительство, воспользовавшись этимъ, поручитъ мнѣ дать руководителямъ кабинетовъ нѣкоторыя объясненія, которыя могли облегчить рѣшеніе вопроса въ желательномъ для всѣхъ смыслѣ. *Авт.*

турки осмѣлѣютъ и ринутся какъ безумные въ пропасть, считая себя всемогущими, посланникъ возразилъ, что державы боятся прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ изъ опасенія, что это можетъ повлечь за собою разгромъ оттоманской имперіи и никто не будетъ знать, чѣмъ ее замѣнить. Когда я упомянулъ объ автономіи христіанскихъ народностей, великобританскій посланникъ выразилъ сомнѣніе, чтобы она могла упрочиться и чтобы эти народности могли сохранить независимость по отношенію къ сосѣдямъ.

„Мы не прочь, чтобы оттоманская имперія продолжала существовать на Босфорѣ, но подъ условіемъ, чтобы христіанское населеніе не было истреблено, чтобы оно могло жить по-человѣчески, подъ управленіемъ турокъ", сказалъ я посланнику, присовокупивъ, что, становясь на точку зрѣнія руссофобскихъ тенденцій, я не понимаю, какъ соперничающіе съ нами кабинеты не хотятъ содѣйствовать упроченію автономіи христіанскихъ народностей, которыя обладаютъ всѣми данными, чтобы образовать самобытную національную индивидуальность, и неизбѣжно займутъ со временемъ мѣсто турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Славянъ разъединяетъ ихъ узкое національное соперничество, которое проявляется у нихъ несравненно сильнѣе, нежели у народовъ латинской и германской расы. Они не выказываютъ ни малѣйшаго стремленія къ объединенію, каждый народъ въ отдѣльности оберегаетъ свою независимость. Свойственный имъ, къ сожалѣнію, духъ соперничества и обособленности, который разъединяетъ зачастую даже членовъ одной семьи, гарантируетъ безопасность западной Европы; между тѣмъ она судитъ о стремленіяхъ славянъ по примѣру Италіи и Германіи, не принимая во вниманіе того, что характеръ, исторія и политическіе идеалы славянъ совершенно не сходны съ идеями, имѣющими преобладающее значеніе у германскихъ и латинскихъ народовъ.

Я горячо оспаривалъ въ своихъ бесѣдахъ съ великобританскимъ посланникомъ проектъ, который англійскій кабинетъ видимо намѣревался поддерживать, а именно, чтобы Портѣ дали годъ на проведеніе реформъ въ Болгаріи, Босніи и Герцоговинѣ; доказывалъ, напротивъ, что всѣмъ великимъ христіанскимъ державамъ необходимо держаться въ Турціи однообразнаго, энергичнаго образа дѣйствій, угрожая прибѣгнуть къ мѣрамъ понужденія, которыя могли спасти достоинство Европы, безнаказанно попираемое турками, и что это избавило бы насъ отъ необходимости самостоятельно вести войну, которой не желалъ ни

императоръ и ни одинъ изъ его представителей, но которая могла вскорѣ быть навязана намъ событіями и нашей обязанностью оказать покровительство христіанамъ-единовѣрцамъ, а также желаніемъ заключить, наконецъ, прочный миръ съ сосѣдней державой.

На другой день послѣ моего перваго разговора съ англійскимъ посланникомъ (т. е. 23 февраля), я услыхалъ изъ устъ князя Бисмарка подтвержденіе того, какое неблагопріятное впечатлѣніе произвело на представителей Англіи исключеніе Лондона изъ моего маршрута, вызваннаго завистью графа Шувалова.

Англійскій посланникъ посѣтилъ канцлера съ цѣлью запросить его относительно его переговоровъ со мною и его дальнѣйшихъ намѣреній. Онъ не скрылъ отъ князя Бисмарка своей тревоги по поводу того, что бывшій посланникъ Россіи въ Константинополѣ выражалъ, какъ утверждали, нежеланіе посѣтить Англію; онъ видѣлъ въ этомъ „заднюю мысль и желаніе изолировать Великобританію“, заключивъ между пятью континентальными кабинетами соглашеніе, изъ коего была бы исключена Англія, которой принадлежала инціатива созыва конференціи.

По словамъ Бисмарка, онъ успокоилъ англійскаго посланника, ознакомивъ его съ содержаніемъ протокола (не сообщая ему однако полнаго его текста) и удостовѣривъ, что единственной цѣлью моихъ переговоровъ съ нимъ было поддержать въ Европѣ миръ и согласіе, начало коимъ было положено на Константинопольской конференціи. Кн. Бисмаркъ заявилъ англійскому посланнику, что Германія подпишетъ протоколъ безъ всякаго измѣненія и если, въ виду отсутствія единодушія, мы будемъ вынуждены обнажить мечъ, то Германія „дастъ намъ на это свое благословеніе“, какъ бы считая насъ, въ дѣлахъ Востока, совершенно свободными отъ узъ, налагаемыхъ соглашеніемъ съ державами. Англійскій посланникъ будто бы поблагодарилъ Бисмарка, сказавъ, что онъ снялъ съ него большую тяжесть, и выразилъ свое искреннее желаніе, чтобы его правительство не выставило серьезныхъ возраженій противъ намѣченнаго нами образа дѣйствій.

Вотъ что я писалъ по этому поводу канцлеру изъ Парижа 1/13 марта: „Я имѣлъ честь извѣстить ваше сіятельство телеграммой отъ 22 февраля/6 марта о моемъ разговорѣ съ лордомъ Одо Русселемъ, съ которымъ я встрѣтился въ день моего пріѣзда въ Берлинъ и съ которымъ видѣлся съ тѣхъ поръ ежедневно.

Англійскій посланникъ, которому цѣль моего путешествія видимо была отчасти извѣстна, спросилъ меня съ первыхъ же словъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго раздраженія, почему я избѣгаю поѣздки въ Лондонъ. Онъ видѣлъ въ этомъ желаніе изолировать Англію. Я поспѣшилъ мотивировать свой маршрутъ извѣстной деликатностью по отношенію къ англійскому министерству, котораго мое присутствіе въ данный моментъ могло стѣснить и даже поставить въ неловкое положеніе. Лордъ О. Руссель нѣсколько разъ горячо оспаривалъ эту точку зрѣнія, настаивая на томъ, что мнѣ было бы полезно повидаться съ лордомъ Дерби[1]) и съ лордомъ Биконсфильдомъ и что словесныя объясненія и разъясненія, которыя я могъ бы дать государственнымъ дѣятелямъ Англіи, произвели бы чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе страны. Не довольствуясь разговоромъ со мною, посланникъ запросилъ по этому поводу германскаго канцлера. Князь Бисмаркъ постарался разсѣять его опасенія и познакомилъ его съ содержаніемъ проекта протокола, которымъ онъ, по видимому, былъ удовлетворенъ. Судя по всему, посланникъ видимо желаетъ, чтобы его правительство присоединилось къ протоколу".

Въ то время какъ эти переговоры происходили сперва въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, гр. Шуваловъ обсуждалъ, по своему собственному почину, съ лордомъ Дерби, въ Лондонѣ, вопросъ о демобилизаціи русской и турецкой армій и о редакціи протокола, опираясь на министерскій проектъ, посланный ему одновременно съ извѣщеніемъ о моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга. Онъ рѣшилъ помѣшать успѣшному ходу моихъ переговоровъ и умалить въ глазахъ императорскаго правительства результаты, которые могли быть мною достигнуты, перенеся

---

[1]) *Дерби* (Эдуардъ-Генри-Смитъ-Стэнли Earl of Derby)—англ. государственный дѣятель (1826—1893). Въ февралѣ 1868 г. онъ занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ же постъ онъ получилъ и въ новомъ консервативномъ кабинетѣ Дизраэли (1874 г.). Послѣдующіе годы были главною эпохою политической дѣятельности Д., который проявилъ большое миролюбіе и самостоятельность политическихъ убѣжденій. Во время русско-турецкой войны 1877—78 г. онъ усиленно противодѣйствовалъ воинственнымъ замысламъ Биконсфильда, настаивая на томъ, что правительство не должно вмѣшиваться въ борьбу Россіи съ Турціей, пока не затронуты англійскіе интересы. Когда въ январѣ 1878 г. англійскому флоту предписано было отправиться въ Дарданеллы, Д. подалъ въ отставку, но взялъ ее обратно въ виду отмѣны этого распоряженія. Послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора Биконсфильдъ принялъ рѣшеніе немедленно созвать резервы; но Д. призналъ эту мѣру преждевременной и 28 марта 1878 г. вышелъ въ отставку. *П. В.*

центръ тяжести переговоровъ въ Лондонъ, откуда онъ хотѣлъ руководить нашей политикой по своему усмотрѣнію, путемъ устрашенія. Съ этой цѣлью онъ телеграфировалъ князю Горчакову 28 февраля/12 марта: „По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Берлина, русская армія не будетъ демобилизована [1]). Эти намеки вредятъ (его, Игнатьева) переговорамъ. Разрѣшаете ли мнѣ сказать, что армія будетъ демобилизована послѣ подписанія протокола и ежели Турція распуститъ свои войска. Англіи было бы немыслимо подписать протоколъ, коимъ Портѣ предлагалось бы увести ея армію и разоружить ее, если бы Россія сохранила въ то же время угрожающее положеніе". Изъ этого видно, что русскій посланникъ въ Лондонѣ сталъ, съ самаго начала, на ложный путь и приносилъ достоинство Россіи въ жертву требованіямъ, которыя обусловливались парламентарнымъ строемъ Англіи.

Онъ долженъ бы былъ понять, что ежели Англія не могла подписать протоколъ, которымъ Порта ставилась въ низшее положеніе по сравненію съ нами, то Россіи морально было невозможно встать въ равныя условія съ Турціей въ вопросѣ, который затрогивалъ ея военную честь, и пожертвовать христіанами, отдавъ ихъ на добрую волю пашей. Такъ какъ по этому поводу нельзя было притти въ соглашенію, то лучше было устранить вопросъ о демобилизаціи, что я и предпочелъ сдѣлать.

Во время моего пятидневнаго пребыванія въ Берлинѣ я находился постоянно въ сношеніяхъ съ лицами, стоявшими во главѣ посольствъ, аккредитованныхъ при Германскомъ дворѣ. Я говорилъ съ ними одинаково твердымъ миролюбивымъ и лояльнымъ языкомъ, но рѣшилъ обсудить вопросъ по существу съ самими руководителями кабинетовъ, не сообщая представителямъ державъ текста протокола. Болѣе обстоятельно я счелъ долгомъ высказаться только одному итальянскому посланнику въ виду того, что путешествіе въ Римъ, которое было мнѣ не по пути, могло не состояться, а мнѣ хотѣлось быть увѣреннымъ, что протоколъ будетъ принятъ Италіей. Графъ де Лонэ, предупрежденный своимъ петербургскимъ коллегою о томъ, что „генералу Игнатьеву поручено повліять на кабинеты въ

[1]) Находя, что было бы унизительно и несогласно съ достоинствомъ Россіи допустить обсужденіе кабинетами вопроса о демобилизаціи русской арміи, я отказался, разумѣется, дать кому бы то ни было малѣйшее обѣщаніе на этотъ счетъ и даже совершенно уклонился отъ обсужденія этого вопроса. *Прим. авт.*

смыслѣ принятія ими русской точки зрѣнія на вопросъ", поспѣшилъ переговорить со мною.

Такъ какъ для насъ было весьма важно, чтобы итальянскій кабинетъ не былъ возстановленъ англійскими инсинуаціями противъ нашего проекта, и чтобы итальянскій посланникъ во Франціи получилъ своевременно разрѣшеніе обсудить со мною этотъ вопросъ, то я намѣтилъ въ бесѣдѣ съ графомъ де Лонэ, въ общихъ чертахъ, каковъ, по нашему мнѣнію, долженъ бы быть отвѣтъ кабинетовъ на циркуляръ князя Горчакова и какой текстъ протокола могъ бы быть подписанъ державами, чтобы завершить достойнымъ образомъ переговоры, происходившіе между ними по дѣламъ Востока.

Два дня спустя, итальянскій посланникъ увѣрилъ меня, что генералъ Чіальдини придетъ по этому вопросу со мною къ соглашенію и что хотя Римскій кабинетъ предпочелъ бы, чтобы я пріѣхалъ для личныхъ объясненій, но онъ не будетъ мнѣ помѣхою къ достиженію общаго соглашенія.

Изъ чувства собственнаго достоинства и изъ осторожности я избѣгалъ, во время моей поѣздки, посѣщать представителей Оттоманскаго правительства; но эти господа, по большей части лично мнѣ знакомые, не упустили случая побывать у меня и обмѣняться со мною мыслями. Повѣренный въ дѣлахъ Турціи, Турханъ-бей, первый просилъ позволенія дать Портѣ „дружескій совѣтъ", какъ ей „выйти изъ настоящаго затрудненія". Я отвѣтилъ ему то же, что говорилъ прочимъ турецкимъ дипломатамъ, съ коими я видѣлся во время моей поѣздки, а именно, что „если Порта хочетъ избѣжать конфликта, то она должна поспѣшить дать [1]) объясненія по существу, которыя могли бы ослабить натянутое положеніе".

Во время моего пребыванія въ Берлинѣ случилось два второстепенныхъ обстоятельства, которыя едва не создали мнѣ новыхъ затрудненій: одно изъ нихъ произошло изъ за недоразумѣній съ телеграммами и изъ-за чрезмѣрнаго желанія князя Горчакова приписать себѣ всю заслугу переговоровъ, дѣлая за счетъ другихъ и даже въ ущербъ дѣламъ Россіи видъ, что онъ поступаетъ умно и осторожно.

Канцлеръ, считая меня человѣкомъ готовымъ итти всегда напроломъ, ищущимъ всегда ссоры, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, въ чемъ онъ успѣлъ убѣдить и петербургскіе салоны, вообразилъ, что я подалъ Бисмарку мысль, которая

---

[1]) Петербургскому кабинету.

была излюбленной темой самого князя Горчакова лѣтомъ 1876 г. и даже вплоть до самой конференціи, а именно—возложить на Россію выполненіе въ Турціи совмѣстнаго рѣшенія европейскихъ державъ и что я обсуждалъ съ германскимъ канцлеромъ вопросъ о послабленіяхъ, которыя могли быть сдѣланы Портѣ. Въ то же время князь Горчаковъ вообразилъ, что разрывъ между Франціей и Германіей былъ неизбѣженъ, и поспѣшилъ поэтому отправить въ Берлинъ нижеслѣдующія двѣ телеграммы отъ 22 числа:

I. „Не слѣдовало бы возвращаться къ мысли дѣйствовать по полномочію; въ особенности не слѣдуетъ настаивать на этомъ; Это имѣло бы для насъ тѣ неудобства, коихъ мы хотимъ избѣжать добиваясь миролюбиваго рѣшенія вопроса.

II. Сожалѣли бы о разрывѣ Германіи съ Франціей, но никогда не подавали этой послѣдней надежды на какую-либо поддержку и не подадимъ ее впредь. Увѣрьте въ этомъ Бисмарка самымъ настоятельнымъ образомъ и сошлитесь на лояльность нашего Августѣйшаго монарха. Желательно было бы знать болѣе опредѣленно, какія именно военныя и финансовыя льготы Германія согласилась бы предоставить намъ. При тяготѣющихъ надъ нами громадныхъ издержкахъ, нельзя разсчитывать на то, что мы пойдемъ навстрѣчу Портѣ. Если ей нужны денежныя средства для ускоренія обѣщанныхъ реформъ, она должна искать ихъ въ разоруженіи, въ особенности въ роспускѣ редифовъ. Ее разоряетъ и парализуетъ ея силы ея теперешнее военное положеніе".

Такими общими мѣстами, передаваемыми по телеграфу, князь Горчаковъ воевалъ (какъ это часто съ нимъ случалось) съ вѣтряными мельницами. Желая прекратить эти волненія канцлера я въ тотъ же день (22 февраля) (6 марта) поспѣшилъ отвѣтить: „Между мною и Бисмаркомъ не было и рѣчи о какихъ-либо льготахъ для Порты [1]). Бисмаркъ упомянулъ лишь о льготахъ дипломатическаго и военнаго характера, совмѣстимыхъ съ благожелательнымъ нейтралитетомъ, который Германія будетъ соблюдать по отношенію къ намъ, въ случаѣ нашей войны съ Турціей. (Очевидно, вопросъ объ этихъ льго-

---

[1]) Князь Горчаковъ очевидно перепуталъ разговоры, которые Шуваловъ велъ въ то время съ Дерби относительно льготъ и отсрочекъ, которыя могли быть даны Портѣ, съ обмѣномъ мыслей, происходившимъ между Бисмаркомъ и мною, практическое осуществленіе которыхъ зависѣло отъ дальнѣйшихъ требованій Петербурга и размѣры коихъ не могли быть опредѣлены заранѣе въ Берлинѣ. *Прим. авт.*

тахъ долженъ бы быть поднятъ *нами* въ случаѣ надобности и въ зависимости отъ обстоятельствъ, единственными судьями которыхъ оставались императоръ и его правительство).

„Бисмарку уже указано на необходимость разоруженія Турціи и роспуска редифовъ. Что касается вмѣшательства въ дѣла Турціи по полномочію державъ, то объ этомъ говорилось лишь въ смыслѣ матеріальнаго воздѣйствія, которое кабинеты сочли бы можетъ быть нужнымъ произвести на Порту, если бы было доказано, что она не сдержала своихъ обязательствъ въ отношеніи христіанъ".

Разъяснивъ такимъ образомъ недоразумѣніе, которое, какъ мнѣ казалось, быто вызвано умышленно, я объяснилъ кн. Бисмарку, какъ желалъ канцлеръ, смыслъ того мѣста телеграммы, гдѣ говорилось о возможности столкновенія между Франціей и Германіей.

Второе обстоятельство случилось въ день моей аудіенціи у императора Вильгельма. Заѣхавъ къ канцлеру съ цѣлью самымъ честнымъ образомъ передать ему то, что говорилось на этой аудіенціи, я былъ задѣтъ раздраженнымъ тономъ, какимъ германскій канцлеръ говорилъ со мною объ Убри и о просьбѣ, съ какой русскій посланникъ, аккредитованный въ Берлинѣ, обратился, вопреки установившемуся обычаю, *непосредственно* къ дежурному адъютанту Его Величества, чтобы исходатайствовать мнѣ аудіенцію. Это возбудило, видимо, подозрительность Бисмарка, и онъ, кажется, вообразилъ, что въ Петербургѣ хотѣли вести переговоры непосредственно съ самимъ императоромъ, помимо его канцлера.

По этому поводу онъ высказалъ свою досаду на дворцовыя вліянія (вліяніе императрицы, нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ и французскаго посланника Гутто Бирона). Я выслушалъ его спокойно и съ достоинствомъ, давъ улечься вспышкѣ его гнѣва, и когда раздраженный канцлеръ умолкъ, я въ краткихъ словахъ возстановилъ истину, объяснивъ, что я не повиненъ въ этихъ недоразумѣніяхъ. Кончивъ, я всталъ, сказавъ канцлеру, что пріѣду лучше другой разъ, чтобы продолжать прерванный разговоръ, такъ какъ я вижу, что нервы моего собесѣдника въ данный моментъ слишкомъ разстроены и возбуждены. Князь Бисмаркъ устремилъ на меня испытующій взглядъ, выражавшій величайшее изумленіе: видимо съ нимъ говорили непривычнымъ для него языкомъ; затѣмъ, какъ истый джентльменъ, онъ овладѣлъ собою и съ прежней любезностью сталъ горячо настаивать на томъ, чтобы я пробылъ у него еще добрыхъ съ полчаса.

Достойно вниманія, что во время этой гнѣвной выходки Бисмаркъ ясно далъ понять, что Убри не внушалъ ему довѣрія со времени его образа дѣйствій „въ 1866 и 1870 г.г.“, что онъ не можетъ „быть съ нимъ откровененъ и не можетъ обсуждать важныхъ вопросовъ такъ, какъ онъ бы того хотѣлъ“, что баронъ Жомини, „правая рука Горчакова“, внушаетъ ему сильныя подозрѣніе и онъ считаетъ его „человѣкомъ, изъ котораго французы могутъ вить веревки“. Никогда еще канцлеръ не былъ со мною такъ любезенъ и откровененъ, какъ послѣ этой вспышки, которой онъ какъ будто стыдился. Бесѣда закончилась для меня самымъ удовлетворительнымъ образомъ: князь Бисмаркъ своей откровенностью какъ будто хотѣлъ загладить странное впечатлѣніе, которое должна была произвести его гнѣвная выходка на собесѣдника, который ему доказалъ, что онъ не изъ тѣхъ, кого можно запугать или кому можно наступить на ногу.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я остановился въ hôtel du Rhin. Графъ Шуваловъ пріѣхалъ раньше меня и уже успѣлъ повидаться съ герцогомъ Деказомъ [1]).

Я посвятилъ своихъ коллегъ, князя Орлова и графа Шувалова, съ полной откровенностью въ мельчайшія подробности положенія дѣлъ на Востокѣ, настроенія императорскаго кабинета и переговоровъ, только-что происходившихъ въ Берлинѣ. Гр. Шуваловъ на другой же день уѣхалъ обратно.

Въ Парижѣ я имѣлъ частыя свиданія съ герцогомъ Деказомъ и со своими бывшими коллегами по конференціи, графомъ Шодорди и барономъ де Бургоэнъ. Объясняя положеніе дѣлъ французскимъ дипломатамъ, президенту республики, его министрамъ и Тьеру, я настаивалъ въ особенности на выгодахъ, которыя Франція могла извлечь, воспользовавшись случаемъ обезпечить при ея посредствѣ европейскій миръ; между прочимъ я указалъ, что въ интересахъ республики было настаи-

---

[1]) Деказъ (Луи, герцогъ Decaszes 1819—86 г.). При Людовикѣ-Филиппѣ Д. былъ полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ и Лиссабонѣ. Послѣ революціи 1848 г. онъ сталъ вліятельнымъ членомъ орлеанистской партіи. Послѣ переворота 4 сентября 1870 г. Д. началъ снова принимать активное участіе въ политикѣ; въ качествѣ депутата дпт. Жиронды онъ боролся въ національномъ собраніи противъ Тьера, за реставрацію монархіи. Въ министерствѣ герцога де-Брольи Д. сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ теченіе 1874—77 г. держался осторожной политики выжиданія и уступокъ въ отношеніяхъ къ Германіи и въ восточномъ вопросѣ. *П. В.*

вать на томъ, чтобы державы подписали какъ можно скорѣе протоколъ, чтобы поддержать общее согласіе и чтобы восточныя дѣла сохранили характеръ вопроса, въ которомъ были одинаково заинтересованы всѣ европейскія державы.

Признавая „необходимость дать Россіи удовлетвореніе со стороны Европы", герцогъ Деказъ сдѣлалъ все-таки свои замѣчанія на редакцію протокола, которую онъ находилъ все-таки слишкомъ категорической; онъ совѣтовалъ мнѣ „быть сговорчивѣе" относительно подробностей, указалъ на затрудненія, которыя могли возникнуть со стороны Англіи, и хвалилъ „умѣренность Шувалова, который ясно давалъ себѣ въ этомъ отчетъ". Два дня спустя, Деказъ сообщилъ мнѣ проектъ протокола, измѣненный въ смыслѣ сдѣланныхъ имъ замѣчаній, утверждая, что онъ ближе къ мыслямъ, высказаннымъ Дерби, хотя въ немъ приняты во вниманіе и наши требованія, и что онъ скорѣе обезпечитъ возможность притти къ соглашенію. Не отвергая, во что бы то ни стало, этихъ поправокъ, я все-таки просилъ передать министру иностранныхъ дѣлъ, что въ случаѣ принятія его контръ-проекта, дипломатическій актъ, о которомъ шла рѣчь, потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ отсутствіе реальныхъ обязательствъ со стороны Порты затуманивалось фразами, которыя ничего не значатъ на Востокѣ; и что, сообщивъ кабинетамъ первоначальный проектъ протокола, я уже не могъ, ни въ какомъ случаѣ, принять иного проекта, такъ сильно отличающагося отъ первоначальнаго. Полагая однако, что французскій текстъ могъ еще стать предметомъ обсужденія, ежели бы представителемъ Франціи были сдѣланы для этого какіе-либо шаги при другихъ дворахъ, и желая со своей стороны способствовать соглашенію между державами, чего въ Парижѣ особенно желали, я изложилъ князю Горчакову содержаніе этого контръ-проекта въ моемъ письмѣ отъ 3/15 марта.

Видя, что его редакція не имѣла успѣха, что она не могла быть принята Россіей и не могла удовлетворить нашего общественнаго мнѣнія, герцогъ Деказъ пытался уговорить меня принять вмѣсто протокола тождественные отвѣты державъ на циркулярную ноту князя Горчакова.

Само собою разумѣется, я настаивалъ на необходимости протокола, какъ дипломатическаго акта, который связалъ бы всѣхъ подписавшихъ его и наложилъ бы на нихъ болѣе серьезныя обязательства, нежели простая депеша или декларація. Мы не были обезпечены на счетъ того, что эти тождественные отвѣты не будутъ сопровождаться какими-нибудь соображеніями

и комментаріями, по нашему мнѣнію не подходящими, противъ которыхъ мы не успѣли бы пожалуй принять необходимыхъ мѣръ.

Подъ вліяніемъ полученныхъ въ то время тревожныхъ извѣстій о непосредственныхъ переговорахъ, происходившихъ между Турціей и Черногоріей относительно заключенія мира и слуховъ о неудовольствіи графа Андраши [1]) по поводу того, что ему пришлось согласиться на конференціи на черезъ-чуръ большое увеличеніе Черногоріи, герцогъ Деказъ убѣждалъ меня, что лучше было бы не давать Черногоріи всѣхъ земель, присужденныхъ ей по настоянію русскаго посла въ Константинополѣ. Я не согласился съ доводами министра и отстаивалъ планъ, намѣченный конференціей, доказывая его преимущество и пользу съ точки зрѣнія обезпеченія мира въ будущемъ.

Я остался вполнѣ доволенъ своими личными и дѣловыми

[1]) Андраши (Юлій, графъ)—венгерскій государственный дѣятель, второй изъ трехъ сыновей графа Карла Андраши, род. 8 марта 1823 г. въ Землинѣ, по окончаніи курса въ университетѣ и по возвращеніи изъ путешествія за границу былъ избранъ Землинскимъ комитетомъ въ депутаты пресбургскаго сейма 1847—48 г.г.; по выходѣ въ отставку графа Бейста, назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора. Съ самаго начала франко-прусской войны 1870—1871 г.г. А выступилъ поборникомъ строгаго нейтралитета Австро-Венгріи, и поэтому дѣятельность его какъ министра иностранныхъ дѣлъ ознаменовалась главнымъ образомъ стараніемъ поддержать дружественныя отношенія съ Германіей. Въ сентябрѣ 1872 г. А. присутствовалъ съ Бисмаркомъ и Горчаковымъ на свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ; въ 1874 г. сопровождалъ императора Франца-Іосифа въ Петербургъ, въ 1875 г. въ Венецію, гдѣ Францъ-Іосифъ имѣлъ свиданіе съ Викторомъ-Эммануиломъ, и въ 1876 г. на свиданіи съ Императоромъ Александромъ въ Рейхштадтѣ. Возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ побудило А. обратиться съ нотою къ Портѣ по вопросу о христіанахъ, бѣжавшихъ изъ этихъ странъ, которая и была вручена Портѣ 31 января 1876 г. Во время войнъ Турціи съ Сербіей и Герцоговиной и затѣмъ съ Россіей (1876—78), А. руководилъ иностранной политикой въ смыслѣ соблюденія нейтралитета Австро-Венгріи. Но Санъ-Стефанскій договоръ (1878) очень устрашилъ Австрію, и начались интриги. А. получилъ отъ австро-венгерскихъ делегацій военный кредитъ въ размѣрѣ 60 мил. флор. и по его старанію Санъ-Стефанскій договоръ былъ подвергнувъ обсужденію представителей европейскихъ державъ, на конгрессѣ, созванномъ въ Берлинѣ (1878). А. вмѣстѣ съ Калицемъ (Calice) и Гаймерлемъ, въ качествѣ главнаго уполномоченнаго Австріи, добился того, что великія державы предписали ей занять Боснію и Герцоговину, куда австрійскія войска и вступили въ іюлѣ мѣсяцѣ. Съ занятіемъ Новобазарскаго санджака оккупаціонный планъ А. былъ еще болѣе расширенъ. 22 сентября 1879 г. А. оставилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, завершивъ свою дѣятельность на этомъ поприщѣ заключеніемъ съ Бисмаркомъ австро-германскаго оборонительнаго союза. *И. В.*

сношеніями съ герцогомъ Деказомъ и объяснялъ его попытки внести въ протоколъ извѣстныя поправки, исключительно его страстнымъ желаніемъ достигнуть окончательнаго соглашенія между державами и послужить связующимъ звеномъ между Россіей и Англіей. Всѣ заявленія, сдѣланныя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ турецкимъ уполномоченнымъ и дипломатическому корпусу, были безупречны: онъ говорилъ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Турціи и съ Ваханъ-Эффенди [1]), бывшимъ въ тотъ моментъ въ Парижѣ, куда онъ былъ посланъ великимъ визиремъ Эдхемъ-пашею съ тайной миссіей, яснымъ и энергичнымъ языкомъ, дѣятельно старался о томъ, чтобы восторжествовала наша точка зрѣнія на протоколъ, давалъ въ этомъ смыслѣ инструкціи французскимъ посланникамъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ и въ томъ же духѣ вліялъ на крупныхъ представителей финансоваго міра, съ которыми онъ былъ постоянно въ сношеніи. Но я цѣнилъ болѣе всего то, что несмотря на дурной примѣръ, поданный лордомъ Дерби и графомъ Шуваловымъ, которые вели отдѣльно переговоры относительно щекотливаго вопроса о нашей демобилизаціи, что было извѣстно герцогу Деказу, онъ былъ настолько тактиченъ, что даже не коснулся этого вопроса въ разговорѣ со мною.

Прочіе члены французскаго кабинета и нѣкоторые видные представители финансоваго міра распространяли въ салонахъ слухи объ англо-турецкихъ требованіяхъ. Это дѣлалось ими вполнѣ корректно, тѣмъ не менѣе я прекратилъ всѣ подобнаго рода попытки, отвѣчая на нихъ неизмѣнно, что вопросъ о демобилизаціи по моему мнѣнію вопросъ праздный, посягающій на достоинство и прямодушіе Россіи, ибо „очевидно, что если бы Россія хотѣла войны, то императорскій кабинетъ не предлагалъ бы державамъ заключить миролюбивое соглашеніе. Простой здравый смыслъ говоритъ, что, достигнувъ этого соглашенія, мы не разсчитываемъ держать армію на военномъ положеніи и захотимъ избавиться отъ значительныхъ расходовъ, которые станутъ не нужны“.

Бесѣдуя объ этомъ вопросѣ, я самымъ категорическимъ образомъ избѣгалъ проводить какую бы то ни было связь между

[1]) Армяно-грегоріанскаго исповѣданія, помощникъ секретаря министерства юстиціи въ Константинополѣ, былъ посланъ въ Европу яко бы для ознакомленія съ организаціей магистратуры, которая была введена въ Турціи по точному образцу французской системы, съ одной лишь разницей—что турками не былъ понятъ ея нравственный смыслъ.

Прим. авт.

протоколомъ и нашимъ разоруженіемъ. Что касалось турокъ, дѣло обстояло иначе и я настаивалъ на томъ, что они отлично могли распустить редифы, созванные изъ разныхъ провинцій, нынѣ почти опустѣвшихъ, такъ какъ все здоровое мужское населеніе ушло, чтобы стать подъ знамена. Распустивъ этихъ милиціонеровъ по домамъ, турки имѣли бы еще достаточное количество войскъ для несенія внутренней службы, что и было предусмотрѣно нашимъ проектомъ протокола.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страничка семейной хроники.

Наступалъ августъ 1774-го года. Вѣсти о приближеніи Пугачева къ Саратову приходили непрестанно. Населеніе, какъ городское, такъ и сельское всего прилежащаго края волновалось. Повсюду бродили подозрительныя личности, разсказывавшія всякія небылицы про самозванца, обѣщавшія всевозможныя блага, а особенно крѣпостнымъ помѣщичьимъ людямъ. Нѣкоторые жители вѣрили, что ожидаемый благодѣтель ихъ есть дѣйствительно Императоръ Петръ III-й; другіе,—а ихъ было большинство—относились къ личности его безразлично, осуществились бы лишь мечты о свободномъ житьѣ и предстоящемъ „гуляньѣ". Но и благоразумное меньшинство было сбито съ толку и недовѣрчиво относилось и къ распоряженіямъ мѣстныхъ властей и къ увѣреніямъ своихъ помѣщиковъ. Лишь незначительная часть крестьянъ оставалась вѣрной своимъ господамъ и въ точности исполняла ихъ приказанія.

Мѣстнымъ губернаторомъ Кречетниковымъ были приняты мѣры „предосторожности":—въ селахъ назначены попечители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, приказано было слѣдить за появленіемъ бродящихъ личностей, арестовывать ихъ и представлять по начальству; съ цѣлью недопущенія бродягъ въ населенныя мѣста у въѣздовъ въ села и деревни и выѣздовъ изъ нихъ были выставляемы караулы; околицы же окружены загородями и рогатками. Но могли ли эти мѣры уберечь отъ появленія въ избахъ темныхъ проходимцевъ, передававшихъ самые интересные и соблазнительные разсказы? Положеніе помѣщиковъ въ усадьбахъ становилось день ото дня рискованнѣй. Многіе изъ нихъ, побросавъ хозяйство и имущество, бѣжали въ столицы и спокойныя отъ мятежа губерніи. Но большинство все же

оставалось въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, въ надеждѣ, что тѣмъ или инымъ путемъ минетъ ихъ надвигавшаяся гроза.

Въ описываемое нами время, въ 25-ти верстахъ ниже Саратова по Волгѣ, въ селѣ Хмѣлевкѣ, насчитывавшемъ до 50-ти крестьянскихъ дворовъ, жило въ общей усадьбѣ двѣ семьи дворянъ Шахматовыхъ.

Старшій представитель рода Алексѣй Лукичъ оставилъ послѣ своей смерти вдову, двухъ сыновей и дочь. Покойный коллежскій ассесоръ слылъ не только въ околодкѣ, но и по всему поволжью за очень богатаго человѣка. Постепенной покупкой пожней, садовъ, мельницъ и другихъ угодій, а также арендой рыбныхъ ловель, Алексѣй Лукичъ изъ года въ годъ увеличивалъ свое и безъ того большое наслѣдственное состояніе. Но не богатство создало настоящую славу его, а рѣдкія въ то время душевныя качества:—неизмѣнно строгій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и справедливый въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ людей, всѣмъ сердцемъ отдававшійся заботамъ о ихъ благосостояніи, вникавшій во всѣ ихъ незатѣйливыя семейныя и домашнія нужды, Алексѣй Лукичъ завоевалъ общую къ себѣ народную любовь. Слава о его добротѣ и справедливости росла изъ года въ годъ и разносилась тысячеустной толпой отъ Астрахани до Казани и Нижняго-Новгорода. Многіе „вольные люди", услышавъ, о добропорядочности житія" у Шахматова, добровольно приписывались къ числу его крѣпостныхъ слугъ. Бѣглые крестьяне другихъ помѣщиковъ обращались къ Алексѣю Лукичу со слезными просьбами купить ихъ у нынѣшнихъ господъ. Нашелся какой-то полякъ Шондарь, принявшій православіе который „не нашелъ больше способу, какъ быть въ услуженіи за Шахматовымъ".

По смерти стараго барина, народная любовь перешла къ старшему сыну его, Николаю Алексѣевичу, во всемъ взявшему примѣръ съ родителя. Образованнѣйшій для своего времени человѣкъ, говорящій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, участникъ Крымскихъ походовъ, будучи 25 лѣтъ отъ роду, онъ вышелъ, по кончинѣ отца своего, въ отставку и безвыѣздно поселился въ Хмѣлевкѣ.

Съ нимъ жила и мать его, Марья Степановна, рожденная Вышеславцева, посвятившая себя всецѣло поддержанію образцоваго женскаго хозяйства въ домѣ. Правда, съ выдачей замужъ 16-ти лѣтней дочери своей, Екатерины Алексѣевны, за главнаго судью опекунства иностранныхъ въ Саратовѣ, Михаила Михайловича Ладыженскаго, она лишилась ближайшей помощницы, но,

будучи еще относительно не старой женщиной, образцово справлялась съ дѣломъ.

Въ Хмѣлевкѣ находился и пріѣхавшій навѣстить вдову матушку свою полевой артиллеріи сержантъ Павелъ Алексѣевичъ Шахматовъ.

Другая семья Шахматовыхъ, семья младшаго брата покойнаго Алексѣя Лукича,—Артамона Лукича, состояла изъ него самого, отставного прапорщика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, жены его Прасковьи Ивановны, трехъ сыновей и дочери. Самъ Артамонъ Лукичъ, хотя и не имѣлъ той славы, которой пользовался старшій братъ его, Алексѣй, но слылъ во всемъ околоткѣ за человѣка чрезвычайно умнаго и пользовался общимъ уваженіемъ. Сыновья его, Иванъ, Петръ и Александръ Артамоновичи, будучи въ возрастѣ 18-ти, 17-ти и 14-ти лѣтъ, служили въ Преображенскомъ полку, а потому въ описываемое время изъ Хмѣлевки отсутствовали. Ихъ мать, Прасковья Ивановна, была изъ рода Нечаевыхъ, вотчина которыхъ находилась въ Симбирской губерніи. Тамъ, въ селѣ Новоспасскомъ жилъ родной братъ ея Иванъ Ивановичъ Нечаевъ. Сестры же ея были замужемъ:—Мареа Ивановна—за пензенскимъ воеводой Всеволожскимъ, а Матрена (иначе Маргарита) Ивановна—за саратовскимъ же помѣщикомъ Безобразовымъ, усадьба котораго, „Буркинъ Буеракъ" находилась по близости Хмѣлевки; это служило причиной частаго свиданія сестеръ.

Характеристика Прасковьи Ивановны сдѣлана въ „Семейныхъ запискахъ Рожкова" [1]). По словамъ автора ихъ, она была очень добрая старушка, которая хотя и не получила образованія, но своей добротой искупала этотъ недостатокъ. Въ ней не было ни скаредности, ни нахальства, которыми отличались всѣ барыни того времени, а напротивъ, во всѣхъ ея поступкахъ была видна приличность, какъ слѣдствіе продолжительной жизни съ мужемъ, который былъ человѣкъ очень умный и жившій много въ обществѣ".

Ведя образцово домовое хозяйство, Прасковья Ивановна обращала главныя заботы свои на воспитаніе нѣжно любимой ею дочери Машеньки. Каковы были результаты этого воспитанія, можно судить изъ тѣхъ же записокъ Рожкова, свидѣтельствующаго, что Марья Артамоновна „была во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка замѣчательная: пріятная, привлекательная наружность, высокій ростъ, стройный станъ, лицо нѣсколько рябова-

[1]). См. „Библіотека для Чтенія". 1860-го года.

тое, но настолько, что это едва было замѣтно и нисколько не безобразило его владѣлицу; а свѣжесть и необыкновенная пріятность выраженія и доброты придавали всей ея особѣ особую прелесть. Прибавьте къ этому пріятныя манеры, любезность и развязность, безъ излишней приторности, а только какъ слѣдствіе продолжительной жизни въ городѣ, въ хорошемъ обществѣ. Кромѣ того, Марья Артамоновна была для того времени хорошо образована: она хорошо знала французскій и нѣмецкій языки и ловко танцевала".

Однако, характеристика Прасковьи Ивановны и ея дочери, сдѣланная Рожковымъ, относится къ позднѣйшимъ временамъ; въ описываемый же нами годъ Машенькѣ Шахматовой было только семь лѣтъ.

Вѣсти о самозванцѣ достигали, конечно, и Хмѣлевки. Несмотря, камъ мы уже сказали, на принятыя мѣры, такъ называемыя „предосторожности", значительное число оборванцевъ шаталось по сельскимъ задворкамъ, ночуя иногда гдѣ-либо на гумнахъ, въ водоровинѣ, въ буеракахъ, въ тѣнистыхъ перелѣскахъ. Теплое время года и сама мѣстность благопріятствовали появленію бродягъ какъ въ окрестностяхъ села, такъ и въ немъ самомъ. Съ обширныхъ займищъ, поросшихъ тальникомъ, вдоль безпорядочныхъ обрывовъ нагорнаго берега, поросшихъ вѣковыми дубами и вязами, легко было пробраться въ широкій оврагъ русла рѣчки нижней Хмѣлевки. Здѣсь, хотя и вблизи господской усадьбы, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣснаго ряда сельскихъ избъ,—здѣсь у мельничнаго колеса можно было и отъ дождя укрыться и у пронырливаго мельника Яшки, несмотря на барскій приказъ, разжиться краюхой хлѣба.

Разсказы прохожихъ на мельницѣ не оставались тайно для Хмѣлевскихъ крестьянъ:—ихъ разглашалъ „по секрету—всему свѣту" и самъ Яшка, ихъ слушали иногда помольцы лично. Не мало было, впрочемъ, встрѣчъ Хмѣлевскихъ обывателей на берегу Волги съ бурлаками проходившихъ судовъ и Богъ вѣдаетъ откуда и куда слѣдующими прихожими.

Сами же Шахматовы получали подробныя свѣдѣнія о Пугачевѣ и о дѣйствіяхъ его полчищъ какъ въ городѣ Саратовѣ, гдѣ имъ приходилось бывать довольно часто по разнымъ дѣламъ, такъ изъ городовъ, селъ и деревень всего охваченнаго мятежемъ края.

О происходящемъ въ Княгиненскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ окрестностяхъ безпокойнаго села Мурашкина сообщали сосѣди, недавно лишь проданной, старой вотчины Шах-

матовыхъ, села Шахматова-Шехонскаго тожъ. Изъ Симбирскаго уѣзда приходили донесенія прикащика села Архангельскаго, родового помѣстья Вышеславцевыхъ, доставшагося въ приданое Марьѣ Степановнѣ. Пришли вѣсти изъ Верхняго Ломова объ ужасной смерти нѣсколькихъ ея родственниковъ, въ томъ числѣ секундъ-маіора и двухъ подпоручиковъ Вышеславцевыхъ съ женами. Въ Пензенскомъ уѣздѣ былъ убитъ, приходившійся родственникомъ Шахматовымъ и Нечаевымъ, подпрапорщикъ Пересѣкинъ со всей семьей. Словомъ, извѣстія о нашествіи самозванца приходили одно за другимъ, одно другого тревожнѣе, одно другого страшнѣе. Прискакалъ, наконецъ, въ Хмѣлевку изъ Пензы человѣкъ родной сестры Прасковьи Ивановны, Марѳы Ивановны, и разсказалъ объ ужасной кончинѣ воеводы Всеволожскаго, запершаго въ домѣ своемъ и погибшаго въ пламени, вмѣстѣ съ бывшими въ городѣ дворянами, со своей и съ ихъ семьями.

Несчастная Прасковья Ивановна разразилась рыданіями и потерявъ голову не знала, что предпринять: — подумать ли о спасеніи собственномъ и нѣжно любимой дочери, принять ли мѣры къ спасенію цѣнкаго имущества и всякаго домашняго скарба? А дома не все было благополучно:—замѣчено, что нѣкоторые дворовые не такъ ревностно исполняютъ ея приказанія, а кое-кто изъ нихъ чрезмѣрно долго засиживается на селѣ у родныхъ. Добрѣйшая женщина частенько прощала провинности людей и въ обычное время, теперь же, глубоко огорченная и совершенно разстроенная,—не взыскивала съ нихъ и подавно. Въ вопросѣ о личномъ спасеніи она положилась во всемъ на своего мужа. Что же касается имущества, то, съ вѣдома Артамона Лукича, приготовила большой, жестью окованный сундукъ, когда-то заполненный ея приданымъ и уложила въ него все наиболѣе цѣнное. Туда вошли и образа въ серебряныхъ окладахъ съ жемчуговыми ризами, и лаловыя и алмазныя серьги и яхонтовыя ожерелья и серебряные вызолоченые жбаны и тяжелая мѣдная посуда.

Артамонъ Лукичъ ходилъ раздраженный въ нерѣшительности, оставаться ли ему въ Хмѣлевкѣ или ѣхать въ Саратовъ, гдѣ послѣ іюньскаго пожара—весь городъ выгорѣлъ, уцѣлѣли лишь каменныя церкви и немногочисленные дома, да пригородъ Меляковка — имъ возводились новые амбары, лабазы и лавки. Въ нихъ накопилось уже значительное количество зерна, муки и прочихъ сельскихъ продуктовъ. Да и большой домъ у Царицынскихъ воротъ былъ полонъ всякаго добра.

Прасковья Ивановна
ШАХМАТОВА
(рожденная Нечаева).

Маргарита (Матрена) Ивановна
БЕЗОБРАЗОВА
(рожденная Нечаева).

Переговоривъ съ племянникомъ, Николаемъ Алексѣевичемъ, онъ рѣшилъ оставить жену и дочь на его попеченіи, а самому отправиться въ Саратовъ. Въ ночь, передъ отъѣздомъ, былъ вынесенъ изъ дому и поставленъ на подводу, припасенный Прасковьей Ивановной сундукъ, и, въ сопровожденіи двухъ наиболѣе вѣрныхъ дворовыхъ, кучера и самаго Артамона Лукича, отвезенъ въ Малый садъ, на рѣчкѣ верхней Хмѣлевкѣ. Тамъ подъ одной изъ яблонь зарыли его въ землю, обмотыжили лунку и, прямымъ путемъ,—не заѣзжая домой,—отправились въ городъ.

Марья Степановна Шахматова, напуганная извѣстіями о гибели многихъ ея родственниковъ, не могла не тревожиться о судьбѣ своей дочери, остававшейся въ Саратовѣ вмѣстѣ съ мужемъ Лодыженскимъ. На попеченіи молодой женщины находились дѣти Лодыженскаго отъ перваго брака,—мальчикъ и двѣ дѣвочки. Въ домѣ же, вслѣдствіе тревожнаго времени и постояннаго отсутствія Михаила Михайловича, благодаря странному настроенію прислуги, шла полная разруха. Неопытная еще хозяйка, Екатерина Алексѣевна, не могла справиться съ возложенными на нее обязанностями безъ посторонней помощи и слезно умоляла мать переѣхать къ ней хотя-бы на короткое время. Оставя вся женское хозяйство въ Хмѣлевкѣ на рукахъ ключницы, Марья Степановна перебралась въ Саратовъ, въ домъ зятя.

Съ нею вмѣстѣ переѣхалъ въ городъ и младшій ея сынъ Павелъ Александровичъ, счевшій долгомъ своимъ въ тревожное время для государства стать въ ряды Саратовскаго гарнизона.

Между тѣмъ Пугачевъ подходилъ къ Саратову. Въ самомъ городѣ царствовало полное безначаліе. Губернаторъ Кречетниковъ, сдѣлавъ рядъ циркулярныхъ распоряженій, счелъ за благо удалиться къ себѣ домой въ Астрахань [1]). Старый Саратовскій воевода полковникъ Юнгеръ недавно скончался, а должность его временно правилъ честный, храбрый и распорядительный полковникъ Бошнякъ, не пользовавшійся, однако, достаточнымъ авторитетомъ среди населенія. Вновь назначенный воевода Лихаревъ находился въ пути къ городу. Но вдругъ пришла вѣсть, что онъ настигнутъ сообщниками Пугачева въ деревнѣ Бѣлгозѣ и вмѣстѣ съ семьей, съ каретой и лошадьми сброшенъ съ крутого берега въ рѣчку. Такимъ образомъ Бошнякъ остался

---

[1]) Саратовъ входилъ въ составъ Астраханской губерніи.

главнымъ соотвѣтственнымъ лицомъ въ дѣлѣ защиты Саратова. Какъ комендантъ „города", что по тогдашнимъ понятіямъ служило синонимомъ крѣпости, честный Бошнякъ, по долгу воинской чести, считалъ обязанностью своей защищать центръ его, окруженный валомъ и рвомъ. Но интересы воина шли въ разрѣзъ съ интересами главнаго судьи опекунства иностранныхъ; Лодыженскій полагалъ необходимымъ обезпечить отъ захвата разбойниками складовъ громаднаго количества заготовленнаго для поселенцевъ продовольствія. Склады эти находились на берегу Волги, нѣсколько ниже центральной части города. Саратовскіе валъ и ровъ находились въ плачевномъ состояніи, почему было, можетъ быть, и выгоднѣе возвести новое укрѣпленіе близъ складовъ; но за городскимъ валомъ находились соборъ, церкви и правительственныя учрежденія, которыя нельзя было оставить безъ защиты. На общую бѣду комендантъ города былъ только въ чинѣ полковника, тогда какъ судья иностранныхъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ. Обстоятельство это дало поводъ Лодыженскому возбудить споръ о старшинствѣ въ чинѣ. Лодыженскій, возомнивъ себя первымъ лицомъ въ городѣ, игнорировалъ отношенія Бошняка къ служебному долгу и требовалъ послушанія своимъ распоряженіямъ.

Статскаго совѣтника поддерживалъ командированный въ Саратовъ чванливый и блестящій гвардеецъ Гаврила Державинъ. Въ результатѣ, — полуразвалившаяся саратовская крѣпость—валъ и ровъ не были приведены въ сколько-нибудь соотвѣтствующее оборонѣ состояніе, а городскіе жители, окончательно сбитые съ толку, не знали, чьихъ распоряженій слушаться и, смущенные подосланными лазутчиками и подброшенными прокламаціями, въ огромномъ большинствѣ ожидали лишь прибытія мнимаго Петра III-го, чтобы передаться на его сторону.

Пугачевъ подошелъ къ Саратову по большой Московской дорогѣ 5-го августа вечеромъ. За ночь полчища его придвинулись къ Волгѣ и раскинули станъ свой у подножья примыкающей къ городу съ сѣверной стороны Соколовой горы.

Не добившійся отъ упрямаго Бошняка исполненія своихъ предначертаній, честолюбивый Лодыженскій пришелъ къ заключенію, что захватъ мятежниками Саратова не минуемъ. 6-го августа утромъ, успѣлъ онъ бѣжать внизъ по Волгѣ, захвативъ семью и кое-что изъ имущества и казенныхъ дѣлъ. Съ начальникомъ своимъ бѣжалъ и весь штатъ опекунства иностранныхъ. Бѣглецамъ, а въ ихъ числѣ и Марьѣ Степановьѣ съ дочерью

удалось миновать опасность и благополучно добраться до Царицына.

Наступилъ наконецъ для Саратова день роковой развязки. Съ высокой Соколовой горы палилъ Пугачевъ по городу изъ пушекъ, заряжая ихъ мѣдною монетою. Развращенная городская чернь жадно подбирала даренныя псевдо-царскія деньги. Удручающее впечатлѣніе произвело на защитниковъ города извѣстіе о томъ, что стоящая на валу пушка отказывается стрѣлять по, якобы, законному Государю. Передались на сторону самозванца купецъ Кобяковъ съ товарищами, измѣнили присягѣ казаки и 300 артиллеристовъ во главѣ съ маіоромъ Салмановымъ. И вотъ 6-го августа, около шести часовъ вечера, нѣсколько сотъ конныхъ башкиръ, казаковъ и всякаго сброда, съ ужаснымъ крикомъ и гиканьемъ спустились съ горъ и мостомъ черезъ Глѣбучевъ оврагъ ворвались въ городъ. Другая, пѣшая толпа подобралась со стороны Волги и выскочивъ изъ лодокъ на берегъ, полѣзла къ центру города, къ соборной площади, къ правительственнымъ учрежденіямъ, къ кабакамъ. Тщетны были старанія Бошняка не допустить безумную и опьянѣвшую толпу въ городъ. Скрывъ на груди подъ мундиромъ полотнище гарнизоннаго знамени, съ небольшой лишь горстью удальцовъ, захвативъ сколько было возможно казны и воеводскихъ дѣлъ, храбрый полковникъ рѣшился на отступленіе внизъ по Волгѣ къ Дмитровску (Камышину), дрался, какъ левъ, и съ наступленіемъ темноты пробился на югъ, въ Древянскіе тальники и далѣе.

Мятежники же предались неограниченному грабежу и разгулу въ городѣ. Разбиты были царскіе кабаки, бочки съ виномъ выкачены на улицу, всякое добро растащено изъ домовъ и сгружено на площади и въ переулкахъ.

А мнимый царь сидѣлъ въ шутовскомъ нарядѣ въ палаткѣ, принималъ присягу своихъ новыхъ вѣрноподданныхъ и казнилъ непокорныхъ. Рядъ висѣлицъ сталъ на гребнѣ Соколовой горы, а въ городѣ и за городомъ, по сторонамъ Московской дороги, да и за Царицынскими воротами валялись трупы разстрѣлянныхъ жителей, отказавшихся цѣловать руку самозванца или слишкомъ ревностно защищавшихъ отъ грабителей собственное добро.

Въ числѣ труповъ, оставшихся на городскомъ валу, лежало и тѣло пылкаго сержанта Павла Алексѣевича, павшаго въ одной изъ самыхъ жестокихъ схватокъ.

Разграбленъ былъ домъ Артамона Лукича у Царицынскихъ

воротъ. Какъ разъ противъ него находился кабакъ, привлекшій значительную толпу безобразниковъ. Бывшіе при дворѣ дворовые люди Шахматова тщетно старались оберечь ввѣренное имъ имущество. Иные изъ нихъ за усердіе поплатились жизнью; вѣроятно въ ихъ числѣ и тогда же погибли тѣ дворовые, что зарывали сундукъ въ предшествующую ночь въ Хмѣлевскомъ Маломъ саду:—убитые унесли съ собой въ могилу свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія клада, такъ часто впослѣдствіи соблазнявшаго Хмѣлевскихъ обывателей.

Мы отказываемся объяснить, когда и какъ вернулся Артамонъ Лукичъ въ Хмѣлевку, но склонны предположить, что онъ отступилъ изъ Саратова вмѣстѣ съ храбрымъ Бошнякомъ. Историческіе документы передаютъ, что саратовскій комендантъ пробился сквозь толпу мятежниковъ шестого августа вечеромъ и ночью же отступилъ далѣе на югъ. Путь его лежалъ густымъ дубовымъ лѣсомъ къ поселку Набережный увекъ, а оттуда береговой дорогой и займищами, мимо Хмѣлевки, до деревни Новосвѣтаевки. Здѣсь остатки саратовскаго гарнизона сѣли на суда и отплыли въ Царицынъ.

Очень можетъ быть, что ночной маршъ Бошняка былъ форсированъ, съ цѣлью выигрыша времени и безпрепятственной посадки отряда на суда.

Пугачевъ почти не преслѣдовалъ саратовскаго коменданта, а сообщники его, упоенные успѣхомъ и выпитымъ виномъ, увлеченные грабежами имущества и занятые расправой съ городскими жителями, не имѣли времени подумать объ уничтоженіи или плѣненіи отступающей горсти всего въ 60 человѣкъ.

Такимъ образомъ, — если вѣрно наше предположеніе, что Артамонъ Лукичъ прибылъ въ Хмѣлевку вмѣстѣ съ отрядомъ Бошняка,—онъ, конечно, имѣлъ достаточно времени для принятія мѣръ къ спасенію жены и дочери.

Преданіе говоритъ, что Прасковья Ивановна Шахматова, вмѣстѣ съ сестрой своей, Матреной Ивановной Безобразовой, были перевезены на, такъ называемый, Большой островъ. Отряды пугачевцевъ, слѣдовавшіе сухимъ путемъ, не нуждались въ заходѣ на этотъ островъ съ переправой черезъ коренное теченіе Волги: партіи же разбойниковъ, слѣдовавшія на судахъ, не замѣтили бы бѣглецовъ, спрятавшихся въ заросляхъ тальника или въ стогахъ сѣна. На островѣ находились съ барыней и кое-кто изъ дворовыхъ, захватившихъ достаточное количество провизіи.

Семилѣтнюю Машеньку почему-то съ собой не взяли. Мо-

жетъ быть опасались держать ее подъ открытымъ небомъ и подвергать непогодѣ. Спасти барышню и спрятать ее отъ глазъ разбойниковъ взялась вѣрная нянька, имя которой преданіе къ сожалѣнію не сохранило. Дѣвочку перенесли въ простую избу на селѣ и переодѣли въ крестьянское платье.

Артамонъ Лукичъ и Николай Алексѣевичъ остались въ Хмѣлевской усадьбѣ одни, рѣшивъ, по возможности, защитить свое имущество отъ разграбленія.

Въ пьяномъ разгулѣ, въ грабежахъ, въ непрерывномъ рядѣ казней и безобразныхъ убійствъ протекали въ Саратовѣ дни 6-го, 7-го и 8-го августа. Пугачевъ успѣлъ захватить на Волгѣ баржу съ частью казенныхъ денегъ, отправленныхъ въ Царицынъ еще Лодыженскимъ. Другая часть казны была найдена мятежниками въ подвалахъ Троицкаго Собора и воеводскаго дома. Громадные обозы были нагружены всякимъ награбленнымъ добромъ. Но пришла вѣсть о приближеніи къ Саратову отрядовъ Муфеля и Михельсона, давно уже гнавшагося за Самозванцемъ. Съ деморализованной толпой пьяныхъ оборванцевъ нечего было думать о сопротивленіи правительственнымъ войскамъ; — пора было бѣжать далѣе на югъ къ Дмитровску (нынѣшнему Камышину) и къ Царицыну.

Съ вечера 8-го августа передовые отряды Пугачева выступили большой Царицынской дорогой, проселками по сторонамъ ея и береговъ Волги. Выступленіе главныхъ силъ и самаго самозванца было назначено на утро 9-го числа.

Въ сумеркахъ 8-го августа одинъ изъ передовыхъ отрядовъ ворвался въ Хмѣлевку и, первымъ дѣломъ, кинулся на барскій дворъ. Налетъ его на усадьбу засталъ Артамона Лукича врасплохъ. Вышедшій навстрѣчу разбойникамъ онъ былъ ими тутъ-же убитъ.

Расправившись съ бариномъ, мятежники принялись за поиски и другихъ членовъ семьи. Прасковья Ивановна сразу не была найдена, какъ не нашли и Машеньки. Неизвѣстно, какимъ образомъ избѣгъ участи своего дяди Николай Алексѣевичъ.

Но за розыскомъ господъ, разбойники проникли во всѣ углы дома, во всѣ кладовки, погреба и прочія службы. Ничто не скрывалось отъ ихъ пытливаго глаза, а особенно хранящееся въ винницѣ и погребахъ. Грабежъ усадьбы былъ начатъ тутъ же, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбиты были боченки съ виномъ, откупорены бутылки съ наливками и разными прохладительными. Большая часть перепуганной дворни разбѣжалась, укрывшись кто въ избахъ своихъ на селѣ, кто на гумнахъ, а кто и

въ многочисленныхъ перелѣскахъ. Нашлись, конечно, и такіе люди изъ крѣпостныхъ Шахматовыхъ, которые приняли участіе въ разгулѣ грабителей. Въ ихъ числѣ былъ и мельникъ Яшка, встрѣтившій среди разбойниковъ кое-кого изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, ночевавшихъ не разъ у него на мельницѣ и дѣлившихъ съ нимъ хлѣбъ-соль, да шкаликъ сивухи. „Видишь,—по-нашему вышло“!..—говорили они ему:—„Плевать тебѣ теперь на господъ! Ну-ка, молодецъ, поднеси еще косушечку“.

Однако, среди грабежа и пьянства, прибывшіе военачальники не забыли отдать приказаніе Пугачева выгнать на утро все окрестное населеніе на большую дорогу, на поклонъ Царю.

Трактъ на Царицынъ, такъ называемый „станишникъ“ пролегалъ параллельно по берегу Волги, въ 10—12 верстахъ отъ нея и Хмѣлевки. Земли Хмѣлевской и Колотовской дачъ Шахматовыхъ захватывали этотъ трактъ въ мѣстности, прилегающей къ рѣчкѣ Горючкѣ (притока рѣки Иволги). Туда къ Большому Колку (лѣсу) потянулись утромъ 9-го августа всѣ жители села Хмѣлевки, сосѣднихъ Колитова, Буерака, Бѣленькаго, Фармосова Буерака и другихъ деревень. Съ крестьянами вмѣстѣ повели (или повезли) и Николая Алексѣевича.

Всей выгнанной на станишникъ толпѣ крестьянъ и другихъ обывателей приказано было, для встрѣчи ихъ мнимаго Государя, стать на колѣни. Отъ такого униженія отказался лишь одинъ Шахматовъ.

По докладѣ Пугачеву объ ослушаніи помѣщика, самозванецъ немедленно приказалъ его повѣсить. Но не только „вся Хмѣлевка“, а всѣ окрестные поселяне снова стали на колѣни и, послѣ усиленныхъ просьбъ и даже слезъ, вымолили любимому своему барину прощеніе.

Съ проѣздомъ Пугачева не минула еще для Николая Алексѣевича угроза быть повѣшеннымъ: — еще не разъ пришлось Хмѣлевскимъ крестьянамъ защищатъ его отъ покушеній со стороны отставшихъ и догонявшихъ своего повелителя пьяныхъ наѣздниковъ. Лишь къ солнечному закату возвратились хмѣлевцы домой.

А тѣмъ временемъ дикія сцены разыгрывались на барскомъ дворѣ ихъ села.

Неизвѣстно, кѣмъ было выдано убѣжище на островѣ Прасковьи Ивановны и сестры ея. Отправившіеся туда изъ числа заночевавшихъ въ Хмѣлевкѣ, разбойники нашли перепуганныхъ и истомленныхъ барынь у подножья большого стога сѣна.

Немедленно были онѣ связаны и перевезены обратно на берегъ. Говорятъ, что, перевязывая руки Прасковьѣ Ивановнѣ, ихъ такъ сильно скрутили назадъ, что у ней лопнула кожа на груди. Конечно, разсказъ этотъ неправдоподобенъ, но такъ гласитъ преданіе.

Хозяйственныя постройки Хмѣлевской усадьбы были въ нѣкоторомъ удаленіи отъ господскаго дома, за пролегающей черезъ село дорогой, близъ церкви. Они образовывали особый дворъ, среди котораго росъ вѣтвистый, старый вязъ. Сюда была доставлена Прасковья Ивановна. На вязѣ этомъ рѣшено было ее повѣсить. Разбойники приступили уже къ страшному дѣлу. Спасти барыню было некому. Большинство крестьянъ и дворни либо находилось въ числѣ выгнанныхъ на Царицынскую дорогу, либо было въ бѣгахъ.

На селѣ и въ усадьбѣ оставалось только нѣсколько человѣкъ худшаго элемента, не могшихъ спьяна двинуться съ мѣста, не сознававшихъ окружающаго и не способныхъ оказать какое-либо сопротивленіе злодѣямъ. Въ числѣ хмѣльныхъ былъ и мельникъ Яшка. „Плевать мнѣ на господъ"! горланилъ онъ, размахивая руками и пошатываясь. Въ безсознательномъ состояніи подошелъ онъ къ Прасковьѣ Ивановнѣ и дѣйствительно плюнулъ ей въ лицо.

Но еще пьянѣе Яшки были и сами палачи. Три раза принимались они вѣшать несчастную мученицу и три раза терпѣли неудачу:—то барыня срывалась съ петли, то обрывалась ненадежная веревка. Раздался, по счастью, чей-то голосъ, напомнившій, что приговореннымъ къ повѣшенію, въ случаѣ троекратной неудачи палача, полагается помилованіе. Это напоминаніе спасло жизнь Прасковьи Ивановны.

По возвращеніи своемъ изъ Горючки Николай Алексѣевичъ нашелъ тетку лежащей безъ памяти подъ вязомъ, хотя и освобожденной отъ веревокъ. Матрена же Ивановна, не извѣстно почему не подвергшаяся участи сестры, сидѣла едва живая съ перепуга въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома. А у крыльца лежало, до сихъ поръ не прибранное, тѣло старика Артамона Лукича. Вся усадьба, весь домъ были разграблены дочиста. На полу и по двору валялись битая посуда, поломанная мебель... Стекла въ окнахъ вышиблены, двери сорваны съ петель и расколоты...

Остается сказать о судьбѣ Марьи Артамоновны. Въ минуту отлучки ея няни за водой на рѣку, оставшаяся одна въ избѣ Машенька, какъ была въ рубашенкѣ и босикомъ, выбралась

на завалинку. Испугавшись проѣзжавшаго мимо разбойника, она горько расплакалась, утирая слезы рученками. Нѣжныя и лишенныя загара ноги дѣвочки привлекли вниманіе злодѣя и возбудили справедливое подозрѣніе. Только своевременное возвращеніе и находчивость няньки спасло Машеньку отъ намѣренія его тотчасъ прикончить съ барышней.

11-го августа утромъ вступили въ Саратовъ неутомимые Муфель и Михельсонъ. Черезъ два дня послѣ него подошелъ и отрядъ Михельсона. Соединившись, они двинулись въ догонку за Пугачевымъ. Въ городѣ же были назначены власти, арестованы и преданы суду измѣнники, убраны тѣла убитыхъ. Въ числѣ прочихъ было подобрано и предано землѣ тѣло Павла Алексѣевича Шахматова. Никто изъ родныхъ не могъ присутствовать на похоронахъ, а потому и могила его осталась неизвѣстной.

По проходѣ правительственныхъ войскъ черезъ Хмѣлевку, начался водворяться понемногу порядокъ и въ ней. Проспавшіеся безобразники изъ числа крестьянъ и дворовыхъ явились съ повинной къ Прасковьѣ Ивановнѣ и Николаю Алексѣевичу. Доброта господъ превысила всякія ожиданія, и никто изъ нихъ не былъ подвергнутъ какому-либо наказанію. Такое отношеніе господъ къ виновнымъ особенно поразило мельника Яшку. Онъ, дерзкій оскорбитель, онъ, на котораго всѣ односельчане показывали пальцемъ, какъ на подлаго измѣнника и большинство которыхъ отъ него отворачивалось, — онъ не только не былъ высѣченъ или предназначенъ въ рекруты, но даже не услыхалъ отъ барыни упрека или попрека. Проходили дни, а Прасковья Ивановна относилась къ нему по-прежнему добросердечно и мягко. Совѣсть мучила хоть и легкомысленнаго и безпутнаго, но честнаго слугу. Нестерпимы были его душевныя страданія.

Тѣло Артамона Лукича, одѣтое въ прапорщичій мундиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, было положено въ гробъ и поставлено среди Хмѣлевской церкви.

Священникъ, отецъ Емельянъ Акимовъ, уже отслужилъ панихиду. Едва держащаяся на ногахъ Парасковья Ивановна, глубоко потрясенная всѣмъ происшедшимъ, не въ силахъ была плакать, а какъ-то молча, особенно тяжело переносила свое горе.

При пѣніи „со святыми упокой“ горько всхлипывала Машенька, смахивалъ слезу съ глазъ присутствующій Николай Але-

ксѣевичъ, катились онѣ по щекамъ молящихся за упокой души барина дворовыхъ и крестьянъ.

Хотя панихида служилась передъ тѣломъ одного лишь Артамона Лукича, священникъ молился объ упокоеніи рабовъ Божіихъ, новопреставленныхъ бояръ Артамона и Павла.

Кончалась служба. Господа и слуги разошлись по домамъ и утомленные дневными заботами и пережитымъ уснули крѣпкимъ сномъ.

Темная августовская ночь окутала Хмѣлевку и окрестности. Усадьба, ряды сельскихъ избъ и лѣсистый оврагъ рѣчки Хмѣлевки слились въ общую темную массу. Внизъ подъ обрывомъ разстилалась водяная гладь широкой Волги-матушки, отражая въ себѣ небо съ безчисленными звѣздами и набѣгавшими тучками. Да по другую сторону усадьбы, на полугорѣ бѣлѣла колокольня сельской церкви. Недавно, всего лишь лѣтъ 7 назадъ была она отстроена иждивеніемъ покойнаго Алексѣя Лукича и освящена во имя Симеона Столпника.

Среди нея высился гробъ съ тѣломъ Артамона Лукича. Три высокихъ подсвѣчника съ зажженными свѣчами стояли близъ него. Престарѣлый хмѣлевскій дьячекъ читалъ у аналоя псалтырь. Тихо было вокругъ. Вмѣстѣ съ Хмѣлевскими обывателями уснула, казалось, и сама природа. Ни съ села, ни съ Волги не доносилось ни одного возгласа, ни одного звука.

Свидѣтель всѣхъ происходившихъ въ Хмѣлевкѣ ужасовъ, робкій дьячекъ еще не пришелъ въ духовное равновѣсіе послѣ минувшихъ событій. Безвозвратно ли пронеслись они? Не нахлынутъ ли неожиданно новыя шайки мятежниковъ? Не придется ли снова перетерпѣвать пережитое и удастся ли въ другой разъ избѣжать мученій и смерти?

Между тѣмъ тѣло отставного прапорщика, за истекшіе 10—12 дней со дня убійства, значительно подвергалось разложенію.

Вздутый животъ потучнѣвшаго барина былъ туго стянутъ съ трудомъ застегнутымъ, давно не надѣваннымъ мундиромъ.

Въ желудкѣ покойнаго происходило броженіе и нѣтъ, нѣтъ да раздавалось бурчаніе. Звуки эти подхватывали глухіе своды, отчего являлось впечатлѣніе, что перекаты шли будто бы извнѣ церкви. Въ воображеніи трусливаго церковнослужителя представлялось новое появленіе Пугачевскихъ шаекъ. Не пушки ли грабителей спускаются къ селу съ сосѣдней горы... Страхъ, смертельный страхъ обуялъ дьячка.

А разложеніе трупа шло своимъ чередомъ далѣе. Неожиданно, съ глухимъ трескомъ лопнулъ мундиръ на покойникѣ. Оторвалось нѣсколько пуговицъ!.. одна стукнула, падая на полъ, другая случайно потушила свѣчу передъ псалтиремъ, а третья—попала дьячку въ лобъ. Съ нечеловѣческимъ крикомъ выскочилъ старикъ изъ церкви и бросился въ прибрежный перелѣсокъ въ такъ называемые, кучугуры. Спуганныя имъ собаки бросились въ догонку съ барскаго двора и съ поселка дворовыхъ. Не видя ничего передъ собой, что есть мочи бѣжалъ, лишившійся разсудка церковнослужитель. Дикій крикъ его оглашалъ окрестность и было разбудилъ дремавшаго у господскихъ воротъ караульщика. Но вдругъ крикъ этотъ замеръ и смѣнился донесшимся издали трескомъ сучьевъ и паденіемъ чего-то тяжелаго. Безумный дьячекъ упалъ съ кучи „Синяго мара“ на груды камней песчаника и расшибся до смерти. На другой день нашли его у самаго берега Волги окровавленнаго, едва живого.

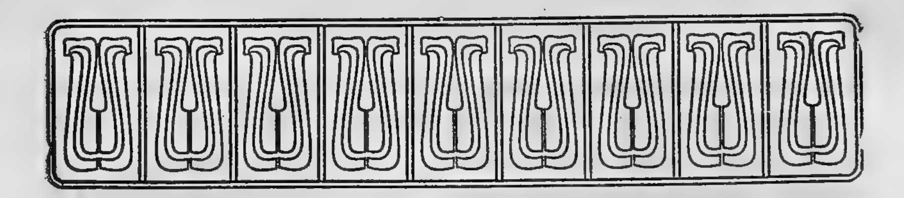
Недѣлю спустя, въ кучугурахъ же, нашли еще одинъ трупъ. Несчастный Яшка, замученный совѣстью, рѣшился на самоубійство и повѣсился на дубочкѣ въ самой гущѣ перелѣска.

Все изложенное нами на этихъ страницахъ или основано на безспорныхъ архивныхъ документахъ, или передано со словъ очевидца событій, хмѣлевскаго крестьянина Никифора Шарыпки.

Портретъ его, 122-хъ лѣтняго старца былъ помѣщенъ въ журналѣ „Нива“ за 1883-ій годъ на стр. 700-ой. Разсказы же его приходилось намъ слушать въ той же Хмѣлевкѣ, во дни нашего дѣтства.

Вячеславъ Шахматовъ.

Записки графа Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г. [1]).

Въ августѣ 1864 года, графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, а впослѣдствіи посломъ при Оттоманской Портѣ; занимая этотъ постъ, онъ своей осторожной и разумной политикой много способствовалъ возстановленію утраченнаго Россіей вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ настоящее время, въ Извѣстіяхъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ печатаются на французскомъ языкѣ чрезвычайно интересныя записки гр. Игнатьева, съ содержаніемъ которыхъ мы познакомимъ вслѣдъ за симъ читателей въ возможно полномъ изложеніи.

Въ этихъ запискахъ гр. Игнатьевъ даетъ обзоръ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ представителя императорскаго правительства въ Константинополѣ съ 1864 по 1874 г. Въ запискахъ рельефно очерчена роль, которую играли въ этихъ событіяхъ прочія державы, въ особенности Франція, которая была долгое время нашимъ антагонистомъ на Востокѣ. Направленіе русской политики въ Восточномъ вопросѣ и роль, которую игралъ въ Константинополѣ такой видный представи-

---

[1]) Извѣстія Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874). Съ предисл. П. Д. Воейкова. Спб. 1014 г.

[2]) Гр. Игнатьевъ оставилъ обширныя записки о своей дѣятельности на Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ и въ Средней Азіи. При жизни его были напечатаны, въ 1895 году, въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ „Отчетная Записка“ и „Матеріалъ къ его командировкѣ въ Пекинъ“, а за симъ въ 1897 г. — „О миссіи въ Бухару“. Изданные на правѣ рукописи, эти труды не получили распространенія.

тель нашей дипломатіи, какимъ былъ Н. П. Игнатьевъ, представляютъ для пасъ несомнѣнно высокій интересъ, въ особенности въ настоящее время, когда балканскія государства привлекаютъ къ себѣ вниманіе всей Европы. „Опытъ прошлаго можетъ быть полезенъ для будущаго“, говоритъ авторъ записокъ, и это прошлое заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія.

Описывая первыя десять лѣтъ своего пребыванія въ Константинополѣ, гр. Игнатьевъ подраздѣляетъ это время на четыре отдѣльныхъ періода; *первый* періодъ, съ 1864 до конца 1866 г., характеризируется авторомъ записокъ, какъ „эпоха преобладающаго вліянія западныхъ державъ“. „Мы“, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, „старались ослабить ихъ вліяніе, разрушить ихъ соглашеніе и сблизиться съ нашими единовѣрцами, поддерживая въ то же время добрыя отношенія съ Портой. Главнымъ вопросомъ, озабочивавшимъ въ то время дипломатію, былъ румынскій вопросъ, разрѣшенный на парижской конференціи“. *Второй* періодъ съ 1866—1869 г. Въ это время привлекалъ всеобщее вниманіе критскій вопросъ, который легко могъ вызвать на Востокѣ крупныя перемѣны; „отличительную черту этого періода составляетъ нравственная поддержка, оказанная Россіей христіанскимъ подданнымъ турецкой имперіи, и поощреніе національныхъ стремленій этихъ народностей; этотъ періодъ закончился декларацiей 1868 г.“. *Третій* періодъ съ 1869 по 1871 г. „Въ это время всѣ усилія Россіи клонились къ улучшенію участи нашихъ единовѣрцевъ мирнымъ путемъ и къ отмѣнѣ парижскаго трактата; этотъ періодъ закончился Лондонской конференціей и договоромъ 1871 года“. *Четвертый* періодъ съ 1871—1874 г. „Поддерживая въ это время прекрасныя отношенія къ Портѣ и поощряя развитіе христіанскихъ народностей и ихъ автономію, мы успѣли пріобрѣсти значительное вліяніе на Турцію и готовились къ разрѣшенію задачъ, предстоявшихъ намъ въ будущемъ“.

„Въ моментъ моего пріѣзда въ Константинополь, пишетъ гр. Игнатьевъ, преобладающее вліяніе на Востокѣ имѣли Англія, Франція и Австрія—три державы, подписавшія парижскій договоръ 1856 г.; всѣ наиболѣе важные вопросы рѣшались ими безъ участія Россіи. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о величайшемъ недовѣріи, съ какимъ турецкіе министры относились тогда къ Россіи и къ ея единовѣрцамъ. Достаточно было, чтобы мы высказались въ какомъ - нибудь вопросѣ въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы Порта пошла по діаметрально противуположному пути, даже въ ущербъ своимъ насущнымъ ин-

тересамъ, а представители западныхъ державъ, большею частью враждовавшіе между собою изъ-за личныхъ и принципіальныхъ вопросовъ, дѣйствовали единодушно всякій разъ, когда надобно было помѣшать нашему самостоятельному выступленію. Особеннымъ вліяніемъ въ Константинополѣ пользовался англійскій посланникъ сэръ Бульверъ, большой знатокъ Востока, имѣвшій большія связи въ турецкомъ обществѣ, но несмотря на это, „Франція, какъ держава, первенствовала въ Константинополѣ", и все рѣшалось такъ, какъ она хотѣла. Австрійскій посланникъ, „вѣрный политическимъ традиціямъ своего правительства", старался „лавировать и ловить рыбу въ мутной водѣ". Прусскій посланникъ избѣгалъ самостоятельныхъ выступленій, но въ важныхъ вопросахъ присоединялся къ мнѣнію Англіи; представитель Италіи былъ не болѣе, какъ орудіемъ французской политики. Одна Россія была совершенно изолирована, не встрѣчала ни въ комъ поддержки и не имѣла почти никакого вліянія на турокъ, ея одинокія выступленія въ пользу единовѣрцевъ и дипломатическіе акты, коими она обращала вниманіе державъ на жестокости турокъ и на небходимость притти на помощь христіанамъ, свидѣтельствовали только о ея безсиліи—и не могли произвести желательнаго впечатлѣнія на народы, которые „уважаютъ только силу, которая можетъ имъ быть полезна, а отнюдь не платоническія симпатіи, хотя бы самыя искренніяˮ.

„Западныя державы пользовались нашей неумѣлой политикой какъ нельзя лучше, доказывали христіанамъ, что мы были безсильны помочь имъ и въ то же время обращали вниманіе турокъ на наши попытки повредить имъ и на опасныя послѣдствія, которыя могъ имѣть нашъ образъ дѣйствій". „Дѣлая изъ насъ пугало, Франціи удавалось безъ труда добиться всѣхъ необходимыхъ съ ея точки зрѣнія уступокъ, которыя она спѣшила заранѣе обѣщать отъ своего имени христіанамъ, а устроивъ какое-нибудь дѣло, она старалась внушить туркамъ, что она совмѣстно съ Англіей и Австріей вывела ихъ изъ большого затрудненія и извлекла изъ нашихъ когтей". Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, гр. Игнатьевъ поставилъ себѣ нелегкую задачу: „вернуть постепенно утраченное нами исконное наше вліяніе на христіанскихъ подданныхъ султана и на государства, платившія дань Турціи, доказать туркамъ, что Россія была еще въ состояніи создать имъ серьезныя затрудненія, несмотря на покровительство, оказываемое имъ западными державами, и что слѣдовательно прямыя выгоды

Порты повелѣвали ей считаться съ нами и даже дѣйствовать съ нами заодно, разстроить союзъ трехъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, доказать, что этотъ союзъ былъ искусственный и что онъ возникъ только благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ;—наконецъ побороть преобладающее вліяніе, пріобрѣтенное Франціей со времени Крымской кампаніи, ослабить довѣріе Порты къ Австріи и въ особенности къ Англіи и завоевать снова мирнымъ путемъ подобающее намъ положеніе на Востокѣ".

Такова была намѣченная русскимъ посломъ задача, къ осуществленію которой онъ шелъ неуклонно.

Изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ умы дипломатовъ въ то время когда гр. Игнатьевъ былъ назначенъ въ Константинополь, самымъ животрепещущимъ былъ румынскій вопросъ. Лѣтомъ 1864 г., еще до пріѣзда гр. Игнатьева, въ Константинополь прибылъ князь Куза для обсужденія вопросовъ чрезвычайной важности для Соединенныхъ Княжествъ, которые касались измѣненій въ ихъ конституціи, введенныхъ господаремъ послѣ сліянія Молдавіи и Валахіи въ одно княжество подъ его властью и санкціи Порты и державъ на совершенный имъ переворотъ.

Во время своего довольно продолжительнаго пребыванія въ столицѣ Турціи онъ „держался очень далеко отъ русскаго посольства и даже не отдалъ простого визита вѣжливости нашему представителю Новикову, который въ силу этого не могъ принимать участія въ переговорахъ, ради которыхъ кн. Куза пріѣхалъ въ Константинополь". Представитель Россіи высказался рѣшительно противъ домогательствъ господаря и совершенныхъ имъ незаконныхъ поступковъ (между прочимъ отобранія монастырскихъ имуществъ, находившихся подъ защитой державъ) и настаивалъ на томъ, чтобы державы выразили князю коллективно свое порицаніе, но благодаря поддержкѣ французскаго посланника кн. Куза добился всего, что онъ хотѣлъ. Такой результатъ не могъ, разумѣется, побудить Кузу искать благосклонности Россіи, бывшей нѣкогда вершительницей судьбы Румыніи. „Никогда еще, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, дерзость нашихъ противниковъ не проявлялась въ Константинополѣ такъ явно, и никогда еще они не достигали такого успѣха, не встрѣтивъ никакого противодѣйствія". Это должно было, конечно, навести турокъ и нашихъ единовѣрцевъ на невыгодныя для насъ размышленія.

Гр. Игнатьевъ задался цѣлью въ корнѣ измѣнить наши отношенія къ Румыніи. Убѣдившись въ томъ, что кн. Куза

былъ „подобострастнымъ орудіемъ“ въ рукахъ Тюильерійскаго кабинета и что „девизомъ его политики было враждебное отношеніе къ Россіи и къ православію“, русскій посланникъ не сомнѣвался въ томъ, что добрыя отношенія къ Румыніи не могутъ быть возстановлены до тѣхъ поръ, пока князь будетъ у власти.

„Я постарался, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, разоблачить некорректное поведеніе князя Кузы, нарушеніе имъ международныхъ постановленій, его пренебреженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ. Я доказывалъ моимъ коллегамъ и въ особенности турецкимъ министрамъ, какъ опасно было неосторожное, революціонное поведеніе господаря и что необходимо было возстановить достоинство державъ, на которое оно посягало! Особенное значеніе имѣли два вопроса, возбужденные кн. Кузой по совѣту Франціи и вопреки совѣтамъ русскихъ дипломатовъ; а именно объ организаціи Молдаво-Валахской церкви и о монастырскихъ имуществахъ, конфискованныхъ въ пользу государства по приказанію князя.

„Издавъ 28 мая 1864 г. законъ о назначеніи епископовъ господарь хотѣлъ этимъ подчинить церковь свѣтской власти, совершенно отдѣлить ее отъ Константинопольской патріархіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить главный консервативный элементъ въ странѣ, возстававшій противъ его новшествъ, „полагая, что ослабивъ узы, соединявшіе Румынію съ другими православными державами, онъ могъ освободиться отъ зависимости отъ восточныхъ патріарховъ и отъ россійскаго и греческаго синодовъ“.

При рѣшеніи другого не менѣе важнаго вопроса о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, „опять таки хотѣли обойтись безъ участія русскаго правительства; Франція открыто держала сторону кн. Кузы; Англія же и Австрія дѣлали видъ, будто онѣ защищаютъ православное духовенство, расчитывая устранить этимъ наше вмѣшательство“. „Духовенство не понимало, что надъ нимъ издѣвались... даже самъ Кириллъ, патріархъ іерусалимскій, всегда преданный Россіи, попался въ сѣти, разставленныя ему англійскимъ посланникомъ, и тайно посѣщалъ его въ уединенномъ замкѣ на о. Плати, гдѣ жилъ сэръ Бульверъ, и обсуждалъ съ нимъ вопросъ о томъ, какъ дѣйствовать дальше въ виду поступковъ кн. Кузы. Русскому посольству даже не сообщали рѣшеній, принятыхъ на этихъ совѣщаніяхъ“.

Хотя гр. Игнатьеву, обратившему съ самаго начала серьезное вниманіе на церковный вопросъ въ Румыніи, пришлось

затѣмъ отказаться отъ дѣятельной поддержки православнаго духовенства въ его законныхъ требованіяхъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ отъѣзда сэра Бульвера изъ Константинополя и новыхъ инструкцій, полученныхъ австрійскимъ посланникомъ, и его попытка вернуть церкви имущества, находившіяся уже нѣсколько лѣтъ въ рукахъ молдавскаго правительства, не увѣнчалась успѣхомъ, однако его энергичное выступленіе въ этомъ дѣлѣ не прошло безслѣдно и имѣло большое моральное значеніе: „кн. Куза, говоритъ гр. Игнатьевъ, убѣдился въ томъ, что покровительства Франціи было недостаточно для того, чтобы санкціонировать всѣ незаконные шаги его правительства; а турки убѣдились въ томъ, что достаточно было нашего противодѣйствія, чтобы разстроить всю затѣянную кампанію; въ то же время греческое духовенство увидѣло, что мы были готовы поддержать его, но что наши старанія парализовались равнодушіемъ или враждебностью тѣхъ самыхъ державъ, на которыхъ оно вначалѣ разсчитывало“.

„Изъ всего этого вытекаетъ одинъ безспорный фактъ“—а именно, что несмотря на продолжавшееся еще вліяніе Франціи на Турцію, „наше законное вліяніе въ Константинополѣ начало возрастать“.

Вниманіе Порты и представителей державъ было вскорѣ отвлечено вопросомъ несравненно болѣе важнымъ: 23 февраля 1866 г. въ Румыніи произошелъ государственный переворотъ.

Видя неудачу своихъ послѣднихъ мѣропріятій, противъ которыхъ возсталъ представитель Россіи, кн. Куза чувствовалъ, что паденіе его было близко. „Сдѣлавъ видъ, что онъ понялъ свою ошибку, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, князь попытался сблизиться съ императорскимъ посольствомъ и написалъ мнѣ письмо, говоря, что мы ошибаемся на счетъ его намѣреній, что онъ ничего такъ не желалъ, какъ придти къ соглашенію съ Россіей, и готовъ былъ слѣдовать нашимъ совѣтамъ. Зная, насколько можно было довѣрять искренности его словъ, и предвидя, что онъ не долго удержится на престолѣ, я не счелъ нужнымъ отвѣтить ему и просилъ князя Кантакузена, пріѣхавшаго ко мнѣ, чтобы словесно подтвердить все сказанное кн. Кузою въ его письмѣ, выразить князю мое удивленіе по поводу того, что онъ не оцѣнилъ раньше пользу сближенія съ Россіей, и дать ему понять, что мы могли измѣнить наше отношеніе къ нему лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ далъ намъ осязательныя доказательства своего искренняго раскаянія; а пока мы будемъ держать себя такъ же осто-

рожно какъ прежде, и не окажемъ ему ни малѣйшей поддержки".

Событія шли своимъ чередомъ. 23 февраля 1866 г. кн. Куза былъ вынужденъ отречься отъ престола и тайно уѣхалъ изъ Бухареста. Въ связи съ этимъ возникалъ вопросъ объ избраніи иностраннаго принца и о томъ, измѣнится ли положеніе Соединенныхъ Княжествъ, единство которыхъ было признано въ 1861 г. султанскимъ фирманомъ только на время правленія кн. Кузы и притомъ безъ согласія державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ.

„25 (13) февраля Аали-паша пригласилъ на совѣщаніе представителей державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, и предложилъ имъ отмѣнить вотумъ объ избраніи иностраннаго принца, избрать отдѣльныхъ господарей въ Бухарестѣ и въ Яссѣ и послать въ княжества турецкаго комиссара, въ сопровожденіи делегатовъ отъ державъ".

Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ генералъ Игнатьевъ указалъ на „необходимость строго держаться договоровъ и указать румынамъ, что они должны итти по пути благоразумія, не вступая на революціонный путь", — послами было совмѣстно выработано содержаніе торжественныхъ телеграммъ, которыя были посланы на слѣдующій день представителями державъ генеральнымъ консуламъ въ Бухарестѣ, съ настоятельнымъ требованіемъ соблюдать законъ. „Австрійскій интернунцій довольно рѣшительно поддерживалъ на этомъ засѣданіи русскаго посла къ величайшему неудовольствію французскаго посланника, который не могъ скрыть своей досады по поводу активнаго вмѣшательства въ этотъ вопросъ Россіи и спросилъ Н. П. Игнатьева, съ которыхъ поръ императорскій посланникъ въ Константинополѣ „сталъ защитникомъ полумѣсяца", на что генералъ отвѣтилъ, что „мы стоимъ неизмѣнно на почвѣ трактовъ и удивляемся, не встрѣчая на этомъ пути прочихъ державъ".

Маркизъ Мустье, „видя себя связаннымъ своимъ согласіемъ дѣйствовать коллективно, подалъ своему правительству мысль перенести засѣданія конференціи въ Парижъ", на что послѣдовало единодушное согласіе державъ и такимъ образомъ, говоритъ гр. Игнатьевъ, „переговоры вышли изъ моей компетенціи, и мнѣ пришлось ограничиться одними совѣтами Портѣ въ смыслѣ нашихъ взглядовъ".

„Конференція открылась въ Парижѣ 10 марта подъ предсѣдательствомъ Друэнъ де Люиса. Переговоры велись съ такой

медлительностью, объяснить которую нельзя было иначе, какъ совокупной игрой Франціи и руководителей молдаво-валаховъ, какъ вдругъ 20 апрѣля на румынскій престолъ былъ избранъ принцъ Карлъ Гогенцоллерскій".

Какъ только стали извѣстны результаты плебисцита, турецкій уполномоченный выступилъ на парижской конференціи съ протестомъ и заявилъ, что „военная оккупація княжества является въ глазахъ его правительства единственной цѣлесообразной мѣрой, для возстановленія въ княжествѣ порядка и спокойствія".

„Слѣдуя указаніямъ императорскаго кабинета, я старался", пишетъ гр. Игнатьевъ, поддержать турецкое правительство на пути, который оно избрало по своей собственной иниціативѣ, рѣшивъ однако предотвратить кровопролитіе, какъ только сраженіе между турками и молдаво-валахами станетъ неизбѣжнымъ.

„Но рѣшимость Порты ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ положеніе осложнялось. Она не рѣшалась итти противъ Франціи, не имѣя на своей сторонѣ Англіи и не расчитывая на серьезную поддержку со стороны Россіи. Но Англія дѣйствовала въ то время въ Румыніи въ полномъ согласіи съ Франціей, а что касается насъ, то въ рѣшительный моментъ Порта увидѣла, что на нашу поддержку ей расчитывать нельзя. Образъ дѣйствій, которому мнѣ предписано было слѣдовать въ Константинополѣ, оказался въ полномъ противорѣчіи съ заявленіями, сдѣланными нашимъ посланникомъ въ Парижѣ, который въ засѣданіи 25 мая горячо высказался противъ проекта Порты, поддержавъ точку зрѣнія французскаго правительства". Турецкій посланникъ, получившій приказаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ нашимъ уполномоченнымъ, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и усомнился въ нашей искренности. Въ нѣдрахъ конференціи произошелъ полный разладъ и ей не удалось притти ни къ какому рѣшенію относительно цѣлесообразности понудительныхъ мѣръ для возстановленія въ Румыніи законнаго порядка. Принцъ Карлъ воспользовался этимъ, отправился немедленно въ Румынію, совершилъ 23 мая торжественный въѣздъ въ Бухарестъ и принялъ бразды правленія. Члены конференціи разъѣхались въ первыхъ числахъ іюня по предложенію нашего уполномоченнаго, которому предложено было заявить, что по мнѣнію императорскаго кабинета „европейская конференція, которая принимаетъ извѣстныя рѣшенія и затѣмъ сама же допускаетъ ихъ нарушеніе, не при-

носитъ никакой практической пользы, между тѣмъ какъ безплодность ея совѣщаній наноситъ серьезный ущербъ коллективному авторитету Европы и достоинству входящихъ въ ея составъ державъ".

Порта со своей стороны не рѣшилась „бросить вызовъ Европѣ", введя свои войска въ Румынію, и подчинилась давленію Франціи и Англіи; на рѣшеніе Турціи повліяла также въ значительной степени начавшаяся въ іюнѣ мѣсяцѣ Австро-Прусская война, въ которой приняла участіе Италія; „занявъ выжидательное положеніе", турки пропустили благопріятный моментъ для оккупаціи княжества тотчасъ по вступленіи принца Карла въ Румынію. Какъ только въ Константинополѣ сталъ извѣстенъ исходъ Кениггрецкаго сраженія и окончательная побѣда прусской арміи, Аали-паша рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ вопросомъ о княжествахъ. Онъ считалъ опаснымъ задѣть принца изъ дома Гогенцоллерновъ и боялся, какъ бы послѣдствія Австро-Прусской войны не измѣнили взгляда державъ на Восточный вопросъ, и поэтому хотѣлъ прежде всего отнять у Европы предлогъ требовать у Турціи компенсацій за жертвы, понесенныя въ иномъ мѣстѣ. Извѣстіе объ уступкѣ Венеціи Наполеону III произвело удручающее впечатлѣніе на Порту. „Попросите князя Горчакова, сказалъ Аали-паша генералу Игнатьеву, не винить насъ болѣе за то, что мы подчиняемся вліянію Франціи; и болѣе могущественныя державы, нежели мы, преклоняются передъ ея волей".

„Въ виду новаго оборота, наступившаго въ Румынскомъ вопросѣ, намъ необходимо было нѣсколько измѣнить нашъ образъ дѣйствій. Коль скоро Порта готова была признать совершійся фактъ, намъ неудобно уже было настаивать на возстановленіи въ княжествахъ порядка вещей, созданнаго парижскимъ договоромъ. „Руководствуясь инструкціями, полученными изъ министерства, Н. П. Игнатьевъ заявилъ Аали-паши въ исходѣ іюня, что „императорскій кабинетъ предоставляетъ турецкому правительству дѣйствовать по своему усмотрѣнію".

Разумѣется, говорилось въ инструкціяхъ, полученныхъ нашимъ посломъ, „враждебное поведеніе румынскаго правительства по отношенію къ намъ и къ православной церкви даетъ намъ право лишить его благожелательнаго покровительства, которое мы постоянно ему оказывали. Однако, императоръ не возлагаетъ на населеніе Молдавіи и Валахіи отвѣтственности за ошибки свергнутаго ими правительства. Кромѣ того мы не должны забывать, что тутъ дѣло идетъ о принципѣ, касаю-

щемся всей совокупности христіанскаго населенія Востока, къ которому мы, согласно исконнымъ нашимъ традиціямъ, относились всегда сочувственно“.

„Во все время пребыванія принца Карла въ Константинополѣ я держалъ себя въ отношеніи къ нему весьма осторожно“, пишетъ П. Н. Игнатьевъ, „не выказывая ему впрочемъ ни малѣйшей враждебности“, а „принцъ Карлъ выказывалъ желаніе сблизиться съ императорскимъ посольствомъ. Онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, который я отдалъ ему на другой же день частнымъ образомъ. Я далъ понять его высочеству“, „что мы признаемъ переворотъ, совершившійся въ Румыніи, лишь послѣ полученія имъ фирмана инвеституры, что наше дальнѣйшее поведеніе будетъ зависѣть отъ того, насколько онъ будетъ считаться съ нашими интересами, и что отъ него зависитъ дать намъ въ этомъ доказательство, порвавъ всякую связь съ лицами, принадлежащими къ красной партіи, урегулировавъ церковныя дѣла и т. д.. Его Высочество признавалъ вину молдаво-валаховъ по отношенію къ Россіи, но винилъ во всемъ правительство кн. Кузы и давленіе со стороны Франціи. Онъ обѣщалъ держаться въ будущемъ консервативной политики и сблизиться съ Россіей“.

По мнѣнію Н. П. Игнатьева преобладающее вліяніе, которое Франція пріобрѣла въ дѣлѣ соединенныхъ княжествъ со времени заключенія парижскаго договора, можетъ быть объяснено главнымъ образомъ тѣмъ, что во время переговоровъ, происходившихъ въ Константинополѣ, только одна эта держава имѣла опредѣленный планъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій программѣ ея политики, и преслѣдовала свои цѣли съ удивительной стойкостью и настойчивостью.

Наполеонъ III имѣлъ на Румынію особые виды: „увидавъ, что ему не удается осуществить свой планъ относительно возстановленія Польши, онъ видимо задумалъ осуществить подобный же планъ, продиктованный враждебными чувствами къ намъ, на берегахъ Дуная, создавъ тамъ государство, которое находилось бы всецѣло подъ вліяніемъ Франціи и „на которое она могла бы опираться въ случаѣ осложненій на Востокѣ“.

Его представитель доказывалъ турецкому правительству, что „прочно организованное государство на нижнемъ теченіи Дуная могло быть единственной гарантіей для Порты противъ захватовъ Россіи и служило бы ему надежнымъ оплотомъ противъ этой державы“. Туркамъ, конечно, слѣдовало бы понять, что страна съ нѣсколькими милліонами жителей не могла быть защи-

той противъ Россіи и что самымъ надежнымъ оплотомъ для Турціи могли быть добрососѣдскія отношенія съ могущественной Россіей".

„Самой характерной чертой того времени, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, была враждебность, которую проявляла къ намъ Франція въ вопросѣ о Соединенныхъ Княжествахъ", въ то время какъ „Тюильерійскій кабинетъ горячо настаивалъ на общности нашихъ интересовъ на Востокѣ, а мы, съ своей стороны, искренно желали дѣйствовать заодно съ нимъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ".

Антагонизмъ между Франціей и Россіей проявился и въ вопросахъ, касавшихся Сербіи, къ которой „Франція относилась враждебно потому, что мы ей сочувствовали; желая видѣть въ Бухарестѣ независимаго владѣтеля, она хотѣла въ то же время сохранить для Турціи въ Бѣлградѣ почтительнаго вассала"; и дѣйствовала согласно съ видами Порты, которая мирилась съ мыслію о стремленіи румынъ къ независимости, но тревожилась при всякой попыткѣ въ этомъ отношеніи со стороны сербовъ, на которыхъ она смотрѣла какъ на вождей славянства.

Нѣкоторыя другія державы дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ Франція: Австрія, въ особенности, относилась къ сербамъ крайне враждебно, „о чемъ можно только пожалѣть, такъ какъ при всякомъ осложненіи въ сербскомъ вопросѣ вѣнскій кабинетъ оказывалъ большое вліяніе на рѣшенія Порты". „Мы одни искренно и открыто принимали сторону сербовъ, но наше вмѣшательство парализовалось съ одной стороны недовѣріемъ Порты, а съ другой стороны той изолированностью, на какую насъ обрекало недоброжелательство прочихъ державъ". Поэтому при безконечныхъ спорахъ, возникавшихъ между Портой и сербскимъ правительствомъ, русскому посланнику приходилось дѣйствовать крайне осторожно.

Таково же приблизительно было положеніе и въ вопросахъ, касавшихся Черногоріи; особенно въ важномъ для нея вопросѣ о разграниченіи съ Турціей. „Я доказывалъ, пишетъ П. Н. Игнатьевъ, что этотъ вопросъ требовалъ скорѣйшаго рѣшенія, и что чѣмъ больше черногорцы получатъ земли, въ которой они чрезвычайно нуждались, тѣмъ лучше будетъ обезпеченъ миръ. Къ сожалѣнію, дѣйствуя одиноко, мы не могли достигнуть многаго. Англія и Франція мѣшали осуществленію нашихъ плановъ". Пруссія и Италія относились къ нимъ равнодушно. Франція по обыкновенію не подерживала насъ въ на-

шихъ домогательствахъ,и хотя она втайнѣ убаюкивала черногорцевъ обѣщаніями и даже какъ будто поддерживала иногда ихъ домогательства, но это дѣлалось въ сущности, какъ замѣчаетъ нашъ посланникъ, „не изъ доброжелательства къ Черногоріи, а единственно съ цѣлью парализовать наше вліяніе".

Что касается насъ, то мы руководствовались въ нашей политикѣ на Востокѣ исконнымъ нашимъ сочувствіемъ къ единовѣрцамъ и нашими обязанностями по отношенію къ нимъ. Къ сожалѣнію, послѣ войны 1854—55 г.г. отъ насъ успѣли отдалить грековъ, а мы не съумѣли внушить довѣрія славянамъ, и первое время по пріѣздѣ моемъ въ Константинополь политическое положеніе не благопріятствовало возстановленію нашихъ прежнихъ съ ними отношеній".

Императорская Франція являлась вездѣ, гдѣ это только соотвѣтствовало ея интересамъ, защитницей принципа національности,—такъ было въ Италіи, въ Польшѣ, въ Румыніи, но она не хотѣла оказать поддержку славянскимъ народамъ, населявшимъ Турцію.

„Націоналистическая теорія", говорилъ французскій посланникъ Н. П. Игнатьеву, „не должна пониматься безъ ограниченій. Есть національность и національность. Не всякая нація можетъ претендовать на самостоятельное существованіе. Право на него даетъ роль, которую народъ игралъ въ исторіи, его происхожденіе, сила, единеніе. Христіанскія народности Турціи не отвѣчаютъ всѣмъ этимъ условіямъ. Онѣ безсильны, онѣ дошли до упадка, онѣ не имѣютъ блестящихъ традицій въ прошломъ, онѣ не имѣютъ нравственной связи въ настоящемъ". „Короче сказать, Франція хотѣла видѣть въ славянахъ рабски преданныхъ Турціи подданныхъ, готовыхъ отказаться отъ національной и религіозной самобытности, съ космополитическимъ правительствомъ, которое въ политическомъ, финансовомъ и промышленномъ отношеніи зависѣло бы отъ Франціи. Очевидно, Россія не могла итти съ нею по этому пути.

Къ сожалѣнію, связь, существовавшая нѣкогда между православными народностями Турціи, въ то время почти исчезла. Въ моментъ пріѣзда въ Константинополь графа Игнатьева религіозныя распри между греками и болгарами достигли высшей степени, и всѣ попытки императорскаго посольства установить между ними примиреніе были заранѣе обречены на неудачу. Эти распри давали широкій просторъ католической и протестантской пропагандѣ, которая коснулась не только грековъ, но и армянъ.

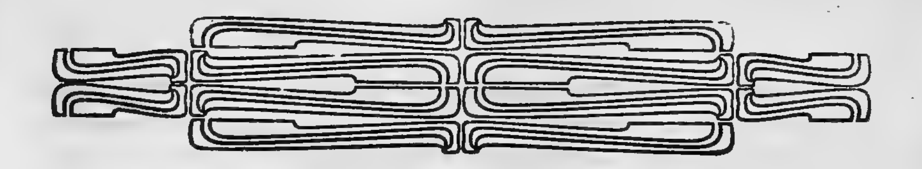
Говоря объ этой пропагандѣ, П. Н. Игнатьевъ упоминаетъ объ одномъ любопытномъ документѣ, который держался долгое время въ величайшей тайнѣ. Это былъ протоколъ, составленный въ 1860 году подъ покровительствомъ французскаго посольства въ Перѣ и подписанный Даудъ-пашей и преосв. Азаріаномъ, двумя въ то время самыми вліятельными лицами среди армянъ-католиковъ.

Онъ заключалъ цѣлую программу дѣйствій, клонившуюся къ сліянію всѣхъ армянъ-католиковъ и грегоріанъ подъ протекторатомъ Франціи, которая, въ случаѣ паденія Оттоманской Имперіи, могла бы *противопоставить ихъ славянамъ и грекамъ*— предполагаемымъ представителямъ русскаго вліянія на Востокѣ. Въ этомъ странномъ актѣ излагалась не только цѣль, которая имъ преслѣдовалась, но и всѣ подробности дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя могли способствовать достиженію этой цѣли. Этотъ протоколъ, какъ говоритъ гр. Игнатьевъ, даетъ ключъ ко всѣмъ интригамъ, объектомъ которыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ были армяне.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Тимощукъ.

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку [1]).

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

№ 38.

Берлинъ, 27 августа (8 сентября). Среда. [1866 г.].

Поздравляю Васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, съ Царскимъ и Вашимъ собственнымъ праздникомъ, на которомъ, къ сожалѣнію, этотъ годъ я присутствовать, по обыкновенію, не могу. Не знаю и самъ, отъ чего я опоздалъ — просто отъ того, кажется, что захотѣлось проблагодушествовать здѣсь лишнюю недѣлю, вотъ я и благодушествую подъ *Липами*. Здѣсь началось бабье лѣто, послѣдніе красные дни; желалъ бы застать его и въ Петербургѣ, куда мнѣ хочется прибыть ровно черезъ недѣлю, т. е. въ будущую среду вечеромъ. И если тамъ будетъ тепло и ясно, то Вы рискуете получить меня самаго съ пріобрѣтенною на булонской ярмаркѣ для 30-го августа сигарочищею — въ Павловскѣ.

Изъ прекрасной Франціи я бѣжалъ: Парижъ пустъ, унылъ, чего-то ждетъ и боится. Я не хотѣлъ развязываться на обратномъ пути изъ Булони, чтобъ не засѣсть тамъ надолго, и не вскрывая чемодана уѣхалъ сюда.

Ждали въ Парижѣ кончины Наполеона [2]), который сильно прихворнулъ, и этимъ ожиданіемъ смущались, но оно не сбылось—и опять нахлынутъ въ Парижъ иностранцы и снова онъ закипитъ.

Даже здѣсь, въ Берлинѣ, пронесшееся фальшивое извѣстіе о смерти Наполеона—произвело панику. Фонды страшно пони-

---

[1]) См. „Русская Старина", мартъ 1914 г.

[2]) Это было въ 1866 г.

зились на биржѣ и множество спекулянтовъ раззорились въ одинъ день.

А впрочемъ все обстоитъ благополучно. Я прилежно изучаю оттѣнки вкуса сигаръ у разныхъ торговцевъ и обогащаю берлинскую промышленность пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ нужныхъ, и особенно ненужныхъ вещей.

Отъ чтенія и писанья совсѣмъ отвыкъ и очень жалѣю, что не сдѣлалъ этого раньше, тогда не было бы у меня никакого обрыва ни въ зрѣніи, ни въ расположеніи духа.

Все, что я могъ бы съѣсть и выпить 30-го августа на Вашемъ праздникѣ — предложите скушать за меня Софьѣ Александровнѣ (особенно мясо, ей нужны силы), а если она того не исполнитъ, то прошу Васъ выдать это мнѣ деньгами.

Короля здѣсь нѣтъ — онъ странствуетъ въ отдаленныхъ краяхъ—а именно въ Штетинѣ, отъ того и поклона Вамъ отъ него не привезу. У Бисмарка разстроенъ желудокъ отъ того, что Наполеонъ выздоровѣлъ. Вообще въ Берлинѣ тихо, покойно и было бы совсѣмъ хорошо, еслибъ не воняло на улицахъ скверно.

Прощайте, любезный другъ, обнимаю Васъ заочно, въ ожиданіи обнять собственноручно. Кланяюсь дружески Казимірѣ Казиміровнѣ, Екатер. и Соф. Алекс.[андровнамъ], сыну Вашему и всѣмъ домочадцамъ.

И. Гончаровъ.

Вчера мнѣ одинъ молодой человѣкъ сказывалъ, что сегодня долженъ пріѣхать сюда Маркъ Николаевичъ [Любощинскій] съ семействомъ. Утѣшаю себя надеждою, что письмо это придетъ 30 августа.

№ 39.

Маріенбадъ, 15 (27) іюня, 1867.

Любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ,

Собирался, собирался я напомнить Вамъ о себѣ, но, во-первыхъ, рано было, не успѣли Вы меня еще забыть настолько, чтобъ появленіе строкъ моихъ могло быть сочтено за воспоминаніе, да еще за пріятное, а во-вторыхъ—въ Маріенбадѣ, какъ принадлежащемъ къ разряду захо[лу]стьевъ и трущобъ, по преимуществу, хотя и зеленыхъ, не родятся новости, а пришедши сюда и извнѣ, умираютъ. Предметы думъ, помысловъ и стремленій здѣсь суть — печень, потомъ желудокъ, кишки, словомъ—брюхо, которому и посвящаются всѣ заботы, только

не въ смыслѣ пріятнаго переполненія и отягощенія, а непріятнаго промыванія онаго. Оно не круглѣетъ, а оскудѣваетъ здѣсь. И въ этомъ успѣхъ. Я могъ бы радоваться этому успѣху, если бъ оскудѣлъ только этимъ, но я сталъ скорбенъ и главой, и нищъ духомъ, но не въ евангельскомъ смыслѣ.

Надѣясь было поздоровѣть, говоря не шутя, освѣжиться, но только поникъ здоровьемъ и заплеснѣвѣлъ духомъ; хотѣлъ приняться за старый, забытый трудъ, взялъ съ собой пожелтѣвшія отъ времени тетради—и не тронулъ ихъ изъ чемодана. Ни здоровье, ни трудъ не удались, и вопросъ о трудѣ рѣшается отрицательно навсегда. Бросаю перо.

На-дняхъ—т. е. дня черезъ три ѣду—куда еще самъ не знаю, и потому пока не прошу отвѣта. Можетъ быть, напишу послѣ. Я еще не рѣшилъ: ѣхать ли въ Африку или въ Америку. Въ Африкѣ я отчасти былъ, въ Америкѣ — нѣтъ, и потому вѣроятно махну туда. А пока доѣду до желѣзной дороги ближайшей станціи—и по вдохновенію скажу, куда брать билетъ.

Въ Парижѣ теперь толкотня, туда рано, да я черезъ Парижъ ѣзжалъ мимоѣздомъ къ морю. А теперь, не шутя, не знаю, гдѣ сяду. Очень жалѣю, что предпринялъ безполезную поѣздку.

Здѣсь я даже газетъ не читаю; даже гуляю мало, а сидя дома, по неволѣ слушаю каждый день органъ сосѣдней лютеранской церкви, да еще надъ моими комнатами помѣстили съумасшедшаго. Днемъ онъ кричитъ благимъ матомъ, а по ночамъ неистово стучитъ ногами въ полъ—или мечется въ кровати и потрясаетъ свою, а вмѣстѣ съ ней и мою комнату. Вотъ и всѣ развлеченія. По временамъ бываютъ еще грозы, которыя ночью мѣшаютъ спать, а затѣмъ все обстоитъ благополучно.

Обнимаю Васъ, кланяюсь Казимірѣ Казиміровнѣ и Сашѣ и остаюсь

вѣрно-преданный

И. Гончаровъ.

№ 40.

Baden-Baden, 16 (28) Воскресенье. [1867 г.].

Ваше теплое и доброе письмо, дорогой другъ Александръ Васильевичъ, я получилъ. Къ сожалѣнію, крайнее разстройство нервъ, отчасти тикъ, душевная мерзость, опустѣніе головы, засореніе желудка, и сердца съ обоими его *желудочками*, плѣсень большого мозга (если таковой у меня есть) и мозжечка — все

это дѣлаетъ меня неспособнымъ состязаться съ Вами въ Вашемъ спокойномъ благодушіи, здравости и несокрушимой ясности мысли и слова: поспорю съ Вами только въ отплатѣ дружбой за дружбу и всегда превзойду Васъ—въ ясности почерка. Это—мое преимущество передъ Вами—въ сей, а можетъ быть—и въ будущей жизни. Вы можете возвыситься до первыхъ высотъ—душевной доблести, до первыхъ степеней гражданскихъ и военныхъ почестей, но писать разборчиво никогда не будете. И эти-то орудія казни, т: е: почеркъ, да еще сто-саженная крутая лѣстница—именно предназначены—для друзей, а не для лютыхъ враговъ Вашихъ, ибо сихъ послѣднихъ Вы на лѣстницу къ себѣ не пустите, а если восхощете излить на нихъ злобу и хулу письменно — то цѣли не достигнете, ибо они ничего не разберутъ. А друзья рвутся къ Вашимъ дверямъ и къ Вашимъ добрымъ словесамъ: а ихъ стережетъ тамъ—удушье, а тутъ — заманчивая бездна неразборчивости.

Но такъ какъ я пробовалъ когда-то—съ помощью указаній Шамполіона младшаго [1])—читать іероглифы, то прочелъ и Ваше письмо—и усмотрѣлъ, что Вы—по отсутствію только эгоизма — умолчали о своихъ неспокойствахъ и распространились о моихъ: у Васъ, вмѣсто одной, двѣ больныя теперь. Что это: право, это—должно быть, отъ лѣстницы или отъ почерка. Поклонитесь Казимірѣ Казиміровнѣ—и скажите, что хворость ей вовсе не къ лицу, обыкновенно свѣжему и бодрому, и что ей надо дать доктору присягу, что она нездорова — иначе не повѣритъ. — А Екатерина Александровна: принесли ли ей купанья въ морѣ хоть немного облегченія? Кланяюсь обѣимъ дружески—и Софьѣ Александровнѣ, хотя ей только что написалъ самъ и благодарю и Васъ, Александръ Васильевичъ, и Софью Александровну, что оба не скупитесь на отвѣты мнѣ. Переписка съ Вами обоими, кромѣ дружескихъ отношеній, сосредоточиваетъ въ себѣ для меня почти весь интересъ и интеллектуальнаго, и нравственнаго, и артистическаго... не скажу *развлеченія:* это было бы слишкомъ слабо и поверхностно — нѣтъ, болѣе этого. Придумайте и поставьте сами подходящее слово, которое сію же минуту найдете.

Я дня черезъ три ѣду отсюда—куда еще самъ не знаю, и потому не вызываю Васъ на отвѣтъ. Когда ворочусь—тоже не знаю. Какъ-нибудь подамъ о себѣ вѣсть. Здѣсь есть кое-кто

---

[1]) Знаменитый французскій ученый, изучавшій іероглифы, основатель египтологіи.

Русскіе, но я почти ни съ кѣмъ не вижусь. Тургеневъ буквально невидимъ — онъ проводитъ время на виллѣ Віардо, гдѣ по сосѣдству выстроилъ домъ, но еще не переѣхалъ, по недостатку денегъ. На-дняхъ онъ читалъ мнѣ и Ѳеоктистову [Е. М.] [1]) съ женой небольшой разсказъ страницъ въ 20 — но лучше бы его не печатать, потому что дѣйствіе происходитъ въ домѣ публичныхъ женщинъ. У него это не вышло неприлично, но самъ предметъ неприличенъ. Я хочу его остеречь — не знаю, послушаетъ ли.

Я хожу повѣся носъ и ничего не дѣлаю и не буду дѣлать— и выйду ли когда-нибудь изъ своего бездѣйствія и нравственно-умственнаго разлада—не знаю, сомнѣваюсь.—Иногда заходилъ на рулетку, видѣлъ жадную толпу и тоже, машинально ставилъ луидоръ и то выигрывалъ, то проигрывалъ. Выигралъ франковъ 300, а проигралъ 500, т. е. двѣсти своихъ и бросилъ. Но видѣлъ, какъ свѣтлѣйшая Суворова мечетъ груды золота, и другіе Русскіе и Англичане; видѣлъ, какъ герой земскаго дѣла, удаленный на время изъ отечества, графъ Шуваловъ [2]) сорвалъ банкъ два раза и выигралъ болѣе 120 тысячъ франковъ (проигравъ, говорятъ, въ Парижѣ 500 тыс.); видѣлъ нѣкоторыхъ Русскихъ и не Русскихъ, выходящихъ оттуда, поджавши хвосты. Одинъ попросилъ у меня три луидора, говоря, что все проигралъ и что ѣсть нечего и когда я далъ, онъ проигралъ и ихъ, а потомъ пришелъ опять просить, опять ссылаясь на голодъ. Я расхохотался.

Вашъ отзывъ о нашихъ судахъ радуетъ меня несказанно,— впрочемъ я ожидалъ этого. Вы успѣли попасть въ качествѣ дѣятеля на первыхъ порахъ, чтобы помочь правосудію пустить

[1]) Въ тѣ годы состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при м-рѣ народн. просвѣщ., сотрудничалъ въ „Отеч. Запискахъ"; впослѣдствіи былъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

[2]) Андрей Петр. Еще въ 1865 г. имъ была произнесена рѣчь въ царскосельскомъ земскомъ собраніи, въ которой предлагалось возбудить ходатайство о созывѣ центральнаго земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству. 16 января 1867 г. за рѣзкія рѣчи и постановленіе петербургскаго земскаго собранія принести жалобу на м-ра вн. дѣлъ въ сенатъ за оставленіе безъ послѣдствій 12 ходатайствъ петербургскаго земства изъ 26 — предсѣдатель управы Н. Ф. Крузе былъ высланъ въ Оренбургъ, а гр. Андрей П. Шуваловъ за границу—въ Парижъ, гдѣ онъ и жилъ до смерти. Объ этомъ дѣлѣ и участіи Шувалова и др. лицъ см. у Никитенка, Зап. и дневн. изд. 1905 г., Т. II, стр. 262 и 322, въ „Воспоминаніяхъ кн. Мещерскаго" и у А. Корнилова — „Общественное движеніе при Александрѣ II", М. 1909 г., стр. 183.

поглубже корни въ русскую почву, которая засѣвалась крапивнымъ сѣменемъ — отъ Шемяки до графа Панина [1]) включительно.

Прощайте, пока, любезный другъ, жму Вашу руку — и жалѣю, что не могу лично обнять Васъ теперь, когда Вы на дачѣ и когда я могъ бы сдѣлать это — безъ опасности для своей жизни—отъ лѣстницы. Не переѣдете ли Вы?

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 41.

Киссингенъ 5(17) Іюня. [1869 г.?]

Если Вы, любезный другъ Александръ Васильевичъ, дрожите теперь отъ холода и топите печи, а сами думаете злобно, что вотъ - молъ есть же такіе счастливцы, какъ Вашъ пріятель, пишущій эти строки, который наслаждается тепломъ и свѣтомъ, гуляетъ по зеленымъ газонамъ и услаждается запахомъ розъ... Тутъ и остановитесь: дѣйствительно, розъ нигдѣ я лучше и больше не видалъ, какъ здѣсь—и даже три дня сряду чья-то рука присылаетъ мнѣ по букету оныхъ, „*вмѣсто лавровъ*", какъ сказано въ вложенной въ букетъ записочкѣ—*отъ русской женщины*. Но я и то боюсь, не рука ли это какого-нибудь шутника-мужчины, которая мистифируетъ, какъ въ маскарадѣ меня—и на променадѣ все пытливо вглядываюсь то въ ту, то въ другую русскую женщину, но ничего не угадываю. Пусть же ихъ шутятъ: если это и смѣхъ, то смѣхъ граціозный, благоуханный! Пусть же ихъ смѣются!

А въ остальномъ во всемъ Вамъ завидовать нечего. Мы ходимъ здѣсь въ байковыхъ сюртукахъ и если не топимъ печей, то потому—что здѣсь больше розъ, нежели дровъ. Дуетъ такой вѣтеръ, что... если это *борей*, съ бѣлыми *власами*, то онъ выходитъ подлецъ, не смотря на свои сѣдины. Природа ублажаетъ насъ дождями обильно, холодными, отчасти съ градомъ: все, что могло бы усладить нашу горькую долю, запрещено: даже согрѣваться чаемъ не позволено, этимъ невиннымъ согрѣвательнымъ напиткомъ; наложено воздержаніе на сигары, не

---

[1]) Викторъ Никитичъ, министръ юстиціи, прославившійся въ продолженіе своего долговременнаго пребыванія на этомъ посту въ качествѣ ревностнаго охранителя до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ.

говоря о винѣ и о прочемъ. Все мучнистое, студенистое, травянистое и мясистое изгнано и дозволено одно водянистое.

И приходится завидовать Вамъ, какъ Вы тамъ, *сѣдя у котлы мясныя и ядя мяса до сытости,* да еще ботвинье, да пироги съ свѣжими грибами, да ягоды—фу, дайте утереть ротъ платкомъ; l'eau me vient à la bouche (т: е: по-русски *слюни текутъ*), и сидите Вы у камина и не злитесь, какъ я, и не пишете злыхъ писемъ, не дѣлаете звѣроподобнаго лица встрѣчнымъ, а курите крѣпкую сигару и любовны ко всѣмъ,—какъ я въ хорошую погоду. А теперь я рву и мечу, проклинаю даже день моего рожденія (который будетъ завтра т: е: 6(18) Іюня—кстати подвернулся) и мечтаю о своей шубкѣ и о доброй, милой Мимишкѣ [1]); ее только одну не ненавижу въ эту минуту. А прочихъ всѣхъ готовъ проглотить вмѣстѣ съ Ракоци [2]), чему, кажется, не мало способствуетъ и солитеръ, таящійся издавна внутри меня. Этотъ мой желудочный боа - констрикторъ показывался когда-то и наружу, его пробовали выгонять, но я подозрѣваю, что онъ перетерпѣлъ всѣ гоненія и остался моимъ сожителемъ, отъ чего и происходитъ странное явленіе, что въ хорошую погоду—я бываю и человѣкъ хорошій, какъ слѣдуетъ быть христіанину, мягкій, незлобивый, даже прощающій врагамъ всѣ обиды и способный находить много отраднаго въ жизни. А въ холодъ, въ дождь—я дѣлаюсь не только мизантропомъ, но и мизогиномъ, начинаю ненавидѣть и подобныхъ, и не подобныхъ себѣ, и становлюсь равнодушенъ даже къ Мимишкѣ. Тогда все хорошее исчезаетъ у меня изъ вида, улетаетъ въ небо, и на душу, какъ на него же, находятъ тучи.— Солитеръ ли тому причиной, или вообще раздраженные нервы—но эти мучительныя нервныя ощущенія—ужасны: я понимаю, что въ такомъ состояніи разстроеннаго организма, потрясающемъ и душевныя силы, люди предаются неистовству, или выпрыгиваютъ, какъ сдѣлалъ бѣдный Николай Петр. Боткинъ въ Пештѣ, изъ 4 этажа въ окно. Бѣдные, бѣдные люди! Зачѣмъ они испытываютъ это, или зачѣмъ есть обстоятельства, которыя доводятъ ихъ до такихъ ощущеній!

Здѣсь русскихъ не очень много, не то что въ прошломъ году, когда ожидали сюда Императрицу—и когда многіе пріѣхали, чтобъ видѣть ее и вообще лица, составлявшія свиту Двора.

---

[1]) Собачка Г., имъ очень любимая и сопровождавшая его повсюду.
[2]) Лечебная вода.

Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ; ходитъ здѣсь графъ Блудовъ[1]), котораго Вы вѣроятно знаете хорошо, а я мало, да какой-то баронъ Фридрихсъ, да Толстая (не графиня), еще Верпаховскій [2]). Я немного знакомъ съ графомъ Блудовымъ, да съ Верпаховскимъ, а остальныхъ не знаю.

Но на дняхъ пріѣхалъ Стасюлевичъ [М. М.] [3]) съ женой—и мнѣ стало немного повеселѣе. Они люди пріятные и коротко знакомые; съ ними я и бесѣдую, но и бесѣды наши нерадостны, по случаю дурной погоды, и мы только и дѣлаемъ, что ропщемъ на погоду, а я на всѣхъ и на все.

Не знаю, станетъ ли у меня терпѣнія просидѣть здѣсь еще недѣли три или четыре. Я каюсь, что бѣжалъ Маріенбада, боясь его постоянныхъ холодовъ: а вотъ нашелъ ихъ здѣсь. Не знаю, куда я дѣнусь послѣ водъ—мнѣ никуда не хочется. Можетъ быть и вернусь домой, на свое кресло, къ своей милой Мимишкѣ, но не къ перу, не къ книгамъ. Даже хочу не издавать отдѣльно своего „*Обрыва*" — и навсегда покончить съ литературой.

Впрочемъ подожду, что скажетъ теплая погода, если такая будетъ. А кстати: на Васъ лежитъ дружеская, хотя и тяжелая обязанность — прочитать „*Обрывъ*",—и даже, можетъ быть, потомъ защитить его отъ нигилистическихъ и другихъ когтей.

Впрочемъ—я махаю на все рукой и ухожу въ свою апатію. Но буду ждать Вашего отвѣта—сюда: Софья Алекс.[андровна] скажетъ Вамъ мой адресъ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, любезный другъ. Прощайте—кланяюсь дружески Вамъ, Казимірѣ Казиміровнѣ и Екатеринѣ Александровнѣ. А Вашему наслѣднику съ поклономъ передайте мой совѣтъ воспользоваться лѣтомъ, соединяя utile dolci.—Если Александръ Г. Тройницкій [4]) переѣхалъ въ Павловскъ—напомните ему обо мнѣ и о моемъ къ нему уваженіи и памяти. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 42.

С.-Петербургъ. 2 Сентября—Суббота. [1872 г.].

Почтеннѣйшій бывшій имянинникъ Александръ Васильевичъ,

30-го Августа я хотѣлъ чествовать Васъ своимъ присутствіемъ въ Павловскѣ, какъ настоящаго (а не бывшаго) имя-

---

[1]) Андрей Дмитріевичъ, сынъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля; въ тѣ годы былъ посланникомъ при саксонскихъ дворахъ.

[2]) Возможно, что это былъ Ив. Петр. В—ій, начальникъ отдѣленія комитета министровъ.

[3]) Извѣстный профессоръ и публицистъ, многолѣтній издатель „Вѣстника Европы".

[4]) См. письмо № 22.

нинника, но сила моей воли сломлена силою боли въ вискѣ и щекѣ, т. е. тикомъ, захваченнымъ въ Берлинѣ, въ приснопамятные дни свиданія трехъ Государей [1])—отъ каковаго тика я и по днесь сижу по долгу, не шевелясь, въ своемъ углу и смиренно претерпѣваю тѣ самыя страданія, коихъ Вы были нѣкогда свидѣтелемъ въ не-великолѣпной столицѣ Привислянскаго края.

Хотя я сижу уже въ своей хатѣ, но домой все якобы не пріѣхалъ, ибо не могу свыкнуться ни съ внезапно наступившимъ холодомъ, вѣтромъ и дождями послѣ непомѣрныхъ жаровъ въ Парижѣ и Берлинѣ, не могу признать за благоустроенную мостовую тотъ океанъ острыхъ и угловатыхъ—ямами и горбами разбросанныхъ по улицамъ каменьевъ—не могу еще покойнымъ окомъ и равнодушнымъ ухомъ видѣть и слышать сонмы бродящихъ по улицамъ упившихся неопрятныхъ существъ, съ ихъ дикими криками и бранью.—Ко всему этому потребно вновь привыкнуть—и тогда уже свое хорошее паки восприметъ власть надъ умомъ и сердцемъ. А прежде суется въ глаза дурное.

Климатъ (тоже—*нехорошее* у насъ) уже насѣлъ на меня съ обычною своею злобою—и надѣлилъ сугубою хандрою и обычною моею, отъ преклонныхъ лѣтъ и скорбныхъ обстоятельствъ происходящею, а также и осеннею непогодою порождаемою, а затѣмъ еще онъ же, злой климатъ, поддерживаетъ и слабость нервъ и тикъ и т. д. и т. д.!

По всему вышеизложенному—я и не могъ проблагодушествовать 30-е Августа въ Вашей, достолюбезной бесѣдѣ въ Павловскѣ, а просидѣлъ у себя, злобствуя и болѣя духомъ и тѣломъ!

Вѣрую, что и Вы не можете благодушно пребывать въ бурныхъ болотныхъ мхахъ при осеннемъ завываніи вѣтра, при колебаніи деревъ, дрожаніи оконъ, окоченѣніи носовъ—и скоро перенесетесь сюда, въ сосѣдство къ звѣздамъ небеснымъ и церковнаго Владимірскаго креста—куда на эту высоту устремлюсь и я, какъ только свѣдаю о Вашемъ сюда пришествіи, а дотолѣ дружно и любовно Вамъ и всему дорогому семейству Вашему кланяюсь.

Вашъ И. Гончаровъ.

---

[1]) Свиданіе это происходило въ послѣднихъ числахъ августа 1872 г.

№ 43.

25 Марта [18] 73 [г.]

Благодарю Васъ, наипочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, за любезный и добрый вопросъ о моемъ здоровьѣ и о томъ, куда я повезу его—приводить въ порядокъ?

Самъ не знаю: даже, можетъ быть, останусь въ Моховой—ибо главная болѣзнь моя—это крайнее раздраженіе и потомъ упадокъ или ослабленіе нервъ. Я то́, что́ французы называютъ *énervé:* если нельзя укрѣплять нервы, то надо хоть избѣгать всего, что можетъ ихъ тревожить. А гдѣ лучше, какъ не дома достигнешь этого—въ тишинѣ, покоѣ и отсутствіи поводовъ къ тревогамъ? Вотъ—между прочимъ причина моего упорнаго уединенія, на которое Вы такъ любезно и дружески жалуетесь.

Въ моихъ мечтаніяхъ и хотѣніяхъ я иногда, по привычкѣ, порываюсь странствовать—это правда, но это только говоритъ жадность и привычка, а на дѣлѣ, когда до него дойдетъ очередь, оказывается, что я и слабъ, и тяжелъ на подъемъ и наконецъ боленъ и что мнѣ путешествовать и не надо и охоты нѣтъ.

Такъ я рванулся было опять вокругъ свѣта—но потомъ, строго анализировавъ себя и свое моральное и физическое *я*, я благословилъ судьбу, что мнѣ вначалѣ отказали на отрѣзъ.

Такъ же точно недавно порывался въ Италію, гдѣ не былъ и гдѣ мнѣ всегда мечталось видѣть Венецію, Флоренцію, Римъ и Неаполь: пожалуй—туда, можетъ быть, на первыхъ, горячихъ порахъ желанія и поѣхалъ бы, такъ какъ это не такъ далеко, какъ вокругъ свѣта, но туда надо ѣхать осенью или зимой, а для меня зимнее странствіе немыслимо, по причинѣ того самого *тика*, о которомъ упоминаете Вы, справедливо называя его „проклятымъ". Дома можно, и то—не всегда удается, уберечься отъ сквозныхъ и отъ несквозныхъ, но холодныхъ вѣтровъ, сырости и вообще всего, что́ тревожитъ нервы въ вискахъ и зубахъ—а какъ уберечься этого въ вагонахъ или нетопленныхъ домахъ заграницей зимой, когда я и лѣтомъ иногда не спасаюсь въ дорогѣ отъ этого зла? Помните—мои страданія въ Варшавѣ? Почти тоже самое повторилось—къ счастію короче—и въ Берлинѣ въ прошломъ Августѣ!

Словомъ—„какъ ни кинь, все клинъ"! Однако на масляницѣ былъ здѣсь по дѣламъ службы мой племянникъ [1]), кото-

[1]) Викторъ Михайловичъ Кирмаловъ, младшій сынъ сестры И. А.—А. А. Кирмаловой. Объ отношеніяхъ И. А. къ родственникамъ см. у Суперанскаго—„И. А. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи". „Вѣст. Европы". 1907 г. № 2 и 1908 г. №№ 11 и 12.

раго Вы знаете—и я чуть было не увлекся желаніемъ уѣхать съ нимъ, такъ какъ для него это было ново и интересно, а для меня полезно и пріятно: полезно потому, что онъ, будучи самымъ близкимъ мнѣ, послѣ покойной Мишишки [1]), лицомъ,—служилъ бы мнѣ костылемъ въ моей старости и дряхлости ибо одинъ я теперь ѣздить побаиваюсь и скучаю, а пріятно—потому, что у него живой, веселый умъ и добрый характеръ. Съ другими—ни съ кѣмъ я не поладилъ бы такъ какъ съ нимъ,

Но у него есть ближе меня лица—это жена, сынъ и еще ожидаемое чадо, которыхъ онъ оставилъ въ Одессѣ. Потомъ—и это главное—хотя у него тамъ Колхида и подъ бокомъ, но онъ не добылъ тамъ золотого руна, которое все давно прибрали къ рукамъ новѣйшіе аргонавты—жиды. А безъ этого руна—намъ съ нимъ—ни порознь, ни совокупно, странствовать неспособно. И я—помечтавъ съ нимъ—остался дома, а онъ отошелъ въ свою страну.

Вотъ Вамъ—любезный другъ—подробный отчетъ на Ваши вопросы, на которые еще подробнѣе надѣюсь отвѣтить лично на праздникахъ.

А до тѣхъ поръ дружески и Вамъ и Вашимъ кланяюсь.

И. Гончаровъ.

А Вы сами—куда? Отвѣтъ вѣроятно одинъ: въ Павловскъ—такъ ли?

№ 44 [2]).

15 Мая.

Вотъ вамъ мое посильное приношеніе, наисладчайшій изъ друзей, Александръ Васильевичъ, съ краткою, но правдивою надписью! Другой экземпляръ желала имѣть Екатерина Александровна, кажется, для подарка кому-то: прошу Васъ неукоснительно передать ей. Прислалъ бы я и третій экземпляръ, обѣщанный Г. О. Ѳ. Миллеру [3]) за его любезный подарокъ

---

[1]) См. выше, письмо № 41.

[2]) Выяснить даты двухъ, помѣщенныхъ здѣсь послѣдними, писемъ не представилось ни малѣйшей возможности; въ отношеніи же остальныхъ писемъ это удалось или вполнѣ точно или въ значительной степени приближенности (во второмъ случаѣ, какъ читатель могъ замѣтить, ставились знаки вопроса).

[3]) Извѣстный профессоръ исторіи русской литературы, популярный лекторъ и писатель. Диссертація его „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“, издана въ 1858 г.

мнѣ диссертаціи, да боюсь, что экз. этотъ ухнетъ въ Вашъ книжный океанъ и погрузится на дно и потому буду искать другого, болѣе надежнаго способа къ передачѣ. Видите, есть пункты, гдѣ и Вы можете быть подозрѣваемы въ ненадёжности!

Зашелъ бы я сегодня, по дорогѣ изъ Царскаго Села, часовъ въ 8 вечера къ Вамъ, въ домъ Фридрихса, еслибы зналъ, что Вы дома, но боюсь не застать, а хотѣлось бы повидаться и уговориться отобѣдать вмѣстѣ, если не на этой недѣлѣ, то хоть въ началѣ будущей. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ и не забывайте также Вашего

И. Гончарова.

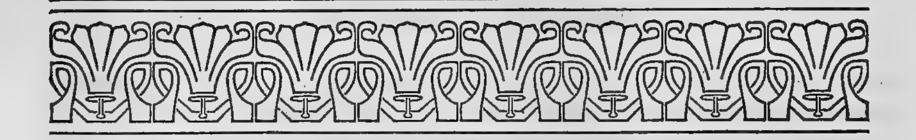
№ 45.

Воскресенье.

Ваше Превосходительство! Слезно умоляю, снимите съ меня тяжесть преступленія: сегодня (въ Воскресенье) Некрасовъ [Н. А.] намѣревался просить Васъ въ $4^1/_2$ часа обѣдать къ нему и я, злополучный, взялъ на себя лично передать Вамъ это приглашеніе и увы! забылъ. Если Вы и обѣщали куда-нибудь, то обманите и будьте тамъ, или надо мной загремятъ проклятья! Обѣдаю, кажется, только я, да Вы, или виноватъ—Вы да я. Надѣюсь до $4^1/_2$ часовъ.

Вашъ Гончаровъ.

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ [1]).

Изъ всѣхъ послѣдователей Виталіи въ Плавняхъ выжилъ одинъ только Ѳ. Ковалевъ, и объ этомъ виновникѣ совершившагося слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ.

Предварительное слѣдствіе лишено было возможности собрать о личности его желаемый матеріалъ. Жизнь его до Тираспольскаго событія протекала въ условіяхъ самой обыкновенной обстановки, мѣстнаго мѣщанина-садовладѣльца.

Всѣ близкія, общавшіяся съ нимъ, лица заживо погребены имъ, а съ живущими сосѣдями онъ не знался и избѣгалъ ихъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на участвовавшихъ въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, какъ я сказалъ уже, было впечатлѣніемъ, производимымъ человѣкомъ неразвитымъ, замкнувшимся въ самого себя и не любившимъ общенія. Таковымъ обнаружилъ онъ себя и во время заключенія своего въ тюрьмѣ. По словамъ начальника тюрьмы Кривенко, онъ примирился съ условіями своего тамъ существованія и выражалъ Кривенко намѣреніе взять себѣ по дѣлу хорошаго защитника. Въ этихъ видахъ онъ отдалъ въ аренду пять съ лишнимъ десятинъ своей земли на 12 лѣтъ и сразу получилъ 1200 рублей, которые и передалъ въ тюрьму на храненіе. Кромѣ того онъ не забылъ и старика Соловьева, отца, заживо похороненной имъ жены своей, и подарилъ ему $1^1/_2$ десятины своего сада, „чтобы этимъ, хотя отчасти, вознаградить Соловьева за смерть дочери", какъ говорилъ Ковалевъ. На будущее, по удостовѣре-

[1]) См. „Русская Старина", декабрь 1913 г.

нію этого свидѣтеля, Ѳ. Ковалевъ смотрѣлъ довольно бодро, надѣясь на хорошаго защитника. Практическій человѣкъ, поглощенный будничными интересами жизни, а не человѣкъ, пережившій величайшія нравственныя страданія, сказывался въ немъ и въ отношеніяхъ его къ производившемуся уголовному дѣлу.

Онъ, повидимому, не чувствовалъ мучительныхъ угрызеній совѣсти и былъ далекъ отъ учиненія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ слѣдствія, чистосердечнаго сознанія. Онъ пытался вначалѣ, при учиненныхъ допросахъ его, поддерживать легенду, будто жена съ дѣтьми уѣхала въ какіе-то невѣдомыя ему далекія страны, при чемъ для поддержанія достовѣрности своего утвержденія, изъявлялъ готовность перенести матеріальныя траты, съ цѣлью обнаруженія ихъ мѣстожительства. Когда старикъ Соловьевъ съ двумя взрослыми сыновьями, узнавъ объ исчезновеніи жены Ѳ. Ковалева и подъ вліяніемъ распространившихся въ народѣ слуховъ, что она съ дѣтьми и другими исчезнувшими лицами похоронена живою, стали энергично требовать отъ него объясненій, онъ отвѣчалъ лаконично, отзываясь полнымъ невѣдѣніемъ, но при этомъ изъявилъ согласіе на производство пришедшими Соловьевыми, по ихъ желанію, осмотра мѣстности и помѣщеній. Только тогда, когда такимъ образомъ, безъ всякаго съ его стороны содѣйствія, стали обнаруживаться въ Плавняхъ замурованные и засыпанные землей трупы, жертвы его дѣйствій, онъ измѣнилъ свою тактику отрицанія и лжи и постепенно сталъ учинять сознаніе въ совершеніи того дѣла, отрицаніе котораго было уже немыслимо. Такимъ образомъ Ѳ. Ковалевъ не терялъ реальной почвы подъ ногами, а его религіозный фанатизмъ былъ, нужно полагать, не естественнымъ продуктомъ развитія его внутреннихъ убѣжденій, а извнѣ навѣяннымъ душевнымъ настроеніемъ, навѣяннымъ подавившею его своею волевою силою Виталіи. Прекратилось со смертью ея это вліяніе, и Ѳ. Ковалевъ сталъ быстро пріобрѣтать обычный обликъ зауряднаго и разсудочнаго человѣка, весьма скромнаго умственнаго развитія. Эти свойства личности явственно выяснились и въ послѣдующемъ періодѣ его жизни.

Результатами произведенныхъ по дѣлу дознаній и предварительнаго слѣдствія съ полной несомнѣнностью выяснилось, что преступныя дѣянія, совершившіяся въ Плавняхъ, имѣютъ вполнѣ спорадическое значеніе и не вышли изъ предѣловъ данной мѣстности. Въ видахъ выясненія того, не представляются ли эти тираспольскія преступленія лишь частнымъ выражені-

емъ глубокаго религіознаго движенія, народившагося въ расколѣ, полицейскія разслѣдованія распространились на широкую территоріальную область. Дознаніе, въ видахъ этихъ, было произведено въ городѣ Херсонѣ и Николаевѣ, гдѣ проживали родные сестры Виталіи—Татьяна Панкова, а также мужъ и дѣти другой, какъ мы знаемъ зарывшейся сестры ея, Елизаветы Денисовой. Для установленія личности Виталіи и выясненія ея отношеній къ другимъ лицамъ, дознаніе произведено было также въ г. Одессѣ, гдѣ проживалъ родной братъ ея, Лука Мокѣевъ. Ни въ этихъ мѣстахъ, ни въ мѣстности, ближайшей къ г. Тирасполю, не удалось однако обнаружить ничего такого, что могло бы служить признакомъ широкаго распространенія изувѣрствъ религіознаго воззрѣнія Виталіи.

Предварительное слѣдствіе по окончаніи своемъ, несмотря на обнаружившіяся фактическія данныя къ обвиненію Ѳ. Ковалева въ совершеніи ряда убійствъ подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, не получило однако дальнѣйшаго движенія въ судебномъ порядкѣ. Статья 203 Улож. о Нак. (нынѣ закономъ 14 марта 1906 г. отмѣненная, въ качествѣ квалифицирующей убійства статьи), хотя по внѣшнимъ признакамъ и соотвѣтствовала виновности его, но не сооотвѣтствовала ей по внутреннему ея содержанію. Какъ ни ужасны были совершенныя Ѳ. Ковалевымъ убійства, но тѣмъ не менѣе совершены они были изъ желанія спасти души загубленныхъ имъ близкихъ людей отъ власти антихриста. Онъ былъ, подъ вліяніемъ воздѣйствій Виталіи, убѣжденъ, что, совершая свои дѣянія, онъ спасаетъ ихъ души для вѣчнаго блаженства, а для подобныхъ поступковъ карательная статья закона, угрожавшая каторжными работами отъ 12—15 лѣтъ, едва-ли могла быть признана подходящей. Такой обвинительный приговоръ о Ѳ. Ковалевѣ не соотвѣтствовалъ бы взволнованной, совершившимися злодѣяніями, общественной совѣсти и не удовлетворилъ бы ее. Но, съ другой стороны, и постановка присяжными засѣдателями оправдательнаго приговора, въ виду исключительныхъ свойствъ совершенныхъ преступленій вполнѣ возможная, точно также не удовлетворила бы интересы уголовнаго правосудія. Этотъ взглядъ на дѣло, сложившійся и у мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, былъ поддержанъ и мною, по возвращеніи изъ Тирасполя, при личномъ докладѣ тогдашнему министру юстиціи Н. В. Муравьеву и встрѣтилъ съ его стороны сочувственное отношеніе. Н. В. Муравьевъ пожелалъ только, чтобы прежде чѣмъ установить окончательное сужденіе по дѣлу, я съѣздилъ отъ его имени къ

оберъ-прокурору Св. Сѵнода К. П. Побѣдоносцеву и повторивъ ему мой докладъ, попросилъ его высказать свое мнѣніе о томъ, согласенъ ли онъ будетъ на то, чтобы онъ, министръ, Всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на прекращеніе судебнаго дѣла о Ѳ. Ковалевѣ и о пожизненномъ заключеніи его въ монастырь. Вспоминая это посѣщеніе мною К. П. Побѣдоносцева, какъ далеко отстоящій отъ настоящаго времени историческій моментъ, приходится сказать, что посѣщеніе это произвело на меня впечатлѣніе, неожидавшееся мною. Направляясь къ нему, я зналъ, что онъ находится въ курсѣ этого дѣла, но я вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ, что онъ радъ будетъ, помимо имѣвшихся у него въ распоряженіи источниковъ знанія этого дѣла, полученныхъ чрезъ лицъ духовнаго вѣдомства, послушать судебнаго дѣятеля, съ мѣста преступленія пріѣхавшаго и имѣвшаго возможность можетъ быть сообщить ему такія свѣдѣнія, которыхъ онъ не имѣлъ. Докладъ мой вышелъ очень неудачнымъ. Изложеніе обстоятельствъ дѣла и свѣдѣній, относившихся къ жизни мѣстнаго раскола, его видимо не интересовало. Онъ нѣсколько разъ перебивалъ мой докладъ въ качествѣ человѣка, которому все это хорошо извѣстно и у котораго сложился уже вполнѣ опредѣленный взглядъ на это преступленіе.

Въ концѣ концовъ онъ завелъ со мною бесѣду о томъ, что дѣлается у насъ въ Уголов. Кассац. Деп. Сената, при чемъ заявилъ свое неудовольствіе на разъясненія Сената по вопросамъ объ уголовномъ преслѣдованіи штундистовъ. Это были годы энергичнаго воздѣйствія власти на эту секту путемъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія ея (главнымъ образомъ по ст. 29 Уст. о Нак.). Сенатъ, стремясь ввести эти преслѣдованія въ законные предѣлы, нерѣдко установлялъ ограничительные признаки по вопросу о томъ, что такое штунда и при наличности какихъ условій проповѣдываніе ея ученія подходитъ подъ дѣйствіе уголовнаго закона. „Вамъ хорошо, сидя въ зданіи Сената, давать всевозможныя разъясненія въ отношеніи преступной дѣятельности раскола, но каково намъ, дѣйствующимъ на мѣстахъ, бороться съ расколомъ при вашихъ разъясненіяхъ“, говорилъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ. Видя, что цѣль моего пріѣзда, по порученію М. Ю., не достигается, я рѣшился прямо поставить вопросъ о томъ, въ виду затрудненій, встрѣчающихся для преданія суду Ѳ. Ковалева, какъ полагалъ бы онъ поступить съ дальнѣйшей судьбой Ѳ. Ковалева? „Повѣсить его надо“, сказалъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ съ видимымъ раздраженіемъ.

Я вполнѣ убѣжденъ, что въ этой фразѣ не было выражено твердо сложившагося убѣжденія ея автора. Это были, по выраженію Горація, „губныя слова“, въ которыхъ не отразились ни мысль, ни чувство говорившаго ихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что впослѣдствіи и вѣроятно при личномъ свиданіи съ Н. В. Муравьевымъ К. П. Побѣдоносцевъ раздѣлилъ его взглядъ и согласился на прекращеніе этого дѣла. Но со мною онъ говорилъ иначе и, полагаю я, раздраженно потому, что видѣлъ въ моемъ посѣщеніи попытку судебнаго дѣятеля вторгнуться въ спеціальную область его вѣдѣнія въ отношеніи борьбы съ расколомъ. Смущенный я рѣшилъ поставить вопросъ въ нѣсколько иной болѣе опредѣленной формѣ. Я спросилъ К. П. Побѣдоносцева, не признаетъ ли Его Высокопревосходительство цѣлесообразнымъ и справедливымъ замѣну ожидающей Ѳ. Ковалева уголовной кары помѣщеніемъ его пожизненно въ монастырь. „Никогда, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣшительно, — это для чего же? Для того, чтобы Ковалевъ испортилъ мнѣ въ монастырѣ всѣхъ монаховъ!“ На этомъ и окончилась наша бесѣда и притомъ единственная моя бесѣда съ К. П. Побѣдоносцевымъ.

31 декабря 1897 г., по Всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи, послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе относительно помѣщенія Ѳ. Ковалева въ одинъ изъ православныхъ монастырей. Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія, по опредѣленію Св. Синода отъ 30 января и 8 февраля 1898 г., названный мѣщанинъ Ѳ. Ковалевъ помѣщенъ былъ въ существовавшее тогда при Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ арестантское отдѣленіе. Это заключеніе Ковалева длилось однако недолго. Въ 1904 г. настоятелемъ названнаго монастыря данъ былъ Св. Синоду отзывъ, что Ѳ. Ковалевъ „набоженъ, скроменъ, изъ раскола присоединился къ Православной Церкви, заслуживаетъ участія и полнаго помилованія“ [1]).

Затѣмъ, въ 1904 г., согласно опредѣленію Св. Сvнода, въ октябрѣ Ковалевъ переведенъ былъ въ число братіи этого монастыря и назначенъ послушникомъ, а черезъ два мѣсяца въ январѣ 1905 г. б. Оберъ-Прокуроромъ Св. Сvнода К. П. Побѣдоносцевымъ испрошено было Высочайшее соизволеніе объ освобожденіи Ковалева изъ монастыря. Изъ свѣдѣній, въ томъ же году сообщенныхъ Оберъ-Прокурору Министерствомъ Внутрен-

[1]) Означенныя свѣдѣнія получены мною изъ дѣлъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ б. Оберъ-Прокурора С. Лукьянова, согласно просьбѣ моей, имъ любезно исполненной.

нихъ Дѣлъ, видно, что послѣ освобожденія своего изъ монастыря Ковалевъ выбылъ къ мѣсту своего жительства, то есть въ Плавни. Какъ сложилась затѣмъ его дальнѣйшая судьба, видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Тираспольскаго уѣзда [1]). Оказывается, что вскорѣ по выходѣ изъ монастыря Ѳ. Ковалевъ женился на православной и, имѣя отъ нея дѣтей, основалъ, такимъ образомъ, новую семью, съ которою вѣроятно проживаетъ и понынѣ въ Плавняхъ. Вспоминается мнѣ, что уже при производствѣ настоящаго дѣла мѣстныя власти опасались, что мѣсто совершенія преступленій привлечетъ къ себѣ въ будущемъ вниманіе фанатиковъ бѣгунскаго толка и сдѣлается предметомъ культа. Можно было также опасаться, что прибытіе въ ту мѣстность Ѳ. Ковалева будетъ точно также содѣйствовать развитію религіознаго фанатизма. Дѣйствительность показала однако, что опасенія эти не нашли почвы для своего осуществленія. Ѳ. Ковалевъ, несмотря на обнаруженную крайность своего изувѣрства, явился къ себѣ на родину преображеннымъ и притомъ православнымъ, не возбудившимъ къ себѣ вниманія, а тѣмъ болѣе расположенія ни раскольничьяго, ни православнаго населенія.

Повидимому, на этотъ разъ обращеніе Ѳ. Ковалева въ православіе не менѣе искренно, чѣмъ то изувѣрство, которое возбуждено было въ немъ Виталіей, какъ въ раскольникѣ. Изъ частныхъ свѣдѣній видно, что нынѣ онъ заявляетъ себя ярымъ защитникомъ православной вѣры и стремится къ проповѣднической дѣятельности, съ цѣлью обращенія старовѣровъ въ православіе. Онъ не уклоняется принимать участіе въ религіозныхъ собесѣдованіяхъ и дѣлалъ попытки занять мѣсто псаломщика при мѣстной единовѣрческой церкви. Мѣстные старовѣры говорятъ, что Ѳедоръ Ковалевъ „въ православной вѣрѣ весьма упоренъ и скорѣе его жена приняла бы старую вѣру, нежели онъ“. Онъ не забываетъ также интересы плодоводства и занимается обработкой сада и вообще своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Производитъ онъ на лицъ, нынѣ общающихся съ нимъ, впечатлѣніе совершенно здороваго и спокойнаго человѣка, обнаруживающаго сильную волю и установившійся характеръ.

Старовѣры, сочувственно относившіеся къ Виталіи и ожидавшіе по предсказанію ея конецъ міра, послѣ всего совершившагося разочаровались въ ея ученіи и убѣдились въ томъ, что

[1]) Доставленіемъ этихъ свѣдѣній я обязанъ любезности б. уѣзднаго члена Одесскаго окружнаго суда по Тираспольскому уѣзду В. Деменитру, сообщившему мнѣ ихъ въ 1910 году.

замурованные были заблуждавшимися подвижниками. Соотвѣтственно этому Виталія, въ воспоминаніяхъ мѣстнаго населенія, оказывается совершенно непопулярпой, и они вспоминаютъ о ней съ тяжелымъ чувствомъ какъ объ участницѣ въ зломъ дѣлѣ. Въ связи съ такимъ настроеніемъ тотъ погребъ и тѣ ямы, въ которыхъ покончили свое существованіе мучительной смертью Виталія и ея сподвижники, остаются понынѣ заброшенными въ прежнемъ видѣ, не представляя для живущаго въ тѣхъ мѣстахъ населенія никакого религіознаго интереса. При попыткахъ узнать отъ нынѣшнихъ плавнинскихъ жителей что-либо о погибшихъ, они стараются разговоръ замять и какъ бы стыдятся за совершившееся.

Таковъ оказался результатъ этого совершенно исключительнаго по своимъ свойствамъ уголовнаго преступленія. Антихристъ оказался побѣжденнымъ, но человѣческія жертвы, созданныя борьбою съ нимъ, какъ съ фикціей, многочисленны.

Французскій психологъ Рибо высказалъ упрекъ современной психологіи въ томъ, что она слишкомъ мало до сихъ поръ занималась изслѣдованіемъ религіозныхъ идей и чувствъ. Тираспольское дѣло свидѣтельствуетъ о томъ, что жизнь въ этомъ отношеніи создаетъ, дѣйствительно, цѣнные матеріалы, на оцѣнкѣ которыхъ поучительно остановиться. При неизбѣжно ограниченныхъ предѣлахъ журнальной статьи невозможно исчерпать всего обилія имѣющихся въ слѣдственномъ по дѣлу производствѣ данныхъ [1]).

Тираспольское изувѣрство представляется продуктомъ рѣзкаго отреченія отъ міра лицъ, вложившихся въ него. Генезисъ этого отреченія приходится искать не въ одной какой-нибудь причинѣ, повелительно воздѣйствовавшей на участниковъ пре-

---

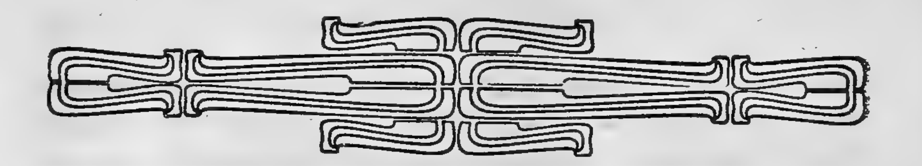
[1]) Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія многочисленные осмотры, произведенные судебнымъ слѣдователемъ, вещественныхъ доказательствъ по дѣлу. Такъ, въ слѣдственномъ производствѣ имѣются: 1) осмотръ иконъ, книгъ и свѣчей, найденныхъ въ минѣ погреба Ѳомина 2) осмотръ иконъ-крестовъ, четокъ и др предметовъ, найденныхъ въ кельѣ Ѳедора Ковалева; 3) осмотръ предметовъ, найденныхъ въ одной изъ келій скита; 4) осмотръ книгъ и рукописей, найденныхъ въ сундучкѣ, обнаруженномъ на чердакѣ дома, въ которомъ жилъ Ѳедоръ Ковалевъ; 5) осмотръ камилавки, въ которой Ѳ. Ковалевъ доставленъ былъ въ тюрьму; 6) осмотръ вещей, принадлежащихъ Ѳ. Ковалеву, въ которыхъ онъ былъ арестованъ; 7) осмотръ одежды слѣпого старика, жившаго у Александры Ковалевой; 8) осмотръ вещей, найденныхъ въ усадьбѣ Назара Ѳомина въ ямѣ, вырытой недалеко отъ погреба. Цѣнны также имѣющіеся въ слѣдственномъ дѣлѣ осмотры скита А. Ковалевой и м. д.

ступленія, а въ цѣломъ рядѣ сложныхъ причинъ, обусловившихъ собой существованіе и міровоззрѣніе тираспольскихъ жителей. Не послѣднее мѣсто въ ряду этихъ причинъ сыграла ихъ замкнутость и отчужденность отъ соціальнаго существованія. Они не знали никакихъ общественныхъ интересовъ и вполнѣ безучастно, какъ мы видѣли, относились даже къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Только подъ конецъ своего земного существованія, когда они уже стали лицомъ къ лицу съ роковымъ, возникшимъ въ нихъ вопросомъ о неизбѣжности борьбы съ антихристомъ, они начали заботиться о ближнемъ и, поспѣшно распродавая свое имущество, какъ о томъ удостовѣрили многіе свидѣтели, такимъ образомъ вложились въ дѣло благотворительности. Въ теченіе предшествовавшаго времени, въ періодъ долгаго своего существованія въ Плавняхъ они не находили отклика въ своемъ сердцѣ на нужды ближнихъ. Ихъ гораздо больше интересовало подавленіе въ себѣ всѣхъ мірскихъ желаній и уничтоженіе тѣхъ соціальныхъ чувствъ, которыя привязываютъ обыкновенно людей къ жизни. Добровольно принятыя ими на себя великія страданія являются естественнымъ послѣдствіемъ этого воспитаннаго ими въ себѣ душевнаго настроенія.

В. Случевскій.

(Окончаніе).

Лирика Е. А. Боратынскаго.

„Пора Боратынскому занять на русскомъ Парнассѣ мѣсто давно ему принадлежащее"—такими словами начиналъ Пушкинъ свою статью о Боратынскомъ и, опредѣливъ дарованіе Боратынскаго, въ заключительныхъ строкахъ указывалъ „степень, ему принадлежащую": „подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды", т. е. Батюшкова.

Дружески относившійся къ Боратынскому, Пушкинъ выступилъ на защиту любимаго поэта, и послѣдующей критикѣ приходилось исходить изъ отзывовъ Пушкина о Боратынскомъ, соглашаясь съ ними или полемизируя,—такъ ярка и значительна характеристика творчества Боратынскаго, сдѣланная великимъ поэтомъ: „...Никто болѣе Боратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ... Боратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ... Никогда не тащится онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: *онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ...*"

Таковъ высшій и пристрастный къ поэтическимъ достоинствамъ судъ Пушкина, намѣтившаго для будущихъ поколѣній оцѣнку творчества Боратынскаго и указавшаго на необходимость опредѣленія историко-литературнаго значенія поэзіи „поэта мысли".

И до сихъ поръ, какъ и во времена Пушкина, остался Бо-

ратынскій неоцѣнимымъ по достоинству, до сихъ поръ онъ не занялъ никакого мѣста „на русскомъ Парнассѣ", довольствуясь названіемъ оригинальнаго и независимаго поэта Пушкинской плеяды, въ которой онъ занялъ одно изъ почетныхъ, но весьма неопредѣленныхъ мѣстъ.

Панегирики и памфлеты, направляемые по адресу поэта-мыслителя, еще болѣе затрудняютъ историко-литературную оцѣнку его, такъ какъ обособляютъ, отрываютъ отъ современной эпохи поэта, и безъ того достаточно обособленнаго и мало зависимаго отъ господствовавшихъ въ то время направленій и настроеній.

Указать отношенія поэзіи Боратынскаго къ поэзіи современной ему и къ поэзіи предшествующей эпохи, а также опредѣлить степень вліянія поэзіи Боратынскаго на послѣдующія поколѣнія—задача широкаго изслѣдованія о Боратынскомъ, на которое не претендуетъ настоящій очеркъ, представляющій только опытъ общей схемы и рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ развивалась лирическая дѣятельность Боратынскаго [1]).

Трудность историко-литературнаго изученія Боратынскаго увеличивается вслѣдствіе того неопредѣленнаго, колеблющагося отношенія къ поэту, которое мы замѣчаемъ въ различные періоды дѣятельности поэта и послѣ его смерти. Очевиднымъ успѣхомъ пользовался поэтъ „для немногихъ", какъ потомъ называли Боратынскаго, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда—и въ современной критикѣ и въ широкихъ кругахъ общества—слава его возростала вмѣстѣ со славой Пушкина, и когда онъ бывалъ неразлучнымъ и равнымъ спутникомъ общепризнаннаго генія Пушкина: въ то время къ имени Пушкина общее мнѣніе неизмѣнно присоединяло имя Боратынскаго и едва-ли не съ равнымъ интересомъ слѣдило за успѣхомъ обоихъ большихъ лирическихъ поэтовъ, развивавшихся независимо и пошедшихъ по разнымъ путямъ творчества, по которымъ не успѣвала слѣдовать широкая публика.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ своими новыми и независимыми путями творчества и мощными, крылатыми взмахами геніально-поэтической мысли и чувства заставлялъ прислушиваться къ себѣ и поражалъ воображеніе, вызывая въ сердцахъ читателей то горячее отвѣтное сочувствіе, то рѣзкое осужденіе отставшаго въ пониманіи происходящихъ явленій и событій

[1]) Этюдъ о поэмахъ и прозѣ Боратынскаго, какъ занимающихъ особое положеніе въ творчествѣ поэта, выдѣленъ нами изъ этого очерка литературной дѣятельности.

литературной жизни. Боратынскій въ это время былъ совсѣмъ потерянъ изъ виду съ его не широкимъ, особымъ, рѣзко индивидуальнымъ характеромъ поэзіи, за нимъ и по его пути не пошелъ никто, и, по свидѣтельству Пушкина, уединенный поэтъ „встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ". Однимъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ поэзіи Боратынскаго въ это время является И. В. Кирѣевскій, тщетно обращавшій вниманіе критики и публики на музыкально-поэтическую и поэтическо-философскую сторону творчества поэта, для пониманія котораго надо имѣть „и тоньше слухъ и больше вниманія, нежели для другихъ поэтовъ",—критика и публика проходила мимо сумрачнаго поэта-индивидуалиста и „не дослушивала всѣхъ оттѣнковъ его поэтической мысли и чувства". Мало замѣтной прошла въ русскомъ обществѣ даже смерть поэта, бывшаго когда-то одной изъ самыхъ великихъ надеждъ и предметовъ пристрастія, а выпущенная имъ въ 1842 году (за два года до смерти) книга „Сумерки", по свидѣтельству М. Н. Логинова, „произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ, недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она проситъ отъ потомковъ".

Двѣ противорѣчивыя статьи Бѣлинскаго, возставшаго на поэта во имя идеи прогресса, въ общемъ сознаніи читателей поставили Боратынскаго на первое мѣсто среди всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, но во второй половинѣ XIX вѣка Боратынскій окончательно затерялся среди очень многочисленныхъ „поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ", среди поэтовъ Пушкинской плеяды, интересъ къ которой былъ очень незначителенъ вплоть до девяностыхъ годовъ XIX вѣка, до приготовленія къ Пушкинскимъ торжествамъ въ 1899 году. Съ начала 90-хъ годовъ интересъ къ поэтамъ-созвѣздіямъ Пушкина и, въ частности, къ Боратынскому значительно возросъ какъ вслѣдствіе усиленнаго обращенія къ Пушкину и къ Пушкинской эпохѣ, такъ и вслѣдствіе культа Пушкинской формы среди новаго теченія въ русской поэзіи, выразившагося достаточно ярко въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка: новое теченіе производило свою генеалогію отъ Пушкина черезъ Боратынскаго, и весьма цѣнныя изслѣдованія о Боратынскомъ мы находимъ у одного изъ наиболѣе видныхъ и серьезныхъ представителей новой поэзіи—

у Валерія Брюсова. Столѣтній юбилей со дня рожденія Боратынскаго—въ 1900 году—вызвалъ также цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ иногда съ исчерпывающей полнотой рисуется поэтическій обликъ [1]) и міровоззрѣніе Боратынскаго, но въ которыхъ рѣдко затрогиваются вопросы историко-литературнаго характера, и едва намѣчается положеніе, которое занимаетъ Боратынскій среди поэтовъ Пушкинскаго кружка, какъ выразитель той стороны міросозерцанія и настроенія 20-хъ и 30-хъ годовъ, вѣянія которыхъ нашли себѣ меньшее отраженіе въ творчествѣ Пушкина.

Тонкій знатокъ и цѣнитель поэзіи и поэтическаго чувства, опредѣлявшій поэтическое произведеніе, какъ „полное ощущеніе данной минуты", Боратынскій такъ охарактеризовалъ свое творчество въ стихотвореніи „Муза".

Не ослѣпленъ я Музой моею:
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Прослѣдить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, развитіе необщаго выраженія какъ круга идей, волновавшихъ поэта, такъ и способовъ передачи, „необщее выраженіе" въ формѣ, въ которую выливаются глубокія мысли поэта-пессимиста, пѣвца „Сумерекъ"—и составляетъ задачу настоящаго очерка, этюда къ изслѣдованію творчества Боратынскаго.

Творчество Боратынскаго можно съ достаточнымъ основаніемъ раздѣлить на три періода и разсматривать отдѣльно каждый вполнѣ самостоятельный періодъ, сохраняющій связи съ прошедшимъ и предваряющій своими мотивами и выраженіемъ послѣдующій. Такое раздѣленіе на періоды не будетъ, слѣдовательно, разбивать цѣльнаго представленія объ извѣстной,

[1]) Укажемъ на статьи С. А. Андреевскаго. В. Я. Брюсова, С. А Венгерова, Н. А. Котляревскаго и друг.

ярко окрашенной индивидуальностью поэзіи Боратынскаго. Первый періодъ обнимаетъ собой время отъ 1819 года по 1827 годъ, когда Боратынскій подвелъ итоги цѣлой полосѣ своей жизни и творчества, издавъ сборникъ своихъ стихотвореній, на который онъ смотрѣлъ не просто какъ на собраніе разныхъ стихотвореній, а какъ на извѣстный итогъ, цѣльность которому онъ хотѣлъ придать переработкой стихотвореній; второй періодъ—съ 1827 по 1835 годъ: въ 1835 году Боратынскій подвелъ вторично итогъ всему прошедшему, собравъ не только все (или почти все), написанное имъ послѣ 1827 года, но и включивъ въ изданіе сборникъ 1827 года, подвергшійся вновь переработкѣ; наконецъ, третій періодъ—съ 1835 по 1842 годъ,—охарактеризованный и представленный Боратынскимъ его послѣднею книжечкой стиховъ, вышедшею подъ заглавіемъ „Сумерки" (первоначально поэтъ предполагалъ назвать этотъ сборникъ „Снами зимней ночи").

Мы не касаемся другихъ двухъ періодовъ въ творчествѣ Боратынскаго — подготовительнаго (до 1819 года) и заключительнаго (1842—1844 г.г.), такъ какъ для сужденія о первомъ не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, и приходится догадываться о сложномъ пути поэта въ выработкѣ фактуры стиха и въ выборѣ образцовъ для подражанія по одному-другому обрывку, свидѣтельствующему о томъ, что музыкальная выразительность и пластическая точность и мѣткость стиха стоили Боратынскому очень большой работы. Что касается до творчества Боратынскаго послѣ періода, обозначеннаго имъ, какъ „Сумерки", то смерть пресѣкла творчество Боратынскаго въ самомъ началѣ его новаго пути и дала просторное поле для догадокъ и мало данныхъ для заключеній достовѣрнаго характера.

1.

Очевидный, несомнѣнный успѣхъ, которымъ пользовался Боратынскій въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, говоритъ за то, что первый періодъ литературной дѣятельности поэта былъ внутренне связанъ общностью интересовъ съ современною ему жизнію и литературой и отвѣчалъ требованіямъ, предъявлявшимся къ послѣдней; размѣры же этого успѣха говорятъ о томъ, что онъ является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и, можетъ быть, характерныхъ поэтовъ того періода, который далъ русской поэзіи Пушкина и цѣлую плеяду его созвѣздій. И дѣйствительно, къ первому періоду поэтической дѣятельности Боратынскаго вполнѣ приложимо это названіе одного изъ крупнѣйшихъ

созвѣздій Пушкина—не въ томъ смыслѣ, что онъ подражалъ Пушкину, увлекаемый могучею чародѣйною силою Генія, а въ другомъ отношеніи—въ томъ, что тѣ же причины, которыя вызвали большое оживленіе въ нашей поэзіи въ началѣ вѣка и придали извѣстный отпечатокъ творчеству молодого Пушкину, тѣ же самыя причины вызвали къ жизни и элегическую лиру Боратынскаго. Сила личнаго вліянія Пушкина на юныхъ поэтовъ, выступившихъ почти одновременно съ нимъ, была очень велика, но не слѣдуетъ преувеличивать ее или считать исключительной въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о такомъ крупномъ и независимомъ лирическомъ дарованіи, которое справедливо признавалъ Пушкинъ въ Боратынскомъ. Большая заслуга Боратынскаго перваго періода заключается въ томъ, что онъ *вмѣстѣ съ Пушкинымъ* открывалъ невѣдомыя и необъятныя, безграничныя возможности въ русскомъ поэтическомъ языкѣ и вмѣстѣ съ Пушкинымъ обогащалъ и оживлялъ литературу новыми, глубокими и задушевными мотивами, способствовалъ тому расширенію круга идей и образовъ, настроеній и формы, которое въ то время хотѣли понимать какъ побѣду романтической школы надъ классической.

Боратынскій получилъ приблизительно такое же поэтическое образованіе, какое получилъ и его геніальный сверстникъ, и въ неменьшей степени сохранялъ связи съ классическими традиціями XVIII вѣка: новые романтики были въ гораздо большей степени классиками, чѣмъ даже сами подозрѣвали, и являлись порой не только завершителями, но и болѣе совершенными выразителями цѣлаго круга идей и настроеній XVIII вѣка, не говоря уже о томъ своего рода культѣ совершенной, классически-точной изящной формы, порой внѣшне изящной, который былъ какъ-бы обязательнымъ для поэтовъ Пушкинскаго кружка. Въ 1830 году Пушкинъ обращался къ вельможѣ Екатерининскихъ временъ—князю Н. Б. Юсупову—со словами, въ которыхъ выражаетъ своего рода символъ вѣры XVIII вѣка:

Ты понялъ жизни цѣль, счастливый человѣкъ:
Для жизни ты живешь.

но и Пушкинъ, и Боратынскій не уставали въ началѣ своей литературной карьеры повторять этотъ принципъ и, то въ вакхическомъ порывѣ, то съ тоской въ груди и грустной думой, воспѣвали изящный эпикуреизмъ въ той формѣ, какую онъ принялъ въ концѣ XVIII вѣка, съ легкими радостями и легкими печалями. Пушкина въ Лицеѣ называли францу-

зомъ вслѣдствіе обширнаго знакомства его съ французской классической поэзіей; о Боратынскомъ не только въ 1823 году его другъ, Дельвигъ, говорилъ, что авторъ посланія „къ Богдановичу“—„правила французской школы всосалъ съ молокомъ матери“, но и позже, въ 1826 году, самъ поэтъ долженъ былъ защищаться передъ Пушкинымъ въ томъ, что онъ „не до такой степени Маркизъ, чтобы не чувствовать красотъ романтической трагедіи“, и не переставалъ своими симпатіями въ большой степени принадлежатъ XVIII вѣку. И Пушкинъ, и Боратынскій прошли черезъ школу французской поэзіи XVII и XVIII вв. и ея отраженій въ русской литературѣ XVIII вѣка, что не могло, конечно, не отразиться и на всемъ характерѣ ихъ поэтической дѣятельности, какъ въ отношеніи идейнаго содержанія, такъ и въ чисто-формальномъ отношеніи, но эстетизмъ XVIII вѣка получилъ въ ихъ произведеніяхъ болѣе широкое развитіе и, пройдя черезъ теоріи романтическія, выразился въ культѣ искусства и проповѣди полной самостоятельности и независимости искусства отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ и этическихъ нормъ. Отличіе Боратынскаго отъ Пушкина въ ихъ отношеніяхъ къ XVIII вѣку заключается, быть можетъ, только въ томъ, что Пушкинъ гораздо раньше испыталъ на себѣ воздѣйствія мечтательно-романтической музы Жуковскаго и другихъ романтиковъ и рано познакомился съ поэзіей Байрона, между тѣмъ какъ кругъ поэтическихъ симпатій Боратынскаго, долгое время ограниченный поэтами французскаго классицизма, расширился гораздо позже, когда онъ уже сознавалъ себя, какъ опредѣленную поэтическую индивидуальность, и былъ менѣе воспріимчивъ къ юношескому увлеченію новыми симпатіями. Слѣдствіемъ такого поздняго знакомства Боратынскаго съ новыми, романтическими поэтами, было то, что онъ болѣе сознавалъ свои связи съ XVIII вѣкомъ, и медленно, шагъ за шагомъ, отступалъ отъ старыхъ позицій, занятыхъ имъ подъ воздѣйствіемъ того поэтическаго воспитанія, которое онъ получилъ въ старой школѣ. Основательное знаніе классицизма и романтизма продиктовало Пушкину извѣстный стихъ въ Евгеніи Онѣгинѣ:

Два вѣка ссорить не хочу;

тѣ же причины способствовали развитію въ Боратынскомъ свободнаго взгляда на смѣну направленій и вкусовъ, и въ стихотвореніи, обращенномъ къ неизвѣстному лицу, онъ говоритъ очень знаменательныя для Пушкинской эпохи слова:

Равны всѣ музы красотой,
Несходства ихъ въ одной одеждѣ:
Старайся нравиться любой,
Но полюби ты Феба прежде.

Боратынскій отлично зналъ французскую литературу XVII и XVIII вв., но наибольшее вліяніе на его поэзію оказали Вольтеръ, Делавинь, І. Шенье, Лафаръ и, въ особенности, элегическая школа конца XVIII вѣка: Парни, Мильвуа и А. Шенье. Изъ русскихъ поэтовъ XVIII вѣка Боратынскій испыталъ на себѣ несомнѣнное вліяніе Державина и Богдановича: у перваго Боратынскій учился краскамъ, живописи, той особенности дарованія Державина, которая позволяла ему облекать въ плоть и кровь живыхъ, яркихъ, красочныхъ образовъ порой отвлеченныя понятія [1]); Богдановича Боратынскій любилъ за граціозность шутки, подъ которой часто крылась болѣе глубокая мысль, и цѣнилъ его за отчетливость формы—отклики вліянія Богдановича мы находимъ еще въ „Послѣдней Смерти", страннымъ образомъ напоминающей какъ по формѣ, такъ и по мысли, уклонившейся отъ того пути, по которому она развивалась у Богдановича, „Сугубое Блаженство" послѣдняго.

Но тотъ Боратынскій, какимъ мы его знаемъ со времени его выступленія „въ нежеланную извѣстность", былъ бы немыслимъ, если бы въ его рѣзко-индивидуальной натурѣ не встрѣтились воздѣйствія французскихъ и русскихъ писателей XVIII вѣка съ воздѣйствіями двухъ великихъ русскихъ поэтовъ XIX вѣка—Жуковскаго и Пушкина.

Вліяніе пластической поэзіи Батюшкова было значительнымъ въ творчествѣ Боратынскаго [2]), но еще большее вліяніе на поэта оказала идеалистически настроенная меланхолическая муза Жуковскаго. Подъ вліяніемъ Жуковскаго Боратынскій готовъ былъ отождествлять поэзію и добродѣтель и выбралъ элегическій родъ поэзіи, въ которой главнымъ учителемъ его былъ Жуковскій, пѣвецъ прекраснаго, надъ которымъ очень задумывалась въ то время рѣзвая младость. Вліяніе Пушкина, почти неуловимое, съ трудомъ опредѣляемое, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что изящ-

[1]) Въ частности, можно указать на вліяніе Державинскихъ картинъ Смерти и Осени.

[2]) Вопросъ о вліяніи Батюшкова на Боратынскаго разсмотрѣнъ нами въ замѣткѣ: „Батюшковъ и Боратынскій".

ный, отчетливо-ясный стихъ Боратынскаго образовался въ связи съ совершенствовавшимся стихомъ молодого Пушкина, такъ, что порой трудно отличить фактуру стиха Боратынскаго (рѣчь идетъ о первомъ періодѣ литературной дѣятельности поэта) отъ фактура стиха Пушкина. Быть можетъ однако, наибольшая образующая сила вліянія Жуковскаго и Пушкина заключалась въ новомъ свободномъ поэтическомъ мірѣ, открывшемся въ ихъ творчествѣ передъ Боратынскимъ, и въ признаніи индивидуальнаго начала въ поэзіи,—то, что помогло Боратынскому найти самого себя и выразить себя въ формахъ, создавшихся подъ вліяніемъ какъ старой, такъ и новой поэзіи. Сила оригинальнаго поэтическаго таланта Боратынскаго была такъ велика, что даже въ первомъ періодѣ его лирики постороннія вліянія учитываются съ трудомъ, и рѣзко проступаетъ оригинальная и интересная личность поэта, послѣ 2—3 стихотвореній завоевавшаго себѣ независимое положеніе крупной поэтической силы.

Болѣе всего поддается учету зависимость формы Боратынскаго и нѣкоторой условности отъ его руководителей въ новой для него области творчества, и зависимость поэта отъ французской поэзіи сказывается яснѣе и опредѣленнѣе всего въ классификаціи стихотвореній Боратынскаго, являющейся вполнѣ умѣстной и естественной въ первомъ періодѣ дѣятельности поэта-лирика. Всѣ стихотворенія Боратынскаго, написанныя до 1827 года, легко классифицируются подраздѣленіемъ на пять отдѣловъ: посланія, эпиграммы, эротическія стихотворенія (можетъ быть, точнѣе—poësie legère), стихотворенія на случай (то, что относилось самимъ поэтовъ въ отдѣлъ „Смѣси") и элегіи.

Что касается до перваго отдѣла, до посланій, то его можно разбить на два подъотдѣла: лирическія стихотворенія, напоминающія стихотворныя посланія и посвященія Пушкина и Жуковскаго и часто переходящія въ элегіи (таковы, напримѣръ, посланія къ барону Дельвигу и Н. М. Коншину), и дидактическія посланія, построенныя по образцамъ французскаго классицизма, въ которыхъ, по справедливому замѣчанію барона Дельвига, пробивается „холодъ и суевѣріе французской школы", и которыя цѣлыми отдѣлами напоминаютъ épitres Вольтера, Делавиня и въ особенности „Sur l'indépendence de l'homme des lettres" и другія посланія Мильвуа (таковы, напримѣръ, посланія къ Богдановичу и къ Гнѣдичу).

Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о „мастерскихъ, образцовыхъ" эпиграммахъ Боратынскаго и называлъ ихъ „малень-

кими сатирами, столь забавными и язвительными", находя, что у Боратынскаго „сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства". Намъ кажется весьма справедливымъ этотъ отзывъ Пушкина, какъ справедливыми и слова П. А. Плетнева о томъ, что многихъ эпиграммы Боратынскаго заставляли смѣяться до слезъ, и острое слово поэта, мѣткое и язвительное, попадало въ больныя мѣста; но справедливо, кажется, отмѣтить и то, что первыя (весьма многочисленныя) эпиграммы Боратынскаго представляютъ сколки съ французской эпиграммы, какъ „un bon mot de deux rimes orné", и потому тщетно доискиваться, кого имѣетъ въ виду Боратынскій подъ стереотипами „Дамоновъ": первыя эпиграммы Боратынскаго не имѣютъ личнаго характера, и только съ постепеннымъ развитіемъ таланта пріобрѣтаютъ право на отзывъ Пушкина; справедливымъ кажется намъ отмѣтить также и то, что пристрастіе Боратынскаго къ эпиграммамъ, маленькимъ сатирамъ, пристрастіе, идущее какъ бы въ разрѣзъ съ природой поэтическаго таланта, чуждавшагося сатиры и полемики, недолюбливавшаго журналистовъ и журналистики, объясняется въ большой степени его увлеченіемъ французской классической эпиграммой.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оклеветанный сатирикъ.

(Къ 25-й годовщинѣ смерти М. Е. Салтыкова).

Близится 25-я годовщина со дня кончины великаго русскаго сатирика, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Онъ умеръ 28-го апрѣля 1889 года. Задолго до своей кончины Салтыковъ хворалъ, но болѣзнь не мѣшала ему создавать все новыя и новыя замѣчательныя произведенія. Среди нихъ мы видимъ и высоко эпическія („Господа Головлевы“ и „Пошехонская Старина“), и произведенія глубоко сатирическаго характера („Письма къ тетенькѣ“, „За рубежомъ“ и „Пошехонскіе разсказы“), по которымъ можно послѣдовательно прослѣдить и изучить цѣлое 30-тилѣтіе русской дѣйствительности—*до* и *послѣ* эпохи реформъ. Даже послѣднія произведенія русскаго Свифта отнюдь не свидѣтельствуютъ объ упадкѣ таланта полубольного писателя, страдавшаго болѣзнью сердца, почекъ, печени, одышкой и безпрерывнымъ кашлемъ. Велики, значитъ, были мощь духа и сила генія, которыя съ каждымъ годомъ поднимались на большую и большую высоту.

Люди, находившіеся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ, приходившіе постоянно и повседневно въ соприкосновеніе съ нимъ, диву давались, когда изъ-подъ пера желчнаго, суроваго и жаловавшагося на свои неудачи и недуги писателя выходили дышавшія такимъ неподражаемымъ юморомъ сатиры, вызывавшія улыбки даже на устахъ у тѣхъ, противъ кого, казалось, онѣ были направлены,—у всѣхъ этихъ помпадуровъ, ташкентцевъ, Глуповыхъ, Молчалиныхъ, Угрюмъ-Бурчеевыхъ, Іудушекъ-Головлевыхъ и другихъ, увѣковѣченныхъ сатирикомъ, современниковъ и героевъ.

— Подъ какимъ соусомъ вы теперь выведете меня?—спросилъ однажды, улыбаясь, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьевъ Щедрина, послѣ оффиціальнаго пріема редакторовъ и учиненной имъ распеканціи.

— Намъ не до соусовъ, не до соусовъ!..—запальчиво отвѣтилъ Щедринъ и отвернулся въ сторону.

„Не до соусовъ" было, въ самомъ дѣлѣ, въ то время, писателямъ. которыхъ истребляли подъ самыми разнообразными соусами Угрюмъ-Бурчеевы, помпадуры и даже унтера Пришибѣевы...

— „Ахъ, это писательское ремесло—восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Щедринъ—это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь прежде, чѣмъ попадетъ подъ печатный станокъ. Чего со мною не дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный"!..

Послѣдніе годы жизни Щедрина отравлены были пережитою имъ журнальною катастрофою. Закрытіе редактировавшихся сатирикомъ „Отечественныхъ Записокъ", послѣдовавшее ровно 30 лѣтъ назадъ въ апрѣлѣ 1884 г., было страшнымъ ударомъ для него. Онъ почувствовалъ себя упраздненнымъ, выбитымъ изъ колеи и сразу осунулся.

Оно и неудивительно.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ" съ момента перехода ихъ въ руки Некрасова въ 1868 г. до закрытія ихъ въ 1884 г. Салтыковымъ была напечатана большая часть его сатирическихъ очерковъ [1]). Еще при жизни Некрасова Салтыковъ былъ однимъ изъ руководителей „Отечественныхъ Записокъ", а съ 1878 г. утвержденъ редакторомъ и отдавалъ журналу всего себя, всѣ біенія своего сердца.

Прекращеніе „Отечественныхъ Записокъ" порвало многолѣтнюю связь сатирика съ „читателемъ-другомъ". Мысль объ оторванности отъ читалеля не покидала Щедрина ни на минуту. Онъ, правда, находилъ пріютъ къ другихъ изданіяхъ, но чувствовалъ себя въ нихъ, по его характерному выраженію, „иностранцемъ". „Нѣтъ ничего ужаснѣе", — пишетъ Салтыковъ Михайловскому, — „какъ чувствовать себя иностранцемъ въ

---

[1]) „Помпадуры и помпадурши", „Благонамѣренныя рѣчи", „Господа Ташкентцы", „Убѣжище Монрепо", „За рубежомъ", „Круглый годъ", „Пошехонскіе разсказы", „Письма къ тетенькѣ", „Въ средѣ умѣренности и аккуратности", „Современная идиллія", Господа Головлевы" и мн. др.

журналѣ, въ которомъ работаешь. А я нахожусь въ этомъ положеніи".

Все, что было пережито сатирикомъ съ закрытіемъ „Отечественныхъ Записокъ", изображено имъ самимъ въ одной изъ сказокъ—„Приключеніе съ Крамольниковымъ", который „однажды утромъ, проснувшись, совершенно явственно ощутилъ, что его нѣтъ".

Возвращается Салтыковъ къ своимъ переживаніямъ въ ту эпоху въ первомъ „Пестромъ письмѣ", начинающемся словами: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я совершенно неожиданно лишился употребленія языка".

Все чаще и чаще Салтыковъ сталъ поговаривать о своихъ жестокихъ недугахъ и близкой кончинѣ. Тому же Михайловскому онъ вскорѣ послѣ закрытія журнала писалъ: „Думаю, что моя пѣсня уже спѣта... Желаю мирной кончины живота моего...

И, дѣйствительно, лишившись столь дорогого ему литературнаго пристанища, Салтыковъ сталъ быстро клониться къ могилѣ"...

На обстоятельствахъ, сопровождавшихъ закрытіе „Отечественныхъ Записокъ", имѣвшее такое роковое значеніе для Салтыкова, стоитъ поэтому остановиться.

Предо мною лежитъ относящееся къ тому времени письмо сотрудника „Отечественныхъ Записокъ" и небезызвѣстнаго писателя и военнаго корреспондента Н. В. Максимова, брата автора „Бродячей Руси". Письмо это, впервые публикуемое мною здѣсь въ извлеченіи, говоритъ, между прочимъ, о переживаніяхъ Салтыкова въ эпоху закрытія его журнала.

Потрясенный извѣстіемъ о кончинѣ любимаго писателя, заставшимъ его прикованнымъ къ постели въ уединенной комнатѣ въ Одессѣ, Максимовъ подѣлился со мною своими воспоминаніями о почившемъ. Письмо Максимова явилось отвѣтомъ на мою просьбу написать очеркъ о Салтыковѣ для редактировавшейся мною въ провинціи газеты.

„Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ—сообщаетъ Максимовъ—незадолго до закрытія журнала „Отечественныя Записки". Помню, какой наступилъ тяжелый періодъ для литературы—періодъ необыкновенной реакціи, когда несчастному нашему кружку пришлось страдать подъ вліяніемъ гоненій цензуры (не только цензуры—сколько III-го отдѣленія)"...

Максимовъ излагаетъ затѣмъ судьбу своего разсказа „Матрешка“, застрявшаго у Салтыкова въ портфелѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Разсказъ былъ одобренъ И. С. Тургеневымъ, двукратно цензура вырѣзывала его изъ журналовъ „Слово“ и „Устои“, но, при содѣйствіи „необыкновенно милаго и гуманнаго члена главнаго управленія по дѣламъ печати Юзефовича“, разсказъ былъ разрѣшенъ къ печатанію и переданъ Салтыкову. Скоро послѣдовало назначеніе графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, а вслѣдъ за этимъ закрыты „Отечественныя Записки“.

— „Тутъ есть другая сторона—говоритъ далѣе Максимовъ—чрезвычайно интересная для нѣкоторой разработки съ благородной цѣлью—снять *позорное пятно* (?) съ покойнаго нашего сатирика, котораго заклеймилъ такъ варварски и такъ несправедливо умершій министръ внутреннихъ дѣлъ (Д. А. Толстой). Говорить объ этомъ теперь съ откровенностью порядочнаго человѣка нельзя, пожалуй, выйдетъ нецензурно. Но можно было бы поговорить, ссылаясь и на нѣкоторыя мѣста и сочиненія покойнаго Михаила Евграфовича, и на слова Толстого при закрытіи „Отечественныхъ Записокъ“.

Къ сожалѣнію, болѣзнь, а затѣмъ отъѣздъ въ Америку и смерть помѣшали Максимову исполнить свое обѣщаніе, о которомъ я не разъ напоминалъ ему—сообщить объ извѣстныхъ ему лично подробностяхъ, относящихся къ закрытію „Отечественныхъ Записокъ“, и о „позорномъ пятнѣ“, наложенномъ на репутацію сатирика.

На что намекалъ Максимовъ, когда говорилъ о „позорномъ пятнѣ“ на репутаціи М. Е. Салтыкова — на этотъ счетъ возможны одни лишь предположенія и догадки.

Скончавшійся недавно извѣстный писатель—Г. пустилъ въ ходъ сказаніе о присвоеніи Салтыковымъ, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, какихъ-то предназначенныхъ для агитаціонныхъ цѣлей суммъ, перешедшихъ потомъ къ его наслѣдникамъ. Это явная нелѣпость, которую едва-ли надо долго опровергать. Послѣ крушенія журнала Салтыковъ въ письмѣ къ своему закадычному другу д-ру Н. А. Бѣлоголовому, отъ котораго у него не было никакихъ тайнъ, жаловался на свои матеріальныя невзгоды. „И матеріальныя нужды вопіютъ — писалъ онъ 23 іюня 1884 года—съ прекращеніемъ „Отечественныхъ Записокъ“ я потерялъ 12 — 13 тысячъ рублей, а теперь и доходъ съ сочиненій сократится на три четверти, потому что публика наша такова, что раскупаетъ только тѣхъ авторовъ, которые о себѣ напоминаютъ“...

Столь же неосновательна и другая версія, будто Салтыковъ

пытался утилизировать свои старыя лицейскія знакомства и связи для огражденія своей личной безопасности и для избавленія журнала отъ угрожавшихъ ему каръ. Въ такихъ попыткахъ не было бы ничего зазорнаго, и едва-ли ихъ можно было вмѣнять въ вину Салтыкову. Некрасовъ, какъ извѣстно, сочинялъ стихотворные диѳирамбы Муравьеву и Коммисарову, чтобы умилостивить своихъ гонителей. Но и противъ приписывавшагося ему обращенія къ покровительству „власть имущихъ“ изъ его лицейскихъ товарищей и бывшихъ сослуживцевъ по государственной службѣ Салтыковъ горячо протестовалъ. „Я серьезно знаю людей—писалъ онъ 11-го мая 1884 г. тому же Бѣлоголовому—которые прямо говорятъ, что я-де, только благодаря протекціи, не засланъ къ . . . . Вотъ что значитъ говорить о Катковѣ“!.

Свои цензурныя злоключенія Салтыковъ, повидимому, приписывалъ, главнымъ образомъ, своей борьбѣ съ московскимъ „с—мъ“,—какъ назвалъ однажды А. С. Суворинъ Каткова. Но оффиціально Салтыкову и его журналу вмѣнялась въ вину близость къ революціоннымъ элементамъ. Сочиненное графомъ Д. А. Толстымъ оффиціальное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, являющееся настоящимъ обвинительнымъ актомъ, прямо говорило о постоянныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ, будто, между журналомъ, въ лицѣ его главныхъ руководителей, и подпольными революціонными организаціями.

Въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“—гласитъ обвинительный актъ Толстого—„группировались лица, состоявшія въ близкихъ отношеніяхъ съ революціонными организаціями. Завѣдывавшій однимъ изъ отдѣловъ журнала былъ участникомъ преступной организаціи. Два сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ были арестованы за доказанное пособничество дѣятельности злоумышленниковъ. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ—говоритъ далѣе правительственное сообщеніе — что, при такой обстановкѣ, статьи самого отвѣтственнаго редактора (т. е. Салтыкова), которыя, по цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны въ журналѣ, появлялись въ подпольныхъ изданіяхъ, принадлежащихъ эмиграціи“.

Что цензурный гнетъ заставлялъ не одних профессіональныхъ писателей, но иной разъ и либерально настроенныхъ чиновниковъ снабжать своими статьями и свѣдѣніями издававшіеся за границею нелегальные русскіе журналы—это извѣстно еще со временъ герценовскаго „Колокола“.

Возможно, что и вырѣзывавшіяся цензурою сатиры Щедрина направлялись его друзьями въ нелегальныя изданія. Но

отсюда далеко до причастности къ революціонной активной дѣятельности и къ террористическимъ актамъ, — на что прямо указываетъ правительственное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“. Во всякомъ случаѣ, для Салтыкова закрытіе журнала было въ чужомъ пиру похмѣлье. Какъ мы увидимъ ниже, сатирикъ былъ далекъ отъ сочувствія революціонерамъ и не считалъ таковыми своихъ сотрудниковъ. Кара, обрушившаяся на него и любимый имъ журналъ, была, поэтому, совершенно несправедлива.

„Выходитъ—писалъ Салтыковъ черезъ 4 дня послѣ крушенія „Отечественныхъ Записокъ“ Бѣлоголовому — что журналъ прекращенъ не за содержаніе, а за то, что нѣкоторые изъ его сотрудниковъ арестованы. Но и въ департаментахъ арестовываютъ чиновниковъ“...

Насколько самъ Салтыковъ былъ далекъ отъ какой-либо революціонной дѣятельности и активныхъ выступленій, явствуетъ изъ нижеслѣдующаго: „Скажу вамъ откровенно—писалъ онъ въ мартѣ 1882 года д-ру Бѣлоголовому — всѣ эти убійства, покушенія и проч. дѣлаются необыкновенно тяжелы, назойливы и пошлы... Не только никакого дѣла дѣлать нельзя, но и разобраться въ этой галиматьѣ трудно. Хоть бы смерть скорѣе“...

Салтыковъ сомнѣвался и въ „революціонности“ своихъ сотрудниковъ. Еще за два года до закрытія „Отечественныхъ Записокъ“ онъ сообщаетъ своему другу: „Высылаютъ изъ Петербурга Михайловскаго и Шелгунова (редактора „Дѣло“). Причина выставлена та, что были на балу у студентовъ Технологическаго Института, а тамъ Михайловскаго качали, а онъ что-то говорилъ. Михайловскій увѣряетъ, что онъ убѣждалъ студентовъ въ *непригодности безпорядковъ*“. Между тѣмъ, какъ гласило оффиціальное сообщеніе, Михайловскій произнесъ-де „крайне возмутительную рѣчь, приглашая студентовъ къ противодѣйствію правительству“.

Въ одной старой записной книжкѣ своей я нашелъ такую запись, относящуюся, повидимому, къ балу технологовъ, о которомъ говоритъ Салтыковъ: „Былъ вчера (въ концѣ ноября 1882 г.) въ Дворянскомъ Собраніи на балу студентовъ технологовъ. Видѣлъ Гаршина, гулявшаго по заламъ съ Михайловскимъ. Обоимъ устраивали оваціи, особенно послѣднему. Его качали. „Если бы у васъ всѣхъ была одна голова — отвѣтилъ Михайловскій на оваціи—то я обнялъ бы ее и расцѣловалъ“... Надо полагать, что возбуждающей революціонной рѣчи Михайловскій тогда студентамъ не говорилъ, иначе она нашла бы

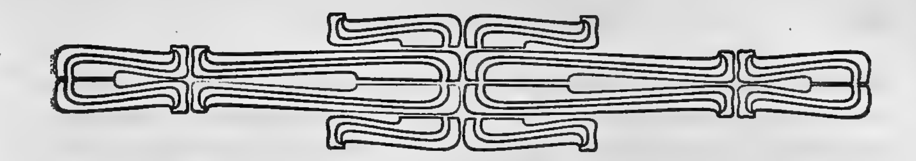
себѣ какое-либо отраженіе въ записной книжкѣ молодого человѣка, благоговѣвшаго передъ радикальнымъ публицистомъ.

Какъ бы то ни было, я не думаю, чтобы радикально настроенный Максимовъ усматривалъ „позорное пятно“ на репутаціи Салтыкова въ томъ обстоятельствѣ, что правительственное сообщеніе о закрытіи „Отечественныхъ Записокъ“ облыжно приписывало сатирику революціонные замыслы и близость къ подпольной печати и къ революціоннымъ организаціямъ. Остается пожалѣть о томъ, что мой корреспондентъ унесъ въ могилу нѣкую ему извѣстную тайну, относившуюся къ факту закрытія радикальнаго журнала и къ его редактору, не одосуживись изложить ее на бумагѣ—хотя бы для свѣдѣнія потомства...

Одно несомнѣнно: крушеніе любимаго дѣла — „Отечественныхъ Записокъ“ окончательно сломило надорванныя силы Салтыкова. Но и изможденный недугами сатирикъ продолжалъ писать, выпуская одно произведеніе за другимъ, хотя чувствовалъ себя, какъ мы видѣли, стѣсненнымъ, въ качествѣ сотрудника чужихъ изданій. Борясь съ болѣзнями, заглушая душившій его кашель и подкрѣпляя себя цѣлой аптекой лѣкарствъ, писатель не желалъ, однако, чтобы слухи о состояніи его здоровья проникали въ публику. Онъ боялся, что это отразится на немъ и матеріально. За недѣлю до смерти Салтыковъ отрицалъ печатно извѣстіе о тяжкой его болѣзни и выражалъ увѣренность, что доведетъ до конца приготовлявшееся имъ для печати полное собраніе своихъ сочиненій, которое должно было поправить его пошатнувшіеся финансы. Онъ показывалъ навѣщавшимъ его начатую имъ новую работу—„Забытыя слова“, о которыхъ собирался напомнить своимъ соотечественникамъ. Отъ болѣе близкихъ друзей Салтыковъ не могъ, однако, скрывать, что рука его отказывается писать. Передъ самой кончиной онъ успѣлъ набросать планъ изданія полнаго собранія сочиненій. 28 апрѣля 1889 года М. Е. Салтыковъ отдалъ Богу свою многострадальную душу.

Почти одновременно скончался тотъ, кто нанесъ сатирику тяжелый ударъ, ускорившій его кончину, лишивъ его литературнаго крова, и сбивъ его съ боевой позиціи. Бюрократія оплакивала одного изъ своихъ столповъ—графа Д. А. Толстого, а вся читающая и мыслящая Россія съ неподдѣльной искренностью оплакивала кончину любимаго писателя и „друга правды“, умершаго, какъ воинъ на своемъ посту, съ перомъ, не разъ вырывавшимся изъ его коченѣвшихъ рукъ...

А. Е. Кауфманъ.

Изъ семейной хроники.

Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ.

Въ 1877 году я состоялъ причисленнымъ къ Государственной Канцеляріи, куда поступилъ въ 1875 году, по окончаніи кандидатомъ правъ курса С.-Петербургскаго Университета, и куда былъ принятъ вслѣдствіе записки великой княгини Александры Петровны къ Маріи Александровнѣ Сольской, супругѣ тогдашняго Государственнаго Секретаря Д. М. Сольскаго. Въ концѣ 74 года, узнавъ однажды отъ брата Александра, который былъ въ ту пору адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича, что я еще не на службѣ, великая княгиня приказала мнѣ прійти къ себѣ и, принявъ меня въ своей большой гостиной, спросила, отчего я не служу; я отвѣтилъ, что желалъ бы поступить въ Государственную Канцелярію, но что туда безъ особой рекомендаціи поступить трудно.

— А кто тамъ начальникъ?

— Д. М. Сольскій,—отвѣтилъ я.

— Я его мало знаю,—сказала великая княгиня,—но знаю гораздо больше его супругу и, если вы хотите, я ей напишу, надѣюсь, что моя рекомендація поможетъ.

Я поблагодарилъ, поцѣловалъ ручку и откланялся.

Черезъ нѣсколько дней я былъ вызванъ къ Д. М. и былъ опредѣленъ на службу съ предупрежденіемъ, что штатнаго мѣста мнѣ придется подождать года два. Мнѣ пришлось его совершенно не дождаться,—но такъ поступилъ я на службу.

Великому князю и великой княгинѣ мы были извѣстны съ дѣтства. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ собст-

венный домъ родителей моихъ на Англійской набережной былъ извѣстнымъ домомъ въ Петербургѣ; они принимали довольно много и у нихъ бывало высшее общество того времени; я въ дѣтствѣ, помню, видалъ въ родительскихъ гостиныхъ старуху графиню Разумовскую, Бутурлиныхъ, Демидовыхъ и многихъ другихъ представителей тогдашней знати. Старшаго брата Александра крестилъ лично Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, будущій Царь Освободитель, брата Алексѣя— Великій Князь Михаилъ Павловичъ, самаго младшаго брата Михаила - Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, въ Петергофѣ. Матушка была старшей дочерью генералъ-адъютанта Арбузова, командира пѣхотнаго гвардейскаго корпуса, фрейлина Императрицы Александры Ѳеодоровны и слыла красавицею. Когда отстроился Николаевскій дворецъ (нынѣшній Ксеніинскій институтъ), родители возили хлѣбъ-соль его хозяевамъ. Вскорѣ послѣ этого великій князь былъ посаженнымъ отцомъ у старшей сестры моей Александры Петровны, выходившей замужъ за Михаила Николаевича Теренина, по поводу чего мы были очень грустны и много плакали. Великій князь пріѣхалъ за невѣстою въ каретѣ четверикомъ на выносъ и везъ ее въ Благовѣщенскую церковь, я несъ образъ и сидѣлъ въ каретѣ.

Въ одну изъ слѣдующихъ зимъ матушка сказала намъ, т. е. брату Эмануилу, съ которымъ мы росли, и мнѣ, что мы будемъ ѣздить въ Николаевскій дворецъ дѣлать гимнастику и танцовать съ молодымъ великимъ княземъ, что ее объ этомъ просила великая княгиня Александра Петровна. Съ тѣхъ поръ мы цѣлый рядъ лѣтъ до самаго отъѣзда въ Екатеринославъ, въ 67 году, бывали во дворцѣ и зимою и лѣтомъ, когда жили въ Петергофѣ по сосѣдству со Знаменкой, въ которую ѣздили почти ежедневно. Зимою бывали во дворцѣ вмѣстѣ съ нами Николай и Павелъ Родзянки и Вилламовъ, лѣтомъ же въ Знаменкѣ мы одни. Гувернеръ нашъ М. Жакель снималъ для великаго князя фотографіи видовъ Знаменки и лошадей его конюшни (тогда фотографія у насъ только-что распространялась), и мы утромъ гуляли и завтракали близъ приморскаго домика, гдѣ великая княгиня иногда сама съ нянюшкою молодого великаго князя—Бушинскою, готовила намъ завтракъ. Это были счастливые годы супружества великаго князя. — Онъ былъ еще молодъ, но уже командовалъ войсками Петербургскаго округа. Красавецъ собою, унаслѣдовавшій благородную осанку Императора Николая Павловича, онъ былъ величественъ и въ то же время простъ и ласковъ въ обхожденіи, онъ при-

вязывалъ къ себѣ людей и былъ беззавѣтно любимъ приближенными. Въ тотъ годъ, когда онъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи, онъ однажды часовъ въ 9 вечера пріѣхалъ на лошадяхъ изъ Краснаго Села и по дворцу заслышался его звонкій, веселый голосъ. Мы пили вечерній чай у великой княгини, на ея половинѣ, и она угощала насъ разнымъ вареньемъ своего издѣлія, сорта котораго она каждаго изъ насъ заставляла требовать по своему выбору. Поздоровавшись со всѣми (мы всегда цѣловали великаго князя въ плечо, а онъ насъ въ лобъ), онъ сказалъ намъ съ торжествомъ:

— Поздравляю васъ, Мануша и Ануша—я взялъ вашего брата Сашу къ себѣ въ адъютанты, Государь утвердилъ. Мануша, пиши ему депешу, гдѣ онъ, въ какой деревнѣ? (братъ былъ въ ту пору поручикомъ Конной Гвардіи и находился въ отпуску въ Тарасовкѣ).

Подали телеграфные бланки, но великая княгиня нагнулась къ великому князю, что-то сказала ему, и онъ сталъ писать самъ.

— Онъ должно быть сейчасъ пріѣдетъ, какъ думаете?—сказалъ онъ, окончивъ писать.

Мы сказали, что не знаемъ.

Въ слѣдующій пріѣздъ мы узнали, что братъ Александръ, отвѣчая, спросилъ, когда ему прикажетъ быть великій князь. Такъ произошло назначеніе брата Александра, которымъ обозначилась его затѣмъ сравнительно блестящая военная карьера.

Поѣздки въ Знаменку скрашивали нашу жизнь въ Петергофѣ, гдѣ мы оставались нѣсколько разъ одни съ гувернеромъ, пока родители ѣздили въ Малороссію. Часто мы катались съ великимъ княземъ и великой княгиней по петергофскимъ паркамъ и ѣздили на музыку. Зимами мы два раза въ недѣлю дѣлали гимнастику въ большой нижней залѣ дѣтской половины Николаевскаго дворца съ великимъ княземъ младшимъ и бывали тамъ каждый праздникъ.

На рожденіе младшаго великаго князя однажды былъ большой съѣздъ, была почти вся Царская фамилія, самъ Государь Александръ Николаевичъ танцовалъ кадриль съ принцессою Ольденбургскою (сестрою великой княгини Александры Петровны), и все это общество изъ дѣтей и взрослыхъ танцовало подъ звуки стѣнного органа, который крутилъ, что называется, во всю ивановскую, великій князь Николай Николаевичъ старшій.

Когда въ 67 году родители изъ Ларинской гимназіи взяли

насъ въ Екатеринославскую, переѣхавъ на жительство въ Малороссію, отношенія эти пресѣклись, но въ 1869 г., когда мы возвратились въ Петербургскій университетъ, мы вновь, хотя и изрѣдка, встрѣчались и видѣлись съ хозяевами Николаевскаго дворца.

Осенью 1876 года армія была мобилизована и приведена на военное положеніе, и великій князь, назначенный Главнокомандующимъ, зимовалъ въ Кишиневѣ со своимъ штабомъ. Онъ перенесъ тамъ тяжелую болѣзнь, вселившую столько опасеній не только любившей его арміи, но и всему русскому обществу.

Я служилъ въ Государственной Канцеляріи и оставался въ Петербургѣ одинъ; матушка съ сестрою переѣхала въ Петербургъ, если не ошибаюсь, лишь въ слѣдующую зиму. Зимою братъ Александръ пріѣзжалъ курьеромъ къ Государю, и я помню, что былъ поставленъ въ большое затрудненіе, когда однажды Государь потребовалъ его въ 6 часовъ вечера, а его не было дома. Я бросился по городу и нашелъ его у Маріи Александровны Топорниной, откуда онъ мигомъ схватился и полетѣлъ во дворецъ. Братъ разсказывалъ, что Государь, между прочимъ, велѣлъ передать удовольствіе свое по поводу примѣрнаго поведенія и образа жизни главной квартиры, гдѣ нѣтъ ни кутежа, ни картъ. Помню еще, что брата удивило, что во время этой аудіенціи Государь, уронивъ подъ письменный столъ папироску—mariland, не далъ ему поднять ее и самъ полѣзъ подъ столъ, и „мы чуть не стукнулись съ нимъ подъ столомъ",—говорилъ братъ.

Весною по объявленіи войны успѣхи брата по занятію съ полкомъ казаковъ Барбашскаго моста на рѣкѣ Серетъ, обезпечившему наступленіе арміи къ Дунаю, отразились въ Петербургѣ на мнѣ; знакомые поздравляли, и я былъ предметомъ ихъ вниманія, котораго самъ по себѣ никогда не заслуживалъ. Послѣ майскаго парада, который дѣлалъ Государь, я писалъ брату о немъ, и описаніе это, какъ новости изъ Петербурга, братъ прочиталъ великому князю, который, вспомнивъ обо мнѣ, спросилъ его, что я дѣлаю, и тутъ же рѣшилъ вызвать меня въ армію. Рѣшеніе это совпало съ моими желаніями, ибо не-задолго передъ тѣмъ я писалъ брату, отчего бы мнѣ не получить какой-либо должности по полевому штабу.

Въ одно прекрасное утро меня курьеромъ позвали къ Государственному Секретарю, который, когда я явился, съ нѣкоторою ироніею сказалъ:

— Надѣньте большіе сапоги и поѣзжайте въ армію. Великій князь васъ требуетъ.

Статскіе подтрунивали тогда на счетъ сапогъ, ибо всѣ отъѣзжавшіе въ армію прежде всего надѣвали походную форму съ большими сапогами.

— Вотъ депеша, побывайте у Ивана Ивановича Шамшина и отправляйтесь съ Богомъ,—заключилъ Сольскій.

Иванъ Ивановичъ съ отличавшею его вѣжливостью пояснилъ мнѣ, что Государственный Секретарь и онъ затрудняются въ точности исполнить просьбу великаго князя, такъ какъ въ депешѣ сказано: „Прошу выслать ко мнѣ чиновника Струкова и снабдить его слѣдуемымъ“.

— Мы не можемъ расходовать и у насъ нѣтъ никакихъ такихъ суммъ.

Я успокоилъ его тѣмъ, что поѣду на свои, и откланялся.

Въ нѣсколько дней я собрался въ походъ, но снарядился плохо. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ чиновничьей формѣ Государственной Канцеляріи, я, по указанію штабного генерала, завѣдывавшаго формами, надѣлъ гражданскую форму военнаго министерства, какъ извѣстно не пользующагося особымъ почтеніемъ. Весь комфортъ моего снаряженія заключался въ походной кровати, гитарою раздвигавшейся, въ папиросахъ и нѣсколькихъ шелковыхъ рубашкахъ, вмѣсто полотняныхъ.

Направляясь въ армію, я заѣхалъ попрощаться съ отцомъ, который лежалъ тогда въ постели; у него открылись на ногахъ раны отъ старыхъ контузій, полученныхъ въ Венгерскую кампанію. Отпуская меня, онъ велѣлъ мнѣ поблагодарить великаго князя за то, что онъ взялъ меня къ себѣ, и выдалъ триста рублей, чтобы доѣхать до главной квартиры, говоря, что походное снаряженіе для обоза и лошадь приготовитъ мнѣ братъ Александръ, которому онъ это поручилъ и которому онъ выслалъ на-дняхъ деньги. Я направился въ Унгены. Эта пограничная станція была биткомъ набита ѣдущимъ въ армію людомъ, порядка было очень мало; я съ трудомъ исхлопоталъ себѣ, какъ мнѣ сказали, необходимое предложеніе и помѣстился въ отдѣленіи съ выходами по бокамъ вагона, наполненномъ военными. По въѣздѣ на Румынскую территорію меня поразилъ видъ румынскаго часового у желѣзнодорожнаго моста: онъ былъ одѣтъ въ солдатскую шинель, въ родѣ нашей, на ногахъ были какія-то туфли на босу ногу и на шапкѣ голубиное перо.

Главная и Императорская квартиры находились въ Плоешти,

городъ представлявшій цѣль моего пути. Ночью въ нашъ поѣздъ сѣлъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, возвращавшійся изъ плаванія, и Государь съ многочисленной свитою встрѣтилъ его на платформѣ Плоештинской станціи. Я ожидалъ видѣть при этой встрѣчѣ и Великаго Князя, но я напрасно искалъ его глазами въ этой нарядной военной группѣ. По первымъ же разспросамъ я узналъ, что Великаго Князя нѣтъ въ Плоештахъ и что пребываніе его неизвѣстно; оказалось потомъ, что это были тѣ знаменательные дни, когда Великій Князь готовился къ переправѣ черезъ Дунай, для сокрытія мѣста которой, онъ ночью ушелъ одинъ изъ расположенія Главной квартиры, оставивъ домъ, гдѣ онъ жилъ, ярко освѣщеннымъ, чтобы скрыть свой отъѣздъ. Въ Плоештахъ оставался 2-й эшелонъ главной квартиры, долженствовавшій выступить черезъ день по моемъ пріѣздѣ. Положеніе мое оказалось не изъ пріятныхъ. Комендантъ главной квартиры генералъ Штейнъ, которому я явился по пріѣздѣ, сказалъ мнѣ:

— Увѣдомьте меня, сколько у васъ будетъ прислуги и лошадей въ обозѣ.

А у меня не было ничего ровно и пріобрѣсти не было на что,—деньги были на исходѣ и брата, посланнаго на загражденія Дуная, я не засталъ въ Плоештахъ. Въ такомъ затрудненіи я пошелъ въ главную квартиру, чтобы какъ-нибудь устроиться для похода. Перваго, кого я встрѣтилъ, былъ почтенный и любезный нашъ домашній врачъ и докторъ Великаго Князя, впослѣдствіи лейбъ-медикъ Александръ Леонтьевичъ Обермюллеръ. Со свойственной ему дружеской безцеремонной манерой онъ сталъ бранить меня:

— Чего ты сюда пріѣхалъ, очень нужно, сдохнешь тутъ тридцать разъ, сидѣлъ бы въ своей канцеляріи, худо тебѣ что-ли, ослѣпнешь еще отъ здѣшней пыли, мало у тебя глаза болѣли.

— Великій Князь приказалъ,—говорю я.

— Ну да, очень нуженъ ты, пустяки какіе.

Человѣкъ столичный, житель сѣвера, придворный врачъ и человѣкъ семейный и въ годахъ, Александръ Леонтьевичъ плохо мирился съ трудностями похода и зноемъ южнаго лѣта, и поваркивалъ весь походъ.

Петръ Петровичъ Андреевъ оказался добрѣе и, зная привычки Великаго Князя, сказалъ, чтобы я приходилъ завтракать въ главную квартиру и что онъ скажетъ походному гофмаршалу Александру Александровичу Галлу о моихъ затруд-

неніяхъ. За завтракомъ однако генералъ Галлъ, начинавшій уже глохнуть и разговаривавшій при помощи трубки, просьбы моей о позволеніи помѣстить мои вещи на великокняжескія подводы не захотѣлъ слушать и отнялъ трубку. Слышавшій нашъ разговоръ командиръ охраннаго дивизіона атаманцевъ полковникъ Денисовъ успокоилъ меня, сказавъ:

— Верхомъ ѣздите? Я дамъ вамъ лошадь, пріѣзжайте только на сборный пунктъ.

Вещи свои я сдалъ таки знавшимъ меня придворнымъ служителямъ и явился на другой день на сборное мѣсто раньше всѣхъ.

Стали постепенно вытягиваться повозки, экипажи, лошади главной квартиры; я видѣлъ впервые, какъ люди идутъ въ походъ, а самъ стоялъ пѣшій среди долины ровныя. Наконецъ показались, подымая столбы пыли, атаманцы съ пѣсельниками и Денисовымъ впереди. Это была моя послѣдняя надежда. Я подбѣжалъ къ Денисову, который, оказалось, забылъ про меня.

— Ахъ, чортъ возьми,—воскликнулъ онъ, остановившись.— Ивановъ, подай заводную.

Ивановъ мигомъ привелъ заводную, но безъ сѣдла и въ недоуздкѣ.

— Дуракъ, разсѣдлай что-нибудь.

Мигомъ разсѣдлали и осѣдлали мою заводную, я былъ очень счастливъ, но, сѣвши на нее, я попросилъ удлинить стремена, и когда оказалось, что на истовомъ казацкомъ сѣдлѣ стремена не опускаются, я испыталъ прелесть этой сѣдловки, проѣхавъ 29 верстъ перваго перехода съ согнутыми ногами. Къ ночному привалу я былъ чрезвычайно уставши и, не имѣя при себѣ ничего, задумался о ночлегѣ и сталъ искать, гдѣ бы переночевать. Среди поля эшелонъ нашъ расположился въ двѣ линіи, и каждый разбивалъ свою палатку; на правомъ флангѣ стояла четвероместная карета Великаго Князя.

Вѣроятно усталая моя фигура ясно выражала испытываемое мною затрудненіе, ибо встрѣтившійся мнѣ фельдъегерь, какъ оказалось потомъ Тулузаковъ, сынъ знакомой мнѣ сестры милосердія Тулузаковой, одной изъ первыхъ сестеръ милосердія русскаго Краснаго Креста,—принялъ во мнѣ участіе и, разспросивъ, подвелъ меня къ каретѣ и стоявшему около меня священнику, прося его принять меня въ нее на ночь.

— Да куда же,—отвѣтилъ батюшка,—отецъ діаконъ спитъ на передней скамейкѣ, я на задней.

Тогда Тулузаковъ пригласилъ меня въ свою маленькую

палатку, которую онъ раздѣлялъ съ другимъ товарищемъ своимъ, и мы втроемъ улеглись на какой-нибудь квадратной сажени, пространство которой занимала палатка, въ которую все-таки втиснули мою кровать-гармонику.

Ночью — говорили мнѣ потомъ фельдъегеря, — разразился ливень, потокъ воды направился подъ мою кровать, они стали будить меня, но это имъ не удалось, я спалъ какъ убитый и утромъ всталъ, хоть и мокрый, но бодрый.

Хозяева мои были этому обрадованы, ибо, говорили они,— мы думали, что вы заболѣли, всю ночь стонали вы, — видно отъ усталости.

Фельдъегеря располагали фургончикомъ, на козлахъ котораго я примостился на время всѣхъ остальныхъ переходовъ по Румыніи, съ радостью оставивъ столь мало удобное казацкое сѣдло.

Въ Бухарестѣ, около котораго была дневка, и отъ котораго у меня остались въ памяти только темный дворецъ Князя и знаменитая Киселевская аллея, я угостилъ моихъ благодѣтелей фельдъегерей хорошимъ обѣдомъ и продолжалъ съ ними путь до Зимницы на Дунаѣ. Во время этихъ переходовъ намъ стало извѣстно, что армія наша перешла Дунай у Систова и что главная квартира находится напротивъ этого города, въ Зимницѣ. Въ Александріи, румынскомъ городѣ, хуже котораго я никогда не видалъ, пришелъ казакъ и сказалъ, что комендантъ требуетъ къ себѣ чиновника Струкова.

Держа руку подъ козырекъ, я явился къ генералу Штейну, которому представлялся уже въ Плоештахъ и который всегда на прекрасной лошади шелъ во главѣ нашего эшелона. Держа руки за рукавами жилета, генералъ повелительно обратился ко мнѣ.

— Депеша Великаго Князя. Главнокомандующій требуетъ васъ, извольте немедленно отправляться въ Зимницу.

— Я затрудняюсь, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я,—у меня нѣтъ средствъ передвиженія, нѣтъ и карты, и я не знаю, гдѣ эта Зимница.

Генералъ вспылилъ.

— Я передаю вамъ повелѣніе Главнокомандующаго и напоминаю вамъ, что у насъ военное время—вы можете отвѣтить,— и недовольный генералъ отошелъ отъ меня.

За нимъ стоялъ незнакомый мнѣ тогда полковникъ Моравскій—его помощникъ, который, видя мое затрудненіе, сказалъ:

— Не безпокойся, голубчикъ, покричитъ и перестанетъ, оставайся и дойдешь съ нами.

Я послѣдовалъ его совѣту, и черезъ два дня мы всѣ были въ Зимницѣ, гдѣ и кончился первый и самый неудачный для меня, этапъ похода.

Въ Зимницѣ отъ постояннаго движенія войскъ, жары и безвѣтрія пыль была поистинѣ ужасная, она не осѣдая стояла въ воздухѣ, измельченная какъ дымъ, и дѣлала воздухъ непрозрачнымъ и удушливымъ.

Обѣ главныя квартиры Императорская и Главнокомандующаго расположены были на глинистомъ высокомъ берегу Дуная смежно, въ плохихъ сливяныхъ садахъ; Государь жилъ въ какомъ-то болгарскомъ домѣ, Великій Князь въ своей палаткѣ, вокругъ него стояли свиты и среди нихъ большая столовая палатка, въ которой гостепріимный Главнокомандующій кормилъ весь персоналъ своей главной квартиры.

По пріѣздѣ я розыскалъ будущаго своего начальника флигель-адъютанта Дмитрія Петровича Кладищева. Изъ писемъ брата я зналъ, что Великій Князь вызвалъ меня для наградного отдѣленія, и затѣмъ отправился искать брата. Не легко было его найти; разспросы привели меня наконецъ къ берегу одного изъ дунайскихъ рукавовъ, въ которомъ я увидѣлъ его въ фуражкѣ, но безъ всякаго туалета, обучающаго своего Яхонта, кровнаго англійскаго жеребца завода Петровскаго, переплывать рѣку. Повидавшись съ нимъ, я пошелъ переодѣваться и являться Великому Князю.

Я поцѣловалъ его въ плечо, онъ меня въ лобъ, и, осмотрѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Спасибо, что пріѣхалъ, сними, — указывая на шпагу,— эту селедку и надѣнь шашку. Струкова братъ,—обратился онъ къ генералу Непокойчицкому, сидѣвшему съ нимъ, и затѣмъ своимъ звонкимъ голосомъ закричалъ:—Николаша, старый товарищъ пріѣхалъ.

Великій Князь Младшій однако не появлялся, и, откланявшись, я пошелъ къ нему. Я засталъ его сидящимъ въ обществѣ Великаго Князя Сергія Александровича, которому онъ меня представилъ.

Откланявшись имъ, я вернулся въ помѣщеніе, занимаемое Кладищевымъ и его наградною канцеляріею. Она состояла изъ него, одного чиновника для письма и двухъ писарей, изъ коихъ одинъ постоянно или весьма часто бывалъ пьянъ. Я на другой день приказомъ Главнокомандующаго по арміи на-

значенъ былъ помощникомъ начальника наградного отдѣленія, но мы съ Кладищевымъ начальствовали почти только надъ самими собою. Мы должны были работать сами и весьма напряженно; поступили уже отъ частей представленія къ наградамъ за загражденія Дуная, за взрывъ Лутофи-Джелиля Дубасовымъ и Шестаковымъ и всей 14-й дивизіи, за переправу черезъ Дунай у Систова. Дмитрій Петровичъ былъ въ работѣ педантъ, работалъ усердно и поздно, но по привычкѣ къ долгому туалету пропускалъ утро. Онъ испросилъ у Военнаго Министра разрѣшеніе на упрощеніе формъ наградного производства, но и за этимъ упрощеніемъ работа была для трехъ человѣкъ непосильная, и мы работали весь день, съ перерывами для ѣды, до 12 час. ночи.

Первые дни въ Зимницѣ я голодалъ, питаясь у маркитантовъ, у которыхъ было много шампанскаго, но очень мало съѣдобнаго. Кладищевъ ходилъ обѣдать къ Великому Князю, звалъ и меня, но, не получивъ приглашенія отъ Галла, я не рѣшался послѣдовать его зову. Черезъ нѣсколько дней Великій Князь самъ замѣтилъ мое отсутствіе и велѣлъ разъ на всегда звать меня утромъ къ кофею, къ завтраку, къ обѣду и вечеромъ къ чаю.

Одно изъ первыхъ дѣлъ, которое мнѣ пришлось разобрать и приготовить къ докладу, было представленіе къ Георгіевскому кресту брата, за загражденіе Дуная у Браилова и у Пародима, гдѣ онъ, переплывъ рукавъ Дуная, спасъ отъ разстрѣла турецкой батареи нашъ минный отрядъ. Съ нимъ по водѣ поспѣшалъ къ отряду и капитанъ генеральнаго штаба Сахаровъ [1]), но какъ человѣкъ грузный и тучный, послѣдній отсталъ.— Братъ имѣлъ уже золотое оружіе, если не ошибаюсь, за занятіе Барбашскаго моста, обезпечившее наступленіе нашей арміи къ Дунаю, и вторичное представленіе къ высокой наградѣ производило нѣкоторый соблазнъ; самъ Дмитрій Петровичъ находилъ, что сраженія большого не было и что какъ будто много, но подвигъ въ точности подходилъ подъ статутъ и отказать нельзя было: „За спасеніе части съ опасностью для жизни". На другой день послѣ изготовленія мною доклада собралась Георгіевская дума и въ числѣ прочихъ присудила крестъ и брату.

По главной квартирѣ часовъ въ 12 дня послышались крики: „Полковника Струкова къ Государю Императору", но полков-

---

[1]) Бывшій позднѣе военнымъ министромъ.

ника никакъ нельзя было найти; обратились ко мнѣ, и я долженъ былъ пуститься искать его; зной былъ ужасный, пыль адская, и я не мало измучился, пока искалъ его. Я переспросилъ всѣхъ встрѣчныхъ—не видѣли ли его, и наконецъ добрый человѣкъ указалъ мнѣ въ сторонѣ отъ Зимницы довольно большое поле и за нимъ одинокую избу, сказавъ:—вотъ тамъ они. Я остановился въ нерѣшительности, переходить ли поле въ такой ужасный зной,—вѣдь кондрашка хватитъ,—думалъ я, однако дѣлать было нечего, Государь зоветъ, перешелъ поле и, обливаясь потомъ, уже съ нетерпѣніемъ я отворилъ дверь въ избу и, не обращая вниманія на группу лицъ, которыхъ я увидѣлъ, я крикнулъ:

— Полковника Струкова къ Государю Императору.

Это произвело впечатлѣніе бомбы. Тутъ, повидимому, жилъ уже извѣстный тогда, но еще молодой генералъ свиты М. Д. Скобелевъ, и у него трапезовало человѣкъ 10,—шло возліянія послѣ завтрака. Публика эта меня еще не знала, я сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ, обтирая градомъ лившійся потъ и отпыхиваясь отъ усталости,—а брата уже не было; схватившись съ мѣста, вытирая усы и застегивая китель, онъ летѣлъ черезъ то поле, которое такъ приводило меня въ смущеніе, такъ, что только пятки засверкали.—Экъ его подобрало какъ,—подумалъ я и пошелъ восвояси. Потомъ братъ разсказывалъ, что Государь встрѣтилъ его невыразимо ласково, обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Такъ какъ ты мой крестникъ, то я хотѣлъ дать тебѣ свой собственный крестъ,—и, обратившись къ камердинеру, велѣлъ подать одинъ изъ своихъ Георгіевскихъ крестовъ,—да смотри не ошибись,—сказалъ Государь,—не подай креста Императора Александра Павловича.

Увидавъ Скобелева, я вспомнилъ разсказъ ординарцевъ. Вслѣдъ за переправой Великій Князь на понтонѣ отправился черезъ Дунай въ Систово благодарить войска и посмотрѣть позицію; найдя тамъ состоявшаго при немъ Михаила Дмитріевича, самовольно принявшаго участіе въ переправѣ съ Драгоміровымъ, Великій Князь отправилъ его подъ арестъ, но почетно, въ свою палатку, въ Зимницу. Драгоміровъ просилъ за заслуги и за содѣйствіе, которое онъ оказалъ ему при переправѣ, отмѣнить это почетное наказаніе.

Про самую переправу говорили, что Великій Князь провелъ ее мастерски, что никто не зналъ, гдѣ она будетъ, что демонстрировали все время на Никополь и что отъ самого Госу-

даря, въ виду его многочисленной квартиры, скрыто было мѣсто совершенія оной. Въ ночь на 15 іюня Государь прибылъ на указанное ему высокое мѣсто съ курганомъ на лѣвомъ берегу Дуная выше Зимницы на нѣсколько верстъ. Государь съ Милютинымъ на разсвѣтѣ навели подзорныя трубы на Никополь и недоумѣвали, что не видятъ приготовленій. Черезъ нѣкоторое время показалась четверка уже сильно вылинявшихъ и показывавшихъ ребра вороныхъ рысаковъ, запряженныхъ въ коляску Великаго Князя, и Главнокомандующій взошелъ на курганъ. Государь, будто, встрѣтилъ Великаго Князя выраженіемъ недоумѣнія. Великій Князь взялъ Государя за плечи, обернулъ его въ другую сторону и навелъ трубу. Государь увидалъ понтоны съ войсками подъ правымъ берегомъ у Систова и въ то же время грянули первые выстрѣлы. Государь былъ въ восторгѣ, благодарилъ и цѣловалъ Главнокомандующаго.

Армія становилась подъ предводительствомъ Великаго Князя побѣдоносною, но въ главной квартирѣ стало извѣстнымъ, что старый Вильгельмъ спрашивалъ: wo ist aber der Feind? Намъ мало извѣстно было, что дѣлается вокругъ. Въ главной квартирѣ слышалось про несовсѣмъ удачныя дѣйствія отряда генерала Тутомлина, послѣ взятія Никополя, высланнаго на правый флангъ къ Плевнѣ. Послѣ взятія помянутой крѣпости заняты были значительное время пропускомъ войскъ черезъ Зимницкій мостъ, для сформированія отрядовъ, и когда это подвинулось, мы тронулись вслѣдъ за ними. Узкій понтонный мостъ служилъ отнынѣ связью арміи съ ея базой. Главная квартира вышла часа въ три, мы съ братомъ не торопились, предвидя тѣсноту на переправѣ, и вышли верхами значительно позже, съ нами поровнялся генералъ свиты Толстой, и мы втроемъ шли шагомъ по песчаной Дунайской косѣ, когда показались шедшіе намъ навстрѣчу рысью два конвойныхъ казака, минуты черезъ двѣ изъ-за лозняка показалась царская коляска, сопровождаемая еще четырьмя казаками, и въ ней сидѣлъ Государь, возвращавшійся съ проводовъ Великаго Князя и двухъ сыновей своихъ—Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владиміра Александровича, уходившихъ за Дунай съ главной квартирой. Мы стали во фронтъ и взяли руки подъ козырекъ. Государь поднялъ руку, отдавая честь, и поровнявшись съ братомъ, мягкимъ, показалось мнѣ, голосомъ сказалъ ему:

— Въ добрый часъ, и возвращайся здоровымъ.

Братъ наклонился въ сѣдлѣ, и, тронутые прощальнымъ привѣтомъ, мы нѣсколько минутъ провожали взглядомъ величественнаго и добраго Государя, выказавшаго за это время столько участія къ своимъ воинамъ.

Приближаясь къ правому берегу, мы обходили обозъ главной квартиры, и я между прочими фурами увидѣлъ фургонъ брата, запряженной знакомой мнѣ его шорной, страшно горячей лошадью, которая тащила изо всѣхъ силъ на возжахъ правившаго ею камердинера его, Егора Григорьевича, который еле справлялся съ нею и сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, опасаясь ежеминутно слетѣть съ нею въ Дунай. — Лошадь эта такъ и таскала его неугомонно весь походъ и за Малыми Балканами пала на одномъ изъ переходовъ, не выдержавъ похода,—и измученный ею Егоръ Григорьевичъ все-таки пожалѣлъ ее и позвалъ меня посмотрѣть на бѣдное, павшее животное.

Первый переходъ былъ небольшой, всего верстъ 5 или 6 до деревни Царевичи, въ которую мы пришли къ закату. Болгарія показалась мнѣ лучше южной части Румыніи, дорога была живописная, много зелени, и, придя въ деревню, мы увидали уже раскинутыя палатки главной квартиры и Великаго Князя, сидѣвшаго на заваленкѣ болгарской хижины. Поджидая обозъ, я сидѣлъ на козлахъ телеграфной кареты, когда увидѣлъ шедшихъ къ нашей группѣ Цесаревича и Великаго Князя Владиміра. Послѣднему негдѣ было сѣсть, и онъ, позавидовавъ видно мнѣ, сталъ лѣзть на мои козлы, я поспѣшилъ ретироваться, но онъ не позволилъ; братъ, увидѣвъ это, поспѣшилъ представить меня. Изъ происходившаго кругомъ разговора я понялъ, что Цесаревичъ ѣдетъ командовать Рущукскимъ отрядомъ и что корпусъ Великаго Князя Владиміра входитъ въ его составъ.

Подошелъ ординарецъ Всеволожскій съ большимъ тюкомъ бумагъ.

— Что это у васъ?—спросилъ Великій Князь.

— Прокламаціи,—отвѣтилъ тотъ.

— Либералъ! съострилъ Великій Князь.

Это было Царское воззваніе къ болгарскому народу, которое въ послѣдующіе дни читала вся Европа.

На югѣ сумерки быстрѣе, чѣмъ у насъ, смѣняются ночью.

Становилось совсѣмъ темно; вдругъ послышался голосъ Великаго Князя:

— Сашка!

Какъ листъ передъ травой всталъ передъ нимъ братъ, смотрю, стоитъ стрункой рука подъ козырекъ.

Великій Князь ему что-то приказалъ, куда-то его посылалъ. Черезъ минуты двѣ онъ уже подтягивалъ подпруги своей Скарлатъ-Летеръ.

— Куда ты,—спросилъ я, но онъ только неопредѣленно указалъ куда-то головой.—Да кого и гдѣ ты найдешь ночью,— подивился я, но онъ исчезъ въ темнотѣ, куда-то проскакалъ и ночью только вернулся въ наше расположеніе.

Мы въ первый разъ послѣ пыльной Зимницы ночевали бивакомъ, спалось не дурно.

Цесаревича мало было видно, онъ вскорѣ, кажется на другой же день, отдѣлился отъ насъ, уйдя къ Рущуку. Дня черезъ три изъ Зимницы пріѣзжалъ верхомъ Государь съ своей свитою и вернулся обратно.

Въ Царевичахъ мы съ Кладищевымъ ходили въ расположеніе 14-й дивизіи для справокъ по награднымъ листамъ, пришедшимъ къ намъ въ невѣроятно путанномъ видѣ; мы застали Драгомирова и Радецкаго, сидѣвшими передъ избой на высокой скамейкѣ, и послѣдній болталъ ногами. Наружность бываетъ обманчива: генералъ этотъ показался мнѣ совершеннымъ простакомъ, и я никакъ не предположилъ бы въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ героевъ минувшей кампаніи. Въ Царевичахъ служили первый разъ при мнѣ благодарственный молебенъ по случаю занятія генераломъ Гурко Тырнова. Придворный священникъ Великаго Князя читалъ молитвы съ проникавшимъ всѣхъ чувствомъ, и это первое богослуженіе, походное, въ военномъ лагерѣ производило глубокое впечатлѣніе.

Генералъ Гурко изъ Тырнова двинулся къ Габрову, а Великій Князь направился къ Тырнову. Движеніе главной квартиры въ тылу отрядовъ мало напоминало о войнѣ; въ нѣсколько переходовъ мы подошли къ этой древней столицѣ Болгаріи по странѣ, не носившей на себѣ никакихъ слѣдовъ опустошенія. Поля были покрыты зрѣющими хлѣбами и луга густыми травами, въ одной только деревнѣ Великому Князю доложили, что турки, отступая, зарѣзали болгаръ; дѣйствительно, пройдя нѣсколько шаговъ, мы увидѣли нѣсколько труповъ, сброшенныхъ въ кучу. Великій Князь перекрестился и велѣлъ предать ихъ землѣ. Переходы до Тырнова Великій Князь дѣлалъ верхомъ на своемъ арабскомъ жеребцѣ Аксу, за нимъ непосредственно слѣдовалъ Артуръ Адамовичъ и весь почти военный персоналъ главной квартиры верхомъ. Наши съ братомъ анг-

лійскія лошади всегда и на шагу опережали другихъ, и мы по большей части отъ Великаго Князя не отставали.

— И ты на англичанкѣ,—сказалъ, оглянувшись на меня на одномъ изъ переходовъ, Великій Князь.

На привалахъ раскидывали на землѣ скатерть и подавали холодную говядину, колбасу, хлѣбъ и болгарское вино, всѣ собирались вокругъ Великаго Князя, всегда спокойнаго и радушно привѣтливаго въ эти минуты хозяина.

Узкая по обрыву надъ рѣкой дорога къ Тырнову не дала мнѣ возможности видѣть восторженной встрѣчи Великаго Князя населеніемъ Тырнова; мы очутились съ Кладищевымъ въ хвостѣ колонны и прошли городъ послѣ всѣхъ, но и мы получили отъ болгарокъ нѣсколько букетиковъ чудныхъ въ этой странѣ цвѣтовъ.

Главная квартира расположилась лагеремъ за городомъ въ саду на склонѣ горы. Когда стали разбивать палатки, мы тутъ впервые вытащили свою круглую съ вертикальными на стойкахъ стѣнками, на которыя пристегивался коническій куполъ, какъ только заканчивалась ея постановка, она проклятая рушилась, покрывая насъ съ помогавшими намъ людьми; такъ какъ это повторялось нѣсколько разъ, то многихъ это отъ нечего дѣлать забавляло и каждое паденіе сопровождалось взрывомъ хохота главной квартиры, смѣялся и подзадоривалъ насъ и Главнокомандующій, пока не научились ее ставить.

Подъ горой стоялъ конвойный баталіонъ и казаки, вечеромъ играли зорю, утромъ вставали съ музыкой, завтракали и обѣдали въ установленные часы. Мы заняли единственный въ саду домъ подъ свою наградную канцелярію, въ которой сидѣли до перваго часу ночи. Выходя однажды оттуда, я споткнулся о чьи-то ноги и тогда только разсмотрѣлъ въ темнотѣ, что вокругъ палатки Великаго Князя, мимо которой мнѣ надо было проходить, лежало нѣсколько конвойныхъ атаманцевъ, охранявшихъ сонъ Главнокомандующаго. Казакъ не шелохнулся, не проронилъ звука, только тихо отодвинулся, чтобы дать мнѣ пройти.

Эта необычайная охрана меня удивила, я узналъ потомъ, что на флангахъ нашихъ неблагополучно, и предусмотрительный Штейнъ, когда Великій Князь засыпалъ, присылалъ казаковъ.

Изъ Тырнова Великій Князь послалъ сына своего, моего брата, Ласковскаго и ординарца Цурикова на Шипку въ отрядъ Святополкъ-Мирскаго. Послѣ перваго отбитаго штурма братъ

пріѣзжалъ съ донесеніемъ и тутъ же опять уѣхалъ. Послѣ взятія Шипки вернулись всѣ, а брата не было. Я обезпокоился, но вскорѣ явился и онъ цѣлый и невредимый, но исхудалый за нѣсколько дней до чрезвычайности отъ перенесенныхъ боевыхъ трудовъ, вся фигура его сдѣлалась меньше, не исключая головы; я поразился этой перемѣнѣ въ немъ, которая, однако, скоро прошла.

Черезъ года два послѣ войны я встрѣтился въ вагонѣ съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ этотъ день огонь турокъ былъ такъ силенъ, что онъ—севастопольскій георгіевскій кавалеръ, такого огня не видѣлъ.

— Весь Орловскій полкъ лежалъ,—говорилъ онъ,—и только три человѣка: Ласковскій на правомъ флангѣ, Цуриковъ на лѣвомъ и вашъ братъ въ центрѣ стояли какъ струнки. Вашъ братъ, кромѣ того, три раза спускался съ горы ко мнѣ, гдѣ я находился у перевязочнаго пункта, не желая подвергать жизнь находившагося при мнѣ Великаго Князя Младшаго явной опасности. Турки, — говорилъ онъ, — стрѣляли по немъ, какъ по зайцу, и какъ его не убили—не понимаю.

Государь, ознакомленный уже съ реляціей, когда прибыли къ нему въ Бѣлу поименованныя лица, пошелъ навстрѣчу къ отставшему отъ другихъ брату съ открытыми для объятій руками и сказалъ:

— Здравствуй, молодецъ мой, произвожу тебя въ генералы, беру въ свиту и оставляю пока при братѣ.

Въ расположеніи нашемъ былъ не то домъ, не то павильонъ, обращенный въ столовую, гдѣ Великій Князь Младшій, любившій иногда ужинать, сталъ иногда созывать нѣкоторыхъ лицъ. Хорошо знакомый мнѣ Душинъ, камердинеръ, пришелъ вскорѣ послѣ взятія Шипки звать къ ужину Кладищева; послѣдній по духу товарищества, хотя и былъ мнѣ начальникомъ, а не товарищемъ, не пошелъ, и велѣлъ сказать, что еще занимается со мною. Душинъ пришелъ вторично просить и меня, и этимъ возобновились на время почти прежнія отношенія съ Великимъ Княземъ Младшимъ. Окружающіе его любили освѣдомляться у насъ о предстоящихъ наградахъ и позднѣе, однажды проболтавшись не во время, я получилъ отъ Главнокомандующаго выговоръ черезъ Кладищева:

— Скажи Анашѣ, чтобъ не болталъ у сына.

Послѣ первой неудачи подъ Плевной Великій Князь уѣхалъ въ Бѣлу къ Государю, потомъ на позиціи, и намъ вскорѣ было приказано перейти въ Горный Студень, гдѣ долго пришлось

стоять обѣимъ главнымъ квартирамъ. Переходъ этотъ велѣно было сдѣлать, не безпокоя города Тырнова, обойти его и сняться до зари,—что и сдѣлали. При сборахъ этихъ генералъ Галлъ вдругъ потерялъ свою слуховую трубку и былъ въ такомъ отчаяніи, что всѣ приняли въ немъ участіе и стали ее искать. Послѣ долгихъ поисковъ она была найдена, и эшелонъ до восхода солнца тронулся въ путь. Шли цѣлый день, который былъ знойный, и на ночлегъ пришли только къ заходу солнца. Здѣсь я испыталъ на себѣ дѣйствіе чая на организмъ. Отъ усталости я еле могъ сойти съ коня, а выпивъ пять стакановъ чая съ лимономъ, я былъ готовъ продолжать переходъ и утомленія какъ не бывало.

Въ Горномъ Студнѣ занятія наши увеличились и намъ указывали на медленность. Артуръ Адамовичъ намъ выговаривалъ и, чтобы показать нашъ трудъ, мы, съ разрѣшенія Великаго Князя, однажды пришли работать къ нему въ палатку. За алфавиты офицеровъ сѣли самъ Великій Князь, Артуръ Адамовичъ, Кладищевъ и я; поработавши нѣсколько часовъ, они убѣдились, что мы не бражничаемъ, и отпустили насъ съ довѣріемъ. У Кладищева стали болѣть ноги и, когда Великому Князю насъ было нужно, сталъ ходить за приказаніями я. На это, казалось мнѣ, штабное начальство косилось. Великій же Князь принималъ всегда ласково, отдавалъ приказанія ясно, категорично и не сердился, если переспросишь.

Однажды, ожидая входа къ нему, я сидѣлъ въ столовомъ шатрѣ и разговаривалъ съ ординарцами. Вдругъ двѣ руки сзади закрыли мнѣ глаза, я удивился, но по молчанію ординарцевъ догадался, что это самъ и сказалъ:

— Чувствую кто, самъ Главнокомандующій.

— Молодецъ, — пошутилъ Великій Князь и позвалъ къ себѣ.

Писарь Никатовъ все чаще сталъ напиваться и во хмѣлю бранить насъ съ Кладищевымъ, который каждый разъ просилъ меня извинить ему. Мы работали до 12 часовъ ночи ежедневно, ночами же иногда тревожили насъ флигель-адъютанты за крестами, посылавшимися Государемъ въ части.

Во время стоянія въ Горномъ Студнѣ ходили слухи по главной квартирѣ, что Великій Князь, освѣдомившись послѣ первыхъ двухъ неудачъ подъ Плевной объ обѣщаніи, данномъ Горчаковымъ Англіи изъ Бухареста не переходить Балканы,—ѣздилъ къ Государю отказываться отъ командованія арміей. Этому обѣщанію приписывалась возможность для Порты оття-

путь изъ долины Марицы часть войскъ и бросить ихъ на нашъ правый флангъ, гдѣ Главнокомандующій и встрѣтилъ силы, на которыя тамъ не разсчитывалъ. Когда наступили бѣшеныя атаки Сулеймана-паши на Шипку, положеніе въ главной квартирѣ стало унылымъ; говорили, что у насъ не хватитъ снарядовъ, что наши орудія и ружья не достигаютъ непріятеля, тогда какъ нашихъ—бьютъ. Великій Князь зачастую самъ сиживалъ на телеграфной каретѣ, отдавая приказанія, скакали ординарцы, Государь пріѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ изъ своего расположенія. Ему, случалось, спѣшно подавали воду, говорили, что Систовскій мостъ не имѣетъ тетъ-де-пона, что мы можемъ быть отрѣзаны. Въ эти дни я разъ или два, приходя къ Великому Князю, заставалъ его окруженнымъ чуть ли не всей главной квартирой и въ простой бесѣдѣ излагавшимъ наше военное положеніе. Изъ бесѣды вытекало, что все, что можно было въ человѣческихъ силахъ сдѣлать — сдѣлано, что онъ давно предупреждалъ, что ему войскъ даютъ мало и что мы не выйдемъ изъ затрудненій, пока войска не придутъ. Онъ вѣроятно дѣлалъ это для поддержанія духа главной квартиры, и отъ него всѣ уходили успокоенные, съ вѣрою въ своего вождя и съ любовью къ нему.—Съ того дня, какъ телеграфъ далъ знать изъ Габрова, что генералъ Дмитровскій, посадивъ своихъ стрѣлковъ по двое на лошадей, поднимается на Шипку, у насъ стало надежнѣе и спокойнѣе.

Передъ взятіемъ Ловчи и къ штурму Плевны мы переходили два раза на нѣсколько дней въ деревню Радоницу. Кухня уходила на позиціи съ Великимъ Княземъ, и пришлось въ этой деревнѣ питаться чаемъ и кукурузнымъ хлѣбомъ. Послѣ взятія Ловчи сюда пріѣзжалъ М. Д. Скобелевъ, и я видѣлъ, какъ сильно повліялъ на него этотъ жестокій бой, онъ былъ сильно разстроенъ и слезы невольно капали изъ глазъ его. Мнѣ онъ сказалъ:

— Не сокращайте наградъ ни офицеру, ни солдату.

Во время штурма Плевны мнѣ ночью пришлось по дѣлу пройти въ расположеніе императорской квартиры, и при этомъ случаѣ я видѣлъ, какъ неустанно, не ложась въ постель, генералъ Рылѣевъ самъ сторожилъ Государя.

При передвиженіяхъ къ Радоницѣ на ночлегахъ въ болгарскихъ избахъ мы наблюдали, какъ ночами несли между собою информаціонную службу болгары; заснуть не было возможности—почти всю ночь кто-нибудь стучался въ избу, входилъ болгаринъ, спѣшно, но тихо говорилъ что-то хозяину и удалялся.

Въ первый день штурма Плевны, мы были съ Кладищевымъ на такъ называемой Царской батареѣ во время стрѣльбы по ней турокъ. Мы застали на ней генерала Непокойчицкаго и Николая Николаевича Вельяминова, изъ коихъ первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ—не видятъ ли мои молодые глаза—какія войска двигаются вдали. Ничего разглядѣть нельзя было. Впереди батареи выставлены были для обмана туры, около которыхъ земля была изрыта снарядами; прослѣдивъ нѣсколько выстрѣловъ, мы удалились, чтобы не сдѣлать изъ себя пушечнаго мяса.

Послѣ штурма Плевны говорили относительно брата, что онъ былъ посланъ Великимъ Княземъ удостовѣриться, взятъ ли Гривицкій редутъ, по которому мы продолжали стрѣлять, и что онъ для удачнаго исполненія порученія и остановки огня прошелъ туда и назадъ ползкомъ. Зотовъ представилъ его къ наградѣ, а мы съ Кладищевымъ прописали ему за это мечи на имѣвшійся у него шейный Владимірскій крестъ.

Въ августѣ Дмитрій Петровичъ уѣхалъ къ больной женѣ и такъ какъ я былъ статскій малый чинъ (меня такъ и называли—малое наградное), то штабные генералы воспротивились допущенію меня къ оффиціальному исправленію должности, и временно назначенъ былъ моимъ начальникомъ генералъ Ефимовичъ, бывшій адъютантъ Великаго Князя и помощникъ гофмаршала. Его завѣдываніе канцеляріею ознаменовалось для меня тѣмъ, что намъ стали приносить чай въ канцелярскую избу съ вкуснымъ хлѣбомъ и сдобными булками, которыхъ я давно не видалъ. Къ этому времени я приготовилъ производство юнкеровъ по всей арміи, вышла большая тетрадь въ три пальца толщиной, и я понесъ ее къ Артуру Адамовичу. Почтенный генералъ отнесся съ недовѣріемъ къ моей работѣ.

— Кто дѣлалъ?

— Я.

— А какъ вы ошибокъ надѣлали?

— Не извольте безпокоиться, когда я имѣлъ сомнѣнія въ правахъ, я спрашивалъ Стефана и генерала Кучевскаго.

Хотѣлъ Артуръ Адамовичъ повѣрять, видитъ, масса, ворочалъ тетрадь и такъ и сякъ, почесалъ за ухомъ, покряхтѣлъ и, наконецъ подписавъ, поблагодарилъ за работу.

Пріѣзжалъ въ Горный Студень Государь Наслѣдникъ съ Ванновскимъ, и намъ опять нагорѣло за медленность, но мы категорически заявили, что два человѣка скорѣе работать не

могутъ и что надо прибавить чиновъ. Намъ никого не дали, но велѣли представить Рущукскій отрядъ не въ очередь.

Послѣ штурма стала подходить гвардія; мы посматривали, какъ Государь по той сторонѣ пропускалъ полки, выходя изъ своего домика. Послѣ прохода Волынскаго полка нашъ Великій Князь Младшій вернулся полковникомъ, и я пошелъ его поздравить. Онъ былъ очень доволенъ.

Въ это время Великій Князь услалъ куда-то брата для наблюденія, и уѣзжая онъ просилъ меня съѣздить въ Императорскую главную квартиру и передать генералу Арсеньеву, что его лошади къ услугамъ Великаго Князя Павла Александровича. По этому случаю я единственный разъ былъ въ главной Императорской квартирѣ и замѣтилъ не безъ нѣкоторой зависти несравненно большій во всемъ комфортъ и удобства, чѣмъ у насъ. Старикъ кн. Суворовъ узналъ меня и любезно бесѣдовалъ.

Хотя у насъ ворчали, что главная квартира мѣшаетъ сосредоточенію войскъ у Плевны, направляя нѣкоторыя части въ Рущукскій отрядъ, но кольцо стягивалось, и мы перешли въ Боготъ, гдѣ и стояли до паденія Плевны.

Наступала осень, сначала сухая, потомъ мокрая и грязная, а Османъ все держался. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Богота былъ устроенъ Радишевскій редутъ, куда пріѣзжалъ отъ времени до времени Великій Князь, а иногда и Государь. Съ него былъ виденъ уголокъ Плевны, и съ него наблюдали концентрическую по ней стрѣльбу артиллеріи нашей, установленную генераломъ Тотлебеномъ. Послѣ взятія Карса служили тутъ молебенъ. Наканунѣ вечеромъ Великій Князь часовъ уже въ 11 прислалъ за мною. Я поспѣшилъ явиться и засталъ его уже въ постели.

— Поздравляю, Анаша, Государь пожаловалъ тебя камеръ-юнкеромъ, —услышалъ я.

Я благодарилъ, цѣловалъ Великаго Князя въ плечо и послѣ нѣсколькихъ словъ былъ отпущенъ.

На другой день послѣ благодарственнаго молебна на помянутомъ редутѣ и залповъ во время многолѣтія на Плевнѣ, обѣ главныя квартиры расположились завтракать, и братъ Александръ представилъ меня Министру Двора графу Адлербергу, прося его представить меня Государю. Графъ обѣщалъ, но видно забылъ, ибо когда Государь собирался уже уѣзжать, онъ все еще, завтракая, пилъ красное вино, такъ что съ той же просьбой мы съ братомъ пошли къ Великому Князю.

— Хорошо, — сказалъ онъ и, охотно шутившій, онъ взялъ меня за ухо и повелъ къ Государю, который уже шелъ къ экипажу; однако войдя въ поле зрѣнія царскаго ока, Великій Князь ухо мое выпустилъ и самъ сталъ рядомъ со мною во фронтъ и руку подъ козырекъ.

— Струкова братъ благодаритъ за камеръ-юнкерство.

Государь шелъ, не уменьшая шага, руки въ карманахъ, устремивъ на меня свои глаза, отъ которыхъ, признаюсь, почувствовалось что-то подъ колѣнями.

— Твой братъ меня уже благодарилъ. Какъ ты похожъ на твоихъ покойныхъ братьевъ, и какъ жаль, что ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ, — сказалъ Государь и продолжалъ идти къ коляскѣ.

Оказалось, что братъ, узнавъ о моемъ назначеніи, утромъ проскакалъ въ Порадимъ и за утреннимъ кофеемъ благодарилъ Государя.

Это было мое первое и послѣднее представленіе этому Государю, и впечатлѣніе, во мнѣ имъ оставленное, было—совмѣщеніе величественности съ ласковостью въ голосѣ и словахъ.

Въ этотъ вечеръ мы въ Боготѣ услышали страшную ружейную трескотню, послали узнать, что такое, и оказалось, что Скобелевъ поднялъ транспарантъ съ турецкой надписью: „Карсъ взятъ", на каковое извѣстіе турки отвѣтили огнемъ. Послѣ этого, какъ и послѣ перехода черезъ Балканы генераломъ Гурко и взятія Софіи, у насъ было въ главной квартирѣ ликованіе, служили молебны, кричали Великому Князю „ура!".

Около 10-го ноября братъ былъ посланъ для наблюденія и донесеній въ тылъ Плевны, которая стала проявлять признаки близкой сдачи, какъ извѣстно, послѣдовавшей 24 ноября. Въ этотъ день въ Канцеляріи было много дѣла, и я на позицію не поѣхалъ; вечеромъ привезли и кормили въ шатрѣ много пашей, лица которыхъ были сосредоточены и печальны. На другой день назначено было молебствіе; на мѣстѣ ставки Османа-паши главная квартира ожидала Государя. Генералъ Непокойчицкій хлопоталъ, чтобы сомкнулись и шли навстрѣчу, когда пріѣдетъ Государь. По дорогѣ къ этому мѣсту тяжелое впечатлѣніе произвели трупы нашей пѣхоты, легшей въ лощинѣ при наступленіи; всѣ лежали въ одномъ направленіи ничкомъ и въ шинеляхъ. Раздалось предупрежденіе, — смотри въ ноги — патроны. Обнаживъ головы и сотворивъ крестныя знаменія, мы прошли мимо.

Государь, не доѣзжая нашей группы, вышелъ изъ коляски, его окружила свита, и двѣ главныя квартиры пошли стреми-

тельно другъ другу навстрѣчу. Государь, а за нимъ и всѣ другіе, снялъ фуражку и высоко махалъ ею надъ головой, всѣ кричали „ура!“. Сойдясь братья бросились въ объятья; Государь вынулъ изъ кармана Георгіевскую ленту и сталъ ею просовывать подъ погонъ Великому Князю, руки его дрожали. Предполагалось, что у молебна будутъ побѣдоносныя наши войска, но война не парадъ, никого не было, и только послѣ молебна подошелъ какой-то полкъ и не парадный имѣлъ онъ видъ; офицеры, помню, были одѣты кто въ чемъ, были и статскіе шарфы вокругъ шеи. Послѣ этого выѣхали въ Плевну, по улицамъ которой я слышалъ не одинъ выстрѣлъ надъ нашими головами; у самаго города, почти въ улицахъ, виднѣлись плохо зарытыя шеренги турокъ. Князь Карлъ держался гораздо скромнѣе своего воинства и все время былъ въ хвостѣ колонны. Мы видѣли въ этотъ день раненнаго Османа, котораго мимо насъ провели къ Государю, возвратившему ему саблю.

Братъ Александръ про себя ничего не разсказалъ; отъ другихъ я узналъ, что, заслышавъ бой, онъ явился въ распоряженіе генерала Ганецкаго и вмѣстѣ съ А. А. Фрезе помогалъ на разныхъ флангахъ руководить боемъ. Когда отбили вторую линію, они обвели третью, и когда турками былъ выкинутъ бѣлый флагъ, Ганецкій послалъ брата къ Осману. Когда я спросилъ объ этомъ брата, онъ подтвердилъ, что, завидѣвъ колонны Скобелева, нарушившаго въ этотъ день диспозицію, онъ побудилъ Ганецкаго послать парламентра, и тотъ отвѣтилъ ему: поѣзжайте сами. Между сошедшимися, у береговъ, не широкаго Вида двухъ армій, готовыхъ ежеминутно возобновить огонь, съ казакомъ своимъ онъ въѣхалъ на мостъ и прослѣдовалъ къ пашѣ. Османъ предложилъ условія, братъ отвѣтилъ, что можетъ имѣть мѣсто только безусловная сдача. Они говорили по-французски. Османъ отвѣтилъ восточной фразой, что дни не одинаковы и что онъ сдается, о чемъ братъ и оповѣстилъ Ганецкаго. Казакъ брата качалъ головой и говорилъ мнѣ: мы вчера съ генераломъ много дѣловъ надѣлали, кабы не мы... и опять качалъ головой.

Много лѣтъ спустя, когда однажды въ Петропавловской крѣпости меня представили Ганецкому, старикъ-генералъ порывисто взялъ меня за руку и сказалъ:

— Братъ Александра Петровича? а шустрый онъ, шустрый.

Братъ получилъ за это дѣло Станиславскую звѣзду съ мечами, а А. А. Фрезе—георгіевскій крестъ.

Послѣ взятія Плевны Государь скоро уѣхалъ въ Россію, главная квартира стала въ Боготѣ. Наступило для арміи тя-

желое время. Невылазная грязь препятствовала доставкѣ провіанта, погонщики приходили при однихъ кнутахъ, въ самой Болгаріи запасы изсякли, возникъ вопросъ — что дѣлать? Въ этотъ періодъ времени на разстояніи нѣсколькихъ дней Великій Князь принималъ гр. Тотлебена и генерала Обручева; говорили, что первый посовѣтовалъ заняться взятіемъ крѣпостей, второй—отойти въ Румынію и весной вновь наступать вмѣстѣ съ Сербіей. Совѣтовъ этихъ Великій Князь не принялъ. Наступила зима, насыпало снѣгу, и генералъ Галлъ объявилъ, что будетъ кормить только разъ въ день. Великій Князь готовилъ свой планъ наступленія. Ему стало извѣстно, что изъ четырехугольника крѣпостей турки везутъ войска въ Константинополь и оттуда подаютъ ихъ противъ Гурки на Софію. Онъ рѣшилъ выждать окончанія этой операціи и отрѣзать путь отступленія, спустившись съ Шипки.

Въ половинѣ декабря, впослѣдствіи мой начальникъ, полковникъ Фрезе, посланъ былъ побудить Радецкаго приготовиться къ спуску съ горъ, каковой маневръ генералъ этотъ не очень раздѣлялъ.

Въ это время фуражъ сталъ такъ дорогъ, что всего моего жалованья не хватало на содержаніе лошадей, и я попросилъ Стефана—нельзя ли, не безпокоя однако Великаго Князя, назначить мнѣ фуражныя деньги. Статскій генералъ этотъ, несмотря на это условіе, меня подвелъ и доложилъ Великому Князю о моемъ ходатайствѣ и безъ всякой церемоніи передалъ мнѣ, что Великій Князь сказалъ: „Анашѣ не надо".

Генералы Непокойчицкій и Левицкій не раздѣляли рѣшимости Великаго Князя переходить Балканы зимою; говорили, что послѣдній особенно волновался, хватался за свои довольно длинные волосы и восклицалъ:—„онъ погубитъ насъ". Артуръ Адамовичъ, говорили, становился на колѣни, прося отмѣнить распоряженія, но Великій Князь напомнилъ ему условіе—первому повиноваться въ нужную рѣшительную минуту. За нѣсколько дней до Рождества мы тронулись по зимней стужѣ на Сельви, Ловчу и Габрово. Свѣтлица моя не кованная на шипы скользила, и я велъ ее въ поводу всѣ переходы. Въ Ловчѣ пришло поздно вечеромъ извѣстіе о плѣненіи арміи Весселя-паши. Что это былъ за взрывъ восторга въ нашемъ станѣ. Ура, музыка не смолкала долго, Артуръ Адамовичъ сказалъ Кладищеву, къ нему подошедшему: nous sommes de la grande armée. Утромъ я видѣлъ Великаго Князя въ коляскѣ, оставляющаго насъ во 2-мъ эшелонѣ, чтобы скорѣе быть впе-

реди. Окрыленный побѣдой, онъ былъ великолѣпенъ стоя, въ коляскѣ, едва пробиравшейся среди тѣсноты обозовъ и войскъ, его привѣтствовавшихъ. Мы остались позади.

Переходъ къ Габрову мы совершили по 24° морозу, и 29 верстъ я прошелъ пѣшкомъ, холодно не было. Придя туда, мы въ отведенномъ намъ домѣ застали на лавкѣ лежавшаго ординарца гр. Штакельберга, жаловавшагося на головную боль. Мы съ Кладищевымъ стали помогать ему и растирать, чего бы вѣроятно не сдѣлали, если бы знали, что онъ заболѣвалъ оспою.

Подъемъ на Балканы былъ труденъ для меня. Кладищевъ болѣлъ ревматизмами ногъ, и послѣ перваго подъема мы ночевали въ сторожкѣ 9-го корпуса. На другой день насъ съ нимъ доставили къ подножію вершины Св. Николая на салазкахъ. Здѣсь путь на вершину оказался занятымъ артиллеріей и обозами такъ, что пройти намъ нельзя было, и насъ пріютилъ въ своей землянкѣ генералъ Пущинъ, у котораго мы и высидѣли въ горахъ трое сутокъ; что это были за дни—одинъ ужасъ и печаль. Наконецъ намъ сказали, что можно провезти Кладищева; еще спасибо и за то, что „наградное“ вездѣ охотно принимали и ухаживали. Намъ дали проводниковъ солдатъ и по штыку въ руку, и я поблагодарилъ судьбу, увидавъ, что въ горахъ туманъ и всей 5-ти-тысячной высоты, которой я не выношу, — не видно. Проводникъ часто останавливалъ меня, говоря: — лѣвѣе, баринъ, тамъ обрывъ. Спустились легко, опасаясь, однако, катившихся сзади на насъ орудій.

Мы спустились 5 января 1878 года, и что за радость я ощутилъ, увидавъ у подножія Балканъ первые ручьи и вдохнувъ легкій уже, весенній воздухъ долины розъ. Тутъ же ожидала меня моя Свѣтлица. Кладищева водрузили на своего казака, и мы пошли къ Казанлыку, по дорогѣ къ которому попадались намъ груды убитыхъ, сваленныхъ въ кучу. Но видъ миртъ скоро разсѣялъ память объ этомъ зрѣлищѣ, и мы черезъ полчаса присоединились въ Казанлыкѣ къ Великому Князю. Брата уже тамъ не было. Онъ посланъ былъ съ первой армейской кавалерійской дивизіей занять мостъ черезъ Марицу у Тырнова-Сейменли для обезпеченія дальнѣйшаго наступленія арміи. Стали приходить вѣсти объ его успѣхахъ, потомъ пріѣхало встрѣченное имъ посольство, и пришла вѣсть о занятіи братомъ Адріанополя. Великій Князь былъ доволенъ и говорилъ: „Сашка молодецъ“.

Отступленіе арміи Сулеймана нами было отрѣзано, — планъ

Главнокомандующаго осуществленъ. Когда братъ снималъ телеграфный аппаратъ со станціи послѣ занятія моста, передавалась депеша о подачѣ въ Софію всего подвижного состава для отступленія. Братъ велѣлъ итальянцу-телеграфисту отвѣтить, что русская кавалерія снимаетъ рельсы, и послѣ этого снялъ аппаратъ. Послѣ этого произошли отчаянные бои съ Шуваловымъ подъ Филиппополемъ, и турецкая армія разсыпалась въ горахъ.

Въ Казанлыкѣ намъ было уже не дурно, было теплѣе. Галлъ кормилъ рисомъ съ сливянымъ вареньемъ или пастилой, которую тутъ нашли въ изобиліи; казаки мазали волосы и сапоги розовымъ масломъ, главнымъ продуктомъ долины розъ. Главныя трудности были превзойдены. Когда Скобелевъ подкрѣпилъ пѣхотой занятіе Адріанополя, а братъ пошелъ впередъ, Великій Князь опять бросилъ второй эшелонъ и ушелъ въ Адріанополь.

Въ этотъ періодъ похода стройность движенія главной квартиры нарушилась, чины шли за свой страхъ и рискъ, обозъ опережали. Я помню, что изъ Казанлыка я вышелъ верхомъ одинъ съ унтеръ-офицеромъ болгарскаго ополченія Папковымъ, который оказался въ обозѣ брата. За городомъ я нагналъ нашъ конвойный пѣхотный баталіонъ, которому бравый командиръ его готовился читать приказъ Главнокомандующаго о переходѣ арміи черезъ Балканы. Полковникъ пригласилъ меня остановиться и принять участіе. Сзади высились Большіе Балканы; снѣжные, впереди менѣе грозные Малые Балканы. За публику я и Папковъ кричали „ура!“ трубачи играли гимнъ. Я пошелъ дальше и къ вечеру пришелъ въ Эски-Загру такой голодный, что если бы былъ первородный, отдалъ бы, кажется, первородство за чечевичную похлебку. Въ главной квартирѣ уже отъобѣдали, ничего не было, даже хлѣба я не нашелъ и отъ голода готовъ былъ плакать; кто-то изъ ординарцевъ выручилъ, давъ чаю съ галетами. Въ Тырново-Сейменли мы пришли въ такую темноту, что шли по улицѣ, взявшись за руки, гуськомъ, но имѣли дневку въ хорошемъ домѣ съ хорошимъ столомъ, за который на радостяхъ щедро платили.

Наступила весна, разгрязнило, обозы наши отставали. Переходъ отъ Тырнова-Сейменли до Германлы мы сдѣлали подъ проливнымъ дождемъ и, придя на мѣсто, я промокъ до костей. Городокъ былъ пустой, населеніе ушло, на мосту передъ городомъ валялась еще масса внутренностей отъ нарубленныхъ нашими уланами быковъ, изъ которыхъ турки, отступая, сдѣлали себѣ загражденіе. Было поздно, мнѣ отвели домикъ безъ оконъ

на улицу, но съ маленькимъ окошкомъ надъ дверью, выходящею во дворъ. Въ единственной комнатѣ былъ большой очагъ и полная пустота. Мы заперли лошадей въ конюшню, развели огонь, раздѣлись, высушили бѣлье и платье и, не имѣя чѣмъ перемѣниться, надѣли то же бѣлье и платье и улеглись спать на полу. Папковъ изъ предосторожности легъ поперекъ двери. Утромъ предстояла посадка эшелона въ вагоны для переѣзда въ Адріанополь, и походнымъ невзгодамъ наступилъ конецъ.

Въ Адріанополѣ было уже совсѣмъ тепло, хотя еще по большей части пасмурно, и мы застали Великаго Князя и главную квартиру въ конакѣ, въ нижномъ этажѣ котораго расположилось и наше наградное отдѣленіе. Къ этому времени дѣлъ у насъ накопилось множество, и мы заказали большіе деревянные столы, чтобы разложить и систематизировать ихъ; Великій Князь тутъ разрѣшилъ прикомандировать къ намъ офицеровъ, и къ намъ поступилъ поэтому Александръ Ивановичъ Роговской Московскаго полка, позднѣе бывшій адъютантомъ Принца Александра Петровича Ольденбургскаго и директоромъ Правовѣдѣнія. Зачастую здѣсь армейскіе офицеры стали приходить къ намъ для выясненія правъ своихъ на награды. Дмитрій Петровичъ всѣхъ любезно выслушивалъ, но поступалъ по правиламъ и представленіямъ.

Число лицъ, приглашаемыхъ къ столу, постепенно увеличивалось, и тутъ обѣдали въ большой залѣ конака, и теперь занятый переговорами съ Намыкъ-пашей, Великій Князь не всегда выходилъ къ столу. За однимъ изъ обѣдовъ по его приказанію полковникъ Газенкампфъ вышелъ къ сидящимъ за столомъ и прочиталъ депешу Скобелева, который доносилъ, что онъ подошелъ къ Чаталджѣ—линіи послѣднихъ предъ Константинополемъ укрѣпленій, и засталъ ихъ несоединенными траншеями; пользуясь этимъ, говорила депеша,—генералъ Струковъ съ кавалеріей обойдетъ ихъ ночью и будетъ атаковать ихъ въ тылъ, а самъ Скобелевъ съ фронта, и онъ надѣялся на завтра сдѣлать подступы къ Константинополю открытыми.

Другая депеша генерала Карцова извѣщала, что онъ подходитъ къ Галлиполи и что жители выходятъ къ нему навстрѣчу.

Впечатлѣніе было громадное. Великій Князь держалъ при себѣ Намыка-пашу, а самъ шелъ впередъ и близокъ былъ къ цѣли. Но на другой, кажется, день стало извѣстнымъ, что движеніе нашихъ войскъ остановлено по депешѣ, повелѣвавшей

сообразовать движеніе съ движеніями англійскаго флота, съ депешами произошли недоразумѣнія, и армія конечной цѣли не достигла. Въ главной квартирѣ говорили, что Дибичъ велѣлъ будто потопить въ Марицѣ не нужнаго ему курьера Императора Николая Павловича, что напрасно Великій Князь послушался, но ближніе ему люди возражали, что онъ далъ слово и клятву въ повиновеніи. Вскорѣ заключено было перемиріе, и братъ Александръ вернулся изъ авангарда, поселился рядомъ съ нами и передалъ Великому Князю ключи Адріанополя и бамбуковыя пики, взятыя въ арсеналѣ. Позднѣе, когда братъ принялъ Уланскій полкъ, Государь велѣлъ пики эти дать полку. Весь январь прошелъ въ Адріанополѣ. Извѣстно стало, что для заключенія мира пріѣдетъ гр. Игнатьевъ, и съ его пріѣздомъ турки стали жаловаться, что съ нимъ хуже договариваться, чѣмъ съ Великимъ Княземъ.

Дни проходили за днями, но южное солнце стало преодолѣвать зиму, стало разгонять облака, людей потянуло на воздухъ. Однажды я часа въ два услышалъ, что Великій Князь со свитой ѣдетъ верхомъ на прогулку; бросить скучныя дѣла и осѣдлать Свѣтлицу было дѣломъ одной минуты, и я присоединился къ кортежу. Поѣхали въ Греческій кварталъ, кавалькада была большая, ее слышно было издали, населеніе, преимущественно женское, выходило изъ домовъ навстрѣчу, и я диву дался, сколько здѣсь было красивыхъ гречанокъ, во сколько разъ щедрѣе надѣлено это племя сравнительно съ нашимъ красотой. Походный художникъ Великаго Князя подарилъ мнѣ потомъ акварельный портретъ одной изъ нихъ, и онъ до сихъ поръ у меня въ альбомѣ.

Въ другой разъ сказали, что Великій Князь уѣхалъ на форты. Я побѣжалъ къ брату, позвалъ его, и мы, онъ на Яхонтѣ, я на Свѣтлицѣ, пустились по городу крупной рысью догонять его; за городомъ мы нашли его со свитой въѣзжающимъ въ фортъ, обращенный къ Марицѣ. Обстрѣлъ съ него былъ такой, что и для неопытнаго глаза было понятно, что къ такимъ фортамъ не подходи, а такихъ фортовъ было пять. Великій Князь одинъ въѣхалъ на своемъ Аксу на брустверъ и остановился въ созерцаніи вида на долину Марицы и подступовъ къ форту. Простоявъ такъ минуты три, Великій Князь обернулся внизъ къ свитѣ и крикнулъ:

— Сашка тутъ?

Братъ на Яхонтѣ мигомъ вскочилъ къ нему.

— Что,—говоритъ ему Великій Князь,— не было слышно.

Много лѣтъ спустя я напомнилъ эту сцену брату и спросилъ его, что говорилъ ему при этомъ случаѣ Великій Князь, но, къ сожалѣнію, и самый эпизодъ этотъ не остался у него въ памяти, онъ ничего не могъ вспомнить и только сказалъ мнѣ: „да какая же у тебя память"! Но я твердо помню эту минуту гордости за брата и чувства благодарности къ Великому Князю, умѣвшему цѣнить заслуги своихъ кавалеристовъ.

Въ остальное время мы работали, спѣшно подвигали дѣла, и только вечеромъ меня иногда приходили звать къ Великому Князю Младшему ужинать,—у него въ то время бывали и старшіе начальники изъ разныхъ частей арміи.

Но вотъ въ одинъ непрекрасный день во время обѣда, за которымъ Великій Князь не присутствовалъ, изъ внутреннихъ его комнатъ отворилась дверь, и въ ней показалась фигура Великаго Князя, который былъ только въ рейтузахъ и въ одной рубашкѣ. Онъ видимо былъ гнѣвенъ и, порывисто окинувъ взоромъ присутствовавшихъ, онъ крикнулъ:

— Штейнъ? смѣнить караулы...

Что приказывалъ онъ дальше, я не слышалъ, ибо всѣ вскочили съ мѣстъ и поднялся шумъ, обѣдъ прервался.

Я бросился внизъ къ брату, но его уже не было, люди сказали: часа два уже, какъ уѣхали въ авангардъ. Это было въ тотъ день, когда турецкіе уполномоченные отказались отъ выговоренныхъ условій мира и вынудили Великаго Князя принять вновь рѣшительныя мѣры.

Немедленно Великій Князь выѣхалъ самъ на передовыя позиціи, мы съ генераломъ Фрезе остались опять во 2-мъ эшелонѣ въ Адріанополѣ. Когда мы вновь соединились, ординарцы разсказывали про это время слѣдующее:

Прибывъ утромъ на передовыя позиціи, Великій Князь велѣлъ вызвать парламентера и, когда пріѣхалъ на паровозѣ турецкій паша, онъ предложилъ ему передать Мухтару-пашѣ предложеніе пропустить армію въ Санъ-Стефано.—Паша вернулся и доложилъ: что Мухтаръ-паша до сихъ поръ исполнялъ только повелѣнія Его Величества Султана.

Великій Князь, вынувъ часы, сказалъ, что если черезъ полчаса не будетъ другого отвѣта, онъ поведетъ атаку. Паша во время вернулся и доложилъ, что путь открытъ. Тогда къ вагону Великаго Князя прицѣпили платформу съ оркестромъ военной музыки, на ней развернули значекъ Главнокомандующаго, заиграли нашъ гимнъ, и по всей линіи отъ моря до моря по сигналу началось наступленіе къ Царьграду.

Турецкіе баталіоны отступали или разступались и брали на караулъ. Въ Санъ-Стефано Мухтаръ шелъ у стремени Великаго Князя, который извинился тѣмъ, что у него нога болитъ.

Оттуда Великимъ Княземъ въ Петербургъ была послана извѣстная депеша: „Я прибылъ въ С.-Стефано по приглашенію Его Величества Султана“.

За день или два до заключенія мира, къ намъ пришла депеша: „прислать всѣ солдатскіе кресты въ Санъ-Стефано“. А. А Фрезе велѣлъ мнѣ отвезти ихъ.

— Съ кѣмъ-нибудь нельзя, это все-таки казенное имущество,—сказалъ онъ.

Крестовъ былъ цѣлый большой ящикъ; я погрузилъ его въ отдѣльное купе и выѣхалъ въ Санъ-Стефано, куда сталъ подвозить меня поѣздъ рано утромъ 19 февраля 1878 года. Проснувшись, я увидалъ въ окна вагона чудное Мраморное море, цвѣтъ котораго столь разнится отъ другихъ морей. Къ станціи подъѣхали часовъ въ семь утра. Выйдя изъ поѣзда, я тотчасъ замѣтилъ необычайное движеніе войскъ, шли лейбъ-казаки съ музыкой, спрашиваю, что такое, говорятъ—парадъ—заключеніе мира. Вотъ онъ, желанный день наступилъ. Пройдя съ версту къ мѣстечку, я увидѣлъ, что передъ домомъ, гдѣ жилъ Великій Князь, собралась почти вся главная квартира, на коняхъ стояли въ ожиданіи выхода его адъютанты и ординарцы, и всякіе чины. Я пошелъ разыскивать квартиру брата, чтобы помыться и попросить лошадь къ параду, который я непремѣнно хотѣлъ видѣть; но лошадей его почему-то тутъ не было, и казакъ его могъ только предложить мнѣ отбитую имъ у турокъ чрезвычайно маленькую сѣрую лошадь, такую маленькую, что когда я сѣлъ на нее—то ноги мои почти касались земли.

Дѣлать было нечего, однако, и на такой лошадкѣ присоединился я къ главной квартирѣ, ожидавшей выхода на площадь Великаго Князя. За мѣстечкомъ вся армія, подошедшая къ Константинополю, стояла въ строю—всѣ ждали, ждалъ и Главнокомандующій, часто появлявшійся въ окнѣ, но турки все мира не подписывали. Изъ дома выходили нѣсколько разъ адъютанты Орловъ и Андреевъ, шли справляться, приносили извѣстіе, что вотъ-де сейчасъ будетъ готово, но часы проходили за часами, а мира все не было. Такъ и прождали весь день голодные, но къ счастью хоть не холодные. Солнце уже замѣтно склонялось къ закату, когда наконецъ Орловъ прибѣжалъ сказать, что все готово. Великій Князь сѣлъ на коня и въ сопровожденіи всей главной квартиры поѣхалъ ша-

гомъ по улицамъ къ войскамъ; но, доѣхавъ до выѣзда въ поле, пришлось остановиться,—графа Игнатьева съ подписаннымъ протоколомъ все не было, прождали еще съ полчаса. Великій Князь, чтобы какъ-нибудь убить время, подозвалъ адъютанта Муханова и послалъ къ войскамъ. Тотъ проскакалъ, вернулся, а ѣхать все-таки нельзя было. Наконецъ въ концѣ улицы показался скачущій парный извозчикъ, въ которомъ стоялъ графъ Николай Павловичъ и махалъ фуражкой, а въ другой рукѣ онъ держалъ свертокъ бумагъ.

Я не видѣлъ момента, когда онъ подъѣхалъ къ Великому Князю; когда послѣдній началъ объѣздъ—солнце садилось; на морѣ я замѣтилъ много пароходовъ и яхтъ, пришедшихъ съ публикой изъ Босфора смотрѣть нашу армію. На своей крысѣ я ѣхалъ въ хвостѣ свиты и не могъ протискаться ближе, ибо меня затирали, и лошадь Дохтурова меня даже лягнула, попавъ къ счастью въ стремя. Когда Великій Князь кончилъ объѣздъ, наступили даже густыя сумерки, ставъ на мѣсто, онъ скомандовалъ:

— Господа офицеры, ко мнѣ. Мои уланы ко мнѣ, — волновался онъ.

Когда его окружили въ карьеръ мчавшіеся къ нему офицеры и водворилась тишина, я услышалъ звонкимъ, далеко долетавшимъ голосомъ его произнесенныя слова:

— Богъ даровалъ намъ послѣ тяжкихъ усилій блестящій миръ...

На послѣднемъ словѣ голосъ его дрогнулъ отъ слезъ, и дальнѣйшей рѣчи его я не слышалъ. Начался церемоніальный маршъ въ совершенной темнотѣ, только на фонѣ неба видны были силуэты колоннъ. „Ночной смотръ"—подумалъ я. И день мира дался намъ не легко. И армія и Главнокомандующій провели его отъ зари до зари одна—при ружьѣ, другой—при шарфѣ, въ напряженномъ ожиданіи. Ужинали въ этотъ день вмѣсто обѣда часовъ въ 11. Всѣхъ потомъ облетѣла радостная вѣсть о назначеніи Великаго Князя фельдмаршаломъ. Всѣ до послѣдняго человѣка этому были рады и ему дѣлали оваціи.

Многіе думали, что послѣ заключенія мира такъ-таки сейчасъ и поѣдутъ домой; не тутъ-то было, началось томительное Санъ-Стефанское сидѣніе, начались и тяжелыя непріятности для побѣдоноснаго Главнокомандующаго. Въ Петербургѣ стали желать, послѣ того, что выяснилась неизбѣжность Европейской конференціи, занятія Константинополя, котораго не желали въ январѣ. Въ мартѣ пріѣзжалъ кн. Имеретинскій, и слышно

было, что по этому поводу Великій Князь не соглашался.— И въ самомъ дѣлѣ, намъ всѣмъ было извѣстно, что армія утомлена и разстроена; на часахъ у Великаго Князя стояли преображенцы въ дырявыхъ, прорванныхъ шинеляхъ, полубосые, часть войскъ уже сажали на суда для отправки въ Россію, говорили, что начинаются болѣзни; изъ окна наградного отдѣленія я созерцалъ, какъ лошади за недостаткомъ фуража объѣдали кору деревьевъ, къ которымъ стояли привязанными, а турки, пользуясь дипломатической волокитою, рыли укрѣпленія, посерьезнѣе Плевенскихъ.

Въ главной квартирѣ пріуныли. Почтенный военно-медицинскій инспекторъ Приселковъ, вѣроятно, больше другихъ побуждаемый къ тому лазаретами, громко ворчалъ, что мы здѣсь всѣ пропадемъ, и что не въ Одессу уѣдемъ, а что насъ отвезутъ англичане въ Ливерпуль.

Мы жили съ братомъ на самомъ берегу моря во второмъ этажѣ дома, стоявшаго у западной оконечности Санъ-Стефанской бухты, и послѣ такой бутады почтеннаго Приселкова я обратилъ однажды подозрительное вниманіе на пароходъ, который, идя безъ флага, оставилъ курсъ на Босфоръ и приблизился къ занятымъ нашею арміею берегамъ, вѣроятно, чтобы дѣлать промѣры. Я хотѣлъ пойти сообщить объ этомъ моряку капитану Рогулѣ, но успокоился, увидавъ, что пароходъ „Константинъ“, стоявшій тогда у насъ на рейдѣ подъ командой уже прославившагося тогда красавца-капитана Макарова, снимается съ якоря и идетъ въ кильватеръ неизвѣстному развѣдчику, который поспѣшилъ на всѣхъ парахъ уйти къ Босфору.—Говорили, что Приселкову сказано таки было больше не ворчать.

Въ началѣ марта братъ Александръ Петровичъ заболѣлъ, я не зналъ чѣмъ. Полковникъ Ильяшенко и я ухаживали за нимъ какъ могли. Александръ Леонтьевичъ Обермюллеръ приходилъ къ нему почти ежедневно и уходилъ сердитый и недовольный; оказалось, когда онъ уже сталъ поправляться, что это былъ тифъ, который началъ тогда перебирать нашу армію. Великій Князь Младшій простудился и такъ же, какъ и братъ, уѣхалъ поправляться въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ или въ концѣ марта пріѣхалъ адмиралъ Поповъ и поселился въ нашемъ домѣ съ ординарцемъ своимъ мичманомъ Саксомъ. Адмиралъ часто и долго диктовалъ своему мичману и только изрѣдка выходилъ къ намъ въ общую комнату. Ближе познакомившись со мною, онъ однажды, принявъ таинственный видъ, сталъ говорить про

посадку войскъ не въ Санъ-Стефанской бухтѣ, а въ Буюкъ-Дере, что-то про кавалерію и наконецъ кончилъ словами:

— Напишите брату, чтобы сейчасъ ѣхалъ, онъ мнѣ нуженъ.

Догадавшись, что почтенный адмиралъ проектируетъ планъ захвата Константинополя съ Босфора, и зная всю неосуществимость этой затѣи, я отвѣтилъ, что по моему письму братъ не пріѣдетъ и что если онъ дѣйствительно нуженъ, то есть кому его вызвать.

Адмиралъ былъ въ дѣйствительности вторымъ посланнымъ лицомъ для уговоровъ Великаго Князя брать Константинополь. Наша дипломатія не умѣла открыть картъ Лондонскаго кабинета и дѣйствовала съ опозданіемъ на добрыхъ три мѣсяца.— Россія можетъ быть только благодарна Великому Князю, что онъ на эти уговоры не поддался, ибо успѣхъ кампаніи былъ бы скомпрометтированъ. Да и къ чести ли русскаго оружія было бы напасть исподтишка, замирившись; для этого нуженъ былъ другой Главнокомандующій, не такой рыцарь, какимъ былъ Великій Князь.

Всѣ эти обстоятельства разстроили его здоровье, уже утомленное напряженіемъ всей войны, проведенной имъ послѣ тяжелой болѣзни. Мы его стали рѣже видѣть, онъ не выходилъ къ столу и уходилъ нѣсколько разъ на „Ливадіи“ для стоянки въ Золотомъ Рогѣ, куда раза два мы ѣздили съ докладомъ. Наконецъ пріѣхалъ третій посланный гр. Тотлебенъ, и по главной квартирѣ пронесся слухъ, что Великій Князь уѣзжаетъ.—Уныніе, сожалѣніе о немъ были общими.

Я объявилъ А. А. Фрезе и Роговскому, что, будучи командированъ въ личное распоряженіе Великаго Князя, я буду проситься ѣхать съ нимъ, и они обѣщали не сердиться, если я добьюсь и ихъ вызова въ Петербургъ для окончанія дѣлъ тамъ, что мнѣ и удалось исполнить.—Но уѣхать мнѣ оказалось не такъ легко; никто, ни генералъ Галлъ, ни даже ближайшіе адъютанты не брались доложить обо мнѣ Великому Князю, который былъ съ пріѣзда Тотлебена не въ духѣ, огорченъ и никого не принималъ. Исчерпавъ всѣ пути съ неудачей, я рѣшился пойти къ нему самъ. Камердинеръ Зернушкинъ докладываться мнѣ не посовѣтовалъ, а вотъ, говоритъ,—скоро пойдетъ завтракать, то подождите на лѣстницѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Стоялъ довольно долго. Наконецъ отворилась дверь, и по лѣстницѣ сталъ спускаться Великій Князь, онъ былъ необычайно серьезенъ, и обычной привѣтливости

замѣтно не было. Увидавъ меня, онъ не останавливаясь и не подавая, какъ обычно, руки, коротко спросилъ:

— Что тебѣ?

— Прошу позволенія ѣхать съ вами,—отвѣтилъ я.

— Да, конечно,—сказалъ онъ,—скажи Ефимкѣ.

Ефимка — это значило генералъ Ефимовичъ, помощникъ гофмаршала, распоряжавшійся посадкой на „Эрикликъ“ и „Ливадію“. Я побѣжалъ къ Ефимовичу, который сказалъ:

— Хорошо, Анаша, вы поѣдете съ ординарцами, съ Березкинымъ и священникомъ на „Эрикликѣ“, садиться рано утромъ до парада.

На другой день Великій Князь на парадѣ прощался съ войсками. Говорили потомъ, что всѣ, кто только могъ, провожали его на пристань и что многіе закаленные бояки офицеры плакали, когда онъ садился въ катеръ. Когда „Ливадія“ часа въ четыре выходила съ нимъ въ Золотой Рогъ, мы на „Эрикликѣ“, послѣ отслуженнаго утромъ на палубѣ молебна, снялись съ якоря и пошли въ Одессу.

Налюбовавшись красотами Босфора, мы въ сумерки вошли въ Черное море и попали въ мертвую зыбь. „Эрикликъ“ бросало такъ, что по каютъ-компаніи нельзя было пройти, не попадешь въ дверь. Священникъ нашъ, отче Іосафатій, какъ звалъ его Великій Князь, очень тревожился и всю ночь ходилъ по палубѣ. Я пошелъ въ каюту и почувствовалъ приступы морской болѣзни, легъ и моментально уснулъ. Проснувшись утромъ‘ я увидѣлъ, что море стихло и что мы стоимъ на мѣстѣ. Спѣшить было некуда, нагрѣлся подшипникъ, и мы его остуживали. Въ одесскомъ портѣ мы ошвартовались у того мѣста, гдѣ должна была стать „Ливадія“, и стали ее ожидать. Какъ только показалась яхта на горизонтѣ, загремѣли салютомъ сначала береговыя батареи, потомъ весь портъ; когда яхта проходила мимо насъ, мы выстроились во фронтъ по борту и взяли руки подъ козырекъ; вся закрытая дымомъ шла мимо насъ тихо яхта, почти невидимая, но вотъ клубы дыма нѣсколько разсѣялись, и на лѣвомъ кожухѣ мы увидали стройную, красивую фигуру нашего витязя, отдававшаго намъ честь. Мы закричали „ура!“

Въ одесскомъ соборѣ архіепископъ встрѣтилъ Великаго Князя прекраснымъ словомъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе. Великій Князь обѣдалъ, кажется, у Воронцова, а мы, мелкота, въ Европейской гостиницѣ, и очень вкусенъ показался обѣдъ, послѣ походной кухни. Вечеромъ сѣли въ поѣздъ; маршрутъ

былъ указанъ западными дорогами. Дорогой мнѣ пришлось говорить съ Великимъ Княземъ, онъ былъ уже спокоенъ и, какъ всегда, ласковъ. Въ своемъ вагонѣ мы пѣли, всѣ были веселы, и помнится, Великій Князь Младшій все заставлялъ пѣть хоромъ: ralliant guerrier sur la terre etrangère combattre cet un plaisir.

Въ Петербургѣ была встрѣча. Почетный караулъ былъ отъ уланъ, которыми тогда уже командовалъ братъ, и онъ былъ на флангѣ. Государь пріѣхалъ навстрѣчу въ уланскомъ мундирѣ, и братъ говорилъ, что, проходя мимо и обдергивая фалды своего мундира, Государь сказалъ, что не узнаетъ себя въ этой формѣ. Помѣщаясь въ дальнемъ вагонѣ, я не видѣлъ встрѣчи, которая, говорили, волновала Великаго Князя. Извѣстно стало и всѣ это видѣли, что Государь провезъ Великаго Князя въ Казанскій соборъ и въ Зимній дворецъ; но что сказалъ ему Государь, осталось извѣстнымъ только очень близкимъ ему людямъ и болѣе широкимъ кругамъ стало извѣстнымъ только изъ записокъ генерала Скалона.

Когда поуспокоились, я пошелъ къ генералу Непокойчицкому проситься въ отпускъ, чтобы навѣстить батюшку въ Екатеринославѣ. Артуръ Адамовичъ очень удивился, что я считаю себя еще зависимымъ отъ него и Великаго Князя, но я доложилъ ему, что не считаю свою командировку оконченною, что Великому Князю мы успѣли доложить наградныя дѣла только до взятія Софіи и что послѣдующія дѣла подлежатъ по всей справедливости докладу не новому главнокомандующему, и что для ихъ окончанія надлежало бы вызвать полковника Фрезе и капитана Роговскаго.

— Хорошо,—сказалъ Артуръ Адамовичъ,—я доложу Великому Князю, придите послѣ завтра.

Черезъ день я получилъ отпускъ, а отдѣленіе было скоро вызвано въ Петербургъ и по возвращеніи моемъ я все лѣто еще работалъ съ А. А. Фрезе и Роговскимъ въ старыхъ Московскихъ казармахъ.

Лѣтомъ мы съ Александромъ Александровичемъ повезли большой докладъ къ Великому Князю въ Чесменку, гдѣ онъ тогда жилъ. Великій Князь обрадовался намъ, принялъ ласково, велѣлъ росписаться въ книгѣ, утромъ показывалъ лошадей, а послѣ обѣда принялъ докладъ. Но его жаль было видѣть, онъ былъ въ опалѣ, подъ неудовольствіемъ по крайней мѣрѣ, да и самъ онъ этого не скрылъ. Хотя онъ обычно не курилъ, но тутъ онъ развернулъ шелковый красный кисетъ и, закуривъ маленькую трубочку, сказалъ:

— Вотъ опальный фельдмаршалъ, это мнѣ подарилъ Іокагама.

Онъ такъ называлъ японскаго военнаго агента, полковника Ямазака, бывшаго въ походѣ при главной квартирѣ. Великій Князь въ эти дни не зналъ даже о возвращеніи гвардіи въ Россію, и мы привезли ему первые объ этомъ извѣстіе.

Во время доклада А. А. Фрезе докладывалъ, между прочимъ, что по сравненію съ офицерами, бывшими въ отдѣленіи, и мнѣ слѣдуетъ вторую награду, но что я отъ нея отказываюсь, чтобы не вызывать нареканій. Я сидѣлъ на балконѣ, они въ комнатѣ.

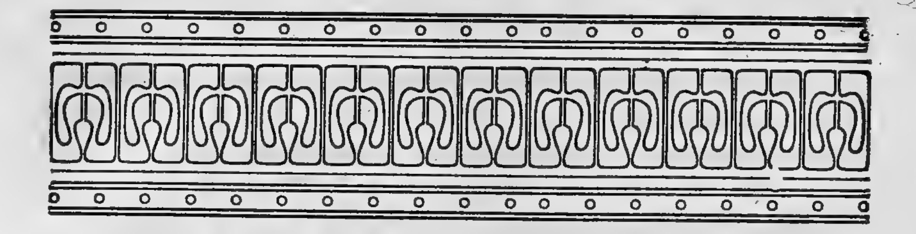
— Анашка дурашка, — закричалъ Великій Князь и подписалъ представленіе къ Станиславу 2-й степени съ мечами. По возвращеніи въ Петербургъ, Артуръ Адамовичъ нашелъ, что это лишнее, что опять скажутъ, что Великій Князь награждаетъ своихъ любимчиковъ. Своя рука владыка,—я этого представленія въ ходъ не пустилъ. Во время доклада Великій Князь велѣлъ мнѣ написать письмо военному министру о сохраненіи за нимъ права награжденій до извѣстныхъ степеней, какъ во время похода, и когда я его изготовилъ—подписалъ и сказалъ Фрезе, что я все время хорошо служилъ. По окончаніи доклада Великій Князь извинился, что ему надо уѣхать въ сосѣднюю усадьбу, простился съ нами, благодарилъ, поцѣловался и, сѣвъ въ желтый вѣнскій брекъ, запряженный четверикомъ вороныхъ лошадей, уѣхалъ, крикнувъ мнѣ:

— Кланяйся сыновьямъ.

Осенью 78 года, закончивъ дѣла, мы откланивались Великому Князю, онъ благодарилъ насъ: „Спасибо за службу", мы—его, что позволилъ послужить при себѣ.

Я слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, что Великому Князю такъ и не удалось объясниться съ Государемъ до его кончины, онъ говорилъ объ этомъ съ сокрушеніемъ. Очень, вѣроятно, дурные люди съумѣли внушить недовѣріе къ Великому Князю. Я слышалъ, что надъ нимъ троекратно назначились разслѣдованія, прекратившіяся будто тогда только, когда пользовавшійся репутаціей неподкупной, высокой честности генералъ-адъютантъ Глинка-Мавринъ доложилъ, что Великій Князь такой же рыцарь, и что надъ рыцаремъ онъ слѣдствія вести не можетъ. Но невольныя недоразумѣнія и ошибки современниковъ исправляются всеисцѣляющимъ временемъ, и отрадно видѣть, что правда на свѣтѣ свое беретъ и что Великому Князю созидается заслуженный имъ памятникъ.

А. С.

Освобожденіе Скальда.

Скандинавская повѣсть.

Неизданная поэма **Д. В. Веневитинова.**

Эльморъ.

Сложи мечъ тяжелый. Безсильной ли длани
Владѣть симъ булатомъ, о мирный пѣвецъ!
Намъ слава въ бояхъ, намъ опасныя брани;
Тебѣ—сладкозвучнаго пѣнья вѣнецъ.

Эгилъ.

Прости, мнѣ, о сынъ скандинавскихъ царей!
Въ десницѣ пѣвца сей булатъ не безчестенъ.
Ты помни, что Рекнеръ былъ арфой извѣстенъ
И храбрымъ примѣръ среди бранныхъ полей.

Эльморъ.

Прости, юный Скальдъ, ты пѣвецъ вдохновенный,
Но если ты хочешь, Эгилъ, намъ вѣщать
О славѣ, лишь въ битвахъ тобой обрѣтенной,
То долго и долго ты будешь молчать.

Эгилъ.

Эльморъ! иль забылъ, что, гордясь багряницей,
Царь Скальда обидѣлъ, и съ ближней денницей
Прискорбная мать его, въ горькихъ слезахъ,
Рыдала надъ хладною сына гробницей...

Такъ, съ твердостью духа, съ угрозой въ устахъ,
Эгилъ отвѣчаетъ, — и, быстрой стопою,
Безмолствуя, оба, съ киченьемъ въ сердцахъ,
Сокрылись въ дубравѣ подъ лиственной тьмою.
Часъ цѣлый въ безмолвіи ночи густой
Гремѣлъ мечъ о мечъ среди рощи глухой.
Обрызганный кровью и весь изнуренный,
Эгилъ! изъ дубравы ты вышелъ одинъ.
О храбрый Эльморъ! тебя тщетно Арминъ,
Въ чертогахъ семьею своей окруженный,
На пиръ ждетъ вечерній подъ кровлей родной.
Тебѣ ужъ изъ чаши не пить круговой.
Безъ жизни, безъ славы, твой трупъ искаженный
Лежитъ средь дубравы на дернѣ сухомъ.
Ты въ прахъ преклонился надменнымъ челомъ.
Окрестъ все молчитъ какъ нѣмая могила,
И смерть скандинавцу за Скальда отмстила.

Но утромъ, едва лишь межъ сизыхъ паровъ
Холодная въ небѣ зардѣлась Аврора,
Въ дремучей дубравѣ, при лаяньи псовъ,
Узнали кровавое тѣло Эльмора.
Узнавши Эльмора черты искаженны,
Незапнымъ ударомъ Арминъ пораженный
Не плачетъ, но грудь раздираетъ рукой.
Межъ тѣмъ все возстало, во градѣ волненье,
Всѣ ищутъ убійцы, всѣ требуютъ мщенья.
— „Я знаю",—воскликнулъ Арминъ:—„Ингисфалъ
„Всегдашнюю злобу къ Эльмору питалъ.
„Спѣшите, спѣшите постигнуть злодѣя,
„Стремитесь, о други, стремитесь быстрѣе,
„Чѣмъ молньи зубчатыя блескъ въ небесахъ.
„Готовьте орудья ко смерти убійцы.
„Межъ тѣмъ пусть врата непреступной темницы
„По немъ загремятъ на чугунныхъ крюкахъ".

И всѣ устремились. Эгилъ на брегахъ
У моря скитался печальной стопою.
Какъ туча, изъ коей огнистой стрѣлою
Перунъ быстротечный блеснулъ въ небесахъ,
На крыліяхъ черныхъ съ останками бури
Плыветъ чуть подвижна въ небесной лазури,—
Такъ мраченъ Эгилъ и задумчивъ блуждалъ.

Какъ вдругъ передъ нимъ, окруженный толпою,
Къ чертогамъ невинный идетъ Ингисфалъ.
— „Эльморъ торжествуетъ, и месть надъ убійцей!“ —
Такъ въ ярости цѣлый народъ повторялъ.
Но Скальдъ, устремившись въ толпу, восклицалъ:
— „Народъ! онъ невиненъ; моею десницей
„Погибъ среди боя царевичъ младой.
„Но я не убійца, о Царь скандинавянъ!
„Твой сынъ дерзновенный сразился со мной,
„Онъ палъ и геройскою смертію славенъ“.

Трепеща отъ гнѣва, Арминъ повелѣлъ
Въ темницу глубокую ввергнуть Эгила.
Невинный свободенъ, смерть—скальда удѣлъ.
Но скальда ни плѣнъ не страшитъ, ни могила,
И тихо, безмолвствуя, мощный пѣвецъ
Идетъ среди воплей свирѣпаго мщенья,
Идетъ,—какъ бы ждалъ его славный вѣнецъ
Наградой его сладкозвучнаго пѣнья.

— „О горе тебѣ!“—восклицалъ весь народъ:
„О горе тебѣ! горе, скальдъ величавый.
„Здѣсь барды не будутъ вѣщать твоей славы.
„Какъ тѣнь, твоя память безъ шума пройдетъ,
„И съ жизнію имя исчезнетъ злодѣя“.
И, тяжко на вереяхъ мѣдныхъ кружась,
Темницы чугунная дверь заперлась,
И скрыпъ ея слился со свистомъ Борея.

И такъ онъ одинъ, безъ утѣхи; но нѣтъ, —
Съ нимъ арфа, въ несчастьи подруга драгая.
Эгилъ, среди мрака темницы бряцая,
Послѣднею пѣснью Эльмора поетъ.
„Счастливецъ! ты палъ среди родины милой,
„Твой прахъ будетъ тлѣть подъ землею родной,
„Во гробѣ не сошла твоя память съ тобой,
„И часто надъ хладной твоею могилой
„Придетъ прослезиться отецъ твой унылой,
„И другъ не забудетъ тебя посѣщать.
„А я погибаю въ зарѣ моей жизни,
„Вдали отъ родныхъ и отъ милой отчизны.
„Сестра молодая и нѣжная мать
„Не придутъ слезами мой гробъ орошать.

„Прощай, моя арфа, прошли наши пѣнья
„И скальда младого счастливые дни —
„Какъ быстрыя волны промчались они.
„И скоро, исполненъ ужаснаго мщенья,
„Неистовый варваръ мой вѣкъ пресѣчетъ,
„И злой скандинавецъ свирѣпой рукою
„Созвучныя струны твои оборветъ.
„Греми же, греми! разлучаясь съ тобою,
„Да внемлю послѣдней я пѣсни твоей! —
„Я жилъ и въ теченіи жизни своей
„Тобою былъ счастливъ, тобою былъ славенъ".

Но Барды, свершая обрядъ скандинавянъ,
Межъ тѣмъ начинали суровый напѣвъ
И громко гремѣли средь дикаго хора:
„Да гибнетъ, да гибнетъ убійца Эльмора".
Въ ихъ пламенныхъ взорахъ неистовый гнѣвъ,
И всѣ, въ круговой съединившись руками,
Эльмора нестройными пѣли хвалами
И, трупъ обступивши, ходили кругомъ.

Уже средь обширнаго поля близъ лѣса
Огромный и дикій обломокъ утеса
Къ убійству пѣвца утвержденъ олтаремъ.
Булатна сѣкира лежала на немъ,
И возлѣ, ждавъ жертвы, стояли убійцы.
И вдругъ, заскрыпѣвши, глубокой темницы
Отверзлися двери, стремится народъ.
Увы! все готово ко смерти Эгила,
Несчастному скальду отверста могила,
Но скальдъ безъ боязни ко смерти идетъ.
Ни вопли народа, кипящаго мщеньемъ,
Ни грозная сталь, ни олтарь, ни костеръ
Пѣвца не колеблютъ, лишь онъ съ отвращеньемъ
Внимаетъ, какъ Бардовъ неистовый хоръ
Гремитъ, недостойнымъ Эльмора, хваленьемъ.
— „О царь!"—восклицалъ вдохновенный Эгилъ:
„Позволь, чтобъ, прощаяся съ міромъ и пѣньемъ,
„Предъ смертью я пѣсни свои повторилъ
„И тихо прославилъ на арфѣ согласной
„Эльмора, котораго въ битвѣ несчастной
„Сразилъ я, но такъ какъ героя сразилъ".
Онъ рекъ; но при имени сына, Эльмора,

От ярости сердце царя потряслось.
Воззрѣвъ на Эгила съ свирѣпостью взора,
Уже произнесъ онъ... Какъ вдругъ раздалось
Унылое, нѣжное арфы звучанье.
Арминъ при гармоніи струнъ онѣмѣлъ,
Шумящей толпѣ онъ умолкнуть велѣлъ,
И цѣлый народъ сталъ въ нѣмомъ ожиданьѣ.

Пѣвецъ наклонился на дикой утесъ,
Взялъ вѣрную арфу, подругу въ печали,
И персты его по струнамъ заиграли,
И вѣтръ его пѣсню въ долинѣ разнесъ.

„Гдѣ храбрый юноша, который
„Враговъ отчизны отражалъ
„И край отцовъ, родныя горы
„Могучей мышцей защищалъ?
„Эльморъ, никѣмъ непобѣжденный,
„Ты палъ, тебя ужъ болѣ нѣтъ.
„Ты палъ — какъ сильный волкъ падетъ
„Безсильнымъ пастыремъ сраженный.

„Гдѣ дни, когда къ войнѣ кровавой,
„Герой, дружины ты водилъ,
„И возвращался къ Эльвѣ съ славой,
„И съ Эльвой счастіе дѣлилъ?
„Ахъ, скоро трепетной дѣвицѣ
„Слезами матерь возвѣститъ,
„Что вѣрный другъ ея лежитъ
„Въ сырой землѣ, въ нѣмой гробницѣ.

„Но сильныхъ чтятъ благіе боги,
„И онъ на крыльяхъ облаковъ
„Пренесся въ горніе чертоги,
„Геройскихъ жительство духовъ.
„А я вдоль таинственнаго брега,
„Ночнымъ туманомъ окруженъ,
„Всегда скитаться осужденъ
„Надъ хладными волнами Лега [1]).

---

[1]) Островъ *Лего* былъ, по мнѣнію Каледонцевъ, мѣстомъ пребыванія всѣхъ умершихъ, не воспѣтыхъ Бардами.

(Примѣчаніе *Д. В. Веневитинова*).

„О скальдъ, какой враждебный богъ,
„Среди отчаяннаго боя,
„Тебѣ невидимо помогъ
„Сразить отважнаго героя?
„И управлялъ рукой твоей?
„Ты побѣдилъ судьбой жестокой.
„Увы! отъ родины далеко
„Могила будетъ твой трофей!

„Уже я вижу предъ собою,
„Я вижу алчущую смерть,
„Готову надъ моей главою
„Ужасную косу простерть.
„Уже желѣзною рукою
„Она меня во гробъ влечетъ.
„Прощай, прощай, красивый свѣтъ,
„Навѣки разстаюсь съ тобою.

„А ты, игривый вѣтерокъ,
„Лети къ возлюбленной отчизнѣ,
„Скажи роднымъ, что лютый рокъ
„Велѣлъ пѣвцу разстаться съ жизнью
„Далеко отъ страны родной;
„Но что предъ смертью, погибая,
„Онъ пѣлъ о нихъ воспоминая
„И къ нимъ перелеталъ душой.

„Уже насталъ мой часъ послѣдній.
„Приди, убійца, я готовъ.
„Приди, рази, пусть трупъ мой блѣдный
„Падетъ предъ взорами враговъ.
„Пусть макъ съ травою ароматной
„Ростутъ могилы вкругъ моей.
„А ты, сынъ сѣвера, надъ ней
„Шуми прохладою пріятной".

Умолкнулъ, но долго и сами собой
Прелестной гармоніей струны звучали,
И медленно въ полѣ исчезъ гласъ печали.
Арминъ, внѣ себя, съ наклоненной главой,
Безмолвенъ сидѣлъ средь толпы изумленной, —
Но вдругъ, какъ отъ долгаго сна пробужденный:
— „О Скальдъ! что за пѣснь? что за сладостный гласъ?"
Всклицалъ онъ: „какая волшебная сила

„Мнѣ нѣжныя чувства незапно внушила?
„Онъ пѣлъ — и во мнѣ гнѣвъ ужасный погасъ.
„Онъ пѣлъ — и жестокое сердце потрясъ.
„Онъ пѣлъ — и его сладкозвучное пѣнье,
„Казалось, мою утоляло печаль.
„О Скальдъ!.. о Эльморъ мой... нѣтъ. Мщеніе, мщенье!
„Убійца! возьми смертоносную сталь..
„Низвергни олтарь... пусть родные Эгила
„Счастливѣе будутъ, чѣмъ горькій отецъ.
„Иди. Ты свободенъ, волшебный пѣвецъ".
И съ радостнымъ воплемъ толпа повторила:
„Свободенъ пѣвецъ". Благодарный Эгилъ
Десницу Армина слезами омылъ
И предъ благодѣтелемъ палъ умиленный.

Эгилъ возвратился на берегъ родной,
Куда съ нетерпѣньемъ, подъ кровлей смиренной,
Ждала его мать съ молодою сестрой.
Унылый, терзаемый памятью злою,
Онъ проклялъ свой мечъ и сокрылъ подъ скалою.
Когда же, задумчивъ, вечерней порой,
Пѣвецъ любовался волненіемъ моря,
Унылая тѣнь молодого Эльмора
Являлась ему на туманныхъ брегахъ.
Но лишь на востокѣ краснѣла Аврора,
Сей призракъ, какъ сонъ, исчезалъ въ облакахъ.

Конецъ.

Поэма Веневитинова печатается нами съ его подлинной рукописи, сохранившейся въ бумагахъ его біографа и издателя его сочиненій А. П. Пятковскаго, который пользовался матеріалами, переданными ему родными поэта. Она занимаетъ особую тетрадку въ семь листковъ, форматомъ въ четвертку. Текстъ, бѣловой, съ немногочисленными карандашными и чернильными поправками, занимаетъ страницы 3—14; на первомъ листкѣ титульная страница, на которой написано: „Освобожденіе Скальда. Скандинавская повѣсть"; на 3-ей стр.: „Освобожденіе *Эгила*. Скандинавская повѣсть".

По содержанію, по формѣ стиха, еще неумѣлаго, но уже кое-гдѣ сверкающаго блестками таланта, „Освобожденіе Скальда" принадлежитъ къ ранней молодости Д. В. Веневитинова, созрѣвшаго рано и умершаго въ юности (1805—1827 гг.). Отъ поэмы

вѣетъ полудѣтской наивностью, и вообще она есть одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ эпохи литературной чувствительности, самымъ сильнымъ проводникомъ которой былъ въ Россіи Оссіанъ съ его меланхолическими богатырями, мечтательными пѣвцами, нѣжными дѣвами, со всѣмъ этимъ своеобразнымъ поэтическимъ міромъ, который,

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваетъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ...

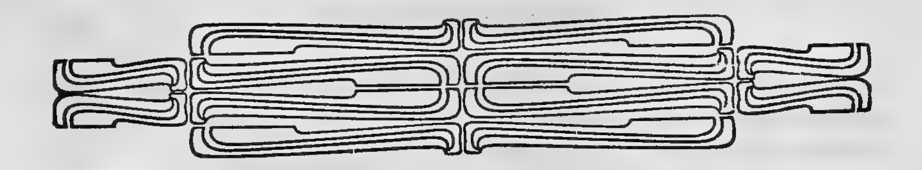
(Н. М. Карамзинъ, „Поэзія").

Между „Освобожденіемъ Скальда" и другимъ „оссіановскимъ" стихотвореніемъ Веневитинова, „Пѣснь Кольмы", написаннымъ въ 1822 г., разница во всѣхъ отношеніяхъ такъ ощутительна, что мы едва-ли ошибемся, если отнесемъ поэму къ 1819—1820 гг., когда Веневитинову было 14 или 15 лѣтъ. Онъ, какъ и Пушкинъ-лицеистъ, какъ почти всѣ современные поэты, принесъ свою дань тогдашнему властителю поэтическихъ думъ, но что несомнѣнно характерно для Веневитинова — это побѣда пѣвца надъ ожесточенными сердцами. Недаромъ писалъ онъ въ расцвѣтѣ таланта:

О муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ,
Я слышалъ трескъ громовъ и бури завыванье:
Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ!..

Н. Лернеръ.

Воспоминаніе о Бухариныхъ.

Родъ Бухариныхъ древне-дворянскаго происхожденія. „Мужъ честна Павлинъ" выѣхалъ изъ Нѣмецъ къ великому князю Симеону Іоанновичу Гордому (1340—1353). У него былъ внукъ Наумъ, родоначальникъ Наумовыхъ, а изъ его потомковъ, Григорій Наумовичъ Бухаря былъ родоначальникомъ Бухариныхъ, владѣвшихъ въ 1503 году помѣстьями въ Кашинскомъ уѣздѣ и городомъ Кашиномъ. Иванъ Наумовичъ Бухаринъ находился 2-мъ воеводою сторожеваго полка въ Калугѣ въ 1569 году.

Внесенъ былъ родъ Бухариныхъ по опредѣленію Новгородскаго дворянскаго собранія въ 6-ую часть дворянской родословной книги.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ устныхъ или писанныхъ сказаній о родѣ Бухариныхъ не сохранилось до 1772 года. Въ этомъ 1772 году Государыня Императрица Екатерина II заявила адміралу Пущину свое желаніе произвести смотръ флоту.

Кстати сказать Императрица, видимо, была очень расположена къ своему адміралу. Онъ построилъ себѣ одноэтажный деревянный особнячекъ въ концѣ Малой Морской и можетъ быть на новосельѣ или по какому-нибудь другому случаю Царица предупредила своего вѣрнаго слугу, что пріѣдетъ къ нему завтракать. Старый морякъ смутился, не зная, какъ достойно принять Высокую гостью, но не надолго. Скоро изъ Дворца принесли сервизъ, стекло и все нужное для сервировки завтрака, а на другой день явился и поваръ съ провизіей. Затѣмъ, послѣ завтрака, все привезенное изъ Дворца было оставлено во владѣніе хозяина и долго въ семьѣ сохра-

нялись уцѣлѣвшіе отъ времени бокалы, тарелки и пр. съ императорскимъ гербомъ. Такъ деликатно умѣла Императрица дѣлать маленькіе подарки! Наградила она адм. Пущина большими имѣніями въ Минской губ. съ мѣстечкомъ Паричи и обширными лѣсами и фольварками. На долю Бухариныхъ пришлось одно имѣніе по прозванію „Качай Болото", достойное своего названія въ глубокой лѣсной глуши.

Въ назначенный день и часъ Государыня аккуратно прибыла въ Кронштадтъ и не только не была встрѣчена адмираломъ, но въ теченіе четверти часа проводила время среди растерявшихся высшихъ чиновъ флота, не понимавшихъ причины отсутствія Пущина. Наконецъ явился запыхавшійся адмиралъ.

Императрица сдвинула брови и недовольнымъ тономъ произнесла:

— Адмиралъ, я васъ ждала.

— Матушка Царица, прости, едва переводя духъ, произнесъ сконфуженный старикъ,—первый внукъ только-что родился.

Милая улыбка, особенно свойственная Императрицѣ, озарила ея лицо.

— А! Поздравляю его мичманомъ флота! проговорила она весело, и смотръ флота начался по намѣченной программѣ.

Этотъ не во время явившійся на свѣтъ нарушитель этикета былъ Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ, единственный сынъ дочери адмирала Пущина и капитана I ранга Бухарина.

Неизвѣстно почему новорожденный мичманъ 12-ти лѣтъ былъ пожалованъ сержантомъ Преображенскаго полка, а въ 1791 году, 19-ти лѣтъ, выпущенъ капитаномъ въ армію; морякомъ же сталъ онъ только въ этомъ году, когда дѣдъ взялъ его къ себѣ въ флигель-адъютанты. Видимо большого пристрастія къ морю у него не было, потому что въ теченіе 10-ти лѣтъ его службы во флотѣ за нимъ числились только двѣ морскія кампаніи, на „Славѣ" и на кораблѣ „Не тронь меня". Его тянуло на другое поприще и въ 1801 году, уволившись изъ морской службы въ чинѣ капитана I-го ранга, онъ перешелъ на гражданскую службу въ чинѣ коллежскаго совѣтника и, подучившись два года въ канцеляріи министра коммерціи графа Ник. Петр. Румянцева, отправился въ 1804 году въ Астрахань совѣтникомъ казенной палаты.

Въ нынѣшнее время для насъ непостижимы умы и способности нашихъ предковъ, не получавшихъ и десятой доли

тѣхъ знаній, которыми преисполнены головы теперешнихъ гимназистовъ 7-го класса. Сержантъ Преображенскаго полка въ 12 лѣтъ и капитанъ арміи въ 19 лѣтъ, оказался однимъ изъ самыхъ образованныхъ и дѣльныхъ людей своего времени, при благородствѣ понятій и непоколебимомъ и просвѣщенномъ патріотизмѣ. Его долголѣтняя карьера поражаетъ разнообразіемъ мѣстъ служенія и энергичной борьбою со зломъ, которое въ тѣ времена было можетъ быть сильнѣе и ярче обнаруживалось, чѣмъ нынѣ. То „превышеніе власти", котораго такъ страшатся въ наши дни, когда нужно проявлять энергичную дѣятельность, не останавливало тогдашняго дѣятеля, если онъ дѣйствовалъ по сознанію собственной совѣсти, не останавливали и угрозы суда и утраты положенія.

Безъ всякой протекціи въ 1804 году Иванъ Яковлевичъ былъ уже назначенъ вице-губернаторомъ Кавказской губерніи, черезъ 2 года въ той же должности въ Выборгѣ, а въ 1808 г. финляндскимъ губернаторомъ, откуда въ 1811 г. былъ переведенъ въ Рязань.

Къ этому времени онъ былъ уже женатъ на кроткой и доброй Елизаветѣ Ѳедоровнѣ Полторацкой, дочери извѣстнаго Ѳедора Марковича Полторацкаго, вольтерьянца, атеиста и свирѣпаго человѣка, наводившаго страхъ на многочисленныхъ дѣтей и внуковъ.

Надо полагать, что въ губернскихъ правленіяхъ тѣхъ временъ члены не отличались безсребренными нравами или, во всякомъ случаѣ, не строго смотрѣли на мздоимство. Будучи вице-губернаторомъ, Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ былъ пораженъ недобросовѣстностью, съ которой рѣшались дѣла. Разъ ему былъ поданъ журналъ для подписи, въ которомъ ясно проглядывала нечистая подкладка дѣла, и онъ тутъ же приказалъ измѣнить содержаніе резолюціи, указавъ на беззаконіе рѣшенія. Когда въ числѣ другихъ докладовъ и журналовъ ему поднесли на слѣдующемъ засѣданіи тотъ же самый журналъ съ первоначальнымъ содержаніемъ, онъ свѣта не взвидѣлъ отъ гнѣва и тутъ же, не стѣсняясь ни зерцаломъ, ни присутствіемъ другихъ членовъ губернскаго правленія, разразился страшной бурей негодованія по адресу виновнаго и объявилъ, что „велитъ связать его веревками и выкинуть на улицу", очевидно не имѣя никакого права на такой героическій поступокъ. Смущеніе коллегъ было велико, однако доносъ и жалоба полетѣли немедленно. Нескоро двигались сенатскія дѣла въ то время. Иванъ Яковлевичъ былъ уже губернаторомъ,

когда до Государя въ Эрфуртѣ дошло дѣло о Бухаринѣ, позволившемъ себѣ нанести оскорбленіе члену губернскаго правленія въ Присутствіи и передъ зерцаломъ. Государь Александръ Павловичъ, лично знавшій Бухарина, съ любопытствомъ прочелъ его объясненіе, изъ котораго узналъ, что за такіе то и такіе-то злонамѣренные поступки онъ пригрозилъ члену губернскаго правленія „связать его узами закона и напомнилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ останется на улицѣ“...

Не сомнѣваясь въ полукомической натяжкѣ объясненія, Государь усмотрѣлъ всю энергію борьбы съ тогдашней язвой управленія и, отклонивъ преданіе суду бывшаго вице-губернатора, приказалъ кн. Волконскому преподать ему совѣтъ впредь менѣе литературно выражаться. На этотъ разъ вспыльчивость и самоуправныя дѣйствія И. Я. Бухарина благополучно миновали и, какъ сказано выше, въ 1811 году онъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Рязань.

Наступилъ 1812 годъ, нашествіе двунадесяти языковъ, самый тревожный годъ въ Россіи. Непріятель уже приближался къ Москвѣ и въ сосѣдней Рязанской губ. кипѣла самая дѣятельная работа. И. Я. Бухаринъ отличался замѣчательной предусмотрительностью и энергіей. Въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Рязань кавалерійскій полкъ, спѣшившій въ армію, уже преслѣдовавшій отступающихъ французовъ, и былъ застигнутъ дождемъ, морозомъ и образовавшейся гололедицей. Лошади не въ состояніи были двигаться дальше, и командиръ полка обратился къ губернатору съ просьбой оказать содѣйствіе къ немедленной оковкѣ лошадей всего полка. По закону слѣдовало назначить торги и съ торговъ сдать оковку лошадей которому-нибудь изъ городскихъ предпринимателей. Но Ив. Яковл. былъ опытенъ и слишкомъ хорошо зналъ и замедленіе въ работѣ и неудовлетворительное ея исполненіе при спѣшности заказа. Не долго думая, онъ обратился къ брату жены, Полторацкому, помѣщику, славившемуся своей кузней и кузнецами, и предложилъ ему немедленно взяться за работу и исполнить ее въ двухдневный срокъ самымъ тщательнымъ образомъ въ виду необходимости кавалеріи спѣшить къ арміи. Дѣйствительно черезъ два дня полкъ выступилъ на остро подкованныхъ лошадяхъ и вскорѣ прибылъ къ мѣсту назначенія. Надо полагать, что цѣна оковки была много значительнѣе той, что взялъ бы подрядчикъ съ торговъ, но Ив. Яковл. объ этомъ не думалъ, озабоченный только одной мыслью—по мѣрѣ силъ спасать Отечество отъ иноплеменнаго врага.

Между тѣмъ личные враги не дремали, и съ оскорбительными для чести навѣтами не замедлили понестись въ Сенатъ о самоуправствѣ губернатора, изъ-за беззаконныхъ дѣйствій котораго казна понесла громадные убытки.

Иванъ Яковлевичъ не счелъ даже достойнымъ оправдываться въ наведенныхъ подозрѣніяхъ о лихоимствѣ, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности рязанскаго губернатора въ 1814 году и въ теченіе 4-хъ лѣтъ находился „не у дѣлъ", скромно проживая въ Петербургѣ, пока его дѣло валялось безъ движенія въ Сенатѣ.

Въ началѣ 1819 г. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (впослѣдствіи графъ), бывшій тогда Начальникомъ Штаба 2-ой арміи, заѣхалъ разъ поутру къ пріятелю своему Бухарину, прося напоить его кофеемъ передъ поѣздкой съ докладомъ къ Государю. Былъ ранній часъ, и Киселевъ приказалъ привезти парадную форму на квартиру Ив. Яковл., чтобъ послѣ кофе переодѣться и ѣхать во Дворецъ.

Дружески пробесѣдовавъ съ пріятелемъ, Киселевъ спросилъ о ходѣ его дѣла въ Сенатѣ.

— Не знаю,—презрительно отвѣчалъ Ив. Яковл., пожимая плечами.—Не стану же я унижаться и оправдываться въ гнусныхъ обвиненіяхъ.

— Однако, другъ мой, нельзя же такъ оставаться безъ должности и подъ судомъ?

— Пусть судятъ, моя совѣсть чиста, не передъ ними мнѣ оправдываться.

— Надо же все-таки что-нибудь сдѣлать, чтобъ выйти изъ этого положенія, тѣмъ болѣе, что и средствъ у тебя мало и служить Россіи ты долженъ.

Но какъ ни убѣждалъ Киселевъ гордаго своего пріятеля, тотъ не соглашался и пальцемъ двинуть въ свое оправданіе въ глазахъ Сената. Наконецъ, Киселевъ спохватился, что пора переодѣваться.

— Послушай, Иванъ Яковлевичъ, я ѣду къ Государю съ докладомъ и, улучивъ минуту, скажу ему о твоемъ дѣлѣ. Пока я переодѣнусь, напиши мнѣ замѣтку о дѣлѣ и положи въ портфель, а я ужъ дома просмотрю, какъ лучше составить докладную записку. Оставшись одинъ, Ив. Яковл. взялъ листъ бумаги и написалъ... должно быть не много, потому что, когда Киселевъ вернулся одѣтымъ въ парадную форму, бумага уже была въ портфелѣ, и онъ, спѣшно простившись, уѣхалъ.

Впослѣдствіи со словъ Павла Дмитр. Киселева получился слѣдующій разсказъ.

Когда онъ окончилъ свой докладъ по текущимъ дѣламъ и портфель былъ опорожненъ, Государь замѣтилъ еще одну бумагу и спросилъ, почему онъ ее не докладываетъ?

Взглянувъ на заключительныя слова и бѣгло просмотрѣвъ написанное, Киселевъ смущенно отвѣтилъ, что эта бумага не предназначалась для доклада Его Величеству, и тутъ же разсказалъ Государю о своемъ утреннемъ посѣщеніи Бухарина. Тѣмъ болѣе заинтересовался Александръ Павловичъ не подготовленнымъ докладомъ и, помня Бухарина, захотѣлъ узнать содержаніе его записки.

Какъ было изложено дѣло, какими словами выражался честный, гордый сознаніемъ своей правоты и оклеветанный человѣкъ—намъ неизвѣстно въ точности; сохранилось въ воспоминаніяхъ только краткое заключеніе: „Если бъ въ настоящее время Россія была въ томъ же положеніи, а я въ тѣхъ же условіяхъ, то не задумался бы поступить опять точно такъ же".

Эти воспоминанія и разсказы были переданы мнѣ дочерью Ивана Яковлевича Бухарина, покойной Вѣрой Ивановной Анненковой. Подтверждаются они извлеченіемъ изъ некролога Ив. Яковл. Бухарина, въ которомъ приведены слова Государя Александра Павловича:

„Никогда не читалъ я такихъ рѣзкихъ и убѣдительныхъ оправданій. Кто такъ пишетъ, тотъ не можетъ ничего имѣть на совѣсти".

Дѣло въ Сенатѣ было немедленно прекращено, Бухарину пожалована Анненская лента, и онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань. Это было въ началѣ 1819 г., а черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Кіевъ.

Ив. Як. Бухаринъ, по разсказамъ сверстниковъ его и окружавшей его въ старости молодежи, былъ удивительно обаятельной личностью. Замѣчательно образованный, энергичный, онъ былъ къ тому же истый баринъ, grand seigneur екатерининскихъ временъ, какъ по просвѣщенному и благородному образу мысли, такъ и по внѣшности и утонченной воспитанности. Состояніе его было скромное, и онъ всегда нуждался въ деньгахъ при широкости своихъ замашекъ и утонченныхъ вкусахъ.

Разсказываютъ, что съ первыхъ шаговъ его губернаторства въ Кіевѣ, онъ обворожилъ польское общество своимъ изяществомъ и деликатностью. И вотъ, въ одинъ прекрасный день,

зная о его стѣсненныхъ средствахъ и желая ему помочь, а можетъ быть и провѣрить его, ему прислали великолѣпный паштетъ, въ которомъ онъ къ своему изумленію нашелъ тщательно завернутый свертокъ червонцевъ. Такъ какъ паштетъ былъ присланъ отъ дамы, онъ не счелъ нужнымъ подымать исторіи, а ограничился возвращеніемъ свертка черезъ своего камердинера съ устной передачей благодарности за паштетъ и просьбой остального никогда не повторять.

Въ Кіевѣ продолжалась та же борьба съ окружающимъ зломъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ. Объ одномъ изъ такихъ эпизодовъ повѣствуетъ графъ Олизаръ въ своихъ мемуарахъ, переведенныхъ и напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1893 г. въ №№ 8 и 9.

Графъ Густавъ Олизаръ, 20-ти лѣтній польскій магнатъ, владѣлецъ знаменитаго имѣнія Коростышева въ Волынской губ. и другихъ имѣній въ Радомысловскомъ уѣздѣ Кіевской губ., по желанію польскаго дворянства, баллотировался въ волынскіе губернск. предводители дворянства, но по интригамъ волынск. губернатора Гижицкаго (тоже польскаго аристократа) избраніе не состоялось, послѣ чего польское дворянство выдвинуло его кандидатомъ на выборахъ Кіевской губ.

„Кіевскій губернаторъ Бухаринъ, пишетъ Олизаръ, былъ человѣкъ прямой и уважающій волю дворянъ, а потому, несмотря на выставленныя Гижицкимъ препятствія, выборы были утверждены“...

Изъ послѣдующаго содержанія интересныхъ мемуаровъ гр. Олизара видно, что онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и командующимъ войсками Раевскимъ, въ дочь котораго, Марію, впослѣдствіи жену декабриста, княгиню Волконскую, онъ страстно влюбился. Между прочими своими воспоминаніями онъ разсказываетъ о своемъ столкновеніи съ вице-губернаторомъ Катериничемъ, въ которомъ столкновеніи принималъ участіе и губернаторъ Бухаринъ.

Въ то время содержаніе почтовыхъ лошадей отдавалось съ торговъ каждое трехлѣтіе. Принимавшій на себя подрядъ получалъ въ подмогу извѣстную сумму изъ земскаго губернскаго сбора. Съ давняго времени содержателемъ почтъ въ губерніи былъ кіевскій „войтъ“, богатѣйшій купецъ Киселевскій и почты у него содержались въ отличномъ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе при каждыхъ торгахъ приходилось ему солоно отъ вымогательствъ вице-губернатора, завѣдывавшаго тоже и казенной палатой. Наконецъ это ему надоѣло, и передъ торгами

онъ объявилъ Олизару, что согласенъ взять на триста тысячъ менѣе, лишь бы избавиться отъ необходимости откупаться отъ казенной палаты при совершеніи всякаго новаго торговаго условія.

Удивленный Олизаръ спросилъ, что же можетъ сдѣлать вице-губернаторъ?

— Очень просто, отвѣчалъ Киселевскій. Въ случаѣ бы я отказалъ въ требованіяхъ вице-губернатора, онъ пошлетъ на торги своихъ агентовъ, которые будутъ сбивать цѣны, зная, что въ случаѣ за ними останется убыточный подрядъ, будетъ исхлопотана дополнительная субсидія.

„Выслушавъ подробности разсказа и условившись съ Киселевскимъ, пишетъ Олизаръ, я рѣшился оградить интересы правительства и дворянства, на которые приходилась главная доля земскаго взноса, отъ столь наглой эксплоатаціи, а потому и переговорилъ обо всемъ съ Бухаринымъ“.

Ив. Як., никогда не упускавшій случая бороться съ лихоимствомъ, царствовавшимъ безнаказанно въ то время, согласился вполнѣ съ Олизаромъ, и они совмѣстно составили планъ дѣйствія.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, что Олизаръ возьметъ подрядъ отъ имени всего кіевскаго дворянства. Для этого онъ получилъ отъ уѣздныхъ предводителей уполномочіе взять подрядъ съ тѣмъ, чтобъ дворянство въ качествѣ залога отвѣчало всѣмъ своимъ имуществомъ и получило право передать подрядъ подъ своей отвѣтственностью третьему лицу. Зная, въ какомъ размѣрѣ Киселевскій согласенъ уменьшить требованіе субсидіи, онъ могъ сразу на столько сбавить цѣну, что навелъ панику на агентовъ Катеринича: Киселевскій одинъ выступилъ съ пониженіемъ, такъ что подрядъ остался за нимъ.

„Дѣло казалось оконченнымъ, но не тутъ-то было, продолжаетъ Олизаръ. Вице-губернаторъ, на обязанности котораго слѣдовало составить журналъ торговаго присутствія, просилъ, подъ предлогомъ поздняго времени, позволенія исполнить эту обязанность послѣ, обѣщая намъ прислать журналъ для подписи на домъ. Не подозрѣвая злого умысла, Бухаринъ и остальные члены согласились. Слѣдующій день былъ воскресеніе, а въ понедѣльникъ вице-губернаторъ, къ изумленію нашему, устроилъ намъ оригинальный сюрпризъ. Онъ сообщилъ, что послѣ засѣданія поступило новое предложеніе, соглашавшееся взять пятью тысячами менѣе, а потому, въ виду того, что журналъ еще не состоялся, онъ предложилъ открыть торги наново. Посовѣто-

вавшись съ Бухаринымъ, мы условились, что онъ соберетъ присутствіе, а я на немъ запротестую противъ возобновленія торговъ.

Такъ и было сдѣлано. Олизаръ, сославшись на то, что торги фактически уже окончены, что объявленіе объ этомъ уже сдѣлано лицу, взявшему подрядъ, добавилъ, что достоинство правительства и присутствія не можетъ допустить нарушенія условія, уже принятаго и словесно объявленнаго. Губернаторъ и совѣтникъ казенной палаты Каменскій приняли сторону Олизара, а вице-губернаторъ, прокуроръ и другой членъ палаты подали противное мнѣніе. Хотя при равенствѣ голосовъ перевѣсила сторона предсѣдателя и подрядъ былъ оставленъ за получившимъ его на торгахъ, противники подали жалобу министру внутреннихъ дѣлъ.

Курьезно окончаніе этого дѣла. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришелъ отвѣтъ. Министръ внутр. дѣлъ, хотя утверждалъ мнѣніе губернатора, но поставилъ ему на видъ незаконность таковаго. Олизаръ не получилъ ордена, къ которому былъ представленъ. Совѣтникъ палаты Каменскій былъ переведенъ въ Могилевскую губернію. Министръ же финансовъ, игнорируя экономію отъ пониженія субсидіи, возбудилъ вопросъ, кто долженъ вознаградить казну за потерю по 5.000 руб. въ годъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, которая была бы избѣгнута, если бъ подрядъ остался за неторговавшимся лицомъ? Сенатъ опредѣлилъ взыскать 15.000 руб. съ губернатора и съ губернскаго предводителя дворянства.

„Первый, т. е. губернаторъ, былъ человѣкъ небогатый, заканчиваетъ Олизаръ повѣсть о неудачной борьбѣ обоихъ съ недобросовѣстностью, а потому нравственный долгъ заставилъ меня принять всю сумму взысканія на себя. Вскорѣ послѣ этого благородный Бухаринъ былъ переведенъ въ другую губернію.

Однако въ этомъ 1822 году Ив. Яковл. заболѣлъ и временно оставилъ службу, отправившись къ себѣ въ деревню въ Харьковск. губ., гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Такой длинный срокъ добровольнаго удаленія отъ служебной дѣятельности трудно объяснить болѣзнью. Можно скорѣе подозрѣвать уязвленіе гордости непреклоннаго русскаго барина, подвергавшагося не разъ суду сенаторовъ за свою самостоятельную дѣятельность, даже самоуправную, согласовавшуюся только съ велѣніями собственной совѣсти. А можетъ быть иныя вѣянія въ управленіи свыше съ Аракчеевымъ во главѣ и рядомъ съ ними носившіеся въ воздухѣ признаки подготовлявшагося заговора были не по

сердцу умнаго и честнаго барича? Объ этомъ не сохранилось преданій въ семьѣ, но только въ 1827 году Ив. Як. Бухаринъ вернулся на службу архангельскимъ губернаторомъ, откуда въ 1830 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника назначенъ сенаторомъ въ Москву. Не долго пробылъ онъ въ этой должности и черезъ два года подалъ въ отставку. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ онъ овдовѣлъ, а въ 1830 или въ 31-мъ году дочь его, Вѣра Ивановна, вышла изъ Смольнаго монастыря и пріѣхала къ нему въ Москву. Сынъ его былъ еще въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Не долго выѣзжала красивая и умная В. И. Бухарина. Она скоро вышла замужъ за адъютанта В. Кн. Михаила Павловича, молодого полковника Ник. Ник. Анненкова, впослѣдствіи генер.-адъютанта, министра контролера и одесскаго генералъ-губернатора во время Крымской войны. Можно кстати упомянуть, что въ первый же годъ женитьбы Анненковъ взялъ подъ свою опеку имѣнія Ив. Яковл., назначенныя уже къ продажѣ съ публичныхъ торговъ за долги. Сынъ Вѣры Ивановны, Мих. Ник. Анненковъ, болѣе другихъ внуковъ И. Я. Бухарина унаслѣдовалъ его энергію, такъ ярко проявившуюся въ постройкѣ Закаспійской жел. дороги.

Подавъ въ отставку, И. Я. безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, и никогда ни одинъ сановникъ, ни богачъ, ни знаменитость не пользовался такою завидною популярностью, какъ этотъ частный человѣкъ, въ которомъ никто не нуждался для какихъ-либо личныхъ видовъ или корыстныхъ цѣлей. Онъ привлекалъ всѣхъ, и старыхъ и молодыхъ, одними высокими качествами ума и сердца, привѣтливостью въ обращеніи и увлекательными разсказами о прожитомъ, о видѣнномъ и слышанномъ въ теченіе своей долгой и разнообразной жизни. Наблюдательность и память его были изумительны: онъ помнилъ годы царствованія Императрицы Екатерины, все царствованіе Императора Александра I-го и одновременно съ живымъ интересомъ слѣдилъ за современнымъ теченіемъ жизни въ области политики, науки, искусства, литературы: все благородное, изящное было ему всегда близко и дорого.

„Характеристическою чертой его личности, читаемы мы въ его некрологѣ, была печать какого-то неизъяснимаго изящества, наложенная на его умъ и чувства какъ бы самой природою... Иванъ Яковлевичъ былъ художникъ въ душѣ, онъ страстно любилъ музыку, живопись, хорошіе стихи, которые превосходно читалъ, благоговѣлъ передъ всѣмъ прекраснымъ... Квартира его была вся увѣшана картинами и цвѣтами...“

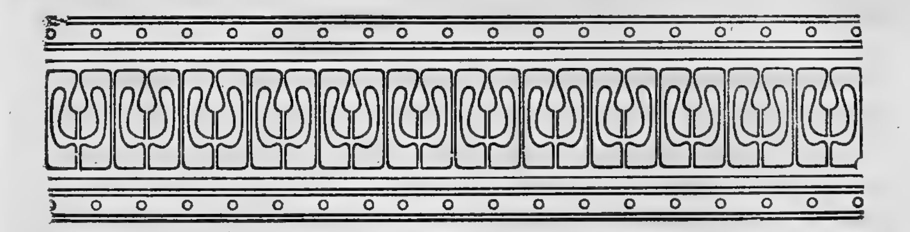
Умеръ онъ въ 1858 году 86-ти лѣтъ отроду, сохранивъ до послѣдняго дня память и полное сознаніе, посѣщаемый молодежью во время мучительной болѣзни и успокоиваясь отъ страданій, когда въ сосѣдней комнатѣ ему наигрывали мелодіи изъ „Нормы" или „Сомнамбулы". Особенно часто посѣщалъ и любилъ его братъ его невѣстки, Болесл. Мих. Маркевичъ, впослѣдствіи извѣстный писатель-романистъ. По горячо написанному некрологу можно судить, какою любовью пользовался этотъ величавый по внѣшности и снисходительный, умный и благородный старикъ. На памятникѣ его могилы написано:

„На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта".

Выдающаяся личность И. Я. Бухарина можетъ служить, если не образцомъ, то во всякомъ случаѣ образомъ русскаго барина конца 18-го до половины 19-го столѣтій. Утонченное воспитаніи, не мудрое первоначальное образованіе, доведенное впослѣдствіи имъ самимъ до высокой степени культурности, самостоятельность, доходившая до своеволія, гордость, считавшаяся только съ собственною совѣстью, гражданское мужество, не страшившееся ни суда, ни утраты положенія и карьеры, когда въ дѣло была замѣшана борьба съ преступной недобросовѣстностью—всѣ эти черты характера были болѣе или менѣе присущи людямъ того времени, оставившимъ за собою память въ исторіи.

В. Лѣсницкая.

Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента.

Среди казанскихъ студентовъ моего времени, а это было вторая половина шестидесятыхъ годовъ, въ большомъ ходу былъ разсказъ объ одномъ необычайно странномъ происшествіи, которому, казалось, бы, всего менѣе было мѣсто среди учащейся молодежи, но, удивительное дѣло, студенты, народъ вообще не религіозный, серьезно относились къ этому разсказу, нисколько не сомнѣваясь въ полной дѣйствительности разсказываемаго.

Когда имѣло мѣсто это происшествіе, точно опредѣлить невозможно, но въ немъ играютъ роль казеннокоштные студенты, а такъ какъ институтъ этотъ упраздненъ Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1858 г., то, очевидно, происшествіе это, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, могло быть никакъ не позже 1858 года.

Казанскій университетъ помѣщается па Воскресенской улицѣ. Это Невскій проспектъ Казани, въ двухъэтажномъ не особенно красивомъ каменномъ зданіи, съ колоннадою вдоль улицы. Въ нижнемъ этажѣ этого дома, во всю длину его, идетъ темный корридоръ, освѣщавшійся въ мое время, въ теченіе всего дня, лампами. По обѣ стороны этого корридора—расположены комнаты, выходящія окнами частью на улицу, частью во дворъ. Въ этихъ комнатахъ и помѣщались казеннокоштные студенты по два, по три на комнату, а нѣкоторые, особенно студенты старшихъ курсовъ, были размѣщены и по одному. Окнами на улицу выходили очень не многія изъ занятыхъ студентами комнатъ, и ими особенно дорожили не только живущіе въ нихъ, но и всѣ казеннокоштные, вѣроятно потому, что по правиламъ

университета, всѣ они должны были въ 9—10 ч. вечера быть на-лицо подъ угрозою карцера, опоздавшимъ оставалось проникать черезъ ворота, уплачивая извѣстную мзду сторожу, но какъ казеннокоштные были сплошная бѣднота, то имъ не по силамъ былъ такой расходъ. Вотъ тутъ-то и приходили на помощь комнаты съ окнами на улицу: стоило оставить окно незапертымъ и пользоваться имъ, какъ входной дверью. Такимъ образомъ комнаты эти обслуживали не только своихъ обитателей, но и всѣхъ товарищей по интернату.

А какая бѣднота была въ Казанскомъ университетѣ, даже въ мое время—вотъ тому живые примѣры: группа студентовъ проживала тогда въ двухъ домахъ Ѳомина и Львова, именовавшихся почему-то Ѳоминскимъ и Львовскимъ скитами; одинъ изъ этихъ домовъ былъ опечатанъ полиціею, какъ предназначенный за ветхостью къ сломкѣ. Въ этомъ-то домѣ, съ разрѣшенія полицеймейстера, извѣстнаго тогда всему Поволжью Х. Н. Мосолова, поселилось 5—6 студентовъ. Имъ была предоставлена даровая квартира съ правомъ употреблять на отопленіе ненужныя имъ части строеній: сарай, перегородки въ домѣ и даже, въ случаѣ особой нужды, крыльцо. У этой группы было только два полныхъ комплекта одежды, въ которыхъ можно показаться на улицѣ; въ нихъ они ходили по очереди на лекціи и отправлялись въ разнаго рода экскурсіи; чѣмъ они питались—Господь вѣдаетъ. Помню я, однажды, разсказывали они намъ съ восторгомъ, „что имѣли сегодня превосходный куриный супъ". Оказалось, что у сосѣдки скончалась естественною смертью курица—они ее заполучили будто бы для какихъ-то опытовъ и съѣли. „И какая была жирная покойница, какой чудный супъ вышелъ", восхищались они. Помнится другой случай; наша группа—а я жилъ съ четырьми товарищами—по случаю полученія однимъ изъ насъ изъ дому денегъ, порѣшили устроить банкетъ. Купили бутылку водки, булокъ, колбасы, сыру, горшокъ молока и шоколадъ, разсчитывая выпить, закусить, сварить шоколадъ, чѣмъ и завершить пиршество. Въ ожиданіи этого пиршества, пошли мы прогуляться, возвращаемся, и что же? Видимъ пустую бутылку изъ-подъ водки, пустой горшокъ отъ молока, на полу обрывки бумаги отъ шоколада, а въ нашей комнатѣ благодушно улыбающихся скитчанъ. Оказалось, что случайно одинъ изъ нихъ во время нашего отсутствія зашелъ къ намъ и, увидя обиліе съѣстныхъ припасовъ, моментально далъ знать своимъ, тѣ нагрянули и все уничтожили. На наши упреки они отвѣтили

вопросомъ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на него: „Вы сегодня обѣдали? Такъ вѣдь? А мы нѣтъ“. Что же можно было сказать противъ такого довода?

А какъ находчива нужда. Одному изъ скитчанъ хозяйка нашей квартиры подарила подкладку отъ стараго пальто. Онъ ухитрился сшить изъ нея пиджакъ, да и какъ ловко устроилъ это. Собственноручно распоролъ онъ свой довольно печальнаго вида пиджакъ, по нему выкроилъ такой же изъ коленкора, а затѣмъ собственноручно же сшилъ ихъ оба. Приходя къ намъ въ этомъ своей работы пиджакѣ, онъ съ радостью говорилъ: „а вѣдь недурно сидитъ? а? право очень недурно“.

Въ числѣ этихъ скитчанъ былъ одинъ въ своемъ родѣ Ломоносовъ, онъ прибылъ въ Казань изъ Сибири съ обозомъ и добродушно, со смѣхомъ разсказывалъ, какъ онъ мерзъ въ своемъ неподходящемъ къ климату костюмѣ дорогою, которую продѣлалъ частью пѣшкомъ, частью на возу, куда его сажали изъ жалости обозчики.

Если кто изъ знакомыхъ скитчанамъ студентовъ добывалъ урокъ, конечно такой, который не особенно соблазнялъ его, онъ предоставлялъ его скитчанамъ; тѣ тщательно обсуждали, который изъ нихъ былъ бы наиболѣе подходящимъ для этого дѣла, совокупно обмундировывали его наличнымъ платьемъ, а гонораръ шелъ, разумѣется, въ общую кассу.

Такъ жила эта бѣднота въ мое время; никакихъ благотворительныхъ обществъ въ Казани тогда не имѣлось, да, думается, скитчане и не взяли бы предложенныхъ имъ пособій; все, чѣмъ пользовались они отъ университета—это освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, гонорара тогда не было.

А между тѣмъ изъ этихъ скитчанъ вышли одинъ хорошій профессоръ и одинъ недурной врачъ - практикантъ, извѣстный всему Поволжью.

Лѣтъ черезъ десять по окончаніи курса, мнѣ случилось быть въ Казани, и я встрѣтилъ на улицѣ одного изъ скитчанъ, нѣкоего Г., бывшаго тогда уже профессоромъ химіи въ Казанскомъ университетѣ. Въ модномъ пальто, въ цилиндрѣ, ярко красныхъ, какъ носили тогда, перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ шелъ онъ по Воскресенской; мы разговорились. „А помнишь ты куриный супъ и коленкоровый пиджакъ?“ спросилъ я. „Ну какъ же не помнить. Какое, другъ мой, чудное время было! Его уже не вернешь“, съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ онъ.

Казеннокоштные, въ громадномъ большинствѣ, такіе же круглые бѣдняки, находились конечно въ лучшемъ положеніи:

они были болѣе или менѣе сыты, одѣты и имѣли приличное помѣщеніе.

Возвращаюсь къ разсказу.

Однажды въ квартирѣ одного изъ сравнительно-зажиточныхъ студентовъ на Старо-Горшечной улицѣ, собралось нѣсколько товарищей; толковали о прочитанномъ, о лекціяхъ, объ экзаменахъ и профессорахъ, а затѣмъ перешли къ разнаго рода анекдотамъ и разсказамъ изъ дѣйствительной жизни; появились импровизаторы, тутъ же сочинявшіе разнаго рода повѣствованія; бесѣда особенно оживилась, когда коснулись нравовъ и образа жизни духовенства и, мало-по-малу, разсказы стали принимать явно кощунственный характеръ.

Было уже около 11 ч. вечера; въ числѣ собесѣдниковъ находился казеннокоштный студентъ, и не думавшій собираться домой, такъ какъ жилъ въ комнатѣ, выходящей окномъ на улицу, и помѣщался въ ней одинъ, а стало быть несвоевременнымъ возвращеніемъ не могъ никого обезпокоить. Это былъ добрый товарищъ, обыкновенно веселый и жизнерадостный и къ религіознымъ вопросамъ относившійся такъ же легко, какъ и большинство студентовъ. Онъ до сихъ поръ мало принималъ участія въ разговорѣ, но вдругъ вспомнилъ, а можетъ быть и придумалъ особенно пикантный разсказъ изъ области религіи; воспользовавшись минутною паузою, онъ сказалъ: „А хотите, братцы, я вамъ разскажу исторію преинтересную. Послушайте-ка". Всѣ насторожились, такъ неожиданно было это предложеніе молчавшаго до сихъ поръ студента; общее вниманіе было обращено на него, и всѣ ждали его разсказа, но онъ вдругъ поблѣднѣлъ, замолкъ и, какъ-то тяжело дыша, уставился глазами въ одну точку, а затѣмъ, упавшимъ голосомъ, сказалъ: „я пойду домой, господа". Да что съ тобою? Что за блажь на тебя нашла? Давай твой разсказъ, раздались голоса.

— Нѣтъ, я пойду домой, упорно отвѣтилъ тотъ.

— Какая муха тебя укусила?—сиди, да разсказывай.

— Я пойду домой, повторилъ онъ, взялъ фуражку и ушелъ.

— Что съ нимъ случилось? Вотъ странный человѣкъ!—потолковали, потолковали остальные и, порѣшивъ вопросъ словами, ну, да чортъ съ нимъ совсѣмъ, продолжали прерванную бесѣду.

Прошло около часу, дверь отворилась, и появился тотъ же казеннокоштный, блѣдный, задыхающійся и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „я у васъ останусь ночевать".

Всѣ были въ полномъ недоумѣніи, стали было его разспра-

шивать, но онъ не отвѣчалъ ни слова, и все время, пока оставались гости, сидѣлъ молча, видимо удрученный, опустивъ голову на руки, а когда компанія разошлась, такъ же молча улегся на свободномъ диванѣ въ комнатѣ товарища, когда же послѣдній проснулся утромъ—гостя уже не было.

Онъ вернулся часамъ къ 9 утра и разсказалъ слѣдующее.

— Помнишь, вчера я хотѣлъ разсказать анекдотъ съ крайне язвительными насмѣшками надъ религіей, обрядами, а въ особенности надъ иконами; я уже разинулъ ротъ, набравъ воздуха какъ увидѣлъ передъ собою человѣка, именно человѣка: то было не видѣніе, не тѣнь, а живой человѣкъ изъ плоти и крови. Передо мною стоялъ старичекъ, съ сѣдою, коротко остриженною бородою и большою, во всю голову, лысиною; на немъ было что-то въ родѣ архіерейскаго облаченія; голова была непокрыта; въ высшей степени доброе лицо его было строго, и эта строгость, эти сжатыя губы и нахмуренныя брови какъ-то не шли къ его добродушной физіономіи. Онъ строго, строго посмотрѣлъ на меня и погрозилъ мнѣ пальцемъ; я обомлѣлъ, впившись въ него глазами, но онъ исчезъ и исчезъ такъ же быстро, какъ появился... былъ тутъ и его не стало.

Не скажу, чтобы я особенно испугался, нѣтъ, но мнѣ страшно захотѣлось идти домой и почему-то непремѣнно сію минуту, то было неотразимое желаніе, и я не могъ преодолѣть его. Помнится, вы меня уговаривали остаться, но я ушелъ. Дорогою со мною ничего особеннаго не случилось, голова моя была совершенно свѣжа, только меня что то угнетало, какая-то тоска напала. О чемъ я думалъ дорогою –не помню, только никакъ не о бывшемъ мнѣ видѣніи, я, какъ будто, забылъ о немъ. Такъ я дошелъ до университета, подошелъ къ моему окну и увидѣлъ, что оно освѣщено. Меня это особенно не удивило: я подумалъ, что въ моей комнатѣ ктонибудь изъ товарищей, но, взглянувъ въ окно, я остановился въ изумленіи и замеръ: представь себѣ на моей кровати, въ обычной позѣ, лежалъ я, держа въ одной рукѣ книгу, въ другой папиросу, у кровати, какъ это обыкновенно бывало, стоялъ мой деревянный табуретъ, а на немъ горѣвшая свѣча. Словомъ, это былъ я, собственною персоной и въ обычной обстановкѣ; лежалъ я безъ сюртука въ одной рубашкѣ, я даже замѣтилъ оторванную пуговицу на воротѣ рубахи, даже разглядѣлъ дырку близъ этой пуговицы... я окаменѣлъ, нѣсколько разъ протиралъ глаза и видѣлъ все такъ же ясно, какъ вижу теперь тебя, Добро бы былъ пьянъ, но вѣдь ты хорошо знаешь, что я весь

вечеръ былъ у тебя на глазахъ и что мы ничего не пили, хоть бы я думалъ о чемъ-либо подходящемъ—клятвенно удостовѣряю, что, ни во время бесѣды нашей, ни собираясь разсказать свой анекдотъ, ни, наконецъ, даже дорогою, уже послѣ появленія таинственнаго старца, я ни о чемъ сверхъестественномъ не думалъ. Какъ это ни странно, но самое появленіе старца, не скажу, чтобы испугало или удивило меня, мнѣ только страшно, томительно страшно захотѣлось домой. Это было единственно, что я чувствовалъ.

Сколько времени я стоялъ у окна, не знаю, вѣроятно нѣсколько секундъ, но мнѣ казалось, что я стою тутъ долго, долго. Вдругъ моментально свѣтъ горѣвшей свѣчи—погасъ, и комната погрузилась въ полную темноту. Вотъ тутъ, сознаюсь, мнѣ стало страшно; по спинѣ забѣгали мурашки; казалось мнѣ, что волосы поднимаются дыбомъ; я почти бѣгомъ вернулся сюда и остался у тебя ночевать; говорить мнѣ не хотѣлось, мнѣ тяжело было видѣть товарищей, я, какъ помнишь, все время молчалъ и ни слова не сказалъ весь вечеръ. Большое спасибо тебѣ и товарищамъ, что не приставали ко мнѣ съ разспросами; вѣроятно вмѣсто отвѣта я обругалъ бы васъ всѣхъ.

Уснулъ я скоро и спалъ спокойно, какъ всегда, безъ сновидѣній, а утромъ, пока ты спалъ, отправился домой. У университета я засталъ толпу народа и полицію; оказалось, что ночью въ моей комнатѣ упала штукатурка: свалилось ея съ потолка нѣсколько пудовъ, и вся эта груда рухнула на головную часть моей кровати, при чемъ тяжестью своею раздавила ее: у кровати сломаны обѣ переднія ножки и совершенно раздроблена спинка; даже моя подушка и та оказалась пробитою вѣроятно острыми углами упавшихъ кусковъ штукатурки. Представь себѣ, что бы было изъ меня, если бы эта масса упала, когда я спалъ на кровати! думаю, что и костей не осталось бы. Вотъ что, другъ мой, случилось со мною вчера.

— „А можетъ быть паденіе штукатурки плодъ такой же галлюцинаціи, какъ и видѣніе старца? спросилъ, прослушавшій всю эту исторію, студентъ.

— Господи, Боже мой, пойдемъ сейчасъ же и посмотримъ; тамъ и теперь вѣроятно стоитъ толпа любопытныхъ, отвѣтилъ разсказчикъ.

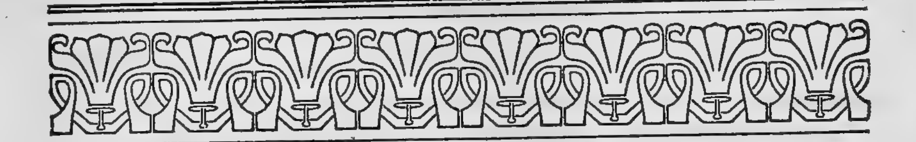
Они пошли и убѣдились въ дѣйствительности происшествія. О паденіи штукатурки зналъ уже весь университетъ и чуть ли не весь городъ, а растерявшіяся власти успокоились тогда

только, когда увидѣли обитателя комнаты живымъ и здоровымъ.

Этотъ разсказъ пришлось ему повторить неоднократно, и очень немногіе отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, и мнѣ, много лѣтъ спустя, слышавшему эту исторію, передавали ее, какъ нѣчто необычайное, сверхъ естественное, трудно объяснимое, но тѣмъ не менѣе вполнѣ истинное, не подлежащее сомнѣнію, происшествіе.

Ив. Мѣщаниновъ.

Петръ Великій лѣкарь.

Въ первой книжкѣ издававшагося въ Москвѣ Обществомъ соревнованія врачебныхъ и физическихъ наукъ журнала, вышедшей въ 1808 году и являющейся большой библіографической рѣдкостью, имѣется интересное сообщеніе о медицинской дѣятельности Петра Великаго. Помѣстилъ этотъ „Анекдотъ о врачебныхъ познаніяхъ Государя Императора Петра Великаго“ членъ указаннаго общества, докторъ медицины и кавалеръ Иванъ Григорьевичъ Миндеръ, въ то время главноначальствующій надъ медицинской частью въ Заднѣпровской арміи.

„Извѣстно, пишетъ Миндеръ, что блаженной и вѣчной памяти Государь Императоръ Петръ Великій особенную имѣлъ склонность къ врачеванію, что съ любимцемъ своимъ лѣкаремъ Тирмондомъ хаживалъ по домамъ къ частнымъ людямъ, дабы либо быть зрителемъ предпринимаемыхъ лѣкарскихъ рукодѣйствій, либо самъ оную должность отправлялъ. Г. Штегелинъ повѣствуетъ, что Онъ здѣсь у одной Голландской купчихи, одержимой водяною болѣзнью, своеручно исцѣдилъ воду, да и понынѣ еще въ саду при Московскомъ Военномъ Госпиталѣ существуетъ та липа, подъ которою Онъ самъ у больныхъ перевязывалъ раны, отворялъ кровь, выдергивалъ зубы, и при всѣхъ предпринимаемыхъ операціяхъ либо помощникомъ былъ, либо самъ оныя исполнялъ. Сколь далеко простирались врачебныя познанія Его Величества, явствуетъ изъ слѣдующаго письма, которое нашелъ въ архивѣ Московскаго Военнаго Госпиталя конторы, почитаю достойнымъ обнародовать для памяти и славы сего человѣколюбиваго Монарха. Сіе письмо

писано къ тогдашнему, при оной госпитали находившемуся лейбъ-медику Его Императорскаго Величества Бидлоо".

Слогъ письма, сообщаетъ редакція „Медико-физическаго журнала" [1]), удержанъ во всей точности найденнаго оригинала.

Благородный и Превосходительный Господинъ!

Господинъ Докторъ! Милостивый Государь!

Николай Албертовичъ!

Его Императорское Величество изволилъ всемилостивѣйше собственнымъ своимъ трудолюбіемъ присмотрять неисцѣлимыя тягостныя раны мои сквозь горло и грудныя части, гдѣ нынѣ пуля стоитъ съ положеніемъ кнота не малого; какъ дивно натура многотрудное лѣченіе къ совершенному возвращенію здравія успѣла; между которыми паки смотрѣлъ Его Всемилостивѣйшее Величество, и что нога перебита правая выше колѣна, круглая на поль и нѣсколько оной кости вонъ вынуто и приложена той кости край съ краемъ и по нѣскольку времени облилась хрящемъ и тако сжилась, только противъ другой ноги короче стала на три вершка, а пряма такъ какъ и другая, но только оной согнутія нимало не было, что Его Всѣмилостивѣйшее Императорское Величество изволилъ и свидѣтельствовать разсудительно, милостиво объявилъ собственное свое лѣкарство, которое при разсужденіи изволилъ милостливо увѣщевать, чтобы оное паки къ вѣроятію было, понеже оное есть внѣ аптекъ, но токмо ихъ Высоковеличества собственною практикою, что объявляется: взять ноги скотскіе, а вящще отъ коровъ или отъ лошацей, и оныя, очистя съ нихъ шерсть, варить въ водѣ довольно, дондеже грубія кости отъ кожи отвалятся, и оное разливъ въ горшечки застудить и будетъ квашенина, и тѣмъ повелѣно было разогрѣвъ гораздо, намазывать на ветоши и окладывать колѣно кругомъ и горячимъ поливать, и какъ отъ оного взогрѣется гораздо, велѣно сильно въ колѣнѣ оную ногу гнуть, и оное дѣйство имѣть девять дней, и по окончаніи того дѣйства въ третій день означенная въ колѣнѣ нога такъ крѣпко хруснула на такой экземпломъ якобы переломить палку, и съ того времени стала нога гнуться въ колѣнѣ,

---

[1]) „Первая часть сего журнала вышла въ свѣтъ незадолго до нашествія непріятеля. Нѣкоторое количество экземпляровъ было распродано, а большее число погибло", говорится въ предисловіи ко второй части также погибшей и переизданной въ 1821 году.

а нынѣ уже гнется свободно съ помянутаго лѣкарства и гораздо свободно, что даетъ и на лошадь сѣсть верьхомъ, что никогда послѣ означенныхъ ранъ не бывало, и то нынѣ имѣю себѣ отъ Всемогущаго Бога и милостливымъ трудолюбіемъ Императорскаго Величества въ вѣчномъ моемъ благодареніи и за вѣрно признаю оную практику, и паки предаю благодареніе какъ гражданского такъ и церковному, остаюсь въ упованіи надежномъ Дому Его Императорскаго Величества походной канцеляріи Судья Маэоръ Андрей Елагинъ.

Февраля 20 дня,
1723 года.

У больного судьи Елагина, какъ мы видимъ, среди другихъ раненій имѣлся очень безпокоившій его переломъ лѣвой бедреной кости, приковывавшій его къ постели. Благодаря продолжительной неподвижности, необходимой для успѣшнаго лѣченія перелома, образовался анкилозъ въ колѣнномъ суставѣ. Горячія припарки, разрывъ, ежедневная гимнастика принесли уничтоженіе сращеній и возвратили ногѣ потерянныя движенія.

Сообщилъ д-ръ **Л. Прозоровъ.**

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ

1813 и 1814 года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

IV [1]).

Характеръ и личность Императора Александра I выступаютъ рельефнѣе всего и вырисовываются въ наиболѣе яркомъ освѣщеніи въ періодъ Отечественной войны и послѣдовавшихъ за ней походовъ, вплоть до послѣдняго засѣданія Вѣнскаго конгресса. Упомянутые три года представляли кульминаціонный пунктъ его дѣятельности,—какъ правителя государства. Въ борьбѣ съ *Наполеономъ* онъ проявилъ всю свою силу воли, свою ловкость, свое терпѣніе и упорство. Возвышаясь значительно надъ интеллектуальнымъ уровнемъ всѣхъ окружавшихъ его въ ту пору монарховъ—за исключеніемъ одного *Наполеона*—онъ, ни на одинъ часъ, не переставалъ изображать собой загадку, тѣмъ болѣе сложную, что въ повседневномъ обиходѣ казался всегда настолько простымъ, добрымъ, доступнымъ, невзыскательнымъ, благожелательнымъ и не преслѣдующимъ никакихъ затаенныхъ личныхъ цѣлей, что ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣнія относительно двойственности своего характера. Онъ дѣйствовалъ иногда не рѣшительно, но при этомъ его колебанія вызваны были всегда какъ бы сомнѣніями этическаго свойства. Въ безсмертномъ своемъ литературномъ эпосѣ: „Война и Миръ“ *Л. Н. Толстой* задаетъ между прочимъ такой вопросъ касательно Александра I, не находя на него отвѣта и предоставляя его рѣшить читателямъ: „Какъ могъ

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

такой добрый, гуманный, сердечный человѣкъ, какъ Императоръ *Александръ I*, держать около себя такую личность, какъ Аракчеевъ, и давать ей право къ неограниченному проявленію своего дикаго произвола [1])". Намъ сдается, что, не давая отвѣта на собственный вопросъ, великій писатель въ данномъ случаѣ немного слукавилъ, что впрочемъ встрѣчалось у него впослѣдствіи нерѣдко. *Толстой* долженъ былъ понять, *что Александру I Аракчеевъ былъ необходимъ*. Какъ человѣкъ даровитый, довольно просвѣщенный и развитой, *Александръ I* убѣдился вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, что управлять такимъ громаднымъ государствомъ, населеннымъ вдобавокъ ко всему на двѣ трети полуцивилизованнымъ народомъ, а на оставшуюся треть совершенно еще дикими инородцами, какъ Россія, *нельзя* съ помощью, или на основаніи тѣхъ принциповъ, теоремъ и научныхъ доктринъ, которыя онъ такъ охотно воспринималъ отъ своего воспитателя *Лагарпа* и вычитывалъ изъ сочиненій энциклопедистовъ. Онъ чувствовалъ самъ, да и зналъ изъ исторіи недавняго прошлаго, что для того, чтобы держать страну, походившую скорѣе на отдѣльную часть свѣта въ полномъ повиновеніи, нужна желѣзная сила воли, чрезвычайная бдительность и необычайно крѣпкія руки, ни на минуту не отпускавшія туго натянутыя бразды правленія. Все это прекрасно понималъ молодой русскій самодержецъ, выступавшій послѣ внезапной катастрофы при крайне своеобразной обстановкѣ на арену широкой политической дѣятельности. Но въ то же время *Александръ I* сознавалъ, какая отвѣтственность ложится на государя за всѣ дѣянія цѣлой арміи чиновниковъ и служащихъ, не отличавшихся особенной безупречностью въ нравственномъ отношеніи и весьма склонныхъ къ произвольнымъ правонарушеніямъ, къ лихоимству, казнокрадству и грубымъ притѣсненіямъ ни въ чемъ неповинныхъ людей только изъ личныхъ побужденій.

Русскій народъ смотрѣлъ на Царя, какъ на заступника, вершителя судебъ, милостиваго и щедраго покровителя всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Терпѣливо снося всѣ притѣсненія, вымогательства, онъ таилъ надежду, что когда вѣсть обо всемъ этомъ дойдетъ до Царя, то всѣ страданія прекратятся сразу. Нарушать такую укоренившуюся въ народѣ вѣру было опасно, а потому являлась необходимость въ разобщеніи народныхъ массъ съ высшей инстанціей монархическаго управленія и къ созданію крѣпкаго

---

[1]) Я цитирую Толстого отнюдь не дословно, а лишь на память и приблизительно по смыслу.

средостѣнія между главою государства и всѣми слоями населенія, стиснутыми вдобавокъ въ твердо установленныя сословныя рамки. Устранить въ короткое время все зло, исходившее непосредственно отъ малокультурной чиновничьей среды, чувствовавшей себя свободной отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ собственной совѣсти, смягчить нравы народа и развить въ немъ элементарныя понятія о правовомъ порядкѣ посредствомъ постепеннаго поднятія нравственности и просвѣщенія, оказалось задачею, превышающей въ то время духовныя и экономическія силы русскаго государства. *Намъ нуженъ былъ тогда просвѣщенный абсолютизмъ*, при строжайшемъ бдѣніи истинно религіозныхъ и правовыхъ началъ, воспитывающихъ народъ подаваемыми свыше хорошими примѣрами и посредствомъ строжайшаго требованія отъ каждаго, состоявшаго на государственно-общественной службѣ,—исполненія своего долга. Суровый, но справедливый режимъ возымѣлъ бы свое благотворное, воспитательное дѣйствіе. Но *Александру I* роль энергичнаго, безпощадно-строгаго охранителя правового порядка съ законнымъ послушаніемъ царской и правительственной власти не нравилась, онъ предпочиталъ соотвѣтственно своему эластичному сангвиническому характеру разыгрывать гораздо болѣе благодарное амплуа добродѣтельнаго „Deus ex machina“, являющагося въ самый критическій, сирѣчь, послѣдній моментъ въ качествѣ безпристрастнаго благожелательнаго вершителя судебъ. Безжалостное осужденіе и неутомимое преслѣдованіе всѣхъ неблаговидныхъ поступковъ служащихъ, ихъ безнравственнаго поведенія и нерадѣнія по отношенію къ прямымъ своимъ обязанностямъ, равно какъ неповиновеніе законнымъ требованіямъ правительства со стороны обывателей, возлагались на высшихъ и на ближайшихъ сотрудниковъ царя, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ, но дѣйствовавшихъ какъ бы совершенно самостоятельно. При самомъ идеально-честномъ, безпристрастномъ исполненіи своихъ тяжелыхъ обязанностей, такіе, уполномоченные царскимъ повелѣніемъ, сановники никогда не пользовались симпатіями общества или міра служащихъ. Люди, по свойственному человѣку характеру, трудно мирятся съ самымъ справедливымъ взысканіемъ и наказаніемъ за совершенныя ими ошибки или упущенія; они всегда склонны видѣть въ наказующемъ начальникѣ личнаго врага. Когда же суровая кара постигаетъ порою невиннаго или слишкомъ незначительно провинившагося служащаго, или гражданина, то чувство обиды и неудовольствія превращается легко въ лютую ненависть и неудержимое желаніе отомстить обидчику. Если къ этому при-

бавить то усугубляющее обстоятельство, что безотвѣтственнымъ рѣшителемъ судьбъ сотни тысячъ людей является человѣкъ по натурѣ злобный, грубый, ограниченный, преисполненный самой необузданной жаждой произвола, не считающійся ни съ какими законами и находящій особое наслажденіе вмѣстѣ съ нравственнымъ удовлетвореніемъ въ томъ, чтобы по возможности нагонять на всѣхъ побольше страха и трепета, то можно себѣ представить, какая громадная свинцовая туча ненависти могла собраться и стоять надъ такимъ человѣкомъ, а таковымъ былъ несомнѣнно *Аракчеевъ*. Выборъ *Александра I* палъ потому лишь на него, что онъ не боялся брать на себя всю отвѣтственность за всѣ дѣянія, въ томъ числѣ, конечно, и за ошибки и промахи самого государя.

Сосредоточить на себѣ всю ненависть общества и народа *Аракчеевъ* взялся отнюдь не изъ самоотверженной преданности къ царю, какъ онъ старался увѣрить въ этомъ *Александра I*, а изъ врожденной злобности и сладострастнаго чувства всюду изображать собой гибельную грозу, не дѣлая при этомъ различія между виновными и ни въ чемъ неповинными передъ закономъ людьми. Быть первымъ лицомъ въ странѣ послѣ государя казалось для ограниченнаго временщика верхомъ блаженства и счастья. Чтобы удержаться на высотѣ своего положенія, онъ зналъ одно только средство—постоянное увеличеніе въ населеніи и обществѣ страха и гнета. Императоръ *Александръ I* не возставалъ противъ такой первобытно-деспотической системы правленія; онъ видѣлъ царившее вокругъ него внѣшнее спокойствіе и безопасность своей особы, не справляясь о томъ, какой цѣной она была куплена. Ненависть и общее презрѣніе, которыя возбуждалъ противъ себя *Аракчеевъ*, были ему очень хорошо извѣстны, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на неизбѣжное явленіе въ дѣлѣ управленіи такой обширной и своеобразной въ культурномъ отношеніи страной, какъ Россія, будучи въ душѣ радъ, что враждебныя чувства всего мыслящаго и образованнаго населенія не направлены были исключительно противъ него. *Вотъ для чего нуженъ былъ Аракчеевъ Императору Александру I.* Имя этого злополучнаго временщика было нарицательнымъ, *ибо онъ изображалъ собой систему, а не случайное явленіе!* Въ сущности *Аракчеевъ* былъ немного перелицованнымъ *Малютой Скуратовымъ* и *Бирономъ* начала XIX-го столѣтія, по темпераменту и духу онъ могъ считаться прямымъ наслѣдникомъ, правнукомъ предыдущихъ двухъ временщиковъ-палачей. *Но съ другой стороны было бы крайне ошибочно и прямо*

несправедливо полагать, что Императоръ Александръ не руководился въ своихъ поступкахъ, повелѣніяхъ, а также и во всемъ своемъ поведеніи нравственными стимулами. Отрицать этого никто не можетъ, ибо доказательства тому заключаются въ достаточномъ количествѣ. Загадочность и трагизмъ его положенія вытекали преимущественно изъ того нерѣдко явнаго противорѣчія, которое обнаруживалось между лелѣянными имъ благими намѣреніями и тѣмъ, во что они превращались не только по винѣ исполнителей, но и въ силу опрометчиво вложенныхъ въ высочайшія повелѣнія основныхъ взглядовъ на дѣла государственнаго управленія. Недостатокъ яснаго всесторонняго пониманія задачъ и цѣлей, лежащихъ на самодержавномъ монархѣ, какъ отвѣтственномъ передъ исторіей правителѣ государства, неумѣнье и нерѣшительность пользоваться дарованной ему Провидѣніемъ властью тамъ, гдѣ это требовалось неотложно для блага народа, и безпрерывныя попытки примѣнить во внѣшней и внутренней политикѣ утопическія теоремы недостижимаго на практикѣ земного благополучія съ явнымъ непониманіемъ принципіальнаго, основного различія между этикой, требуемой для руководства дѣлами внутренней политики, и этикой, которая нужна при сношеніяхъ съ иностранными государствами, были причиной, что достигнутые Императоромъ *Александромъ I* блестящіе на видъ успѣхи въ внѣшнихъ военно-политическихъ дѣлахъ оказались при внимательномъ разслѣдованіи лишь *красивой скорлупой, скрывавшей прогорклое для Россіи ядро.*

Хотя въ періодъ послѣднихъ войнъ, предпринятыхъ съ цѣлью низверженія *Наполеона I* съ диктаторскаго трона Европы, личность и характеръ *Александра I* всего доступнѣе были для всесторонняго наблюденія, онъ все же остался во многихъ отношеніяхъ тѣмъ неразгаданнымъ сфинксомъ, какимъ бывалъ и прежде.—Одно лишь несомнѣнно, что этотъ весьма недюжинный по дарованію человѣкъ умѣлъ все время такъ удачно гримироваться разнообразнѣйшими снадобьями, выбранными имъ по дешевой цѣнѣ изъ богато-составленнаго каталога нравственной косметики, что даже близко стоявшія къ нему лица не могли распознать за скрывавшей маской подлинныя его черты. Поставленный волею судебъ преждевременно на мѣсто, гдѣ ему приходилось сразу „*дѣлать исторію*“, безъ малѣйшей къ тому подготовки, онъ, не изучивъ и не понявъ примѣрные уроки исторіи (одно поверхностное знаніе фактовъ и хронологическаго порядка событій да еще въ крайне тенденціозномъ, одностороннемъ изложеніи Лагарпомъ всѣхъ скрытыхъ въ нихъ психоло-

гическихъ причинъ и явленій не могло замѣнить строго-научнаго столь важнаго для будущаго правителя предмета), сталъ принимать въ ней участіе, т. е. создавать политику, по выработанному имъ самимъ плану.

При оцѣнкѣ политическихъ явленій онъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживалъ поразительную близкорукость.

Не имѣя передъ собой духовной перспективы, его взоръ не способенъ былъ охватить причинную и общую связь между совершившимися событіями и возможными дальнѣйшими ихъ послѣдствіями и разными побочными осложненіями. Опрометчиво предпринятые походы 1805 и 1807 г. года служатъ подтвержденіемъ сказаннаго. Обѣ кампаніи были заранѣе обречены на неудачу. Чтобы придти къ такому выводу, у Императора *Александра I* не доставало точнаго пониманія *современнаго ему положенія*; послѣднее же могло быть пріобрѣтено только добросовѣстнымъ изученіемъ и знаніемъ прошедшаго, но этого-то у него именно и не хватало! Всякое правильное умозаключеніе вытекаетъ лишь изъ цѣльныхъ познаній; нужно умѣть прослѣдить пути, ведущіе отъ былого къ настоящему, современному. Мечтательность *Александра I* въ области всевозможныхъ безпочвенныхъ идей и доктринъ замѣняла ему положительное знаніе. Придерживаясь взгляда, внушеннаго ему, по всей вѣроятности, *Лагарпомъ*, что *политика должна подчиняться этикѣ*, онъ перенесъ этотъ пригодный для внутренняго управленія государства принципъ и на внѣшнія отношенія къ другимъ державамъ и народамъ, что было непростительной ошибкой, ибо этика, служащая во внутренней политикѣ оружіемъ борьбы съ эгоизмомъ отдѣльныхъ личностей или сословій, совершенно непригодна въ внѣшней политикѣ, гдѣ вопросъ касается усиленія государственнаго престижа и народнаго эгоизма въ смыслѣ повышенія его благосостоянія, доставленія всевозможныхъ выгодъ, необходимыхъ для поднятія могущества страны. *Правитель никогда не долженъ забывать, что охрана и независимость отечества и неусыпное попеченіе о его благѣ есть самодовлѣющая, наивысшая нравственная цѣль, указанная ему самимъ Провидѣніемъ.*

Но самой крупной, роковой ошибкой, въ которой скрывалось такъ много непонятнаго, было то непримиримо-враждебное отношеніе *Александра I*, которое онъ проявилъ къ *Наполеону I* послѣ кампаніи 1812 года.

Если въ феодально-ретроградныхъ кружкахъ монархической Европы считали *Наполеона I воплощеніемъ или исчадіемъ революціи*, то *Александру I* было непростительно присоединяться къ

такому ошибочному взгляду; онъ обладалъ несомнѣнно способностью лучшей оцѣнки, такъ какъ ему стоило провѣрить только съ полнымъ безпристрастіемъ собственныя воззрѣнія на многіе предметы въ области отвлеченныхъ понятій. Анализируя душевное настроеніе обоихъ противниковъ, можно легко доказать, что *Александръ I* подходилъ своимъ міросозерцаніемъ гораздо ближе къ политическимъ идеямъ якобинцевъ, нежели *Наполеонъ.* Послѣдній считалъ себя *наслѣдникомъ* революціи—что являлось тоже безусловно ошибочнымъ опредѣленіемъ. Въ дѣйствительности же геніальный корсиканскій полководецъ былъ самымъ суровымъ, безжалостнымъ противникомъ абсолютнаго народовластія и наиудачнѣйшимъ гасителемъ революціонныхъ вспышекъ, показывавшихся порою на громадномъ пепелищѣ послѣ грандіознаго государственнаго пожара въ началѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія. Подошвами своихъ ботфортъ, къ которымъ пристала земля почти со всѣхъ странъ Европы и видавшихъ столько блестящихъ побѣдъ, онъ затопталъ послѣднія тлѣющія искры въ оставшейся отъ революціонной стихіи золѣ.

Никто такъ твердо не укрѣпилъ вновь монархическій принципъ во Франціи, какъ *Наполеонъ*, послѣ провозглашенія и коронованія себя императоромъ. Но и раньше проявлялъ онъ геніальныя способности при водвореніи прочнаго порядка въ хаотическія дѣла государственнаго правленія и общественной неурядицы. *Восемнадцатое Брюмэра* привело этому блестящее доказательство.

Вотъ, что писали про этотъ единственный въ своемъ родѣ во французской исторіи государственный переворотъ наиболѣе наблюдательные современники-историографы, между которыми шведъ *Бринкманъ* заслуживаетъ особаго и безусловнаго довѣрія: *„Государственный переворотъ 18-го Брюмэра не обнаружилъ въ народѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ страха и недовѣрія. Радикальная и политическая сторона революціи перестала существовать.—Французскіе народные идеалы гражданской свободы воплотились въ Бонапартѣ. Проявился подъемъ народнаго духа и пробудились надежды на счастливое будущее. Ни одинъ законный монархъ при вступленіи своемъ на престолъ не встрѣчалъ такой готовности къ повиновенію, какую нашелъ Бонапартъ у своихъ согражданъ. Было бы очень странно, если бы такой искусный полководецъ не воспользовался подобнымъ настроеніемъ для того, чтобы создать болѣе удовлетворяющее нуждамъ народа прочное правительство. Франція выполнитъ въ буквальномъ смыслѣ слова невозможное, чтобы помочь Бонапарту въ*

этомъ. За исключеніемъ презрѣнной шайки анархистовъ, весь французскій народъ до такой степени жаждетъ отдохнуть отъ опротивѣвшихъ ему революціонныхъ ужасовъ и безразсудствъ, что считаетъ каждую перемѣну въ своемъ положеніи направленной къ лучшему. Рѣшительно во всѣхъ слояхъ французскаго общества осмѣиваютъ показное геройство демагоговъ. Всюду раздаются заявленія о желательности изгнать ихъ изъ Франціи. Никто не сталъ бы теперь сочувствовать попыткамъ къ осуществленію ихъ обольстительныхъ грезъ. Даже роялисты всѣхъ оттѣнковъ питаютъ къ Бонапарту искреннюю преданность, такъ какъ приписываютъ ему намѣреніе постепенно возстановить прежній порядокъ вещей. Равнодушные къ политическимъ принципамъ относятся къ Бонапарту, какъ къ человѣку наиболѣе способному доставить Франціи внутренній и внѣшній миръ. Просвѣщенные республиканцы хотя и трепещутъ за свои учрежденія, но предпочитаютъ, чтобы государственная власть находилась лучше въ рукахъ одного талантливаго человѣка, чѣмъ цѣлаго клуба интригановъ".—Какая разница между этой спокойной, безпристрастной, объективной характеристикой научно-образовавшагося шведскаго историка и тѣми отзывами, которые видѣли въ геніальномъ поработителѣ половины Европы воплощеніе или исчадіе революціи, способнаго лишь къ разрушенію давно и прочно установившагося порядка въ мірѣ. Увлекающійся несбыточными надеждами Императоръ *Александръ I* никакъ не могъ составить себѣ свое опредѣленное, независимое отъ постороннихъ внушеній, мнѣніе о характерѣ и личности новаго повелителя Франціи и о громадномъ политическомъ значеніи тѣхъ переворотовъ въ Западной Европѣ, которые нельзя было обратить вспять. Вмѣсто того, чтобы напречь всѣ силы для извлеченія пользы для Россіи изъ измѣнившихся послѣ французской революціи положеній, въ смыслѣ поднятія, по мѣрѣ силъ, промышленности и торговли, а на-ряду съ этимъ и облегчить сношеніе съ болѣе культурной Европой, онъ старался съ помощью оружія отстаивать принципъ легитимизма и незыблемость территоріальныхъ и суверенныхъ правъ мелкихъ германскихъ князей. Еще до похода 1805 года русское правительство обязано было приложить всевозможныя старанія, чтобы примирить Францію съ Англіей и предотвратить столкновенія между европейскими державами. Россія нуждалась въ продолжительномъ мирѣ для коренного переустройства ея внутренняго быта и реформированія всего государственнаго механизма. Если бы *Александръ I* имѣлъ вѣрное представленіе о тѣсной связи, существующей въ каждомъ государствѣ, между состоя-

ніемъ внутреннихъ дѣлъ и международнымъ положеніемъ, то онъ вѣроятно не предпринялъ бы безцѣльныхъ походовъ 1805 и 1807 г.г. Но разъ судьбѣ угодно было допустить обѣ роковыя ошибки, то *Александру I* слѣдовало тѣмъ болѣе ухватиться за предложенную ему *Наполеономъ I* въ Тильзитѣ дружбу, а не таить въ душѣ чувство мщенія. Предложенія французскаго императора открывали русской восточной политикѣ самые широкіе горизонты, Императоръ *Александръ I* могъ достигнуть того, чего мы не въ состояніи были добиться затѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія и посредствомъ трехъ кровопролитныхъ войнъ, стоющихъ намъ полмилліона жизней и трехъ милліардовъ рублей денегъ. Безпрерывно мечтавшій о счастіи своего народа, онъ отворачивался отъ улыбавшейся уже ему фортуны только потому, что не довѣрялъ новому другу и не хотѣлъ разстаться, на подобіе гладіатора,—съ мыслью еще разъ испытать свою силу въ схваткѣ съ могучимъ противникомъ. Порою поведеніе *Александра I* воскресало въ памяти черты тщеславія, присущія, судя по исторіи, многимъ древне-римскимъ и византійскимъ императорамъ. Соревнованіе имѣло для него только тогда интересъ и притягательную силу, когда оно происходило съ перворазряднымъ противникомъ. Лица, стоявшія въ интеллектуальномъ отношеніи ниже его, не возбуждали въ немъ желаніе состязаться съ ними; отсюда его удивительное и прямо непонятно-равнодушное, терпѣливое, невзыскательное отношеніе къ порою весьма безтактному поведенію короля прусскаго, императора австрійскаго и даже вошедшаго съ нимъ подъ руку на освобожденный русскими штыками отъ узурпатора французскій престолъ *короля Людовика XVIII-го.*

Тягаться съ такими лицами не представляло ничего заманчиваго для него. Но сверженіе гиганта, передъ которымъ трепеталъ весь міръ, въ прахъ, хотя-бы и съ пришедшей ему на помощь стихіей, это возвышало *Александра I* въ его собственныхъ глазахъ, ибо онъ видѣлъ въ этомъ указаніе якобы свыше. Ради достиженія такой цѣли онъ не считался со всѣми прочими нанесенными кѣмъ-либо ему обидами. Въ концѣ концовъ онъ такъ увлекся идеей спасти Европу отъ ига *Наполеона*, что самъ сталъ вѣрить въ Провидѣніе, избравшаго его орудіемъ избавленія человѣчества отъ появившагося на порогѣ девятнадцатаго столѣтія *второго, послѣ Аттилы, бича Божьяго!*

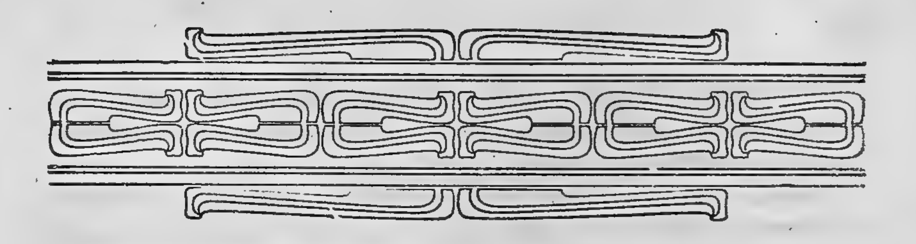
Въ своей экзальтаціи онъ не замѣчалъ тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчались такъ часто между его словами и дѣйствіями. Такъ примѣрно въ Калишѣ *Александръ I* заявляетъ,

какъ уже сказано, чуть не на подобіе торжественной клятвы, что желаетъ видѣть Францію *могущественной и счастливой*. Между тѣмъ онъ дѣлаетъ всевозможныя приготовленія, для успѣшнаго нападенія на эту самую Францію и изгнанія изъ нея единственнаго геніальнаго человѣка, способнаго сдѣлать ее и могущественной и счастливой.—Неужели онъ на самомъ дѣлѣ вѣрилъ въ возможность преуспѣянія и процвѣтанія Франціи при насильно водворенныхъ *Бурбонахъ?*

Развѣ можно было серьезно думать замѣнить освѣщенную легендарной славой титаническую въ, интеллектуальномъ значеніи этого слова, фигуру *Наполеона* ряженнымъ въ расшитую золотомъ генеральскую форму, полученную только-что отъ портного, живымъ манекеномъ, именуемымъ „королемъ" *Людовикомъ XVIII-мъ?* Нѣтъ, *Александръ I* не могъ такъ заблуждаться, и онъ вѣроятно самъ не вѣрилъ въ прочность режима, охраняемаго иностранными штыками. Впослѣдствіи выяснилась тщетность стараній посадить срубленное династическое дерево вновь въ землю. Корней оно не могло пустить, и достаточно было двухъ-трехъ сильныхъ порывовъ вѣтра, чтобы свалить его. *Александръ I* не дожилъ до этого финала, но если бы ему суждено было стать свидѣтелемъ паденія всего того, что онъ всѣми силами старался такъ поддержать, то быть можетъ онъ встрѣтилъ бы, памятуя прежнія заблужденія, извѣстіе о водвореніи во Франціи вновь имперіализма гораздо болѣе сочувственно, нежели находившійся въ такомъ же заблужденіи братъ его *Николай I*. Практическій курсъ исторіи не прошелъ бы для него даромъ, а завзятый политическій идеализмъ уступилъ бы мѣсто стремленіямъ къ достиженію болѣе конкретныхъ результатовъ.

М. В. Станиславскій.

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ [1]).

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Пока мы, набранные въ училище молодые люди или юнцы, сновали по заламъ и корридорамъ, а Б. А. Шванебахъ насъ усердно по нѣсколько разъ въ день навѣщалъ,— появились два офицера, которыхъ онъ намъ отрекомендовалъ, какъ только-что зачисленныхъ собственно въ число дежурныхъ офицеровъ училища, т. е. будущихъ нашихъ сослуживцевъ.

Ничего особеннаго, кромѣ того, что это были первыя ласточки, они собой не представляли, однако, именно, какъ появившіеся первыми, они въ память каждаго изъ насъ, юнкеровъ, врѣзались навсегда.—То были,—1-й гренадерской арт. бригады поручикъ Владиміръ Александровичъ Юзвицкій и л.-гв. гренадерскаго полка поручикъ Константинъ Николаевичъ Кузьминъ.—Оба они были одинаково—до застѣнчивости скромные и крайне деликатные; въ числѣ офицеровъ, съ которыми мы только-что разстались въ корпусѣ, такихъ почти и не было.

— На первыхъ порахъ я вамъ подобралъ вполнѣ воспитанныхъ офицеровъ, тихихъ, скромныхъ, присмотритесь къ нимъ, сказалъ Б. А. намъ, ближе къ нему находившимся; поговорите съ ними; только не смущайте ихъ и не конфузьте, это „положительно“ такіе скромные молодые люди, какими вамъ всѣмъ слѣдуетъ остаться навсегда.—Оба они окончили уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ;- это послѣднее тоже отчасти было причиной того, что я согласился зачислить ихъ въ училище: по крайней мѣрѣ они

[1]) См. „Русск. Стар.“ Январь 1914 г.

хорошо знаютъ нравы своихъ однокашниковъ изъ васъ—бунтарей, добавилъ шутя Б. А., очевидно припоминая Лермонтовско-Ашенбреннерскую исторію.

Нельзя же не цѣнить въ нихъ то, что они остались такими скромниками послѣ того, какъ прослужили въ строю по 6—7 лѣтъ; артиллеристъ поручикъ Юзвицкій,—побывавъ въ артиллерійской академіи, поступилъ въ гренадерскую бригаду здѣсь въ Москвѣ, а поручикъ Кузьминъ, окончивъ курсъ академіи генеральнаго штаба и послуживъ въ полку, успѣлъ и васъ не одинъ годъ кое-чему обучать.

Дѣйствительно, къ тому времени прошло года два, какъ Кузьминъ прослужилъ въ 1 Московскомъ корпусѣ;—тамъ онъ зимой преподавалъ тактику, а лѣтомъ „водилъ насъ въ окрестностяхъ села Коломенскаго на съемку, т. е. руководилъ нашими занятіями по топографіи; оба они окончили курсъ въ корпусѣ около 1856 года.

— Въ числѣ вашихъ офицеровъ воспитателей 1-го корпуса, продолжалъ разсказывать Б. А , я было присмотрѣлся къ двумъ бросавшимся въ глаза по своей, выходящей изъ ряда, воспитанности—къ родному брату Юзвицкаго Алексѣю Александровичу,—Юзвицкіе видимо члены особой, хорошей семьи и къ Гулевичу, Анатолію Венедиктовичу; обоимъ имъ я предложилъ поступить въ училище, но первый оказался слишкомъ старослужащимъ—выпуска 1847-го года, всѣ вы, кажется, въ томъ году и позже родились, а второй хотя и товарищъ по выпуску изъ того же корпуса Кузьмина и Юзвицкаго, этихъ двухъ уже взятыхъ мною въ училище офицеровъ, такой же скромный и положительно въ высшей степени приличный, но ни за что не согласился принять мое предложеніе; я очень объ этомъ послѣднемъ жалѣю, это положительно для училища потеря [1]).

* * *

Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ дней Б. А. Шванебахъ намъ объявилъ списки распредѣленія насъ по четыремъ ротамъ и по 12 классамъ, т. е. по двумъ классамъ—старшему и млад-

---

[1]) Въ томъ же году ротный офицеръ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса поручикъ Анатолій Венедиктовичъ Гулевичъ былъ избранъ для перевода въ пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ, въ коемъ и прослужилъ болѣе десяти лѣтъ, пропустивъ черезъ свои руки нѣсколько поколѣній воспитанниковъ, также какъ раньше, въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ, довелось ему пропустить черезъ свое въ высокой степени благотворное вліяніе кадетъ въ родномъ ему 1 Московскомъ корпусѣ.

шему, соотвѣтственно тому, что въ корпусѣ мы должны были бы составлять 1-й и 2-й специальный классы; при чемъ здѣсь явилось необходимымъ каждый классъ раздѣлить на шесть отдѣленій для мелкихъ классныхъ занятій.—Дѣло раздѣленія на роты и на классы, какъ ни казалось простымъ—отняло два дня.—Б. А. Шванебахъ неустанно ходилъ, назначая насъ то въ ту, то въ другую группу, переводилъ, ставилъ опять обратно, что-то соображалъ,—наконецъ сказалъ, обратившись къ Кузьмину и Юзвицкому:—ну вотъ, благодаря вамъ, г.г. офицеры, скоро удалось мнѣ это дѣло уладить, позвольте васъ поблагодарить, вотъ это, положительно, вашъ первый въ училищѣ служебный, нелегкій трудъ, отъ души благодарю.

Всѣ мы видѣли, что если этотъ небольшой трудъ и не былъ вполнѣ легкимъ,—то, во всякомъ случаѣ, успѣшно законченнымъ онъ оказался благодаря лишь исключительно энергіи самого, сильно потрудившагося полковника Б. А. и Кузьмину и Юзвицкому, съ ихъ бросавшеюся въ глаза нерѣшительностью и медлительностью, ничего не удалось бы подѣлать въ этой хотя бы и мелочной работѣ.—Всѣ мы это видѣли, сознавали, и каждый изъ насъ пришелъ въ этомъ отношеніи къ своему заключенію, при которомъ и остался, понимая быть можетъ, что Б. А. Шванебахъ успѣхъ этого пустяка приписалъ своимъ сотрудникамъ по своей неисчерпаемой деликатности, подсказавшей ему желаніе ихъ ободрить.—Но между нами нашелся одинъ съ погонами Воронежскаго корпуса кадетъ, который, какъ говорится, „что подумалъ, то и брякнулъ".

— Ну, что же, объ чемъ говорить, господинъ полковникъ, вы это сами сдѣлали, исключительно вы, эти г.г. офицеры, прекрасные люди, но они, народъ тихій и со своей скромностью въ этомъ мало вамъ помогли.

Мы всѣ, окружавшіе этого болтуна товарищи, готовы были сквозь землю провалиться.

— Мало, мало, это правда, произнесъ сконфуженный улыбаясь поручикъ Кузьминъ; Юзвицкій стоялъ блѣдный, молчалъ какъ въ ротъ воды набравши и, лишь услышалъ слова Кузьмина, пролепеталъ несвязно: конечно, конечно, ничего не сдѣлали.—Б. А. Шванебахъ видимо болѣлъ за своихъ офицеровъ; онъ раскраснѣлся и, какъ пѣтухъ, набросился на нескромнаго говоруна.

— Что это такое, откуда? Кто вы? Какъ ваша фамилія? Заговорилъ онъ смущенно... Почему вы нашли нужнымъ такъ несносно и нелѣпо отозваться; это положительно назойливо, и

я этого положительно не ожидалъ; вотъ видите, уже вы и не имѣете той дивной деликатной скромности, хотя еще школьной скамьи не успѣли покинуть...

Этотъ мелочной случай представлялъ собою нѣчто особое и, въ концѣ концовъ, послужилъ много къ характеристикѣ Бориса Антоновича.

По разсказамъ, которые онъ привелъ тотчасъ, какъ только узналъ фамилію смѣльчака и немного успокоился, вотъ въ чемъ была суть:—лѣтомъ въ день отъѣзда Государя изъ Москвы, Б. А. Шванебахъ, подговоривъ генерала И. В. Жданъ-Пушкина—директора 1-го Моск. корпуса, рѣшился, съ разрѣшенія военнаго министра Дм. Алексѣев. Милютина, обратиться къ Его Величеству съ ходатайствомъ о дарованіи прощенія, исключеннымъ въ январѣ того года изъ 1-го корпуса, кадетамъ—Ашенбреннеру и Мюнхеймеру и о высочайшемъ соизволеніи на опредѣленіе ихъ обоихъ юнкерами въ училище, гдѣ они, какъ уже много испытавшіе въ своей жизни, прослуживъ болѣе полугода въ армейскихъ полкахъ рядовыми, несомнѣнно приложили бы всѣ свои силы и старанія къ тому, чтобы исправиться и загладить свое поведеніе, приведшее ихъ къ разжалованію...

— Ты затронулъ мое больное мѣсто, сказалъ Государь; я самъ объ этомъ было-подумалъ и, много передумавъ, рѣшилъ, что нѣтъ, этому не бывать; съ твоей стороны очень похвально, что ты не задумался просить дать ихъ обоихъ тебѣ какъ обузу, во ввѣряемое тебѣ заведеніе, только-что начинающее свою служебную жизнь; глаза Государя, говорилъ Б. А., были въ тѣ минуты полны слезъ.—Нѣтъ, нѣтъ и не проси, какъ бы торопился Его Величество еще разъ отказать, точно боясь не выдержать.—А вотъ что, добавилъ Государь: уже нѣсколько лѣтъ томится, тяготясь солдатской службой въ одномъ армейскомъ полку выключенный изъ фельдфебелей Петровско-Полтавскаго курпуса за бунтъ, произведенный кадетами при директорѣ Тихоцкомъ; этого бывшаго фельдфебеля разрѣшилъ я теперь принять въ Михайловскій воронежскій корпусъ; фамилія его Купчинскій; возьми его къ себѣ въ училище и займись имъ, сдѣлай изъ него хорошаго офицера; отзывы о немъ изъ арміи, по словамъ Дмитрія Алексѣевича [1]), не дурные,—побереги же его, дай ему стать на ноги.—Эти слова Государя Б. А. вспомнилъ, узнавши тутъ на мѣстѣ этого б. фельдфебеля фамилію, которая уже была извѣстна изъ имѣвшейся предварительной

---

[1]) Д. А. Милютина—военнаго министра.

переписки.—Б. А. понялъ, что этотъ, только-что отличившійся воронежскій кадетъ былъ тотъ самый фельдфебель;—попавъ во 2-ой спеціальный классъ Воронежскаго корпуса, онъ, со всѣми Воронежскими воспитанниками, согласно распредѣленію, данному главнымъ штабомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, оказался назначеннымъ въ Александровское военное училище и, вотъ случайно очутившись здѣсь, онъ всплылъ на первыхъ же порахъ, проявивъ такую несуразную „развязность", полученную имъ несомнѣнно въ полку.

— Очень симпатично съ вашей стороны, сказалъ ему далѣе Б. А., говорить вообще такъ откровенно, но вѣдь вы положительно [1]) не подумали прежде, чѣмъ произнести ваше замѣчаніе, и не знаю, рѣшая этотъ вопросъ, скажете ли вы сами, что поступокъ вашъ былъ умѣстенъ, не сдѣлали ли вы какой-нибудь неловкости, какого-либо промаха, вмѣшавшись такъ въ дѣло?

Почти всѣ мы ставшіе юнкерами, кадеты,—свидѣтели этого случая, тутъ же показали большое неодобреніе выходкѣ Купчинскаго; кто выразилъ это косымъ взглядомъ, а кто однако быть можетъ почти столь же неумѣстнымъ подражаніемъ этому выскочившему среди насъ „юнкеру изъ рядовыхъ", т. е. попросту рѣзкимъ ворчаніемъ;—его это, какъ и вѣское замѣчаніе полковника, видимо сильно задѣло и онъ такъ же, совершенно растерявшись, принесъ съ полнымъ раскаяніемъ извиненіе; поступокъ его, конечно, былъ совершенно забытъ и всѣми нами и, ужъ безо всякаго сомнѣнія, Борисомъ Антоновичемъ, который впослѣдствіи, если кому-либо случалось объ этомъ эпизодѣ вспоминать, говорилъ съ полнымъ участіемъ къ Купчинскому:

— Не надо, не надо трогать этого; когда-то промахнулся молодой человѣкъ, что жъ дѣлать, забудемъ это; „быль молодцу не укоръ", добавлялъ онъ, развертывая все свое веселое, открытое лицо въ самую привѣтливую улыбку.

* * *

Скоро Купчинскому довелось показать себя въ одномъ дѣлѣ, которымъ онъ какъ бы заслужилъ и закрѣпилъ вполнѣ доброе отношеніе къ себѣ всѣхъ товарищей.

---

[1]) У Б. А. Шванебаха всѣ замѣчали привычку часто употреблять слово „положительно"; онъ произносилъ его какъ-то особенно, мягко напирая „на слогъ жи" и во время волненія повторялъ это слово поминутно.

— Въ первое время, собравшись въ училище, мы переживали такой сумбуръ, говаривалъ впослѣдствіи Борисъ Антоновичъ, что рѣшительно не находили минуты подумать, какой день, какое число и даже какой мѣсяцъ идетъ. Ничего не было еще установлено и, къ стыду моему, долженъ я сознаться, не было заведено обязательнаго посѣщенія храма Божія.—Въ первую же субботу я замѣтилъ однако, что мои новые сослуживцы положительно стали къ вечеру наполнять церковь, въ которую ходъ находится тутъ же изъ корридора, выходящаго на лѣстницу параднаго подъѣзда: больше скажу, поэтому собственно я установилъ, что день тотъ былъ субботній.

Посѣтивъ храмъ среди всенощной, я съ удовольствіемъ увидѣлъ его наполненнымъ, а человѣкъ пять—шесть кадетъ-юнкеровъ взобравшимися на клиросъ, гдѣ они звонкими пріятными голосами подпѣвали гнусившему на другомъ клиросѣ дьячку;—каково было мое удовольствіе, когда я разглядѣлъ, что большая часть этихъ „подпѣвалъ" имѣли на своихъ куртках красные погоны 1-го московскаго корпуса и двое изъ нихъ оказались изъ числа замѣченныхъ мною еще на Савкиномъ полѣ бунтарей, весело мѣсяца за полтора передъ тѣмъ распѣвавшихъ при Государѣ „Лермонтовское Бородино".

Дождавшись конца богослуженія, я подозвалъ къ себѣ въ корридорѣ этихъ голосистыхъ друзей своихъ и спросилъ ихъ— не могутъ ли они, собравшись и сговорившись между собой, составить постоянный хоръ пѣвчихъ?

— Триста здоровыхъ молодыхъ грудей, какое пѣніе должно будетъ раздаться въ нашемъ храмѣ и сколько наслажденія принесетъ оно всѣмъ намъ; вотъ сегодня я испыталъ большое удовольствіе, послушавши спѣтыя вами три-четыре молитвы; много среди васъ хорошихъ голосовъ, немало музыкальныхъ юношей; а вѣдь во всѣхъ пяти корпусахъ, кои доставили мнѣ васъ въ видѣ служебнаго и учащагося матеріала,—въ каждомъ имѣлся хоръ пѣвчихъ, значитъ, какой просторъ для выбора пѣвчихъ изъ каждаго хора.

Кадеты, обрадовавшись этой затѣѣ начальника училища лютеранина, заявили ему, что уже сами объ этомъ подумывали и собирались только дождаться спокойнаго времени для того, чтобы привести въ исполненіе эту благую мысль.—

— Ну такъ съ Богомъ и приступайте, сказалъ Б. А., чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; въ мѣсяцъ другой уже хоръ составится и можетъ онъ начать совершенно регулярное пѣніе въ праздники и въ предпраздничные дни.

Сказавши это, Б. А. раскланялся и отправился было домой. но минуты черезъ двѣ спѣшно возвратился и съ большой торопливостью произнесъ: только вотъ что, я думаю, вы сами положительно понимаете, что раньше, чѣмъ начинать заводить такое доброе дѣло, надо непремѣнно переговорить объ этомъ съ батюшкой, который теперь хотя и временно справляетъ богослуженія въ нашей церкви.—Назначенный намъ священникъ—Иванцовъ - Платоновъ прибудетъ не раньше, какъ мѣсяца черезъ полтора, а пока надо вамъ соблюсти вѣжливость по отношенію къ временному духовному отцу вашему.

Мы сразу поняли и вполнѣ оцѣнили деликатность показанную начальникомъ училища; онъ и впослѣдствіи такимъ своимъ примѣромъ поучалъ насъ.—

Велика была радость Бориса Антоновича, когда при немъ въ послѣдовавшую затѣмъ субботу у всенощной, а на другой день въ воскресеніе всю обѣдню нотно пропѣлъ нашъ собственный училищный хоръ подъ управленіемъ, только-что передъ тѣмъ, столь непріятно для себя, поразившаго всѣхъ насъ, Купчинскаго. Хоръ былъ составленъ изъ тридцати пяти человѣкъ почти въ равномъ числѣ, судя по букету цвѣтовъ погонъ [1]), изъ представителей каждаго корпуса; надъ этой простой случайностью пришлось очень усердно въ теченіе цѣлой недѣли поработать Купчинскому, приложившему свое стараніе къ приведенію голосовъ, напѣвовъ и манеры пѣнія въ полное соотвѣтствіе.—Большая была его заслуга, но ее еще болѣе оцѣнили товарищи, когда все училище увидѣло, что онъ съ полною, самою твердою, настойчивостью передалъ регентство въ хорѣ Варламову, назначенному по распоряженію Б. А. Шванебаха, исправлять должность фельдфебеля въ первой ротѣ, получившей согласно объявленнаго положенія объ училищѣ, наименованіе роты Его Величества.

Взявъ на себя собственно обязанность учителя пѣнія и помощника регента по дѣламъ управленія хоромъ, Купчинскій счелъ долгомъ почетную сторону этого дѣла передать „первому изъ трехсотъ“ и тѣмъ несомнѣнно много возвысилъ себя въ глазахъ всего наличнаго состава училища.

* * *

Видя меня нѣсколько разъ бесѣдовавшимъ съ Купчинскимъ, Б. А. Шванебахъ однажды спросилъ меня, что между нами

[1]) *Желтые*—воронежцы, *черные*—орловцы, *бѣлые*—сиротинцы, *синіе*—2-ой Московскій и *красные*—1-ый Московскій.

общаго и почему меня можно видѣть чаще, чѣмъ кого-либо другого, въ общеніи съ этимъ юнкеромъ изъ рядовыхъ? Когда я объяснилъ, что, состоя фельдфебелемъ въ первой ротѣ Полтавскаго корпуса, Купчинскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ двухъ моихъ родныхъ братьевъ и что оба они въ годъ исключенія его изъ корпуса были оттуда же произведены въ офицеры—одинъ въ гренадерскій Самогитскій полкъ въ г. Ярославль-губернскій подпоручикомъ, а другой въ 14-й стрѣлковый батальонъ въ Одессу прапорщикомъ,—Б. А. спросилъ меня:

— Гдѣ же они теперь находятся?

— Старшій вышелъ въ отставку, а стрѣлокъ продолжаетъ свою службу въ батальонѣ, отвѣтилъ я.

— Какъ бы то ни было, оба они благополучно окончили свое ученіе въ кадетахъ, сказалъ Б. А., а ихъ начальникъ—фельдфебель эти годы ихъ пребыванія въ офицерскихъ чинахъ протянулъ нелегкую лямку рядовымъ въ строю; и посмотрите, сказалъ Б. А. уже не одному мнѣ, а группѣ собравшихся вокругъ него юнцовъ,—какая разница; Купчинскій не чета вашему Ашенбреннеру; я въ этомъ разобрался: тотъ понесъ наказаніе за то, что проявилъ массу несвойственнаго молодому человѣку эгоизма, а Купчинскій пострадалъ именно за недостатокъ въ себѣ этого постыднаго чувства;—онъ твердо выдержалъ и не выдалъ своихъ взбунтовавшихся товарищей; пострадалъ сильно, понесъ наказаніе, можетъ быть, жестокое, какъ и должно было понести при такихъ обстоятельствахъ фельдфебелю, ибо, упрямствуя въ томъ, чтобы не выдать своихъ подчиненныхъ, онъ въ корню нарушалъ дисциплину, но на совѣсти у него легко, такъ какъ онъ противъ нея и противъ чувства благородства не поступился.—Врядъ-ли вашъ Ашенбреннеръ чувствовалъ себя такъ же, какъ Купчинскій;—если у него является когда-нибудь полное чувство сознанія,—онъ навѣрное можетъ только позавидовать этому, уже потершемуся нѣсколько лѣтъ среди солдатъ бывшему фельдфебелю. Оттого Государь и вспомнилъ такъ хорошо объ немъ.

Эти и подобные разговоры на первыхъ же порахъ открывали намъ, какихъ убѣжденій держался Б. А. Шванебахъ и какія понятія онъ хотѣлъ намъ привить съ первыхъ же дней нашего поступленія на дѣйствительную службу и постепеннаго нашего вступленія въ жизнь.—Скоро мы научились цѣнить и его откровенность, и его обращеніе съ нами.

* * *

Въ началѣ третьей недѣли со дня поступленія въ училище мы получили приказъ размѣститься, согласно объявленнаго намъ списка, по класснымъ комнатамъ; тутъ намъ былъ произведенъ родъ испытанія въ пріобрѣтенныхъ нами знаніяхъ.— Числившіеся по гвард. артиллеріи: инспекторъ классовъ полковникъ С. А. Слуцкій, пом. его поручикъ Пав. Ник. Юшеновъ, присоединенные къ нимъ гвардейскіе же артиллеристы: поручикъ М. А. Зиновьевъ [1]), подпоручикъ В. А. Экстенъ и прапорщикъ Н. П. Нечаевъ,—коимъ предстояло преподавать намъ артиллерійскую науку, а также преподаватели русскаго языка и словесности Живаго, Стороженко и Коппъ;—всѣ они, имѣя во главѣ полковника Б. А. Швапебаха, въ теченіе трехъ или четырехъ дней обходили классныя комнаты и, задавая намъ, правду сказать, очень поверхностные вопросы по разнообразнымъ предметамъ, получали отъ насъ не менѣе поверхностные отвѣты, а въ концѣ концовъ вывели объ нашихъ успѣхахъ въ научномъ отношеніи кое-какія врядъ-ли очень обстоятельныя заключенія.

Все, что мы тогда же узнали объ этомъ, ограничивалось сообщеніемъ, опредѣлившимъ наибольшую степень развитія, обозначившуюся среди воронежскихъ кадетъ.

При этомъ С. А. Слуцкій, держа въ рукахъ наши корпусные списки съ переводными баллами, сказалъ, что, судя по степени оцѣнки, принятой въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоялъ сначала преподавателемъ, а послѣднее время инспекторомъ во 2-мъ кадетскомъ (нынѣ Императора Петра Великаго) корпусѣ, уровень знаній кадетъ всѣхъ собранныхъ въ Москвѣ корпусовъ слабѣе, а оцѣнка нашихъ знаній болѣе снисходительная въ сравненіи съ Петербургскою; соотвѣтственно этому, сказалъ онъ, тѣмъ, кто при оцѣнкѣ, которая будетъ теперь у насъ въ училищѣ установлена, получитъ въ среднемъ,—общемъ полугодовомъ или годовомъ отчетѣ, ниже $7^1/_2$ балловъ,—тѣмъ придется считаться выдержавшими экзамены неудовлетворительно и такихъ придется выключать юнкерами въ полки [2]).

---

[1]) Сочту долгомъ въ свое время передать въ этихъ замѣткахъ то, что покойный Борисъ Антоновичъ, не мало занятый каждымъ изъ этихъ лицъ, высказывалъ о нихъ въ добрыя минуты своихъ бесѣдъ, предаваясь воспоминаніямъ и перебирая въ глаза и за глаза все, что ихъ касалось.

[2]) У насъ въ корпусахъ получившій въ среднемъ выводѣ шесть балловъ считался имѣвшимъ удовлетворительную для перевода или выпуска отмѣтку.

Б. А. Шванебахъ, видя, что это сообщеніе до суровости серьезнаго по наружному виду, а въ сущности добрѣйшаго полковника Слуцкаго произвело на юнкеровъ громовое впечатлѣніе, смутился и тутъ же взволнованнымъ голосомъ сказалъ: да, да это такъ, но къ чему это, Сергѣй Александровичъ, вѣдь этимъ мы ихъ положительно смущаемъ, не будемъ... вѣдь не въ баллахъ дѣло, вся суть въ массѣ знаній, которыя каждый будетъ всѣми силами набирать, каждый будетъ добросовѣстно учиться; да и балловъ можетъ быть никто изъ нихъ не будетъ имѣть въ среднемъ менѣе девяти—восьми при какой угодно системѣ оцѣнки; не будемъ ихъ смущать... Духомъ они, надо надѣяться, падать не будутъ, но не будемъ и мѣръ принимать къ тому, чтобы могли падать; мы лучше будемъ стараться ихъ ободрять во всемъ.

Всѣмъ было ясно, что почтенный С. А. Слуцкій получилъ непріятное, хотя и товарищеское указаніе, самъ онъ спохватился да поздно.

* * *

Около этого времени насъ переодѣли: для домашняго обихода выдали намъ чернаго съ просѣдью сукна тужурки съ бѣлыми погонами, снабженными вензелемъ Государя Александра II, а для выхода со двора мы получили двубортные армейскіе темнозеленые мундиры съ галунами на воротникахъ и на погонахъ; тогда же впервые мы получили сѣраго солдатскаго сукна шинели съ такими же украшенными вензелемъ и галуномъ бѣлыми погонами, какъ на мундирахъ.—Форма за истекшія пятьдесятъ лѣтъ въ общемъ не измѣнилась, если не считать того, что въ тѣ времена головы наши украшало пресловутое „кепи“ съ краснымъ околышемъ.—Не было ли то время порою зачатка франко-русскаго союза!

Надо было видѣть, какъ Москва взглянула на нашъ училищный батальонъ, когда его въ одинъ свѣтлый осенній день подъ музыку переведеннаго изъ 1-го московскаго корпуса прекраснаго полнаго хора, повели въ строю ближайшимъ путемъ со Знаменки на Моховую улицу въ манежъ, не называвшійся тогда иначе, какъ экзерцисхаузъ.—Народъ, а въ особенности торговки-бабы вздыхали: „эдакихъ-то молоденькихъ, глядико-сь, надѣлали солдатами, да гдѣ имъ выдержать; ишь ты и шинели-то сѣрыя, да и ранцы вона какіе понацѣпили на нихъ, ахъ, сердешные, вотъ те и здравствуй,—дѣтей набрали тянуть солдатскую лямку“.

Густыя толпы народа всѣхъ возрастовъ, сословій и положеній, тѣсно окруживъ батальонъ, провожали невиданное дотолѣ зрѣлище; а хоръ музыкантовъ громко, воинственно, ободряюще наигрывалъ, вошедшій тогда въ моду, маршъ изъ Фауста...

То полковникъ Б. А. Шванебахъ, съ нѣсколькими успѣвшими за тѣ дни съѣхаться въ училище на службу, гвардейскими офицерами, пробирался произвести своему свѣжему юному батальону во фронтовомъ отношеніи такое же испытаніе, какое за нѣсколько дней передъ тѣмъ было ему произведено въ дѣлѣ научной классной подготовки, давшей имъ на школьной кадетской скамьѣ то или иное умственное развитіе.

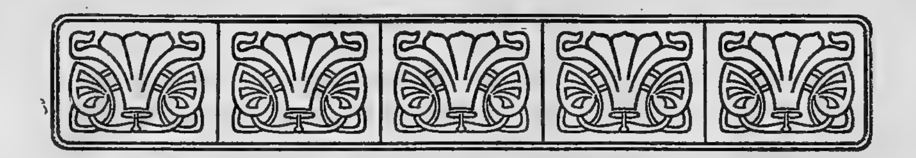
Этимъ закончилось собственно наше вступленіе въ училищную жизнь; послѣ этого она вошла въ свою колею и потекла своимъ теченіемъ.

Начались серьезныя классныя занятія, между которыми особенно занимали насъ лекціи, читавшіяся въ двухъ—старшаго и младшаго класса—обширныхъ аудиторіяхъ, большею частью приглашенными къ тому профессорами Московскаго университета.

А. Андреевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова [1]).

(Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда).

Отъ 26-го до 30-го іюня я былъ въ Спб. у М. Н. Муравьева, Ф. Я. Марковича, гдѣ нашелъ постройки превосходныя, но хозяйство весьма слабое.

По числу и свойству поступавшихъ въ это время жалобъ видно, что сходы и штрафы начинаютъ приносить полезные плоды: народъ успокаивается, становится осторожнѣе, боясь суда, а помѣщики смотрятъ на дѣло снисходительнѣе и доступнѣе вліянію посредника.

Можно сказать, съ каждымъ днемъ внутренняя сила мировыхъ учрежденій пріобрѣтаетъ въ мнѣніи народномъ поучительную важность и большинство массы, не взирая на свои татарскія способности и стремленія къ безпорядкамъ всѣхъ видовъ, начинаетъ склоняться въ пользу закона, видя его олицетвореніе въ посредникахъ. Безъ сомнѣнія, пройдетъ много времени въ этомъ перевоспитаніи, но, судя по началу, заставшему все въ расколѣ, нельзя не благодарить Бога, столь явно покровительствующаго, такъ очевидно милующаго Россію.

Замѣчательно, что въ этомъ дѣлѣ ошиблись два рода людей: передовые умствователи и питейные откупщики.

Первые, зараженные духомъ иностранщины, и не зная Россіи, желали провести ее, хоть бы по рѣкамъ крови, къ воображаемому лучшему: къ конституціи. Не успѣвъ во внушеніяхъ Царю, они воспользовались актомъ освобожденія и успѣли,

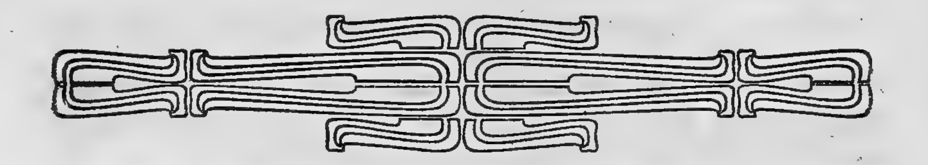
---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

обезсиливъ полицію, объявить Манифестъ въ февралѣ и мартѣ, предположивъ открытіе мировыхъ посредниковъ, *для постепенности,* въ сентябрѣ.—По уму зарядъ этой мины былъ разсчитанъ вѣрно: 6-ти мѣсяцевъ было достаточно на взрывъ колоссальный,—забыто одно: что есть Господь, управляющій міромъ и обращающій въ прахъ козни врага всѣхъ насъ умнѣйшаго.— Казалось, пространство Россіи, канцеляризмъ, взяточничество, упорство помѣщиковъ и грубое невѣжество крестьянъ, все благопріятствовало вполнѣ задуманному плану, но Богъ судилъ иначе. Едва огласился Манифестъ, возникли толки и волненія, явилось общее неповиновеніе; правительство увидѣло трещины на землѣ Русской, призвало министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, и съ перваго шагу его вступленія грозные раскаты своеволія, подземный гулъ готовившагося хаоса и анархіи стали затихать. Пространство сокращено телеграфомъ, канцеляризмъ едва не уничтоженъ, все прочее ослаблено вызовомъ мировыхъ учрежденій, на которыя и легла вся тяжесть мѣстнаго устройства, въ каждой деревнѣ явился староста; въ волости — старшина; открылись свои суды, а для посредниковъ—мировые съѣзды. О всѣхъ бывшихъ происшествіяхъ публиковано въ газетахъ, и циркуляры новаго министра дали всѣмъ новую жизнь. Такъ рушилась мечта умствователей, соорудившихъ намъ французскій эшафотъ въ полной увѣренности, что только черезъ него народы могутъ перешагнуть къ конституціи.

Откупщики, несмѣтно наддавшіе на послѣднихъ торгахъ въ полной увѣренности, что народъ, какъ звѣрь, выпущенный на свободу, бросится прямо на приманку, разставленную въ кабакахъ, ошиблись еще сильнѣе. Народъ выслушалъ Манифестъ молча, перекрестился, задумался и разошелся по домамъ судить о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ. Услышавъ о денежномъ выкупѣ усадебъ и земель, люди пришли въ недоумѣніе; ихъ дѣды и отцы говаривали: мы помѣщичьи, а земля наша. Теперь выходить напротивъ: мы вольные, а земля помѣщичья. Какъ же тутъ не задуматься, не потолковать сообща, не приготовиться?— Какое ужъ тутъ житье, до кабака ли; нѣтъ, надо подумать, какъ жить; теперь помѣщикъ ни податей не заплатитъ, ни хлѣба не дастъ, не на кого надѣяться, надо работать, да деньги беречь для семьи. Вотъ и расчеты откупщиковъ, казалось, такъ вѣрно соображенные—лопнули, какъ мыльный пузырь.

Сообщила **А. А. Половцова.**

Изъ далекаго прошлаго.

(Письмо княгини Голицыной кн. Я. Ѳ. Долгорукому 1704 г.)

(М. О. О. Арх. Гл. Штаба опись 3, св. 8. 9, 6, л.л. 63 и 64[1]).

Мой Государь князь Яковъ Ѳедоровичъ въ милости Божіей здравствуй. А о себѣ извѣствую о прибытности своей къ Москвѣ декабря 30 числа пріѣхала въ добромъ здравіи.

і пространнѣе до васъ не могу писать о княгини твоей и другихъ твоихъ пристойныхъ понеже въ скорости пріѣзда своего не могла видѣть, только слышала, что она и дочь твоя въ добромъ здравіи.

А пріѣздъ мой къ Москвѣ зѣло печалѣнъ изволятъ писать *господа Сенаты* отъ себя указъ ко отцу моему казнь без воли Государя моего и за что то ваша кнему такая обида и напрасная теснота ибо слыша о томъ батюшко мой зѣло въ древности своей отдался въ великую печаль ј о томъ *требую* дабы я была о томъ свѣдома отъ милости вашей *кто такой указъ ко отцу моему пишетъ понеже бо сподобитъ меня Богъ впредки видѣть его Царскаго величества очи и Государыни своей царицы слезно буду просить милости о такой вашей теснотѣ и напрасной батюшка моего обиде,* а когда въ Москвѣ отъ батюшка моего спросили денегъ і что о томъ батюшко мой отвѣтствовалъ і оное отвѣтство ј писма извѣстнымъ вамъ, а также писма были и со мною отдать вашей милости не успѣла ныне извольте принять и положить о томъ разсужденіе.

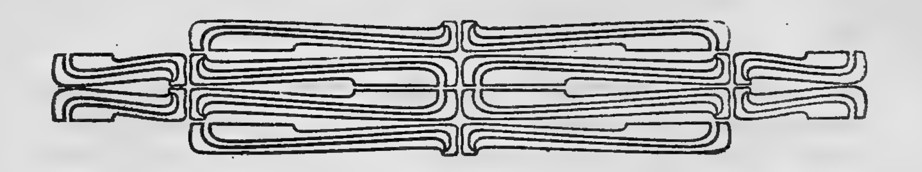
Княгиня Настасья Голицына.

Изъ Москвы въ день Генваря 1714 г.

Сообщилъ **В. П. Федоровъ.**

---

[1]) Курсивъ мой. Это угрожающее письмо князю Долгорукову показываетъ силу, которую имѣли при Дворѣ кн. Голицыны. **В. Ф.**

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи [1]).

Глава X.

Г. Газенпотъ.—Убійство драгуна.—Слѣдствіе.—Арестъ революціонерами помощника начальника уѣзда.—Судъ надъ нимъ и убійство.—Оставленіе казначейства.—Приказъ вернуть его.—Пререканіе раіонныхъ начальниковъ.—Ночной маршъ.—Захватъ Гольдингена.—Начавшіяся убійства.—Депутація отъ города.—Пальба жителей.—Охрана города.—Посолъ въ Либаву.—Своеобразный митингъ.—Уходъ отряда.—Подготовлявшееся нападеніе въ лѣсу.—Обратный маршъ съ милліономъ казенныхъ денегъ.

Газеннотъ (по-латышски Aisputе) возникъ въ 1378 году около замка, построеннаго (въ 1249 г.) магистромъ Дидрихомъ фонъ-Гренингеномъ [2]) на рѣкѣ Теббeръ. Развалины его довольно хорошо сохранились. Газенпотъ всегда былъ небольшимъ городкомъ. Узкоколейная ж. д. соединяетъ его съ Либавою. Жителей около 4 т.; евреи преобладаютъ 1½ т., латышей 1 т., нѣмцевъ 700, русскихъ 300, остальные—поляки и пр. Мѣстоположеніе красивое—горы, много зелени, самъ городъ чистый, порядочно вымощенъ.

Въ окрестностяхъ Газенпота много большихъ и богатыхъ имѣній съ прекрасными дворцами—замками. Къ памятникамъ старины относятся: въ им. Дзервенъ достопримѣчательныя развалины причудливыхъ каменныхъ построекъ, вполнѣ сохранившійся и обитаемый замокъ Альмвангенъ (1373), епископ-

---

[1]) См. „Русская Старина", декабрь 1913 г.

[2]) Гренингенъ, кромѣ Газенпотскаго и Гольдингенскаго, построилъ въ 1249 г. замки: Амботенъ—въ самой живописной мѣстности, именуемой Курляндской Швейцаріею, и Дондангенъ, отлично сохранившійся до нашихъ дней.

скій з. Нейгаузенъ (1277), прославившійся упорной обороной 1558 г., когда 80 воиновъ и нѣсколько крестьянъ подъ начальствомъ Икскюля 6 недѣль держались противъ огромнаго русскаго войска—Курбскаго и Шуйскаго.

Въ 9 верстахъ отъ города находится богатое имѣніе Кацдангенъ.

Въ первыхъ числахъ декабря толпа вооруженныхъ позднимъ вечеромъ ворвалась въ замокъ; требуя указать спальню барона, желая, вѣрно, свести съ нимъ счеты; но его не было. Тогда злоумышленники потребовали выдачи оружія. Но встрѣтили отпоръ въ лицѣ лакея; въ завязавшейся перестрѣлкѣ былъ послѣдній убитъ, и прибѣжавшій на помощь драгунъ. Неожиданное для злоумышленниковъ появленіе въ комнатѣ еще одного драгуна обратило ихъ въ бѣгство -(драгунъ только и было двое, пріѣхавшихъ незадолго до того).

Два помощника уѣзд. начальника и судебный слѣдователь пріѣхали на слѣдствіе подъ охраною цѣлаго эскадрона—меньшими силами было опасно уже ходить по дорогамъ.

Свидѣтелями убійства были—ключница и служанка. Первая говорила, что помнитъ лишь одного злоумышленника. Такъ какъ думали, что въ числѣ ворвавшихся въ замокъ были и баронскіе батраки, то всѣхъ подозрительныхъ собрали и заставили для опознанія по одному продефилировать предъ ключницей. Дѣвушка пристально всматривалась въ лицо каждаго. Во все время слѣдствія въ комнатѣ толпилось много народа, входилъ по частямъ эскадронъ. Вертѣвшаяся въ ней небольшая собачка, бывшая, какъ оказалось, около лакея во время нападенія, вела себя вполнѣ спокойно. Когда проходили батраки, собачка усѣлась около ключницы, какъ-бы тоже для осмотра. Прошло батраковъ уже болѣе половины (всѣхъ было около 30 ч.), какъ вдругъ собачка вскочила и громко залаяла на входившаго очередного батрака. Всѣ на это обратили вниманіе. Батракъ вышелъ—собака успокоилась. Прошли всѣ. Ключница колебалась—„какъ будто тотъ, на котораго лаяла собачка“, сказала она,—„но боюсь утверждать“. Тогда рѣшили снова заставить батраковъ, еще медленнѣе, пройти чрезъ комнату. И едва тотъ же батракъ показался въ дверяхъ, какъ собачка опять бросилась и залаяла. Батрака арестовали; онъ болѣе другихъ былъ смущенъ и путался въ показаніяхъ.

Въ Гольдингенѣ служилъ помощникомъ нач. уѣзда Гуго Робертовичъ Детловскій, человѣкъ въ высшей степени симпатичный, безукоризнено честный. Раньше онъ былъ надзирате-

лемъ въ Якобштадтѣ, потомъ помощникомъ пристава въ Либавѣ и приставомъ въ Митавѣ. Онъ былъ очень дѣятельнымъ, зналъ все, что дѣлалось въ участкѣ.

Когда въ Курляндіи началось движеніе, ему для производства дознаній поручались особенно важныя дѣла, такъ какъ онъ проявлялъ всегда особенную энергію и способности.

Въ Митавѣ одно время полиція выслѣживала важнаго агитатора, котораго никакъ не удавалось, несмотря на всѣ старанія, поймать. Онъ хорошо былъ извѣстенъ въ лицо, безстрашно появлялся на улицахъ, но всякій разъ ловко ускользалъ отъ облавъ и засадъ. Однажды Детловскій замѣтилъ его на улицѣ и, будучи одинъ, бросился его арестовать. Латышъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и направилъ его уже въ Детловскаго, но послѣдній успѣлъ предупредить и, выстрѣливъ раньше, убилъ революціонера наповалъ.

Соціалисты приговорили Детловскаго къ смерти и письменно увѣдомили его о томъ. Цѣня и жалѣя его, начальство предложило ему оставить службу, хотя на время. Детловскій отказался. Тогда его перевели помощникомъ нач. уѣзда въ Гольдингенъ. Это уже было значительное повышеніе для такого молодого человѣка, какимъ былъ Детловскій.

Въ Гольдингенѣ, гдѣ мы имѣли возможность близко узнать этого достойнаго человѣка, Детловскій съ обычною энергіею продолжалъ свою дѣятельность. Честно исполняя свои обязанности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чуждъ всякаго пристрастія и какихъ бы то ни было несправедливостей. И, благодаря этому, благополучно оканчивались многія столкновенія съ толпой,—грозившія при иныхъ обстоятельствахъ завершиться печально. Обыкновенно чины полиціи въ мѣста, гдѣ собирались запрещенные митинги и гдѣ вообще ожидались безпорядки, ѣздили съ командой драгунъ. Былъ отданъ строжайшій приказъ „разгонять" скопище силою и даже „уничтожать". Но Детловскій, не въ ущербъ дѣлу, всего этого избѣгалъ. Революціонеры, проповѣдуя справедливость, добиваясь отмѣны смертной казни, тѣмъ не менѣе не оцѣнили по достоинству благороднаго характеръ Детловскаго и искали случая его погубить. Детловскаго не разъ предупреждали, что въ Гольдингенъ являлись командированные Центральнымъ Комитетомъ палачи для приведенія смертнаго приговора въ исполненіе. Но храбрый Детловскій не обращалъ на это вниманія и въ свою очередь охотился на нихъ же. Когда же драгуны и пѣхота покинули Гольдингенъ, надъ головою осужденнаго повисла грозная опасность.

Ему было сдѣлано нами предложеніе уѣхать вмѣстѣ съ солдатами въ Газенпотъ. Детловскій отвѣтилъ пишущему эти строки, что онъ, хотя и ясно сознаетъ безцѣльность дальнѣйшаго пребыванія, такъ какъ исполнять обязанностей онъ уже не можетъ, и предвидитъ, что съ нимъ случится, но поста не покинетъ.

Правда, въ городѣ оставался еще потерявшій всякое значеніе уѣз. начальникъ, (ему опасность не угрожала) и приставъ, чудомъ спасенный послѣ отъ смерти, но Детловскій былъ въ иныхъ условіяхъ. Съ грустью разстались мы съ нимъ, не убѣдивъ его ѣхать. Онъ скоро собирался жениться. И даже это обстоятельство не склонило его на соблазнъ спасти свою жизнь.

Какъ и слѣдовало ожидать, по уходѣ солдатъ, месть соціалистовъ прежде всего обрушилась на Детловскаго. Его арестовали; нѣсколько латышей стерегли его, убѣжать было невозможно. Приговоръ не приводился въ исполненіе до полученія распоряженія Либавскаго Центральнаго Комитета, которому сообщили, что Детловскій находится уже въ ихъ рукахъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣдовало „предписаніе" доставить осужденнаго въ Либаву. Зачѣмъ собственно продѣлывалось все это, мы не знаемъ. Надо полагать, что члены комитета желали тѣмъ показать свою власть, обставить „казнь" торжественно, поглумиться надъ жертвою, помучить,—послѣднее вѣрнѣе всего.

Пока такимъ образомъ „правительства" Либавское и Гольдингенское „снеслись" между собою, прошло много времени, на пути лежалъ Газенпотъ, а чрезъ него небезопасно было пробираться, Детловскій томился подъ стражей. Помощи ожидать онъ ни откуда не могъ. Караульщики знали, конечно, что его ждетъ. Одинъ изъ нихъ, въ сердцѣ котораго соціалисты не успѣли убить проблеска порядочности, видимо, сожалѣя Детловскаго, подавая ему револьверъ, посовѣтовалъ—„лучше застрѣлиться". Но Гуго Робертовичъ отвѣтилъ, что онъ „трусомъ никогда не былъ".

Что творилось въ Гольдингенѣ, по отступленіи изъ него войска, вообще и объ арестѣ Детловскаго сдѣлалось извѣстно въ Газенпотѣ. Зная о приговорѣ комитета, мы обратились къ начальнику раіона (потерявшаго уже впрочемъ свой „раіонъ") съ просьбою позволить съ 2-мя взводами драгунъ ѣхать освободить Детловскаго. Мы знали, что Гольдингенъ оберегался, что революціонеры опасались „взятія" его обратно, учились наскоро баррикадировать улицы и пр., рѣшивъ дать отпоръ; тѣмъ

не менѣе у насъ была увѣренность, что планъ освобожденія легко былъ осуществимъ.

Но слѣпой исполнитель мелкихъ предписаній начальства, боясь „ослабить“ гарнизонъ, не позволилъ, мотивируя отказъ „неимѣніемъ права сдѣлать это безъ предписанія“ и, что „опасно“.

Нашелся смѣлый юноша—корнетъ Трофимовъ, который просилъ позволенія ѣхать для той же цѣли освобожденія всего лишь съ нѣсколькими драгунами, но и этотъ благородный порывъ разбился о сухой формализмъ, если не хуже.

И мученическая смерть Детловскаго пусть тяготѣетъ на его совѣсти.

Спустя нѣкоторое время Детловскій увезенъ былъ въ Либаву, конечно, окольнымъ путемъ, чрезъ лѣса, минуя Газенпотъ. Приговоръ исполненъ. Детловскій былъ убитъ; при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно. Его невѣста молила членовъ комитета сказать ей объ участи жениха, но Гольдингенскіе олигархи отозвались незнаніемъ. Послѣ разнесся слухъ, что трупъ бѣдняги Детловскаго съ явными слѣдами издѣвательства [напр., оторваны усы и пр.] нашли брошеннымъ на улицѣ Либавы. Не знаемъ, подтвердился ли онъ. Въ „Düna Zeitung“ (№ 11, 1906 г.) помѣщенъ былъ некрологъ Детловскаго, заканчивавшійся такъ: „никогда, вѣрно, не узнаютъ, какъ онъ окончилъ свою жизнь“, „юноши должны брать примѣръ съ этого человѣка, который пожертвовалъ собою на пользу службы“.

Приведенный печальный эпизодъ изъ „курляндской революціи“ можетъ служить иллюстраціей нравовъ „борцовъ за свободу“, а также и жизни города, попавшаго въ ихъ власть.

Въ приказѣ начальникомъ раіоновъ предписывалось, чтобы войска при своемъ отступленіи увезли изъ городовъ управленія воинскихъ начальниковъ, цѣнности казначейства и пр. Сообразивъ заднимъ числомъ, что сдѣлалъ большую оплошность, не сообщивъ о томъ уходившимъ изъ Гольдингена, начальникъ раіона забилъ тревогу. Для исправленія ошибки приходилось командировать туда отрядъ. Но это простое рѣшеніе вопроса показалось ему уже трудно исполнимымъ. Опасался онъ почему-то и за отрядъ, который туда бы пошелъ, и за ослабленный выдѣленіемъ газенпотскій гарнизонъ. Дѣйствительно, изъ Гольдингена смутно доходили вѣсти о какихъ-то воинственныхъ приготовленіяхъ революціонеровъ къ встрѣчѣ могущаго прійти отряда, о какихъ-то пушкахъ. Поэтому экспедиція въ Гольдингенъ была сопряжена съ большимъ рискомъ, чѣмъ оставаться

въ весьма удобномъ для обороны замкѣ. Если бы даже въ Гольдингенѣ казначейство и не было брошено, то все-таки пойти туда отряду слѣдовало бы—появленіе его въ мятежномъ городѣ могло хотя нѣсколько поднять потерянный авторитетъ. Но въ этомъ отношеніи начальство не радѣло, войска бездѣйствовали и ничего не предпринимали противъ шатавшихся въ уѣздахъ вооруженныхъ бандъ. Наоборотъ, извѣстія объ успѣшныхъ возстаніяхъ въ нѣкоторыхъ городахъ какъ бы заставляли его уклоняться отъ столкновеній. Оно только жадно прислушивалось къ толкамъ о скоромъ приходѣ въ край сильныхъ частей войскъ, о скорой расправѣ съ мятежниками. Прислушивались, но сами ровно ничего не дѣлали. Активнымъ проявленіямъ движенія придавали большое значеніе. Въ Газенпотѣ роты стерегли всѣ входы въ него; даже днемъ стояли еще кругомъ и конные посты. „Главная Квартира" отряда, помѣщавшаяся въ крѣпчайшемъ замкѣ, охранялась двумя эскадронами и одной ротой. Вокругъ стояли часовые. Словомъ, не будетъ ироніи, если скажемъ, что серьезно побаивались осады. На этотъ случай было отдано приказаніе: ротамъ очистить городъ, отступить въ замокъ. Почти весь отрядъ цѣликомъ шелъ въ нарядъ, солдаты не раздѣвались много уже дней, кое-какъ урывками спали, не выпуская винтовокъ изъ рукъ. Но никакихъ рекогносцировокъ не дѣлалось, и, что творилось въ уѣздахъ, было неизвѣстно. Вслѣдствіе перерыва сообщеній, отрядъ остался безъ руководства, ближайшій же начальникъ ничего не предпринималъ.

Такъ какъ революціонеры, казалось бы, не были столь наивны, чтобы, оставшись хозяевами, не забрать казенныхъ денегъ, хотя-бы „на дѣло агитаціи", то Гольдингенское казначейство можно было считать потеряннымъ. Виновнику этого грозила серьезная отвѣтственность. — „Еще и пенсіона не дадутъ—выгонятъ", трепеталъ раіонный. Онъ расхворался, улегся въ постель, отдавъ приказаніе двумъ эскадронамъ итти въ Гольдингенъ, а ротамъ усиленно охранять „Главную Квартиру"— „а то еще бомбою взорвутъ, такіе-сякіе"! Раіонный большой былъ любитель ругаться. Печальная судьба подп. Миллера не давала ему покойно спать. Но скоро раіонный снова заколебался и, по какимъ-то тамъ соображеніямъ, отмѣнилъ приказаніе итти въ Гольдингенъ. Онъ все опасался, неизвѣстно только за кого...

Между нашимъ раіоннымъ и Либавскимъ шла предъ тѣмъ мелочная пикировка изъ-за вопроса, кому охранять Либ.-Газ. ж. д. Комендантъ крѣпости (онъ и нач. Либав. раіона) вѣжливо

предложилъ возложить это на Газенпотскій отрядъ, мотивируя тѣмъ, что жел. дорога главнымъ образомъ необходима ему же, что слабый для Либавы гарнизонъ не можетъ выдѣлять нужныхъ для этой цѣли командъ. Но раіонный, усмотрѣвъ въ этомъ какъ-бы умаленіе своей особы, отказалъ. Когда же произошелъ перерывъ въ сообщеніяхъ съ Митавою, то комендантъ Либ. крѣпости объявилъ себя вр. ген.-губернаторомъ, и Газенпотскій отрядъ ему подчинился. Послѣ этого онъ уже поставилъ „на видъ" начальнику Газенпотскаго отряда его оплошность въ оставленіи казначейства; напоминалъ, что гибель его грозитъ серьезною отвѣтственностью виновному и „предлагалъ", хотя уже могъ приказывать, попытаться исправить ее.

Колебаться дольше уже было нельзя, и эскадроны получили приказаніе итти въ Гольдингенъ.

Выходъ ихъ былъ обставленъ большою тайною (въ первый разъ кто-то проболтался), слухъ объ экспедиціи пошелъ по Газенпоту. Въ 12 ч. ночи съ двумя помощниками уѣз. начальника, хорошо знавшими окрестности Гольдингена, отрядъ выступилъ. Такъ какъ незамѣтно выйти изъ города было невозможно, то на всякій случай мы пустили слухъ, что эскадроны идутъ въ Виндаву на поддержку тамошняго гарнизона. Для подкрѣпленія этого слуха дѣйствительно свернули на Виндавскую дорогу, хотя это и удлиняло путь.

Начальникъ отряда, составляя планъ экспедиціи, разсчитывалъ прибыть въ Гольденгенъ до разсвѣта. Но бывшая наканунѣ полная оттепель позднимъ вечеромъ внезапно смѣнилась порядочнымъ морозомъ; грязь замерзла острыми комьями и сдѣлала путь необычайно труднымъ; лошади шли съ трудомъ, часто въ темнотѣ спотыкаясь, а предстояло пройти 40 верстъ. При лучшей дорогѣ это разстояніе можно было бы пройти часовъ въ 5. Все-таки отрядъ, несмотря на колоть, шелъ рысью.

Было 3 часа ночи, половина дороги была пройдена. Лошади видимо утомились, ступали неувѣренно—„подбились" (казенныя лошади на заднія ноги не куются).

Оглянувшись назадъ, мы увидѣли, что въ полуверстѣ около погруженной, повидимому, въ глубокій сонъ корчмы нѣсколько разъ мелькнулъ свѣтъ сильнаго ацетиленоваго фонаря. Скоро подобный же огонекъ засвѣтился и далеко впереди. Несомнѣнно—сигналъ о нашемъ движеніи.

Но—это имѣлось въ виду. Эскадроны продолжали еще итти на Виндаву. Скоро же, спустившись съ горы—мѣстность тамъ гористая,—они круто свернули вправо и скрылись въ громад-

номъ лѣсу, тянущемся уже до самаго Гольдингена. Прямая дорога изъ Газенпота, по свѣдѣніямъ, стереглась партіею мятежниковъ. Помимо нежеланія вступать съ нею въ столкновеніе ночью, въ лѣсу, когда всѣ выгоды не на сторонѣ кавалеріи, обходное движеніе имѣло цѣлью войти въ Гольдингенъ неожиданно и не со стороны большой дороги.

Между тѣмъ въ лѣсу пришлось пробираться уже по едва замѣтной въ темнотѣ дорожкѣ. Безчисленные ручейки частью совсѣмъ не замерзли, а частью, какъ и болотистыя мѣста, покрылись ломавшимся льдомъ, немилосердно рѣзавшимъ ноги лошадямъ. Двухъ, не могшихъ уже слѣдовать дольше, пришлось даже бросить. Отсутствіе подводъ давало возможность все-таки, хотя и съ трудомъ, пробираться по этимъ дебрямъ. Но гдѣ еще сравнительно легко шла голова отряда, тамъ его „хвостъ" проходилъ съ трудомъ — лошади грузли, приходилось дѣлать частыя остановки, чтобы „подтянуться".

А между тѣмъ небо начало замѣтно свѣтлѣть, звѣзды гаснуть. Приближалось утро. Весь планъ могъ разстроиться. Будь при отрядѣ хотя плохонькое орудіе, примитивныя укрѣпленія при входѣ въ городъ, о которыхъ ходили слухи, не могли составить препятствіе, но кавалеріи съ ними пришлось бы считаться.

Уже вполнѣ начинался день, когда измученные эскадроны выбрались, наконецъ, изъ дебрей. Давъ лошадямъ немного „передохнуть" и подтянувъ отставшихъ, отрядъ, насколько то позволяло утомленіе, быстро пошелъ впередъ. Оставалось еще версты 3. Въ виду уже самаго города, эскадроны, „выжимая" послѣдки, понеслись галопомъ по острымъ глыбамъ замерзшей грязи.

Было хорошее морозное утро; лежащій за низкой болотистой долиной городъ окутанъ былъ клубившимся надъ землею туманомъ. Всходившее солнце окрасило его въ розовый цвѣтъ. Надъ нимъ только высились остроконечныя кирки. Если бы изъ города и наблюдали за мѣстностью, то, благодаря туману, эскадроновъ видѣть не могли, а они шли по дорогѣ заброшенной, по которой возили только изъ лѣсу дрова.

Отрядъ между тѣмъ шелъ уже по улицамъ предмѣстья. Городъ просыпался. На шумъ кое-гдѣ выбѣгали жители, но, увидя драгунъ, съ испугомъ бросались обратно во дворъ, тщательно запирая за собою калитки. Когда голова передового эскадрона выходила на площадь, около городской ратуши, раздались ружейные выстрѣлы, гулкимъ раскатомъ пронесшіеся по совершенно еще пустой площади.

Эскадронъ спѣшился, выставилъ цѣпь стрѣлковъ; задній, спѣшившись тоже, выслалъ посты назадъ, вбѣжали въ ратушу. Въ ней было найдено довольно много ружей (по большей части хламъ) и 6 пушечекъ, заряженныхъ гвоздями, обрубками свинца. Эти пушки служили раньше городу для такъ называемой „виватной“ стрѣльбы во время разныхъ торжествъ, революціонеры ихъ приспособили, поставили на лафеты. Въ ратушѣ не нашли никого. Въ залѣ горѣли лампы и свѣчи; оказалось, въ ней только-что засѣдалъ Комитетъ—наступающій день имѣлъ ознаменоваться чѣмъ-то серьезнымъ и роковымъ для неугодныхъ революціонерамъ жителей. Услышавъ шумъ, члены Комитета съ предсѣдателемъ, приходившимъ объявить намъ бойкотъ, повыскакивали изъ окна прямо въ воду рѣченки, текущей подъ самой стѣною ратуши. Съ этой стороны окружить ее поэтому было нельзя, чѣмъ и воспользовались революціонеры. Свое избавленіе отъ изловленія со всѣми его непріятными послѣдствіями они купили принятіемъ холодной только ванны.

Предсѣдателя видѣли бѣжавшимъ по улицѣ совершенно мокрымъ.

Въ моментъ выхода эскадроновъ на площадь, въ одномъ мѣстѣ города шла расправа съ бывшимъ городскимъ головою—Адольфи. Ему нанесли нѣсколько ранъ холоднымъ оружіемъ въ домѣ, а послѣ вытащили на улицу и выстрѣлили ему изъ револьвера въ животъ. Вблизи ратуши (чрезъ рѣченку, на сосѣдней улицѣ) значительная толпа окружила квартиру пристава Буша, ломала дверь, окна, стрѣляла въ нихъ, требуя его выхода. Но приставъ заперся, рѣшивъ не даваться въ руки живымъ, онъ зналъ, что его ждетъ судьба Детловскаго. И эта рѣшимость спасла ему жизнь.

Интересно, что на улицѣ, около квартиры, мы нашли разбросанными много ружейныхъ патроновъ (отъ охотничьихъ ружей) съ разбитыми капсюлями, но изъ которыхъ выстрѣла не послѣдовало. Полюбопытствовали, разорвали нѣсколько картечей, но вмѣсто пороха—песокъ. Послѣ выяснилось: революціонеры обходили всѣ имѣнія „отбирать оружіе и патроны“. И вотъ управляющій одного, ожидая ихъ посѣщенія, снарядилъ на досугѣ много патроновъ съ пескомъ вмѣсто пороха. Явились революціонеры, потребовали выдачи. Хитрость удалась—иначе квартира пристава могла бы быть изрѣшетена картечью, погибнулъ бы и онъ самъ. Случай! Много въ жизни дѣлаетъ случай!

Одновременно съ разставленіемъ постовъ и обыскомъ ратуши

ранѣе еще назначенная команда направилась къ казначею съ приказомъ немедленно собрать всѣ цѣнности и доставить ихъ къ отряду.

Такимъ образомъ, заданіе на половину было исполнено. Предстояло только доставить милліонъ (денегъ было столько) въ Газенпотъ. Но казначей сообщилъ, что ранѣе 2 часовъ дня онъ приготовить все къ увозу не успѣетъ. Многіе изъ гольдингенцевъ, кому въ городѣ опасно было оставаться дольше, просили взять ихъ съ собою, но дать время собраться, достать лошадей. Отказать, конечно, было нельзя. И выступленіе, какъ то и не было досадно, пришлось отложить на нѣсколько часовъ.

Начальникъ отряда потребовалъ къ себѣ депутацію отъ города. Она скоро собралась.

„Утро сегодняшняго дня, сказалъ онъ ей, началось для города съ убійствъ. Первою жертвою палъ почтенный старикъ, котораго вы, цѣня, вѣроятно, его заслуги, сами же избрали не особенно давно своимъ представителемъ. Говорятъ, что только приходъ отряда положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ убійствамъ, намѣченнымъ водворившимся здѣсь Революціоннымъ Комитетомъ. Не ставя отпора, вы ему подчинились, допустили разыграться преступной драмѣ съ такимъ достойнымъ человѣкомъ, какъ Детловскій. Противъ кого приготовлено (я это знаю) все нужное для баррикадъ, противъ кого заряжены найденныя мною въ ратушѣ пушки?

„Печальныя своими послѣдствіями событія, происшедшія въ Туккумѣ, Тальсенѣ и др. городахъ, а также творившееся последнее время и въ Гольдингенѣ даетъ мнѣ основаніе считать себя находящимся какъ бы въ непріятельской странѣ и быть готовымъ ко всему.

„Моему отряду прійдется пробыть здѣсь нѣсколько часовъ. Предупреждаю, если за это время въ кого-нибудь изъ насъ послѣдуетъ хоть одинъ выстрѣлъ, будетъ сдѣлана малѣйшая попытка помѣшать исполнить полученное мною приказаніе, я— сожгу вашъ городъ.

„Мѣры предосторожности мною приняты, но рекомендую и вамъ, господа представители города, сдѣлать то же. Совѣтую имѣть въ виду, что сюда скоро долженъ прибыть сильный отрядъ для сведенія счетовъ и возстановленія законнаго порядка. Поэтому новыми безумными выходками пусть жители Гольдингена не увеличиваютъ тяжести своей вины уже и за то, что случилось!“

Собственно говоря, этой „рѣчи“ можно было бы и не гово-

рить. Депутація состояла изъ лицъ городского правленія, видныхъ домовладѣльцевъ. Все это люди завѣдомо почтенные, далекіе отъ крамолы. Сами они чувствовали себя не особенно хорошо, состояли у соціалистовъ подъ сумлѣніемъ, были сломаны, уступивъ мѣсто Комитету. Но рискованное положеніе коннаго отряда, среди города дѣйствительно ненадежнаго, казенный милліонъ на рукахъ, безопасность семействъ, просившихся уѣхать подъ его охраною, а ко всему этому и простое желаніе избѣгнуть могущей произойти бойни—все это понудило начальника его пугнуть гольдингенцевъ. Легко сказать—жечь городъ. Кто бы на это рѣшился!

Депутаты отвѣтили увѣреніями, что они осуждаютъ поступокъ своихъ согражданъ, но ничего подѣлать не могутъ; что немедленно пустятъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы устранить могущее быть столкновеніе; что, наконецъ, убѣдительно просятъ остаться съ отрядомъ хотя на нѣсколько дней, такъ какъ уходъ его теперь можетъ ухудшить положеніе. Одинъ старикъ даже расплакался. Онъ говорилъ:—„лучше бы драгуны и не приходили! Начнутъ съ насъ, что пошли въ депутацію"...

Прошло нѣсколько часовъ, было довольно холодно.

Драгуны все стояли на постахъ съ заряженными винтовками въ рукахъ. Несчастныя лошади на голыхъ камняхъ мостовой подъ сѣдломъ, дрожали какъ въ лихорадкѣ, выгнувъ спины и поджавъ исцарапанныя ноги. Коротенькій декабрьскій день уже клонился къ вечеру. Надо было скорѣе уходить, чтобы гдѣ-либо кое-какъ накормить отрядъ и переночевать. Вблизи же не было подходящихъ для этого мѣстъ.

Тѣмъ временемъ на площадь собралось довольно много гольдингенцевъ, они принесли солдатамъ булки, папиросы и др. угощеніе, отказываясь брать деньги. Они выражали радость по поводу ихъ прибытія.

Пріѣхалъ, наконецъ, съ опозданіемъ казначейскій чиновникъ съ цѣнностями, собрались уѣзжавшіе изъ города чиновники и др. Раздалась команда „садись". Видя, что драгуны уходятъ, жители тѣсной толпой окружили начальника отряда и буквально начали умолять остаться, не подвергать ихъ мести революціонеровъ.

— „Мы,—выкрикивали они,—мирные жители, непричастны ни къ чему; изъ уѣзда къ намъ понаѣхало много соціалистовъ—это все они! Угрожаютъ убійствомъ, разоряютъ насъ совсѣмъ „новыми правилами". Торговля пала! Опасно ходить по городу, ѣздить по дорогамъ. Говорятъ, скоро къ намъ прій-

детъ много войска—останьтесь до его прихода"! Говорили всѣ сразу, гладили лошадь, обнимали ноги сидящаго на ней офицера, снимали шапки, кланялись. Одновременно просили по нѣмецки, латынски, еврейски, польски, вставляя русскія слова, немилосердно ихъ коверкая.

Сцена была до крайности трогательная, трудно было устоять. Къ тому же подошло нѣсколько человѣкъ изъ числа депутаціи и обратилась съ такими словами:

— Городъ поручилъ намъ просить васъ остаться, хотя на сутки, чтобы дать время выхлопотать у начальства позволеніе оставить отрядъ подольше, до прибытія ожидаемаго войска со стороны Риги. Исполните нашу просьбу, останьтесь! Мы головами своими ручаемся за полный порядокъ въ городѣ, охрану его беремъ на себя.

Какъ было не исполнить такой просьбы! Пусть тамъ „раіонный"—поволнуется! „Неисполненіе приказанія", судъ — ну и, чортъ съ нимъ! Пусть судъ, если онъ окупится цѣною спасенія нѣсколькихъ жизней!

И начальникъ отряда сдался на просьбы. Обращаясь къ толпѣ, онъ сказалъ:—„Я получилъ приказаніе исполнить то, зачѣмъ прислали, немедленно уйти изъ вашего города. Но я исполняю ваше желаніе и остаюсь".

Слова эти встрѣчены были шумнымъ выраженіемъ благодарности. Жители наперерывъ стали обращаться съ просьбами позволить взять солдатъ по своимъ домамъ—„имъ будетъ хорошо —обо всемъ позаботимся"! Въ этомъ имъ пришлось отказать. Примѣръ все того же Туккума заставлялъ быть крайне осторожнымъ, не довѣряться. Драгуны были размѣщены командами не менѣе взвода съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности.

Члены городского управленія и многіе жители тотчасъ же собрались на совѣтъ. Составлены были телеграммы въ Газенпотъ и Либаву съ просьбами оставить отрядъ хотя-бы на нѣсколько дней. Почта все бастовала, но для этого случая телеграфъ заработалъ. Телеграммы были приняты въ Газенпотѣ.

Гольдингенцы исполнили свое обѣщаніе: по окраинамъ города стали многочисленные караулы, охранявшіе отъ могущаго быть нашествія повстанцевъ; по улицамъ ходили безпрерывно патрули—и такъ всю ночь. Хотя во всемъ этомъ рвеніи и была видна искренность, но для вѣрности къ городскимъ карауламъ приданы были драгуны; охрана повѣрялась дежурнымъ офицеромъ.

Ночь прошла спокойно. Время шло уже къ 3 часамъ дня. Отвѣта отъ начальства не было. Отдано было приказаніе готовиться къ уходу. Снова вывезли казначейство, собралось много экипажей съ убѣгавшими изъ Гольдингена; привезли и несчастнаго Адольфи; несмотря на тяжкія раны, онъ жилъ. Жители опять обратились съ горячей просьбой остаться еще „хотя на день". Пришлось въ этомъ отказать. И въ городѣ началась снова паника.

Начальникъ отряда получилъ предупрежденіе, что на половинѣ прямой дороги въ Газенпотъ его ожидаетъ „нападеніе" соціалистовъ, рѣшили „отбить казначейство, истребить войска и ѣхавшихъ съ ними бариновъ и чиновниковъ". Опасныя мѣста въ большихъ лѣсахъ предстояло проходить уже ночью. То обстоятельство, что при отрядѣ будутъ слѣдовать женщины, дѣти, раненый и онъ, отрядъ, растянется по узкой дорогѣ версты на двѣ, только озабочивало его начальника. Но уходить было нужно. Въ Газенпотъ можно ѣхать и по другой дорогѣ, удлинявшей путь на нѣсколько верстъ, но она зато не такъ лѣсиста. Засада ожидалась на первой. Рѣшено было слѣдовать по второй. Дороги эти расходятся въ самомъ городѣ, по этому планъ раскрывался сразу. Извѣщенная о принятомъ направленіи засада могла перейти на вторую дорогу (верстъ 6); все зависѣло отъ быстроты, но на нее разсчитывать было трудно.

Съ усиленными мѣрами охраненія пошелъ одинъ эскадронъ, за нимъ тронулся „обозъ", настолько значительный, что для соблюденія въ немъ порядка пришлось назначить офицера и команду драгунъ. Шествіе замыкалъ другой эскадронъ. Отрядъ спѣшилъ пройти засвѣтло хотя первый особенно густой лѣсъ. Повозки сильно растягивались, особенно при подъемахъ, а по этой причинѣ отставалъ и тыльный эскадронъ, что было до крайности неудобно, если бы дѣйствительно случилось нападеніе.

Отъ города отошли уже около 7 верстъ.

Но вотъ тыльный эскадронъ далъ знать, что по дорогѣ мчится какой-то всадникъ, видимо догоняя строй. Остановились.

Всадникъ доскакалъ и подалъ бумажку; на ней карандашемъ было написано: „въ Гольдингенѣ получена телеграмма, чтобы отряду остаться въ немъ". Оказалось, что содержаніе ея было передано по телефону въ им. Курмаленъ, около котораго отрядъ недавно прошелъ. Такъ какъ владѣлецъ его находился при отрядѣ въ качествѣ представителя отъ Газенпотской

полиціи, а всадникъ—его родственникъ, то вѣрить было можно. Отрядъ пошелъ обратно. „Бѣглецамъ“ это не понравилось—не хотѣлось имъ возвращаться въ Гольдингенъ. Нѣкоторые изъ нихъ рискнули было ѣхать дальше, но скоро встрѣченые выстрѣлами въ лѣсу должны были вернуться, отдѣлавшись только страхомъ.

Драгуны, не соблюдая уже мѣръ предосторожности, съ пѣніемъ входили въ городъ. На веселые звуки пѣсни изъ домовъ выбѣгали жители и радостно привѣтствовали возвращеніе ихъ. Но это было только на окраинѣ города. Ближе къ центру картина замѣтно мѣнялась. Прежде всего бросилось въ глаза то обстоятельство, что по улицамъ ходила толпа мужчинъ съ большими палками въ рукахъ. Солдатъ же не привѣтствовала, а смотрѣла на нихъ довольно таки не дружелюбно. При всемъ томъ она быстро разсѣялась по боковымъ улицамъ.

Разсказывали послѣ, какъ только отрядъ скрылся изъ вида, на улицѣ появилась какая-то дѣвушка въ красной шапочкѣ и выстрѣлила изъ револьвера на воздухъ. Какъ бы ожидавшій этого сигнала на площади началъ собираться „народъ“; „мирные же“ въ страхѣ попрятались. На балконъ дома, около котораго собирались митинги, вышелъ уже ораторъ. Но въ это мгновеніе вѣсть о возвращеніи драгунъ облетѣла городъ. Ораторъ благоразумно ретировался, а толпа начала расходиться. Не трудно догадаться, о чемъ бы говорилось на собраніи, и опасенія, высказанныя однимъ изъ депутатовъ, могли бы оправдаться... Полученная телеграмма гласила: „Разрѣшаю остаться въ Гольдингенѣ до среды 14 декабря“.

Жители рѣшили послать въ Либаву просить оставить эскадронъ подольше, до прихода ожидавшагося войска, о чемъ ходили все болѣе упорные слухи. Къ ходатайству города присоединился и начальникъ отряда; въ рапортѣ своемъ онъ писалъ: „настоящій моментъ благопріятенъ для возстановленія порядка—среди жителей замѣтна реакція, многіе не сочувствуютъ движенію, видя для себя отъ него только стѣсненія, но безсильны оказать отпоръ. Если городъ увидитъ, что власти бросаютъ его и теперь на произволъ повстанцевъ, то будетъ вынужденъ примкнуть къ революціи“.

Затрудненіе состояло въ томъ, какъ добраться посланному до Газенпота. Везти просьбу былъ выбранъ одинъ молодой человѣкъ—тотъ самый, который снарядилъ патроны съ пескомъ. Онъ какъ-то умудрился достать на чужое имя пропускъ

отъ революціоннаго комитета, съ нимъ и поѣхалъ, везъ просьбу законныхъ представителей города и рапортъ военнаго начальника... По дорогѣ его задержали, но предъявленный пропускъ подѣйствовалъ; только одинъ латышъ-повстанецъ усѣлся на козлы, а два—сзади крытаго экипажа, на доску, куда привязываются дорожніе сундуки. Подъ этимъ конвоемъ посолъ гольдингенскій ѣхалъ долго;—цѣль конвоированія ему была непонятна. Когда экипажъ выбрался изъ лѣсовъ, храбрый юноша выстрѣлилъ изъ „браунинга" въ сидѣвшихъ сзади латышей—разъ, два! Попалъ ли—неизвѣстно, только латыши и даже сидѣвшій на козлахъ повскакивали. Кучеръ погналъ прекрасныхъ лошадей. Посолъ благополучно прибылъ въ Газенпотъ, а оттуда въ Либаву по желѣзной дорогѣ.

Въ Гольдингенѣ между тѣмъ была организована охрана, подѣлена на команды, къ нимъ было придано по нѣсколько драгунъ. Два дня прошли въ ожиданіи отвѣта изъ Либавы. Въ городѣ, повидимому, водворялось успокоеніе.

Одинъ латышъ-домовладѣлецъ обратился съ просьбою собрать на площади митингъ. Послѣдніе были запрещены, но въ виду содержанія рѣчи, которую онъ предъявилъ на просмотръ, ему это было разрѣшено, хотя и было основаніе опасаться осложненій. Латышъ не скрывалъ, что онъ соціалистъ, но „благонамѣренный". Митингъ собрался. Благонамѣренный читалъ свою рѣчь съ балкона ратуши. Рядомъ съ нимъ стоялъ городской голова—законный и начальникъ отряда. Ораторъ убѣждалъ своихъ согражданъ не поддаваться злымъ нашептываніямъ; признавая ненормальность положенія вещей, онъ совѣтывалъ только добиваться осуществленія необходимыхъ реформъ путемъ мирнымъ, такъ какъ кровавый, на который вступила страна, только отдаляетъ проведеніе въ жизнь свободъ, намѣченныхъ Высочайшимъ манифестомъ. Рѣчь свою латышъ окончилъ приглашеніемъ крикнуть „ура" въ честь Государя Императора, Россіи—и за ихъ процвѣтаніе. Головы слушателей обнажились, они довольно дружно крикнули „ура". Впрочемъ... рисковано было и не крикнуть. Это былъ довольно таки своеобразный митингъ. Въ ратушѣ около дверей, ведущихъ на балконъ, стоялъ трубачъ, готовый на знакъ начальника выйти и заиграть—тревогу. Ее бы тотчасъ повторилъ другой, поставленный на противоположномъ углу площади. А на звуки тѣхъ трубъ іерихонскихъ вынеслись бы вполнѣ готовые къ тому эскадроны. Латыши это вѣрно подозрѣвали.

День 13 декабря близился къ окончанію. Никакихъ из-

вѣстій не приходило. Только позднимъ вечеромъ возвратился посланный изъ Либавы, не привезя опредѣленнаго отвѣта. Поэтому отрядъ долженъ былъ уйти на другой день утромъ. Снова начался совѣтъ представителей города. Неопредѣленность отвѣта начальства объяснялась тѣмъ, что посломъ отъ Гольдингена выбрали не одного изъ его представителей, а человѣка случайнаго, котораго разсказамъ въ Либавѣ не особенно давали вѣру. Поэтому рѣшили немедленно послать помощника городского головы и еще кого-то, а начальника отряда опять принялись умолять остаться и на 14 число. Приказаніе уйти именно 14-го было категорическое, не исполнить его было рисковано. Начальникъ отряда вначалѣ колебался, но сдался на аргументъ: „подъ отвѣтъ попадете, но можно и пострадать для блага многихъ“—и остался.

Слухи о подходѣ какого-то отряда ходили уже болѣе опредѣленные; съ ближайшей станціи (Стенденъ—со стороны Митавы) привезено было евреями извѣстіе, что тамъ ожидается прибытіе и высадка пѣхотнаго полка, драгунъ и артиллеріи.

Итакъ въ Гольденгенѣ мы остались, вопреки приказанію, и по 14 число, но 15-го твердо рѣшили уйти. Такъ какъ первый выходъ показалъ намѣреніе пойти не по главной дорогѣ, то на другой разъ латыши не дали бы себя провести. А стало достовѣрно извѣстно, что уже на двухъ дорогахъ собраны силы повстанцевъ, что они не пропустятъ отряда безъ борьбы. Она съ случайнымъ сбродомъ, кой-чѣмъ вооруженнымъ, не была, конечно, опасна довольно сильному для того отряду. Но все тѣ же обстоятельства, о которыхъ указано выше, осложняли дѣло. Отказать, не взять съ собою, напр., раненаго, который все еще жилъ, было конечно нельзя.

Долго начальникъ отряда ломалъ себѣ голову, какъ избѣжать нежелательнаго столкновенія. Но вотъ, проходя по улицѣ, онъ увидѣлъ, какъ въ одинъ дворъ юркнули два члена комитета. По прежнему своему пребыванію въ городѣ, онъ зналъ многихъ. Фамиліи же крамольныхъ дѣятелей послѣдняго времени ему были сообщены. Его осѣнила мысль; ибо революціонеры были лично имъ арестованы и посажены въ тюрьму. Кромѣ принадлежности ихъ къ составу комитета, за ними ничего преступнаго не числилось. Начальнику тюрьмы было сказано, чтобы онъ допустилъ свиданіе посаженныхъ съ родственниками.

Вечеромъ къ начальнику отряда явилась цѣлая депутація съ просьбою освободить арестованныхъ, такъ какъ они „ни въ

чемъ не повинны и къ движенію не причастны". Но имъ показанъ былъ „пропускъ" съ печатью революціоннаго комитета, подписанный членомъ его, какъ разъ однимъ изъ плѣненныхъ (пропускъ этотъ отобранъ былъ у латыша наканунѣ при обыскѣ). Депутація смутилась.

— Не отпущу, это важные преступники, ихъ ждетъ военный судъ. Впрочемъ... Я везу ихъ съ собою въ Газенпотъ. Если по дорогѣ на отрядъ будетъ сдѣлано нападеніе, они тотчасъ же будутъ убиты; если нѣтъ—подъ Газенпотомъ отпущу.

Въ числѣ просителей была и жена одного изъ арестованныхъ.

На другой день, часовъ въ 11 (все поджидали телеграммы) отрядъ выступилъ тѣмъ же порядкомъ и по той же дорогѣ.

Не доѣзжая версты до большого лѣса, голова отряда остановилась, чтобы подтянуть повозки и послѣ возможно быстро пройти его. Было доложено, что арестованные хотятъ говорить съ начальникомъ. Онъ подошелъ, отославъ въ сторону конвой.

— Господинъ командиръ, сказали они, дайте, пожалуйста, намъ лошадей и позвольте ѣхать верхомъ впереди.

— Зачѣмъ? Будьте со мною откровенны; ожидаете нападенія?

— Точно не знаемъ, но по всей вѣроятности. Мы, если позволите, поѣдемъ впередъ и, если что замѣтимъ, дадимъ знакъ платкомъ.

— Поѣзжайте, но помните—это для васъ вопросъ жизни или смерти.

Латышей посадили на лошадей, поставили между солдатъ-часовыхъ и отправили въ передовой дозоръ съ офицеромъ, которому громко было отдано приказаніе при нападеніи прежде всего покончить съ ними. Одинъ изъ нихъ вынулъ изъ кармана платокъ и заложилъ за бортъ пальто—приготовился.

Втянулись въ лѣсъ. По выпавшему за день передъ тѣмъ небольшому снѣгу видно было много человѣческихъ слѣдовъ. Здѣсь проходила банда.

Отрядъ все шелъ и шелъ; никого не было видно. Благополучно миновали одинъ лѣсъ, послѣ другой, третій. Впереди уже не было опасныхъ мѣстъ. Остановились на привалъ. Дрожавшимъ отъ холода въ легкихъ пальто членамъ Гольдингенскаго комитета дали выпить, закусить.

— Пойдемте, я выведу васъ за цѣпь часовыхъ и, согласно обѣщанію, отпущу, сказалъ имъ начальникъ отряда.

Эскадроны остановились на отдыхъ въ имѣніи, отъ замка

котораго остались только обгорѣлыя стѣны. Проходя около нихъ офицеръ сказалъ:

— Вотъ, господа, плоды вашей работы. Что этимъ достигается? Озлобленіе только! Вы безсмысленно истребляете чудныя старинныя постройки, богатыя собранія рѣдкихъ вещей, библіотеки, архивы. Вѣдь, это достояніе не отдѣльныхъ бароновъ—это украшеніе и богатство страны, пожаръ—это варварство, первобытный способъ борьбы, онъ не дѣлаетъ чести культурному народу, каковымъ вы себя почитаете. Этимъ я не хочу сказать, что вы неправы въ своихъ стремленіяхъ; зачѣмъ только прибѣгать къ такимъ пріемамъ! Вы лично одобряете это?

— Нѣтъ и нѣтъ! искренно сказали латыши, люди симпатичные и видимо добродушные. Но въ этомъ система борьбы, другой народъ не понимаетъ.

— Ну, оставимъ это. Отвѣтьте мнѣ только еще на одинъ вопросъ. Даю слово, до времени отвѣтъ сохраню въ тайнѣ. Что сдѣлали съ Детловскимъ?

— Въ свою очередь даемъ вамъ слово,—не знаемъ. Было приказано доставить въ Либаву, исполнили. Послѣдствія намъ не извѣстны.

— Убитъ?

— По всей вѣроятности.

Въ Гольдингегенѣ по уходѣ эскадроновъ разыгралась такая сцена. Къ уѣздному начальнику, оставшемуся въ городѣ уже въ полнѣйшемъ одиночествѣ (старшій помощникъ, приставъ, надзиратель уѣхали съ нами; городовыхъ давно уже не было), явилась толпа и „приказала“ немедленно написать начальнику ушедшаго отряда предписаніе освободить увезенныхъ арестованныхъ—„въ противномъ случаѣ войска будутъ уничтожены“. Уѣздный начальникъ, какъ говорили, исполнилъ, предписаніе было написано и послано съ бывшимъ урядникомъ, облачившимся на этотъ случай снова въ форму. Урядникъ поскакалъ, но вблизи города же толпа его избила, отняла шашку. Хотѣли писать новую „бумагу“, послать новаго посла. Но къ тому же уѣздному начальнику чрезъ нѣкоторое время явилась снова толпа и объявила, что никакого предписанія уже не нужно, что „войска разбиты, уничтожены“.

Поздно вечеромъ прибыли въ Газенпотъ.

Начальника отряда выздоровѣвшій районный встрѣтилъ сильнѣйшимъ „разносомъ“ за „самовольство“, сообщеніемъ, что „объ ослушаніи“ уже донесено ген.-губернатору, и грозилъ судомъ.

Но о томъ, что, благодаря удачному выполненію порученія, съ его-то плечъ свалилась серьезная отвѣтственность, онъ умалчивалъ—опасность миновала. Между прочимъ начальство повыше, разсмотрѣвъ рапорты о дѣйствіи отряда, нашло поступки его начальника правильными.

Милліонъ казенный предполагалось на другой день отправить по жел. дорогѣ въ Либаву.

Глава XI.

Нападеніе на эскадронъ. — „Сраженіе". — Разные эпизоды его. — Потери обѣихъ сторонъ.—Отношеніе жителей города къ раненымъ солдатамъ.—Цѣль нападенія.—Томительное положеніе гаризона въ ожиданіи нападенія на Газенпотъ.—Рапортъ начальству.—Результатъ столкновенія повстанцевъ съ войсками.

Днемъ 16 декабря полиція доложила раіонному, что въ 9 верстахъ отъ Газенпота около ж. д. ст. Маріенгофъ, именно тамъ, гдѣ къ ней подходитъ грунтовая дорога на Либаву, стоитъ многочисленная вооруженная толпа съ красными флагами. Такъ какъ эта жел. дорога постоянно портилась злумышленниками, то думали, что и на этотъ разъ они собрались для той же цѣли. Въ виду того, что послѣднее время повстанцы вели себя необыкновенно дерзко, чуть не въ тѣсной блокадѣ держали самый городъ, то раіонный для ея разгона назначилъ 1 эскадронъ и 3 роты, т. е. большую часть свѣжихъ силъ (всего въ Газенпотѣ въ это время было 165 чел. пѣхоты и 200 драгунъ, считая и нестроевыхъ), но самъ командовать не поѣхалъ, поручивъ тому же офицеру, который ѣздилъ въ Гольдингенъ за казначействомъ.

Въ 11 $1/2$ часовъ дня эскадронъ выступилъ изъ города—ранѣе ротъ и пошелъ рысью—спѣшилъ прибыть къ мѣсту, чтобы помѣшать портить путь жел. дороги; поэтому роты не скоро могли прибыть.

Въ верстѣ отъ города навстрѣчу попался ѣхавшій въ саняхъ молодой латышъ. Извѣстенъ онъ былъ намъ по Гольдингену, какъ одинъ изъ коноводовъ. Еще до выхода оттуда солдатъ, онъ какъ-то явился въ полицію съ предсѣдателемъ Комитета и безапелляціонно заявилъ: „въ Гольдингенѣ будетъ издаваться соціалъ-демократическая газета; я—редакторъ, а вотъ, указывая на предсѣдателя, издатель. На основаніи свободы слова, мы не нуждаемся въ „разрѣшеніи", а заявляемъ вамъ, (уѣздному начальнику) „явочнымъ порядкомъ". На всѣ вопросы

уѣзд. начальника онъ отвѣчалъ—„что вамъ до этого". Даже на вопросъ, кто вы, какъ ваша фамилія, отвѣтилъ этою же фразою. Мы были при этомъ и ушамъ не вѣрили. Sic transit... Манифестъ прогремѣлъ, но трудно сразу отрѣшиться отъ того, съ чѣмъ человѣкъ свыкся...

Но уѣз. начальникъ ничего, не приказалъ схватить, посадить, а принялъ заявленіе, подписанное „Издателемъ" объ имѣвшейся издаваться газетѣ.

Появленіе „редактора" соц. дем. органа въ Газенпотѣ, по дорогѣ, ведущей оттуда, гдѣ стояла вооруженная толпа, наталкивало на мысль, что затѣвается не совсѣмъ обычное, въ родѣ вполнѣ уже обычныхъ тогда порчъ жел. дорогъ, или тамъ разныхъ демонстрацій подъ сѣнью революціонныхъ знаменъ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Газенпота лежитъ довольно густой лѣсъ. Онъ узкій—около версты; вправо доходитъ до полотна жел. дороги, а влѣво тянется далеко и соединяется съ другимъ большимъ лѣсомъ

На половинномъ разстояніи и на изгибѣ дороги стоитъ большой сарай такъ, что заслоняетъ собою путь до лѣса со стороны города. Мы увидѣли, какъ лошадь, запряженная въ сани, выѣхала изъ-за этого сарая. Сидѣвшіе въ саняхъ два человѣка, замѣтивъ идущій эскадронъ, повернули назадъ и вскачь понеслись къ лѣсу. Это обстоятельство показалось подозрительнымъ. За уходившими поскакали драгуны и задержали. Ко всему этому скоро замѣтили, какъ въ лѣсу перебѣжало къ опушкѣ нѣсколько человѣкъ и залегло за деревья. Не оставалось сомнѣнія, что и этотъ лѣсъ занятъ. Продолжать движеніе въ конномъ строю прямо по дорогѣ было конечно нельзя. Предварительно нужно было выбить банду. Пѣхоты не было видно. Поэтому эскадронъ былъ спѣшенъ и стрѣлковою цѣпью направленъ въ лѣсъ. Съ опушки грянулъ въ нихъ залпъ, не причинившій вреда. Драгуны, не обращая на него вниманія, продолжали бѣжать и скоро вскочили въ опушку. Началась сильная перестрѣлка. Слышались отчетливо густые выстрѣлы охотничьихъ ружей и рѣзкое щелканье винтовокъ. Чрезъ нѣкоторое время, постепенно отдаляясь, трескотня пошла по всему лѣсу. Являлось впечатлѣніе, что тамъ идетъ „великолѣпная охота", какія курляндскіе бароны такъ любятъ устраивать.

Но вотъ нѣсколько драгунъ, медленно, осторожно ступая, вынесли изъ лѣсу убитаго наповалъ своего товарища. Чрезъ минуту вынесли и положили на дорогу еще одного убитаго. Послѣ привели трехъ раненыхъ тяжело драгунъ и урядника

Калашникова, волонтеромъ пошедшаго въ лѣсъ. Итого шесть жертвъ. А выстрѣлы все не смолкали, только отдалялись. По ту сторону лѣса, на полѣ въ разныхъ мѣстахъ лежало много убитыхъ и корчившихся въ предсмертной агоніи латышей. Ближе къ опушкѣ въ лѣсу видно было также не мало труповъ, рѣзко выдѣлявшихся на снѣжномъ покровѣ.

А бойня все шла, только уже слышалось одно щелканье винтовокъ; рѣдко когда ружейный выстрѣлъ. Вправо по выходѣ изъ лѣса лежитъ небольшой перелѣсокъ, за нимъ полотно жел. дороги. Изъ него на буланомъ конѣ выѣхалъ латышъ и, что-то крича, поскакалъ по опушкѣ—видимо отдавалъ приказанія. Одинъ драгунъ перескочилъ ровъ, понесся къ нему—и предводителя не стало, а также и еще нѣсколькихъ повстанцевъ, убитыхъ все тѣмъ же драгуномъ.

Изъ Газенпота примчался поѣздъ; полурота высадилась, разсыпалась въ цѣпь; но ей въ томъ мѣстѣ уже нечего было дѣлать, и она чрезъ нѣкоторое время снова усѣлась въ вагоны и укатила обратно. Безполезно только потрачено было топливо. Но въ лѣсу влѣво отъ дороги „охота" продолжалась.

Едва драгуны, въ началѣ столкновенія съ бандой, вскочили въ опушку, какъ по нимъ открылась частая пальба. Первое мгновеніе въ довольно густомъ лѣсу солдаты не замѣтили латышей, лежавшихъ за кустами и деревьями. Но, оглядѣвшись, въ свою очередь начали стрѣлять и работать прикладами. „Забастовщики" (такъ революціонеровъ называли солдаты) первые открыли огонь, убили ихъ товарищей—это обстоятельство привело драгунъ въ озлобленіе. Пощады не давалось. Повстанцы не выдержали натиска, обратились въ бѣгство, разсѣявшись по лѣсу. Съ этого времени началась уже бойня. Многіе влѣзли на деревья, думая найти тамъ спасенье, и пораженные пулями сваливались на землю. Но нѣкоторые изъ латышей, отбѣжавъ нѣсколько, прятались въ кустамъ и стрѣляли въ солдатъ, когда они, не замѣчая ихъ, пробѣгали впередъ; давали промахъ и съ раздробленными головами оставались лежать тамъ ужъ мертвыми.

Латыши-драгуны, находившіеся у начальства подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относительно своей благонадежности, проявляли выдающуюся жестокость. Такъ, одинъ изъ нихъ погнался за повстанцами и, стрѣляя на бѣгу, кричалъ по-латышски „стойте". Бѣглецы, слыша родной языкъ, останавливались—ружья свои они давно уже побросали,—опустились на колѣни и говорили: „обжалуесъ!" (помилуй!). Солдатъ прочелъ (по-ла-

тышски) наставленіе—что, молъ, вы измѣнники, бунтовщики, забыли присягу, товарищей нашихъ убили... и т. д. и спокойно, съ выдержкой убилъ всѣхъ 6 человѣкъ, не перестававшихъ молить о пощадѣ... Подобныхъ сценъ было не мало.

Пожилой уже латышъ приведенъ былъ молодымъ солдатикомъ въ качествѣ военноплѣннаго (единственный случай). Увидя это, подбѣжалъ съ сильно окровавленнымъ отъ легкой раны въ лицо драгунъ и направляя винтовку въ трясущагося, какъ въ лихорадкѣ и упавшаго на колѣни плѣннаго, кричалъ: Позвольте, Ваше Высокоблагородіе,—я его убью; такъ что меня ранили, нашихъ побили, то я его убью". И не мало усилій пришлось употребить, чтобы спасти несчастнаго и успокоить озвѣрѣвшаго солдата.

Банда была выбита изъ лѣса. Но продолжать движеніе далѣе, къ Маріенгофу, „не обезпечивъ тыла" — до прихода пѣхоты было нельзя. Къ томуже было неизвѣстно, вполнѣ ли очищенъ лѣсъ. По этому одному драгуну было приказано, быстро его проскакавъ, ѣхать навстрѣчу ротѣ и передать приказаніе спѣшить. Если въ лѣсу могли еще задержаться повстанцы, то ближайшая полоса къ дорогѣ, казалось бы, могла считаться безопасною. Но приказаніе „проскакать" лѣсъ было удачно. Не успѣлъ драгунъ отскакать и сотни саженей, какъ въ него тутъ же, около самой дороги, послѣдовалъ выстрѣлъ. Но драгунъ, не задерживая лошади, въ свою очередь выстрѣлилъ изъ револьвера, не задолго предъ тѣмъ взятаго у повстанца, въ стоящаго подъ деревомъ съ дымящимся еще ружьемъ въ рукѣ латыша — пуля угодила въ переносье, и безумный храбрецъ, какъ подкошенный, рухнулъ на землю. Конечно, это былъ только случай, драгунъ, вѣрно, и не цѣлился.

Поданъ былъ сигналъ „сборъ". Много разъ пришлось его повторить—солдаты увлеклись въ своемъ преслѣдованіи и не охотно возвращались къ эскадрону.

Тѣмъ временемъ подошла пѣхота. Ей было поручено еще разъ осмотрѣть лѣсъ и охранять его до возвращенія эскадрона, который и пошелъ впередъ, къ ст. Маріенгофъ. Позади же въ лѣсу снова скоро защелкали винтовки — пѣхота оканчивала „дѣло", начатое драгунами.

Около станціи также была банда повстанцевъ. Лѣсистая мѣстность скрывала большую ея часть. Видно было только, какъ они небольшими группами разбѣгались въ разныя стороны. И здѣсь пало не мало латышей. Путь около станціи испорченъ не былъ. На подкрѣпленіе эскадрону изъ города прислано

было еще 50 драгунъ. Такимъ образомъ газенпотскій отрядъ почти весь выведенъ былъ противъ повстанцевъ. Въ „Главной Квартирѣ" остался только его—начальникъ, рота и человѣкъ 40 драгунъ. Но все уже было окончено, подкрѣпленія были излишни. Собравъ и на этотъ разъ съ усиліемъ драгунъ, они пошли обратно. Съ собою въ качествѣ трофеевъ повезли: военноплѣннаго, упомянутаго буланаго коня и еще двухъ латышей, попавшихся по дорогѣ въ бричкѣ и показавшихся полиціи подозрительными.

Возвращавшійся отрядъ встрѣтилъ раіонный. Онъ „поблагодарилъ" солдатъ „за усердную службу"...

Шедшая въ лѣсу стрѣльба отчетливо была слышна въ Газенпотѣ. Среди жителей-латышей, ходившихъ по городу, царило большое волненіе. Когда по улицамъ провозили убитыхъ и окровавленныхъ раненыхъ, латыши изъ этого, вѣроятно, заключили, что „войска" побѣждены и не стѣсняясь даже кричали: „добейте ихъ, добейте"! И могли бы это сдѣлать, если бы вокругъ саней не шли съ заряженными ружьями солдаты. Раненыхъ повезли въ больницу, ихъ тамъ не приняли, фельдшеръ-латышъ, страха ради, уклонился даже подать первую помощь. И только послѣ долгихъ усилій удалось вахмистру пристроить окоченѣвшихъ отъ холода раненныхъ. Ихъ впрочемъ, изъ опасенія приведенія въ исполненіе „добейте", скоро перевезли въ замокъ.

По собраннымъ послѣ полиціею приблизительнымъ свѣдѣніямъ было убито свыше ста человѣкъ. Но это число могло быть и больше—далеко не весь лѣсъ былъ осмотрѣнъ. Полиція труповъ не собрала, не хоронила, предоставивъ это населенію. Что касается числа раненыхъ, то оно совершенно неизвѣстно. Но по многимъ признакамъ и слухамъ должно было быть весьма значительно.

Съ какою цѣлью латыши устроили засаду? Это было послѣ вполнѣ выяснено—чтобы завладѣть казначействомъ. Революціонный Комитетъ письменными распоряженіями, разосланными по волостямъ, приказалъ „отбить у войскъ похищенныя ими народныя деньги". Вначалѣ напасть предполагалось по дорогѣ изъ Гольдингена. Но, по какимъ-то соображеніямъ, 15 дек. нападеніе сдѣлано не было; „народъ" Гольдингскаго у., подкрѣпленный собраннымъ въ Газенпотскомъ, переведенъ былъ за Газенпотъ, такъ какъ вожаки были увѣрены, что милліонъ на другой же день будетъ повезенъ въ Либаву, что, между про-

чемъ, районный и рѣшилъ было сдѣлать (по желѣзной дорогѣ въ 2 ч. дня).

Въ одной изъ волостей, какъ то извѣстно изъ полицейскаго протокола, старшина получилъ распоряженіе собрать народъ, но разорвалъ и умолчалъ о немъ—и ни одинъ житель той волости въ столкновеніи подъ Газенпотомъ не участвовалъ.

Нѣкоторые очевидцы разсказывали намъ, какъ по дорогѣ на подводахъ шумно ѣхали повстанцы къ Газенпоту, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и какъ они же съ перевязанными ранами, теперь послѣ пробирались окольными путями во-свояси...

Планъ нападенія, вѣроятно, былъ таковъ: революціонерамъ не было извѣстно, повезутъ ли деньги по жел. дорогѣ или отправятъ съ отрядомъ по грунтовой. Послѣднее, по многимъ соображеніямъ, они имѣли основаніе считать болѣе вѣроятнымъ. Поэтому одну, болѣе многочисленную банду, они расположили въ ближайшемъ лѣсу, а другую поставили около Маріенгофа, о которой только и сдѣлалось извѣстно полиціи. Грунтовая дорога на Либаву подходитъ къ самой станціи, мѣсто около нея для засады и нападенія болѣе удобное—къ тому же и дробить имъ было бъ ненужно. Первая банда, силою, какъ намъ казалось, около тысячи человѣкъ [1]) должна была неожиданно напасть на отрядъ, вторая произвести крушеніе поѣзда. Какъ утверждали послѣ свидѣтели, была еще одна довольно многочисленная банда, стоявшая гдѣ-то недалеко въ другомъ стратегическомъ пунктѣ подъ предводительствомъ того самаго студента-технолога, который намъ объявлялъ бойкотъ. При первомъ извѣстіи о пораженіи онъ, вмѣсто того, чтобы итти на выручку, бросилъ товарищей и бѣжалъ безъ оглядки, по примѣру вожака разбѣжались и послѣдніе. Не исполнилъ онъ своего торжественнаго заявленія о готовности умереть за народъ!

Въ печальной памяти для курляндскихъ латышей день 16 декабря „жертвою пали въ неравной борьбѣ" (драгунъ было, не считая коноводовъ, человѣкъ 60) лишь рядовые повстанцы; многихъ изъ нихъ погналъ въ банду только терроръ. Люди же „идеи", ихъ вожаки, щадили свою жизнь, могущую пригодиться для того, чтобы устроить въ будущемъ хотя бы еще... такую же бойню.

Никакого осмотра окрестностей не дѣлали; а это было соб-

---

[1]) Относительно числа повстанцевъ, собранныхъ подъ Газенпотомъ, ходили послѣ разнорѣчивые слухи; многіе, по достовѣрнымъ источникамъ, утверждали, что собрано ихъ было до десяти тысячъ. Судя по всему, это число могло быть не особенно преувеличено.

ственно необходимо уже въ виду того, что въ лѣсу могли остаться раненые. Вообще не было предпринято ничего въ этомъ отношеніи. Но рекогносцировка была еще необходима въ видахъ полнаго разгона бродившихъ партій для довершенія того дѣла, за которое взялись. Полагались на полицію, которая собирала свѣдѣнія чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ. На другой уже день она сообщила о присутствіи вблизи города небольшой банды. Разгонять ее послали отрядъ. На этотъ разъ во главѣ его сталъ и самъ раіонный. Такъ какъ мы отъ участія въ немъ уклонились, то приводимъ подлинное донесеніе къ г. губернатору.

„Доношу, что 17 дек. въ небольшой березовой рощѣ, лежащей въ 3 вер. отъ города по дорогѣ на им. Кацдангенъ, появилась банда злоумышленниковъ. Для ея разсѣянія были высланы 2 роты пѣхоты и полъэскадрона драгунъ. При приближеніи войска, былъ открытъ слабый огонь, не причинившій никакого вреда. Наступленіе цѣпи пѣхоты вызвало бѣгство злоумышленниковъ, при чемъ изъ нихъ былъ убитъ 1 человѣкъ (пѣхота открыла огонь за версту).

Вполнѣ уже выяснилось, что окрестные лѣса, весьма близко лежащіе около города, наполнены бандами вооруженнаго народа; даже на ночь онѣ остаются тамъ. Сегодня ночью производилась сигнализація сильнымъ бѣлымъ огнемъ, своего рода прожекторъ. Работа сигнализаціи продолжалась съ 9 ч. вечера до $1^1/_2$ ч. ночи. Или это сигнализація, или попытка заманить войска въ засаду. Прежде шли слухи, что народъ собирается, чтобы завладѣть Газенпотомъ. Они теперь оправдались. Теперь пошли еще упорнѣе слухи, что ожидается подходъ народа изъ дальнихъ волостей и сосѣднихъ уѣздовъ, чтобы задавить отрядъ массою, и что нападеніе генеральное назначено на 20 дек. Подъ вліяніемъ этихъ упорныхъ слуховъ, игнорировать которыми нельзя, приходится все время быть въ напряженномъ состояніи. Всѣ силы ввѣреннаго мнѣ отряда идутъ на самоохраненіе; все идетъ въ нарядъ, особенно ночью, что при стоящихъ морозахъ весьма тяжело отзывается на нижнихъ чинахъ. И это тяжелое положеніе усиливается неизвѣстностью, какъ долго оно продолжится. Долго держать отрядъ въ такомъ положеніи трудно. При нашествіи народа, если таковое случится, удержать городъ нашему отряду едва-ли удастся. Придется всѣмъ отступить въ им. „Шлоссъ-Газенпотъ“ и уже защищать себя. Опасаться за цѣлость отряда нѣтъ особеннаго основанія“.

По обыкновенію, раіонному донесеніе состряпали.

Сигнализація „сильнымъ бѣлымъ огнемъ“, о которой упоминается въ немъ, была не болѣе, какъ отблескъ дѣйствительно прожектора, но — работавшаго въ Либавскомъ военномъ портѣ (верстъ 40). Не разъ приходилось видѣть и послѣ эти бѣлые снопы свѣта, двигающіеся надъ горизонтомъ.

„Упорные слухи“ о подходѣ народа—не оправдались; „генеральнаго нападенія“ не произошло. Наоборотъ, какъ о томъ скоро удостовѣрила и полиція, всѣ лѣса совершенно очистились отъ бандъ, проѣздъ по дорогамъ сталъ возможенъ. Даже злополучную жел. дорогу перестали портить, и движеніе по ней возстановилось нормальное (подъ охраною пѣхоты).

Вообще 16 декабря можно считать поворотнымъ въ ходѣ развитія активнаго вооруженнаго возстанія. Движеніе конечно не утихло — успокоеніе такими средствами не достигается, но воинственный пылъ латышей все-таки достаточно былъ охлажденъ. Приходилось слышать отъ нихъ же и сѣтованія на вожаковъ за то, что послѣдніе, не взвѣсивъ шансовъ на успѣхъ, погнали довѣрчивый народъ въ лѣсъ, а сами, отдавъ распоряженіе, во время скрылись, бросивъ ихъ на безполезную жертву разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, а послѣ карательныхъ отрядовъ и правосудія.

Такъ какъ Газенпотскій гарнизонъ, боясь ослабленія, не рѣшился выдѣлить изъ своего состава, отрядъ для доставки казначейства въ Либаву, то изъ крѣпости чрезъ нѣсколько дней были присланы за нимъ нѣсколько ротъ пѣхоты, казаки, пулеметы. Само собою, подъ охраною такихъ почтенныхъ силъ, милліонъ благополучно былъ доставленъ въ безопасное мѣсто.

Злополучныя это были деньги. Много изъ-за нихъ пережито было волненій, много крови было пролито!

ГЛАВА XII.

Прибытіе карательныхъ отрядовъ. — Дѣятельность ихъ. — Рѣчь къ представителямъ отъ волости. — Результатъ энергичнаго дѣйствія. — Репрессіи. — Смиреніе латышей. — Вымогательства революціонеровъ. — Отношеніе ихъ къ „народнымъ“ деньгамъ.

Конецъ декабря прошелъ безъ особенныхъ происшествій. Тѣмъ временемъ въ край прибыло много войска. Они постепенно отвоевывали обратно города и уѣзды. И въ Гольдингенъ скоро послѣ нашего оттуда ухода прибылъ, наконецъ, отрядъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся частью населе-

нія. Отрядъ прибылъ въ составѣ цѣлаго пѣхотнаго полка, 2-хъ эскадроновъ и батареи артиллеріи (изъ Ломжинской губ.)

Не доходя двухъ верстъ до города, этотъ карательный отрядъ остановился за р. Виндавой и выслалъ на рекогносцировку драгунъ. Не получая отъ нихъ долго донесенія и подозрѣвая не доброе, онъ послалъ въ городъ въ качествѣ еще развѣдчика—гранату; она сорвала крышу одного домика, но человѣческихъ жертвъ себѣ, къ счастью, не нашла. Тогда жители въ паническомъ ужасѣ поспѣшили изъявить покорность и вручили побѣдителю „ключи города“.

Въ м. Фрауэнбургъ (45 вер. отъ Гольдингена) пришли 4 эскадрона (изъ Гродненской губ.) и тотчасъ же ознаменовали свое прибытіе разстрѣломъ нѣсколькихъ коноводовъ возстанія.

Съ этого времени въ краѣ началась „дѣятельность карательныхъ отрядовъ“, при участи прикомандировавшихся къ нимъ на роляхъ помощниковъ уѣзднаго начальника — представителей частью именитаго дворянства. Съ удивительной энергіею, подогрѣваемые местью за сожженные замки, принялись они искоренять крамолу — ловили и допрашивали сотни латышей, систематически прибѣгая къ большому „пристрастію“. И съ этого времени въ Митаву посыпались телеграммы съ перечисленіями разстрѣлянныхъ „важныхъ агитаторовъ“. Сжигались рядомъ съ этимъ и крестьянскія усадьбы главныхъ причастныхъ къ движенію лицъ, чуя бѣду, скрывшихся при прибытіи карательныхъ отрядовъ.

Расправа чинилась долго, очень долго. Лишь въ началѣ ноября 1906 г. послѣдовало „распоряженіе начальникамъ карательныхъ отрядовъ впредь не примѣнять тѣлесныхъ наказаній и не сжигать усадебныхъ строеній, а въ случаѣ совершенія преступленій предавать виновныхъ военно-полевому суду“.

Нагнавъ страхъ въ Гольдингенѣ, отрядъ для той же цѣли перешелъ въ Шрунденъ (въ Гольдингѣ для поддержанія водвореннаго порядка были оставлены, сравнительно, небольшія силы). Въ составъ его изъ Газенпота командированы два эскадрона. Шрунденская волость была одна изъ безпокойныхъ.

Прежде всего приказано было собрать всѣхъ усадьбовладѣльцевъ. Они покорно явились къ крыльцу дома, гдѣ расположился штабъ отряда. Пришли пѣхотные солдатики съ заряженными ружьями и тѣснымъ кольцомъ, плечо къ плечу, окружили перепуганныхъ латышей. Вышелъ начальникъ отряда и

при помощи переводчика обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ упрекалъ въ томъ, что они, почтенные по возрасту люди, слушались безусыхъ мальчишекъ, совершили столько беззаконныхъ поступковъ, пошли съ оружіемъ въ рукахъ въ лѣса и не остановились даже предъ нападеніемъ на войска. Объяснилъ имъ всю несостоятельность тѣхъ средствъ, которыми они пытаются осуществить свои чрезмѣрныя требованія.

Начальникъ отряда въ заключеніе своей рѣчи объявилъ латышамъ требованіе — назвать всѣхъ агитаторовъ и членовъ революціоннаго комитета подъ угрозою: „если черезъ 30 минутъ (данныхъ имъ на размышленіе) это не будетъ исполнено, то... Сказавъ это, онъ ушелъ.

Признаемся, мы были смущены. —„А что, если не выдадутъ?“— спросили мы. Угроза эта, конечно, не входила въ планъ, это вырвалось сгоряча, такъ какъ ее сказалъ человѣкъ добрый, просвѣщенный и гуманный, но вспыльчивый. Нѣкоторое смущеніе было замѣтно и въ немъ; онъ, вѣрно, думалъ: „вотъ будетъ штука, если не выдадутъ! Не исполнить—подрывъ авторитета и пр.“. Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ этого никогда бы не сдѣлалъ. Знавшій же хотя отчасти латышей, могъ утверждать, что они выдадутъ. Мы это и утверждали.

Не прошло и получаса, какъ требуемый списокъ былъ врученъ. Правда, почти всѣ названныя въ немъ лица при приближеніи войскъ скрылись. Латыши нашли выходъ; поименованные же члены комитета и безъ того хорошо были извѣстны.

Населенію было объявлено еще требованіе: въ теченіе 2 дней сдать все оружіе. И это было исполнено. Оружія снесено было очень много. Между нимъ только не было тѣхъ прекрасныхъ ружей, которыя революціонеры забрали въ замкахъ, да прославившихся браунинговъ.

Водворивъ видимый порядокъ въ Шрунденской волости, карательный отрядъ выслалъ въ сосѣднія волости небольшіе карательные же отряды (составъ ихъ 1 рота пѣхоты, $^1/_2$ эскадрона, 1 орудіе). Такъ какъ намъ лично, благодаря большой любезности начальника отряда, удалось уклониться отъ командованія такимъ отрядомъ и вообще отъ участія въ „караніи“, то подробно говорить о дѣятельности ихъ не можемъ. Творили они расправу, съ „важными агитаторами“ („важность“ оцѣнивалась полицейскими чиновниками - добровольцами), сжигали усадьбы, но особеннаго усердія, надо отдать справедливость, въ этомъ дѣлѣ не проявляли.

Пробывъ 6 мѣсяцевъ въ Курляндіи, мы пригляделись уже къ видамъ труповъ, особенно пожаровъ—весь край пылалъ все время. А между тѣмъ, когда гдѣ-либо не далеко назначалось подобное аутодафе и отрядъ къ вечеру выходилъ на это дѣло, мы съ какою-то безотчетною тревогою прислушивались — вотъ грянутъ роковые три выстрѣла и небо озарится зловѣщимъ заревомъ. Не всѣ взирали такъ! Всякій разъ, когда отрядъ уходилъ жечь усадьбы, къ начальнику отряда обращались съ просьбою „позволить" имъ ѣхать, чтобы посмотрѣть, полковой докторъ и полковой священникъ, любители сильныхъ ощущеній; между прочимъ, люди очень симпатичные и добрые.

Сосѣдняя съ Шрунденской волость, стоявшая по части водворенія порядка на очереди, поспѣшила обратиться съ такою просьбою:

Его Высокородію Господину Командиру Военнаго Отряда въ им. Шрунденъ.

Депутаціи Ранкенскаго Волостного Общества всепокорнѣйшее прошеніе.

„Сего дня 19 янв. 1906 г. по предписанію Г. Комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Гольдингенскаго у. былъ созванъ всеобщій волостной сходъ для выбора волостныхъ должностныхъ лицъ; въ присутствіи Г. Комиссара выборы прошли въ полномъ порядкѣ.

По окончаніи выборовъ, по предложенію члена Общества Кристъ Биренмана и съ разрѣшенія Г. Комиссара всѣми членами схода былъ пропѣтъ государственный гимнъ. Собравшіеся члены Общества и присутствующіе дворохозяева высказали свое глубокое сожалѣніе на всѣ незаконныя происшествія и преступныя дѣйствія, которыя здѣсь были произведены нѣкоторыми членами Общества и нѣкоторыми другими прибывшими и мѣстными жителями; обѣщались и обязывались болѣе не поддаваться заблужденіямъ, незаконнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ; обѣщались и обязывались болѣе не допускать, чтобы агитаторы свои хитрыя рѣчи и ученія здѣсь распространяли; обѣщались и обязывались въ концѣ и впредь до послѣдней капли крови быть вѣрными и послушными подданными своему Государю.

Одновременно волостной сходъ выбралъ изъ среды своей депутацію, состоящую изъ членовъ Общества: крестьянъ Кристъ Биренмана, Аныса Зидера и Яна Гринберга и волостного пи-

саря Тендаре Дельвига и поручили депутаціи отъ волостного Общества выразить Вашему Высокородію выше высказанное сожалѣніе и обѣщаніе дать подробныя объясненія и всепокорнѣйше просить Ваше Высокородіе помиловать Ранкенское волостное Общество и заблудившихъ членовъ его и облегчить дворохозяевъ отъ поставки подводъ и доставки сѣна и овса. Кромѣ того еще просить разрѣшить собираться дворохозяевамъ для обсужденія своихъ экономическихъ нуждъ, особенно относительно чрезмѣрныхъ требованій и невыносимыхъ цѣнъ жалованія батракамъ".

Всѣ арестованные, содержавшіеся въ имѣніи, гдѣ стоялъ отрядъ, по большей части изъявили полное раскаяніе и часто плакали при допросахъ. Всѣ они, какъ сами говорили, являлись только жертвами подстрекателей, скрывшихся при однихъ слухахъ о приближеніи войскъ. Агитаторы, показывали арестованные, слонялись по волостямъ, производили поборы съ народа и не дурно себѣ вообще жили, не имѣя никакого имущества и не неся никакого труда. За рѣчи свои на митингахъ они получали плату; а послѣ произнесенія ихъ не гнушались, какъ послѣ представленія комедіанты, съ шляпой въ рукѣ обходить толпу еще и за добровольными подаяніями. При одномъ обыскѣ въ наши руки переданъ былъ очень обширный „списокъ членовъ с. д. партіи Гольдингенскаго у.", съ указаніемъ мѣстъ жительства и суммы слѣдуемаго съ каждаго взноса на „народное", надо полагать, дѣло.

Вотъ маленькое доказательство того же: къ одному аптекарю явились „делегаты" съ приказаніемъ вынуть изъ оконъ двойныя рамы, „чтобы народу было удобнѣе стрѣлять въ солдатъ", прибытіе которыхъ ожидалось. Аптекарь приказанія не исполнилъ и чрезъ нѣкоторое время получилъ смертный приговоръ отъ „соц. дем. союза" за подписью и его печатью: „Такъ какъ вы шпіонъ, доносите на народъ (о „приказаніи" аптекарь хранилъ молчаніе), то вы и приговорены къ смерти. Но... это дѣло еще можно уладить—вы должны внести въ народную кассу 80 р. и въ теченіе 20 дней о томъ никому не говорить". Но упорный аптекарь долго не внесъ въ „народную кассу". Исполненія приговора не послѣдовало, по крайней мѣрѣ въ теченіе болѣе мѣсяца, послѣ—не знаемъ.

Вообще революціонныя власти не особенно стѣснялись съ „народными" деньгами. За время владѣнія волостными кассами, они присвоили себѣ общественныя деньги. Въ волости Торма, напр., исчезли такимъ образомъ 8.000 р.; тоже и въ Ригѣ въ

рабочихъ кружкахъ говорили о растратѣ „собранныхъ съ рабочихъ для революціонныхъ цѣлей суммъ“ (изъ „Спб. Вѣдомостей“).

Среди арестованныхъ была и одна женщина — Ева Блумъ; ее впрочемъ тотчасъ и отпустили, хотя она и была выбрана членомъ комитета. Ева Блумъ увѣряла, что избраніе произошло помимо ея желанія. Для характеристики интересно и слѣдующее заявленіе властямъ одной крестьянки: „меня избрали членомъ волостного правленія, я отказывалась. Однако это не помогло, я должна была *терпѣть* избраніе противъ своей воли; такъ какъ я въ дѣлахъ ничего не понимаю и мнѣ всего 19 лѣтъ, то я не знаю, что дѣлать, и сторонилась отъ всего, а потому прошу“...

Къ начальнику отряда въ Шрунденѣ поступило также прошеніе и отъ латышей, уклонившихся отъ осенняго набора. Въ немъ они заявляли, что, „понимая долгъ своей предъ государствомъ“, стремились его исполнить, т. е. своевременно явиться на сборные пункты, но не могли—не позволяли революціонеры и за ослушаніе грозили смертью. Въ заключеніе просили дать имъ возможность добраться до воинскаго начальника. Дѣйствительно осенній наборъ далъ ничтожный процентъ принятыхъ.

Все, что послѣ творилось, намъ не извѣстно. Послѣдовавшій по Военному Вѣдомству приказъ разрѣшилъ увольненіе офицеровъ въ отставку, запрещенное по случаю войны. Имъ мы не преминули воспользоваться и съ великимъ чувствомъ облегченія покинули Курляндію [1]).

Е. А. Альбовскій.

[1]) Статья эта была окончена въ концѣ 1906 года. Послѣ, изъ судебныхъ процессовъ о попавшихъ въ руки властей революціонеровъ, автору сдѣлались извѣстны нѣкоторыя подробности, но онъ не вносилъ ни добавленій, ни измѣненій, такъ какъ писалъ только то, чему былъ самъ свидѣтель и какъ ему тогда представлялись событія; къ тому же они и не измѣнили бы изложеннаго.

Письмо Генерала отъ инфантеріи А. І. Іевреинова о сооруженіи памятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ.

Помѣщая письмо А. І. Іевреинова, приглашаемъ читателей „Р. С." откликнуться на памятникъ побѣдамъ Румянцева.

Редакція.

Среди историческихъ событій, имѣвшихъ выдающееся значеніе въ жизни нашей родины, несомнѣнно однимъ изъ важнѣйшихъ былъ побѣдоносный походъ великаго нашего полководца П. А. Румянцева къ Дунаю въ 1770 году, походъ, ознаменованный первыми нашими блестящими побѣдами надъ турками при Ларгѣ и Кагулѣ.

Этотъ выдающійся подвигъ Румянцева и доблестныхъ его соратниковъ, которымъ поистинѣ можетъ гордиться Русскій народъ, до сихъ поръ не увѣковѣченъ постановкой памятника на Ларгинскомъ полѣ сраженія. Лишь разрушенные валы, да заплывшіе рвы молчаливо свидѣтельствуютъ о славной побѣдѣ, одержанной здѣсь нашими предками.

Полагая, что постановка хотя-бы скромнаго памятника на этомъ полѣ является непремѣннымъ долгомъ нашимъ по отношенію къ великому полководцу и славнымъ войскамъ, пролившимъ здѣсь кровь свою и одержавшимъ побѣду, я, при содѣйствіи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, намѣреваюсь осуществить въ ближайшемъ будущемъ сооруженіе памятника.

Для сбора средствъ, необходимыхъ для постановки монумента, издана брошюра „Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 году", составленная секретаремъ Одесскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-историческаго Общества, Полковникомъ Генеральнаго Штаба И. М. Андріановымъ, писателемъ, получившимъ извѣстность своими популярно написанными военно-историческими трудами. Названная брошюра заключаетъ яркое описаніе замѣчательнаго похода Румянцева въ 1770 году и обрисовываетъ значеніе этого похода.

Чистый доходъ отъ этого изданія поступитъ въ фондъ по сооруженію памятника.

Цѣна иллюстрированной брошюры 30 копѣекъ за экземпляръ.

Съ заказами прошу обращаться въ г. Кишиневъ по моему адресу.

Льщу себя надеждой, что Вы не откажете сдѣлать посильную помощь святому дѣлу увѣковѣченія памяти нашихъ предковъ героевъ, оросившихъ своею кровью поля Бессарабіи, впервые сломившихъ здѣсь грозныя силы турокъ и вписавшихъ своими подвигами столько славныхъ страницъ въ исторію нашего великаго отечества.

Александръ Іевреиновъ.

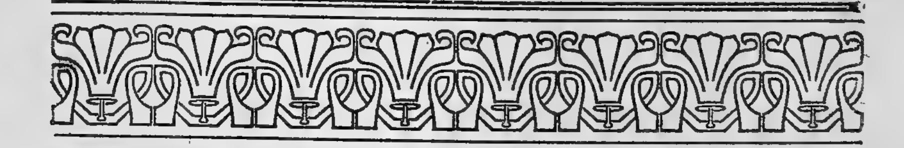
Буйство иноземца въ г. Вологдѣ.

(1704 г.).

1704-го году мая въ 3 де. Преосвященному архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому билъ челомъ въ архіепископскомъ приказе, извѣщалъ словесно стольникъ князь Василей князь Ѳеодоровъ сынъ Елецкой, а въ челобитьѣ своемъ сказалъ. По имянному Великого Государя указу и по наказу, каковъ данъ изъ Семеновской канцелярiі, посланъ онъ, князь Василей, на Вологду і в-веные городы и по тому, Великого Государя, указу приѣхалъ на Вологдѣ въ домъ иноземца Ивана Алферьева сына Гутмана, и онъ де-Іванъ стоитъ на дворѣ у воротной избы и велѣлъ при немъ иноземце Іване Гутмане подъячему Івану Широгорову Великого Государя указъ вычесть, и іноземецъ Іванъ Гутманъ Великого Государя указъ выслушавъ скаски, какова надлежитъ противъ указу Великого Государя у него иноземца взять не далъ, а сказалъ, что *я-де Москву и самъ знаю,* и почалъ ево князь Василья бранить всякою неподобною бранию. И онъ князь Василей за ево Івановы противъ Великого Государя указу неистовыя слова велѣлъ ево Івана взять на съѣзжей дворъ, и онъ иноземецъ на съѣзжей дворъ не пошелъ, учинился силенъ і велѣлъ ево, князь Василья, дворовымъ своимъ людемъ бить дубаемъ. И ево князь Василья били и увѣчили и неподобною всякою бранию бранили. И преосвященному архіепископу велѣти-бъ ево, князь Василья, словесное челобитье записать. Князь Василей Елецкой руку приложилъ.

Примѣчаніе. Есть въ Вологдѣ преданіе, что Петръ Великій останавливался въ 1724 году въ домѣ вдовы купеческой иноземки Гоутманъ. Можетъ быть и въ 1693 и въ 1694, и въ 1702 году Петръ останавливался въ домѣ Гоутманъ, когда Иванъ Алферьевъ Гоутманъ былъ еще живъ. Нынѣ въ домѣ, приписываемомъ Гоутманъ, помѣщается маленькій музей „Петровскій“ и самый домикъ называется „Петровскимъ домикомъ“.

Сообщ. **Ив. Суворовъ.**

Сто пятьдесятъ четыре человѣка потомства священника.

Извѣстіе Новгородской Епархіи Новоторжскаго уѣзда села Затенгреньядъ попа Аѳонасья Иванова, коликое число имѣется ему, попу, отъ роду лѣтъ и у него дѣтей, внучатъ и правнучатъ и сколько изъ нихъ живыхъ, и кто онѣ именами и сколько жъ померло, о томъ значитъ ниже.

А именно: Ему попу Аѳонасью Иванову отъ роду 92 года.

У него дѣтей: сыновья—Никифоръ, Иванъ; дочери — Анна, Агафья, Авдотья, Пелагея, Дарья, Настасья, Афимья и Матрена померли.

Внучата, а дѣтей его поповья дѣти.

У Никифора—сынъ въ постриженіи іеродіакономъ Павелъ; дочери—Анна, Параскева, Марья, Ирина, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянъ того не упомнитъ —итого 11 человѣкъ.

У Ивана—Иванъ большой, Иванъ меньшой, Михайла; дочери—Евдокея, Прасковья, другая Прасковья, Анна, да мертвыхъ 6 человѣкъ. а кто, имянъ не упомнитъ—итого 13 человѣкъ.

У Анны—Иванъ, Алексѣй, дочь Евдокея, да мертвыхъ 14 человѣкъ, а кто имянъ не упомнитъ—итого 17 человѣкъ

У Агафьи—Леонтій, Тихонъ, дочери Анна, Матрена, да мертвыхъ 9 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ — итого 13 чел.

У Авдотьи—сынъ Яковъ, дочери Дарья, Авдотья, Акулина, Василиса, да мертвыхъ 4 человѣка, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 9 человѣкъ.

У Пелагеи—Ефимъ, Александръ, да мертвыхъ 8 человѣкъ, а, кто имянъ не упомнитъ—итого 10 человѣкъ.

У Дарьи—сынъ Иванъ, дочь Пелагея, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 8 человѣкъ.

У Настасьи — сынъ Филиппъ, да мертвыхъ 7 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 8 человѣкъ.

Правнучата — а дѣтей его внучата, а именно: Никифоровы внучата—Дмитрій, Петръ, Федоръ, Максимъ, Іоакимъ, Леонтій, Марья, Домна, Акулина, Домна, Дарья, другая Дарья, да мертвыхъ 11 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 23 человѣка.

Ивановъ внучекъ—Миронъ.

Аннины внучата — Афонасій, Іоаннъ, Тимофей, Федоръ, Алексѣй, Татьяна, Марфа, Ирина, Марфа же, Ирина же, Марья, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ — итого 17 человѣкъ.

Агафьины внучата—Прасковья, Анна, да мертвыхъ 3, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 5 человѣкъ.

Пелагеины внучата — Алексѣй, Андрей, Василій, Федосья, Ирина.

Дарьины внучата—Иванъ, да мертвыхъ 3, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 4 человѣка.

Итого нынѣ на лицо мужеска 31, женска 38 человѣкъ, померло 85 человѣкъ.

Всего сто пятьдесятъ четыре человѣка.

Подлинное подписано священникомъ Аѳонасіемъ Ивановымъ.

Сообщ. **З. И. Тюменъ.**

Выписка изъ „Синодика или заповѣди святого и великаго Никейскаго собора“.

Анаѳема Григорью Отрепьеву [1]).

Вслѣдъ за „пребывающими въ Иконоборческой ереси, паче же въ Христоборномъ отступленіи, вслѣдъ за „Геронтіемъ, и же отъ лампи убо сущемъ, въ Критѣ же ядъ ненавистныя ереси изблевавшемъ“, слѣдуютъ анаѳемы Отрепьеву и Разину.

„Новый еретикъ Гришка Отрепьевъ, растрига, бывый въ нашей русской земли чернецъ и діаконъ и обругавъ иноческій образъ способимъ сатанінымъ лжельстивно назвался сыномъ великаго государя царя и в. кн. Ивана Васильевича и безстудно, яко песъ, на царскій престолъ великія Россіи вскочи и всѣмъ московскимъ государствамъ возмути, и многія бѣды и мятежи на христіанъ воздвижи и христіанскія многія крови пролія, и знающихъ его по дальнымъ градамъ разосла, и въ темницахъ заточи, и потомъ женися, и исчезѣ вскорѣ, анаѳема.

Страхъ Господа Бога Вседержителя презрѣвшій и часъ смертный и день забывшій и воздаяніе будущее злотворцемъ въ ничто же вмѣнившій, церковь святую возмутившій и обругавшій и къ великому государю ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержцу, крестное цѣлованіе и клятву преступившій, и со работы отвергшій и злокозненнымъ своимъ коварствомъ обругаючи имя блаженныя памяти благовѣрнаго царевича и в. к. Алексія Алексіевича народъ Христіане русскіе возмутившій кровопіецъ,

[1]) Съ рукописнаго сборника 1648 г. Москва.

воръ, измѣнникъ Донской Казакъ Стенька Разинъ и т. д. да будетъ проклятъ.

Интересно сопоставить эти два анаѳематствованія. Въ то время, какъ въ первомъ излагается исторія Гр. Отрепьева и не указывается его отступленіе отъ вѣры, во второмъ проклятіи упоминается и объ отношеніи Разина къ церкви и перечисляются его сообщники.

Составитель анафематствованіи очевидно ближе принималъ къ сердцу то, что происходило не такъ давно отъ его времени. Въ сущности Лжедимитрій болѣе принесъ вреда Московскому государству.

Сообщ. **С. Фарфаровскій.**

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го февраля по 6 марта 1914 г.

Виноградовъ, В. П. Уставныя чтенія. (Проповѣдь книги). Историко-гомелетическое изслѣдованіе. Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троицкой Сергіевой Лавры. 8° (17 × 25). 323 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 300 экз.

Военная энциклопедія. Подъ редакціей К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. Фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXVII. (Круковскій, Ф. А.—Ланглуа). Вып. XXVIII (Ланглуа—Линша). М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (19 × 28). 321—640 стр. съ рис. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 4.000 экз.

Врангель, Ф. Ф., Баронъ. Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Біографическій очеркъ. Части I и II. Спб. 1911 и 1913. Изд. Главнаго Морского Штаба. Тип. Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралт. 8° (16 × 24). II + 317 V + 550 стр. съ рис. Вѣсъ 3 ф. по 5.000 экз.

Герье. В. И., проф. Тимофей Николаевичъ Грановскій. Въ память столѣтняго юбилея его рожденія... (Изъ отчета Имп. Моск. Унив. за 1913 г. Ч. I.). М. 1914. Тип. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15 × 22). 74 стр. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Дурылинъ, Сергѣй. Кандилакскій „Вавилонъ". (Къ изученію сѣверныхъ Лабиринтовъ). Изъ отчета Императорскаго Моск. Археол. Института. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (17 × 25). 17 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. 2. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, 3). 8° (16 × 24). 7 + 253 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Изданія Императорской Археологической коммиссіи, имѣющіяся въ продажѣ. 1-го января 1914 г. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (19 × 27). XV стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Историческій очеркъ Тверского общественнаго собранія 1879—1914. Тверь 1914. Тип. Н. М. Родіонова, преемн. М. В. Блиновъ. 4° (20 × 29). 72 стр. съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 500 экз.

Итого науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Книга X. М. 1914. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (19 × 27). 257—380 стр. + 11 рис. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 5.100 экз.

Каталогъ исторической выставки архитектуры при V Всероссійскомъ съѣздѣ зодчихъ въ Москвѣ 1913. М. 1914. Тип. П. П. Рябушинскаго. 8° (17 × 20). 60 + 1 нен. стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Кирилловъ, И. Третій Римъ. Очеркъ историческаго развитія идей русскаго мессіонизма. М. 1914. Тип. И. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (17 × 27). 100 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз.

Корниловичъ, М. 50-лѣтіе Крестьянской реформы 19-го февраля 1864 г. Спб. 1914. Изд. Земск. Отд. Мин. Внутр. Дѣлъ. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 4° (18 × 28). 24 стр. съ портретами. Вѣсъ 5 л. 200.000 экз.

Леманъ, I. I. Гравюра и литографія. Очерки исторіи и техники. Спб. 1913. Изд. Кружка любителей изящн. изданій. Тип. Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигород., 11). 4° (23 × 31). 291 стр. съ грав. и рис. Вѣсъ 7 ф. 16 л. 500 экз.

Львовъ, Т. Е., кн. и И. Г. Полнеръ. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Тип. П. П. Рябушинскаго. (Путинковскій пер., с. д.). 8° (16 × 24). 62 стр. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

альмбергъ, Влад. Иванъ Владиміровичъ Цвѣтаевъ. М. 1914. Тип. негиревой. (Савелов. пер., с. д.). 8° (15 × 22). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Новый Энциклопедическій словарь. Томъ XVII. Душевныя болѣзни—Жуки. Спб. 1914. Изд. и тип. Акц. общ. Брокгаузъ—Ефронъ (Прачешный, 6). 8° (19 × 27). 963 + XII стр. Съ рис., чертеж. и картами. Вѣсъ 2 ф. 31 л. 16.000 экз.

Орѣшниковъ, А. Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 68 стр. + 2 табл. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 100 экз.

Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. 1864—1914. Историческій очеркъ подъ ред. Я. Л. Баркова. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (20 × 26). XVII + 243 стр. Съ рис. и портр. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 700 экз.

Переверзевъ, В. Ѳ. Творчество Гоголя. (Корифеи русской художественной литературы XIX вѣка, кн. 2-я). М. 1914. Изд. к-ва Современныя Проблемы. Тип. Московское изд-во. (Б. Дмитровка, 26). 8° (13 × 20). 360 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 28 л. 2.100 экз.

Поржезинскій, В. Преподавательская и ученая дѣятельность Всев. Ѳед. Миллера въ области языковѣдѣнія. (Изъ отчета Имп. Моск. Университета за 1913 г., ч. I). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15 × 22). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Родъ Подольскихъ. Черниговъ. 1914. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 25). 14 стр. Вѣсъ 5 л. 15 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Ч. 1-я. Съ портретами русскихъ писателей. М. 1914. Изд. 9-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева. (Салтыковск. п., 9). 8° (16 × 24). 415 + II стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 20.000 экз.

Семеновъ, Леонидъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. (Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова). М. 1914. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (17 × 24). 463 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 500 экз.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV. Вып. 7. Концепція—Корпунья. Спб. 1913. Тип. Им. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (20 × 30). VI + 1922—2240 столб. Ц. 75 к. Вѣсъ 30 л. 6.060 экз.

Сперанскій, М. Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ. (Изъ отчета Импер. Моск. университета за 1913 г., ч. I). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15×22). 31 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Хитрово, С. К. и Догель, М. И. Рельефный планъ-панорама Бородинскаго боя 26 августа 1812 г. Описаніе и краткій очеркъ организаціи и обмундированія войскъ, участвовавшихъ въ Бородинскомъ бою. Спб. 1914. Тип. Мин. Путей Сообщ. (Фонтанка, 117). 8° (17×24). 66 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. 1900—1905 г. Томъ V. Спб. 1913. Тип. Им. Екатер. Великой (въ зданіи Гл. Штаба). 8° (20×17). 162 стр. Вѣсъ 22 л. 1.050 экз.

Будде, Е. Ѳ. проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань. 1913. Изд. кн. маг. Голубева, 2-е (Воскресенская у., д. Матвѣевскаго). Тип. Университета. 8° (17×25). 364 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 1.200 экз.

Волконская, М. Н., кн. Записки. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. Спб. 1914. Изд. Прометей (Поварской, 10), 2-е доп. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16×24). VIII+215 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 2.100 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1914. Изд. Н. Я. Оглоблина, 2-е, съ исправленіями (Крещатикъ, 33). Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (17×25). VI+428 стр. Ц. 2 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 2.600 экз.

Дѣятельность земства въ Херсонскомъ уѣздѣ за 50-лѣтіе 1864—1913 г.г. Юбилейное популярное изданіе уѣзднаго земства. Составлено земскими служащими подъ редакціей управы. Херсонъ. 1914. Тип. О. Д. Ходушеной 8° (18×24). 241 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 5.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1913 г. Кн. 3-я. тома XVIII-го. А. И. Яцимирскій. Къ исторіи ложныхъ молитвъ въ южно-славянской письменности Д. В. Айналовъ. Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. К. К. Истоминъ. „Старая манера“ Тургенева (1834—1855). В. П. Адріановъ. Хожденіе Арсенія Селунскаго. В. М. Поповъ. Замѣчаніе о сѣверно-смоленскихъ и ржевскихъ говорахъ. Е. В. Аничковъ. Методологическія замѣчанія о текстѣ „Демона“. Н. М. Петровскій. Письмо патріарха Константинопол. Ѳеофилакта царю Болгаріи Петру. Библіографія: В. М. Поповъ А. Lundell. М. С. Московлевичъ. По поводу статьи В. А. Богородицкаго. А. И. Соболевскій. Прот. I. I. Кузнецовъ: св. Василій и Іоаннъ. Е. Ѳ. Будде, Сочиненія Мих. Дмитр. Чулкова. Спб. 1914. Тип. Им. Акад. Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (16×25). 404 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 830 экз.

Исторія о Парижѣ и Вѣнѣ. Переводная повѣсть въ стихахъ Петровскаго времени. Приготовилъ къ изданію Н. Н. Виноградовъ. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. № 6. Томъ XC. Спб. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (16×25). VII+329 стр. 2 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 425 экз.

Конспектъ по исторіи покоренія Кавказа. Къ лекціямъ читаннымъ шт.-капитаномъ Жилинскимъ 19^{13}/$_{14}$ г. по исторіи русской арміи. Вильна 1914. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, с. д.). 8° (17×25). 34+1 нен. стр.+4 карты. Вѣсъ 5 л. 210 экз.

Краснянскій Вл. Гавр. Г. Борисовъ и Борисовскій уѣздъ въ Отечественную войну 1912 года. Гродна. 1914. Тип. Гродненская. 8 (14 × 22). 63 + 1 нен. стр. съ картой. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Московское дворянство. Родословная книга дворянства Московской губерніи. Т. I. Дворянства жалованное и выслуженное. А—И. Подъ ред. Л. М. Савелова. М. 1914. Тип. Т-ва печатня С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., 9). 8°. (18 × 26). IX+686 стр. Вѣсъ 4 ф. 6 л. 800 экз.

Острогорскій, А. Н. Н. И. Пироговъ и его педагогическіе завѣты. (Очерки по исторіи русской педагогической мысли). Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16 × 25). VI + 179 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Спб. 1914. Изд. Имп. Публичной Библіотеки. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). f° (43 × 56). 10 стр.+XIV таблицъ. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 200 экз.

Памятная книжка Виленской Губерніи. 1914 г. Подъ ред. П. А., фонъ-Вонгааза. Вильна. 1914. Изд. Виленск. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (15 × 23) XV+239+125+8 нен. стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.000 экз.

Памятная книжка Могилевской губерніи на 1914 годъ. Подъ ред. Н. И. Марченко. Могилевъ. 1914. Изд. Могилевск. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (17 × 22). XVII+292+256 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 1.000 экз.

Памятная книжка Эриванской губерніи на 1914 годъ. Подъ ред. К. А. Волчанина. Эривань. 1914. Изд. Эриванск. Губ. Статистич. Комит. Тип. Губернскаго Правленія. 8° (15 × 21). 13 нен.+V+81+41+190+111+4 нен. стр.+1 планъ. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 700 экз.

Петровъ, Г. Д. Державный домъ Романовыхъ въ русской литературѣ. Рѣчь, произнесенная въ Херсонской 1-й мужской гимназіи, по случаю трехсотлѣтія Дома Романовыхъ (21-го февраля 1913 г.). Ѳеодосія. 1913. Тип. Косенко. 8° (16 × 22). 30 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Плещеевъ, Александръ. Что вспомнилось. Актеры и писатели. Томъ III. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (14 × 21). 270 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 23 л. 1.700 экз.

Поповъ, Т. Д., свящ. Св. Тихомъ Задонскій какъ нравоучитель. Воронежъ. 1914. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (Б. Двор. д. Сомова). 8° (17 × 25). 272 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 500 экз.

Программа курса методологіи исторіи, читаннаго въ Московскомъ Университетѣ въ весеннемъ полугодіи 1912—1913 г. Прив.-доц. А. И. Яковлевымъ. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 4° (22×28). Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Ростовцевъ, М. Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ. Т. I. Описаніе и изслѣдованіе памятниковъ. Спб. 1914. Изд. Имп. Археологич. Коммисіи. Тип. Голике и Вильборга (Звенигородская, 11) f° (29 × 40). XVIII+537 стр. съ рис. Вѣсъ 9 ф. 25 л. 1.000 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ Императрицы Екатерины II. III. 1769—1772. Томъ 143. Спб. 1913. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліан. пер., 13). 4° (20 × 28). XVI+643+X стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 4 л. 1.200 экз.

Срезневскій, В. И. Описаніе рукописей и книгъ, собранныхъ для Императорской Академіи Наукъ въ Олонецкомъ краѣ. Спб. 1913. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 4° (21 × 29). XXVIII+688 стр. Ц. 3 р. 60 к. Вѣсъ 3 ф. 25 л. 400 экз.

Труды Вятской ученой архивной коммиссіи, за 1914 г. Выпускъ I. Вятка. 1914. Тип. Губернская. 8° (15×24). 287+III стр. Вѣсъ 21 л. 350 экз.

Цвѣцинскій. Описаніе похода и боевыхъ дѣйствій 5-й роты 146 пѣх. Царицынскаго полка въ Русско-Японскую войну 1904—1906 г. Спб. 1913. Тип. Экономич. (В. О., 14 л., 5). 8° (19 × 25). 40 стр. Съ картами. Вѣсъ 8 л. 250 экз.

Шляпкинъ, И., проф. Указецъ книгохранителя Спасо-Прилуцкаго монастыря Арсенія Высоцкаго 1584 г. Спб. 1914. Тип. М. Александрова Надеждинская, 43). 8° (18 × 28). 28 стр. Съ рис. Вѣсъ 10 л. 485 экс.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III. (1796—1869 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями проф. Ѳ. И. Титова. Т. IV. (1813—1819 г.г.). Кіевъ. 1913. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомірская, 20). 8° (18 × 26). XCVIII + 944 стр. Ц. 4 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 11 л. 500 экз.

Аничковъ, Е. В. Язычество и древняя Русь. Спб 1914. Тип. М М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 9° (16 × 25). XXXVIII + 386 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 800 экз.

Аничковъ, Е. В. Язычество и древняя Русь. Записки Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Спб. Университета. Часть CXVII. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О. 5 л., 28). 8° (16 × 25). XXXVIII + 389 стр. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 400 экз.

Бартеневъ, П. И. Пушкинъ въ Южной Россіи. М. 1914. Изд. Русскаго Архива. Тип. Синодальная. 16° (14 × 18). VIII + 171 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 15 л. 1.200 экз.

Грушевскій, М., проф. Исторія украинскаго казачества до соединенія съ Московскимъ Государствомъ. Томъ 2-й. Первыя десятилѣтія XVII вѣка. (Извлечено изъ VII и VIII томовъ „Історії України Руси“). Кіевъ. 1914. Тип. 1-й Кіев. артели печ. дѣла (Трехсвятител., 5). 8° (17×25). 476 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 1.500 экз.

Гудзій, Н. К. Литература „Слова о полку Игоревѣ“ за послѣднее 25-лѣтіе (1894—1913 г.). (Критико-библіографическій очеркъ). Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16 × 26). 37 стр. Вѣсъ 4 л. 250 экз.

Доброклонскій, А. П. Преп. Ѳеодоръ, исповѣдникъ и игуменъ Студійскій. I часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса. 1913. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (18×28). XX+972+LC+1 нен.+10 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 21 л. 300 экз.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблема). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 14-й. Спб. 1914. Изд. бр. А. и И. Гранатъ. Тип. Мин. Путей Сообщ. (Фонтанта, 117). 8° (19×27). 369—385+64 стр. Съ рис. Вѣсъ 25 л. 3.200 экз.

Краткій историческій очеркъ о дѣятельности Яранскаго уѣзднаго земства за все время его существованія (1867—1914 г.г.). Яранскъ. 1914. Изд. Уѣзнаго земства. Тип. А. Н. Глушкова. 8° (16 × 24). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Лебедевъ, В., прот. Историческая записка о Тамбовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія.

1863—1913 г. Тамбовъ. 1914. Тип. Н. И. Бердоносовъ и с-нъ. 8⁰ (16×23). 104+XXI стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 1.025 экз.

Ляйстеръ, А. Ф. Археологическія изслѣдованія А. А. Ивановскаго въ Эриванской губерніи Эривань. 1914. Изд. Эриванск. Губ. Статистич. Комитета. Тип. Губ. Правл. 8⁰ (15 × 21). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 37 экз.

Максимовичъ, Г. А. Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго по управленію Малороссіей. Т. I. (Положенія). Нѣжинъ. 1914. Тип. насл. В. К. Меленевскаго. 8⁰ (17 × 26). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 400 экз.

Московская политическая литература XVI вѣка. Изборникъ подъ ред. и со вступительной статьей Мих. Ковалевскаго. Культурно - историческая библіотека. Спб. 1914. Изд. и тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8⁰ (17 × 25). 134 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Никифоровъ, Н. и Шиманскій, М. 1861—1864. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Учебнаго Округа, 2-е. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Караваевская, 5). 8⁰ (15× 22). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 50.000 экз.

Родословная роспись рода князей Жеваховыхъ. (Россійская вѣтвь). Кіевъ. 1914. Тип. 1-й Кіевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8⁰ (19 × 25). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Ростиславовъ. А. Куинджи. Спб. 1914. Изд. Н. И. Бутковской (Офицерская, 60). Тип. Морского Министерства (въ Главномъ Адмиралтействѣ). 8⁰ (17 × 21). 39 стр. съ рис. Вѣсъ 17 л. 1.055 экз.

Сивковъ, К. В. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ. Культурно-историческая библіотека. Спб. 1914. Изд. и тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8⁰ (17 × 25). 134 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Аксаковъ. Редакція Н. Д. Носкова. Вып. 5. Спб. 1014. Изд. издат. Словарь Лит. Типовъ, 2-ое. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (16 × 26). 109 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Кіево-Подольскіе монастырскіе и приходскіе храмы сто лѣтъ тому назадъ (Къ исторіи великаго пожара на Кіево-Подолѣ 9 іюля 1811 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8⁰ (16 × 24). 27 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Труды пятнадцатаго Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ 1911 г. Подъ ред. графини Уваровой. Томъ I. М. 1914. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера). 4⁰ (26 × 35). XVIII + 664+ 177 стр. съ 23 рис. Вѣсъ 8 ф. 2 л. 625 экз.

Харламповичъ, К. В. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914. Изд. кн. маг. Голубева (Воскресенская ул., д. Матвѣевскаго). Тип. Университета. 8⁰ (20 × 28). XXIV × 878+LXVI стр. Ц. 7 р. Вѣсъ 3 ф. 26 л. 600 экз.

Шевченко какъ живописецъ и граверъ. Кіевъ. 1914. Изд. журн. Искусство. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4⁰ (26 × 34). 16 стр. — 24 листа рис. Складъ: Кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 400 экз.

Юбилейная памятная книжка XLIII курса Императорской Спб. Духовной Академіи 1886—1911 г.г. Спб. 1914. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерин-кан., 45). 8⁰ (16 × 23). 82 стр. Съ портретами и рис. Вѣсъ 28 л. 100 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

